СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ, ИХ РЕШЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

материалы IV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции

(Москва, 30 ноября 2020 года)

Москва, 2021

УДК 343, 342, 347
ББК 67
С 47

С 47 **Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития**: материалы IV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции (Москва, 30 ноября 2020 года). – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 383 с.
ISBN 978-5-6044086-6-7

Редакционная коллегия:

Саркисян А.Ж., руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Антонов О.Ю., декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Германова М.Г., старший методист факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции.

УДК 343, 342, 347
ББК 67

Сборник сформирован по материалам, представленным на IV Всероссийскую молодежную научно-практическую конференцию в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации 30 ноября 2020 года.

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-6044086-6-7

© Московская академия СК России

IV Всероссийская молодёжная научно-практическая конференция
«СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ,
ИХ РЕШЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
(30 ноября 2020 года)

В Московской академии Следственного комитета Российской Федерации 30 ноября 2020 года состоялась IV Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития».

В связи с сложной эпидемиологической остановкой работа конференции была организована в заочном формате в три этапа, на конкурсной основе. Информация о Конференции была направлена в Министерство науки и высшего образования РФ для включения в Перечень мероприятий для предоставления грантов Президента РФ лицам, поступившим на обучение в образовательные организации высшего образования, научные организации по программам магистратуры, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 744 «О грантах Президента Российской Федерации лицам, проявившим выдающиеся способности и показавшим высокие достижения в определенной сфере деятельности, поступившим на обучение в образовательные и научные организации».

На 1 этапе (с 1 октября по 31 октября) Оргкомитетом осуществлялся прием заявок на участие в Конференции и материалов. Всего принято почти 200 заявок от участников из более 40 высших учебных заведений и их филиалов, среди которых: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА), Дальневосточный федеральный университет,

Российский государственный университет правосудия, ВГУЮ (РПА Минюста России), Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Сибирский юридический университет, Белорусский государственный университет, Российский университет транспорта, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Удмуртский государственный университет, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Байкальский государственный университет, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Байкальский Государственный Университет, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Ростовский филиал Российской таможенной академии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Уральский государственный юридический университет, Тамбовский государственный технический университет, Университет прокуратуры Российской Федерации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Российский университет дружбы народов, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Ростовский филиал Российской таможенной академии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Пермский филиал), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ).

По итогом первого отборочного этапа оргкомитетом были отобраны 129 работ, которые были допущены к участию во втором этапе, участники которого были распределены по 4 секциям:

1. История, теория и правовое регулирование следственной деятельности.
2. Современные проблемы уголовного права.
3. Процессуальные проблемы предварительного следствия и пути их разрешения.
4. Криминалистическое обеспечение следственной деятельности.

Экспертный совет конференции рассмотрел и оценил работы в соответствии с критериями, предусмотренными Положением о конференции, и отобрал 75 работ, которые опубликованы в настоящем сборнике. Среди них студенты, курсанты, магистранты и аспиранты высших образовательных учреждений из 17 городов России и Белоруссии – от Калининграда и Архангельска до Омска и Владивостока.

30 ноября 2020 года в дистанционном формате проведено пленарное заседание, на котором были заслушаны призеры конференции – авторы 12 работ, набравших наиболее количество баллов по каждой секции. По итогам этих выступлений Экспертный совет в составе Антонова О.Ю., декана факультета подготовки криминалистов, д.ю.н., доцента; Долгенко А.Н., заведующего кафедрой русского и иностранного языков, д.ф.н., доцента; Ермоловича Я.Н., профессора кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцента; Харченко С.В., профессора

кафедры криминалистики, д.ю.н., доцента и Шаталова А.С., профессора кафедры уголовного процесса, д.ю.н., профессора принял следующие решения.

По секции № 1 победителями признаны: Агабалаева Наргиз Низамудиновна и Юдина Юлия Александровна – студенты Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выступившие с докладом: «Гринмейл – преступление или законный способ ведения бизнеса?» и Полторацкий Николай Александрович – обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации – с темой: «Осуществление торговли людьми посредством совершения купли-продажи человека: взаимосвязь с гражданским законодательством и некоторые проблемы квалификации».

Среди представителей секции № 2 лучшим признали доклад Ковалевой Алины Евгеньевны – студента Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) на тему: «Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): проблемы ответственности». 2 место присуждено Рыжковой Валентине Андреевне – магистранту Сибирского юридического университета с темой: «Проблемные аспекты уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». 3 место получили Сорокин Дмитрий Алексеевич и Петринский Игорь Олегович – курсанты Военного университета Министерства обороны Российской Федерации с выступлением: «Проблема введения категории "уголовный проступок" в уголовное законодательство Российской Федерации».

На 3 секции в число призеров вошло 4 доклада, из которых 1 место получила Запорожченко Анастасия Александровна – студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с темой: «Некоторые особенности возбуждения уголовных дел по коррупционным преступлениям». 2 место поделили обучающиеся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации Буров Владислав Максимович (с темой «К вопросу о внесении изменений в досудебное соглашение о сотрудничестве при производстве по уголовному делу») и Оджахвердиев Джавид Фазил оглы (доклад «Проблемы использования иных документов как доказательств в уголовном судопроизводстве»). 3 место получил Дёмин Антон Александрович – магистрант Дальневосточного федерального института с выступлением на тему: «Пределы процессуальной самостоятельности следователя».

В секции № 4 лучшим признано выступление Ухоловой Анастасии Михайловны – аспиранта Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему: «К вопросу об особенностях противодействия раскрытию и расследованию криминальных захватов бизнес-структур и их имущества». 2 место присуждено Тарасову Матвею Алексеевичу – курсанту Военного университета Министерства обороны Российской Федерации за доклад «Методика расследования преступных посягательств против порядка подчинённости, совершаемых с применением оружия»; 3 место – Жуковой Анастасии Андреевне – курсанту Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России за тему «Применение беспилотных летательных аппаратов при расследовании и раскрытии преступлений в условиях современности».

Большинство выступлений вызвало дискуссию, как у членов экспертного совета, так и у остальных участников, которая позволит обучающимся определить направления совершенствования своих научных исследований.

Среди победителей секций Экспертный совет выбрал работу Ухоловой Анастасии Михайловны и согласно Положению о конференции рекомендовал ее к опубликованию в журнале Академии, входящем в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобра России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. В связи с этим, ее статья не размещена в данном сборнике.

Руководителям образовательных организаций направлены дипломы победителей и призеров Конференции, а также благодарственные письма за организацию подготовки качественных выступлений своих обучающихся.

Поздравляем победителей и призеров, а всем участникам конференции желаем дальнейших успехов в развитии студенческой науки и ждем на V юбилейной молодежной научно-практической конференции «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития», которая состоится в ноябре-декабре 2021 года!

Оргкомитет конференции

Секция № 1
«История, теория и правовое регулирование следственной деятельности»

Агабалаева Н.Н., Юдина Ю.А.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Гринмейл – преступление или законный способ ведения бизнеса?

Аннотация. Авторы статьи анализируют историю развития явления гринмейл в Российской Федерации, его особенности и характерные черты, а также возможности уголовного противодействия гринмейлу.

Ключевые слова: гринмейл, акционерные предприятия, вымогательство, рейдерство, корпоративный шантаж, частная собственность, риск рейдерства, миноритарный акционер.

Апологетами гринмейла в западном полушарии стали Карл Икан и Кеннет Дарт[1]. А как только в 90-е в России начался процесс приватизации и появление частной собственности, именно Кеннет Дарт получил лакомые «куски» российской нефтяного бизнеса. В 1997 году 5% «Ноябрьскнефтегаза» и 25% дочерних структур ЮКОС («Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти») отошли к «DartMenagem» [2] . Однако, спустя незначительное время компания «Ноябрьскнефтегаз» начала реорганизовываться, а остальные переводиться на единую акцию. Такой расклад был абсолютно не выгоден Дарту, и он начал противодействовать реализации обоих сценариев. Акционер потребовал выкупить его долю по более высокой цене моральных потерь, что составляло $750 млн. «Сибнефть», которой принадлежала компания «Ноябрьскнефтегаз», пошла на условия Дарта, а ЮКОС вступил в открытую конфронтацию и активную борьбу: в течение нескольких лет велась война как в информационном поле, так и в залах судебных заседаний. По итогу дочерние компании ЮКОСа провели дополнительную эмиссию, тем самым значительно снизив долю Кеннета Дарта: продажа акций обошлась ему в $ 150 млн.

Опыт Кеннета Дарта вдохновил новоявленных российских бизнесменов, и уже в начале 2000-х годов Василий Бойко, глава фирмы «Вашъ финансовый попечитель» Александр Волков, глава группы «Минфин» и профессор Высшей школы экономики, замаскировавшись под стратегических инвесторов, осуществляли сделки по слиянию и поглощению и осуществлению «белого» рейдерства, то есть гринмейла[3].

Американские исследователи считают, что термин «гринмэйл» происходит от сочетания двух английских слов: шантажа и гринбеков (долларов США)[4]. В слияниях и поглощениях это мера по борьбе с поглощением, при которой целевая компания платит премию, известную как greenmail, чтобы выкупить свои собственные акции обратно по завышенным ценам у корпоративного рейдера. После принятия платежа

---

[1] ArkadySmolin, RAPSI. Legalgreenmail [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.com/legislation_publication/20110427/252351607.html. Дата обращения: 25.10.2020.

[2] Yuko Adachi. Building Big Business in Russia: The Impact of Informal Corporate Governance Practices BASEES // Routledge Series on Russian and East European Studies (Т. 65). С. 50.

[3] Слиятельные персоны. Журнал "Коммерсантъ Деньги" №31 от 09.08.2004, стр. 18. [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/495901?query=бойко. Дата обращения: 25.10.2020.

[4] Институт Правовой Информации, Корнельская Юридическая Школа. 26 код США. С. 5881. Гринмэйл. [Электронный ресурс] URL: https://www.law.cornell.edu/. Дата обращения: 25.10.2020.

greenmail рейдер обычно соглашается прекратить поглощение и не покупать больше акций в течение определенного времени.

Российский юрист А.С. Ермоленко разъясняет механизм гринмейла следующим образом: осуществляется покупка небольшого пакета акций, благодаря чему покупатели вправе требовать предоставлять информацию о собраниях и настаивать на их созыве; появляется возможность обращаться в госструктуры с требованием проверить чистоту и законность деятельности организации, а также при необходимости возбуждать уголовные дела. Что далее могут сделать гринмейлеры: требовать выкуп пакета по завышенной стоимости, а также они в состоянии перейти к захвату предприятия. А.С. Ермоленко также отмечает, что в условиях российской бизнес-действительности гринмейл зачастую становится элементом стратегии недружественного поглощения[1]. Исходя из данного утверждения, гринмейл можно рассматривать как свободные рыночные отношения, т.е. решения реальных споров между акционерами. Не исключено, что потенциальный акций Корпоративный рейдер может искренне полагать, что ресурсы и потенциал компании используются неэффективно. В таком случае эффективным решением можно стать как раз продажа активов другим компаниям, которые, предполагается, могут лучше распорядиться ими.

Одна часть исследователей считают, что гринмейл является разновидностью белого (т.е. в рамках правового поля) рейдерства[2]. Другая же и вовсе отделяет гринмейл от рейдерства. Специалисты в области корпоративного права акцент на том, что эти явления имеют в основе своей разные цели: для рейдерства это захват и контроль над собственностью, а никак не корпоративный шантаж с целью продажи акций по высокой цене[3]. Впрочем, с этим утверждением можно поспорить. Так, после захвата собственности рейдеры с тем же успехом могут перепродать ее по более высокой цене. Соответственно, цели будут абсолютно идентичными – получение прибыли. Особенностью такого вида деятельности является участие в ней высокопрофессиональных рейдеров, обладающих знаниями, как в корпоративном праве, так и в области экономики и финансов, имеющих доступы к коммерческой тайне и иным закрытым сведениям. Исходя из перечисленных особенностей, можно предположить, что гринмейл и вовсе – один из инструментов рейдерства, играющий вспомогательную роль. Впрочем, будет ли выгодно данное решение остальным акционерам – спорный вопрос. Особенно, если учесть, что в арсенал «белого» рейдера входят перманентные требования о проведении внеочередных общих собраний акционеров или участников, жалобы в различные инстанции с целью инициирования проверок управленческого персонала, судебное обжалование действий и решений органов управления, включая нелояльных членов советов директоров. Идеальный метод гринмейла включает в себя наложение ареста на пакеты акций (долей) мажоритариев или аффилированных с ними компаний, а также вынесение запретов судов «правильной» подсудности на совершение определенных сделок.

---

[1] Зеленое письмо – какие последствия у такой корреспонденции. Право.РУ. [Электронный ресурс] URL: https://autumncase.pravo.ru/view/523. Дата обращения: 25.10.2020.

[2] Тарханова З.Э. Институт рейдерства на рынке корпоративного контроля в РФ // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. № 1 - 3. С. 244 - 249.

[3] Габов А.В., Молотников А.Е. Рейдерство как правовое явление // Законодательство. 2009. № 7. С. 80-87.

Рассмотрим один из самых громких кейсов последних десятилетий. Русским Кеннетом Дартом можно смело назвать совладельца «Русала» Олега Дерипаску.

В конце кризисного 2008 года бывший совладелец «Интерроса», чтобы спасти от разорения «Норникель», спешно отдал его акции под «пакетное» обеспечение Дерипаске стоимостью $4,5 млрд. Когда чуть спала нагрузка на бизнес и улучшилось экономическое состояние государства, тот же «Интеррос» предложил «Русалу» продать обратно блокпакет акций за $9 млрд. Но Дерипаска заявил, что оценивает капитализацию «Норникеля» в $50-60 млрд. в случае, если компанией будет управлять более квалифицированный менеджмент. По прошествии лет эксперты отмечают, что за справедливой оценкой «Норникеля» скрывалась на самом деле оценка доли в компании. Несомненно, одним из средств гринмейла является давление на менеджмент, претензии к его неэффективности. Так, в 2010 возник острый конфликт между акционерами «Норникеля». В связи с годовым собранием, по итогам которого «Русал» получил в совете директоров всего 3 места из 13, компания заявила следующее: для восстановления паритета и улучшения управления компанией необходимо переизбрать совет. СМИ муссировали информация, что описанная выше сделка была бы выгодна и «Русалу», и «Интерросу». Но на деле мог довольствоваться профитом от нее только Дерипаска, получив контроль над никелевой компанией, провернув, так называемый, гринмейл.

Конфликт Дерипаски и Ко длится и по сей день, в России с каждым днем увеличиваются риски компаний потерпеть поражение перед лицом гринмейлеров. В статью неоднократно подчеркивалось, что гринмейл может представлять собой как «белый» вид рейдерства, так и просто его отдельный инструмент. В таком случае важно рассмотреть его как преступление. Как мы помним, рейдерство вообще является сложно-доказуемым видом преступления в России. Опираясь на административный ресурс и коррумпированные правоохранительные органы, он становится более изощренным в своих методах, приближается «беловоротничковым» преступлениям.

В Российской Федерации, несмотря на довольно активное законотворчество, устранение пробелов и неточностей отдельных нормативно-правовых актов, предусматривающих превентивные методы защиты от рейдерских захватов, в уголовном законодательстве отсутствует отдельная статья, непосредственно регулирующая рейдерство. Что и говорить, об отдельном виде, то есть гринмейле законодатель и вовсе предпочитает промолчать. Отдельную сложность представляет собой, и сама правоприменительная практика в части защиты жертв от такого рода рейдерских атак. Так, пострадавшие акционеры не преминут обратиться за помощью правоохранительные органы. Но последние, как правило, бездействуют. Правоохранительные органы, ссылаясь на то, что усматривают в рассматриваемых жалобах исключительно споры между хозяйствующими субъектами или лицами по поводу собственности, рекомендуют жертвам гринмейла обращаться в арбитражные суды для разрешения спора.

Рассмотрим подробнее, какой все-таки вариант нам оставляет законодатель, и какие составы наиболее подходят для квалификации гринмейла как отдельного вида или инструмента рейдерства. В целом, исходя из методологии, примененной при осуществлении рейдерской атаки, можно выделить 14 статей Уголовного кодекса

Российской Федерации [1] . Одной из наиболее распространённых в судебной практической деятельности является статья 159 УК РФ «Мошенничество». Она предусматривает ответственность за присвоение чужого имущества посредством обмана или злоупотребления доверием. Также рейдерство может квалифицироватся по следующим статьям:

- Ст. 179 УК РФ – насильственное принуждение владельца организации к заключению сделки по отчуждению имущества.
- Ст. 170 – применяется в отношении должностных лиц, регистрирующих незаконные сделки с искажением сведений ЕГРЮЛ и государственного кадастра.
- Ст. 170.1 — предоставление в регистрирующий орган заведомо ложных данных.
- Ст. 173.1 и 173.2 — использование в ходе атаки подставных лиц и фирм-однодневок.
- Ст. 183 — получение секретных сведений, составляющих коммерческую тайну.
- Ст. 185.5 — подмена решения совета директоров/общего собрания.
- Ст. 186 — изготовление и сбыт ценных бумаг.
- Ст. 196 и 197 — фиктивное банкротство.
- Ст. 303 – предоставление сфальсифицированных доказательств в суд.
- Ст. 327 — подделка документов.
- Ст. 299 — незаконное возбуждение уголовного дела для воспрепятствования предпринимательской деятельности.

Каким мы видим, единого мнения по поводу рейдерства как явления в общем, выраженного в одной конкретной статьей, так и гринмейла в частности, у законодателя нет. Большинство приговоров выносится гринмейлерам на основании одной из частей ст. 159 УК РФ, предусматривающей наказание за мошенничество, совершённое гражданином или группой лиц с целью приобретения прав собственности на чужое имущество обманным путём с превышением должностных полномочий, под давлением или по предварительному сговору. Но, стоит отметить, гринмейл – сложно доказуемая преступная деятельность, которая может успешно маскироваться держателями акций под довольно стандартные процедуры в рамках споров между организациями. Это также наталкивает на мысль, что гринмейлу практически невозможно противостоять или противодействовать. По крайней мере, в уголовном правовом на реализацию права на защиту собственности и бизнеса рассчитывать не приходится. Вся ответственность за безопасность и чистоту деятельности компании ложится на плечи ее административного корпуса и также на держателей акций: в области регулирования внутрикорпоративной этики, создании и исполнении локальной правовой документации, набора и проверки добросовестности сотрудников, в частности, ответственных за налоговые вопросы сотрудников бухгалтерии и так далее.

Конечно же, нельзя исключать и обращение в правоохранительные органы. Можем предположить, что тенденция их функционирования и отношения к проблемам гринмейла будет в ближайшее время меняться независимо от политико-правовой политики законодателя. Нельзя не отметить, что обращение в правоохранительные органы может способствовать началу расследования факта изменения данных в реестре на основе сфальсифицированных или украденных документов, а также сбору

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

доказательств для будущего судебного разбирательства. Для ускорения судебного процесса по восстановлению прав собственников, держателей акций и иных пострадавших лиц, полученные доказательства могут оказаться как некстати. В отличие от правоохранительных органов суд имеет гораздо меньше возможностей по ускоренному сбору доказательств и более скорого рассмотрения дела.

Исходя из вышесказанного и основываясь на исследовании состояния современного российского законодательства и правоприменительной практики, не считаем возможным выделить гринмейлерство и закрепить отдельный состав в УК РФ, как минимум до момента закрепление в нем «рейдерства», что также не позволяет обнаружить и реальные превентивные меры.

Александрин М.М., Кудрявцев Д.Ю.
Научный руководитель: **Правкина И.Н.**

Нетрадиционные методы ведения следствия: теоретико-правовой аспект

Аннотация. Статья посвящена одной из дискуссионных проблем юридической теории – проблеме возможности применения нетрадиционных методов в осуществлении следственной деятельности. Авторы статьи исходят из того, что применение нетрадиционных методов является чрезвычайно значимым в ходе наиболее эффективного решения задач предварительного расследования.

Ключевые слова: нетрадиционные методы, юридическая практика, исторический процесс, гипноз, биоритмология организма, физиогномика, экстрасенсорика.

Совершенствование приемов и способов совершения преступлений, возникновение новых форм преступных посягательств, криминализация новых деяний обуславливают необходимость выработки эффективных мер борьбы с ними. В процессе осуществления профессиональной деятельности следователь, как правило, использует традиционные методы ведения следствия. Под такими методами мы понимаем совокупность приемов, способов и инструментов осуществления предварительного следствия, получивших свое отражение в действующих нормативных правовых актах и широко вошедших в юридическую практику.

Однако, в современной отечественной правовой теории и практике достаточно часто возникает вопрос о применении качественно новых приемов, способов и средств расследования преступлений, в том числе и нетрадиционных [1]. Следует отметить, что необходимость обращения к подобного рода методам возникает тогда, когда оптимизировать, повысить эффективность предварительного следствия посредством имеющегося арсенала способов и приемов не представляется возможным. Под нетрадиционными методами мы понимаем такие методы ведения следствия, которые применяются для разрешения нестандартных следственных ситуаций, обладают малой научной обоснованностью, практикой их применения и не

[1] См., например: Смолькова И.В. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений с позиции процессуалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1. С. 62-67; Зиньковский В.В. Некоторые вопросы применения нетрадиционных методов в раскрытии и расследовании преступлений // Аллея Науки. 2018. № 10(26). С. 673-677; Мальцев В.В. Нетрадиционные методы исследования в криминалистике. Дисс. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. 222 с.; Китаев Н., Тельцов А. Нетрадиционные приёмы допроса обвиняемого // Записки криминалистов. Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. М., 1994. С. 287-292.

имеющих правовых оснований для их реализации в ходе предварительного следствия. К таким методам относятся гипноз, биоритмология организма, физиогномика, экстрасенсорика, парапсихология и многие другие. Таким образом, актуальной данной темы исследования обусловлена, прежде всего, необходимостью совершенствования следственной работы и выработке мер по предупреждению совершения преступлений.

История возникновения и развития методов, применяемых в ходе осуществления следственной деятельности в России, начинается вместе с появлением государства и права. Анализ исторического и правового опыта расследования преступлений позволяет обнаружить, что применение конкретных методов ведения следствия определялось этапом исторического развития государства и права, а также типом судопроизводства.

Так, в Древней Руси существовало два основных метода ведения следствия – «свод» и «гонение следа». Первый представлял из себя систему последовательных очных ставок для установления лица, виновного в совершении преступления. «Гонением следа» называлось отысканием преступника, не пойманного на месте преступления, но оставившего следы. Они были закреплены в Пространной редакции Русской правды ст. 36, 39-ПП[1].

Все же остальные методы ведения следствия для той эпохи считались нетрадиционными, они легли в основу разыскного процесса, сформировавшегося на рубежеXIII-XIV веков, где ведущим субъектом являлось государство. В дальнейшем, приблизительно в XV-XVI веках, появляется новый метод – «повальный обыск», - представлявший собой опрос жителей определенной местностей о жизни и поведении подозреваемого. С середины XVI века методы ведения следствия благодаря государству приобретают тайный сословный характер. Так, в 1654 году создается первый орган тайного сыска – Приказ Тайных дел, - который впоследствии трансформируется в Преображенский приказ, Тайную канцелярию, Канцелярию тайных и розыскных дел при Анне Иоанновне и III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, обладавших приблизительно равным объемом полномочий и использовавших жесткие методы для контроля за политической оппозицией.

Также стоит уделить внимание истории развития методов следственной деятельности зарубежных стран. Известно, что одной из главных задач следственных органов является предупреждение преступлений (превентивная функция). К изучению этого вопроса основательно подошли в XIX веке. Итальянский врач, а затем и криминолог Чезаре Ломброзо стал основоположником биологического подхода к изучению преступности. Он связан с появлением теории эволюции Чарльза Дарвина и основан на систематизации внешних биологических черт людей и выделении на этой основе групп лиц, имеющих предрасположенность к совершению преступлений. После долгих лет службы полковым медиком, Ломброзо начал работать в тюрьмах и, наблюдая за заключенными, он обнаружил, что они имеют довольно схожие внешние черты. Дальнейшие изучения заключенных позволили ему составить своего рода картотеку, на основании которой он выделил так называемы «атавистические признаки». По его мнению, к ним относились: сильно выраженные

[1] Русская правда (пространная редакция) [Электронный ресурс] URL:http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm. Дата обращения: 29.10.2020.

надбровные дуги, повышенная волосатость на теле, специфическая форма челюсти, атавизмы (признаки, свойственные отдаленным предкам человека).

Также, Чезаре Ломброзо выделял и другие виды преступников – дегенераты, криминолоиды (такие люди, у которых атавистические признаки выражены слабо) и, как он их называл, «преступники страсти» (обычные люди, которые под влиянием жизненных обстоятельств идут на совершение преступления). В наши дни его концепция и методы кажутся нам нетрадиционными и негуманными, однако это в конце своей жизни признал и сам Ломброзо.

Несмотря на довольно низкую популярность таких методов, они продолжали развиваться в работах антропологов XX века, в частности в трудах Эрнста Хутона, который выделял в качестве основного признака преступника его органическую недоразвитость (низкий рост, бледный цвет кожи, худощавость). Однако и эти признаки можно с легкостью объяснить: как правило, преступники того времени происходили из семей с низким уровнем дохода, вследствие чего они не могли обеспечить себе благоприятные условия для жизни. Таким образом, методы Ломброзо и Хутона в довольно ограниченном виде могут стать средством поимки преступника, что позволяет классифицировать их как нетрадиционные.

Также мы можем провести аналогии между методами ведения следствия в различных периодах истории нашей страны и современными методами, стоящими на вооружении следственных органов. К примеру, ране упомянутый метод «гонение следа», использовавшийся в IX-XV веках, аналогичен современной криминалистической трасологии. А биологические методы классификации преступников частично могут быть использованы в составлении фотороботов и психологических портретов.

Как и в любом научном вопросе, для более системного понимания предмета исследования, в данном случае, нетрадиционных методов ведения следствия, необходимо классифицировать его компоненты. На основе исторического опыта, этапов развития и фактической практики по применению тех или иных средств можно выделить следующие группы методов:

- Околонаучные,
- Переходные,
- Адаптированные.

Под околонаучными мы понимаем такие нетрадиционные методы, которые до сих пор являются непризнанными в силу своей малой научной обоснованности и вследствие чего могут представлять опасность для ведения следствия. К таким методам мы относим физиогномику и экстрасенсорику.

Переходные методы, к которым, в частности, относится биологическая ритмология, вызывают определенные споры в научных и профессиональных кругах, так как результаты данных исследований зависят от субъективного восприятия исходных данных.

Третьим видом нетрадиционных методов являются адаптированные методы. Они представлены, в первую очередь, криминалистической графологией и одорологией. Эти средства относительно недавно вошли в систему практических методов, хотя еще недавно оспаривались специалистами как действенные. Итак, от общих положений перейдем к описанию отдельных нетрадиционных методов ведения следствия.

Биологическая ритмология. Одна из ключевых задач следователя при допросе – отличить правдивые показания свидетеля или обвиняемого от лживых, если такие имеют место быть. До нашего времени процесс, помимо гуманных методов, знал

также и насильственные – в Средние века на Руси применялись пытки, ордалии (испытания огнем или водой). Однако современное российское процессуальное законодательство отвергает подобные средства, а все доказательства, полученные с нарушением установленных правил, признаются недопустимыми (ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Именно поэтому в XIX и, в особенности, в XX веке усиленно шла разработка принципиально новых методов доказывания вины. Одним из таких методов, пусть и не получивших правового признания, стало полиграфическое исследование, показания которого основываются на ритмах биологических процессов человеческого организма.

Процедура данного исследования проходит в несколько этапов: 1) настройка оборудования, при котором к испытуемому подключаются несколько датчиков для измерения дыхания, электропроводимости кожи, сердечного ритма, артериального давления (могут быть и другие) 2) калибровка оборудования, при которой испытуемому задаются вопросы, ответы на которые известны 3) собственно сам тест 4) анализ полученных результатов и дача заключения полиграфологом.

Схема кажется идеальной, однако вся эта система «спотыкается» на заключительном этапе: сомнения вызывают результаты такого исследования. Во-первых, показания прибора толкует сам полиграфолог, опираясь не на научно доказанные признаки лжи, а на собственные ощущения. Во-вторых, испытуемый во время теста находится в возбужденном состоянии по причине волнения, поэтому результаты исследования могут быть искажены. В-третьих, подтверждено, что реакция организма человека на одни и те же вопросы может быть различной, а в некоторых случаях полученные результаты могут и вовсе исключать друг друга. На основании всех вышеперечисленных факторов, а также на основании статьи 74 УПК РФ 11.09.2012 Верховным судом Российской Федерации было дано кассационное заключение, где было сказано, что: «Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ. Данные использования полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством»[1].

Но здесь стоит сказать, что учеными до конца не отвергается возможность в будущем узаконить данный метод доказывания. К примеру, сейчас нейробиологами проводятся исследования, направленные на изучение реакций мозга при ответах человека. Это осуществляется с помощью электроэнцефалограммы, но и данный метод имеет свои недостатки. Как поясняет заведующий лабораторией нейрофизиологии человека в МГУ им. М.В. Ломоносова профессор Александр Каплан: «Проблема в том, что у каждого человека эти различия в ЭЭГ проявляются по-разному и обученная нейронная сеть для одного человека не сможет распознавать правду и ложь другого».

Несмотря на все «но», метод биологической ритмологии находит отклик в различных организациях в России и за рубежом. К примеру, полиграфические исследования за последние 10 лет стали популярны как в коммерческих структурах, так и в государственном секторе: при назначении на высокопоставленную должность

[1] Кассационное определение по делу № 41-О12-57 сп от 04.09.2012. [Электронный ресурс] URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/928a0cc9cb327f740733104e75ab9753. Дата обращения: 29.10.2020

или же при приеме на службу в Федеральную службу безопасности, новые сотрудники обязаны стать испытуемыми на полиграфе.

Метод гипноза науке известен более двухсот лет. Данный метод являлся предметом изучения Зигмунда Фрейда, Джеймса Брейда, Милтона Эриксона и многих других ученых в области психологии. Гипноз, согласно их пониманию, был инструментом изучения человека, который находился в некотором сне, благодаря чему, можно было узнать его более глубокие переживания, страхи или посредством определённой системы вопросов узнать такую информацию, которую человек не сможет сказать в трезвом состоянии. В наше время под гипнозом стоит понимать затуманивается и обостряется чувственное восприятие мира. В современной следственной практике применение метода гипноза сложно назвать чем-то удивительным и совершено новым, потому что опыт применения этого метода накапливается уже в течение 15-20 лет. Применение метода гипноза в процессе следственных действий позволяет «оживить» следы пережитого опыта в памяти человека (потерпевшего, свидетеля или очевидца) и получить нужную дополнительную информацию.

Если взять опыт использования гипноза следственными органами других стран, то можно сказать, что данный метод является не только окупаемым с финансовой точки зрения, но и безопасным и общественно полезным способом узнавания информации, которая поможет следователю добраться до деталей преступления, ограничить круг подозреваемых, узнать роль каждого из участников в конкретном преступлении. Но стоит отметить, что гипноз возможен к применению по отношению только к свидетелям и потерпевшим, так как подозреваемый находится в более тяжёлом стрессовом состоянии, что затрудняет провести сеанс гипноза.

В Российской Федерации законодательством использование гипноза запрещается при ведении следствия, поэтому рассмотрим данный метод на практике правоохранительных органов США. Практика показывает, что гипноз используется только в крайних случаях, когда традиционные методы не смогли дать полной, достоверной информации о преступлении. При проведении сеанса члены правоохранительных органов должны учитывать ряд факторов: субъекты идут добровольно на процедуру; их память не искажена, и они осознают происходящее. Подготовка к проведению гипноза осуществляется основательно, поэтому в США существует специальная федеральная программа следственного гипноза.

Физиогномика. Данный метод направлен на определение типа личности, выделение ее психологических качеств путем анализа внешних физических характеристик внешности, а также мимики. В данном подходе каждая часть лица (лоб, нос, губы, уши) описываются с позиции размера, формы (конфигурации), контуров, положения относительно вертикали и горизонтали. Исходя из этих характеристик, каждому органу присваивается свое идентификационное значение, суммировав которые можно узнать внутренние характеристики подозреваемого.

Данный метод будет максимально полезен спустя малое количество времени после совершения преступления, когда в воспоминаниях жертвы еще живы те самые черты лица преступника (если речь идет о преступлениях насильственного характера). Следствие, опираясь на показания потерпевших, может составить фоторобот преступника и при его анализе составить психологический портрет, что может помочь в определении мотивов преступления.

Также свидетелю могут быть показаны пособия с рисунками, с помощью которых он может указать на схожие признаки внешности. Если же у следствия имеются

фотоснимки предполагаемого преступника, то здесь, во-первых, имеется больше времени для анализа, а, во-вторых, деталей, которые можно принять во внимание. Процесс усложняет тот факт, что в научной среде нет единого мнения насчет толкования конкретных черт лица. К примеру, большой нос у человека, согласно теории физиогномики, может означать как агрессивность и искушенность, так и скрытые возможности человека к познанию, а человек с выступающим вперед подбородком может оказаться как осмотрительным, так и костным, упрямым и т.д. Поэтому, используя теорию вероятности, можно прийти к выводу, что при использовании, допустим, трех черт лица с двоякой возможностью толкования, результат, к которому придет следователь, будет верен лишь с вероятностью 12,5%, при условии, что оба варианта толкования будут верны. Это создает большую долю сомнения в научности данного метода, поэтому в следственной практике физиогномика может применяться, но крайне ограниченно.

Экстрасенсорика. Интерес к применению экстрасенсорных способностей для расследования преступлений появился ещё в конце XIX века. Австрийский юрист и ученый криминалист Ганс Гросс обратил внимание на способности ясновидцев - на их удивительный дар, и предположил, что нельзя исключать полученную информацию из уст таких людей, потому что в некоторых случаях она может оказаться ключом к раскрытию преступления.

Но изучение самих людей, обладающих сверхъестественными способностями, началось только с 80-х годов XX века. Это было связано с разработкой концепции о «всемирном банке знаний», предложенной физиком Давидом Бомом и нейропсихологом Карлом Прибрамом. Согласно данной концепции, некоторые сверхчувствительные люди способны подключиться к «всемирному банку знаний» и получить информацию, которая никому не известна. Изложенная концепция позволила задуматься о внедрении людей со сверхъестественными способностями в следственную деятельность, а также о специальной подготовке «следователей-экстрасенсов».

Несмотря на достаточное количество лжепредсказаний и шарлатанства, некоторые специалисты, в частности известный российский криминалист Ю.П. Дубягин, утверждает, что нельзя пренебрегать помощью экстрасенсов, потому что нередко их способности могут служить единственным средством для раскрытия преступления.

Экстрасенсы в ходе расследования могут выполнять многие задачи: во-первых, они могут узнать, жив или мёртв человек; во-вторых, экстрасенсы могут составить портрет виновного и найти его местоположение; в-третьих, они могут описать поведение виновного, круг его общения, его привычки и так далее. Многие экстрасенсы используют метод биолокации, который заключается в получении информации о событиях, людях, внешних проявлений деятельности человека, которая в данный момент не доступна чувственному восприятию. Благодаря этому методу, экстрасенсы способны распланировать ход действий следственной группы, описать определённый объект с его местонахождением, скорректировать карту местности возможного происшествия, а также скорректировать результаты полученные в ходе работы других специалистов и экспертов.

Основным преимуществом использования экстрасенсорных способностей в следственной деятельности является бесконтактность, конспиративность, возможность получения любой информации об преступнике, месте преступления, соучастников и о многом другом в то время, когда традиционные методы не способными дать такой информации. Но необходимо учитывать, что полученная

информация носит вероятностный характер, ее достоверность зависит от самого экстрасенса, поэтому для получения более точных и верных сведений необходимо работать с группой экстрасенсов и брать усредненный показатель полученных данных.

В современной российской следственной практике встречаются случаю, когда следователи обращались за помощью к экстрасенсам, хотя Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации не предусмотрен данный вид доказательства. Так, например, еще в 2008 году руководитель Следственного комитета при прокуратуре РФ А.И. Бастрыкин заявил, что к расследованию дела о подрыве «Невского экспресса» привлекались экстрасенсы. По сути, это первое официальное признание того, что правоохранительные органы используют в своей работе привлечение людей с паранормальными способностями[1].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости наиболее полного, систематизированного и тщательного изучения возможностей применения нетрадиционных методов осуществления следственной деятельности с целью наиболее эффективного решения задач предварительного следствия.

Анциферова П.Е.
Научный руководитель: **Гивель Л.Е.**

Гражданско-правовая ответственность за нарушение авторских прав

Аннотация. Авторские права в современном мире имеют широкое распространение, в связи с чем возникает потребность в их защите. Наиболее эффективным на сегодняшний день способом защиты гражданских прав в указанной является наступление мер гражданско-правовой ответственности. Однако, как показывает практика, даже в этой сфере могут возникать дискуссионные вопросы.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, авторские права, интеллектуальные права.

Совершение правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, в том числе авторских прав, влечет за собой наступление юридической ответственности в виде гражданско-правовой, административной или уголовной.

Актуальным является вопрос о признании и защите авторских прав на международном уровне, примером может служить Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений, заключенная 9 сентября 1886 года[2]. Согласно вышеназванной Конвенции основные средства защиты прав автора регулируются законодательством, соответственно, той страны в которой применяется необходимая охрана от совершенного или предполагаемого правонарушения. Таким образом, можно проследить, что приоритетное место в регулировании авторских прав принадлежит нормам национального законодательства.

---

[1] Нетрадиционные методы раскрытия преступления. [Электронный ресурс] URL: https://www.cherlock.ru/articles/netradicionnie-metodi-raskritiya-prestypleniya. Дата обращения: 29.10.2020.

[2] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020). [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/. Дата обращения: 20.10.2020.

Административная ответственность связана с наступлением негативных последствий, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[1]. Данный вид юридической ответственности предполагает наложение административного штрафа, на граждан, на должностных лиц, а также на юридических лиц, с соответствующей конфискацией предмета административного правонарушения.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ)[2] устанавливается ответственность за неправомерные деяния, нарушающие авторские и иные смежные права. Так, незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм наказывается, частности, следующими мерами: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы (ст. 146 УК РФ).

Следует отметить статистику осуждения граждан Российской Федерации за нарушение авторских прав. По данным Генеральной прокуратуры практически за 2018-2019 годы к уголовной ответственности было привлечено более чем 1200 россиян[3]. Наиболее распространенной статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой лица были осуждены, называется статья 146 УК РФ, предусматривающая нарушение авторских прав с использованием аудио и видеозаписей при отсутствии на то разрешения правообладателя.

В связи с тем, что правонарушения в сфере объектов интеллектуальной собственности могут регламентироваться различным отраслевым законодательством, необходимо разграничивать, в каком случае содеянное будет квалифицироваться по КоАП РФ, а в каком по УК РФ. В таком случае определяется наличие цели извлечения дохода, корыстные побуждения лица, следовательно, если у виновного подобных мотивов и целей не было, то административная ответственность не предусматривается, в обратном случае необходимо провести дифференциацию по размеру причиненного ущерба, в зависимости от которого правонарушение квалифицируется по нормам КоАП РФ или УК РФ.

Гражданско-правовая ответственность является наиболее распространенной мерой, применяемой при нарушении авторских прав. Под гражданско-правовой ответственностью понимается одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, влекущих для правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения, и направленные на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего[4].

Ответственность обусловлена сущностью гражданского права в целом, следовательно, носит имущественный характер. Необходимо отметить некоторые основания гражданско-правовой ответственности, среди которых выделяют:

1) Установление факта совершенного правонарушения;

---

[1] Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 01.11.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). ст. 1.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ.1996. № 25. ст. 2954.

[3] Статистика осужденных за нарушение авторских прав. [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/russia/665572. Дата обращения: 22.10.2020.

[4] Либанова С.Э. Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учебное пособие. М., 2019. С. 28.

2) Обоснование причинно-следственной связи между данным фактом и поведением (действием, бездействием) нарушителя (причинителя вреда);

3) Подтверждение противоправности поведения ответчика;

4) Установление вины правонарушителя (причинителя вреда)[1].

Вина в гражданском праве представляет собой субъективное условия гражданско-правовой ответственности, выражает психическое отношение лица к совершенному противоправному деянию и наступившим последствиям. Вина может быть выражена в форме прямого/косвенного умысла или неосторожности, выраженной в форме легкомыслия или небрежности.

Вред отражает любое умаление личного или имущественного блага человека, состоит из реального ущерба и упущенной выгоды. Под реальным ущербом необходимо понимать расходы лица, право которого нарушено, в результате неправомерных действий или же бездействий другого лица. Упущенная выгода – это та выгода, которую одно лицо имело право получить, но не смогло получить в результате совершенного неправомерного деяния другого лица.

Противоправность деяния характеризует поведение, которое нарушает предписания правовых норм, предусматривает общественную вредность и общественную опасность действия или бездействия.

На законодательном уровне установлены санкции за нарушение авторских прав. Так, статьей 1252 ГК РФ предусматриваются такие способы защиты как предъявления требований: о признании права, о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, о возмещении убытков, о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя - к нарушителю исключительного права[2].

Законодательно предусмотрен запрет на совершение определенных действий, в том числе наложение ареста на экземпляры и иные носители, которые рассматриваются в качестве контрафактных, а также на материалы, используемые для их изготовления для обеспечения искового требования о нарушении авторского права. Более того, лицо, права которого нарушены, вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации, размер которой определяется судом в пределах, предусмотренных ГК РФ, с учетом характера и степени совершенного правонарушения. В случае неправомерного использования результата интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, правообладатель имеет право требовать от правонарушителя выплат соответствующей компенсации.

Все вышесказанное позволяет классифицировать способы защиты авторских прав на меры защиты и меры ответственности. Следовательно, меры гражданско-правовой ответственности включают в себя:

1) выплату компенсации;

2) возмещение убытков;

3) ликвидацию юридического лица (либо прекращение деятельности индивидуального предпринимателя);

4) компенсацию морального вреда[3].

---

[1] Зенин И.А. Гражданское право: учебник для академического бакалавриата. М., 2016. С. 192.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) Ч. IV // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.) ст. 5496.

[3] Погосян Е.В. Классификация мер защиты авторских прав // Юридический мир. 2009. № 8 (152). С. 31-33.

Ряд авторов отмечают, что авторское право не подлежит защите путем взыскания компенсации морального вреда ввиду того, что носит имущественный характер. В связи с этим следует отметить пример из судебной практики[1], в соответствии с которым правообладатель обратился в суд с иском к организациям о защите авторских прав, взыскании компенсации морального вреда за неправомерное использование произведений. Суд удовлетворил исковые требования частично, взыскав компенсацию морального вреда. В то же время Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебное постановление, ссылаясь на следующие основания: суд взыскал в пользу истца компенсацию морального вреда, считая его права личными неимущественными. Судебная коллегия отметила, что статьями 1229 и 1270 ГК РФ предусмотрено, что исключительное право является имущественным правом, при этом защите путем взыскания компенсации морального вреда подлежат только личные неимущественные права автора. В итоговом решении суд не указал какие именно личные неимущественные права истца нарушены ответчиками, какие из них подлежат восстановлению с помощью взыскания компенсации морального вреда в порядке, предусмотренном статьей 1251 ГК РФ.

Практически одинаково процентное соотношение количества дело защите интеллектуальных прав, рассмотренных с вынесением решения об удовлетворении заявленных требований, и общего количества дел данной категории. В 2012 году с удовлетворением требований было рассмотрено 77,4% дел, в 2013 году - 74,7%, в 2014 году - 78,6%[2]. Это свидетельствует о том, что тенденции по снижению количества дел, связанных с авторскими правами, рассматриваемых в судебном порядке не наблюдается, но, с другой стороны, это свидетельствует о том, что нарушенные права восстанавливаются, тем самым обеспечивается их непосредственная защита.

Гражданским законодательством установлено, что если юридическое лицо неоднократно или грубо нарушает исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, то суд по ходатайству прокурора вправе принять решение о ликвидации данного юридического лица, что можно рассматривать в качестве еще одной меры гражданско-правовой ответственности. Предполагается, что ужесточение ответственности при неоднократном и грубом нарушении авторских прав юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями будет служить в качестве способа превенции правонарушений.

Гражданское законодательство предусматривает ответственность за незаконное использование товарного знака. Лицо, являющееся правообладателем, имеет право требовать изъятия из оборота контрафактных товаров, этикетки с размещенным на них товарным знаком или сходные до степени смешения обозначения, а в последующем уничтожить их за счет нарушителя. Возникают случаи, когда такие товары вводятся в оборот для обеспечения общественных интересов, правообладатель вправе требовать удалить подобные товары с имеющимися на них товарными знаками. Такое же право возникает у автора при незаконном использовании наименования места происхождения товара. Лицо, которое производит

[1] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 января 2015г. № 5-КГ14-129. [Электронный ресурс] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70783858/. Дата обращения: 23.10.2020.

[2] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 23.09.2015. [Электронный ресурс] URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=10333. Дата обращения: 25.10.2020.

предупредительную маркировку относительно не зарегистрированного в России наименования места происхождения товара тоже несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Однако наиболее часто устанавливается административная ответственность за незаконное использование товарного знака. Как правило, применяется статья 14.10 КоАП РФ, так, на основе анализа статистических данных дел о незаконном использовании товарного знака, рассмотренных судами общей юрисдикции, можно сделать вывод, что появилась тенденция к возрастанию таких дел[1].

В настоящее время неоднократно в России нарушаются авторские права, связанные с незаконным использованием контрафактного программного обеспечения на персональных компьютерах. Зачастую это становится поводом для привлечения лица к уголовной ответственности, но не исключается предъявление гражданско-правового иска с требованием о взыскании с лица, нарушившего авторские права, неосновательного обогащения в размере рыночной стоимости программного продукта.

Дискуссии возникают в отношении интеллектуальной собственности и в семейном праве. В частности, при решении вопроса об отнесении объектов интеллектуальной собственности к супружескому имуществу. Лицо, создающее произведение, обладает совокупностью имущественных и личных неимущественных прав, которые принадлежат сугубо автору созданного произведен[2]. Они являются неотчуждаемыми, поэтому при жизни такие права принадлежат исключительно создателю произведения, а супруг не имеет права заявлять свои притязания на них.

Все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: ГК РФ предусматривает гражданско-правовую ответственность за нарушение исключительного права на произведение, на основании которой автор или иной правообладатель при нарушении его законных прав вправе требовать соответствующую выплату компенсации в размере, предусмотренной данной статьей. Если имеются достаточные основания полагать, что нарушены авторские права, то принимаются необходимые меры, направленные на розыск, а затем наложение ареста на все контрафактные экземпляры произведений, на материалы, оборудование, которые используются для изготовления или же воспроизведение названных экземпляров произведения, предусматриваются меры по изъятию данных и передаче на хранение ответственному на то должностному лицу или органу. Судом, в свою очередь, может быть принято решение об осуществлении за счет виновного лица следующих действий: прекращение действий, создающих угрозу повторного нарушения авторских прав, публикация решения о допущенном правонарушении. В случае, если виновным лицом использовано неправомерно несколько объектов интеллектуальной собственности, то предусматривается компенсация за каждый объект.

Таким образом, в настоящее время защита авторских прав является актуальным вопросом, так как необходимо обеспечить благоприятные условия для развития интеллектуальной собственности. Законодательство требует внесения определенных изменений с целью недопущения дискуссий в вопросе применения отдельных норм

---

[1] Чехонин А.Г. Административно-правовая ответственность за нарушение прав на объекты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-otvetstvennost-za-narushenie-prav-na-obekty-intellektualnoy-deyatelnosti-intellektualnyh-prav-v-rossiyskoy/viewer. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Протопова О.В. Авторские права и режим имущества супругов // Вестник РУДН. 2005. № 1(17). С. 28 - 34.

ГК РФ в части, касающейся наступления ответственности за нарушение авторских прав. Как отмечалось выше, возникают споры о взыскании компенсации морального вреда, что требует соответствующей регламентации и нормативного закрепления. Разумно усилить ответственность путем криминализации при неоднократном нарушении физическими и юридическими лицами авторских прав, для обеспечения предупреждения совершения новых правонарушений. В Российской Федерации созданы необходимые механизмы для привлечения правонарушителей к юридической ответственности. Необходимо обеспечить должное взаимодействие с правоохранительными органами, так как на сегодняшний день получают распространение случаи нарушения авторских прав с применением социальных сетей, что характерно для современного информационного общества. Важным является обеспечение регулирования и защиты авторских прав не только в рамках национального законодательства, но и нормами международного права, что позволит снизить уровень совершаемых неправомерных деяний. Чаще всего восстановление нарушенных прав автора происходит в судебном порядке, в таком случае суд, определяя вид наказания, должен исходить из принципов разумности (критерием которой, в том числе, является целесообразность) и справедливости (учет интересов всех сторон, общественные интересы, избежание злоупотребления правом, соблюдение равенства участников гражданского оборота).

Китаев Д.А., Кондрашова А.С.
Научный руководитель: **Бычкова Е.И.**

Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье раскрываются вопросы охраны прав и свобод человека, осуществляемой государством. Особое внимание уделено правам и свободам участников уголовного процесса, закрепляемым различными нормативно-правовыми актами, в том числе и действующей Конституцией РФ. Проводится исторический анализ развития прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс (судопроизводство), права и свободы человека и гражданина, Конституция, следствие, участники уголовного процесса, статья.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации, как и в большинстве государств мире, имеет важнейшую роль в формировании конституционно-правового статуса личности, в создании условий жизни в государстве, при которых человек ощущал бы безопасность за себя и своих близких. Основы соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в нашей стране закрепляются в Конституция РФ и Уголовно-процессуальном Кодексе РФ.

Уголовный процесс (судопроизводство) представляет собой деятельность уполномоченных лиц, направленную на расследование преступлений и рассмотрение дел в суде, а также представляет собой систему правоотношений, в которой уполномоченные субъекты вступают во взаимоотношения друг с другом, а также с иными субъектами, вовлеченными в процесс по уголовному делу. Уголовный процесс, как отрасль российского права, находится в постоянном развитии. Важнейшей задачей уголовного судопроизводства является защита прав и законных

интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконных и необоснованных обвинений, осуждений, ограничений её прав и свобод.

Права и свободы человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства развивались в нашей стране постепенно. В своей научной работе мы бы хотели провести сравнительный анализ правового регулирования соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Конституции 1993 года и Конституциях СССР.

Для начала следует отметить, что в Конституциях СССР права и свободы человека и гражданина не были оформлены достойным образом, нежели в современной Конституции, которая значительно расширила объем прав и свобод человека и гражданина, соблюдение которых является основой для осуществления уголовного судопроизводства на принципах законности и справедливости.

Так, Конституция СССР 1936 года[1], которая имеет также неофициальное название «Сталинская конституция», была принята на 8 Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов 5 декабря 1936 года и действовала до 1977 года. Данная Конституция содержала в себе 13 глав и 146 статей, из которых правам и свободам граждан отводилось наименьшее количество. Защите прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве в ней были отведено несколько статьи:

«Статья 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Исходя из этого положения можно сказать, что государство в рассматриваемый период истории юридически ограничивало возможность без законных на то оснований подвергать аресту граждан страны.

Так же, в статье 128 говорится о том, что «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом».

Как и в действующей Конституции России 1993 года данное право является важнейшим, поскольку гарантирует соблюдение органами государственной власти такого личного права как неприкосновенность жилища. Формулировки статьи Конституции СССР 1936 года и Конституции России 1993 года в отношении данного права имеют существенное отличие – в первой не указаны основания ограничения данного права, следовательно, можно говорит о том, что ограничивать право на неприкосновенность жилища можно было в необходимых для органов государственной власти случаях.

В целом, можно сделать вывод о том, что в Конституции СССР 1936 года не были закреплены многие права и свободы, соблюдение которых необходимо в деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство и без которых современную правовую систему России невозможно представить. Правовая система СССР тогда была направлена не на закрепление определенных прав и свобод конкретных лиц, а на регулирование прав должностных лиц, поэтому в тот исторический период достаточно сложно было обвиняемому лицу защищать свои права, рассчитывать на их соблюдение при производстве, в частности, следственных действий. Правосознание у населения практически отсутствовало ввиду малого интереса к происходящим в стране правовым реформам.

[1] Конституция СССР 1936 года. [Электронный ресурс] URL: https://constitution.garant.ru. Дата обращения: 30.10.2020.

Анализируя действующую Конституцию России 1993 года, которая принята народом, можно сказать, что в ней закреплены гуманистические и демократические ценности прав и свобод человека и гражданина, многие из которых относятся к тем, которые необходимо соблюдать при осуществлении уголовного судопроизводства. Права и свободы человека и гражданина закрепляются во второй главе и провозглашены в статьях с 17 по 64.

Соблюдение ряда из данных прав имеют важнейшее значение в деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Ниже представлены некоторые нормы, которые обеспечивают законность: одинаковый подход при решении вопроса о правах и свободах, об обязанностях и ответственности всех людей, относящихся к той или иной категории, указанной в законе, гарантирует защиту людей от посягательств в любых сложившихся ситуациях, следовательно, человек не может быть ущемлен в правах из-за пола, расы, национальности и других обстоятельств.

Смертная казнь назначается только в исключительных случаях, но различные нормативно-правовые акты не допускают ее, так, например, посредством установленного Конституционным Судом Российской Федерации запрета на применение смертной казни впредь до введения судов присяжных на всей территории Российской Федерации не допускают назначение такого вида наказания, что в очередной раз подтверждает, что неотчуждаемое право на жизнь защищается как государством, так и международными организациями, что по Конституции 1936 года не гарантировалось.

Человек, привлекающийся в качестве подозреваемого и обвиняемого не может быть подвернут насилию, пыткам, другому жесткому и уничижающему человеческое достоинство обращению. Также эти запреты конкретизируются при проведении таких следственных действий как освидетельствование и личный обыск, осуществлялось следователем или дознавателем того же пола в присутствии понятых этого же пола, что показывает значимость процессуальной защиты прав и свобод человека, недопущение нарушений в этой области со стороны должностных лиц. Этими нормами закрепляется нравственный и этический аспект процессуальных действий, что не гарантировалось Конституцией 1936.

Все права и свободы человека гарантируются, и в случае нарушения его законных прав он имеет право обратиться в полномочные органы, а также межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны. Данная норма отсутствовала в Конституции 1936 года, а, следовательно, человек был беззащитен от произвола государственных органов власти и необоснованных решений судов.

Рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого дело отнесено законом является неотчуждаемым правом. Обвиняемый имеет право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом, из чего можно сделать вывод о том, что человек может посмотреть какие доказательства имеются по его делу, что раньше никак не гарантировалось.

Предоставляется право на квалифицированную юридическую помощь, а также право пользования помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявлении обвинения человеку, соответственно, его права и свободы могут охраняться даже в том случае, если он не обладает никаким правовыми знаниями.

Закрепляется презумпция невиновности. Исходя из данного положения, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, и все сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого, что заключает в себе основной принцип судопроизводства: “praesumptio innocentiae”, что исключает возможность объявления судебного решения безосновательно[1].

Запрещается использовать доказательства, которые получены с нарушением федерального закона, и также происходит закрепление одного из важных правовых принципов «non bis in idem», который подразумевает собой, что никто не должен нести дважды наказание за одно преступление «не дважды за одно и то же». Осужденный может просить о помиловании или смягчении приговора, а также он имеет право на пересмотр приговора в вышестоящем судом порядке, установленным федеральным законом, что свидетельствует о проявлении милосердия к людям в России, со стороны органов власти[2].

Каждый гражданин имеет право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга, а также близких родственников. Этот принцип служит гарантией обеспечения достоинства личности, неприкосновенности его частной жизни, сохранения личной и семейной тайны, а также возможности защиты своих прав и свобод при решении дела.

Предоставление максимальной защиты правам потерпевших, которые пострадали от преступлений и злоупотреблений властью, также потерпевшим обеспечивается доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Можно сказать, что система уголовно-процессуальной деятельности направлена на раскрытие преступлений и изобличение виновного, что в дальнейшем служит источником защиты прав и законных интересов лицам, пострадавших от преступлений.

Каждый человек имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными деяниями органов государственной власти и их должностных лиц. Это подразумевает то, что лицо привлекается к ответственности за совершение нескольких преступлений, право на возмещение вреда, которое причинено незаконным уголовным преследование, оно получит только при условии реабилитации по всем обвинениям.

Закон обратной силы не имеет. То есть никто из граждан не может нести ответственность за то деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. В прошлом постоянно нарушались общепринятые принципы действия законов во времени. То есть, можно сказать, что те или иные деяния признавались тяжкими преступлениями и при этом они имели обратную силу. Хотелось бы привести такой пример из истории, который произошёл в начале 60-х годов и вызвал недоумение тем, что по делу о валютных операциях, которые были совершены Файбишенко и Рокотовым, была применена обратная сила уголовному закону. По отношению к данным лицам был применён закон, который предусматривал смертную казнь при совершении валютных операций, тем самым они были расстреляны, НО в момент совершения преступления санкция закона не содержала в себе ни смертную казнь, ни даже лишения свободы. Это

[1] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. [Электронный ресурс] URL: https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Кораблинова А.С. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституция – ценностно-нормативная основа развития прав человека и гражданина в Российской Федерации: сборник статей. Краснодар. 2019. С. 346-351.

свидетельствует о том, что раньше не было столь четкого контроля за действующем законодательством, нежели со временем этому стало придаваться большее значение.

Закрепление защиты всех указанных прав и свобод и устанавливает их ограничение федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[1].

Происходит закрепление условий и порядков ограничения прав и свобод при Чрезвычайном положении, что гарантирует обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом не подлежат ограничению прав и свобод человека такие принципы, как право на жизнь, на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на хранение, сбор и распространение информации о частной жизни с соглашения лица, на свободу совести, вероисповедования, а также права на жилище.

Хотелось бы отметить, что в период действия Конституции СССР 1936 года демократические начала, которые были заложены в тексте Конституции в отношении прав и свобод советских граждан в результате произвольного применения основного закона и уголовно-процессуального законодательства должностными лицами свела на нет развитие конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства. Граждане привлекались к уголовной ответственности зачастую необоснованно и по надуманным основаниям. Такое игнорирование конституционных прав и свобод граждан и права на их соблюдение при осуществлении уголовного судопроизводства стали нормой в работе органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Таким образом, вопреки закрепленному праву граждан на соблюдение их конституционных прав и свобод в ходе уголовного судопроизводства, которое носило открыто обвинительный характер в рассматриваемый период истории, сам факт привлечения гражданина к уголовной ответственности уже подтверждал его вину в совершении преступления и лишал каких - либо гарантий на соблюдение его конституционных прав при производстве, например, следственных действий в отношении него.

Итак, сравнительный анализ положений двух основных законов - Конституции СССР 1936 года и Конституции РФ 1993 года, показал каким образом развивалось законодательство в сфере правового регулирования прав и свобод человека и гражданина при осуществили уголовного судопроизводства.

Во-первых, следует отметить, что в Конституции СССР1936 года недостаточно уделялось внимания данной группе прав, а, следовательно, возникали и проблемы с соблюдением прав, и свобод человека и гражданина и их защите в уголовном судопроизводстве, нежели в нынешней Конституции.

Так, к примеру в Конституции 1936 года отсутствуют статьи, закрепляющие равенство людей перед законом, присутствовала смертная казнь, а следовательно нарушалось право на жизнь, также не был закреплен запрет на пытки, насилие и другому уничижаемому достоинство человека обращению, отсутствовали гарантии судебной защиты прав и свобод, исключалась возможность обжалования приговора суда в межгосударственных органах, не закреплялось право рассмотрения дела в суде, отсутствовала система судов с присяжными заседателями, отсутствовали гарантии прав на получение квалифицированной юридической помощи, игнорировалась

[1] Комментарий к Конституции 1993 года. [Электронный ресурс]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/5366634. Дата обращения: 30.10.2020.

презумпция невиновности, отсутствовала защита права отказаться от свидетельствования против своего супруга, близких родственников.

Отдельно бы хотелось отметить, что права потерпевших, которые пострадали от злоупотреблений властью не охранялись законом, восстановление справедливости и компенсация причиненного ущерба было невозможным, также исключалось право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными деяниями должностных лиц[1].

Во-вторых, самое главное отличие в том, что в СССР права и обязанности граждан находили место только в десятой главе, что может свидетельствовать о том, что права и свободы граждан в целом, как правовая категория, не имели такой высшей ценности, какую сейчас они представляют, согласно действующей Конституции 1993 года, где права и свободы человека и гражданина закреплялись во второй главе.

Еще одним примером несправедливого отношения государства к человеку является случай, который вошел в историю как Постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 года «Об объявлении вне закона должностных лиц - граждан союза ССР» (СЗ РФ. 1929 №1929) или как его часто называли «Закон о невозвращенцах»[2]. Это постановление рассматривало лиц, отказавшихся вернуться в СССР как изменщиков Родине и влек объявление вне закона, это постановление санкционировалось расстрелом спустя 24 часа после удостоверения личности[3]. В 6 статье данного нормативного акта было сказано: «Настоящий закон имеет обратную силу».

Изначально, права и свободы человека были незащищены от посягательств со стороны государства, а также нередко незаконно ограничивались правоохранительными органами. С развитием правовой системы государства можно с уверенностью сказать, что на данный момент права и свободы человека могут быть ограничены только в той мере, чтобы уберечь людей от угрозы безопасности личности и конституционного строя. Все злоупотребления служебным положением и превышение полномочий со стороны должностных лиц караются по всей строгости закона. Права и свободы обеспечиваются государственными органами, следовательно, за ними стоят обязанности должностных лиц, исходя из чего можно утверждать, что все процессуальные действия следователей и других участников судебного процесса строго структурированы, чтобы избежать нарушения неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина.

Действующая Конституция 1993 года, по истине народная Конституция, закрепляет широкий спектр прав и свобод человека, которые подлежат соблюдению всеми участниками уголовного судопроизводства, что обеспечивает режим законности в нашем государстве. Принципом законности, так или иначе, пронизана вся деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство и проявляется этот принцип наиболее ярко именно в том, как соблюдаются права и свободы граждан, закрепленные на конституционном уровне. Например, в присяге,

---

[1] Кораблинова А.С. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Конституция – ценностно-нормативная основа развития прав человека и гражданина в Российской Федерации: сборник статей. Краснодар, 2019. С. 346-351.

[2] Постановление Президиума ЦИК СССР от 21.11.1929 «Об объявлении вне закона должностных лиц - граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Обернихина О.В. История развития российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства об обратной силе уголовного закона //Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 62-66.

которую дают граждане при поступлении на службу в Следственный комитет Российской Федерации в первую очередь отмечается клятва свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, а значит и все права, и свободы граждан, перечисленные в ней, являются священными, неприкосновенными и неотчуждаемыми в деятельности сотрудников указанного правоохранительного органа.

Подводя итоги работы, можно сделать вывод о том, что правовая система российского государства находится в постоянном развитии. Правам и свободам человека и гражданина в уголовном судопроизводстве уделяется все больше внимания, и мы это смогли заметить исходя из сравнительной характеристики Конституции СССР 1936 года и Конституции 1993 года. В настоящее время люди обладают большим количеством возможностей для защиты своих прав и интересов в суде, при задержании, и при предварительном следствии будучи в различных правовых статусах: от подозреваемого до осужденного, опираясь на основной закон нашей страны - действующую Конституцию, что свидетельствует о том, что народ – является высшей ценностью нашего государства, а его права и свободы самым ярким ему подтверждением.

Ковалев А.Г.
Научный руководитель: **Истомина К.В.**

Проблемы предупреждения отрицательных психических состояний следователя и их решение

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам предупреждения отрицательных психических состояний следователей. Следственная деятельность является одной из важных составляющих национальной безопасности, поэтому вопросы психического состояния работников следственных органов должны иметь приоритетное значение. В статье рассмотрены и проанализированы основные характеристики отрицательных психических состояний следователя, а также их последствия для общества.

Ключевые слова: следователь, отрицательные психические состояния, эмоциональная напряженность, юридическая психология.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации невозможно без системной борьбы с преступностью, а для успешной реализации последнего необходимо объединение усилий нескольких наук и использование данных различных областей знания.

Как показывает следственная практика, встречаются многочисленные случаи, когда лица, желающие стать следователями, в дальнейшем, после окончания высших учебных заведений, при всей своей добросовестности плохо справляются с работой, допускают грубейшие ошибки. Как правило, такого рода ошибки приводят к потере важных доказательств по делу и иногда даже к прекращению уголовного дела, это происходит в силу отсутствия не столько знаний, навыков, умений, сколько необходимых для следователя профессиональных качеств или же недостаточного их развития.

Устранить отрицательные явления призвана научная организация следственной деятельности, составной частью которой является разработка вопросов профессиональной психологии следователя, тщательное изучение положительных и

отрицательных состояний психики сотрудников следственных органов в их служебной деятельности.

Вместе с положительными стеническими состояниями индивидуальная специфика следственной работы с рядом характерных условий может индуцировать у следователя психические состояния, блокирующие успешное осуществление своих служебных обязанностей. К примеру, неуверенность как психическое состояние возникает у работника следственных органов не только в отсутствие таких черт как самостоятельность и уверенность, но и в силу того, что появляется определенная новизна, неясность, запутанность ситуации, которыми богата следственная деятельность[1].

Одна из направлений деятельности юридической, а особенно судебной психологии это анализ мотивов, обстоятельств появления и развития, определенного отрицательного психического состояния, вызванного психологическими особенностями работы следователя, а также развитие стратегического планирования по вопросам борьбы с ними.

В деятельности следователя можно выделить эмоциональную экстремальность как одну из психологических характеристик. Такая специфика может привести к состоянию психической напряженности, которое может быть выражено по-разному. Такое состояние не имеет компонентной эмоциональности, а возникает как итог напряженной деятельности.

В связи с эмоциональностью экстремальной деятельности действующей в процессе работы следователя состояние психической напряженности постоянно включает эмоциональный компонент.

Выполнение многогранных умственных задач не представляется возможным без определенной эмоциональной напряженности. Эмоциональные активность и напряжение являются необходимыми условиями продуктивной интеллектуальной работы, ведь окончательной оценке зачастую предшествует эмоциональная, которая выполняет функцию первоначального выбора гипотезы. Эмоциональные решения гораздо опережают интеллектуальные, представляясь эмоциональной протенцией пребывания основополагающего принципа выполнения задач, поэтому зачастую выступают как положительная коррекция поиска, проводящая к верному результату.

Предварительные эмоциональные переживания ситуации дают возможность работнику следственных органов оценить условия проведения стратегического планирования деятельности и произвести первоначальное эмоциональное планирование[2].

Следственная работа постоянно сопряжена с определенными состояниями эмоционального напряжения и эти состояния чаще играют положительное значение в процессе решения творческой следственной задачи. Иногда и отрицательные эмоциональные состояния выполняют положительное значение в связи с воздействием эмоциональной активации являющейся продуктом интеллектуальных процессов и эмоциональной активации, порождаемой общими ситуациями, в которых протекают интеллектуальные процессы.

---

[1] Алексеев С.С, Яковлев В.Ф. О модели следователя и обучении в юридических вузах // Правоведение. 2006. № 4. С. 73-74.

[2] Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Эриашвили Н.Д. Психология профессиональной деятельности следователя: учебник. М., 2018. С. 275.

Экстремальные условия деятельности могут привести к возникновению у работника следственных органов определенного нервно-психологического состояния, которое называется стресс.

Стрессом при выполнении задач следователя следует считать эмоциональные напряжения, которые в определенной роли снижают работоспособность и приводят к дестабилизации работы[1].

В следственной деятельности необходимо разграничивать напряженность, которая нарушителями спокойствия, они способны вызвать у следователя состояние тревожности. Этими условиями могут выступать непредвиденные изменения обстановки следственного действия; неудача и ошибка, которые встречаются в процессе проведения предварительного следствия возникает в ходе выполнения тяжелой умственной работы с вне контекстуальной напряженности при стрессе. Данные виды являясь разными по природе связаны друг с другом.

Тревожность можно определить, как положительное психическое состояние, вызванное у работника следственных органов тем, что он беспокоится за судьбу всех участников уголовного процесса и заинтересован в справедливом исходе уголовного дела. Без данного состояния успех в осуществлении следственной деятельности не представляется возможным, и такая тревожность должна являться чертой характера каждого следователя.

Лёгкая форма тревожности может появиться у следователя как сигнал для устранения присутствующих в ходе работы недочётов, а также воспитать решительность, смелость и уверенность в своих силах. Когда тревожность появляется у следователей из-за ничтожных причин, неадекватности восприятия ситуации и объектов её вызвавших, она принимает определенную форму, свидетельствующую о слабом самоконтроле. Такое состояние является затянувшимся и тяжело устраняется, что соответственно негативно отражаются на исполнении обязанностей следователя.

Определенная неудача при наличии различных условий может повлечь за собой у работника следственных органов как психическое стрессовое состояние, так и фрустрацию. Данный термин представляет собой определенные расстройства, нарушение замыслов и надежд, неоправданные ожидания, провалы и неудачи.

На практике встречается, что работники следственных органов ведут себя недостаточно пунктуально по отношению к остальным участникам уголовного процесса, что разумеется не соответствует манере культуры делового поведения, соответственно представляется как нарушение принципов следственной этики и морали. При постоянных фрустрациях внутренний облик следователя может подвергнуться деформационным чертам: агрессивности, зависимости, озлобленности. При агрессивной фрустрации, либо утрате следственного оптимизма и нерешительности возможно появление вялости, безразличия, безынициативности. Попытка выхода из состояний фрустрации может привести к утрате у следователя таких черт как настойчивость, трудолюбие, усидчивость, организованность и целенаправленность.

Следователь, как носитель юридических знаний должен предъявлять повышенные требования к себе и обязан совершенствовать психику, интеллект, эмоционально-волевые качества. Во всех областях правоприменительной деятельности, в том числе в работе следователя встречаются различные проблемные ситуации, различного рода

[1] Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2011. С. 113.

конфликты, которые требуют принять чёткие и своевременные решения правового характера, от чего происходит повышенная утомляемость, избыточное раздражение, появляется стресс.

Данные факты дают понять достаточную распространенность среди работников следственных органов таких явлений как психосоматические расстройства и заболевания, которые возникают под воздействием негативных эмоций и состояний, которые представляется возможным значительно уменьшить, при условии умения грамотно использовать защитные механизмы психики от давления нервно-психических перегрузок, владеть простыми и доступными приемами нейтрализации ситуативной усталости, снятия психической напряженности.

Вместе с этим, принимая в расчет индивидуально-психологические особенности следователю необходимо знать, как наиболее грамотно вести себя в стрессогенных ситуациях и пресекать своё состояние избыточной тревоги, эмоциональную напряженность, усталость, повышать при этом эффективность своего дела, улучшая общее состояние.

Наиболее простыми мерами, не требующие профильного обучения и помощи специалистов являются следующие:

1) своевременность предупреждения нарастающего состояния эмоциональной напряженности (чаще всего наиболее распространенными предвестниками наступающего ухудшения психического состояния являются периодическая усталость, раздраженность, в связи с этим снижается острота восприятия, ухудшается память, теряется эффективность мыслительной деятельности);

2) объективность оценки того, что происходит со следователем (не стоит быть максималистом по отношению к себе);

3) переживая отрицательное психическое состояние, необходимо понять, что оно явилось результатом отношения следователя к ней (с какой точки смотрим на то или иное событие);

4) в экстремальной ситуации необходимо мысленно отметить свои достоинства, вспомнить, как не раз выходили из сложной обстановки, вспомнить чувство радости за преодолённые трудности (почувствуйте себя непосредственным участником и управленцем за ходом ситуации);

5) прекратить на некоторое время решение стрессогенных задач, расслабиться, освободить сознание от факторов-раздражителей, убедить себя в том, что, сегодня решение данного вопроса не последует, а при решении не приведёт к положительным результатам деятельности, опустить к мизерному значению трудовую активность (займитесь другими вопросами, не имеющими отношения к переживаниям разного рода, необходимо вызвать положительные эмоции, получить удовольствие, заняться приятным делом);

6) активизировать мотивы достижения (не последнее по значению место в профессиональной деятельности юриста в качестве стрессорегулирующего фактора имеет мотивация, даже при наступлении тяжелой ситуации, при сохранности на должном уровне мотивации достижения, альтруизма, побуждающих к целенаправленной деятельности, имеет место значительное улучшение целого ряда психических показателей, в связи с этим представляется необходимым выработка и

формирование уверенности в себе, в своих силах, что и приведёт следователя к чувству уверенности в себе[1].

Целью следственной деятельности является установление истины по уголовному делу, которая достигается в процессе познавательно-удостоверительной деятельности следователя, которая имеет следующие особенности:

1) процессуальная регламентированность средств и сроков следствия;
2) высокая формализованность социально-ролевой функции работника следственного органа;
3) недостаточность в ряде случаев исходной информации в начальной стадии расследования;
4) практическая оперативность;
5) преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц;
6) наличие властных полномочий;
7) широкая социальная коммуникативность;
8) повышенная социальная ответственность принимаемых решений[2].

Властные полномочия могут создавать вид обвинительной направленности работы сотрудника следственного органа, либо вызывать профессиональную деформацию в различных её проявлениях. Нужно учитывать, что функция следователя — это не обвинение либо защита, а именно установление истины с учётом полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств конкретного дела.

При обеспечении объективности расследования, законодатель предусмотрел меры предотвращений психических насилий в различных его проявлениях, а также прямого и скрытого давления со стороны работника следственных органов на лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Законодатель запрещает следователю получать показания обвиняемого с помощью насилия, угроз и других незаконных мер.

Повышение психической напряженности деятельности следователя, необходимости постоянной оперативной реактивности повышают требования к его нейрофизиологической организации и качествам его психики.

Процессуальная независимость и служебная самостоятельность работника следственного органа требуют от него высокой инициативности, организованности и социальной ответственности.

Недостаточная самокритичность при длительной профессиональной деятельности вызывает профессиональную деформацию следователя. Властные полномочия работника следственных органов закрепляют негативные личностные качества, возможны проявления высокомерия, грубости, душевной черствости. Частое подчинение деятельности следователя чёткой процессуальной регламентации действий способствует появлению таких отрицательных качеств как ригидность, приверженность к шаблонным решениям, формализм; периодическое соприкосновение с асоциальными всплесками может сформировать устойчивую форму подозрительности, предвзятости, склонности к обвинительному уклону в своей деятельности.

Находясь в отрицательных психических состояниях, следователю необходимо повышать профессионализм проявлением эмоциональной стрессоустойчивости,

---

[1] Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Эриашвили Н.Д. Психология профессиональной деятельности следователя: учебник. М., 2018. С. 158.

[2] Алексеев С.С, Яковлев В.Ф. О модели следователя и обучении в юридических вузах // Правоведение. 2006. № 4. С. 22-23.

хладнокровием, рационализмом, устойчивостью к внешним воздействиям, избеганием принятия конформных решений в условиях давления на его деятельность.

К основам профессионально-психологических качеств следователя относят:

1) профессионально направленную наблюдательность;
2) способность к концептуальному сопоставлению фактов, реконструкции явлений по их косвенным признакам;
3) умение охватывать существенные стороны практической ситуации;
4) принимать высоко вероятностные решения;
5) способность намечать оптимальный план действий, а по ере обнаружения новых фактов оперативно изменять его;
6) самокритичность, принципиальность, высокую гражданственность и справедливость.

В связи с этим нужно рассудительно подойти к данному вопросу, ведь к каждому следователю нужен индивидуальный подход. Как один из вариантов преодоления фрустрации — это обращение к руководителю следственного органа с просьбой передачи уголовного дела, который в свою очередь в соответствии со статьёй 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеет на это право. Необходимо проработать и другие варианты, которые помогут работнику следственных органов нормализовать психическое состояние и создать для него перспективу деятельности.

Основными направлениями, которые предотвращают появление отрицательного психического состояния работника следственных органов обозначаются формирование и развитие у него таких качеств личности как патриотичность, мужественность, идейность, настойчивость, активность, самокритичность и сопутствующих конструктивных психофизических и нравственных качеств. В связи с этим важным компонентом представляется понимание следователями глубоко нравственных мотивов, побуждающих к добросовестному выполнению служебных обязанностей этой благородной профессии.

Куликова А.А.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Гражданско-правовые подходы законодательства России и зарубежных стран к нарушению режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов

Аннотация. В статье выполнен анализ российского и зарубежного законодательства, в области ответственности за нарушение охраны окружающей среды и в частности режима охраны особо охраняемых территорий. Рассматриваются действующие нормы законодательства Российской Федерации и передовых развитых зарубежных стран в сфере охраны окружающей среды, регламентирующие деятельность особо охраняемых территорий, и формирование их правовых режимов.

Ключевые слова: окружающая природная среда, гражданское право, особо охраняемые объекты, природные территории.

В основном законе РФ, статья 42 Конституции России закреплено право каждого человека на благоприятную окружающую среду. Также данное право обеспечивается путем установления административной и уголовной ответственности за совершение экологических правонарушений.

В федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ особо охраняемые природные территории определены как участки земли, поверхности воды и воздуха, на которых расположены природные комплексы и объекты, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, изъятые органами государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для них установлен режим особой охраны.

Федеральный закон предусматривает категории, учитывая особенности режима данных территорий, а также объектов, которые находятся на них: государственные природные заповедники, включая природные, биосферные и национальные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады; лечебно-оздоровительные местности и курорты, иные категории[1].

За несоблюдение установленного режима и других нормативно-правовых актов защиты особо охраняемых природных территорий, установлена административная ответственность (ст.8.39 КоАП), уголовная ответственность за нарушение режима особо охраняемых природных территорий (ст.262 УК), а также в порядке гражданско-правовой ответственности вред, который причинён особо охраняемым природным территориям и природным объектам, возмещается виновными в причинении вреда физическими и юридическими лицами. Стоимость уничтоженных (поврежденных) особо охраняемых природных территорий, а также запреты на их восстановление включаются в счет причиненного вреда. Экологическая ценность объектов природы и потеря природных ресурсов рассматриваются при возмещении вреда.

Вред от экологических правонарушений рассматривается в двух аспектах материальном и экологическом. Материальный вред выражается в ущемлении имущественных интересов лиц, являющихся собственниками, природных ресурсов и природопользователей в результате загрязнения, повреждения, уничтожения природных объектов. Материальный вред как правило исчисляется в денежном выражении.

Обеспечение защиты особо охраняемых природных территорий, предотвращение вреда произрастающим на их территории лесам и иной растительности, а также населяющему их животному миру обеспечивается ст. 262. «Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Так в гражданском законодательстве затрагивается вопрос защиты особо охраняемых природных территорий и природных объектов от посягательств. В Гражданском кодексе РФ в договоре строительного подряда подрядчик, осуществляющий строительные работы, обязан соблюдать требования нормативно-правовых актов об охране и безопасности окружающей среды.

Для детального и всестороннего рассмотрения экологического правонарушения о нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов необходимо провести сравнительно-правовой анализ действующих норм отечественного и зарубежного законодательства. Важно не только сравнить состояние российского и зарубежного права, но также и перенять их положительный опыт.

[1] Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ.1995. № 12.Ст. 1024.

Например, по Уголовному Кодексу ФРГ[1] экологическим преступлениям посвящен раздел 29. Законодатель установил строгую ответственность за данные преступления, а также разграничил меры наказания за умышленное и неосторожное преступление против окружающей среды.

Экологические преступления в ФРГ подразделяются на две группы, преступления против отдельных компонентов окружающей среды и общие преступления против окружающей среды.

К первой группе относят: загрязнения почв, воздуха, и водоема. Ко второй группе: такие физические загрязнения как шум, сотрясение и высвобождение неионизированного излучения, создание опасности для нуждающихся в защите территорий; тяжкая угроза, посредством высвобождения ядов и др.

«Браконьерство» и «браконьерский лов рыбы» входит в 15 раздел, а именно «Корыстные преступные деяния». Так, условно можно говорить о третьей группе преступлений - «имущественных посягательств на экологию».

Как мы можем заметить, УК ФРГ не содержит самостоятельных преступлений, посвященных нарушению режима особо охраняемых природных объектов и территорий, а также ряд других деликтов об охране животного и растительного мира, кроме случаев браконьерства. Это представляется большим недостатком уголовного законодательства Республики Германия.

Согласно Уголовному Кодексу Австрии 1974 года [2] преступлениям против окружающей среды посвящен раздел 7. Экологические преступления по УК Австрии в основном классифицируются на три группы: общие преступления против окружающей среды, преступления против животного и растительного мира, которые описываются в §182 и §183УК Австрии, и преступления против водных источников, почвы и воздуха.

Аналогично УК ФРГ, в УК Австрии браконьерство, а именно незаконная охота и рыбная ловля отнесены только к имущественным преступлениям в разделе 6. В Кодексе говорится, что лицо, нарушившее право другого на охоту или рыбную ловлю в местности, где он вправе охотиться или ловить рыбу в ограниченном объеме, к тому же за предусмотренные в § 137-138 правонарушения он преследуется только по жалобе лица, который обладает правом на охоту или рыбную ловлю[3].

Как мы видим, в УК Австрии отсутствует специальный параграф об ответственности за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Данные преступления могут относиться ко всем трем группам преступлений, выделенных в кодексе.

Особый интерес представляет уголовное законодательство об охране окружающей среды в странах с англосаксонской правовой системой. В отношении уголовно-правовой охраны окружающей среды США можно сказать, что характерной чертой здесь является тот факт, что ключевое место в экологическом законодательстве США занимает Закон «О национальной политике» в области охраны окружающей среды», который был принят в 1969г.

Отличительной чертой правовой системы США является то, что в государстве нет Уголовного кодекса, но Американским юридическим институтом был разработан

[1] Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 468.
[2] Уголовный Кодекс Австрии / пер. с немецкого А.В. Серебрянникова; науч. редактор Н.Е. Крылова, 2001. С. 144.
[3] Там же.

«Примерный Уголовный Кодекс», который носит рекомендательный характер для штатов.

В Федеральных законах определяются общие правовые режимы отдельных категорий особо охраняемых природных территорий и природных объектов, а только в актах штатов они детализируются.

Закон «О диких и рекреационных реках» (1968 г) [1] контролирует земли, используемые в соответствии с целями охраны природы, качества регионов диких, живописных и рекреационных рек, но с условием, что такой контроль не нарушает режим собственности и прав землепользователя.

В разных штатах США уголовные нормы в сфере охраны окружающей среды располагаются по самым различным нормативно-правовым актам, что вызывает некоторые неудобства для правоприменителей.

В последние 20-30 лет в США прослеживаются тенденции усиления ответственности за экологические правонарушения. Расширяется число видов экологических правонарушений, что влечет за собой рост количества возбуждаемых и рассматриваемых уголовных дел.

Канада, аналогично США, принадлежит к англосаксонской правовой семье, поэтому в Уголовном кодексе Канады нет статей, посвященных экологическим преступлениям. Основной закон в данной сфере – «Об охране окружающей среды Канады» (1988г), устанавливающий административный контроль за опасными загрязнениями. В свою очередь закон «Об экологической экспертизе» (1992 г) определяет порядок проведения экологической экспертизы. Это значительно схоже с процедурой, принятой в США по вышеупомянутому закону «О национальной политике в области окружающей среды»[2].

Свойственно провинциям Канады то, что законодательство в области защиты окружающей среды наиболее многообразно, а также считается обширнее по отношению к федеральному, значительно дополняя также конкретизирует его.

И наконец хотелось бы привести анализ уголовного законодательства Израиля, но перед этим следует отметить, что в стране находится около 160 заповедников и 65 национальных парков, а другие только планируются. Национальные парки создаются с целью охраны природных объектов от антропогенового воздействия нынешней культуры, защиты монументов старины, благоустройства районов, повышения качества жизни.

В Израиле кроме того рано как в иных цивилизованных государствах существует несколько законов, юридически обосновывающих деятельность по защите особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Управление национальных парков и заповедников несет ответственность за охрану окружающей среды в общем. Одна из главных задач Управления – это учреждать и распространять национальные заповедники, сохраняя редкие виды животные, растения и минеральные структуры[3].

В законодательстве Израиля не содержится норм об экологических преступлениях, но в стране существует система законов, в которых описаны возможные экологические нарушения. Например, загрязнение окружающей среды отработанным

[1] Краснова И.О. Экологическое право и управление в США. М., 1992. С.99-100.

[2] Соколов В.И. Канада и международное экологическое сотрудничество // США и Канада. 2000. № 7. С. 113-126.

[3] Государство Израиль. Охрана окружающей среды. КЕЭ, том: 3. 1986. [Электронный ресурс] URL: https://eleven.co.il/state-of-israel/general/15611/ Дата обращения: 26.10.2020.

машинным маслом, твердыми отходами, беспричинный шум в городе и многое другое.

«Уголовно-процессуальный приказ» (штрафные правонарушения - загрязнение воздуха транспортными средствами на дороге) (2001 г)[1] предусматривает наложение немедленных денежных штрафов (аналогично штрафами за парковку) вместо явки в суд. Этот приказ признан обеспечить эффективное соблюдение правил по загрязнению транспортных средств на дорогах. Штрафы касаются пяти категорий нарушений правил дорожного движения, в основном связанных с выбросами дыма и угарного газа.

«Гражданский иск о предотвращение экологических проблем» (1992г) [2]наделяет граждан правом подавать экологические иски от своего имени или от имени некоммерческих организаций, членами которых они являются, в случаях загрязнения окружающей среды или причинения вреда. Они могут включить загрязнение воздуха, моря и воды, твердые отходы, опасные вещества и радиоактивное загрязнение, а также экологические проблемы, которые могут угрожать здоровью человека или вызывать серьезные бедствия. Пострадавшие граждане должны заранее уведомить (за 60 дней) о своем намерении подать жалобу министру охраны окружающей среды и нарушителю. Ели в течение этого периода не будет предпринято никаких действий по устранению помехи, жалоба может быть подана. Закон предоставляет в распоряжение гражданина три вида средств правовой защиты: запретительные приказы, приказы о предотвращении рецидивов и исправительные приказы. Кроме того, закон предусматривает статус экологических групп.

22 июля 2008 года вступил в силу, а в январе 2011 года был принят «Закон о чистом воздухе»[3]. Закон обязывает правительство, местные органы самоуправления и промышленный сектор обеспечить сокращение и предотвращение загрязнения воздуха.

В целом проанализировав уголовное законодательство ФРГ, Австрии, Израиля, США и Канады, можно сделать вывод, что подход к экологическим правонарушениям, в частности, ответственности за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов в разных странах неодинаков. В зависимости от правовой системы государства, обычаев и традиций различается уголовное законодательство. Кроме того, в некоторых странах в Уголовном Кодексе не только не закреплена ответственность за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов, но в целом отсутствуют нормы, регулирующие охрану окружающей среды, а данные нормы отражены в других нормативно-правовых актах.

Подводя итог, можно сделать вывод, что отечественное законодательство в области охраны окружающей среды во многом положительно отличается от зарубежного. Для совершенствования нашего экологического законодательства необходимо использование положительного опыта зарубежных стран, что позволит вывести на более высокий уровень административное и уголовно-правовое регулирование ответственности за рассматриваемые деяния в России. Что касается гражданско-

[1] Сайт Министерства охраны окружающей среды Израиля [Электронный ресурс] URL:http://www.sviva.gov.il/English/Legislation/Pages/PollutionAndNuisances.aspx Дата обращения: 26.10.2020.
[2] Там же. Дата обращения: 26.10.2020.
[3] Там же. Дата обращения: 26.10.2020.

правового регулирования данной области, то стоит более детально раскрыть данную проблему в Кодексе.

Мартынюк Э.Г.
Научный руководитель: **Сунцова Е.А.**

К вопросу о допустимости цифровизации и её пределах в следственной деятельности

Аннотация. Как известно, с течением времени общество развивается: видоизменяются формы и способы общественного взаимодействия, элементы «внутриобщественной» структуры, характер протекающих отношений. Всем вышеперечисленным изменениям сопутствуют свои определённые процессы совершенствования, среди которых и выделяется качественно-количественные факторы улучшения и развития следственной деятельности. На современном этапе развития следствие достигло общемирового значения, что требует прогресса не только в теоретических аспектах, но и в прикладных, соответственно. Современному следователю необходим прогресс в его деятельности, выражающийся в компьютеризации и последующей цифровизации его деятельности, для более точного и менее время затратного расследования преступлений. Общество не стоит на месте, как и следствие, - оно всегда движется вперёд.

Ключевые слова: цифровизация, компьютеризация, следственная деятельность, право, закон, глобализация, мир, общество, прогресс, правоохранительные органы, цифровые технологии.

Говоря об эволюционных процессах, происходящих с обществом в целом, нельзя не раскрывать более точные и, к слову, «приземленные» аспекты, относимые непосредственно к тому или иному роду деятельности. В данном случае особый интерес направлен к следственной деятельности и сопутствующему процессу-цифровизации. В научной литературе термин «следственная деятельность» трактуется по-разному, но имеет единый смысл. В целом, Г.З. Адигамова в своей статье «Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности» предлагает достаточно полную формулировку, раскрывающую прикладную область следственной деятельности: следственная деятельность – система познавательных, организационно-распорядительных, тактических, процессуальных и иных действий и решений следователя, направленных на раскрытие преступления и расследование уголовного дела[1].Но также не стоит забывать, что практика зачастую имеет свой «базис», иначе осуществление тех или иных действий без определённого плана или наброска схемы последовательных действий не имело бы смысла, т.к. цели, задачи, способы и иные критерии не были бы выявлены. Отсюда следует, что и у следственной деятельности, как практики, должна быть основа, на которой она строится и из которой исходит. Этим базисом и является теория уголовного процесса. Но некоторые учёные предлагают также выделять непосредственно теорию следственной деятельности как часть теории уголовного процесса, что, в свою очередь, с одной стороны, достаточно объяснимо и справедливо, но, с другой стороны, так ли важно и необходимо?[2]

[1] Адигамова Г.З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 261-263.
[2] Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности как часть теории уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 124-126.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что процесс так называемой цифровизации распространяет своё влияние не только на практику следственной деятельности, но и на теорию уголовного процесса, а если выделять теорию следственной деятельности как часть теории уголовного процесса, то и на него тоже. Нетрудно понять, что и способы проявления цифровизации будут отличаться в разных сферах.

В науке вышеназванная категория трактуется по-разному. На данный момент времени еще нет единого общепринятого определения, но есть различные схожие по сути трактовки: 1) цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни: промышленность, экономику, образование, культуру, обслуживание и др.[1]; 2) цифровизация (объективный смысл) – подконтрольный обществу процесс, включающий в себя постепенно увеличивающееся как качественно, так и количественно внедрение цифровых технологий во все существующие, зарождающиеся и перспективные сферы жизни социума; 3) цифровизация (абстрактный смысл) – процесс внедрения искусственного интеллекта в повседневность.

Таким образом, из всего вышесказанного исходит достаточно простая сущность данного понятия. Цифровизация, если выражаться простым языком, – это перенос информации «с бумаги на цифру», которая, в свою очередь, подстраивается под человека. Итог оказался достаточно прост и понятен. Важно также не путать цифровизацию с созвучной категорией – информатизацией.

Далее необходимо отметить тот факт, что у следственной деятельности есть определённые характерные особенности (отличительные черты), среди которых можно выделить следующие:

- основное назначение следственной деятельности – качественное расследование преступлений;
- с одной стороны, следственная деятельность четко регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, но, с другой стороны, в принятии некоторых решений следователь остается процессуально независимой фигурой;
- осуществление следствия – это своего рода наличие у субъекта следственной деятельности особых властных полномочий, дарованных и гарантируемых государством, а также осуществление которых происходит от его имени;
- деятельность следователя характеризуется высоким уровнем ответственности и риска, чрезмерным уровнем эмоционального напряжения и психического давления;
- следственной деятельности присущи также «элементы принуждения». Это объясняется не только характером следственной деятельности, но и тем, что в ходе установления объективной истины, появляются так называемые «субъекты противодействия установления объективной истины» – т.е. те, кто не хочет и не желает её достижения. Для этого и применяются разного рода логические уловки, психологическое давление и др.

Отсюда следует *коллизия № 1*: цифровизация предполагает замену человека искусственным интеллектом, а осуществление некоторых процессуальных действий просто невозможно представить без наличия человека. Например, компьютер попросту не сможет производить качественный и результативный допрос рецидивиста. И разрешается коллизия следующим образом: цифровизация – процесс

[1] Цифровизация и её место в современном мире. [Электронный ресурс] URL: https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya. Дата обращения: 30.10.2020.

не абсолютный для следственной деятельности. Он (на данный момент времени!) в абсолютном смысле не может быть применим сразу ко всем процессуальным действиям. Поэтому цифровизация имеет место в определённых областях применения следственной деятельности, о которых обязательно нужно будет рассказать далее. Помимо этого, наравне с человеком искусственный интеллект может помогать следователю в осуществлении процессуальных действий.

В свою очередь, перечень следственных действий приведён в статьях 176-207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В перечень входят такие следственные действия: 1) производство осмотра, 2) осмотр трупа, эксгумация, 3) освидетельствование, 4) составление протоколов осмотра и освидетельствования, 5) следственный эксперимент, 6) обыск, 7) выемка, 8) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, 9) контроль и запись переговоров, 10) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, 11) допрос, 12) очная ставка, 13) опознание, 14) проверка показаний, 15) судебная экспертиза[1].

Можно предположить, что цифровизация может влиять на вышеназванные следственные действия в следующих соотношениях «человек-компьютер»: 1) «сплошная цифровизация», 2) «человек и цифровые системы», 3) «только человек».

Далее необходимо пройти по каждому из следственных действий и на основании уголовно-процессуального законодательства выявить соотношение человек-цифровизация:

1) **производство осмотра:** «человек и цифровые системы». Тут играет человеческий фактор – всё, что незаметно человеку, может обнаружить цифровая система, и наоборот. В данном случае прослеживается взаимодополнение и, как итог, возможное производство качественного осмотра;

2) **осмотр трупа, эксгумация:** «только человек». Во-первых, потому что так прямо указано в действующем законодательстве [УПК РФ, ст. 178, п. 1], а, во-вторых, цифровые системы ещё не развились до той степени, чтобы без помощи человека осуществлять правильный процессуальный осмотр и эксгумацию. Возможно, развитие находится только на этапе компьютеризации;

3) **освидетельствование:** «только человек». Опять же прямое указание в законодательстве [УПК РФ, ст. 179, п. 2, 3]. Но в будущем возможно обновление нормативно-правовой базы и создание инфоматизированных систем качественного освидетельствования;

4) **составление протоколов осмотра и освидетельствования:** «человек и цифровые системы». К составлению протокола осмотра и освидетельствования возможно привлечь цифровые системы в качестве незаменимых помощников следователя;

5) **следственный эксперимент:** «человек и цифровые системы». Если цифровые системы будут развиты на том уровне, чтобы, например, в качестве голограммы воспроизводить произошедшие события, то это станет незаменимым обновлением для следственного эксперимента, т.к. 1. это потребует меньше времени, 2. это позволит точнее установить события происшествия, 3.создаст несколько версий произошедшего в кратчайшие сроки и позволит установить детали происшествия;

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.

6) **обыск:** «человек и цифровые системы». Человек – незаменимый субъект обыска, а цифровая система – помощник. Она позволит производить обыск более детально и тщательнее. Опять же действует принцип: всё, что незаметно человеку, позволит обнаружить цифровая система;

7) **выемка:** «только человек». Цифровым системам ещё далеко до замены человека в области выемки, если это вообще возможно;

8) **наложение ареста на почтово-телеграфные отправления:** «только человек». То же самое, что и в предыдущем пункте;

9) **контроль и запись переговоров:** «сплошная цифровизация» или «человек и цифровые технологии». В принципе, цифровые системы можно привести в вид, чтобы они относительно самостоятельно производили запись переговоров, но тут необходим контроль, который пока невозможен без участия следователя;

10) **получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами:** «сплошная цифровизация» или «человек и цифровые технологии». В данном пункте более вероятно осуществление вышеназванных действий только цифровыми системами, главное создать правильно работающую и бесперебойную программу и задать ей соответствующие задачи;

11) **допрос:** «только человек» или «человек и цифровые системы». Ранее была разрешена коллизия. Но вызов на допрос и составление протокола вполне может осуществляться цифровыми системами;

12) **очная ставка:** «только человек» или «человек и цифровые системы». Непосредственно проведение очной ставки – только за следователем, а вот протоколирование может быть переведено на цифру;

13) **опознание:** «только человек» или «человек и цифровые системы». Цифровые системы могут принимать участие, опять же, посредством голограмм;

14) **проверка показаний:** «человек и цифровые системы». В ходе проверки показаний на месте могут быть задействованы цифровые системы для помощи следователю, установления объективной истины и выявления противоречий в показаниях;

15) **судебная экспертиза:** «человек и цифровые системы». Цифровые системы могут помогать как непосредственно в вынесении постановления о назначении судебной экспертизы, так и в проведении самой экспертизы.

Таким образом, стоит отметить, что на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и цифровых технологий, можно уже внедрять элементы цифровизации в следственную деятельность, т.к. это способствует следующим улучшениям:

- более точное и качественное раскрытие уголовных дел;
- менее время затратный и более результативный процесс расследования преступлений;
- совершенствование уголовно-процессуальной нормативно-правовой базы;
- прогресс, как и в прикладной следственной деятельности, так и в уголовно-процессуальной теории;
- устранение пробелов законодательства;
- и, в целом, развитие и движение правоохранительных следственных органов.

Но у любого процесса есть свой «антипроцесс», т.е. в данном случае негативные влияния, которые принесёт цифровизация в следственную деятельность:

- утечка кадров;
- возможные сбои цифровых систем;

- капитальная переработка законодательства, что потребует огромного количества времени;

- появление новых коллизий, о которых еще необходимо упомянуть.

Коллизия № 2: цифровизация создаёт прямую угрозу следственной деятельности и тайне следствия. Например, это может проявляться в утечки информации, сбой систем, взлом со стороны хакеров и др. Данная коллизию сложно устранить на данный момент времени, т.к. пока ещё не создано достойных систем, обладающих полной защитой от внешних влияний. Но не исключено, что в будущем проблема может быть устранена.

Коллизия № 3: цифровая система – замена человека (следователя). В целом, может быть, так оно и есть в некоторых видах деятельности. Но важно сделать акцент на тот факт, что следственная деятельность попросту не может обойтись без человека, т.к. целиком и полностью основана на нём и исходит по его воле. Цифровые системы – лишь дополнение для более результативной деятельности.

Возможно, рецепт успеха цифровизации – это ни в коем случае не препятствовать прогрессивному процессу. Конечно, есть большой риск получить уйму негативных факторов в следствии. Но! Любому общественному процессу, повторюсь, сопутствует свой «антипроцесс». Самое главное – вовремя пресекать зарождающиеся проблемы.

В своё время известные философы достаточно мудро высказывались о тех или иных жизненных переменах, порой достаточно провокационно как для того времени, так и для нашего. Например, Ф. Ницше сказал очень точную фразу, применимую, прежде всего, к человеку, и, если провести аналогию, к процессу цифровизации в том числе: «И если у тебя не будет больше ни одной лестницы, ты должен будешь научиться взбираться на свою собственную голову: как же иначе хотел бы ты подняться выше? На свою собственную голову и выше через свое собственное сердце! Теперь все самое нежное в тебе должно стать самым суровым. Кто всегда очень берег себя, под конец хворает от чрезмерной осторожности. Хвала всему, что закаляет! Я не хвалю землю, где течет – масло и мед!»[1]. Отсюда можно сделать вывод, что, если время требует перемен, необходимо им следовать и поддерживать их, а не препятствовать, оставаясь на достигнутом, иначе не получиться развиться боле. Это применимо и к цифровизации в следственной деятельности.

Резюмируя всё вышесказанное, можно с уверенность сказать, что цифровизация – неотъемлемый процесс, который коснётся, скорее всего, всех видов деятельности. Одни общественные процессы он заменит полностью, другие – вообще не заменит, а на третьи повлияет лишь частично. Следственная деятельность тоже будет подвержена этому влиянию, но в какой степени – вопрос времени.

Мельников В.М.
Научный руководитель: **Решетов Г.А.**

Историческое предназначение военных следственных органов для обеспечения военной безопасности Российской Федерации

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование истории возникновения, становления, функционирования и развития военных следственных органов и определение их значения для военной безопасности Российской Федерации. Методологической основой

[1] Ницше Ф. Так говорил Заратустра [перевод с немецкого]. М., 2017. С. 185-186.

настоящего исследования выступает общий диалектический метод познания. Были использованы также и частно-научные методы: сравнительно-правовой, исторический, системный, формально-логический.
Ключевые слова: юстиция, военные следственные органы, Вооруженные Силы, правовое положение, военная безопасность

В теории военного права особое положение занимают представления о месте и роли органов военной юстиции в обеспечении военной безопасности России. Сегодня трудно себе представить состояние законности и правопорядка в войсках, если лишить следственные органы их военной составляющей. Существование рассматриваемых структур в системе органов военной юстиции обусловлено военной деятельностью государства. Наличие Вооруженных Сил предполагает существование в них специфических воинских отношений. Эти отношения регулируются особой системой военного законодательства и обширным набором актов военного управления. Квалифицированное применение их возможно специализированными контрольными органами, имеющими в своем составе подготовленные в военном и военно-правовом отношении людей. Следовательно, практическая правоприменительная деятельность должна иметь научное кадровое обеспечение, что предполагает существование военно-юридической науки и развитие военно-юридического образования[1]. Особую роль военной юстиции в системе обеспечения военной безопасности отметил русский мыслитель И.С. Пересветов. Анализируя опыт военного строительства турецкого паши, мыслитель пришел к выводу, что военная юстиция своей деятельностью должна регулировать особый вид отношений – военно-служебные отношения. Была сформирована идея о необходимости создания военных судов, осуществляющих правосудие по общим для всех законам, но с учетом специфики военной службы. Практическая реализации прогрессивных идей мыслителей нашла свое отражение в деятельности Петра I.

Его военная реформа привела к необходимости создания системы военно-уголовного законодательства, созданию специализированных органов – военных судов. В 1713 г. учреждаются первые специализированные следственные органы России. Именовались они «майорские» следственные канцелярии. В соответствии с Наказом от 9 декабря 1717 г. данные канцелярии были подчинены непосредственно Петру I. К подследственности обсуждаемых органов относились дела о наиболее опасных деяниях, посягающих на основы государственности, в первую очередь о преступлениях коррупционной направленности, совершаемых высокопоставленными должностными лицами органов государственной власти (взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, мошенничество). Однако, после смерти Петра I учрежденные им независимые следственные органы упразднили, а концепция вневедомственной модели организации следственных органов была надолго забыта.

Одновременно с перечисленными процессами находились в стадии формирования первые специальные заведения, ориентировавший свою деятельность на подготовку кадров военной юстиции.

Следующим этапом, который заложил предпосылки на пути становления и развития военных следственных органов, стала реализация идей Д.А. Милютина в ходе военной реформы и судебной реформы 1864 года. В милютинской военной реформе важное место занимало изменение системы военного образования, одним из направлений которой стало создание полноценной системы подготовки офицеров

[1] Тер-Акопов А.А., Стрекозов В.Г, Золотухина Н.М. Военной юстиции быть! М., 1992. С. 40.

юридического направления. Данное решение было продиктовано стремлением повысить дисциплину и правопорядок в войсках. Специальное военно-юридическое образование в России берет свое начало от образованной в 1832 г Аудиторской школы, которая впоследствии была преобразована в Аудиторское училище, где в 1866 г. был открыт офицерский класс, ставший в 1867 г. Военно-юридической академией.

Генерал-майор П.О. Бобровский, назначенный на должность начальника Военно-юридической академии, вступил в командование академией в период ее формирования и расцвета. Ему пришлось стать создателем крепкого фундамента военно-юридического образования в России, что было сопряжено с реализовывающейся в те годы военно-судебной реформой.

За время службы в академии П.О. Бобровского произошел переход к высоконаучному военно-учебному процессу, что, в свою очередь, позволило военно-судебному ведомству России достойно вписаться в прогрессивную судебную реформу 1860-70-х гг. А.Ф. Кони писал: «Приняв руководство высшим юридическим образованием в военной среде в период перехода от заеденной рутиною школы к военно-юридической академии, широко раскрывшей дверь науке, он отдался новому для него делу с неослабною энергией»[1]. За период с 1868 по 1917 годы академия выпустила около 1000 военных юристов. Помимо российских офицеров, в академии обучались офицеры армии Болгарии, Сербии, Черногории.

До момента становления Военно-юридической академии с понятием «военный юрист» как в общественном сознании, так и в армии никогда не связывалось представление об образовании: «…аудитор, самое большее, был законник и место ему было в «унтер-штабе», - писал В.Д. Кузьмин-Караваев. В наше время звание военного юриста пользуется всеобщим уважением. Это является следствием того, что значок военно-юридической академии служит достойным оформлением образования того лица, которое носит его на груди[2].

Интересны недавно увидевшие свет замечания Начальника академии генерал-лейтенанта Бобровского П. О., датированные 30 марта 1880 г., на инициативу о передаче вопроса подготовки военных юристов в гражданские вузы: «…..Не вижу в этих предположениях, если бы на них основывались, ради затронутых Государственным контролем вопроса, особенных сбережений для казны, но уверен: что Военное Министерство не может предоставить заботы об образовании военных юристов другим опекунам, в противном случае оно, относительно способов комплектования военно-судебного ведомства, оказалось бы в положении не лучшем того, в каком были в период с 1805 по 1832 год (и даже долгое время по учреждении Аудиторского училища), Генерал Аудиториат, а за ним и Аудиторские Департаменты относительно способов комплектования аудиторами[3].

Разница могла проистекать еще из того, что аудиторы были людьми военными, но малознающими, а военные юристы, имевшие университетское образование, будут ученными людьми без должного знакомства с военной организацией, духом военной дисциплины и условиями обеспечения войскового быта.

Нет ничего опаснее для учреждений, как неустойчивость в приведении в действительность известного рода начал и это ближе всего относится к России, где каждая специальная отрасль должна иметь в своих собственных руках все ресурсы

[1] Кони А. Ф. Павел Осипович Бобровский (1905 г.). На жизненном пути. М, 1905. С. 385.
[2] Ершов В.В., Хомчик В.В. Военная юстиция в России история и современность. М., 2017. С. 31.
[3] Хазин О.А Творческое наследие генерала П.О. Бобровского. М., 2001. С. 5-12.

для образования необходимых специалистов. Такая аксиома указана ещё Петром Великом при устройстве регулярной армии, и которая доказывает, что всякое уклонение от этого начала отражалось вредно на всём Государственном организме. У иностранцев в этом отношении, нам не нужно учиться, каждый народ и каждое государство растут и развиваются самобытно и, сообразно сему имеют свои особые учреждения, как политические, так военные и гражданские, а потому все то, что у нас однажды хорошо начато, и что отвечает потребностям данной организации, то не может, не должно, быть разрушаемо без вреда для этой организации».

Подписано: Начальник Военно-Юридической Академии Генерального Штаба Генерал-Майор Бобровский 30 октября 1880 года (РГВИА. Ф. 348, оп. 1, дело №229, л. 134-142.).

В советские годы необходимость существования и деятельности органов военной юстиции лишь подтвердилась в большей степени. Является характерным то, что система и принципы подготовки военно-юридических кадров Александровской военно-юридической академии были востребованы накануне Второй мировой войны, когда в 1939 году создаётся Военно-юридическая академия РККА, что подтвердилось в ходе Великой Отечественной войны[1].

Рассматривая современные Вооруженные Силы России необходимо отметить, что органы военной юстиции отвечают задачам оперативности и обеспечения высокого качества правоприменительной деятельности. Отдельно необходимо рассмотреть в системе обеспечения военной безопасности органами военной юстиции роль Следственного комитета Российской Федерации, который обрел процессуальный специального органа статус.

Военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации являются «молодыми» федеральным органом исполнительной власти, однако их роль в обеспечении военной безопасности довольно сложно переоценить[2].

В систему Следственного комитета Российской Федерации входят военные следственные органы, которые обеспечивают в пределах своих полномочий исполнение законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве при производстве предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы и лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации. Военнослужащие военных следственных органов поддерживают правопорядок и законность в войсках, не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. В настоящее время военные следственные отделы расположены за пределами России в республиках Абхазия, Армения, Казахстан, Таджикистан (со следственным участком в Киргизской Республике), Южная Осетия и в Сирийской Арабской Республике. Такие военные следственные органы имеют статус военных следственных отделов гарнизонного звена и по своим функционалу и компетенции, в целом, приравнены к территориальным следственным отделам Следственного комитета Российской Федерации по районам и городам. Правовое положение военнослужащих военных следственных органов, проходящих военную службу в указанных отделах, определяется международными договорами Российской

[1] Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия (1866-1891 гг.): Краткий исторический очерк. СПб., 1891. С. 9.

[2] Воронцов С.А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 4. С. 6-18.

Федерации со странами пребывания ограниченного воинского контингента [1]. Особенно интересен опыт обеспечения Следственным Комитетом Российской Федерации военной безопасности России в Сирийской Арабской Республике. Для расследования преступлений, попадающих под юрисдикцию российской стороны, в местах дислокации российской группировки действуют военные следственные органы. По каждому случаю нарушения закона производится доследственная проверка, по результатам которой принимается соответствующее процессуальное решение. 5 декабря 2016 года в сирийском городе Алеппо, террористами из тяжелых вооружений была обстреляна территория российского военного госпиталя. Погибли и были ранены представители одной из самых гуманных и востребованных в наше время профессий – медицинские работники, пострадали мирные люди. Следователями был осуществлен детальный осмотр места происшествия, качественно восстановлена картина произошедших событий. Отсутствуют какие-либо сомнения в том, что лица, которые причастны к этому преступлению, если еще не уничтожены, то в ближайшее время предстанут перед российским либо сирийским правосудием. Доказательства, добываемые нашими следователями, будут использоваться в международных судебных инстанциях для привлечения к ответственности всех лиц, совершивших противоправные деяния на территории Сирии. Можно допустить предположение о том, что в Сирии прекратятся боевые действия и именно благодаря собранным военными следователями материалам люди во всем мире смогут узнать о том, что там происходило на самом деле[2].

Следственный Комитет Российской Федерации играет большую роль в обеспечении военной безопасности России посредством расследования преступлений, совершаемых в условиях военной деятельности, одновременно с этим выявляя причины и условия, которые способствуют совершению преступлений военнослужащими, вырабатывая профилактические меры их предупреждения, осуществляя правовое воспитание и правовую работу в войсках. Не зря отечественные мыслители и правоведы развивали идею необходимости существования органов военной юстиции. Наше время лишь подтверждает, что осуществлять правоприменительную деятельность в условиях военного времени и военных действий – сложная задача, и не все могут справиться со своими юридическими обязанностями. Эта сложная задача выпадает на долю органов военных следственных органов, которые достойно справляются со своей задачей.

Никитин Н.А., Павин Д.В.
Научный руководитель: **Гивель Л.Е.**

Проблемы осуществления и защиты патентных прав в фармацевтике в период пандемии

Аннотация. Данная статья посвящена довольно актуальным проблемам, связанным с эпидемией коронавирусной инфекции. В этой работе рассмотрены способы защиты правообладателями своих исключительных прав в фармацевтической индустрии в условиях

[1] Осипов А.О. К вопросу совершенствования деятельности военных следственных органов Следственного Комитета Российской Федерации, дислоцированных за рубежом // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 6 (263). С. 76-83.

[2] По нашим материалам люди смогут узнать, что происходило в Сирии. [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/gallery/3873828#id17043. Дата обращения: 23.10.2020.

пандемии, вопросы и проблемные аспекты принудительного лицензирования в указанной области. Также приводится анализ действующего гражданского законодательства по рассматриваемому вопросу и сложившейся правоприменительной практики.
Ключевые слова: патент, патентные права, пандемия, COVID-19, Гражданский кодекс, принудительное лицензирование, чрезвычайная ситуация.

Сегодня наше общество переживает невероятное по своей природе явление. Из-за сложившейся эпидемиологической обстановки некоторые сферы общественных отношений претерпевают кардинальные изменения, которые требуют соответствующего правового регулирования. Не стало исключением и патентное право, особенно в области фармацевтики, ведь в данной обстановке нормализация ситуации напрямую зависит от достижений этой области.

В России в настоящий момент разработаны две вакцины от коронавирусной инфекции, в мире вакцины находятся в стадии разработки, что, разумеется, повышает важность защиты патентных прав, возникающих при подобной деятельности.

В проводимом исследовании, мы рассматриваем довольно узкую область цивилистики, однако, основным понятием для нас все же будет являться общее определение патента, которое, напомним, удостоверяет приоритет изобретения, полезной модели или промышленного образца, авторство и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец. Патентное же право, в свою очередь, представляет собой целый институт гражданского права, который регулирует правоотношения, возникающие в связи с созданием и использованием таких объектов интеллектуальной собственности, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

Объектом проводимого нами исследования выступает патентное право в области фармацевтики в период пандемии, а предметом – отношения, возникающие в фармацевтической отрасли в рамках защиты патентных прав во время сложившейся эпидемиологической обстановки, отличающиеся своей новизной и неисследованностью, которые создают проблемные ситуации в данной области.

В основу настоящей работы положен анализ обширного перечня имеющейся научной и учебной литературы по данному вопросу, применен сравнительно правовой анализ, сформулированы выводы и предложения.

Чтобы создать и ввести в использование какое-либо изобретение, полезную модель или промышленный образец, указанные объекты интеллектуальной деятельности должны пройти процедуру патентования. Эта необходимость вызвана большим уровнем конкуренции на потенциальном рынке, который, в свою очередь, способствует возникновению недобросовестной конкуренции, плагиата идей и решений, применения чужих результатов интеллектуальной деятельности. Гражданский кодекс Российской Федерации [1] (Далее - ГК РФ) защищает автора объектов патентных правили правообладателя патента от подобных ситуаций с помощью приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца, а также авторства на него и исключительного права. Указанные возможности предусматриваются патентом и удостоверяются им же, что закреплено в ст. 1354 ГК РФ.

В период сложившейся эпидемиологической ситуации, вызванной коронавирусной инфекцией, наблюдается рост патентования различных лекарств и способов

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 24.07.2020) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

диагностики заболевания, так как самым важным активом для компании, занимающейся разработками в области фармацевтики, являются уникальные разработки. Соответственно очень важное значение для любой подобной компании будет иметь получения исключительного права на изобретения, так как от этого напрямую зависит его коммерциализация. Однако, следует заметить, государства могут стараться ограничивать монополию фармацевтических компаний-патентообладателей, так как на государственном уровне необходимо налаживание достаточного количества поставщиков препаратов, вакцин, тестов по не завышенным ценам, о чем свидетельствует и сложившаяся мировая практика в этой области.

К примеру, вспомним препарат лопинавир (ритонавир), или, как звучит его торговое наименование – «Калетра». Данный препарат создан для лечения таких заболеваний как ВИЧ и СПИД, но помимо этого, ученые открыли возможность применять его для лечения коронавирусной инфекции [1]. Из-за такого значения созданного препарата, его компания-правообладатель – AbbVie, была вынуждена отказаться от принятия мер по защите своих прав на препарат. Стоит отметить, что по смыслу норм гражданского законодательства в данной области, применение препарата от одной болезни для лечения другой, самостоятельным изобретением являться не будет.

В целях предотвращения злоупотреблений, международная медицинская гуманитарная организация «Врачи без границ» / Médecins Sans Frontières (MSF) призвала не выдавать патенты и не наживаться на лекарствах, тестах или вакцинах, которые используются для противодействия пандемии COVID-19. Так же, указанная организация обращается к правительствам всех государств с призывом подготовиться к приостановлению и даже отмене действия патентов, а равно и к другим мерам, таким как регулирование цен для обеспечения доступности медицинских препаратов, в том числе финансовой, что позволит спасти больше жизней[2].

Российское национальное законодательство содержит определенный механизм превенции злоупотреблений. Ввиду такой сложившейся позиции, перейдем в масштабы нашей страны. Так, существует возможность использования изобретения без разрешения патентообладателя с последующим его уведомлением и выплатой компенсации, соразмерной масштабам использования. В соответствие с п. 3 ст. 1359 ГК РФ не являются нарушением исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец использование изобретения, полезной модели или промышленного образца при чрезвычайных обстоятельствах (стихийных бедствиях, катастрофах, авариях) с уведомлением о таком использовании патентообладателя в кратчайший срок и с последующей выплатой ему соразмерной компенсации. Важно отметить, что данная статья приводит конкретный перечень ситуаций, относящихся к чрезвычайным обстоятельствам. Как вы можете заметить, обстоятельства, связанные с эпидемиологической обстановкой, в данном перечне не приводятся. В связи с этим и возникает определенная дискуссионность данного вопроса. Интересно, исчерпывающий ли данный перечень чрезвычайных обстоятельств и можно ли к таковым относить пандемию?

[1] Группа компаний РБК. [Электронный ресурс] URL:https://www.rbc.ru/society/09/04/2020/5e8dd9639a7947277396595a. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Врачи без границ / Médecins Sans Frontières (MSF). [Электронный ресурс]URL:https://ru.msf.org/article/vrachi-bez-granic-prizyvayut-otkazatsya-ot-patentov-i-nazhivy-kogda-rech-idet-o-preparatah. Дата обращения: 24.10.2020.

Если мы обратимся к Федеральному закону от 1 апреля 2020 года № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [1], то сможем увидеть, что термины «режим чрезвычайной ситуации» и «режим повышенной готовности» употребляются раздельно и, что важно, не употребляются в значении, сопоставимом с чрезвычайными обстоятельствами. При этом Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения отмечает, что пандемия COVID-19 сохраняет статус чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение[2].

Следовательно, вопрос попадания ситуации, вызванной пандемией, под действие нормы ст. 1359 ГК РФ остается спорным, особенно учитывая отсутствие правоприменительной практики, и ждет своего нормативного решения.

Перейдем к следующему представляющему для нас большой интерес при изучении данного вопроса аспекту – принудительному лицензированию. Под принудительным лицензированием понимается выдача государством третьему лицу разрешения на использование чужой интеллектуальной собственности без согласия правообладателя [3]. Принудительные лицензии применялись в некоторых развивающихся странах в отношении патентов на лекарственные средства под предлогом защиты здоровья населения и его безопасности, но потенциально принудительные лицензии могут применяться в отношении любого запатентованного изобретения. Следующие основания использовались в развивающихся странах для выдачи принудительных лицензий[4]:

- если имеет место быть чрезвычайная ситуация либо появились обстоятельства, которые связанны с крайней необходимости;
- если изобретение должно обеспечивать жизненно необходимые цели в области здравоохранения;
- если в связи с использованием запатентованного изобретения появился важный общественный интерес;
- если запатентованное изобретение не использовалось патентообладателем в течение разумного срока в той стране, в которой был выдан патент;
- если со стороны патентообладателя было нарушено антимонопольное законодательство вследствие злоупотребления особым рыночным положением;
- если сразу несколько патентов, которые принадлежат разным правообладателям, охраняют одну и ту же технологию. Приведем в пример комбинационную терапию, а

[1] Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ (ред. от 08.06.2020) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций". Компьютерная справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. Электронный ресурс. [Электронный ресурс] URL: https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/5/covid-19-pandemic-remains-public-health-emergency-of-international-concern. Дата обращения: 24.10.2020.

[3] Принудительное лицензирование фармацевтических патентов в России угрожает зарубежным и отечественным разработчикам лекарственных средств. SMITH, GAMBRELL & RUSSELL, LLP. [Электронный ресурс] URL: https://www.sgrlaw.com/wp-content/uploads/2018/05/McDonald-Bruce_Compulsory-Licensing-Article-Russian-Text.pdf?fbclid=IwAR2girBj6JGvSKn8N92J39dgjStUNtxKWThelbBjR8u4l9IO-eK9RUmaAsI. Дата обращения: 24.10.2020.

[4] Там же. Дата обращения: 24.10.2020.

именно тройную комбинацию антиретровирусных препаратов, которая может подлежать охране с помощью сразу нескольких патентов. В случае, если один из патентообладателей отказывается от выдачи добровольной лицензии, технология не может использоваться без принудительной лицензии.

Стоит сказать, что соотношение интересов правообладателей и производителей дженериков (Дженерик[1] — это лекарственное средство, которое содержит в себе химическое вещество, то есть активный фармацевтический ингредиент, который идентичен запатентованному компанией (первоначальным разработчиком лекарства) только подтверждают актуальность проблемы принудительного лицензирования. В последнее время все чаще наблюдаются сложности в разрешениях патентных споров, в связи с появлением локальных патентных споров оригинаторов (Оригинатор[2] — это физическое или юридическое лицо, которое создало, вывело, или выявило сорт растения или породу животного и (или) обеспечивает его сохранение, но не является патентообладателем) с дженериками, которые, в конечном итоге, переросли в споры с большим количеством участников (судебные разбирательства, Палата по патентным спорам, государственные органы и т. п.)[3].

Под принудительной лицензией, согласно ст. 1239 ГК РФ, понимается предоставление лицу права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу, на основании решения суда и на указанных в решении суда условиях. Мы видим, что круг результатов интеллектуальной деятельности, на которые может предоставляться принудительная лицензия, является закрытым. К ним относят: изобретения, полезные модели, промышленные образцы и селекционные достижения. Решение о предоставлении принудительной лицензии может быть принято судом только в случаях, прямо предусмотренных ГК РФ (ст. 1239 ГК РФ): использование изобретения с разрешения Правительства РФ (ст. 1360 ГК РФ), принудительная лицензия при недостаточном использовании изобретения (п. 1 ст. 1362 ГК РФ) и принудительная лицензия на зависимое изобретение (п. 2 ст. 1362 ГК РФ).

Важно отметить, что в России институт принудительного лицензирования до конца еще не раскрыл свой потенциал, практики применения соответствующих норм на сегодняшний день практически нет. Одно из немногих дел по поводу подтверждения принудительной лицензии на использование лекарственного изобретения суд рассмотрел совсем недавно, в 2019 году, в ходе разбирательства по делу иностранной компании Сьюджен (Sugen LLC) против ООО «Натива». Из дела следует, что компания ООО «Натива» функционирует согласно федеральной целевой программе «Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года». Также указанная компания - активный участник программы

---

[1] Свободная энциклопедия Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Приказ Минсельхозпрода РФ от 10.02.1999 № 50 (ред. от 29.09.2003) "О порядке регистрации оригинатора сорта растения" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 12.03.1999 № 1729). Положение о регистрации оригинатора сорта растения. Компьютерная справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22381/d08843e33c3de07af7441389abd8c10f277a2b1a/. Дата обращения: 24.10.2020.

[3] Вопросы патентного права в фармацевтической индустрии в условиях пандемии от 01.10.2020. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс] URL: http://www.garant.ru/article/1414256/. Дата обращения: 24.10.2020.

Правительства по импортозамещению в сфере государственных закупок лекарственных средств. Основное направление деятельности компании заключается в разработке, а затем выводе на рынок России препаратов, относящихся к пульмонологическому ряду.

Иностранные фармацевтические компании Sugen LLC и PHARMACIA & UPJOHN COMPANY LLC обратились в суд с исковым требованием к ООО «Натива» Министерству Здравоохранения РФ заключающемся в обязании со стороны ООО «Натива» о прекращении нарушений евразийского патента № 005996, а также в запрете введения в гражданский оборот противоопухолевого российского препарата «Сунитиниб-натив». В ответ на это, ООО «Натива» так же обратилось уже с встречным требованием признать зависимость лекарственного изобретения, а также с требованием о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 8 февраля 2019 г. по делу № А40-166505/2017 в удовлетворении первоначально заявленных исковых требований отказано, встречные исковые требования удовлетворены [1]. В стадии апелляции и кассации законность решения суда первой инстанции была подтверждена. При пересмотре данного дела, что важно, было отмечено, что судом первой инстанции были учтены следующие обстоятельства: изобретения истца и ответчика применяются для изготовления лекарственных препаратов от тяжелых болезней (в том числе от онкологических заболеваний), а организация своевременного и качественного оказания квалифицированной медицинской помощи онкологическим больным – приоритетная задача для удовлетворения интересов общества.

В целом, институт принудительной лицензии, который на сегодня сложился в Российской Федерации, допускает вторжение в область частных интересов и прав патентообладателя. Данное средство правового воздействия нашло место использования в ситуациях, когда патентообладатель проявляет отрицательное влияние на рыночную среду, мешает реализации прав и охраняемых законом интересов потребителей, других хозяйствующих субъектов, и вообще представляет собой угрозу основополагающим интересам общества и государства.

В настоящее время судебной практики по рассмотрению жалоб между компаниями, запатентовавшими лекарства или вакцины от Covid-19 нет, поскольку, как мы указывали выше, практика еще не сформировалась. Не будем говорить о препаратах, которые используются в стационарах больниц для лечения больных, поступивших с признаками Covid-19 и у которых данный диагноз подтвердился лабораторно. Здесь стоит сказать именно об официально запатентованных препаратах и вакцинах, которые необходимо именно для лечения такого заболевания как Covid-19. По данным на 7 августа 2020 года Роспатент выдал три патента в рамках новой разработки. Патент №2728939 содержит информацию об использовании "Лейтрагина" для лечения Covid-19, патент №2728938 - о профилактике пневмонии и тяжелых осложнений Covid-19 при помощи "Лейтрагина". Патент №2728821 раскрывает применение "Лейтрагина" в сочетании с другим лекарством. Авторами изобретения являются Валентин Виноградов, Вероника Скворцова, Владислав Каркищенко, Игорь

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 октября 2019 г. № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017. Информационно-правовой портал «Гарант.ру». [Электронный ресурс] URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72838784/. Дата обращения: 24.10.2020.

Помыткин, Александр Самойлов, Татьяна Астрелина и Юрий Удалов[1]. При всем при этом вакцину «Спутник V» начали активно испытывать на людях, причем, в первую очередь, на медицинском персонале[2], потому что именно они сейчас наиболее подвержены заражению новой коронавирусной инфекцией в связи с тем, что они постоянно находятся в контакте, даже можно сказать, в близком контакте с больными Covid-19. Таким образом, все выданные патенты четко санкционируются государством, так как в режиме повышенной готовности к резкому росту заболеваемости Covid-19 необходимо мобилизовать усилия по предотвращению роста заболеваемости и лечению больных.

В заключении хотелось бы сказать, что такое явление как новая коронавирусная инфекция Covid-19 является еще не изученным заболеванием, последствия которого порой бывают неожиданными и страшными. Регулирование данного явления еще не развито ни в области права, ни в рамках медицины. В свою очередь, стоит сказать, что существует необходимость внесения изменений в действующую редакцию Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно в ч.3 ст. 1359 ГК РФ, так как в неё включен закрытый перечень чрезвычайных обстоятельств. Если проработать данный вопрос на законодательном уровне, то запатентованные препараты и вакцины от Covid-19 можно будет использовать свободно в целях лечения больных, и это не будет являться нарушением патентных прав. Также законодателям следует обратить внимание на динамику заражаемости Covid-19 в России и в других странах, так как от этого будут зависеть дальнейшие испытания вакцин и дальнейшая выдача патентов на разработку препаратов и вакцин для лечения коронавирусной инфекции.

Полторацкий Н.А.
Научный руководитель: **Гивель Л.Е.**

Осуществление торговли людьми посредством совершения купли-продажи человека: взаимосвязь с гражданским законодательством и некоторые проблемы квалификации

Аннотация. В статье рассматривается объективная сторона торговли людьми в рамках её осуществления посредством купли-продажи человека. Обращается внимание на отдельные дискуссионные вопросы, требующие обращения к нормам гражданского законодательства. Проведён анализ распространённого способа осуществления торговли людьми — купли-продажи. Исследована и приведена в пример судебная практике по тематике научной работы.

Ключевые слова: торговля людьми, договор купли-продажи, свобода личности, объективная сторона преступления, гражданское законодательство, преступное деяние.

Общепринятым является тот факт, что свобода и личная неприкосновенность относятся к неотъемлемым правам каждого человека и гарантируются Конституциями многих государств. Однако, в настоящее время для всего мирового

[1] Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. «РИА Новости: ФМБА получило три патента на разработку препарата от COVID-19» от 07.08.2020 [Электронный ресурс] URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/ria-patenti-na-razrabotku-preparata-ot-covid19. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Департамент здравоохранения города Москвы (mosgorzdrav.ru). [Электронный ресурс] URL: https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/news/default/card/4685.html. Дата обращения: 24.10.2020.

сообщества в целом и России в частности, остаётся неразрешённой проблема, связанная с осуществлением незаконным сделок в отношении человека[1].

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что имеются факты вывоза людей из России для дальнейшего осуществления в отношении них сделок в качестве живого товара. В основном, это происходит посредством осуществления купли-продажи. Однако из-за повышенной латентности совершаемых противоправных деяний отмечается низкий уровень выявления и раскрытия данной категории преступлений.

Согласно диспозиции нормы Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (далее – УК РФ) о торговле людьми, закреплённой в статье 127.1 УК РФ, она может осуществляться посредством купли-продажи, а также иных сделок. Под формулировкой «иные» подразумеваются виды сделок, закреплённые в гражданском законодательстве, а именно: дарение, заключающееся в безвозмездной передаче человека; мена, которая характеризуется передачей человека за различные ценности; обмен, то есть процесс передачи одного человека за предоставление в пользование другого и так далее. Данный перечень является не исчерпывающим. Такая законодательная конструкция объективной стороны объясняется тем, что гражданско-правовые отношения постоянно изменяются и дополняются, в связи с чем, установить исчерпывающий перечень сделок невозможно и нецелесообразно[3].

Отмечается, что одним из распространённых способов совершения изучаемого преступления является купля-продажа. В связи с этим, в настоящей статье поставлена цель исследовать торговлю людьми в рамках её осуществления посредством только купли-продажи.

Для того, чтобы иметь верное представление о данной сделке, необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства. Так, исходя из смысла диспозиции статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[4], купля-продажа представляет собой сделку, в результате которой продавец передаёт покупателю товар в собственность, а он, в свою очередь, принимает на себя обязанность принять данный товар и уплатить за него оговоренную денежную сумму. Основываясь на вышеуказанной гражданско-правовой норме, купля-продажа в уголовно-правовом аспекте применительно к торговле людьми, определяется как умышленные действия со стороны заинтересованных сторон, каждый из которых выполняет часть объективной стороны, входящей в состав преступления. То есть, это сделка между двумя сторонами, в соответствии с которой одна передаёт человека, а вторая обязуется передать за это определённую денежную сумму[5]. Как мы видим, в данном случае разница заключается только в предмете сделки.

---

[1] Рудик О.С. Торговля людьми в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки. 2009. С. 181-186.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ.1996. № 25. ст. 2954; 2020. № 31 (часть I). ст. 5019.

[3] Писарев Ю.А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 133-135.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СЗ. 1996, № 5, ст. 410; 2020. № 20, ст. 3225.

[5] Климанов А.М. Некоторые вопросы доказывания объективной стороны при расследовании торговли людьми // Новый университет. 2014 №14 (38). С. 57-61.

Следует отметить, что разъяснительное Постановление Пленума Верховного суда по вопросам квалификации торговли людьми было издано только в конце 2019 года[1]. Необходимость разъяснения данных положений была вызвана потребностями судебной и следственной практики, связанными с допущением ошибок в квалификации торговли людьми и выражающимися в частности: проблемного вопроса момента окончания купли-продажи человека, а также формы оплаты при осуществлении купли-продажи человека.

В связи с тем, что этим постановлением было уделено внимание не всем проблемным вопросам судебной практики, то представляется целесообразным подробнее разобрать предпосылки издания Пленумом Верховного суда данного постановления в целях закрепления и уяснения противоречивых следственных ситуаций, складывающихся в правоприменительной практике.

Во-первых, относительно формы оплаты некоторые учёные, например, В.М. Лебедев утверждают о том, что в рамках совершения купли-продажи может быть совершена передача человека одной стороной в счёт погашения долга второй стороне либо выполнения других имущественных обязательств[2]. Однако, по нашему мнению, указанная точка зрения является ошибочной в связи с тем, что исходя из содержания договора купли-продажи в гражданском законодательстве покупатель обязан уплатить за товар денежные средства в наличной либо безналичной форме. Также данное обстоятельство подтверждается тем фактом, что в диспозиции состава преступления «Торговля людьми», отечественный законодатель специально в подобных случаях предусмотрел в объективной стороне формулировку «иные сделки», в результате которых может осуществиться дарение человека, мена либо обмен. Юридическая конструкция изучаемой правовой нормы построена таким образом для того, чтобы злоумышленники специально не вводили органы предварительного следствия в заблуждение и не уходили от ответственности.

Во-вторых, споры возникали относительно того, когда преступление считается оконченным. Некоторые учёные считают, что деяние будет признано оконченным с момента начала реализации злоумышленником объективной стороны. То есть непосредственное осуществление купли-продажи человека. Другие авторы, например, Е.Л. Харьковский утверждают, что, основываясь на постулатах гражданского права, купля-продажа будет оконченным преступлением с того момента, когда между сторонами будет заключено соглашение по всем условиям и обязательствам сделки[3].

Исходя из того, что торговля людьми относится к разновидности формальных составов преступления, то следует полагать, что для квалификации купля-продажа будет считаться оконченной с момента заключения соглашения между двумя сторонами и выполнения ими обязанностей[4].

В подтверждение вышеизложенных доводов, необходимо привести пример из судебной практики в целях уяснения того момента, когда купля-продажа человека считается оконченным преступлением. Так, приговором Октябрьского районного суда были привлечены к уголовной ответственности Чередниченко Г.В. и

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // РГ. 2019. № 296.

[2] Крылатых И.В. Купля-продажа как способ торговли несовершеннолетними в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 38. С. 50-52.

[3] Климанов А.М. Некоторые вопросы доказывания объективной стороны при расследовании торговли людьми // Новый университет. 2014 № 4 (38). С. 57-61.

[4] Крылатых И.В. Купля-продажа как способ торговли несовершеннолетними в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010 № 38 С. 50-52.

Чередниченко Н по ч.3 ст.30, п. «б, з» ч.2 ст. 127.1УК РФ при следующих обстоятельствах:

Чередниченко Г., находясь в состоянии беременности и не желая воспитывать будущего ребёнка, из корыстных побуждений посредством сети «Интернет» нашла объявление, в котором завуалированно было указано желание по приобретению ребёнка за определённую сумму. После переписки Чередниченко Г с потенциальным покупателем Х, они назначили встречу, в результате которой договорились о последующей купле-продаже новорожденного ребёнка за 500.000 рублей. Во всех действиях Чередниченко Г., ей помогала её мать Чередниченко Г.В. Так, после рождения ребёнка они начала осуществлять свой преступный умысел и по договорённости встретились с покупателем Х в машине. После передаче ребёнка покупателю, семью Чередниченко задержали сотрудники полиции, действовавшие в рамках оперативно-розыскного мероприятия[1].

Таким образом, действия злоумышленников в итоге квалифицировали как покушение потому, что по независящим от них обстоятельствам сделка не была доведена до конца, а именно: покупатель не выполнил свою обязанность по оплате предмета сделки. На это также, в пункте № 14 в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного суда обращается внимание: при осуществлении купли-продажи в отношении человека, данное преступление будет квалифицироваться оконченным с момента совершения заключённой между сторонами сделки.

Продолжая уголовно-правовой анализ торговли людьми во взаимосвязи с гражданским законодательством, необходимо отметить, что в юридической литературе проблемным является вопрос о квалификации заключённого соглашения купли-продажи ребёнка, который родится только в будущем. Речь идёт о купли-продаже несовершеннолетнего новорожденного, который на момент заключения сделки ещё не появился на свет и находится в утробе матери. Подобные жизненные ситуации нередко встречаются на практике и у органов следствия. При квалификации содеянного зачастую возникают вопросы: будут ли данные действия относится к купле-продаже и можно ли считать такое преступление оконченным? Для ответа на первый вопрос, прежде всего, потребуется обратиться к гражданскому законодательству чтобы понять, могут ли образовать данные действия договор купли-продажи? Руководствоваться необходимо пунктом 2 статьи 455 Гражданского кодекса, где речь идёт о возможности отчуждения будущих вещей. Вышеуказанная норма предусматривает возможность заключения таких сделок, когда предмета договора ещё нет в наличии, но есть основания полагать, что в ближайшем будущем появится[2].

Продолжая отвечать на выше обозначенные вопросы, следует отметить, что по общему правилу, торговля людьми считается оконченным преступлением с начала выполнения объективной стороны, то есть с момента заключения сделки. Однако, данный случай, по мнению, И.В. Крылатых является исключением из общего правила. Данные действия следует квалифицировать как приготовление к купле-продаже несовершеннолетнего.

[1] Приговор № 1-963/2012 от 12 декабря 2012 г. по делу № 1-963/2012. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/UNmZmhTOgrV8/. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Бычков А.И. Отчуждение будущих вещей и имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 6 (129). С. 52-66.

В целях более полного уяснения, каким образом осуществляется купля-продажа человека, в заключении представляется необходимым привести пример из судебной практики по совершению купли-продажи в отношении человека.

Так, по данным предварительного следствия, Закирова Н.А., Сормонтоева Е.Г. и Расулов О.Т. заключили сделку по купле-продаже несовершеннолетнего ребёнка, находящегося в беспомощном состоянии. А именно: вышеуказанные лица исходя из корыстных побуждений и нежеланием воспитывать ребёнка, решили продать будущего ребёнка Сормонтоевой Г.М. Позднее, злоумышленники нашли покупателя, в лице которого выступал оперативный сотрудник полиции, действующий на основе оперативно-розыскного мероприятия и договорились с ним по условиям совершения сделки. Затем, после рождения ребёнка, между вышеуказанными лицами произошла встреча в автомобиле, где и состоялась передача новорожденного ребёнка за определённую денежную сумму. В этот момент времени преступники были задержаны[1]. То есть Закинова, Сормонтоева и Расулов, выступая одной стороной, договорились с оперуполномоченным, именуемым второй стороной о том, что они передают ребёнка, а он, в свою очередь, за это обязуется передать определённую денежную сумму.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сформулировать содержательные выводы:

Становится понятным, что при расследовании преступлений определённой категории, например, таких, как торговля людьми, у правоприменителей возникают потребности в уяснении ряда норм гражданского законодательства, чтобы своевременно установить истину по делу и правильно установить соответствие между признаками совершённого общественно опасного деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса.

Также немаловажным становится осознание того, что купля-продажа является непосредственным актом торговли людьми, а такие прочие действия, как например: вербовка, перевозка либо укрывательство относятся к сопутствующим и дополняющим действиям к торговле людьми, либо иным сделкам в отношении человека. Однако толкование данных норм о гражданско-правовой сделке в соотношении с нормами уголовного законодательства неоднозначно и вызывает ряд противоречий среди учёных и правоприменителей относительно квалификации содеянного.

Полякова Н.А., Хайруллаев Г.Г.
Научный руководитель: **Правкина И.Н.**

Требования, предъявляемые к личности следователя: теоретико-правовой аспект

Аннотация. Статья посвящена одной из чрезвычайно важных проблем отечественной теории государства и права – профессионально значимым качествам, необходимым для эффективного осуществления правоохранительной деятельности следователя. Особое внимание, при этом, уделяется профессионально-психологическим качествам следователя, его правовому сознанию и правовому воспитанию.

[1] Шелков Д.Р. Особенности уголовно-правовой квалификации торговли людьми // Наука. Общество. Государство. 2018. Т.6. №2. (22). С. 116-125.

Ключевые слова: следователь, нравственно-правовые принципы, правосознание, правовое воспитание.

Правовая охрана социальных ценностей, поиск и установление истины, привлечение виновного к ответственности – цели следственной деятельности. На основе познавательной деятельности, которая заключается в собирании и изучении различных доказательств, следователем восстанавливаются картины прошлого. Следователь сталкивается с рядом трудностей, например, необходимость преодоления сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном расследовании дела лиц. В производстве следователя может находится несколько уголовных дел, что определенно требует от следователя способности к решению нескольких задач одновременно. Следует отметить и личную ответственность следователя за принятые им решения.

Работа в следственных органах не обходится без тяжелых психологических и умственных нагрузок, с которыми не каждому под силу справиться. Одним из направлений деятельности следователя является предупреждение преступлений. Для реализации данной задачи необходимо выяснить причины, способствующие совершению противоправного общественно опасного деяния. Преступником не рождаются, а становятся. Причин, способствующих появлению и развитию в личности социально опасных качеств множество. Это может быть влияние плохой компании, тяжелая жизненная ситуация, детские психологические травмы, унижения со стороны окружающих и др.

Преступное поведение – результат взаимодействия личности с социальной средой. Так как личность – основа механизма преступного поведения, успешное раскрытие преступления, а в дальнейшем предупреждение невозможно без ее психологического анализа. Изучение условий жизни виновного, его прошлого, характера взаимоотношений с окружающими – всё это способно помочь понять преступника, установить с ним психологический контакт, который необходим для расследования уголовного дела. В связи с этим, следователю приходится быть не только правозащитником, но еще и психологом. Конечно, в рамках предварительного расследования должны изучаться не все психологические особенности подозреваемого, обвиняемого, а только те, которые имеют важное значение для следствия. Одни из них играют ключевую роль в выборе преступного способа удовлетворения потребностей или разрешения конфликта (эгоистическая направленность личности, неуважение к человеческой жизни и человеческому достоинству и т.д.). Другие же психологические особенности только способствуют совершению преступлений при внешнем неблагоприятном воздействии (слабоволие, подчиненность, низкий уровень интеллектуального развития, трусость и т.д.).

Некоторые качества личности важны для понимания степени общественной опасности преступника и перспектив его перевоспитания. Отрицать значимость психологического анализа личности преступника нельзя. Так, личность виновного учитывается при определении вида и размера наказания (ст. 60 УК РФ), в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (ст. 61, 63, 64 УК РФ), при решении вопроса об условном осуждении (ст.73 УК РФ), при решении вопроса об освобождении от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ)[1]. Психологический

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

анализ преступления обязателен при предварительном расследовании. Данные психологии активно используются при проведении следственных действий.

Так, при проведении обыска необходимо учитывать, что в выборе места и способа сокрытия предметов преступления проявляются такие качества личности, как навыки, привычки, сообразительность, а также некоторые черты характера: педантизм, осторожность, лень и др. В большинстве случаев человек даже не замечает влияния качеств его личности на какие-либо бытовые действия.

Отметим, что одним из требований, предъявляемых к тактическим приемам обыска, является наблюдение за психическим состоянием обыскиваемого или членов его семьи (если они знают место сокрытых предметов). Постоянно наблюдая за их поведением, следователь может заметить определенные реакции со стороны обыскиваемых в тех случаях, когда поисковая группа приближается к тайникам. Таким образом, психологию личности преступника следует изучать в тех пределах, которые позволяют следователю обеспечить решение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, криминологических и исправительно-трудовых проблем по конкретному делу.

Глубокое и полное изучение следователем психологических особенностей личности необходимо для решения следующих актуальных задач:

1. Правильная квалификация преступления. Особенно это важно при определении психического состояния в момент совершения преступления.

2. Выбор тактических приемов, которые в наибольшей степени способствуют успешности при проведении следственных действий. Наиболее значимы данные о психологических особенностях личности при проведении допроса, следственного эксперимента, обыска, очной ставки.

3. Воспитательное воздействие на личность виновного должно начинаться на первом допросе и опираться на достаточно глубокое знание следователем индивидуальных особенностей личности допрашиваемого. Обращение следователем к положительным качествам личности помогает расположить к себе допрашиваемого, что очень важно для получения правдивых показаний.

4. Работа по выявлению причин данного преступления. Мало раскрыть преступление, важно понять какие были его причины и по возможности предпринять меры по устранению этих причин. По мнению О.В. Хотина, профилактика преступлений может быть представлена в виде последовательных этапов воздействия на объекты.

1. Ранняя профилактика, которая заключается в выявлении и нейтрализации рисков, ситуаций, неблагоприятных жизненных условий, способных привести к совершению правонарушений определенными группами и отдельными лицами.

2. Ранняя профилактика, сочетаемая с оказанием социальной помощи и корректирующего воздействия, когда неблагоприятная жизненная ситуация уже привела к искажённой нравственной позиции групп или отдельных лиц и, как следствие, к социально неодобряемому поведению.

3. Непосредственная профилактика, осуществляемая в случае, когда социально неприемлемое поведение лица (группы) происходит систематически и его характер указывает на возрастающую опасность.

4. Профилактика непосредственной опасности совершения преступлений.

5. Пресечение подготавливаемых преступлений, включая недопущение продолжения начатого преступления, а также создание ситуации, исключающей дальнейшую преступную деятельность.

6. Применение процессуальных мер и мер уголовно-правовой превенции.

7. Профилактика рецидива на стадии отбывания наказания и ресоциализации, включая социальную помощь, воспитательное воздействие, контроль.[1]

Таким образом, осуществление профилактической функции требует от следователя не только большого напряжения сил, но и находчивости, умения использовать каждую естественно сложившуюся ситуацию во время общения с обвиняемым, выдержки и терпения. Умение чувствовать людей есть не у всех, но именно оно помогает следователю при осуществлении своих должностных полномочий. Одним из важнейших условий, необходимых при реализации профилактической функции, является неукоснительное соблюдение следователем основных принципов предварительного следствия – законности, быстроты, полноты, всесторонности и объективности расследования, обеспечения обвиняемому права на защиту, недопустимости разглашения тех данных предварительного следствия, которые могут нанести моральный ущерб виновному или его семье. Ведь расследование дел, как мы знаем, неизбежно связано с проникновением в личную жизнь людей, изучением их уклада жизни, семейных отношений. Оглашение этих данных может привести к трагическим последствиям. Именно поэтому законодатель предписывает следователю не распространятся об известных ему личных подробностях жизни людей.

Эффективность осуществления профессиональной деятельности следователя обеспечивается реализацией нравственно-правовых принципов, лежащих в основе этой деятельности и выражающие ее сущностные характеристики. Для следователя мало знать законы и соблюдать их. Ему необходимо быть морально устойчивым человеком и уметь переносить все трудности своей работы. Очень важно осознавать, что следователь – это представитель власти, который должен быть образцом поведения для каждого жителя страны. Сотрудник следственных органов должен уметь мыслить аналитически и иметь абстрактное мышление для обеспечения грамотного и быстрого расследования уголовного дела.

Честность, неподкупность, желание защищать людей, любовь к своей работе – вот те качества, без которых достойное выполнение возложенных законом на следователя задач невозможно. «В своем поведении государственным служащим необходимо исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, достоинства, своего доброго имени». Итак, любые действия, нарушающие права и свободы человека и гражданина, являются недопустимым[2]. Законодательство требует от сотрудников следственных органов «в любой ситуации сохранять личное достоинство; быть образцом поведения, добропорядочности и честности во всех сферах общественной жизни; придерживаться здорового образа жизни, заботиться о своём внешнем виде, всегда быть подтянутый и аккуратным»[3]. Также можно отметить, что все процессуальные требования установлены соответствующими нормативно-правовыми актами, например, в ст. 16 Федерального закона от 28.12.2010

[1] Хотин О.В. Индивидуальная профилактика насильственных преступлений органами внутренних дел Центрального федерального округа России // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 146-149.

[2] Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом Российской Федерации 11 апреля 2011 г.) [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/1357640. Дата обращения: 23.10.2020.

[3] Там же. Дата обращения: 23.10.2020.

N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Так, в соответствии с данным нормативно-правовым актом «сотрудниками Следственного комитета могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами и способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности» [1]. Таким образом, законодатель предъявляет не только процессуальные требования к сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации, но еще морально-нравственные. Это обусловлено, прежде всего, значимостью следователя в механизме государства.

Эффективность работы следователя зависит от его мировоззренческих установок, которые опосредуются в правосознании, в связи с этим вопросы правового воспитания и правового сознания следователя на сегодняшний день являются чрезвычайно значимыми.

Работа в правоохранительных органах подразумевает собой выдержку каждого из сотрудников, высокий уровень их теоретических и практических знаний и навыков, а также уверенность в том, что сотрудник, прежде всего, сам будет соблюдать законы, издаваемые компетентным органом государственной власти. Следует отметить, что правовая культура – характеристика профессионализма сотрудника правоохранительных органов. Её основу составляют нравственные нормы, которые усваиваются в процессе социализации. Межличностное общение является составной частью деятельности следователя. Он обязан уважительно относится к каждому, с кем ему приходится взаимодействовать независимо от того, кто его собеседник: лицо, обвиняемое в совершении преступления против личности, свободы, чести и достоинства личности или против собственности.

Правосознание напрямую связано с нравственным сознанием. Почитание и соблюдение законодательства показывают уровень правового воспитания. Надлежащее выполнение своих должностных обязанностей невозможно без достойного уровня правового воспитания сотрудников. Известно, что по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации следователь относится к стороне обвинения, но это не значит, что следователь должен находить все способы, чтобы привлечь подозреваемого к уголовной ответственности. Следователю стоит трезво оценить каждое уголовное дело, которое попадает ему в руки, и вести расследование строго объективно, как это представлено российским законодательством. Приветствуется помощь следствию со стороны общественных помощников, которые в скором времени будут с гордостью выполнять обязанности следователя. Все это способствует формированию правосознания у самих сотрудников и повышает вероятность их законных действий в предварительном следствии.

Стоит дополнить о том, что каждый человек способен сострадать или просто относиться к кому-либо по-человечески. Но правоохранителю, в первую очередь, придется квалифицировать действия лица, совершившего преступление в соответствии с действующим законодательством и никак иначе. Существует множество дискуссий и противоречий понимания такого словосочетания как «буква закона». Стоит отметить, что «буква закона» не должна преобладать над пониманием «духа закона». Потому что все отражение действительности будет вовсе не таким,

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

какое есть на самом деле. Девиз Следственного комитета Российской Федерации гласит: «служа закону – служим Отечеству». Это подтверждает нашу мысль о том, что понимание закона, его беспрекословное соблюдение – основа деятельности сотрудников следствия.

Таким образом, следователь – это лицо, которое должно обладать знаниями не только в сфере действующего законодательства, но и в области педагогики, этики, психологии. Целеустремлённость, организованность, ответственность, умение найти общий язык со всеми без исключения – обязательные качества для следователя. Без них невозможна реализация главных задач, стоящих перед следователем в процессе расследования преступлений. В рамках осуществления своей профессиональной деятельности он, так или иначе, вовлекается в личную жизнь других людей и поэтому к нему предъявляются такие высокие процессуальные и морально – нравственные требования. Следователь – это образ жизни!

Потемкина А.С.
Научный руководитель: **Гивель Л.Е.**

Опека и попечительство в российском законодательстве: проблемный аспект

Аннотация. В статье рассматривается опека и попечительство как институт гражданского права, а также как форма защиты прав и интересов гражданина, который не способен в полной мере осуществлять свои права и выполнять обязанности по причине неполной дееспособности или ее отсутствия.

Ключевые слова: опека и попечительство, частично или полностью недееспособные лица, защита прав и свобод человека

«Институт опеки и попечительства» - это комплексный институт семейного и гражданского права, система норм, направленных на урегулирование отношений государства и лиц с неполной дееспособностью.

Опека и попечительство являются одним из главных элементов осуществления защиты прав и интересов личности государством. Законодатель уделяет особое внимание данному институту, однако есть определённые аспекты, которым следует уделить особое внимание, некоторые положения нормативных актов относительно прав и обязанностей опекунов и попечителей, на наш взгляд, нуждаются в конкретизации.

Данная тема является актуальной в настоящее время, вследствие наличия категорий граждан, которые незащищены юридически и социально, что влечет за собой риск нарушения их имущественных и личных неимущественных прав, в том числе посредством совершения преступлений в их отношении. Актуальным этот вопрос считается не только в российском национальном праве, но и за рубежом. В российском законодательстве проблема правового регулирования опеки и попечительства связана с коллизиями нормативных актов, в частности, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1], Семейного кодекса Российской

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

Федерации[1] (далее – СК РФ), а также Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[2].

Следует разобрать несколько противоречий и способы их решения.

Одной из проблем нормативного регулирования исследуемых явлений выступает отсутствие в законодательстве единого, конкретного и четкого определения объема дееспособности лиц, которые находятся под опекой и попечительством. Примером может послужить норма, используемая в ГКРФ, которая говорит, согласно которой ограниченно дееспособные лица вправе сами совершать юридические действия (статья 30 ГК РФ), но при этом нет четкого понятия круга правомочий ограниченных в дееспособности лиц как материально-правовых, так и процессуально-правовых (в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ).[3]

Указанную проблему можно решить посредством внесения изменений и дополнений в ГПК РФ. А именно, видеться целесообразным дополнить ГПК РФ нормой о процессуальных полномочиях лиц с неполной дееспособностью, а также относительно разграничения объема полномочий (прав) между недееспособным и ограниченно дееспособным лицом, что поможет им в полной мере реализовать свои права.

Еще одним противоречием в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере опеки и попечительства, является отсутствие четкого и конкретного разграничения сферы регулирования нормами семейного и гражданского законодательства. Одни ученые считают, что опека и попечительство являются отдельным институтом гражданского права и не взаимодействует с СК РФ[4]. Другие же ученые наоборот считают, что опека и попечительство являются комплексным институтом, который включает в себя как ГК РФ, так и СК РФ. Данные разногласия ученых могут нести потенциальную проблему в правоприменительной практике при рассмотрении вопросов, затрагивающих данные правоотношения. Указанные нормативные документы имеют тонкую грань пересечения. ГК РФ имеет главной целью защиты имущественных прав, а в СК РФ целью является, в первую очередь, защита личности. Таким образом, указанные нормативные акты совместно регулируют и защищают как личные, так и имущественные права, и интересы граждан, которые сами сделать это не могут. Еще опека и попечительство играет важную роль в воспитании ограниченно дееспособных лиц.

Институт опеки и попечительства, представляется, является комплексным, и включает в себя как нормы гражданского, так и семейного законодательства. Ведь данные нормы обусловлены необходимостью государства обеспечить охрану прав и свобод недееспособных и не полностью дееспособных граждан. Изменения в нормативных актах позволят четко обозначить правовую природу опеки и попечительства, сформулировать определенный правовой статус недееспособных лиц и лиц с ограниченной дееспособностью. Внесение определенных изменений в нормативно-правовые акты, конкретизирующих круг правомочий указанных лиц, приведет к улучшению организации работы органов опеки и попечительства на всех

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст.16.

[2] Федеральный закон от 24.04.2008 № 48ФЗ (ред. от 01.03.2020)"Об опеке и попечительстве" // СЗ РФ. 2008. № 1. Ст. 3.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Шамолина Т.А. Опека и попечительство // Молодой ученый. 2019. № 1 (239). С. 126-128.

территориальных уровнях. Нормативные изменения поспособствуют своевременному установлению опекунов и попечителей над недееспособными либо ограниченно дееспособными лицами, при этом назначенные лица будет примером для последних.

Необходимо уделить особое внимание правам и обязанностям опекуна и попечителя, в том числе в части потенциального риска нарушения имущественных интересов подопечных, вплоть до уголовно-наказуемых деяний. В настоящее время имеют место случаи, когда опекун, пользуясь своим правовым статусом, неправомерно улучшает или желает улучшить свое имущественное положение за счет сделок с имуществом подопечного.

Чтобы исключить возникновение данных случаев и в целях недопущения ухудшения положения недееспособных лиц и лиц с ограниченной дееспособностью необходимо:

- уделять внимание выполнению обязанностей опекунов и попечителей;
- ужесточить наказание за любые незаконные действия опекунов и попечителей, усилив превентивное воздействие наказания;
- назначать опекунов и попечителей с учетом требований к моральным качествам лица.

Необходимость пристального внимания к защите имущественных интересов подопечного обусловлена многочисленными случаями их нарушения на практике.

Гражданин А обратился в органы опеки, для увеличения жилплощади своего подопечного. А. хотел продать квартиру (45 кв. м.) подопечного и купить новую с увеличенной жилплощадью (55 кв. м.). Опекун сфальсифицировал документы, которые подтверждали увеличение жилплощади. Таким образом, опекун хотел уменьшить жилую площадь лица и улучшить свое имущественное положение. В период проверки документов были найдены ложные данные об покупаемой квартире. На гражданина А. возбудили уголовное дело о мошенничестве и фальсификации документов, а также невыполнении своих обязанностей[1].Для решения аналогичных проблем следует создать специальные органы либо расширить компетенцию действующих, чтобы уделялось должное внимание деятельности опекунов и попечителей. Данные нововведения усилят контроль и предотвратят незаконные действия опекунов и попечителей.

Опека и попечительство являются ведущим источником формирования поведения подопечных, в связи, с чем следует более четко определить критерии, которым должно полностью соответствовать лицо, назначаемое опекуном и попечителем. В Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» предусмотрено, что опекунами и попечителями могут быть только совершеннолетние дееспособные граждане с учетом их личных качеств, способностей к выполнению возлагаемых на них обязанностей, а также взаимоотношений между ребенком и опекуном (попечителем), и отношения к ребенку членов семьи опекуна (попечителя).Данный вопрос является одним из основных, так как от опекуна или попечителя зависит, в частности, жизнь недееспособного или частично дееспособного лица. Ненадлежащее исполнение своих прав и обязанностей опекуном либо попечителем, может оказать негативное влияние на воспитание и развитие недееспособного лица или лица с ограниченной дееспособностью.

[1] Решение от 29.01. 2020 г. по делу № 2А-87/2020. [Электронный ресурс].URL: https://sudact.ru/. Дата обращения: 21.10.2020.

Предлагаемые критерии для рассмотрения вопроса о назначении лицаопекуном или попечителем:

Наличие высшего образования;

- Прохождение психологического теста;
- Беседа с психологом;
- Прохождение полиграфа;
- Исследование его имущественного положения;
- Установление условий жизни семьи, в которой он воспитывался;
- Исследование биографии его и его родителей;
- Оценка его участия во всех сферах жизнедеятельности.

Вышеперечисленные критерии способны уменьшить риск негативного влияния на подопечного, чтобы избежать следующих практических проблем.

Семья Булгаковых стала приемными родителями троих детей. В 2015 году данная семья подала заявление в суд, где просила разрешения взять под опеку еще двоих детей. Данную просьбу отклонили, потому то многие свидетели (соседи, друзья) начали часто видеть Булгакова С.А. в нетрезвом состоянии. Также он был привлечен к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Мать-Булгакова Е.М. позволяла грубость, оскорбительные выражения в адрес педагогов. Участия в мероприятиях, проводимых в школе, не принимала. Кроме того, сотрудниками было отмечено холодное, иногда грубое отношение к приемному ребёнку. В 2019 году было вынесено решение, о невозможности быть опекуном (попечителем).[1]

Данный пример демонстрирует халатное отношение к детям и отсутствие у опекунов (попечителей) нравственных и личных качеств, которые предъявляются к таким лицам. В этой семье у детей могут быть заложены неправильные нравственные и моральные основы воспитания, которые повлияют на детей и могут привести к негативным действия недееспособных лиц в будущем.

Поэтому следует применять более строгие требования к опекунам и попечителям при назначении указанных лиц. В Гражданском кодексе Российской Федерации определены лишь основные признаки, которыми должен быть наделен опекун или попечитель. Считаю, что следует конкретизировать качества опекуна и попечителя, чтобы предотвратить оказание негативного влияния на подопечных, так же опека и попечительство должна быть инициативно.

Предлагаемые критерии, которыми должен обладать опекун:

- Высоконравственный;
- С примерным поведением;
- Заботливый;
- Внимательный;
- Образованный;
- Грамотный;
- Ответственный;
- Целеустремлённый.

В настоящее время актуальным вопросом является так же эмансипация детей, для установления опекуна над своими младшими сёстрами или братьями. Если кто-то из

[1] Решение от 06.02.2020 г. по делу № 2А-4014/2019. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/. Дата обращения: 25.10.2020.

родственников откажется становиться опекуном, то тогда старшие дети, при условии достижения 16 лет и наличия самостоятельного дохода, смогут участвовать в воспитании младших братьев или сестер без передачи их в специализированное учреждение. Указанный вопрос является дискуссионным, однако эмансипация как приобретение полной дееспособности означает возникновение у лица права быть опекуном и попечителем, что также обеспечит приоритет семейного воспитания.

Семья Н. ехала домой зимой поздней ночью, когда произошло столкновение с грузовым автомобилем, водитель которого не справился с управлением из-за гололеда. Родители погибли на месте, старший и младший братья попали в больницу. После выздоровления, старший совершеннолетний брат подал в суд заявление, чтобы стать опекуном своего младшего брата. Он имел высшее образование, постоянное место работы, место жительства, состоял в браке с гражданкой З., сдал психологический тест на высший балл, отлично контактировал со своим младшим братом, не имел проблемы с законом и нарушений правопорядка. После тщательной проверки старшему брату одобрили его заявление, и он стал опекуном младшего брата. Представляется, конструкция семейного воспитания в полной мере отвечает интересам несовершеннолетних.

Родители, опека и попечительство являются главным фактором воспитания личности, они ответственны за благополучие подопечного, осуществляют социальную защиту, оказывают индивидуальную помощь и уход.

В заключение хотелось бы отметить, что данная тема очень важна, поэтому корректировки должны быть постепенными. Следует принять ряд вышеуказанных решений, что позволит в свою очередь эффективно реализовывать нормы на практике и в жизни незащищенных лиц. Также вышеуказанные нововведения помогут правоприменителям точно толковать правовые нормы. Опека и попечительство была и остается наиболее распространенной правовой формой устройства граждан. В этой форме заложен огромный положительный потенциал, позволяющий устроить судьбу нуждающегося в социальной заботе гражданина наилучшим способом, с одной стороны, наиболее приближенным к проживанию в семье, а с другой стороны - обеспечивающим контроль за соблюдением прав и интересов гражданина.

Студенников М.Г.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Влияние цифровой экономики на киберпреступность: проблемные аспекты и пути их решения

Аннотация. Вопросам правовой безопасности сегодня в нашей стране, безусловно, уделяется большое внимание. Стоит отметить, что на нее оказывают влияние такие факторы, как внешняя и внутренняя правовая безопасность государства, состояние экономики, общества в целом. В настоящее время Россия вступает в эпоху цифровой экономики. В данной статье рассматриваются понятия цифровой экономики в рамках национальной безопасности, вызовы и угрозы характерные для цифровой экономики, а также ряд возможных путей решений этих проблем.

Ключевые слова: цифровая экономика, национальная безопасность, правовая безопасность, киберпреступность, экономическая безопасность.

В настоящее время как никогда вопросы национальной безопасности РФ в той или иной сфере представляются крайне актуальными, поскольку современные вызовы и

угрозы совершенствуются благодаря новым технологиям, методикам, научным открытиям. В связи с этим возникает необходимость в равнозначном, адекватном, своевременном парировании, локализации и ликвидации подобных проблем. Как известно, одним из главных и основных условий стабильного развития государства является крепкая и устойчивая экономика. Учитывая последние тенденции и веяния, диктуемые современной действительностью, все перестраивается на рельса киберпространства. В рамках данного процесса в стороне не осталась и экономика. Формирование и создание цифровой экономики обязано тому факту, что последнее время крайне активно используются возможности IT-технологий. Что же такое цифровая экономика? Каковы риски от ее использования? Способны ли мы обеспечить необходимую безопасность в цифровом пространстве нашей страны?

В первую очередь необходимо разобраться в понимании того, что представляет собой экономическая безопасность в рамках системы национальной безопасности. Состояние национальной безопасности России, безусловно, имеет прямую зависимость от экономического потенциала страны и ее экономического суверенитета. Значение данных понятий принято трактовать следующим образом: Россия должна обладать самостоятельностью в рамках принятия решений как во внутренней, так и внешней политике. Если мы будем рассматривать экономическую безопасность с точки зрения системного подхода, то в ее структуре необходимо выделить совокупность ряда важных подсистем, а именно: финансовую безопасность, продовольственную безопасность, оборонно-промышленную безопасность, энергетическую безопасность. Данный комплекс охватывает довольно обширный круг отношений, которому необходимо обеспечить недопустимость вмешательства в их функционирование как извне, так и изнутри.

Стратегия [1] развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, провозгласила то, что сейчас Россия вступает в эпоху цифровой экономики. При ее реализации вначале возникают вопросы по поводу того, как и каким образом необходимо регулировать правовую составляющую цифровой экономики, сможет ли законодатель принять наиболее универсальные и безопасные правовые нормы, способствующие эффективной реализации данного механизма. Эксперты утверждают, что цифровая экономика обладает высоким потенциалом, то есть в ближайшем будущем она может стать основой национальной безопасности нашей страны. Для этого необходимо начать формировать единую систему нормативно-правовой базы цифровой экономики в России.

Данную систему можно представить в следующем формате. В первую очередь стоит разработать ряд научно-теоретических положений, которые бы позволили сформировать общую концепцию по данному вопросу, а именно сформулировать общие правовые понятия цифровой экономики, выделить ряд отраслей права, где было бы возможно применение данной правовой категории. Затем нужно обратить внимание на качество формирования отечественной нормативно-правовой базы, регламентирующей состояние институтов цифровой экономики России. Не стоит упускать из вида опыт зарубежных коллег при решении данной задачи. То есть стоит обратить внимание на формирующиеся национальные нормативно-правовые акты зарубежных государств в этом вопросе. А также важно обращаться к международному праву цифровой экономики, которое базируется и развивается на

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. ст. 2901.

основе правовых актов, которые регулируют международные отношения в этой сфере. Завершающим элементом в данной системе будет являться экономическая оценка результативности существующего правового регламентирования цифровой экономики.

В указанной Стратегии дается понятие цифровой экономике. Под этой дефиницией с нормативной точки зрения принято понимать хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Однако существует иные подходы к пониманию этого вопроса. Например, Юдина Т.Н. воспринимает цифровую экономику в качестве результата трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности[1].

С уверенностью можно констатировать тот факт, что формирование и активное развитие цифровой экономики входит в приоритетный круг национальных интересов Российской Федерации.

При создании такой системы стоить оценить настоящий уровень правовой безопасности России. При этом надо рассмотреть такие сферы, как:

1) практическое применение международного права цифровой экономики в РФ;

2) деятельность уполномоченных органов государственного управления в области цифровой экономики;

3) возможность применения иностранных продуктов программного обеспечения;

4) создание и разработка собственных продуктов программного обеспечения;

5) привлечение различных цифровых платформ граждан, общества, бизнеса в цифровой экономике;

6) применение региональных и федеральных информационных ресурсов по цифровой экономике;

7) обеспечение прямого взаимодействия с использованием специальных платформ общения между чиновниками, учеными-теоретиками и специалистами-практиками в области цифровой экономики;

8) привлечение правоохранительных органов для контроля и пресечения потенциальных угроз в области цифровой экономики.

Однозначно можно утверждать, что грамотно продуманная и согласованная концепция данной системы права позволит создать надежную цифровую экономику Российской Федерации.

Важным нормативным документом в области становления цифровой экономики в России является Стратегия научно-технического развития РФ[2], где говорится о ряде проблем, которые необходимо решать в кратчайшее время. К ним относят следующие вопросы:

а) трудное принятие российским обществом инноваций;

б) отставание организаций в научно-исследовательском секторе по показателям эффективности работы;

[1] Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12-16.

[2] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.12.2016. № 49. ст. 6887.

в) отсутствие сильного взаимодействия между реальным сектором экономики и сектором исследований и разработок;

г) обесценивание внутренних инвестиций в сферу науки и технологий;

д) несогласованность приоритетов и инструментов НТР РФ на национальном, региональном, отраслевом уровнях;

е) риск отставания России от стран – мировых технических лидеров.

Одной из основополагающих проблем в рамках развития цифровой экономики является такое явление как киберпреступность. Это связано с активной цифровизацией общества, внедрением в повседневную жизнь большого количества IT-технологий. Относительно киберпреступности можно сказать, что данное обстоятельство является результатом глобализации и бесконтрольного развития в сфере интернет-технологий и информационно-компьютерных сетей[1]. В связи с этим в первую очередь возникает ряд проблем:

1) с технической точки зрения отсутствие эффективных инструментов с целью обеспечения необходимой защиты пользователей;

2) кража с применением технологий не только денежных средств, но и конфиденциальной информации;

3) проблематика уголовно-правового характера в области квалификации с учетом широкого спектра подобных правонарушений и преступлений;

4) недостаточное количество научно-теоретического материала по методике расследования данных категорий дел;

5) отсутствие необходимого количества специалистов в правоохранительных органах, способных оперативно, эффективно, расследовать данную категорию дел;

6) трудность в обнаружении подобного рода преступлений и собирании доказательственной базы;

Так, интересно мнение, которое высказала по поводу киберпреступности, Тропиной Т.Л. Она придерживается той позиции, что такое явление как киберпреступность следует характеризовать в качестве опасно совершенного общественного деяния с использованием компьютера, интернет-сетей и программ, которое должно быть уголовно наказуемо[2]. Стоит обратить внимание на тот факт, что на текущий момент времени подобные преступления являются малонаказуемыми при их высокой доходности. В связи с данным фактом этому необходимо уделить должное внимание и направить необходимое количество сил и средств для устранения такой угрозы. Киберпреступления в своей массе носят латентный характер. В связи с этим время обнаружения следов преступления может затянуться на неопределённый срок, что, однозначно, уже затрудняет раскрытие такого преступления.

Аналитиками Российской ассоциации электронных коммуникаций (далее – РАЭК) довольно глубоко были проведены исследования по тематике, связанной с влиянием киберпреступности на развитие цифровой экономики. Основной сектор проблем в данной области связан с мобильными угрозами. По прогнозам специалистов, рост подобных атак только усилится. Исходя из этого, аналитики РАЭК подытоживают, что угрозой развития цифровой экономики может послужить опасение широкого использования технологий по причине киберугроз.

---

[1] Жиронкин Д.С. Влияние цифровой экономики на киберпреступность // Молодой ученый. 2019. № 30 (268). С. 88-92. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/268/61757. Дата обращения: 25.10.2020.

[2] Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. М., 2007. С. 262.

Подтверждением данных исследований сотрудников РАЭК являются неутешительные данные МВД России за прошедший год. Цифры, представленные ведомством, крайне неутешительны. За 2019 год число выявленных преступлений в сфере IT возросло почти в два раза по сравнению с данными 2018 года. По имеющимся статистическим данным сегодня каждое седьмое преступление на территории нашей страны совершается с использованием IT-технологий. За прошедший год сотрудниками МВД России зарегистрировано более 294 000 преступлений, которые в той или иной степени совершались с привлечением информационно-телекоммуникационных технологий, а именно, на 70 % больше по сравнению с данными 2018 года[1].

Последние события, связанные с пандемией COVID-19, массовой самоизоляцией, довольно круто изменили вектор работы многих учреждений, организаций, обычных граждан. К этому относят удаленную работу, дистанционный формат обучения, ведения каких-либо иных видов деятельности. В рамках проведенного исследования сотрудниками РАЭК[2], около половины опрошенных респондентов считают, что подобный дистанционный формат станет самым распространённым, общепринятым и массово используемым. Как следствие, происходит ускорение процессов цифровизации. Безусловно, это является положительным фактом, однако не стоит забывать о тех угрозах, которые исходят от киберпространства. Например, могут участиться случаи кражи личной информации (будь то данные, связанные с документами, банковской информацией, личная информация, хранящаяся в облачном пространстве – переписки, фотографии и т.д.). Какой ущерб может нанести подобная угроза, которая может возникнуть относительно личности? А каковы будут последствия утечки информации государственного уровня, потеря контроля управления над объектами энергетического обеспечения и функционирования?

В данной области уже существует ряд изменений, связанных с введением в работу организационных, законодательных и финансовых механизмов, обеспечивающих сбалансированную научную, научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую и социальную политику и готовность Российской Федерации к различным вызовам и угрозам.

К конкретным мероприятиям, направленным на обеспечение указанных в Стратегии положений, можно отнести: Поручение Председателя РФ от 05.03.2017 о рассмотрении вопроса применения технологии блокчейн в условиях нашей экономики; Разработка Правительством программы «Цифровая экономика»; Формирование и начало работы Совета по цифровой экономике весной 2017 года в Государственной Думе Российской Федерации; Внесение изменение в законодательство о защите конкуренции по инициативе ФАС России др.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что для решения представленных вызовов и угроз необходимо предпринимать широкий комплексный подход:

1) нашему законодателю предстоит выработать унифицированный понятийный и категориальный аппарат в области цифровой экономики. То есть провести необходимую работу в законодательном секторе по устранению правовых пробелов;

2) обеспечить необходимый уровень технической оснащенности правоохранительных органов для эффективного обеспечения противодействия киберпреступникам;

---

[1] Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450. Дата обращения: 25.10.2020.

[2] Новые акценты цифровой трансформации: как весна 2020 повлияет на российский бизнес. [Электронный ресурс] URL: https://raec.ru/activity/analytics/11837. Дата обращения: 25.10.2020.

3) проведение различных осведомительно-профилактических мероприятий с населением по повышению грамотности в информационно-технологической сфере;

4) обеспечение должно межведомственного взаимодействия.

Результативность и эффективность цифровой экономики может быть только в случае, если она целостно завязана на гармонично-функционирующем правовом регулировании, конструктивном аппаратном решении проблем и пиковых достижениях отечественных программистов[1].

Томашек В.Ю.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Проблемы развития сферы предпринимательства в условиях цифровизации экономики

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам, связанным с деятельностью малого и среднего предпринимательства на территории Российской Федерации в области цифровой экономики. Рассказывается о плюсах и минусах работы. Описывается ее анализ. Указывается о том, каковы дальнейшие перспективы развития.

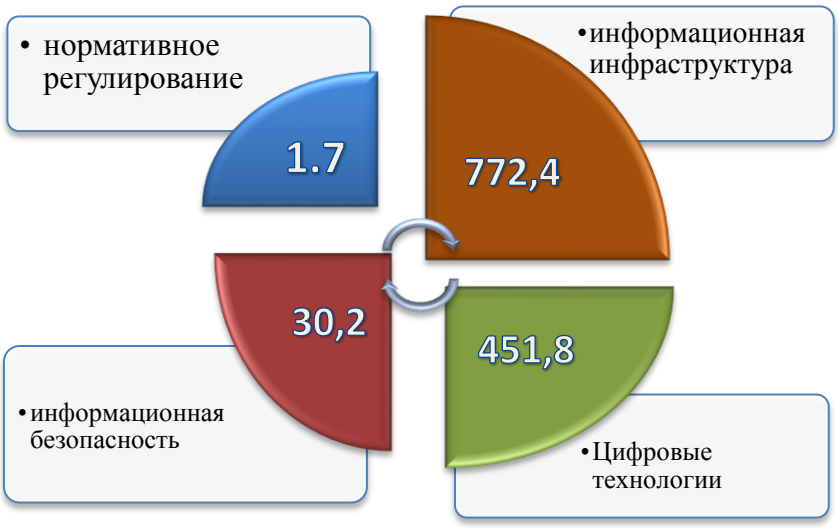
Ключевые слова. Предпринимательство, бизнес, цифровая экономика, сфера предпринимательства, программа развития.

Цифровая экономика представляет собой одно из наиболее современных направлений в развитии экономики не только России, но и всего мира в целом. Внедрение цифровой экономики в предпринимательскую деятельность приведет к созданию новых управленческих технологий, которые будут способствовать развитию бизнеса.

В настоящее время на территории нашего государства существует «Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035» года её основная цель – создание и развитие системы мер поддержки и стимулирования, увеличение мотивации субъектов экономической деятельности к цифровым инновациям и исследованиям в области цифровых технологий (см. Приложение № 1).

[1] Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М., 2018. С. 24.

Приложение 1.



В указанной программе говорится о повышение конкурентоспособности на российском рынке, развитие цифровой экономики в сфере малого предпринимательства, за счет внедрения и развития цифровых технологий.

Показатель, определяющий развитие цифровой экономики в мире – глобальный индекс подключения. Данный индекс способствует анализу инвестиций, опыт и потенциал за счет построения соответствующей ИКТ-инфраструктуры. По данным исследования, проводившегося в 2018 году, Россия заняла 36-е место, относящаяся к числу пока еще развивающихся стран (см. Приложение № 2).

Приложение 2.

Оценка прогресса по странам в области перехода к цифровой экономике[1]

Страны-лидеры			Догоняющие страны			Страны новички		
место	страны	GCI	место	страны	GCI	место	страны	GCI
1-е	США	78	28-е	Италия	50	55-е	Аргентина	38
2-е	Сингапур	75	29-е	Чехия	50	56-е	Перу	37
3-е	Швеция	73	30-е	Венгрия	49	57-е	Филиппины	35
4-е	Швейцария	71	31-е	Словакия	49	58-е	Иордания	34
5-е	Великобритания	70	32-е	Малайзия	48	59-е	Египет	34
6-е	Финляндия	68	33-е	Чили	48	60-е	Ливан	34
7-е	Дания	68	**36-е**	**Россия**	45	61-е	Вьетнам	34

В условиях развития цифровой экономики под *предпринимательством* понимается деятельность, реализуемая самим предпринимателем, которая способствует получению максимальной прибыли с учетом минимальных затрат, но с использованием цифровых технологий, а также возможность создать высокотехнологические товары и услуги для клиентов.

Наиболее трудно развиваться в сфере предпринимательской деятельности с использованием цифровых технологий малому бизнесу, так как у них наиболее

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf. Дата обращения 20.10.2020.

высокие риски. Причиной является финансирование процесса производства, а также непосредственным выпуском высокотехнологической продукции на территории рынков в Российской Федерации. К минусам можно отнести и то, что в настоящее время дефицит кадров, имеющих подходящее образование и знания в области цифровых технологий. Тем не менее, существуют и плюсы, одни из основных – это информативность.

В связи с этим, особое внимание уделяется потребительскому поведению участников рынка, формированию поисковых систем, созданию новейших платформ, установлению социальных медиа и др. В данном списке центральное место занимает потребительское поведение, так как с помощью него становится возможным понимать влияние цифровых технологий на процесс покупки потребителей. У клиентов рынка появляется возможность собирать информацию о товарах или услугах. Осуществлять они могут это за счет запросов в поисковых системах.

Помимо этого, не малую роль играют и отзывы иных покупателей товаров и услуг. Все более развивается возможность такой функции, как «предварительная покупка». Клиенты могут реализовывать свои потребности все новыми и новыми способами, в основе которых лежит электронная коммерция.

К иным плюсам цифровой экономики в области предпринимательской деятельности можно отнести масштаб операционной деятельности, который ограничен лишь пространством сети «Интернет», наличие торговых площадок в интернете, конкуренция весьма успешна для малого и среднего бизнеса[1].

Таким образом, анализируя все плюсы и минусы внедрения цифровой экономики в предпринимательскую сферу деятельности, можно сказать о том, что цифровая экономика весьма полезна и благоприятна для развития, прежде всего, малого и среднего бизнеса, не смотря на их возможные риски и потери, применение новых технологий удобно для покупателей товаров и услуг, а основной источник – информация, является неиссякаемым.

Анализируя современную ситуацию в России, можно отметить, что в настоящее время Правительство имеет под собой мощную платформу в виде государственных программ, для создания инноваций. Данные программы основываются на бизнес-моделях, а также цифровых технологиях.

На сегодняшний день Россия стремится внедрить телекоммуникационную сеть связи, а также расширить возможности общества через ряд проектов. По полученным данным веб-сайта «internetworldstats.com» Россия занимает 7-е место по количеству пользователей в интернете, что также не может не отразится на действиях в области развития малого и среднего бизнеса, который все больше переходит к работе в сети «интернет». На развитие национального проекта было выделено 1634,9 млрд рублей, которые будут направлены на реализацию всех 6 направлений.

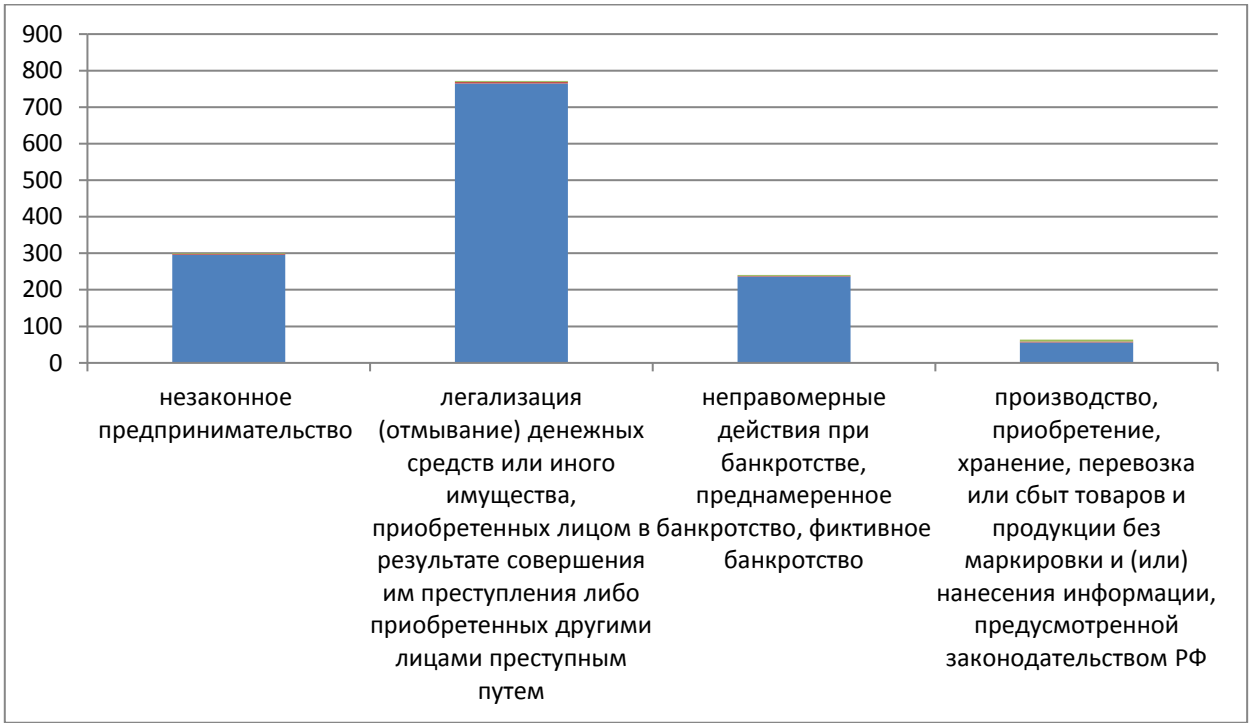
Тем самым, Россия реализуется в области цифровых технологий, по средствам внедрения их малый и средний бизнес.

В этом всем есть и плюсы для граждан, которые получают возможность использования информационного ресурса в своих личных целях. Но помимо положительных сторон, все же есть и обратная, которая широко развита как на территории нашего государства, так и за рубежом. Речь идет о преступлениях в сфере предпринимательства.

[1] Малышкин Н.Г., Халимон Е.А. Анализ уровня развития цифровой экономики России // Вестник университета. 2018. № 8. С. 80.

В настоящее время все больше совершается преступлений в сфере экономической деятельности, поэтому и наш законодатель уделил особое внимание данной категории дел. Указанные преступления закреплены в главе 22 УК РФ. Она включает в себя такие составы, как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) и многие другие (см. Приложение №3).

Приложение 3.



Помимо этого, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил особенности расследования преступлений, связанных с предпринимательской деятельность, которые закрепил в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности". В нем говорится о том, что для достижения целей бизнес-сообществам, необходимо создать действенные организационно-правовые механизмы, которые будут позволять исключать возможность института уголовного преследования использовать в качестве средства давления на предпринимательскую деятельность, а также необходимо обеспечить защиту от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей, которые не исполнили свои договорные обязательства по причинам, которые были обусловлены обычными предпринимательскими рисками. В Постановлении также говорится о некоторых особенностях, связанных с возбуждением уголовного дела, разрешения ходатайств об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, возмещения причиненного ущерба др.[1]

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // БВС РФ. 2017. № 1.

По данным сайта Федеральной службы государственной статистики в I полугодии 2020 г. органами Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка и Федеральной таможенной службы осуществлено 79,6 тыс. проверок организаций всех форм собственности, производящих и реализующих этиловый спирт и алкогольную продукцию. В 36,2 тыс. проверенных организаций выявлены правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта и алкогольной продукции.

Помимо этого, все больше растет преступлений в сети «интернет», связанных с мошенничеством покупателей. Многие клиенты сайтов, предоставляющих товары или услуги, зачастую оставляют свои персональные данные, а также данные банковских карт. Мошенники, создающие «фиктивные» сайты пользуются доверием граждан и списывают со счетов денежные средства.

Зачастую размер списания денежных средств составляет не более 5000 рублей, но масштаб таких преступлений в последние годы настолько велик, что ущерб, причиненный гражданам, укладывается в общей сложности в миллионы рублей.

Поэтому, необходимо обеспечить защиту не только предпринимателей от незаконных действий со стороны иных участников рынка, но также и обычных граждан, которые подверглись незаконной деятельности «нечестных» предпринимателей.

Подводя итог, важно отметить, что в настоящее время немалым проблемным вопросом остается расследование преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью, так как, для более успешного раскрытия данной категории дел необходимы специальные знания в области экономики и предпринимательской деятельности, а также повышение эффективности деятельности оперативных служб, которые способствуют выявлению преступления, связанных, в первую очередь, с незаконной предпринимательской деятельностью организаций производящих и реализующих этиловый спирт и алкогольную продукцию.

Чикалов О.В.
Научный руководитель: **Малахов В.П.**

К вопросу о комплексности природы профессионального правосознания следователя

Аннотация. В данной статье автор рассматривает профессиональное правосознание следователя в качестве сложного социально-правового феномена, функционирование которого обусловлено, одновременно, формальной и ценностной природой права.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, правовая идеология, правовая психология, правовые ценности, природа права.

Начиная настоящее исследование важно указать, что профессиональное правосознание понимается сегодня в рамках общеправовой теории в качестве формы группового и (или) корпоративного правового сознания, наличие которой является атрибутивным для групп, составляющих юридическое сообщество и осуществляющих различные формы профессиональной юридической деятельности[1].

Данное обстоятельство говорит в пользу того факта, что профессиональное правосознание следователя представляет собой форму профессионального правового

[1] Профессиональное сознание юристов / Соколов Н.Я.; Отв. ред.: Лукашева Е.А. М., 1988. С. 12–14.

сознания, органичным образом связанную с осуществлением следственной деятельности, которая состоит в принятии всех предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством мер по установлению события преступления, изобличению виновных в его совершении лиц[1].

Важно указать, что в рамках современной общеправовой теории наибольшую распространенность получила точка зрения на профессиональное правосознание, в соответствии с которой последнее является преимущественно ориентированным на нормативистский тип правопонимания[2], а, следовательно, на формальную природу права. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что характерной чертой указанного методологического подхода к пониманию феномена права является элиминация его историко-культурной и ценностной обусловленности.

В представленном контексте следует подчеркнуть, что данный методологический подход к правопониманию не может быть в полной мере быть применен относительно профессионального правосознания следователя.

Так, профессиональное правосознание следователя представляет собой комплексное социально-правовое явление, обладающее сложной внутренней структурой и содержательной многоаспектностью, которые исключают возможность достижения понимания его сущностной спецификии природы посредством применения узких рамок единого методологического подхода.

Важно указать, что в соответствии с наиболее широко используемой правоведами моделью, в структуре профессионального правосознания принято выделять следующие структурные уровни:

1) правовую идеологию (идеологический уровень);
2) правовую психологию (психологический уровень).

В частности, нормативистский тип правопонимания является наиболее характерным для идеологического уровня профессионального правосознания следователя, в то время как для психологического уровня последнего наиболее характерным является ценностный подход к правопониманию, ориентированный на выражение ценностной природы права[3].

Необходимо подчеркнуть, что указанная двойственность правопонимания, характерная для профессионального правосознания следователя, объясняется дифференциацией содержательного строя структурных уровней последнего.

Так, правовая идеология профессионального правосознания следователя, с точки зрения содержательного аспекта, представляет собой систему юридических знаний, интериоризированных субъектом-носителем последнего в ходе получения им юридического образования, а также в ходе осуществления им юридической практики.

Следовательно, существенным недостатком идеологического уровня профессионального правосознания является его относительная отчужденность от правовых ценностей.

Тем не менее, полноценное функционирование профессионального правосознания следователя требует наличия в его структуре, помимо идеологического компонента,

---

[1] Чикалов О.В. К вопросу об уголовно-правовом значении профессионального правосознания работников следственных органов Российской Федерации // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции (Москва, 25 ноября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М., 2020. С. 88-89.

[2] Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., 2015. С. 10.

[3] Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М., 2012. С. 42-46.

также компонента психологического, представляющего собой систему правовых ценностей, образующих внутреннюю предпосылку осуществления субъектом-носителем исследуемой формы профессионального правосознания следственного вида профессиональной юридической деятельности.

Важно отметить, что при рассмотрении содержательного аспекта психологического уровня профессионального правосознания следователя, следует акцентировать внимание на образующих его правовых ценностях, интериоризированных из массово-обыденной формы правового сознания.

Так, правовые ценности, составляющие содержание психологического уровня профессионального правосознания следователя, не могут быть логически обоснованы в рамках аргументации правовой идеологии последнего, но являются предзаданными ему априори групповой психологией конкретного общества.

На данном этапе целесообразно перейти к рассмотрению правовых ценностей психологического уровня профессионального правосознания следователя, среди которых необходимо выделить следующие:

- «свобода»;
- «право»;
- «человек»;
- «равенство»;
- «справедливость».

Важно отметить, что правовая ценность «свобода» является центральной в рамках психологического уровня профессионального правосознания следователя и, соответственно, является основанием его аксиологической системы.

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения содержательного аспекта, рассматриваемое правовое понятие является антиподом категории «не-свободы». Данная правовая ценность характеризуется «негативностью» семантической наполненности, так как ее смыслом является отрицание всех форм произвола.

Правовая ценность «право» является коррелятом правовой ценности «свобода». Важно указать, что данные смысловые единицы выражают диалектическую взаимосвязь субъективного и объективного права. Данное взаимодействие хорошо выражается сентенцией Г.В.Ф. Гегеля: «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. – Право есть, следовательно, вообще, свобода, как идея»[1].

Правовая ценность «человек» обозначает основную целевую установку профессионального правосознания следователя, то есть «правовое существо»[2]. В данном ключе, важно указать, что правовая ценность «человек» обозначает, одновременно, и источник права в его социальном смысле, и субъекта-носителя правосознания.

Правовая ценность «равенство» обозначает всеобщее соответствие в правах, свободах и законных интересах. Важно указать, что правовая ценность «свобода» приобретает значение «границы воли» [субъекта], если находится в смысловой взаимосвязи с правовой ценностью «равенство». Данное положение может быть проиллюстрировано сентенцией: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

[1] Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 89.
[2] Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика: монография. М., 2001. С. 133-163.

Правовая ценность «справедливость» имеет значение метаправового регулятора поведения, действие которого иллюстрирует сентенция: «равное воздаяние за равные деяния». Следует подчеркнуть, что правовая ценность «справедливость» характеризуется смысловой взаимосвязью с правовой ценностью «равенство», что обусловлено наличием устойчивых социальных представлений о равенстве как о предпосылке справедливости[1].

Необходимо указать, что система правовых ценностей психологического уровня профессионального правосознания следователя в действии представляет собой его аксиологическую матрицу, функциональной спецификой которой является интерпретация правозначимых ситуаций как преступных в уголовно-правовом смысле.

Иными словами, аксиологическая матрица представляет собой «ноуменологический фильтр», обусловливающий отражательно-преобразующую специфику психологического уровня профессионального правосознания следователя.

Так, если идеологический уровень профессионального правосознания следователя обладает характеристиками ригидности, закрытости для новых правовых содержаний, то психологический уровень последнего обладает характеристиками гибкости, а также относительной открытости для новых правовых содержаний, которые отражают социо-аксиологическую квинтэссенцию права, рассматриваемого в данном контексте в качестве историко-культурного, нравственно-обусловленного феномена социальной жизни.

Важно подчеркнуть, что формализация аксиологической матрицы профессионального правосознания следователя должна повлечь его дегуманизацию, исключить возможность полноценного осуществления его субъектом-носителем профессиональной дискреции в рамках осуществления профессиональных обязанностей, привести к механизации осуществления правоприменительной деятельности.

Так, необходимо указать, что правовая психология оказывает во многом решающее влияние на выбор поведенческой стратегии субъекта-носителя профессионального правосознания при применении им своих профессиональных знаний, сформированных на уровне правовой идеологии, а также по практическому осуществлению им своих профессиональных обязанностей.

Следует указать, что несформированность ценностного уровня профессионального правосознания следователя, а также различные негативные изменения (дефектации) его аксиологической матрицы приводят к аномалиям функционирования последнего.

В рамках проведенного исследования автором были выделены следующие дефектации функционирования профессионального правосознания следователя:

1) «идеологизация»;

2) «экономизация».

Необходимо указать, что дефектация в форме «идеологизации» связана с принципиальной несформированностью аксиологической матрицы психологического уровня профессионального правосознания следователя. Такая «антиаксиологичность» профессионального правосознания влечет «гипертрофию» влияния структурного уровня правовой идеологии на осуществление функционирования последнего и, соответственно, на реализацию профессиональной деятельности его субъекта-носителя.

[1] Исмаилов Н.О. Справедливость как мера равенства // Социология власти. 2009. № 8. С. 95.

На практике, указанное положение вещей может выражаться в общей ориентированности профессионального правосознания следователя на административно- и (или) полицейско-правовой типы правового регулирования общественных отношений. Так, по справедливому замечанию А.П. Окусова: «Бездумное следование букве закона приводит к его абсолютизации… Тогда наступает время господства не правового государства, а бюрократии» [1] . Закономерным последствием «идеологизации» профессионального правосознания следователя является усиление репрессивной стороны функционирования следственных органов.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению дефектации профессионального правосознания следователя в форме «экономизации».

Так, слияние структурного уровня правовой психологии профессионального правосознания следователя с экономической формой общественного сознания может повлечь подмену правовых ценностей внутри ее аксиологической матрицы на экономические ценности. Закономерными последствиями «экономизации» аксиологической матрицы профессионального правосознания следователя является коррумпирование профессиональной деятельности его субъекта-носителя. Рассматриваемый процесс приводит к следующим негативным последствиям:

1) использование следственной деятельности в качестве инструмента защиты, а также удовлетворения интересов определенных групп влияния;

2) осуществление профессиональной юридической деятельности отдельными представителями группы субъектов-носителей исследуемой формы профессионального правосознания по принципам экономической сферы общественной жизни путем использования должностных (служебных) полномочий в качестве личных прав.

Таким образом, для профессионального правосознания следователя характерна двойственная природа, являющаяся, с одной стороны «формальной», ориентированной на нормативистский тип правопонимания, с другой стороны «ценностной», ориентированной на ценностный подход к пониманию права.

В обозначенной связи актуализируется проблематика достижения баланса между нормативным и ценностным уровнями профессионального правосознания следователя. Так, для того чтобы юрист оставался человеком и трудился на благо общества, в фундамент его профессиональной психологии должны быть заложены базовые социокультурные ценности. Реализуясь в рамках правовой психологии профессиональной формы правового сознания следователя, последние обеспечат антропологизацию юридического права, а также создадут необходимую гибкость исследуемой формы профессионального правового сознания.

[1] Окусов А.П. Юридическая деонтология. Ростов н/Д, 2001. С. 17.

Секция № 2
«Современные проблемы уголовного права»

Бородин М.С.
Научный руководитель: **Сотникова В.В.**

Уголовное право в эпоху цифровой трансформации, или как противодействовать киберпреступности

Аннотация. В статье рассмотрен ряд проблем, возникающих при квалификации преступлений в сфере информационных технологий. Проанализированы положения законодательства и примеры из судебной практики. С опорой на научную литературу и правоприменительную практику сформулирована авторская позиция по поставленным вопросам.

Ключевые слова: кибепреступность, информационные технологии, мошенничество, криптовалюта.

Цифровая революция не только принесла пользу экономике и социуму, но и открыла для криминалитета новые способы совершения преступлений – с использованием IT-технологий. Согласно данным официальной статистики, за прошедший год зарегистрировано более 294 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – на 70% больше, чем в 2018 году[1]. При этом рост статистического трафика налицо – за январь-сентябрь текущего года с применением IT-технологий совершено на 77% больше деяний – по сравнению с аналогичным периодом 2019 года[2].

При анализе вышеуказанных показателей необходимо учитывать, что категория «киберпресутпность» не сводится к деяниям, предусмотренным главой 28 Уголовного кодекса РФ[3], а представляет собой широкий пласт преступлений, в частности против личности, экономики и общественной безопасности, где обязательным элементом подготовки, совершения или сокрытия выступают информационные технологии.

Криминальный IT-скачок не мог остаться без внимания со стороны правоохранительных органов. Так, в конце прошлого года в структуре Главного следственного управления Следственного комитета РФ и в системе Министерства внутренних дел РФ созданы подразделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий[4]. Формирование специализированных структур – необходимый шаг для борьбы с киберпреступлениями,

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года // Электронный доступ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 29.10.2020).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2020 года // Электронный доступ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/ (дата обращения: 29.10.2020).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Далее по тексту – УК РФ.

[4] Председатель СК России провел рабочую встречу с заведующей кафедрой судебных экспертиз МГЮА имени О.Е. Кутафина Еленой Россинской // Электронный доступ. URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1422292/ (дата обращения: 29.10.2020). В МВД России будут созданы новые подразделения по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Электронный доступ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/18809813 (дата обращения: 29.10.2020).

характеризующимися трансграничностью и неочевидностью. Благодаря их созданию появляется возможность улучшить качество расследования киберпреступлений – за счет организационного обособления следственных подразделений. Это обусловлено не только ростом количества совершаемых преступлений, но и продиктовано спецификой рассматриваемой категории дел, которая требует определенного набора профессиональных знаний и умений. Следователи сформированных подразделений смогут не только сконцентрироваться на расследовании IT-криминала, но и получить возможность к прохождению соответствующей подготовки, которая необходима как для установления обстоятельств произошедшего преступления – криминалистическая и процессуальная составляющие, так и для безукоризненной квалификации криминального события – материальный аспект.

Ситуация с кибепреступностью осложняется широкомасштабным распространением коронавируса и последовавшим за ним экономическим упадком и информационной изоляцией – удаленная работа, сокращение штата и финансовый кризис – отличная почва для IT-криминала. Сложившаяся обстановка требует принятия мер государственного реагирования, в том числе средствами уголовно-правового воздействия. Далее рассмотрим актуальные проблемы, связанные с киберпреступностью, – мошенничество, «пробив» и электронные кошельки.

Хищения перешли в онлайн – следствие развития информационных технологий. Отсутствие физического контакта между преступником и потерпевшим не только облегчает совершение преступления, но и позволяет скрыть следы криминальной активности. В условиях коронавирусной пандемии поле деятельности для злоумышленников расширилось – продажа фейковых цифровых пропусков, направление несуществующих штрафов и т.д. Традиционные для новой эры способы дистанционных хищений – фишинг [1] и вишинг [2] – также активно используются преступниками.

При квалификации конкретных фактических обстоятельств необходимо провести четкую линию демаркации между различными формами посягательств против собственности. Как известно, хищения могут совершаться в различных формах, в том числе мошенничества и кражи. Применительно к цифровой сфере в законодательстве и практике имеется ряд спорных моментов.

Так, мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3] под обманом как способом совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. При этом злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с

[1] Фишинг (от англ. fishing – рыбная ловля) – массовые рассылки с вредоносным программным обеспечением, направленные на обман пользователя, в целях раскрытия последним конфиденциальной информации, в частности номера карты.

[2] Вишинг (англ. vishing – voice + phishing) – устная разновидность «выуживания» конфиденциальной информации, с использованием телефонной коммуникации.

[3] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. Февр. Далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ № 48.

владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 48).

Исходя из рекомендаций высшей судебной инстанции, следует заключить, что при мошенничестве виновный воздействует на психику потерпевшего – с целью получения имущества или приобретения права на имущество. Иными словами, при мошенничестве имущество или право на имущество выводятся из сферы законного владения за счет непосредственного или опосредованного контакта между виновным и потерпевшим.

Несмотря на аксиоматичность вышеприведенного положения, законодательство не всегда отвечает духу уголовного права и стандартам юридической техники в данном отношении. В 2012 году УК РФ дополнен новым видом мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6[1]). Думается, что с позиций теории уголовного права и рекомендаций высшей судебной инстанции данное преступление не является мошенничеством[2], поскольку хищение совершается не путем воздействия на психику потерпевшего, а посредством «вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей». Как указано в Постановлении Пленума ВС РФ № 48, под вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей понимается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) - ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него (п. 20). Как мы видим, в данном случае отсутствует связка «человек-человек», а хищение совершается исключительно путем IT-манипуляций с информацией. По нашему мнению, мошенничество в сфере компьютерной информации не обладает ключевым признаком рассматриваемой формы хищений, а является самостоятельным преступлением, посягающим на собственность.

В то же время за последние годы сформировалась судебная практика по применению ст. 159.6 УК РФ. Особый интерес вызывает вопрос о необходимости дополнительной квалификации данного преступления по совокупности с деяниями, закрепленными в гл. 28 УК РФ. Так, Советским районным судом г. Томска подсудимый признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159.6, ч. 2 ст. 273 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Курочкин Р.Ю. для хищения денежных средств граждан со счетов карт Сбербанк России совершал рассылку SMS-сообщений, в которых содержалась ссылка для загрузки вредоносных программ, предназначенных для удаленного управления устройством пользователя. Получив данные о мобильном устройстве, злоумышленники формировали команду с абонентского номера зараженного сотового телефона SMS-сообщения, содержащего информацию о переводе денежных средств в определенной сумме, на сервисный

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.

[2] См.: Русскевич Е.А. Разъяснения Пленума ВС РФ о квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 63-69.

номер «900» SMS-сервиса «Мобильный банк» ОАО «Сбербанк России». В результате денежные средства попадали на подконтрольный Курочкину Р.Ю. банковский счет, а затем выводились на электронные кошельки «Bitcoin» и «QIWI»[1].

Следует заметить, что для совершения хищений в режиме «онлайн» у злоумышленников должен быть минимальный пакет информации о предполагаемой жертве. В этих целях преступники нередко пользуются услугами «пробива» (если самостоятельно не являются их поставщиками). Суть «пробива» заключается в деятельности по сбору и анализу информации о конкретной личности или организации – как из открытых источников, так и посредством неправомерного доступа к персональным данным или иной охраняемой законом тайне. Сейчас на просторах Telegram существует большое количество каналов, где интересанты могут приобрести полный комплект информации о персоне – от паспортных данных и номера сотового телефона до сведений о банковских счетах. Такая обширная информационная база создает плацдарм для криминальной деятельности во многих общественных сферах, связанных с конфиденциальными сведениями.

При наличии предусмотренных уголовным законом условий деятельность «пробивщиков» может быть квалифицирована в соответствии с тремя статьями УК РФ – ч.2 ст.137 (Нарушение неприкосновенности частной жизни, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч.2 ст.138 (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан, совершенные лицом с использованием своего служебного положения), ч.ч. 2-4 ст.183 УК РФ (Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Несмотря на обширное уголовно-правовое покрытие, требуется усиление процессуальной и оперативной активности в части противодействия незаконному обороту персональной информации.

После прохождения «информационной стадии» хищения и непосредственного его совершения злоумышленники занимаются сокрытием преступно полученных доходов. Широкой популярностью у криминалитета пользуются электронные кошельки, которые дают возможность «отмыть» похищенные денежные средства. Кроме того, электронные кошельки, в частности биткоин-платформы, стали дистанционной площадкой для совершения иных преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Как установлено приговором Тюменского районного суда Тюменской области, за хранение наркотических средств с целью их последующего сбыта И. получил от неустановленного лица «Биткоин код» на сумму, эквивалентную 180 тыс. руб. Далее он активировал «Биткоин код» на электронной валютной финансовой бирже — площадке BTC-e.com, тем самым зачислил на виртуальный неперсонифицированный счет электронной площадки данные денежные средства. Затем И. совершил ряд последовательных финансовых операций. Он конвертировал валюту, зачислил денежные средства на виртуальный неперсонифицированный счет, перевел их на банковскую карту на имя Л., не осведомленного о преступной деятельности И., под предлогом оплаты товара и ввел денежные средства в наличный оборот путем снятия

[1] См.: Приговор Советского районного суда г. Томска от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-275/2018 // Электронный доступ. URL: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=36746452&case_uid=ffc4533d-2ad0-46cb-a3c6-001a732835c3&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.10.2020).

со счета посредством банковского терминала. В общей сложности с учетом комиссий и курса валют И. легализовал е-средства на общую сумму 173 650 руб. 92 коп.[1]

В целом современная уголовно-правовая база для противодействия киберпреступности отвечает потребностям времени и сложившейся правоприменительной практике. Однако следует признать, что специфика такого рода криминальных деяний состоит в их латентности, неочевидности и трансграничности, в связи с чем необходимо применение комплекса мер по предупреждению и ликвидации последствий преступлений в сфере IT, в частности: выработка стратегий кибербезопасности на всех уровнях, активное международное сотрудничество и приведение специального законодательства в соответствие с новейшими тенденциями в сфере информационных технологий.

Таким образом, действующее уголовное законодательство содержит необходимый регуляторный плацдарм для борьбы с кибепреступностью, для борьбы с которой необходимо усилить организационный, оперативный и процессуальный арсенал правоохранительных органов.

Гаврилова В.В.
Научный руководитель: **Баштаникова Е.В.**

Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства в части статьи 126 УК РФ «Похищение человека»

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за похищение человека. На основе исследования в статье сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства для усиления гарантий прав граждан на свободу и личную неприкосновенность.

Ключевые слова: похищение человека, лишение свободы, уголовная ответственность, уголовное наказание, состав преступления.

Одним из основных правы граждан в Российской Федерации, признанных Конструкцией РФ, является право на личную неприкосновенность и свободу. И государство достаточно серьезно стоит на страже данного права, установив прежде всего в Уголовном кодексе в ст. 126 уголовную ответственность за нарушение права гражданина на свободу и личную неприкосновенность «Похищение человека», при этом имеются и другие смежные статьи, также стоящие на страже свободы человека. Это и ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы», и ст. 206 УК РФ «Захват заложников», и ст. 301 УК РФ «Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей». И все кажется хорошо: государство охраняет достаточно жестко данное право. Однако если рассмотреть эту статью подробнее, то можно выявить некоторые несогласования данной нормы с Конституцией РФ, начиная с установленного в теории уголовного права определения понятия «похищения» и наказания правонарушителя за данное преступление, заканчивая примечанием к статье. Рассмотрим лишь некоторые аспекты.

Прежде всего хотелось бы отметить, что в правовой истории государства похищение человека всегда являлось одним из наиболее опасных посягательств. В

[1] Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 01 августа 2017 г. по делу № 1–261/2017 // Электронный доступ. URL: https://tumensky--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения: 29.10.2020).

истории России оно упоминается еще в Древней Руси, где говорится о лишении свободы человека, а именно «человека поработить»[1]. Русская Правда, устанавливая ответственность за похищение, правда холопов, наказывала достаточно высоким штрафом, а Судебник 1497 года и Судебник 1550 года уже за данное преступление предусматривал смертной казнью. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливало уже различные виды и способы похищения человека[2].

Актуальность данной научной статьи обуславливается статистикой за последний год. Так, по данным полиции в 2020 году в МВД РФ поступило более 84 тыс. заявлений о безвестном исчезновении взрослых граждан, а также более 2 тыс. заявлений о пропаже несовершеннолетних, из которых были найдены порядка 900 детей[3].

Несогласованность норм прежде всего связано с тем, что в Уголовном кодексе не установлено понятие «похищение человека», из-за чего возникают различные проблемы в классификации преступлений и в разграничении преступлений со смежными составами, в частности, со ст. 127 УК РФ и в ст. 206 УК РФ.

Определение понятия «похищение человека» установлено только в теории уголовного права. Однако различные ученые по-разному определяют данное понятие. Так, например, по мнению Анфиногенова И.А., «Похищение человека – это «открытый или тайный захват человека с дальнейшим его перемещением против его воли путем применения насилия или путем обмана (злоупотребления доверием)»[4]. Е.В. Ушакова под похищением человека понимает противоправное завладение, которое совершено против воли человека путем насилия или угрозы применения насилия, с целью перемещения и удержания для получения от потерпевшего выгод или иных благ»[5]. Однако, как правильно отмечает А.Н. Цанаева, такое понимание неверно, так как цели и мотивы совершения похищения человека могут вообще не носить никаких выгод или иных благ. Похищение человека зачастую совершается из мести, зависти, ревности, ненависти[6].

По-разному данный термин трактует и судебная практика, в частности, в судебной практике Верховного суда РФ (постановление № 207п2000 от 17.05.2000) по делу Абдуллина А.Р., устанавливает, что по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, которые сопряжены с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе[7].

Однако, для понимания термина «похищение человека» необходимо обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О

---

[1] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 309.

[2] Клименко А.В. Уголовно-правовая характеристика похищения человека: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С.18.

[3] Официальный сайт МВД России // https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics

[4] Анфиногенова И.А. Проблемы расследования и предупреждения похищений людей, совершаемых из корыстных побуждений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 9.

[5] Ушакова Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника – вопросы согласования и рассогласования // Российский следователь. 2010. № 9. С.20.

[6] Цанева А.Н. Некоторые проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за похищение человека//Юридические науки. 2012. №4. С.360.

[7] Постановление Президиума Верховного суда РФ от 17 мая 2000 г. // URL: http: // www.consultant.ru Дата обращения: 15.10.2020.

судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [1], которое уже дает более расширенное определение понятия «похищения человека» как незаконный захват человека, его перемещение и удержание, не устанавливая при этом место непосредственного «завладения лицом». Необходимо отметить, что Пленум представил разъяснения к данным нормам. Пленум, кроме этого, устанавливает цель этого «завладения», а именно для совершения преступления, указывает, что захват может быть совершен и по иным мотивам, при этом, обращает внимание, что эти цели и мотивы не имеют значения для квалификации по данным нормам.

Нам представляется, логичным законодательное закрепление термина «похищение человека» в российском законодательстве.

Пленум также конкретизирует, что действия по «завладению» человеком могут быть сопряжены с угрозами, с применением насилия или даже с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Кроме всего прочего, похищение человека может быть совершено и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием.

Таким образом, вид похищения человека может иметь различные формы и способы как тайный, так и открытый, а также совершенный с помощью обмана человека и перемещение с его различных мест. Определение похищения человека, указанное в Пленуме, на наш взгляд, необходимо закрепить в примечании к статье или в ч.1 ст.126 УК РФ.

В науке уголовного права дискуссионным остается вопрос о непосредственном объекте нормы «похищения человека». Мы полностью согласны с мнением А.Н Цаневой, которая под непосредственным объектом понимает прежде всего физическую свободу человека [2], то есть возможность человека свободно перемещаться и определять место своего нахождения.

Сложность в квалификации похищения человека на практике возникает и при разграничении исследуемого состава преступления и ст. 127 УК РФ незаконное лишение свободы, которые достаточны схожи как по объекту преступления, так и по другим элементами состава преступления, поэтому для дальнейшего изучения и выявления пробелов российского законодательства определим состав и чем они отличаются.

Отграничение рассматриваемых составов преступлений прежде всего осуществляется по объективной стороне преступления. Следует отметить, что объективная сторона похищения человека также не раскрывается в Уголовном кодексе РФ.

Для похищения человека характерно три взаимосвязанных действия: завладение человеком, его перемещение его в любое другое место и удержание его. При незаконном лишении свободы ст. 127 УК РФ человек находится в месте своего обычного нахождения, изъятие его из данной среды не осуществляется, однако, происходит ограничение его действий. Он не может передвигаться, выходить из места своего нахождения, при этом без законных оснований, как, например, это было бы при применении меры уголовного пресечения – домашний арест, когда лицо находится в месте своего постоянного нахождения, но не имеет право выходить за его

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // URL: http: // www.consultant.ru. Дата обращения: 15.10.2020.

[2] Цанева А.Н. Некоторые проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за похищение человека//Юридические науки. 2012. № 4. С.360.

пределы. На это также обратил внимание и вышеуказанный Пленум Верховного суда РФ[1].

Показателен в этом плане следующий пример из судебной практики. Так, Ленинским городским судом г. Тюмени 29.09.2017 г. Смирнова была осуждена по ч.2 ст 126 УК РФ. Она признана виновной в похищение несовершеннолетней В., с целью из личных неприязненных отношений к О. – матери ребенка, вызванных оставлением ребенка одного без присмотра в общественном месте, осознавая, что несовершеннолетняя В. в силу своего возраста не может оказать ей сопротивление, нарушая ее право на свободу и личную неприкосновенность, против воли, последней, двумя руками захватила рукоять коляски с находящейся в ней несовершеннолетней В. и незаконно переместила за угол дома, где незаконно удерживала ее до того момента пока не была обнаружена и остановлена В. В действиях Смирновой можно определить последовательность похищения человека, поскольку она, захватив коляску с ребенком, переместила и удерживала его с целью наказать его мать за то, что та оставила несовершеннолетнего ребенка без присмотра в общественном месте. Суд приговорил Смирнову по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ за похищение человека, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего и назначил ей наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет[2].

Законы созданы для восстановления правосудия, но, если мы посмотрим один из видов наказания лица, который совершил преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ, – это принудительные работы до 5 лет. Санкцию в виде принудительных работ, на наш взгляд, следует исключить, так как субъективная сторона при похищении человека выражается только в прямом умысле, когда виновный осознает, что он похищает человека, действуя вопреки его воле, и желает этого. Для восстановления справедливости указанный вид наказания является не уместным при защите конституционных прав личности. Таких как ограничение лица в физической свободе, так и в свободе передвижения и места своего нахождения.

Следует рассмотреть еще один достаточно спорный момент, существующий как в теории уголовного право среди ученых, так и в практической деятельности среди лиц, применяющих рассматриваемую норму. Это знаменитое примечание к ст. 126 УК РФ, которое устанавливает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего объективную сторону преступления изучаемой нормы, однако, добровольно освободившее похищенного, при соблюдении следующего условия: если в его действиях не содержится иного состава преступления. Под иным составом понимаются такие действия, которые причинили бы какой-либо вред человеку, например, вред здоровью различной степени тяжести, повреждение имущества и т.д.[3]

Нам представляется это примечание абсурдным и не отвечающим сегодняшнему положению в стране, когда похищения различных лиц, как показывает ранее представленная статистика, осуществляются каждый день. Наличие такой «поощрительной» нормы в сегодняшних реалиях не обоснована по следующим моментам:

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // URL: http: // www.consultant.ru Дата обращения: 15.10.2020.

[2] Приговор суда по ч. 2 ст. 126 УК РФ № 1-863/2017 «Похищение человека».

[3] Черных С.А. Похищение человека и захват заложника: проблемы уголовно-правовой квалификации//Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С.219.

Во-первых, в примечание не сказано сколько по времени может ограничиваться свобода похищенного лица, а это рушит основы правового государства, так как, как ранее было сказано, лицо может быть ограничено в свободе только на законных основаниях.

Во-вторых, данное примечание противоречит конституционным нормам и нормам международного права, предоставляющим свободу человека на передвижение, так находясь в «заложниках» нарушается главное право потерпевшего на свободу перемещения. В этом виде уголовное законодательство прямо противоречит Конституции РФ. Нам представляется, что ни один бы человек не хотел бы без достаточных на то оснований быть ограничен в свободе и передвижении. Более того, преступление совершено, и потерпевший конечно же желает, чтобы лицо, совершившее преступление, было привлечено к ответственности и понесло справедливое наказание. А «поощрительная» норма оставляет лицо безнаказанным.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым исключить данную «поощрительную» норму из ст.126 УК РФ. Как вариант, можно было бы ее оставить в ст.127 УК РФ, хотя, на наш взгляд, существование ее и здесь вызывает большие сомнения.

Аргументом в пользу отмены выступает и практика применения рассматриваемого примечания. Правоприменители на различных уровнях трактуют данное примечание не всегда правильно, в частности, освобождение захваченного сразу же признается некоторыми правоприменителями как добровольное освобождение. В то время, как материалы практики указывают на то, что освобождение стало результатом того, что сотрудники полиции активно осуществляют поиск лица и стали, например, известны координаты нахождения потерпевшего.

Анализируя данную статью и примечание к ней, считаем, что освобождение виновным потерпевшего может быть обстоятельством, смягчающим наказание, как это закреплено в некоторых зарубежных государствах. Однако следует отметить, что применение или неприменение добровольности освобождения потерпевшего как обстоятельства, смягчающего наказание, зависит от продолжительности удержания. Так, по УК Испании смягчение наказания возможно только в случае удержания лица не более трех дней. Примечателен тот факт, что по УК Польши и УК Франции наоборот удержание лица свыше 7 дней приводит к ужесточению наказания, а не к смягчению, даже, если виновное лицо добровольно освободило потерпевшего. Мы полностью разделяем точку зрения правоприменителей зарубежных стран. О каком освобождении может идти речь лица, совершившего столь серьезное преступление, покусившегося на конституционное право человека?

Анализ проведенного исследования позволяет установить, что основной проблемой применения норм о похищении человека является отсутствие в законодательстве описательной диспозиции в ч. 1 ст. 126 УК РФ.

Высказанные проблемы не являются единственными в правоприменительной практике данной нормы. Вместе с тем, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы и предложения:

1. В Уголовном кодексе РФ в примечании к ст. 126 законодательно закрепить понятие «похищение человека»;
2. Исключить из ст. 126 УК РФ такой вид наказания как принудительные работы;
3. Исключить из ст. 126 УК РФ примечание к статье, дающую возможность лицу, совершившему преступление, быть освобождённым от уголовной ответственности.

Горбунова Д.В., Иванова Е.А.
Научный руководитель: **Афанасьева О.Р.**

К вопросу о гендерном подходе в уголовном праве

Аннотация. В рамках данной статьи определены и проанализированы основные проблемы гендерного подхода, которые существуют в рамках уголовного закона и привлечения к уголовной ответственности за совершения различного рода преступлений. Также проведен анализ применения положений отечественного уголовного права с учетом гендерного признака и произведено сравнение с теорией и практикой зарубежных государств. По итогам исследования был сделан вывод о возможности дальнейшего использования гендерного подхода в уголовном праве.

Ключевые слова: гендер, пол, уголовное право, уголовный закон, преступления, уголовно-правовые отношения, уголовный процесс.

Современное российское законодательство, а также положения различных международных актов определяют, что при применении и толковании положений нормативных правовых актов необходимо учитывать в обязательном порядке действующий принцип равенства всех физических лиц перед законом и судом. Данный принцип предполагает, что положение физического лица при его участии в уголовно-правовых отношениях не может зависеть от каких-либо личностных признаков, к которым относят: пол, расу, вероисповедание, цвет кожи, социальный статус, семейный статус и иные признаки.

При этом особенно важным является именно половое равенство, которое предполагает фактически равное положение как с социальной (общественной), так и с правовой (юридической) точки зрения для женщин и мужчин. Половое равенство предполагает, что для мужчин и женщин предусмотрен равный объем прав и свобод при их выступлении в качестве субъектов одних и тех же правоотношений.

Соответственно, с учетом норм Уголовного кодекса Российской Федерации [1], половое равенство должно проявляться в том, что любое физическое лицо, которое является субъектом преступления, подлежит уголовной ответственности вне зависимости от пола. Но в Российской Федерации уголовный закон предполагает, как непосредственно закрепленную, так и опосредованную – предоставленную суду – возможность использования средств, которые предполагают индивидуализацию наказаний.

На сегодняшний день, например, в отечественном уголовном законе закреплено, что некоторые виды уголовных наказаний могут быть применены не ко всем физическим лицам: в частности, определено, что женщинам не могут быть назначены по итогам признания виновной в совершении преступления уголовные наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни.

При исследовании данного вопроса достаточно важно отметить, что гендер следует рассматривать в качестве системы социальных и половых отношений, которая развита в обществе и предполагает следующие аспекты:

1) социальные особенности, которыми может обладать лицо мужского или женского пола;

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1996. № 113. № 114, № 115, № 118.

2) биологические особенности, которые присущи лицам мужского и женского пола[1].

В связи с этим можно утверждать, что пол является составной частью гендера, что подтверждается множеством научных трудов по различным дисциплинам. При этом гендер используют в качестве той категории, которая целесообразна для исследований в структуре органов власти, в различных социальных институтах, в юридических (правовых) институтах, а также в культурных и экономических сферах жизни общества. Но в то же время в науке уголовного права термин «гендер» используется достаточно редко, его активное применение при проведении исследований в рамках уголовно-правовых отношений характерно лишь для последних лет.

Причинами, по которым ранее в уголовно-правовой науке не использовался гендерный подход, можно считать следующие обстоятельства:

1) отрасль уголовного права не относится к отраслям «повседневного» использования, что означает применение уголовного закона только в случае совершения нарушений, а не для регулирования добровольно возникающих правоотношений;

2) как правило, для уголовного права не характерно нарушение гендерного равноправия;

3) положения уголовного закона не предполагают систематической дискриминации в зависимости от признака пола;

4) в положениях международных актов основными сферами, в которых необходимо обеспечивать равенство перед законом и судом, отражены гражданские правоотношения, экономические правоотношения, брачно-семейные правоотношения и трудовые отношения[2], то есть данный перечень исключает уголовно-правовые отношения.

В рамках гендерного подхода в уголовном праве достаточно важно учитывать то обстоятельство, что на сегодняшний день общественные отношения не статичны, они изменяются, трансформируются и модернизируются, что определяет так необходимость внесения изменений и дополнений в действующие правовые нормы или же создания новых норм права. Данное обстоятельство в уголовном праве проявляется в изменении и дополнении круга деяний, которые запрещены головным законом. Кроме того, это может проявляться в декриминализации отдельных деяний.

В различных исследованиях ставился вопрос о том, существует ли такое понятие, как нейтральное, справедливое уголовное право, которое одинаково затрагивает всех людей, независимо от их гендера. От решения о том, какое поведение санкционировать, до решения о том, какие наказания применять, уголовное право приводит к неравному обращению и создает неравенство в обществе. В связи с тем, что запрещения, устанавливаемые уголовным законом, имеют достаточно тесную связь с какими-либо моральными аспектами общественной жизни, ряд преступлений, которые ранее предполагали привлечение к уголовной ответственности, сегодня могут переходить в категорию правонарушений или же в целом становиться деяниями, которые не нарушают закон. При этом ряд таких деяний также предполагал привлечение к ответственности с учетом гендерного подхода.

---

[1] Мочалкина, А.А. Проблема изучения гендера в зарубежной и отечественной науке // Молодой ученый. 2019. № 6 (244). С. 268-271.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

Так, например, ранее в отечественном уголовном законе наблюдалось гендерное неравенство относительно состава прелюбодеяния: в России была предусмотрена различная уголовная ответственность за подобное преступление для лиц женского пола и лиц мужского пола.

Но несмотря на то, что в советский период множество подобных деяний было исключено из перечня преступлений, гендерное неравенство в рамках уголовно-правовых отношений существовало всегда, отличие состоит лишь в интенсивности такого неравенства.

В современном Уголовном кодексе Российской Федерации гендерный подход применяется в основном в рамках преступлений, посягающих на половую свободу личности, на здоровье населения и общественную нравственность, к которым относят: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, вовлечение в занятие проституцией, организация притонов для занятия проституцией. То есть гендерный подход выражен в том, что женщины, как правило, не могут быть субъектами указанных преступлений, в отличие от мужчин. Соответственно, в случае совершения какого-либо из представленных выше деяний женщиной, она не будет привлечена к уголовной ответственности, отсутствует необходимый специальный субъект преступления, в отличие от мужчины, который будет подвержен уголовному наказанию при совершении аналогичного деяния.

Единственный состав преступления в современном отечественном уголовном законе, по которому субъектом может выступать только женщина и не может быть привлечено к уголовной ответственности лицо мужского пола, предполагает убийство матерью новорожденного ребенка.

Кроме того, в российском уголовном праве гендерный подход проявляется в том, что для женщин предусмотрены облегченные условия отбывания лишения свободы (ограничены типы учреждений уголовно-исполнительной системы[1], в которых может находиться женщина). А также дополнительные условия относительно фактического наложения каких-либо видов уголовных санкций и времени их исполнения. В частности, к таким условиям могут быть отнесены беременность женщины и наличие у нее ребенка в возрасте до 3 лет, а в некоторых ситуациях – до 14 лет. При этом в отличие от положения о физических лицах мужского пола, имеющих ребенка, женщине не обязательно быть единственным родителем для малолетнего или несовершеннолетнего физического лица.

Также при исследовании в рамках уголовного права вопросов привлечения к ответственности было установлено, что женщины, являющиеся субъектами преступлений, с большей вероятностью будут освобождены на стадии предварительного расследования и с меньшей вероятностью будут приговорены к суровому наказанию за совершенное преступление.

В некоторой степени это обусловлено тем, что преступность у мужчин была общей чертой их естественного характера, тогда как биологически обусловленная природа женщин была противоположна преступности. То есть фактически имеет некоторую логику точка зрения, согласно которой из-за того, что женщины считаются менее опасными для общества, когда они совершают преступление, к ним будут относиться снисходительно.

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2020) // Российская газета. 1997. № 9.

Иной причиной подобного положения является то, что правоохранительные органы также учитывают характер личности и непосредственное отношение к совершенному преступному деянию. В данном случае, по мнению сотрудников органов предварительного расследования, именно лица женского пола демонстрируют менее оскорбительное поведение. Соответственно, на гендерное неравенство и использование гендерного подхода в уголовном праве также в некоторой степени влияют психологические отличия между женщинами и мужчинами.

Гендерный подход может проявляться не только в законодательстве, которое закрепляет регламент привлечения к ответственности в случае совершения преступлений, но и в самой реакции общества на совершенное каким-либо субъектом преступное деяния. Так, например, убийство матерью новорожденного ребенка повлечет за собой большее общественное порицание, чем простой состав убийства, предусмотренный ст. 105 УК РФ, к ответственности за реализацию которого будет привлечет мужчина. Соответственно, Ожидания общества зависят от культуры и традиций больше, чем от разработанного уголовного закона.

В целом же вопрос использования гендерного подхода при законотворчестве в сфере уголовного права и применения положений уголовного закона с учетом гендера субъекта, совершившего преступное деяние, остается достаточно дискуссионным для уголовно-правовой науки. Некоторые ученые предполагают, что целесообразно установление полного гендерного равенства, иные же ученые указывают на то, что из Уголовного кодекса Российской Федерации следует исключить положения, которые могут указывать на гендер. Основой же как для одной, так и для другой точки зрения служат непосредственно половые различия между мужчиной и женщиной, а также всеобщий принцип равенства. Иные же гендерные особенности физических лиц, которые носят социальный, а не биологический характер, при проведении исследований по данному вопросу, в правотворчестве и правоприменительной практике игнорируется, не производится оценка иных факторов гендера, кроме пола, которые могут повлиять на полноту реализации иных принципов, которые достаточно важно учитывать в уголовном праве.

Следует отметить, что гендерный подход на сегодняшний день характерен для уголовного права не только в Российской Федерации. Гендерное неравенство, например, также наблюдается в уголовном законе США [1]. Но если российские уголовно-правовые нормы предполагают улучшенное положение женщин по сравнению с мужчинами, предоставления им своего рода «льгот» при привлечении к ответственности и назначении наказания, то американское уголовное право фактически отражает второстепенную роль женщины в обществе, ухудшает положение лица женского пола, ставшего субъектом преступления, по сравнению с мужчиной-субъектом преступного деяния.

В США данное обстоятельство также отражено в правоприменительной практике при производстве по уголовным делам – физическим лицам назначают различные уголовные наказания в зависимости от их гендерной принадлежности, отличаются также условия исполнения назначенных уголовных наказаний осужденными (как правило, для женщин предусмотрены более строгие условия отбывания наказания в виде лишения свободы, чем для лиц мужского пола).

[1] Китаева А.А. Проблемы реализации принципа равенства мужчин и женщин // Новый юридический вестник. 2019. № 6 (13). С. 5-9.

Кроме того, в уголовном праве гендерный подход может быть использован не только в отношении субъекта преступления, но и в отношении физического лица, которое является потерпевшим от совершения какого-либо деяния. Данное обстоятельство также, как правило, проявляется при производстве по уголовным делам, которые были возбуждены по факту совершения преступлений, посягающих на половую свободу, здоровье населения и общественную нравственность. В различных государствах, в том числе в Российской Федерации, в отношении женщин достаточно часто совершаются изнасилование и насильственные действия сексуального характера, но при этом в некоторых случаях субъектов преступлений оправдывают, основываясь на том, что модель поведения потерпевшей была виктимной, а в некоторых случаях (как правило, в государствах на Востоке) женщину в праве рассматривают в качестве собственности мужчины, которая обязана подчиняться ему, а, следовательно, совершение лицом мужского пола в отношении женщины каких-либо насильственных действий, включая физическое насилие и насилие сексуального характера, в целом не рассматривается в качестве преступлений.

Таким образом, можно утверждать, что учет гендерных отличий в уголовном праве не может быть рассмотрен в качестве полностью положительного аспекта или же в целом отрицательного элемента. На сегодняшний день существует реальная необходимость оценки особенностей различий, которые существуют между мужским и женским, а также их обоснование не только с учетом принципа равенства перед законом и судом, но и с учетом таких основных принципов, как гуманизм и справедливость. Именно совокупный учет всех аспектов, составляющих гендер, может обеспечить эффективность и справедливость применения положений уголовного права.

Дощатов А.А.
Научный руководитель: **Косарев М.Н.**

Проблемы в применении статьи 96 Уголовного кодекса Российской Федерации (психофизиологический аспект)

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме применения статьи 96 Уголовного кодекса Российской Федерации судами общей юрисдикции. Также в статье рассмотрен психофизиологический аспект лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет.

Ключевые слова: уголовно-правовые нормы, исключительные обстоятельства, личность, общественная опасность, судебно-психиатрическая экспертиза, несовершеннолетний.

В российской научной юридической литературе существует деление норм права на общие, исключительные и специальные[1]. Исключения в праве – прием техники законотворчества, с помощью которого возможно изменение общего правила поведения, несоблюдение норм, содержащихся в нормативно-правовом акте в специальных целях и интересах. Исключения в правовых нормах присутствуют если не во всех, то во многих отраслях российской правовой системы (семейном, гражданском, уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном и трудовом праве). Например, статья 124 Трудового кодекса Российской Федерации

[1] Деревнин А.А. Специальные нормы в российском праве // Академический юридический журнал. 2002. № 1 (7). С. 10 – 14.

(далее – РФ) «Продление или перенесение ежегодного оплачиваемого отпуска»[1]; часть 3 статьи 68 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Места отбывания наказания» (далее – УИК РФ)[2]; часть 3 статьи 155.2 Семейного кодекса РФ «Деятельность организацией для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»[3] и часть 4 статьи 451 Гражданского кодекса РФ «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств»[4].

Проанализировав действующее уголовное законодательство РФ можно прийти к выводу о существовании в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) различных форм обстоятельств исключения. Таким обстоятельством может являться исключительный случай, который выражается в возникновении экстраординарной ситуации, в которой невозможно применение уголовно-правовой нормы, содержащаяся в статье 96 УК РФ. Случай, возникающий в ситуации, когда необходимо обозначить сферу, совершенно иную по качеству содержания, называется исключительным случаем. Примером такого исключительного случая может являться применение статьи 222 УК РФ в случае нарушения правил оборота гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения. В данном случае вместо уголовно-правовой нормы, прописанной в статье 222 УК РФ, действует статья 3 Федерального закона от 13.12.1996 №150 – ФЗ «Об оружии»[5].

По нашему мнению, самым важным примером исключения является статья 96 УК РФ. На основе положений главы 14 УК РФ, примененных к лицам, совершившим преступные деяния в возрасте от 18 до 20 лет, решение суда должно быть обосновано в приговоре наличием исключительных обстоятельств, за исключением случаев помещения указанных лиц в специальное закрытое учреждение учебно-воспитательного характера либо воспитательную колонию. Такие исключительные обстоятельства должны характеризовать совершенное лицом деяние и его личность[6]. По решению начальника воспитательной колонии и его утверждения прокурором при помощи специального акта возможно оставление совершеннолетних приговоренных к лишению свободы, в воспитательных колониях, до достижения осужденными возраста 21 года, с целью утверждения результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования, профессиональной подготовки, переподготовки (статья 139 УИК РФ «Оставление в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия»). В случае условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания должны применяться уголовно-правовые нормы, закрепленные в статье 93 УК РФ, а при исчислении сроков давности погашения судимости или исполнения приговора применяются

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197 – ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.
[2] Уголовно – исполнительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 08.01.1997 № 1 – ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1997. № 9. 16 января.
[3] Семейный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.1995 № 223 – ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. Ст.16.
[4] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51 – ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1994. № 238 – 239. 8 декабря.
[5] Федеральный закон от 13.12.1996 №150 – ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оружии» // Российская газета. 1996. № 241.
[6] Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (ред. от 27.07.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

положения статей 94 и 95 УК РФ, если судом при вынесении приговора были применены положения главы 14 УК РФ.

В приведенной норме права исключительность должна быть рассмотрена одновременно в двух аспектах. Во-первых, исключительность следует рассматривать в качестве оценки возможности применения этой нормы. Во-вторых, исключительность также следует понимать в качестве оценки в физическом смысле, в смысле ограничения свободы, помещения в исправительные учреждения (специальные воспитательные учреждения, учреждения учебно-воспитательной направленности для несовершеннолетних, в воспитательные колонии уголовно-исполнительной системы РФ). Широкий смысл, содержащийся в понятии исключительных случаев, обусловливает сложности, которые возникают в результате применения данной правовой нормы[1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 не было указано никаких правил или специальных процедур о применении уголовно – правовых норм, указанных в статье 96 УК РФ[2]. Российские ученые в сфере юриспруденции, анализируя и детально комментируя статью 96 УК РФ, определяют обстоятельства, при которых возможно применение данной нормы.

Председатель Верховного Суда РФ Лебедев В.М. в своем комментарии уточнил, какие случаи можно считать исключительными: стечение особенности психофизиологического развития виновного, тяжелых жизненных обстоятельств. Хотелось бы обратить внимание на то, что исключительными случаями ученые считают, как правило, специфику личностного психического и физического развития лица в возрасте от 18 до 20 лет. Обнаружение отставания в развитии психики, не связанное с расстройством психики лица, совершившего преступление в возрасте от 18 до 20 лет, является важнейшим основанием применения статьи 96 УК РФ[3].

Отставание в психофизиологическом развитии – это специально-структурированное понятие, в котором можно выделить аспекты юридической и медицинской направленности. Установить факт отставания в психическом развитии у лица, совершившего преступление в возрасте от 18 до 20 лет, возможно после проведения комплексной судебно-психиатрической экспертизы (статья 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ)[4]. Упомянутая норма из уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что для назначения и производства экспертизы требуется наличие несколько условий. Среди этих условий можно выделить: состояние психики подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в возрасте старше 18 лет; преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет; необходимость решения вопроса о наличии или об отсутствии у подозреваемого расстройства сексуального предпочтения (педофилия); психофизическое состояние обвиняемого, в случае наличия оснований для предположения наркотической зависимости обвиняемого; психофизическое состояние потерпевшего, в случае наличия сомнений в его

[1] Рарог А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 2019. С. 144.
[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». // Российская газета. 2011. № 29. 11 февраля.
[3] Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: 2010. С.125.
[4] Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174 – ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921

способности корректно и адекватно воспринимать обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела[1].

В своем Постановлении Пленума в октябре 2009 года Верховный Суд РФ указал на то, как характеризуется общественная опасность преступления. Степень общественной опасности преступного деяния определяется с учетом объекта посягательства, формы вины (статья 25 УК РФ), категории преступления (статья 15 УК РФ). В приведенной ситуации степень общественной опасности преступления характеризуется конкретными обстоятельствами содеянного, размерами причиненного вреда, тяжестью наступивших последствий, степенью осуществления преступного намерения, ролью подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличием в содеянном отягчающих обстоятельств. В данном случае сложность заключается в том, что уголовно-процессуальное законодательство не урегулировало, в какой момент судебного разбирательства суд может на законных основаниях принять решение о том, можно ли распространить на лицо в возрасте от 18 до 20 лет положения, регулирующие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних[2].

Хотелось бы обратить внимание на то, что в тексте уголовно-правовой нормы, отраженной в статье 96 УК РФ, отсутствует такой термин, как «степень общественной опасности».

В связи с данным фактом авторы статьи могут сделать следующее предложение, которое поможет судам общей юрисдикции в их деятельности.

Судам при рассмотрении уголовных дел не следует учитывать степень общественной опасности совершенного преступного деяния, так как в законодательстве существует пробел, связанный с определением самого понятия «степень общественной опасности».

В указанной уголовно-правовой норме также определено, что в исключительных случаях, определяющихся с учетом характера совершенного преступного деяния и личности, могут применяться положения 14 главы УК РФ. Но в уголовном законодательстве нет точного определения, о какой личности идет речь. Такой пробел в законодательстве позволяет довольно широко толковать данную правовую норму. Скорее всего, в статье 96 идет речь именно о личности виновного. Данное положение должно быть закреплено в российском уголовном законодательстве, чтобы исключить излишне расширительное толкование понятия «личность».

Характер и степень общественной опасности совершенного преступного деяния определяют исключительные особенности назначения наказания. Такими особенностями могут являться, например, совершение преступления с неосторожной формой вины (в уголовном праве выделяют два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность); мотивы преступного деяния (факультативный признак субъективной стороны); отсутствие тяжких последствий совершенного преступного деяния; второстепенная роль лица в возрасте от 18 до 20 лет в совершении преступного деяния. Тем не менее в ситуациях, когда складываются указанные обстоятельства, основным критерием должно являться именно совершение преступления,

---

[1] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.01.2017 № 3 – н «Об утверждении Порядка проведения судебно – психиатрической экспертизы» // Российская газета. 2017. № 56.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // Российская газета. 2009. № 211.

соответствующего по своему криминогенному аспекту преступлению, совершенному лицом, которое не достигло возраста совершеннолетия.

Стоит обратить особое внимание на категорию преступлений, в отношении которых возможно применение статьи 96 УК РФ. Согласно Определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.02.2015 гражданин А. был осужден за убийство из корыстных побуждений (пункт «з» части 2 статьи 105 УК РФ) и приговорен к 13 годам лишения свободы. Адвокат гражданина А. находит приговор суда в отношении своего подзащитного несправедливым в силу чрезмерной суровости назначенного ему наказания, а также ссылается на то, что судом недостаточно исследован вопрос о том, насколько возможно применение положений статьи 96 УК РФ к гражданину А. как лицу, совершившему преступление в возрасте от 18 до 20 лет. В конечном итоге приговор Верховного Суда субъекта РФ не подвергся изменению[1]. В качестве другого примера можно рассмотреть Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.07.2008. В соответствие с данным Определением, гражданка В. была осуждена за убийство по предварительному сговору из корыстных побуждений (пункт «ж», «з» части 2 статьи 105 УК РФ) и приговорена к 16 годам лишения свободы. В жалобе гражданка Б. просит смягчить ей приговор, применив положения статьи 96 УК РФ. Просьба осужденной заключается в том, чтобы суд обратил внимание на то, что она совершила преступление в возрасте 18 лет, будучи сиротой, была воспитана в детском доме, после которого не смогла трудоустроиться и адаптироваться к условиям жизни в обществе. Приговор гражданке В. был смягчен до 12 лет лишения свободы в соответствие с решением Судебной коллегии[2].

Специальные методы, применяемые при изучении личности несовершеннолетних осужденных, должны применяться и для изучения личности осужденных в возрасте от 18 до 20 лет, но лишь учитывая особенности, связанные с их юридическим статусом.

На основе специальных карт социального сопровождения, отражающих особенности личности несовершеннолетнего, различные аспекты его жизни готовятся доклады о его личности, которые затем представляются в судах общей юрисдикции субъектов РФ. Представления подобных докладов необходимо для улучшения взаимодействия в работе по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних лиц между членами специальной комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний РФ[3].

В заключении следует бы отметить, что применение положений статьи 96 УК РФ возможно в случае установленного факта наличия отставания в психическом развитии, не имеющего никакой связи с расстройством психики личности. Применение положений статьи 96 УК РФ так же требует своего дальнейшего совершенствования в правоприменительной практике российских судов общей юрисдикции. В связи с этим мы считаем необходимым изложить редакцию статьи 96 УК РФ следующим образом: «применить положения настоящей главы к лицам,

---

[1] Дело № 58 – АПУ 14 – 63. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1231320. Дата обращения: 31.10.2020.

[2] Дело № 55 – 008 – 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=206314. Дата обращения: 31.10.2020.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 04.11.2019) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Российская газета. 2004. № 230. 19 октября.

совершившим преступление в возрасте от 18 до 20 лет, с помещением их в специальные учебно-воспитательные учреждения либо в воспитательные колонии уголовно-исполнительной системы РФ».

Имаев В.Э.
Научный руководитель: **Калинович А.Э.**

Проблемные вопросы применения статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются признаки преступления, предусмотренного ст. 318 Уголовного кодекса РФ. Автор посредством использования общенаучного метода познания, метода сравнительного анализа обозначает критерии, позволяющие разграничить применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) от иных смежных преступлений. Сделана попытка обозначить отдельные признаки, показывающие несовершенство российского уголовного закона.

Ключевые слова: применение насилия в отношении представителя власти, представитель власти.

Представители власти, выступающие связующим звеном между государством и отдельными индивидами, по-прежнему нуждаются в уголовно-правовой защите, особенно в настоящее время, когда на территории Российской Федерации всё чаще встречаются протестные настроения против решений государственной власти. Так, например, в 2020 году имели место быть массовые протесты из-за задержания губернатора С.И. Фургала, прокатившееся в Хабаровском крае, массовые акции протеста против поправок в Конституцию РФ, протесты против режима самоизоляции, обусловленного пандемией.

Низкая правовая культура граждан также является детерминантом совершения, указанного преступного деяния. Зачастую лица, не обладающие достаточными знаниями об ответственности за применение насилия в отношении представителей власти допускают в своём поведении демонстрацию неуважительного отношения к представителям власти, заключающуюся в публичном высказывании в их адрес оскорблений, унижающих их честь и человеческое достоинство, высказывании угроз применения насилия в устной или письменной форме, причинении им физической боли и нравственных страданий, а также вреда здоровью различной степени тяжести при исполнении последними своих должностных обязанностей.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ количество осужденных по ч. 1 ст. 318 УК РФ, ч. 2 ст. 318 УК РФ за 2019 год составило 6370[1], а за 1 полугодие 2020 года - 2652[2]. Несмотря на имеющуюся динамику спада, статистические данные указывают на то, что проблема обеспечения безопасности управленческой деятельности, физической и психической неприкосновенности представителей власти по-прежнему является наиболее острой.

[1] Отчет о числе осужденных по ст. 318 УК РФ за 2019 год. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259. Дата обращения: 23.10.2020.

[2] Отчёт о числе осужденных по ст. 318 УК РФ за 1 полугодие 2020 года. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460. Дата обращения: 23.10.2020.

В этой связи актуальным представляется проанализировать состав преступления, предусмотренный ст. 318 УК РФ, разобрать примеры из правоприменительной практики, обозначить критерии, позволяющие разграничить анализируемый состав преступления от иных составов, закрепленных в УК РФ (п. «б» ч. 2 ст. 226.1, ст. 296).

Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти предусмотрена ст. 318 УК РФ. Стоит отметить, что данная статья имеет две части, то есть закрепляет основной и квалифицирующий составы преступлений. Отличие между ними следует проводить по признакам объективной стороны, а именно: по признакам насилия или угрозы его применения. Так, по части 1 статьи 318 УК РФ квалифицируется «насилие не опасное для жизни или здоровья», а по части 2 статьи 318 УК РФ – «насилие опасное для жизни или здоровья».

Обозначенные признаки выступают признаком объективной стороны многих преступлений по УК РФ (например, ч. 4 ст. 166, п. «г» ч. 2 ст. 221 и др.), однако до сих пор отсутствует их единое легальное толкование. В связи с этим, огромное значение в правоприменительной практике для уяснения признаков «насилия» имеет разъяснение Пленума Верховного суда РФ[1].

Понимание «насилия» не вызывает трудностей и не влечёт ошибок в правоприменительной практике.

Например, К. был правомерно признан виновным за совершение преступления предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ. К., находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, в вагоне пассажирского поезда укусил за левое предплечье полицейского, реализующего законные полномочия, а также нанес менее одного удара ногой по телу в область живота, отчего потерпевший потерял равновесие и, навалившись назад, ударился правым локтем о находящиеся предметы. Тем самым, К. причинил потерпевшему физическую боль и травму в виде ссадин на верхних конечностях, которые верно были оценены органами следствия и судом как повреждения, не причинившие вред здоровью[2].

В другом случае, Б. находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, проявляя агрессию, будучи недовольным законными действиями полицейских по пресечению его противоправного поведения, находясь своём домовладении, умышленно, вооружившись кухонным ножом, нанес им один удар в область живота полицейскому – Б.А.С, находившемуся в форменной одежде и бронежилете. В результате указанных преступных действий Б. причинил Б.А.С. лёгкий вред здоровью. Таким образом, действия были правильно квалифицированы следственными органами и судом по ч. 2 ст. 318 УК РФ[3].

Содержательным для науки и следственно-судебной практики выступает разрешение вопроса, касающегося разграничения преступлений, регламентированных ст. ст. 318 и 296 УК РФ. Оно обусловлено тем, что исследуемые составы преступлений имеют схожие объективные признаки. Закреплённые в них уголовно-правовые нормы соотносятся между собой как норма-общая и норма-специальная. На

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (в ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // БВС РФ. 2003. № 2.

[2] Приговор по делу № 1-374/2020 от 22.09.2020. [Электронный доступ] URL: https://permsk--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=78362972&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. Дата обращения: 23.10.2020.

[3] Приговор по делу № 1-150/2020 от 19.06.2020. [Электронный доступ] URL: https://anapa--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=121397297&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. Дата обращения: 23.10.2020.

основании сравнительного анализа следует выделить следующие особенности данных составов преступлений.

При применении насилия в отношении представителя власти основным непосредственным объектом признаются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование управленческой деятельности [1], а основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 296 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления правосудия[2].

Согласно диспозиции, ст. 318 УК РФ потерпевшими признаются представитель власти или его близкие. При этом давно выступает предметом дискурса в отечественной уголовно-правовой науке, а также подробно разбирается в рамках должностных преступлений понятие «представитель власти» [3]. В свою очередь, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 296 УК РФ, являются указанные в уголовном законе лица, обладающие специфическими признаками, а также лица, которым не присущи признаки представителя власти.

Однако несмотря на вышеуказанные замечания в правоприменительной практике находят место разные подходы к толкованию признаков потерпевшего по преступлению, предусмотренному ст. 318 УК РФ, что в свою очередь влечёт различную квалификацию содеянного виновными лицами.

Так, судебной практике известен случай, когда потерпевшим по ч. 1 ст. 318 УК РФ был признан федеральный судья. К. будучи несогласным с судебными решениями по его исковым заявлениям собственноручно выполнил на тетрадном листе рукописный текст со словами угрозы причинения телесных повреждений в адрес федерального судьи, который он вложил в почтовый конверт вместе с имеющимися у него частными жалобами. Конверт в запечатанном виде К. передал администрации учреждения, в котором он отбывал наказание, для последующего направления в суд. При вскрытии запечатанного конверта был обнаружен, изготовленный К., отрезок тетрадного листа с текстом, содержащим угрозу нарушения физической неприкосновенности федерального судьи, которую последний воспринял реально[4].

При применении насилия в отношении представителя власти один из факультативных признаков субъективной стороны трансформируется в разряд обязательных, а именно: мотив («в связи с исполнением должностных обязанностей»), в преступлении, предусмотренном ст. 296 УК РФ мотив как один из факультативных признаков субъективной стороны также трансформируется в разряд обязательных («в связи с рассмотрением дел или материалов в суде» (ч. 1 ст. 296 УК РФ), «в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора или иного судебного акта» (ч. 2 ст. 296 УК РФ)).

---

[1] Разгильдиев Б.Т., Красиков А.Н. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. Саратов. 1999. С. 587.

[2] Галахова А.В. Преступления против правосудия: толкование уголовного кодекса, комментарий статей УК РФ, материалы судебной практики, статистика. М., 2005. С. 75-80.

[3] Иванчин А.В. Служебные преступления: учебное пособие. Ярославль. 2013. 108 с.; Бриллиантов А.В., Четвертакова Е.Ю. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран: монография. М., 2017. 192 с. и др.

[4] Приговор по делу № 1-144/2016 от 14.06.2016. [Электронный ресурс] URL: https://shargor--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24182968&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. Дата обращения: 23.10.2020.

Также интересным представляется то, что в ст. 296 УК РФ отдельно от применения насилия криминализирована угроза, а в ст. 318 УК РФ угроза и применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, законодателем приравнены друг другу по общественной опасности. По нашему мнению, подобная структура уголовно-правовых норм ст. 318 УК РФ крайне противоречива. Следовательно, принимая во внимание действующую редакцию ст. 296 УК РФ, наличие в УК РФ ст. ст. 115, 119 предлагается законодателю оформить структуру норм в ст. 318 УК РФ иным образом, сконструировав в ней три самостоятельные части.

При изучении уголовно-правовых норм статьи 318 УК РФ и преступлений против общественной безопасности следует отметить, что статья 318 УК РФ конкурирует с п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ по правилам норма-целое (ст. 226.1 УК РФ) и норма-часть (ст. 318 УК РФ). Приоритет в данном случае отдается норме целого.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, признаются отношения, направленные на обеспечение общественной безопасности [1], а при применении насилия в отношении представителя власти основным непосредственным объектом, как нам известно, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование управленческой деятельности.

Во-вторых, совершение виновным деяния, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, предполагает выполнение им нескольких самостоятельных действий, то есть виновное лицо совершает действия, обозначенные в ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, а также совершает применение насилия к потерпевшему, обладающему специальными признаками.

В-третьих, потерпевшими по п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ могут лишь лица, реализующие полномочия в части таможенного или пограничного контроля, в то время как потерпевшими по ст. 318 УК РФ является более обширный круг лиц.

В-четвертых, как уже ранее было обозначено, при применении насилия в отношении представителя власти одним из признаков субъективной стороны преступления выступает мотив.

Таким образом, при совершении преступного деяния, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, помимо общественной безопасности, нарушаются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов управления, следовательно, тем самым повышается степень общественной опасности деяния. Сравнив санкции анализируемых деяний, мы приходим к парадоксальному выводу о том, что совершение одного преступления, например, причинения тяжкого вреда здоровью представителю власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, может повлечь почти такое же наказание, как и реальное совершение двух преступных деяний, охватывающихся п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ.

Следующая проблема, связанная со ст. 318 УК РФ, обусловлена возможностью реализации уголовно-правовых норм об освобождении лица от ответственности в связи с позитивным поведением после совершения преступного посягательства (ст. 76 УК РФ). Лица, осуществляющие предварительное расследование по уголовным делам, а также суд во всех случаях должны обращать внимание на позитивное поведение лица, имеющее место быть после совершения преступления.

[1] Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие. Свердловск, 1974. 177 с.

Так, статьей 76 УК РФ устанавливается возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Исходя из содержания уголовно-правовой нормы, содержащейся в исследуемой статье следует, что одним из оснований освобождения является: совершение преступления небольшой или средней тяжести.

То есть в теории имеется возможность применения ст. 76 УК РФ лишь только к ч. 1 ст. 318 УК РФ, так как санкция по данной части устанавливает наказание в виде лишения свободы с верхним пределом в пять лет. Однако сама возможность реализации субинститута – освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим к ч. 1 ст. 318 УК РФ весьма затруднена, так как виновное лицо, совершая подобное посягательство, нарушает не общественные отношения, обеспечивающие целостность здоровья представителя власти или его близких, а иные общественные отношения, связанные с обеспечением порядка управления.

Все представители власти будь то это полицейские, госинспекторы охраны по охране леса, сотрудники Роспотребнадзора являются специальными субъектами властных отношений, призванные охранять государственные интересы во благо общества, поэтому преступные посягательства, осуществляемые в отношении них направлены далеко не столько против их здоровья, сколько на угнетение их как агентов правоохранительной деятельности.

В связи с этим верным представляется наличие п. 9 в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19[1], в соответствии с которым в каждом случае при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности следует брать во внимание конкретные обстоятельства дела, в том числе особенности и число объектов преступного посягательства, устанавливать приоритет между ними.

Таким образом, представляется возможным сформулировать выводы в следующей редакции:

- довольно распространенным преступлением против порядка управления является применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Факторами, побуждающими людей, на совершение данного преступного деяния является низкая правовая культура, а также недовольство решениями действующей власти;

- исследуемое преступное деяние (ст. 318 УК РФ) следует разграничивать со смежными составами преступлений, предусмотренными п. «б» ч. 2 ст. 226.1, ст. 296 УК РФ. Основными критериями, с помощью которых проводится разграничения выступают: родовой, видовой, непосредственный объекты преступлений, потерпевший;

- применение положений уголовного закона, а именно: ст. 76 УК РФ, к общественным отношениям, связанным с совершением преступного деяния, квалифицируемого по ч. 1 ст. 318 УК РФ, в теории допускается, но несмотря на это в настоящее время в правоприменительной практике реализация исследуемого субинститута весьма затруднена.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // БВС РФ. 2013. № 8.

Клепинин П.А.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Актуальные проблемы главы 18 Уголовного кодекса РФ под призмой посягательств против несовершеннолетних и пути их решения

Аннотация. В статье раскрывается роль некоторых норм уголовного закона в теории и правоприменительной деятельности. Анализируются недостатки и проблемы норм главы 18 УК РФ и их влияние на квалификацию преступлений и реализацию принципа справедливости. Автором предлагаются нововведени по совершенствованию правового регулирования норм главы 18 УК РФ в части посягательств против несовершеннолетних.

Ключевые слова: действия сексуального характера, квалификация преступлений, посягательства против несовершеннолетних, половые преступления, развратные действия.

Преступность против несовершеннолетнего в настоящее время не редкого явления. Государство установило ряд механизмов, призванных осуществлять особенную защиту детей и подростков. В данной работе обратимся к главе 18 УК РФ и рассмотрим, как уголовный закон ограждает несовершеннолетних от преступных посягательств в сфере половых преступлений.

Посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних могут быть насильственные и ненасильственные. К первой категории относятся преступления, предусмотренные статьями 131 и 132 УК РФ[1], ко второй — статьи 133, 134, 135. Предметом исследования являются проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных статьями 134 и 135 УК РФ и статьями 131 и 132 УК РФ.

Важной проблемой является формулировка статьи 134 УК РФ, вернее, несоответствие названия статьи и её содержания. Статья 134 УК РФ именуется: «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». С одной стороны, становится понятно о противоправном действии из названия статьи — либо половое сношение, либо иные действия сексуального характера. С другой стороны, необходимо подробно анализировать эти самые «иные действия». УК РФ ни в статье 132, ни в статье 134 не раскрывает данное понятие, Пленум Верховного суда в своем постановлении от № 16 от 2014 г. также не даёт толкования. В доктрине и судебной практике кроме прямо указанных в законе мужеложства и лесбиянства, к действиям сексуального характера необходимо относить удовлетворение сексуальных физиологических потребностей без введения полового члена во влагалище. Конструкция ст. 132 УК РФ позволяет толковать противоправных деяния посредством применения термина «иные действия сексуального характера» в формулировке статьи, как любые действия сексуального характера, кроме полового сношения, что представляется справедливым. Исходя из названия ст. 134 УК РФ, законодатель также стремится охватить весь спектр противоправных деяний в половой сфере, но, анализируя саму норму, можно прийти к обратному выводу. Часть 2 ст. 134 УК РФ ограничивает иные действия сексуального характера только мужеложеством и лесбиянством. Таким образом, образуется пробел, который возможно устранить путём применения юридической фикции и квалификации преступления, выраженного в форме иного действия

[1] Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст.2954.

сексуального характера (отличного от мужеложства и лесбиянства), по отношению к несовершеннолетней от 12 до 16 лет, как развратные действия (ст. 135 УК РФ). Аналогия в уголовном праве недопустима, исходя из этого приходится пользоваться небесспорной фикцией. Отметим, что развратные действия – понятие более широкое, чем закреплено в статье УК РФ. Изнасилование беспомощной, ст. 134 и прочее – все это относится к развратным действиям, но дополнительные черты указанных развратных действий требуют квалификации по статьям 131, 132 или 134, и поэтому важен четкий критерий отграничения всех этих статей. Пленум ВС РФ придерживается мнения, что развратными действиями является то, что выходит за рамки полового сношения, мужеложества и лесбиянства (п. 17 указанного выше ППВС), но данная позиция также вызывает обоснованные вопросы. Важно отметить, что санкции по ч.2 ст.134 и ч.1 ст.135 различны, если мужеложество и лесбиянство имеют «верхний предел» лишения свободы в 6 лет, то развратные действия в отношении лица от 14 до 16 лет — 3 года.

Возникает законный вопрос: не нарушает ли указанная юридическая конструкция важнейшего принципа уголовного права — справедливости? Представляется верным дополнить ч. 2 ст. 134 УК РФ после слов «мужеложество и лесбиянство» формулировкой «и иные действия сексуального характера». Данным образом законодатель гармонизирует название статьи с ее содержанием, а также будет преодолён пробел в праве.

По мнению Н.Н. Изотова, А.Г. Кибальника и И.Г. Соломоненко, к иным действиям сексуального характера следует относить только действия, связанные с сексуальным проникновением – введение полового органа и иных предметов в естественные полости другого лица с целью получения сексуального удовлетворения. Эти авторы не относят к иным сексуальным действиям интеллектуальные развратные действия (показ порнофильмов, половых органов или совершение полового акта в присутствии потерпевшего против его воли). В доктрине существует и противоположное мнение – часть исследователей придерживаются мнения, что интеллектуальные развратные действия должны квалифицироваться по ст. 132 УК РФ как иные сексуальные действия, если они совершены с применением насилия, угроз. Указанный пробел нельзя решить путем применения фикции и квалификации по ст. 135 УК РФ – конститутивный признак данного состава отсутствие насилия. Таким образом, весьма вероятно, что интеллектуальные развратные действия против воли потерпевшего будут квалифицированы по соответствующей части ст. 132 УК РФ именно на основании отсутствия точной дефиниции “иных действий сексуального характера”.

По мнению А.А. Бимбинова, “действия сексуального характера – это контактные формы воздействия одного лица в отношении другого лица, способные удовлетворить сексуальную потребность человека”[1]. Так, Красногорский городской суд Московской области признал лицо виновным, в том числе в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ. Установлено, что лицо, действуя во исполнение совместного с другим лицом преступного умысла, желая удовлетворить свои сексуальные потребности, сняла с себя предметы одежды, легла на диван и совершила лесбиянство с потерпевшей, а именно под угрозой применения насилия заставила последнюю трогать языком свои половые органы. Указанный пример лишь подтверждает обозначенную ранее

[1] Уголовное право России. Особенная часть: учебник/Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма “Контракт”: ИНФРА-М. 2017. С. 104.

проблему о неясности дифференциации иных действий сексуального характера и доминирующем положении первого подхода (позиции Н.Н. Изотова, А.Г. Кибальника и И.Г. Соломоненко, А.А. Бимбинова).

Необходимо отметить примечание к ст. 131 УК РФ. В соответствии с ним, “К преступлениям, предусмотренным п. “б” ч. 4 ст. 131 УК РФ, а также п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных чч. 3-5 ст. 134 УК РФ и чч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий”. Таким образом, при формальном подпадании под действие статей 134 и 135 УК РФ, в случае, если потерпевшим является лицо, не достигшее 12 лет, правоприменитель должен пользоваться фикцией и квалиицировать деяние по 131 УК РФ.

Обратимся к практике. 15 мая в свой двадцатый день рождения Иван делился в одной из социальных сетей со своим племянником, Дмитрием, которому через 3 месяца исполнится 12 лет, успехами в личной жизни. Дмитрий, чтобы «быть таким же крутым, как и дядя», попросил скинуть порнографическое видео. Иван отыскал в сети Интернет видеозапись, отправил Дмитрию, а через 2 дня к недавнему имениннику нагрянули представители органов правопорядка. Как оказалось, Иван своими действиями способствовал «удовлетворению сексуального влечения виновного, вызывал сексуальное возбуждение у потерпевшего лица, и пробуждал у него интерес к сексуальным отношениям» (выдержка из п.17 указанного ППВС). Действия Ивана подпадают под п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (если говорить про лишение свободы, то интервал от 12 до 20 лет). А теперь представим, что Дмитрию было 12 лет. В таком случае действия Ивана подпадают под иной состав — ч. 2 ст. 135 УК РФ (вновь, если говорить про лишение свободы, то интервал от 3 до 8 лет). Третьей ситуацией определим, что Иван лично общался с девочкой Светой, которой 12 лет, и она из-за «сильной любви» согласилась заняться с ним оральным сексом. В таком случае Ивана ожидает наказание от 3 до 8 лет лишения свободы (по ч. 2 ст. 135 УК РФ). Такие разные ситуации, противоречия между квалификацией и степенью общественной опасности, подталкивают нас обратиться к УК РФ, а именно, примечанию к ст. 131. И действительно, при определенных условиях те деяния, которые не являлись насильственными, приобретают их характер.

Справедливо законодатель выделяет несовершеннолетних до 12 лет в особо охраняемую категорию, подчёркивая беспомощность детей в силу возраста. Более того, с законодателем можно согласиться, когда он использует фикцию в виде примечания, чтобы привлечь к ответственности лиц, «воспользовавшихся» беспомощным состоянием детей и совершивших с ними половой сношение, мужеложество, лесбиянство (наказывать по 131 или 132 статье за деяния, формально предусмотренные статьей 134). Но справедливо ли применение столь сурового наказания, которое предусмотрено особо квалифицированным составом статей 131 и 132 УК РФ к деяниям, которые не сопряжены с физическим контактом? Бесспорно, здоровое нравственное развитие детей является стратегической задачей, необходимо карать за воспрепятствование данному процессу. С другой стороны, правильно ли наказывать Ивана из первой ситуации на срок от 12 до 20 лет, когда Иван из третьей ситуации, на наш взгляд, совершивший более тяжкое с точки зрения общественной опасности деяние, будет наказан на срок до 8 лет лишения свободы?

Как обстоят дела с данной проблемой у наших соседей? Анализируя УК Украины[1], можно сделать вывод, что он схож с отечественным. Преступления против половой свободы и неприкосновенности в УК Украины регулируются разделом 4 и соответствующими пятью статьями (152-156 УК Украины). Интересно отметить, что украинский законодатель несколько дифференцирует изнасилование и насильственные действия без проникновения в тело другого человека. Что касается ст. 134 УК РФ и ее аналога ст. 155 УК Украины, то в УК соседей имеется разделение на природное и неестественное половое сношение, которое и предусматривает весь перечень иных действий сексуального характера (в том понимании, которое имеется в УК РФ). Таким образом, УК Украины лишен пробела в регулировании ненасильственного полового сношения с лицом, не достигшим 16 лет.

Вторым примером хотелось бы отметить другое соседнее государство – Казахстан. УК Казахстана [2] регулирует преступления в половой сфере соответствующими статьями 120-124. Если анализировать каждую из них, то можно сделать удивительный вывод – указанные статьи почти полностью идентичны статьям УК РФ. Самое существенное отличие кроется в ст. 122 УК Казахстана – аналоге ст. 134 УК РФ, а именно в том, что Казахстан закрепляет не только в оглавлении статьи "иные действия сексуального характера", но и в самой норме. Исходя из этого, Ук Казахстана охватывает полный перечень сексуальных действий в отношении лица, не достигшего 16 лет, связанных с проникновение в его тело – "половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с лицом" (ч.1 ст.122 УК Казахстана).

В итоге, из рассмотренных трех Уголовных кодексов (РФ, Украины и Казахстана), проблема правового регулирования в сфере ненасильственных действий сексуального характера имеется только в УК РФ.

В эпоху цифровизации и развития социальных сетей угроза совершения преступлений, предусмотренных статьёй 135 УК РФ, растёт, кроме того, в главе 18 УК РФ существуют пробелы. Нельзя не отметить, что законодательные формулировки данной главы нуждаются в более тщательной проработке, как с теоретической точки зрения (устранение пробелов, более справедливые формулировки статей), так и практической, ввиду нарастания влияния цифровых технологий на уголовно-правовые отношения. Представляется верным ввести в статью 134 УК РФ новую часть (1.1, либо 2.1) или дополнить существующую ч.2 следующим образом: "иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...". Кроме того, законодателю необходимо проработать само понятие иных действий сексуального характера, так как существующее регулирование не в состоянии достаточно четко разграничить интеллектуальные развратные насильственные действия с иными действиями сексуального характера, совершенными с применением насилия.

По мнению автора, толкованием понятия "иные действия сексуального характера" должен заниматься не Верховный суд РФ в своем Постановлении Пленума, а именно законодатель. Решение проблемы должно быть отражено в УК РФ: будь-то примечание к статье 132, либо дефиниция в ч.1 указанной статьи. Только в таком

[1] Уголовный кодекс Украины // MEGET.URL:https:meget.kiev.ua/ugolovniy-kodeks/ (дата обращения: 18.10.2020).

[2] Уголовный кодекс Казахстана //Параграф. [Электронный ресурс] URL: https:online.zakon.kz/m/dokument?doc_id=673441. Дата обращения: 19.10.2020.

случае удастся ликвидировать пробел, а также решить вопрос с дальнейшим правильным толкованием статей 132, 134, 135 УК РФ.

В научной среде имеется мнение о полном пересмотре главы 18 УК РФ, объединении статей 131 и 132, изменении подхода к изнасилованию (примерно, как в УК Украины). Но целостный системный пересмотр важных и глубинных понятий требует большего социального резонанса, большей практической необходимости, нежели сейчас. Указанные же правовые изменения, предложенные автором статьи, представляются актуальными, насущными, необходимыми.

УК РФ, как один из важнейших законов нашей страны, регулирующий столь сложные и важные общественные отношения, должен быть наиболее проработан и лишён пробелов.

Клещевников О.К.
Научный руководитель: **Сотникова В.В.**

Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых в киберпространстве

Аннотация. В связи с активным распространением и бурным развитием информационных технологий, компьютерных программ, массовой компьютеризации общества и вовлечением в интернет-процессы всех, начиная с детского возраста, для преступников, обладающих специальными навыками и знаниями в цифровой среде, открываются широкие возможности для осуществления своей деятельности.

В настоящей статье анализируется проблема квалификации преступлений в киберпространстве, отмечаются недостатки уголовного законодательства, регламентирующего данную сферу, и выдвигаются способы решения анализируемой проблемы.

Ключевые слова: Киберпространство, киберпреступность, киберпреступление, уголовная ответственность, электронно-вычислительные машины, информационно-телекоммуникационная среда, сеть Интернет.

На наш взгляд, самое емкое определение киберпреступности было дано А. Щетиловым, который трактовал киберпреступность как деяния, совершенные в глобальной сети Интернет, и все виды преступлений, совершенных в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, информационная техника могут выступать предметом преступных посягательств, средой, в которой совершаются правонарушения, и средством или орудием преступления[1].

Говоря об актуальности данной темы, считаем необходимым обратиться к официальной статистике. Последние шесть лет киберпреступность демонстрирует десятикратный рост (в 2013 году подобных преступлений было 11 тыс., в 2014 году – 44 тыс., в 2016 году – 66 тыс.). Ранее в Генпрокуратуре сообщали, что только с 2015 по 2016 год в шесть раз выросло число мошенничеств (с 2,2 тыс. до 13,4 тыс.) и более чем в три раза – краж (с 2,3 тыс. до 8,5 тыс.) с использованием сети Интернет и иных коммуникационных ресурсов, в 5,5 раза (с 995 до 5,5 тыс.) выросло

[1] Щетилов А. Некоторые проблемы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом // Информатизация и информационная безопасность правоохранительныхорганов: материалы XI междунар. конф. М., 2002. С. 187.

количество преступлений, связанных с хищением, удалением, блокировкой компьютерной информации с целью мошенничества (ст. 159.6 УК РФ)[1].

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся виды киберпреступлений.

Финансовые преступления – общественно опасные деяния, объектом которых являются финансово-экономические отношения. Предметом преступления чаще всего выступают кредитные карты, денежные средства, участвующие в совершении банковских операций и др.

Фишинг – это деятельность злоумышленников по добыче информации с целью незаконного доступа к банковским счетам и вкладам. Наиболее распространен и применяется относительно пользователей интернет-банкинга, имеющих возможность оперативного доступа к своему счету непосредственно через мобильное устройство. Наиболее сложной формой фишинга выступае фарминг, который представляет собой скрытное перенаправление «жертвы» на ложный IP-адрес, созданный мошенниками, на котором и происходит считывание необходимой информации посредством ее ввода самой «жертвой».

Кибер-порнография – размещение порнографической продукции с несовершеннолетними детьми на порно-сайтах. Также следует отметить, что доступ к таким сайтам имеют даже дети, потому что у разработчиков нет возможности проверить действительный возраст посетителя. Разработчики сайтов подобного контента считают достаточным спросить у посетителя сайта, совершеннолетний ли он или нет, что, на наш взгляд, формально, и влечет за собой не только ценностно-нравственное разложение общества, но и повышает риск совершения преступлений сексуального характера. Но преступления этого характера стали принимать более изощренный и скрытный характер. Порнографические материалы стали распространяться посредством личного общения через чат-боты знакомств в социальных сетях. Данный механизм совершения преступлений практически исключает возможность получения данных о лице, распространяющем данную продукцию, что, на наш взгляд, не должно остаться без внимания законодателя.

Также существует весьма отлаженная схема распространения детской порнографии с использованием файлообменных программ открытого доступа, например, «Shareaza». Суть ее работы заключается в том, что посредством данной и подобных программ можно скачать файлы, содержащие порнографические материалы, сохранить их на свой компьютер, а другие пользователи данной программы смогут без труда скачать данные файлы на свой ПК. Формально проглядывается преступление в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 242, а также п. «г» ч. 2 ст. 242^1 УК РФ. Но, изготовление и приобретение порнографической продукции в собственных целях состава преступления не образует, а использование в этих целях специальных программ открытого доступа («Shareaza») и последующее хранение порнографических файлов на ПК активных действий, составляющих «распространение», тоже не составляют. Следовательно, на сегодняшний день посредством специальных программ фактически «распространяется» порнографическая продукция, в том числе с изображением несовершеннолетних. На наш взгляд, было бы целесообразно отметить в п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, а также п. «г» ч. 2 ст. 242^1 УК РФ, что факт распространения порнографии с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных

[1] Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-сентябрь 2018 г. Дата обращения: 27.10.2019.

сетей (включая сеть Интернет) содержит не только активное действие, но и бездействие путем предоставления открытого доступа к файлам, содержащим порнографические материалы. А техническим модераторам данных программ предъявить требование об оповещении пользователей о том, что при скачивании продукции, содержащей порнографические материалы, будет наступать ответственность в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ или п. «г» ч. 2 ст. 242[1] УК РФ, и уже точно можно будет полагать, что субъект действовал как минимум с косвенным умыслом, и, таким образом, сделать конструкцию состава данного преступления формальной, потому что оно представляет достаточно высокую общественную опасность и охватывает достаточно широкую публику – весь мир.

Кибернаркоторговля – способ торговли наркотиками, при котором обеспечивается длительное устойчивое функционирование преступного сообщества посредством дистанционного общения представителей звеньев наркоцепочки, то есть, система, при которой курьер не знает поставщика, а поставщик курьера, что значительно затрудняет раскрытие данных преступлений. Стоит отметить парадоксальный факт, который свидетельствует о заметном отставании уголовного законодательства от развития информационных технологий, применение которых, по сути, на данный момент не является преступным. Например, уже достаточно продолжительное время на территории России функционирует интернет-даркплощадка HYDRA, зарегистрировавшись на которой пользователь получает следующий перечень услуг: определение личности звонящего по номеру телефона; взлом электронной почты; взлом аккаунтов социальных сетей; создание поддельных документов и прочее. К запрещенным веществам, которые можно приобрести на Гидре, относятся следующие: марихуана; гашиш; трава; экстази; кокаин; марки; LSD; грибы; спайс и многие другие наркотики. Причем информация об этом сайте носит ничуть не скрытый характер – достаточно ввести «hydra» в поисковике. Регистрация на нем происходит посредством первичной регистрации на сайте TOR, который выступает в роли определенного VPN-сервиса. VPN-сервисы – услуга, обеспечивающая шифрование сетевого трафика пользователя между его компьютером и VPN-прокси-сервером, который является шлюзом выхода в сеть Интернет и, соответственно, скрывает реальный IP-адрес пользователя.

Преступники предпочитают сервисы, находящиеся в юрисдикции других государств и не требующие подтверждения персональных данных при регистрации, а также предоставляющие большой выбор стран, где расположены серверы-шлюзы (прокси). Если им требуется более высокий уровень конспирации, киберпреступники могут арендовать у провайдеров хостинговых услуг вычислительные мощности практически в любой точке мира, на которых настроить собственные VPN-серверы либо виртуальные машины, с которых, используя сторонние VPN-сервисы, выходить в сеть Интернет[1]. Оплата производится анонимно, то есть либо через QIWI - кошелек, либо в криптовалюте, которая уголовным законодательством не признана ни в качестве предмета преступлений, ни в качестве средства совершения преступлений, а гражданским законодательством имуществом, что давно уже пора исправить[2].

[1] Чекунов И.Г., Рядовский И.А., Иванов М.А., Захаров Д.Н., Пузарин А.В., Сабитов Р.Р. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 136 с.

[2] Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений: всероссийский криминологический журнал 2019г. Т. 13, № 3. С. 408–415.

Значительную угрозу национальной и общественной безопасности представляет кибертерроризм, при котором посредством использования выше указанных VPN-сервисов и закрытых чат-каналов (например, в мессенджере Telegram) осуществляется вербовка, а также информирование и непосредственное руководство террористической деятельностью.

Также следует отметить, что посредством использования мессенджера Telegram совершается большая часть мошеннических действий, нарко- и преступлений террористического характера, потому что использование двойного кода шифрования делает несанкционированный доступ к содержанию рассылки или переписки практически невозможным. Относительно данного факта экс-советник Президента Российской Федерации Г.С. Клименко в своем интервью отмечал, что сегодня эффективен только один способ – установка шпионских программ на конкретные устройства, но государству проще вообще запретить мессенджеры, пока они не согласятся сотрудничать и подчиняться требованиям закона[1].

Но наряду с криминализированными видами киберпреступлений есть виды деятельности, обладающие всеми признаками преступления, за исключением противоправности и наказуемости. Например, такой вид деятельности в сфере азартных игр в сети Интернет, как «вилкование», основой которого является использование специальных программ, в которые заложены математические формулы и сканер разницы коэффициентов на одинаковые события различных букмекерских организаций, не требует от субъекта ничего, кроме своевременного нажатия клавиш ПК. Следует заметить, что риск проигрыша исключен, а, следовательно, субъект осуществляет деятельность, не являющуюся предпринимательской в привычном виде, приносящую систематический гарантированный доход, который не облагается налогами. Осуществление данной деятельности при должной наблюдательности законодателя могло бы приносить существенный доход в бюджет государства как в виде налоговых отчислений, так и виде штрафов, например, за «незаконное осуществление деятельности, приносящей доход, в сети Интернет».

На данном этапе законодателем активно ведется борьба по предотвращению анонимной регистрации пользователей в мессенджерах и социальных сетях в целях оперативного выявления злоумышленников, занимающихся киберпреступностью. Так, 5 мая 2019 года вступил в законную силу Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», по которому теперь регистрация в мессенджерах и социальных сетях производится в несколько этапов:

1. При регистрации пользователь вводит номер телефона;
2. Мессенджер подтверждает его с помощью СМС;
3. Оператор связи проверяет, есть ли паспортные данные пользователя в базе абонентов;
4. Если данные есть, оператор связи фиксирует у себя, что абонент пользуется мессенджером[2].

Пользователя можно будет идентифицировать и заблокировать, но зачастую злоумышленник на стадии приготовления к киберпреступлению приобретает сим-карту не на свое имя или ворует ее. Данная мера законодателя частично (в Telegram возможна регистрация без привязки к номеру мобильного устройства) решает

[1] Интервью с экс-советником президента России по развитию интернета / журнал vc.ru. 2018. С. 17.
[2] Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2017. №47. Ст. 51.

проблему предупреждения систематических киберпреступлений, но остается возможность совершения злоумышленником киберпреступления не под своим именем, на что законодателю следует обратить внимание.

Таким образом, на сегодняшний день уголовному законодательству Российской Федерации известно 10 составов преступлений, в которых предусмотрены квалифицирующие пункты за совершение преступлений в сети Интернет и в сфере информационно-телекоммуникационных систем. Предлагается ввести дополнительные пункты в данные составы, согласно которым использование программ по смене IP-адреса, а равно закрытого чат-канала в социальных сетях и мессенджерах будет учитываться в качестве отягчающего обстоятельства, так как их использование значительно усложняет расследование данных преступлений.

Ковалева А.Е.
Научный руководитель: **Алихаджиева И.С.**

Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210[1] УК РФ): проблемы ответственности

Аннотация. В работе анализируются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 210[1] УК РФ, и понятия, используемые в данной статье УК РФ, поднимаются проблемы юридической техники и квалификации, рассматриваются уголовно-процессуальные аспекты проблемы. В работе использованы материалы следственно-судебной практики и статистические данные по ст. 210[1] УК РФ. На этом основании делаются выводы о недостатках нормы и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная иерархия, высшее положение, лидер преступного сообщества, уголовная ответственность, «вор в законе».

В апреле 2019 года Президент Российской Федерации подписал законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ (*далее* – УК РФ) нового состава преступления, предусмотренного статьей 210[1] «Занятие высшего положения в преступной иерархии[1]. По логике закона любой преступный «авторитет» или «вор в законе»[2] может быть привлечен к уголовной ответственности на срок от восьми до пятнадцати лет лишения свободы со штрафом до пяти млн. рублей. Тем самым новая норма уголовного закона признает сам факт принадлежности лица к высшему положению в криминальном мире, иначе его статус, преступным и наказуемым.

Для сравнения отметим, что к моменту принятия новой нормы, действующей остаётся часть 4 ст. 210 УК РФ об ответственности за создание и руководство преступным сообществом лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Эти действия наказуемы лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы, что относит это преступление к категории особо тяжких.

Изменения автоматически коснулись и Уголовно-процессуального кодекса РФ (*далее* – УПК РФ). В новой редакции ст. 30 УПК РФ уголовные дела о преступлениях,

[1] Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 321411. Дата обращения 20.10.2020.

[2] Голик Ю.В. «Вор в законе», или Закон «по понятиям». Уголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 187-188.

предусмотренных ст. 210[1] УК РФ, рассматривает коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Статья 31 УПК РФ гласит, что дела о преступлениях по ст. 210[1] УК РФ подсудны Верховному суду республики, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду.

Предварительное следствие по ст. 210[1] УК РФ проводится следователями органов внутренних дел РФ согласно ч. 3 п. «г» ст. 151 УПК РФ. По ст. 100 УПК РФ предусматривается предъявление обвинения подозреваемому по ст. 210[1] УК РФ не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения. Если подозреваемый сначала был задержан, а затем заключен под стражу, действует тот же срок с момента задержания. В случае не предъявления обвинения в течение 45 суток мера пресечения подлежит немедленной отмене.

Из Пояснительной записки к законопроекту № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» следует, что принятие новеллы обосновано совершением организованными преступными сообществами наиболее опасных и тяжких преступлений. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) «координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности»[1]

Косвенно о масштабах организованной преступности можно судить по количеству дел, возбужденных по ст. 210 УК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде, при стабильном росте числа осужденных по ч. 1-3 ст. 210 УК РФ за последние десять лет, только по ч. 4 ст. 210 УК РФ, предусматривающей ответственность для «воров в законе», из которой и выросла ст. 210[1] УК РФ, был осужден всего один человек.

Новелла вызвала активную научную дискуссию. На страницах юридической печати критикуется диспозиция состава преступления, предусмотренного ст. 210[1] УК РФ, и в этой связи перспективы применения новой нормы[2].

Во-первых, вопросы вызывает понятие «высшее положение», и какое положение в преступной иерархии принято считать таковым. Пленум Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»[3] эти признаки не разъясняет. В то же время, несмотря на разъяснения высшей

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». [Электронный ресурс] URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/02E5CA7F-6D03- 446D-B284-DDE2A6420D59. Дата обращения: 22.10.2020.

[2] Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 28.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или

судебной инстанции (п. 24 названного постановления), судебная практика показывает, что сотрудникам следственных подразделений сложно доказывать создание и руководство преступными сообществами (преступными организациями), не говоря уже о занятии высшего положения в криминальной среде.

Статистика рассмотрения уголовных дел по ч. 4 ст. 210 УК РФ показывает, что каждое пятое уголовное дело по этой статье «разваливается» в судах с вынесением оправдательного приговора [1], поскольку суды не усматривают этого состава преступления ввиду сложности установления вины лица, занимающего высшее положение в ОПС. Это происходит в том числе и потому, что отсутствует понимание признаков категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Понятие же «вор в закон» и другие сходные понятия, которыми пытается оперировать правоприменитель, являются не уголовно-правовыми (формализованными), чтобы ссылаться на них, а криминологическими, не закреплёнными в официальных законах.

Напротив, как показал анализ следственной практики, в основу обвинения положены организация, распределение и контроль «воровского фонда», статус «смотрящего», символы «коронации»[2] так называемых «воров в законе», и, прежде всего, специфические татуировки на различных частях тела («погоны», звезды на груди под ключицами, на коленях, наколка в виде пронизанного кинжалом сердца и т. д.). Эти признаки не носят официальной трактовки, а поэтому и отождествлять такой контингент с лицами криминальной среды высшего ранга неверно, о чем справедливо заявляет защита подсудимых.

Примером здесь служит первый приговор Московского городского суда по ст. 210^1 УК РФ в отношении 34-летнего Шалвы Озманова (Кусо). Из его текста следует, что негласные сотрудники следственного изолятора перехватили записку от воров в законе, адресованную Кусо, где утверждалось: в изолятор приехал «их брат, которому следует оказывать уважение, и «беспрекословно выполнять» все его распоряжения». Записка стала главным подтверждением статуса «вора в законе» и мотивацией в вынесении приговора судом. Суд принял во внимание наличие татуировок (погоны в форме эполета, пистолеты на груди, восьмиконечные звезды на коленях и ключицах, кресты и пауки), а культурологическая экспертиза подтвердила принадлежность Озманова к высшему положению в воровской касте. Защита подсудимого утверждала, что подобные наколки могут быть у любого, сделанные в тату-салоне, и не являются подтверждением наличия высшего положения в преступной иерархии.

И другой пример. В августе 2020 г. в Твери органами Следственного комитета РФ было предъявлено обвинение жителю города, неоднократно судимому, в занятии высшего положения в преступной иерархии. Следствие установило, что мужчина носил титул «вора в законе» и являлся «смотрящим», «осознавая, что с апреля 2019 (введение изменений в УК РФ) это было признано общественно опасным деянием и выделено в отдельную норму уголовного кодекса». Был установлен факт следования «воровскому кодексу», а также то, что «вор» являлся главным координирующим лицом на указанной территории, за которым следовало обязательное исполнение решений и указаний другими членами ОПС. Доказаны факты организации,

---

участии в нем (ней)». [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/1795384. Дата обращения: 20.10.2020.

[1] Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ с 2009 по 2019 гг. [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. Дата обращения: 21.10.2020.

[2] Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147-152.

распределения и контроля «воровского фонда» (преступная касса, общак, источники дохода, пропаганда уголовно-воровских традиций и др.)[1].

Тактической ошибкой правоохранителя является расчет только на доказывание формальных признаков статуса «вора в законе», которые не всегда могут быть получены предварительным следствием. «Законники» стали отказываться от своих титулов прямо под запись видеокамер полицейских. Например, летом 2019 года сотрудники ГУ МВД г. Москвы задержали в аэропорту «вора в законе», известного как Муха Люберецкий, где он сообщил на камеру, что «вором в законе» не является. Задержанный после профилактической беседы был отпущен. Получается, что схема с отрицанием статуса у «законников» работает. Как показывает практика, большинство «воров» теперь просто отрицают свой статус сотрудникам правоохранительных органов. В их кругах это теперь не постыдно, так как меняются «воровские понятия» путем договоренностей в криминальном кругу. Заключительными словами «законников» стали: «Не «ментовское» это дело – знать, «вор ты или не вор». Теперь, когда криминальный институт «воров в законе» находится под ударом, «сходки» организуются редко, а «местом встречи» являются мессенджеры.

Во-вторых, правоприменительные трудности при расследовании преступления, предусмотренного ст. 210[1] УК РФ, могут возникнуть еще и потому, что диспозиция не называет конкретных действий. Незаконным провозглашается сам статус криминального авторитета.

Здесь очевидно нарушение положения ст. 8 УК РФ, где указывается, что основанием уголовной ответственности является совершенное деяние, а именно действие или бездействие, это не только наличие самого по себе статуса в преступной иерархии, но и определенный вид поведения, представляющего общественную опасность. Органы же предварительного расследования и суды, вопреки ст. 8 УК РФ, вынуждены устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии[2] посредством описания в обвинительном заключении и приговоре действий «главного вора»: создание сообщества, руководство, координация действий, передел преступных сфер влияния, что свидетельствует о его авторитете и лидерстве, то есть фактически конкретные действия, свойственные статусу, а не сам статус самостоятельно. Такой подход осложняет формирование устойчивой и единообразной практики применения составов, предусмотренных и ч. 4 ст. 210 УК РФ, и ст. 210[1] УК РФ из-за неоднозначности используемых в них понятий. Неопределенность преступного деяния может толковаться правоприменителем весьма широко, что будет способствовать объективному вменению и коррупционным рискам.

Решению данной проблемы послужит, на наш взгляд, законодательное обозначение в примечании к ст. 210[1] УК РФ, определяющее понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а не понятие «вора в законе», как предлагают российские ученые[3]. По такому пути, к слову, пошел и грузинский законодатель, введя в национальный уголовный кодекс термин «вор» (ст. 223[1] УК Грузии).

В-третьих, разъяснению подлежат понятия «занятие положения» из ст. 210[1] УК РФ и «преступная иерархия» И тут речь опять идет именно о деянии: управление

[1] В Твери местному жителю предъявлено обвинение в занятии высшего положения в преступной иерархии. URL: http://sledcom.ru/news/item/1476100/. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Рагулин А.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Юридический мир. 2018. № 5. С. 67-70.

[3] Гришин Н.С., Семенов В.Р. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьёй 210.1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75-76.

преступной деятельностью, контроль над ней, возложение на себя квазисудебных функций внутри ОПС и др. С другой стороны, высшее положение – не всегда какая-то активная деятельность, и для наличия состава преступления достаточно возможности управления такой деятельностью. Фактически, как следует из мотивировочной части приговоров, правоприменитель идет по пути признания оконченным преступления для «воров в законе» при приобретении такого статуса, т.е. после установления момента, когда возникла возможность осуществления такого статуса. Если лицо уже занимает высшее положение и не отказывается от него, то состав преступления по ст. 210^1 УК РФ наличествует.

Слово «иерархия» имеет древнегреческие корни и означает священное правление, т.е. строгий порядок подчинения нижестоящих звеньев вышестоящему. Эта пирамида говорит о том, что каждым нижестоящим уровнем будет управлять уровень более высокий, следовательно, занятие высшего положения в иерархии означает занятие самого высокого и единственного. Диспозиция ст. 210^1 УК РФ ничего не указывает на конкретную территориальность преступной иерархии, и потому можно говорить о том, что местом управления «профессиональной» преступной средой является вся территория Российской Федерации.

В-четвертых, встает вопрос о допустимости совокупности преступлений, предусмотренных ст. 210^1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Последняя норма предусматривает ответственность для лиц, занимающих высшее положение в ОПС при условии, если они принимали участие в создании преступной группировки, руководстве, координации, разработке планов, создании условий осуществления преступных деяний. Буквально следуя тексту закона, можно сделать вывод, что статус «вора в законе» является одним из признаков состава преступления по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Занятие высшего положения в ОПГ – это длящееся преступление, в период которого лицо теоретически может совершить и другие тяжкие преступления в составе ОПГ. В этом случае квалификация по совокупности ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210^1 УК РФ повлечет нарушение принципа справедливости – дважды за занятие высшего положения в преступной иерархии, – а потому вопрос является спорным. Имеет место и конкуренция общей и специальной нормы. По общему правилу квалификация в таких случаях наступит по специальной норме, т.е. по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Получается, что квалификация по совокупности двух норм не допустима, а по одной из них будет неполной.

Каким образом следует устанавливать факт занятия высшего положения в преступной иерархии? Ведь ОПС не представляет собой официальное юридическое лицо, его деятельность не является законной и лицензированной. Как следственным органам доказать особое положение лица, в отношении которого начинается расследование? Именно это в расследовании данной категории дел и представляет особую сложность.

При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 210^1 УК РФ, следует, на наш взгляд, учитывать:

– распоряжение таким лицом ресурсами, полученными преступными путями (т.н. называемый «общак»);

– наличие многоходовой сети территориальных, отраслевых, иногда даже и межнациональных связей с участием представителей других ОПГ;

– существование криминальных связей с представителями государственных властных структур;

– причастность к принятию решений преступной группы;

– участие в «преступных сходках» и т. д.

Таким образом, для решения проблем правоприменительной практики предлагаем закрепить в примечании к ст. 210^1 УК РФ понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в следующей редакции. Примечание. Лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является негласный лидер преступного сообщества (преступной организации), оказывающий преступное влияние на членов преступного сообщества (преступной организации), осуществляющий пропаганду, организацию и координацию преступной деятельности членов преступного сообщества (преступной организации), следующий неформальным правилам и нормам, сложившимся в преступной среде. Полагаем, что Верховный Суд РФ должен сформулировать руководящие разъяснения по проблемным вопросам применения ст. 210^1 УК РФ для единого толкования и единообразного применения рассмотренной уголовно-правовой нормы.

Королева П.А.
Научный руководитель: **Савин П.Т.**

Проблемы практического применения статьи 122 Уголовного Кодекса Российской Федерации

Аннотация. В данной статье при помощи соответствующей литературы приведены некоторые правовые коллизии и иные проблемы правоприменения статьи 122 Уголовного Кодекса РФ. Назначение данной статьи – выявление основных проблем, связанных с квалификацией преступлений, повлекших за собой заражение ВИЧ – инфекцией, а также выявление генезиса наличия определенных пробелов отечественного законодательства в сфере профилактики и правовой защиты лиц, зараженных или находящихся в группе риска по приобретению данного вируса. Сущность статьи указывает на наличие почвы для размышлений касательно неразрешенных правовых вопросов в сфере применения статьи 122 УК РФ.

Ключевые слова: ВИЧ – инфекция, СПИД, ст. 122 УК РФ, жизнь и здоровье, заражение, ятрогенные преступления, заведомое поставление в опасность заражения.

Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), впоследствии преобразующийся в Синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД) – одно из наиболее латентных и в то же время фатальных заболеваний современности, ввиду его неизлечимости. Как известно, ВИЧ – ретровирус, пресечь трансформацию которого в крайнюю стадию с характерным летальным исходом (СПИД), возможно лишь в порядке своевременного купирования поражения клеток CD4 (или же Т – клеток) специализированными антиретровирусными препаратами и, соответственно, подавление вирусной нагрузки больного до неопределяемого уровня. Проблема ВИЧ-инфекции в России пресловута и актуальна, на данный момент Российская Федерация является одним из очагов эпидемии ВИЧ – инфекции. К сожалению, ввиду стигматизации данной проблемы в стране, трудно получить качественную и количественную статистику, опять же, из-за латентности протекания заболевания и нежелания потенциальных носителей обращаться в компетентные учреждения, но согласно данным ВОЗ заболеваемость ВИЧ в Восточной Европе равна 3,7% от общего количества инфицированных. Несмотря на отсутствие должных мер профилактики заболевания, оно законодательно закреплено как «социально значимое, представляющее опасность для

окружающих» [1] , также Правительством РФ выпущена нормативная база для предупреждения распространения иммунодефицита[2]. Тем не менее этот нормативный акт, как и иное нормативно закрепленное упоминание ВИЧ – инфекции и ее последствий для общества, нуждаются в немедленной реформации, ввиду научного прогресса, увеличения очага распространения вируса, существенного изменения, «размытия» группы риска, которая давно уже включает в себя не только группы населения с низкой социальной ответственностью (лиц, занимающихся проституцией и промискуитетом, ЛГБТ+ представителей, лиц без определенного места жительства) и медицинских работниках, осуществляющих свою деятельность преимущественно в сфере хирургического вмешательства и инвазивной терапии, но и среднестатистическую единицу населения. Несмотря на то, что в статье предлагается именно возможность внесения изменений в статью 122 Уголовного Кодекса, важным будет упомянуть о конфликтогенности этой статьи как явления в целом, в силу того, что наличие в Уголовном законе специального субъекта преступления по такому психофизиологическому критерию, как наличие ВИЧ, является формой дискриминации носителей вируса. Противоречивость данной статьи выражается в намеренной (но, несомненно, не безосновательной) депривации социально-правового статуса лица с ВИЧ-инфекцией, стереотипизации и обособлении страдающей от иммунодефицита группы населения, что, конечно, не является политкорректным и прогрессивным решением, ввиду крайне низкой социально-психологической адаптивности инфицированных, узнавших о своем положительном ВИЧ-статусе. Возможно, в будущем, наличие ст. 122 УК РФ в Кодексе будет подвергнуто пересмотру, и состав преступления, описываемый ею, будет дополнять статью 111 Уголовного Кодекса – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, что логически выглядит более разумным решением, ведь в вышеуказанной статье в пункте 4, указывающим на обстоятельства, повлекшие смерть потерпевшего, заражение ВИЧ-инфекцией можно с таким же успехом рассматривать, ведь в большом проценте случаев ее последствия – летальный исход.

Тем не менее, говоря непосредственно о недостатках и реформировании ст. 122 УК РФ, стоит начать с основных правовых пробелов, присутствующих в ее тексте: затруднительное формирование доказательной базы, проблема причинно-следственных связей между совершаемыми виновными деяниями и общественно-опасными последствиями, особое внимание стоит уделить «ятрогенным» преступлениям, субъекты которых «теоретически» должны подходить по составу данной статьи. Недостатками же данной статьи является в первую очередь сам факт криминализации передачи вируса, который создает условия неосведомленности и притупленной бдительности населения (например, вступая в сексуальный контакт с новым партнером, лицо может намеренно отказаться от барьерного метода контрацепции, руководствуясь тем, что половой партнер под страхом уголовной ответственности сообщит им о наличии у него венерических инфекционных заболеваний, тем не менее зачаток и развитие половых отношений в современных

[1] Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (ред. от 13 июля 2012 г.) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

[2] Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // СЗ РФ. 1995. № 14.

условиях сексуальной раскрепощённости пагубно влияют на осознанность связей и откровенность «диалога» между партнерами).

Говоря о затруднительном формировании доказательной базы и проблеме выстраивании причинно-следственных связей, стоит отметить, что изначально существует противоречие в диспозиции статьи 122 и ее наименовании, ведь под заражением понимается обязательное инфицирование потерпевшего, которое вполне может и не произойти. При этом состав части 1 ст. 122 УК РФ принадлежит к так называемым «усеченному составу», то есть, признать преступное деяние оконченным можно без факта завершения такового и до наступления каких-либо опасных последствий, то есть, результат преступного деяния как таковой роли не играет. Усеченный состав характерен для особо опасных преступных деяний, которые представляют высокий риск для определенной группы лиц. Здесь же сразу можно найти противоречие в контексте «ятрогенного» варианта совершения преступления, который описан в части 4. Медицинский работник, в результате ненадлежащей работы медицинской сестры по дезинфекции помещения и в результате несоблюдения порядка проведения инвазивной процедуры подвергает пациента риску заражению ВИЧ-инфекцией, которое, вероятнее всего, не настанет ввиду не долгосрочной «живучести» вируса на поверхностях при контакте с воздухом. В соответствии со с ч. 1 ст. 122 УК РФ и концепцией усеченного состава преступное деяние можно считать оконченным, ведь дословно пункт первый говорит о «заведомом поставлении другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией». Руководствуясь этим, можно сделать вывод о том, что и в этой части виновность медицинского работника присутствует, ведь он нарушил регламент проведения процедуры и подверг лицо риску заражения, зная об этом. Данные действия с трудом могут квалифицироваться как небрежность, в связи с наличием у сотрудников медицинского учреждения высшего образования и полного понимания последствий, которые наступят при пренебрежении порядком проведения процедуры с забором биологического материала. Эта цепочка рассуждений неминуемо приводит к вопросу о привлечении к ответственности медицинского работника, но здесь же сразу можно привести контраргумент: в комментариях и пояснениях к статье отсутствует всякое упоминание медицинских работников, как субъектов данной части. В ч. 4 ст. 122 УК РФ описано заражение ВИЧ вследствие ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей, сразу вызывая вопрос об их перечне. Но при этом заражение произойти так или иначе должно и обязательно, хотя, его вполне может не случиться. Например, квалификация действий акушера-гинеколога, по вине которого в процессе родов у роженицы началось неожиданное кровотечение, и новорожденный получил вирус вертикально, остается под вопросом. Скорее, речь может идти о халатности или же ненадлежащем выполнении работ или услуг, в крайнем случае о причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, ведь речь идет не об отдельной категории лиц с садистическими наклонностями, намеренно желающих заразить человека, а о действиях медицинского работника, в которых, очевидно, будет отсутствовать прямой умысел, максимум – косвенный умысел или преступное легкомыслие. Именно эта совокупность факторов говорит о возможной квалификации вины сотрудника медицинского учреждения и по части 1 статьи 122 УК РФ и вменения ему преступления небольшой тяжести, ведь огромна вероятность того, что даже при недостаточно дотошной дезинфекции помещения и ненадлежащего исполнения обязанностей, вирус просто не выживет на поверхности и заражения не будет, что уже противоречит части 4.

Вторая часть ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за заражение другого лица ВИЧ-инфекцией. Интересно то, что состав этой части можно охарактеризовать как формальный (включает совершение деяния), но при этом определения поставления в опасность заражения и заражение почти неотличимы, а способы заражения и вовсе совпадают[1]. С одной стороны, описание преступного деяния абсолютно исчерпывающее, но с другой, появляется вопрос, связанный с двоякой ситуацией идентификации ВИЧ инфекции. Сперва следует уточнить о методах диагностики ВИЧ-инфекции, коими являются метод иммуноферментного анализа (ИФА - тест 4 поколения) и полимеразная цепная реакция (ПЦР)[2]. Допустим, некое лицо вступило в половые отношения с ВИЧ инфицированным, который не был осведомлен о наличии у себя этого диагноза. После полового контакта у первого лица не было никакой причины сдавать анализы на наличие или отсутствие у него ЗППП, но по прошествии двух недель инфицированный ощутил плохое самочувствие и заметил увеличенные лимфоузлы, кандидозное поражение в области гениталий и воспаление слизистых оболочек ротовой полости, выраженное в виде стоматита. Данные признаки побуждают человека прийти в специальное медицинское учреждение и сдать соответствующий анализ. Что же случится, если человек не станет ждать результатов и вступит в контакт с другим партнером, не имеющим заболевания, остается вопросом при квалификации его действий как преступных, ведь наличие подозрений, но отсутствие результатов анализа и соответствующего учета в медицинской организации лицо будет считаться невиновным. Также нельзя забывать о трудности определения личности преступника, ведь у ВИЧ-инфекции, как и у многих других, (например, вирусных гепатитов, сифилиса), присутствует так называемое «сероконверсивное окно», длительность которого может превышать 3-6 месяцев, не говоря уже о сроке до одного года[3]. К сожалению, опять же, благодаря низкому уровню культуры населения и осведомленности о серонегативных окнах, заражение произойти может, но виновное лицо определить будет намного сложнее. Опять же, как квалифицировать действия медицинского работника, не упредившего продолжение распространения инфекции из-за опущения такой информации, неясно, но, несомненно, объяснение нюансов и мер превенции распространения инфекции лицам, сдающим тест через 2-3 недели после «опасного» контакта необходимо, как и упоминание возможности лабораторной ошибки и ложноотрицательного результата в такой короткий период после сексуального взаимодействия. Эти ситуативные, в какой-то мере казуистические примеры важны для понимания наличия пробелов и чрезмерной абстрактности положений данной статьи.

Стоит также рассмотреть проблему вертикальной передачи ВИЧ-инфекции от матери к новорожденному ребенку, ведь если раскрывать этот вопрос, как ни странно, в нем тоже есть признаки состава преступления согласно ст. 122 УК РФ. Во время беременности женщине нереально вменить данное преступное деяние, но с рождением ребенка это кажется потенциально возможным. Согласно предписаниям, ч.1 ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья

[1] Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 122 УК РФ (Заражение ВИЧ-инфекцией). [Электронный ресурс] URL: https://xn--d1aidcoaslo6j.34.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/7327461/. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Какие анализы выявляют ВИЧ. [Электронный ресурс] URL: http://o-spide.ru/about/kakie-analizy-vyavlaut-vic. Дата обращения: 23.10.2020.

[3] «Период окна» - что это? [Электронный ресурс] URL: http://o-spide.ru/about/period-okna-cto-eto. Дата обращения: 23.10.2020.

граждан в Российской Федерации» моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов[1]. Если предположить ситуацию, противоречащую регламенту о тестировании женщины на ВИЧ-инфекцию непосредственно во время беременности, то можно смоделировать события, при которых женщина не принимала АРВТ во время беременности и химический барьер для предотвращения передачи инфекции ребенку не был создан. Таким образом, передача ВИЧ-инфекции была совершена, и лицо могло знать о наличии у себя этого заболевания, следовательно, передать его вполне осознанно (например, если процесс родов проводился на дому). Опять же, рассмотрение данной ситуации можно охарактеризовать как доведение до абсурда, но эти и подобные явления в какой раз убеждают в обязательном введении правок и наличия Постановления Пленума Верховного Суда по квалификации ст. 122 УК РФ. Интересный случай инкриминирования лицу преступления согласно ст. 122 можно найти в судебной практике, а именно в постановлении Постановление № 44У-15/2018 44У-368/2017 4У-1696/2017 от 10 января 2018 г. по делу № 1-302/2015[2], где описано поставление в опасность заражения посредством укуса в левую ушную раковину. Обратимся к разъяснениям к статье 122 УК РФ для рассмотрения способов передачи ВИЧ-инфекции, где указано о контакте слизистой оболочки с кровью[3], тем не менее не указан важный идентифицирующий опасность контакта момент, а именно то, что передача ВИЧ была бы возможна исключительно в ситуации наличия микротравм в полости рта, о доказательстве наличия которых нет ни слова. Подобные неточности порождают определенный скепсис и требуют заполнения правовых пробелов, ведь речь идет об особо-опасном заболевании, в связи с чем напрашиваются определенные медико-биологические уточняющие характеристики для составления безапелляционного обвинительного заключения в том числе.

Также стоит отметить, что ст.122 УК РФ вполне способна породить череду ложных обвинений. Например, при вступлении в половую связь, лицо могло быть полностью осведомлено о наличии у партнера заболевания, но находилось в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, тем самым ответ не мог носить полностью осмысленный характер, и впоследствии лицо обратилось в соответствующие органы с заявлением, являясь «потерпевшим». Несомненно, лицо уведомлено было, состава изнасилования или иных действий сексуального характера не наблюдается, однако, дело возбуждается в силу наличия заявления. Этот вопрос также должен быть детально рассмотрен в нормативной базе. Как потенциальный путь превенции данной ситуации можно предложить обязательное наличие письменного соглашения между партнерами, чтобы предотвратить ложные обвинения.

Из всего вышеуказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, на данный момент ст. 122 УК РФ не способствует усилению профилактики ВИЧ, наоборот, порождает недоверие к медицинским и иным государственным учреждениям, своим составом дискриминирует группу лиц с данным заболеванием,

[1] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2002. № 5.

[2] Постановление № 44У-15/2018 44У-368/2017 4У-1696/2017 от 10 января 2018 г. по делу № 1-302/2015. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/lkRWJSs6hHmQ/. Дата обращения: 23.10.2020

[3] Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 122 УК РФ (Заражение ВИЧ-инфекцией). [Электронный ресурс] URL: https://xn--d1aidcoaslo6j.34.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/7327461/. Дата обращения: 20.10.2020.

потенциально криминализуя их половую свободу, ставя в уязвимое положение перед законом с маленьким шансом на компетентное рассмотрение дела и вынесение решения ввиду неосведомленности сотрудников государственных учреждений о большом количестве нюансов передачи вируса. Во-вторых, можно сделать вывод о том, что за неимением уточнений о форме уведомления о наличии у лица инфекции, устного согласия на вступление, допустим, в половое сношение, может быть недостаточно, что породит ложное обвинение. В-третьих, привлечение медицинских работников предусмотрено по части 4 исключительно вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, перечень которых отсутствует. Далее можно выделить сложность определения виновного, в силу наличия у ВИЧ-инфекции «серонегативного» окна, что опять же, затрудняет упоминание конкретного лица в заявлении и выявления подозреваемых, особенно, если потерпевший вел беспорядочную половую жизнь.

Подводя итог, следует сказать, что проблема ВИЧ инфекции в современных реалиях будет возникать все чаще и нынешние показатели роста заболеваемости – не предел. В связи с этим задачей законодателя является оптимизация соответствующей нормативной базы и более четкие границы применения той или иной части вышеуказанной статьи. Стоит лишь надеяться, что государство предпримет шаги к выработке осознанности у населения, а органы предварительного расследования и судебной системы будут более детально и казуально рассматривать отдельные случаи, толерируя к ВИЧ-инфицированным и не считая их заведомо виновными.

Куликов К.В., Мартынова Н.В.
Научный руководитель: **Будай С.Н.**

Проблемы квалификации преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи

Аннотация: Статья посвящена уголовно-правовому анализу проблемных вопросов квалификации преступлений в сфере ненадлежащего оказания медицинской помощи. В статье приводятся действующие редакции норм Уголовного кодекса Российской Федерации, которые посвящены данным категориям ятрогенных преступлений, проводится их анализ, где в последующем подводятся итоги проделанной научной работы и предлагаются различные варианты решения данных проблем.

Ключевые слова: уголовная ответственность**,** категории ятрогенных преступлений, медицинский работник, неосторожная форма вины, вред здоровью, субъект преступления, объект преступления.

Термин «ятрогенные преступления» в России в юридическом обороте появился еще в первой половине XX веке. Этимология слова «ятрогения» происходит из греческого языка, где iatros – врач и gennao – создавать. Он был введен в научно-доктринальный терминологический оборот немецким специалистом в области психиатрии Освальдом Бумке в 1925 году. В своей работе «Der Arzt als Ursache seelischer Störungen» («Врач как причина душевных расстройств») он определил понятие ятрогении как «изменения здоровья пациента к худшему, вызванные неосторожным действием или словом врача», но до настоящего момента в нормативных правовых актах, официального понятия так и не было закреплено[1].

[1] Улезько С.И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 47-48.

Изначально данный термин использовался исключительно в области психиатрии, но со временем преобразовался в уголовно-правовой феномен, став противоправным деянием, за которое Уголовным Кодексом Российской Федерации[1] предусмотрена уголовная ответственность. В современном российском законодательстве под ятрогенными преступлениями следует понимать умышленные или неосторожные общественно-опасные деяния, запрещенные нормативными правовыми актами в сфере оказания квалифицированной медицинской помощи, совершаемые работниками в сфере медицины при исполнении ими своих профессиональных или служебных обязанностей, ставящие под угрозу жизнь и здоровье граждан, их основные права, свободы и законные интересы[2].

Данная дискуссионная тема является актуальной по причине устойчивого роста (экспоненциальный рост) количества обращений граждан по факту ненадлежащего оказания медицинских услуг в правоохранительные органы, в частности в Следственный Комитет Российской Федерации, в суд в порядке гражданского судопроизводства, в Министерство здравоохранения России и Государственный внебюджетный фонд – Фонд обязательного медицинского страхования Российской Федерации. К данному заключению можно также прийти, внимательно изучив и проанализировав данные, полученные из государственных судебно-медицинских экспертных учреждений, которые отмечают стабильную тенденцию. Такие виды профилей медицинской деятельности, как акушерство и гинекология, неонатология, хирургия, анестезиология и реаниматология, педиатрия, травматология, стоматология, кардиология наиболее часто подвержены профессиональному риску.

Анализируя правовые нормы, закрепленные в особенной части УК РФ, можно прийти к выводу о том, что в уголовной правовой системе отсутствуют специальные медицинские нормы, способные толковать медицинского сотрудника как субъект преступления. Практика расследования подобных категорий дел показала, что наиболее часто медицинские работники привлекаются к ответственности за совершение правонарушений по следующим статьям УК РФ: 109, 118, 122, 123, 124, 235, 236, 238, 293.

Объектами таких преступлений являются: жизнь и здоровье гражданина, его право на получение качественной медицинской помощи, оказание услуг, отвечающих требованиям безопасности, санитарно-эпидемиологическое благополучие.

Объективная сторона может выражаться в форме действия, например, назначение терапии вопреки порядку и исполнению действующих норм, неправильная тактика родоразрешения, ненадлежащее выполнение диагностических манипуляций или хирургических вмешательств (оставление инородных предметов в полости тела человека), неправильное применение лекарственных средств, несовместимое с диагнозом (передозировка, прием другого лекарственного средства), несоблюдение норм и инструкций, установленных в процессе их профессиональной деятельности (например, стерилизация одного хирургический инструмент) и др .; или бездействие, выражающееся, например, в форме отказа пациента от госпитализации,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учеб.-метод, пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 8-13.

невыполнения медсестрой своих профессиональных обязанностей или предписаний врача.

Рассматривая один из элементов состава преступления, отвращающий совокупность внешних проявлений преступных посягательств (объективная сторона) и учитывая вышеизложенное, можно расположить поэтапность для его наступления. Первым признаком будет само деяние, которое совершено субъектом с нарушением действующих правил оказания медицинской помощи, а также использования медицинской практики. Вторым признаком выступают последствия, имеющие негативный характер для пациента либо общества. Третий признак – причинная связь между деянием и преступным результатом.

Поэтому авторы монографии «Фармацевтическое уголовное право России» справедливо отметили, что необходимым условием привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за такие преступления является отсутствие уважительных причин, по которым пациенту не была оказана помощь. Такими серьезными причинами могут быть: форс-мажор, болезнь самого врача, отсутствие необходимых лекарств или медицинского оборудования и т. д. Вторым обязательным условием наступления уголовной ответственности за неоказание помощи больному медицинским работником является наступление закрепленного в норме закона общественно-опасного последствия – причинение средней тяжести вреда здоровью[1].

Но, как показывает следственная и судебная правоприменительная практика, совершение общественно-опасного деяния, опасного для общества в целом и конкретной личности в частности, не всегда сопровождается наступлением общественно-опасных последствий, выраженных в причинении вреда жизни и здоровья любой степени тяжести. Это обстоятельство усложняет работу должностным лицам, уполномоченных осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, в ходе принятия решения о вопросе правильной квалификации преступлений, связанных с так называемыми «врачебными ошибками».

С целью установления правильной квалификации правомерности действий медицинского работника, необходимо определиться с важным элементом состава преступления - *субъектом* преступления, которыми по общему правилу являются врачи всех специальностей (фельдшеры, акушеры, медицинские сестры (братья), санитарки и т.д.), грамотно установив при этом в какой роли в исследуемой практической ситуации выполнял медицинский работник, дифференцируя свои профессиональные и служебные функции, то есть выясняя, действовал ли он как врач-специалист и выполнял служебную деятельность в соответствии со своей медицинской (профессиональной) специализацией или выполнял служебные функции (как лицо, занимает должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций и выполнением функций, предусмотренных при их исполнении).

В настоящее время, несмотря на ряд представленных выше уголовно-правовых норм по различным разделам и главам УК РФ, они смежны в сфере их совершения – в сфере медицинской деятельности, как таковой, так и непосредственно связанной с ней деятельностью. Однако стоит заметить, что в уголовно-правовой практике не редким исключением являются и случаи, которые связаны с различными подходами научных деятелей юридических и медицинских отраслей, к вопросу оценки и

[1] Фармацевтическое уголовное право России: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. Москва: Проспект, 2019. С. 16.

установлению единого понимания «момента начала новой жизни человека». Суть такой дифференциации подходов и мнений проистекает из-за того, что юридически уже закреплена дефиниция правосубъектности лица, то есть способности лица иметь и осуществлять свои субъективные права и обязанности, а также в возможности их выступать субъектом всех правоотношений, в том числе уголовно-правовых. Имеется ввиду, что право на жизнь и здоровье человек приобретает с момента биологического появления на свет при наличии хотя бы одного признака живорожденности. Используя накопленные как в науке, так и в правоприменительной практике практические и теоретические знания, положения и доктрины, можно задаться вопросом на предмет правильной квалификации действий медицинского работника (врача-специалиста), при совершении им медицинских манипуляций, в результате которых отсутствуют объективные данные, свидетельствующие о причинении потерпевшему вреда здоровью, но причинившие последнему иные последствия, носящий физический морально-психологический характера.

Учитывая вышеизложенное, на дискуссионное обсуждение можно выдвинуть следующий пример: с 11 часов 20 минут у гр. А. появились абсолютные показания для проведения операции кесарева сечения со стороны плода. В этот период времени, *врач – акушер-гинеколог К.* неверноинтерпретировав результаты кардиотографического исследования, продолжает стимуляцию родовой деятельности окситоцином, тем самым усугубляя явления гипоксии плода гр. А. До 12 часов 30 минут *врач – акушер-гинеколог К.*, проводит стимуляцию родовой деятельности окситоцином, при этом гипоксия плода нарастает. С 12 часов 30 минут роды гр. А. ведет *врач – акушер-гинеколог Т.*, который, несмотря на данные кардиотографии, при наличии гипоксии плода тяжелой степени, не интерпретировав результаты кардиотограмм, продолжает стимуляцию родовой деятельности окситоцином. В 14 часов 30 минут *врач – акушер-гинеколог Т.* прекращает родостимуляцию в связи с «установившейся адекватной родовой деятельностью и появлением ранних децелераций…». При этом, у плода, согласно записям кардиотокографии, имеются признаки тяжелой гипоксии в виде увеличения частоты сердечных сокращений до 180 в минуту (норма 130-140) с эпизодами урежения частоты сердечных сокращений до 80 – 90 ударов в минуту. Несмотря на развившуюся тяжелую внутриутробную гипоксию плода, *врач – акушер-гинеколог Т.* продолжает ведение родов через естественные родовые пути до 16 часов 30 минут. Только в 16 часов 30 минут указанной даты принимается решение о проведении операции кесарева сечения в экстренном порядке в связи с острой гипоксией плода. При оказании медицинской помощи гр. А. были допущены следующие дефекты: 1) Дефект диагностики, который выразился в поздней постановке диагноза: острая гипоксия плода. 2) Дефект лечения, который выразился в родостимуляция окситоцином при наличии острой гипоксии плода тяжелой степени, что в свою очередь усугубляло гипоксию плода. Таким образом, и *врач – акушер-гинеколог К.* и *врач – акушер-гинеколог Т.*, при оказании медицинской помощи допустили дефекты, которые находятся в прямой причинно-следственной связи с наступлением гибели плода гр. А. Результатом допущенных дефектов оказания медицинской помощи гр. А. явилась гибель её плода, а действия врачей перинатального центра, допустивших дефекты (нарушение регламента, правил, инструкций и иных нормативов) при оказании медицинской помощи пациенту А., допущенные на этапе родоразрешения в первом периоде родов, носят форму неосторожности по отношению к наступившему последствию. Возникает

вопрос об уголовно-правовой оценке действий медицинских работников при исполнении ими служебных и профессиональных обязанностей[1].

По этому примеру можно провести условную квалификацию по ряду действующих уголовно-правовых норм, относящихся к данной категории уголовных дел.

Рассматривая элементный состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), следует обратить особое внимание на важный элемент состава – сам объект преступления, которым является жизнь человека. Согласно Приказу Минздравсоцразвития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н, живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)[2]. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов, из чего можно прийти к следующему умозаключению, что плод в утробе матери не является рожденным человеком в юридическом смысле, что свидетельствует об отсутствии элементного состава преступления при вышеизложенных обстоятельствах, так как отсутствует один из его главных элементов – объект преступного посягательства[3].

Рассмотрев действующую редакцию ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», необходимо чётко осознавать, что в уголовном законодательстве подразумевается под вредом, причинённым здоровью человека. В соответствии с пунктом 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 года № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», - под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды[4]. В представленном выше примере отсутствуют объективные данные, свидетельствующие о причинении вреда здоровью гр. А. при оказании ей медицинской помощи медицинскими работниками при исполнении ими служебных обязанностей.

Анализируя элементы состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному», где объективная сторона выражается в форме бездействия, то есть виновный, без уважительных причин, не совершает

[1] Уголовное дело следственного отдела по г. Наро-Фоминск ГСУ СК РФ по Московской области

[2] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н "О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи" (с изменениями и дополнениями от 16.01.2013, 02.01.2013, 13.01.2019) // Российская газета. 2012. № 64.

[3] Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263.

[4] Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 "Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" (с изменениями и дополнениями от 24.03.2011, 17.11.2011) // Российская газета. 2008. № 188.

необходимых в сложившейся обстановке действий, следует сделать вывод о том, что умысел субъекта направлен на игнорирование своих обязанностей врача и умышленную направленность на неоказание помощи пациенту. В представленной нами выше ситуации, характер противоправных деяний со стороны медицинских работников (врачей-специалистов) выражен в форме действия, что исключает уголовно-правовую квалификацию по данной статье.

Субъективная сторона общественно-опасного деяния, предусмотренного ст. 238 УК РФ «производство, хранение или перевозка в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, либо выполнение работ или оказание услуг, не отвечающие требованиям безопасности», характеризуется прямым умыслом, что исключает состав преступления при данных представленных обстоятельствах.

Анализ структуры уголовно-правовой нормы «Халатность», закрепленной в статье 293 УК РФ приводит к следующему умозаключению. Уголовно-правовой анализ гипотезы и диспозиция статьи отражают вину в форме умысла, а именно умышленное преступление, которое предполагает осознание лицом неправомерности своих действий, и, тем не менее, выполнение объективной стороны противоправного деяния при возможности действовать правомерно. При халатности должностное лицо сознательно допускает нарушения (в том числе дефекты оказания медицинской помощи) при осуществлении организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельности (т.е. не исполняет или ненадлежащее исполняет свои служебные обязанности), а не при оказании профильной специализированной медицинской помощи (как врач-специалист) [1] . Прибегая к уголовно-правовому анализу приведенных в примере обстоятельств, стоить отметить, что основной дефект врачей допущен в профессиональной деятельности и связан непосредственно с процессом оказания медицинской помощи потерпевшей, а не его организацией. Следовательно, его действия не подпадают под действие данной статьи УК РФ.

Подводя итог приведенному в примере медицинскому случаю, к сожалению, не редкость в правоприменительной практике допущение таких «врачебных ошибок» специалистами-акушерами, которые представляют большую опасность для современного общества. Несмотря на обилие юридических составов преступлений ятрогенного характера, в актуальной редакции УК РФ отсутствие нормы, регламентирующей описанный нами правовой случай, значительно затрудняет привлечение к уголовной ответственности медицинских работников в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Поэтому появляется необходимость в криминализации такого преступного поведения. Среди способов решения данной проблемы, наиболее рациональным является введение в УК РФ новой структурно обоснованной, уголовно-правовой статьи, предполагающей уголовную ответственность за ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей, совершенное по неосторожности и повлекшее существенные последствия для потерпевшего. Данный вопрос требует в дальнейшем обсуждения с последующей регламентацией на законодательном уровне. А пока отсутствует специальный «медицинский» состав преступления, следственная и судебная практика идет по пути привлечения к уголовной ответственности по вышеуказанным, которые в полной мере не отражают объективного характера и

[1] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) под общ. редакцией О.С. Капинус. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018.

степени общественной опасности для всего общества в целом, и для отдельно взятой личности в частности.

Маджумаев М.
Научный руководитель: **Клебанов Л.Р.**

Массовые беспорядки в информационном обществе

Аннотация. Работа посвящена исследованию воздействия инструментов информационного общества на массовые беспорядки. Предлагается дефиниция и классифицируется понятия информационного общества. Раскрывается концепция публично цифровой сферы и феномен информационного каскада. Изучается основные детерминанты массовых беспорядков. Основываясь на метод консультативных оценок изучен четыре стадии массовых беспорядков: озвучивание неудовлетворенности; организация пространства для единомышленников; мобилизация толпы; и насильственные действия.

Ключевые слова: массовые беспорядки, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, публично правовая сфера, информационный каскад, мобилизация беспорядков, «катализаторы» беспорядков, эскалация беспорядков, теория социальной мобилизации, техно-детерминизм беспорядков.

Доступность, надежность и безопасность сетей и информационных систем, иных элементов информационного общества становятся все более важными для роста уровня жизни, трудовой деятельности населения, улучшение состояние деятельности коммерческих, некоммерческих и других организаций гражданского общества, а также для реализации экономического потенциала страны. Очевидное заинтересованность в обеспечении безопасности информационных и коммуникационных систем возникло после появления недобросовестных субъектов в данной пространстве последовавшее технологического развития в век информации.

Уголовно правовые и криминологические меры по обеспечении общественной безопасности и общественного порядка имеют важное значение для функционирования и развития общества и государства. Массовым беспорядкам свойственен высокая степень общественной опасности так как они провоцируют напряженности, неконтролируемости толпы, вред жизни и здоровье, уничтожение, повреждение чужой собственности, препятствия функционированию органов и служб власти.

Цель работы заключается в изучении подходов науки уголовного права и криминологии в целом, применительно к уголовно-правовым установкам по анализу массовых беспорядков посредством инструментов информационного общества. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: изучения информационного общества и его инструментов; раскрытия публично правовой сферы; анализ феномена как информационный каскад; выявление основных детерминантов актов массовых беспорядков; установление стадий массовых беспорядков; и исследования соучастия в беспорядках в виде подстрекательства.

Информационное общество — это среда, где генерируется доступные для всех сведения и/или знания, которыми лица могут пользоваться и/или обмениваться с целью осуществления собственных возможностей стабильного усовершенствования по повышению условий жизни в правовых пределах.

В специальной литературе существует несколько определений информационного общества основанное на его ключевых особенностях. Здесь будет приведено важнейшие три их них.

Ё. Масуда, японский социолог, считавшийся одним из основоположников изучаемой концепции, утверждает, что в информационном обществе центральным функционалом будет цифровые ценности, а материальные же ценности останутся в периферии. Фундаментальный характер инфраструктуры «компутопии» так он называл информационного общества, применим к основному источнику производящее информации [1] . Информационное утилитарность иллюстрирует преобладание капитала знаний над материальными капиталами[2].

Напротив, Д. Белл, американский социолог наименовал информационного общества «постиндустриальным обществом». Фундаментальным ядром его считалось теоретическое знание. Кодификацию же теоретического знания он рассуждал как источником инновации и социальных изменений[3].

Иную позицию занял Ф. Уэбстер, определяя информационного общества путем классификации его на группы: технологический аспект; экономический аспект; аспект связанное с трудовой деятельностью; пространственный аспект; и культурный аспект. Масштаб технологических инновации считается показателем формирования информационного общества, которые должны дать начало к социальному преобразованию из-за существенного воздействия на общество [4] . Экономический аспект представляет собой интенсификации ценности информационной деятельности в экономике. Положительный индекс в валовом национальном продукте информационного бизнеса обусловит логический вывод достижение информационной экономики [5] . В параметре связанное с занятостью населения индикатором информационного общества выступает преобладающее количество населения, работающее в информационной сфере. Появление «белых воротничков» на смену физического труда, прирост трудовой деятельности в сфере услуг и сокращения в сфере производства наглядное тому подтверждение [6] . В пространственной критерии фундаментальный акцент делается на информационные сети и в последствии они могут влиять на организацию времени и пространства. Функционирующие инструменты на национальном, транснациональном и глобальном уровнях, оснащая «информационную кольцевую магистраль» при присутствии соответствующих техник позволяет представить «проводниковое общество» [7] . Телевидение, радиостанции, кинематография, книги, журналы, афиши, рекламные щиты, вывески в витринах, персональные компьютеры, аудио аксессуары, доступ в Интернет и карманные компьютеры демонстрируют беспрерывное распространение этой области, что позволяет говорить об информации в культурном параметре. Одновременно указанных факторов можно считать инструментами информационного общества. Представленное указывает на медиа-загруженность общества, в котором мы живем и новые средства информации все окружают нас[8].

[1] Masuda Y., The Information Society as Post-industrial Society, World Future Society, 1981, p. 147.
[2] Там же, p. 147.
[3] Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society // The Educational Forum, (1976) No 40:4, p. 576.
[4] Webster F., Theories of the information society, Third edition, Routledge, London, 2006, p. 9.
[5] Там же, p. 12.
[6] Там же, p. 14.
[7] Там же, p. 17.
[8] Там же, p. 19.

В эпоху Просвещения публичная сфера была связана с развитием буржуазной литературы. В то время как к XX веку средства массовой информации заняли место буржуазной литературы[1]. В XXI веке был задуман автономный гражданин-участник, считавшийся идеалом просвещенного гражданина, подключенного к цифровым сетям обсуждающий вопросы, представляющие коллективного интереса [2] . Можно предположить, что традиционная публичная сфера склонен переместится в Интернет, свидетельством чего является множественность и оппозиция цифровых арен «центральной публичной сфере» которой доминируют государственная, корпоративная власть и истеблишмент. Подобная склонность к альтернативной публичной сфере может быть объяснен открытым и свободным коммуникативным характером цифровой публичной сферы, которое представляет или поддерживается онлайн от веб-сайтов до сайтов социальных сетей, веб-журналов и микроблогов[3].

Не отделяясь от публичной сферы со времен ее ранней концептуальной разработки, средства массовой информации играют центральную роль в общественных дебатах как в более традиционных формах, так и в новых формах, усовершенствованных цифровыми технологиями. Трансформация парадигмы средств массовой информации вносит явные изменения как в практику работы СМИ, так и в роль граждан / потребителей / производителей. Новые средства информации, в частности Интернет, ставят новые теоретические, методологические и практические задачи перед формированием цифровой публичной сферы. Традиционные пространства, посвященные публичной дискуссии, сталкиваются с различными формами социализации, с сетевыми организациями и новыми каналами распространения и обмена информацией, которые актуализируют "старые" вопросы с точки зрения власти, контроля и участия граждан общественной жизни[4].

Теоретическая литература определяет "инстинкт стада" (на англ. – *herding instinct*) относящийся к ситуациям, когда люди с частной, неполной информацией последовательно принимают публичные решения. Следовательно, первые несколько лиц, принимающих решения, раскрывают свою информацию, а последующие лица, принимающие решения, могут следовать установленной схеме, даже если их частная информация предполагает, что они должны отклоняться от нее [5] . Такой "информационный каскад" может возникнуть у совершенно рациональных людей, когда информация, подразумеваемая ранними решениями, перевешивает частную информацию любого человека. Андерсон и Холт провели лабораторное исследование в 1997 году, в котором рассчитали возможность воздействия сигналов и прогнозов выдаваемые одним лицом на решения другого [6] . Информационный каскад – это

[1] Translated by Thomas Burger, Habermas, J., The structural transformation of the public sphere, MA: MIT Press, Cambridge, 1989, p. 328.
[2] Iosifidis P., Wheeler M. The public sphere and network democracy: Social movements and political change? // Global Media Journal, 13 (25), 2015. pp. 1–17.
[3] Schäfer M.S., Digital Public Sphere // In The International Encyclopedia of Political Communication, G. Mazzoleni (Ed.). (2015). London: Wiley Blackwell. p. 322.
[4] Sousa H., Pinto M., Silva E. C. e. Digital public sphere: weaknesses and challenges // Comunicação E Sociedade, 2013, vol. 23, p. 9.
[5] Anderson L, Holt C.A., Information cascade experiments. In: Durlauf S.N., Blume L.E. (eds) Behavioural and Experimental Economics. The New Palgrave Economics Collection. Palgrave Macmillan, London. 2010. pp. 166-167.
[6] Anderson L, Holt C.A., Information Cascades in the Laboratory // The American Economic Review, American Economic Association, Dec., 1997, Vol. 87, No. 5, pp. 847- 862.

последовательность решений, в которой лицам оптимально игнорировать собственные предпочтения и имитировать выбор других лиц, стоящих впереди них[1].

Эволюция социальных медиа-платформ, таких как Twitter, Facebook, Whatsapp, изменила процесс информационного каскада. Благодаря легкой доступности, особенно благодаря смартфонам, к этим платформам социальных сетей присоединилось большое количество людей. Кроме того, эти платформы стали основным источником распространения информации или каскадом. Через эти платформы часто распространяются важные новости о катастрофах, массовых беспорядках, эпидемиях, политических вопросах, и, таким образом, в течение короткого времени конкретная информация доходит до большого количества людей.

Массовые беспорядки – это мощная форма коллективной динамики, которая привела (и впредь способен привести) к значительным изменениям в обществе в современной истории. Они могут выступать средством для достижения так называемых цветных революций. Организаторы, подталкивая участников толпы на противоправные деяния пытаются дискредитировать власть. При определенной настойчивости режим может терять свою легитимность.

«Катализаторы» охватывают условия, создающие почву в конкретном обществе активности социальных движений. Национальная консультативная комиссия по массовым беспорядкам США к таким конъюнктурам относит: неправомерное деятельность полиции; безработица или неполная занятость; неудовлетворительные жилищные условия; не отвечающий требованиям сфера образование; плохие учреждения и программы отдыха; неэффективность политической структуры и механизмов рассмотрения жалоб; неуважительное отношение белых; дискриминационное отправление правосудия; неадекватность федеральных программ; неадекватность муниципальных услуг; дискриминационная потребительская и кредитная практика; и неадекватные программы социального обеспечения[2].

Инциденты как Арабская весна, беспорядки в Англии 2011 года, движение «Желтых жилет» во Франции, *RickyLeaks* в Пуэрто-Рико, иранские протесты 2019 г., беспорядки в Гонконге 2019-2020 гг., и активность движения BLM в 2020 г. являются показателями вовлечения социальных сетей в организации коллективных действий. В настоящее время мобильные сети охватывают более 95% населения мира, а мобильные широкополосные сети, предлагающие гораздо лучшее подключение к Интернету, охватывают около 80%[3].

Предполагаемая путь к насильственным действиям в ходе массовых беспорядков проходит через четыре стадий. Они: озвучивание неудовлетворенности; организация пространства для единомышленников; мобилизация толпы; и насильственные действия. Продвижение по указанным стадиям непосредственно зависит от степени волнения лиц. Градация степени катализатора позволяет рассуждать о высокой

[1] De Vany A., Lee C., Information Cascades in Multi-Agent Models. Papers 99-00-05, California Irvine - School of Social Sciences. 1999, p. 2; Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I. Information Cascades. In: Palgrave Macmillan (eds) The New Palgrave Dictionary of Economics. Palgrave Macmillan, London. 2008, p. 1.

[2] US Kerner Commission et al. Report of the national advisory commission on civil disorders. – US Government Printing Office, 1968, p. 664.

[3] United Nations International Telecommunication Union (ITU) Statistics, Official text [Electronic resource]. - Access mode URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx. Date of the application: 10.09.2020.

вероятности вспышки беспорядков при наибольшей степени волнения, и наоборот о меньшей потенциальности беспорядков если такая степень волнения невелик.

Для рассмотрения первой стадии массовых беспорядков необходимо отметить теорию социальной мобилизации Карла В. Дойча, в котором социальная мобилизация определяется как: «процесс, в котором основные кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств размываются или ломаются, и люди становятся доступными для новых моделей социализации и поведения» [1]. В соответствии с указанной теории для возникновения социального волнения необходимо наличие двух критериев: санкции за подобные действия волнения низки; а также возможность отклика единомышленников высоки. Можно полагать что вероятность дальнейшей эскалации возрастает, если лица сталкиваются с высокими издержками, связанными с выражением неудовлетворенности. Причины очевидны: если лица, несмотря на высокие санкции, решаются выражать неудовлетворенность, они гораздо больше склонны к самоорганизации и мобилизации других граждан, чем в ситуации, когда нет никаких препятствий для выражения недовольства.

Чувство неудовлетворенности само по себе неэффективно для общественных процессов, если оно не выражается открыто и не доводится до сведения других. Как только это сделано, следующим шагом является организация тех, кто выразил свое недовольство, и обеспечение того, чтобы голос этих "людей" был лучше услышан на соответствующих политических аренах в мире изобилия информации и коммуникации. Эскалация от выражения недовольства к организованному протесту, демонстрации, а в дальнейшем к беспорядкам зависит от многих условий. Во-первых, количество людей, разделяющих одно и то же чувство неудовлетворенности, должно быть достаточно большим, чтобы сформировать толпу. Во-вторых, потенциально затронутые люди должны знать друг о друге и находить способ общения. Наиболее важным, является мотивация инвестировать время, усилия и часто финансы для того, чтобы начать организацию или связаться с существующей организацией. Именно на этой стадии инструменты информационного общества являются действенными для склонения, вербовки или иное вовлечение лиц. Подстрекательство к массовым беспорядкам в цифровой публичной сфере происходит путем распространения нужной информации в сети Интернет.

Толпа должна иметь правильное количество участников, чтобы привлекать и мотивировать новых членов, а также демонстрировать эффективность на соответствующей политической арене. Большие группы лиц должны предлагать дополнительные стимулы и поощрения, чтобы быть привлекательными для новичков. Кроме того, такие индивидуальные характеристики, как классовая принадлежность, пол, образование, религия и профессия влияют на вероятность инициирования или присоединения к общественным движениям и организациям.

Мобилизация людей на инициирование нетрадиционных акций протеста или даже насилия опирается на совокупность структурных и мотивационных факторов. Прежде всего, мотивация людей к участию в движениях за общее дело основывается на способности организации предоставлять членам неденежные или символические стимулы для компенсации барьеров организаций общего дела, т.е. проблемы свободного перемещения и маргинального вклада каждого члена. Если группы могут мотивировать многих последователей к вступлению в организацию, то это зависит от реакции других, конкретных государственных органов, если и как будет происходить

[1] Olsen E. M., Marger M. N, Fonseca V., Power in Modern Societies. Routledge, 2019, 328 p.

эскалация протеста. Среди наиболее влиятельных факторов - отсутствие открытости со стороны государственных органов или других адресатов протеста, неспособность реагировать пропорционально деятельности протестной организации и отсутствие доступных каналов коммуникации для того, чтобы голос активистов был услышан в обществе.

Умышленное и организованное насилие со стороны толпы является последним шагом эскалации в массовых беспорядках. Такие спланированные насильственные действия могут даже привести к гражданской войне. Периодическое неконтролируемое насилие всегда сопряжено с риском, когда огромные массы людей выходят на улицы со своими протестами. В большинстве случаев такие акты изолированного насилия не способствуют дальнейшей эскалации. Напротив, большинство протестных организаций дистанцируются от вспышек насилия, если они не планируются и не допускаются тайно. В большинстве стран массовые беспорядки рассматривается как явно незаконная акция протеста. Поэтому в случае применения насилия лидеры соответствующих протестных организаций могут либо дистанцироваться от насилия, либо обвинить другую сторону в том, что она спровоцировала насилие. Однако, как правило, они изо всех сил стараются уменьшить масштабы применения силы ее членами во время акций протеста. Хотя небольшие очаги насилия также могут инициировать путь постепенной эскалации, это маловероятно.

Эскалация к массовым беспорядкам все еще является процессом, который недостаточно хорошо понимается в социальных и исторических науках. Представляется, что необходимо объединить три основных компонента: восприятие законной причины, которая оправдывала бы даже применение силы; неспособность государственной власти справиться с ситуацией из-за отсутствия потенциала, чрезмерной реакции или излишней снисходительности и случайный фактор массового импульса, который может дать о себе знать, когда какой-то спусковой крючок высвобождается (переломный момент).

Существуют серьезные утверждения об исключительной роли социальных сетей в коллективных действиях: «порождает экстремизм; позволяет людям подключиться к «мега-подполью» нишевых участников; позволяет охватить больший круг людей в «кибер-каскаде»; допускает большее разнообразие географического происхождения; позволяет добиться большей скорости и спонтанности; и делает невозможным рассредоточение толпы»[1].

Напротив, имеется и обратное видение, которое отвергает технодетерминистскую инструментальную идеологию, охарактеризовав ее «фетишизмом вещей» [2] . Сторонники данного подхода полагают что детерминантом массовых беспорядков необходимо искать только в социальных отношениях[3].

В заключении, можно предположить, что атрибуты информационного общества хоть и являются второстепенными, вспомогательными средствами в организации, в продвижении и вовлечении участников, но сами по себе не выступают причиной массовых беспорядков. Отдаляясь от техно-детерминистской модели, автор склонен

[1] Kaminski, M, E., Incitement to Riot in the Age of Flash Mobs (February 21, 2013). University of Cincinnati Law Review, 2013. Volume 81 Issue 1. p. 84.
[2] Fuchs, C. Social media, riots, and revolutions // Capital & Class, (2012). No Volume 36 Issue 3, p. 383-391.
[3] Там же.

считать только социальные отношения триггерами конфликтной атмосферы в обществе, а не социальных сетей.

Назаренко К.В.
Научный руководитель: **Калинович А.Э.**

Похищение человека: анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ

Аннотация. В статье раскрываются вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ "Похищение человека", с учетом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми". Особое внимание уделено отдельным вопросам квалификации похищения человека, разграничения данного состава от смежных норм, приводятся примеры из судебной практики, рассмотрены квалифицированные составы преступления и примечание к ст. 126 УК РФ. Отмечается, что принятие данного постановления вносит определенность в правоприменительную деятельность и служит основанием единообразного применения норм, предусматривающих ответственность за посягательства на свободу человека.

Ключевые слова: похищение человека, судебная практика, Пленум Верховного Суда РФ, уголовная ответственность, отграничение от смежных преступлений, физическая свобода.

Свобода личности - это право, которое является одним из самых важных конституционных прав человека. Основным законом государства признается, что основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, закрепляется право каждого на свободу и личную неприкосновенность.

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, в Российской Федерации за 2018 г. было зарегистрировано 378 преступлений, квалифицированных как похищение человека, в 2019 г. - 351, а в период с января по сентябрь 2020 г. - 309[1]. Однако, несмотря на небольшое количество зарегистрированных преступлений из всего числа общественно опасных деяний, в настоящий момент борьба с преступными посягательствами против свободы личности имеет значимый характер. Общественно опасные деяния в отношении данного объекта представляют серьезную угрозу для всего общества, так как зачастую, вред одновременно причиняется здоровью, а в некоторых случаях и жизни потерпевшего.

В то же момент в практике следственных и судебных органов существует множество трудностей, в частности, когда необходимо определить признаки состава преступления, правильно квалифицировать преступления против свободы личности, разграничить состав похищения человека и незаконного лишения свободы, а также отграничить их от смежных и других составов.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в конце прошлого года принял постановление, регулирующие вопросы уголовной ответственности за преступления против свободы личности – это Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019г. №58 "О судебной практике по делам о

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г. М.: ГИАЦ МВД России. 2018. С. 20; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. М.: ГИАЦ МВД России. 2019. С. 20; Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2020 г. М.: ГИАЦ МВД России. 2020. С. 20.

похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 58)[1].

В Постановлении Пленума ВС РФ № 58 содержатся разъяснения, которые должны обеспечить единообразие по вопросам применения судами норм уголовного закона об ответственности за похищение человека, незаконное лишение свободы, торговлю людьми, то есть тех преступлений, которые отражены в главе 17 УК РФ – преступления против свободы, чести и достоинства личности[2]. Кроме этого, в Постановлении указывается на общественную опасность данных преступлений, которая заключается в противоправном ограничении человека в его физической свободе, включающую в себя свободу передвижения, выбора варианта своего местонахождения.

Основной объем Постановления Пленума ВС РФ № 58 содержит положения, связанные с проблемой квалификации похищения человека. Поэтому, считаем обоснованным, рассмотреть разъяснения касательно именно данного состава преступления.

В данном документе содержится понятие похищение человека (п. 2). В нем закреплены признаки объективной стороны, которые включают в себя захват, перемещение и последующие удержании потерпевшего в целях совершения другого общественно опасного деяния либо по иным мотивам, не имеющим значения для квалификации. Данные действия могут быть совершены различными способами: путем применения насилия, высказывания угроз, использования беспомощного состояния потерпевшего, обмана, злоупотребления доверия. Все эти способы направлены на захват, перемещение и удержание потерпевшего. При этом отдельной характеристики способов в данном разъяснении Верховного Суда РФ не закреплено, поэтому предполагается необходимым обращаться к ранее принятым актам Пленума ВС РФ, содержащим понятие психического и физического насилия обмана и злоупотребления доверием.

Угрозы выражаются в устрашении применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, или распространения сведений, которые могут опозорить в обществе потерпевшего или его близких, а также способны причинить другой существенный вред данным лицам. Так Т., находясь в состоянии алкогольного опьянения, умышленно, с целью похищения человека, намереваясь принудить потерпевшую А. к продолжению прерванного ранее сожительства, высказал угрозу применения физического насилия, подавил таким образом её волю к сопротивлению, высказал ей требование проследовать с ним, добился в результате своих действий от неё подчинения своей воле, после чего насильно, помимо воли и желания, удерживая её за руку, отвел её в свою квартиру, где пресекал попытки А. покинуть квартиру, в том числе, запирая замок входной двери и скрывая от неё расположение ключей от замка[3]. В данном примере потерпевшая восприняла угрозу со стороны виновного как реальную, прекратив тем самым сопротивление.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 №58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" // БВС РФ. 2019. № 3.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

[3] Приговор по делу №1-105/2019 от 04.02.2020. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/WPXNnT6SPaUq/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-105%2F2019+1-5%2F2020+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1603285678527. Дата обращения: 21.10.2020.

Кроме того, в Постановлении Пленума ВС РФ № 58 конкретизируется, что если насилие не является опасным для жизни и здоровья потерпевшего, то оно полностью охватывается составом преступления, предусмотренным ч.1 ст. 126 УК РФ (п. 5). Так, сам законодатель признает, что основной состав похищения человека не может быть ненасильственным. Таким образом, необходимо согласиться с позицией Д.Ю. Краева, который относит данное преступление к посягательствам, где насилие в основном составе преступления является обязательным признаком объективной стороны[1].

В дополнении, содержаться положения о том, что насилие или угроза его применения могут осуществляться не только в отношении похищаемого лица, но и в отношении иных лиц, с целью устранения препятствий к захвату, перемещению или удержанию потерпевшего. К ним относятся как родственники и иные близкие лица, так и очевидцы противоправных действий (п. 6).

В судебном разъяснении выделено в качестве способа использование виновным обмана или злоупотребления доверием. Обман обеспечивает благоприятные условия для похищения, облегчает совершение самого посягательства и, таким образом, может носить характер приготовления к преступлению. Например, когда потерпевшему лицу предложили проехать в какое-либо место, где впоследствии в отношении него осуществили захват и удержание. В данном случае, согласие потерпевшего, которое было получено в результате обмана, не будет препятствовать квалификации по ст. 126 УК РФ.

Исходя из законодательного построения объективной стороны состав преступления похищение человека является формальным. Похищение считается оконченным с момента захвата потерпевшего и начала его перемещения. Также в Постановлении Пленума ВС РФ №58 закреплены положения, когда лицо, в отношении которого осуществляется похищение, в результате обмана или злоупотребления доверием самостоятельно перемещается. В таких ситуациях моментом окончания преступления является момент захвата лица, а в случаях, если потерпевший больше не менял местонахождения, то момент начала его принудительного перемещения и удержания. Согласно позиции П.С. Яни, утверждающего о том, что признание удержания концом преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, способствует решению множества уголовно-правовых проблем, которые связаны с наличием у субъекта преступления возможности добровольного отказа от похищения в процессе перемещения жертвы, квалификации как соучастия действий лиц, которые участвовали в посягательстве только на этапе удержания потерпевшего[2].

В Постановления Пленума ВС РФ № 58 отмечается отличие похищения человека от незаконного лишения свободы, предусмотренного ст. 127 УК РФ (п. 3). При незаконном лишении свободы лицо, в отношении которого осуществляется посягательство, никуда не перемещается, а остается в месте его нахождения. В такой ситуации лицо ограничивается противоправными способами в движении. Например, потерпевшего закрывают в каком-либо помещении, связывают или иным образом лишают возможности перемещаться. На практике встречаются случаи, когда перемещение жертвы осуществляется и при незаконном лишении свободы. Поэтому ведущую роль при разграничении играют признаки субъективной стороны, а именно цель – последующее удержание потерпевшего.

---

[1] Краев Д.Ю. Преступления, совершаемые с применением насилия: вопросы квалификации // Законность. 2019. № 9. С.49-52.

[2] Яни П.С. Конец преступления // Законность. 2016. № 10. С. 49.

Определение цели, ради которой субъект преступления незаконно перемещал потерпевшего, имеет важное значение для разграничения похищения человека от других преступлений. Будь это незаконное лишение свободы или убийство, разбой и другие насильственные преступления. В разъяснении отмечается, что когда захват и перемещение человека осуществляются не для удержания в другом месте потерпевшего, а на его убийство, то тогда действия виновного будут квалифицироваться только по ст. 105 УК РФ (п. 10). В отличие от похищения человека разбой характеризуется своей скоротечностью. Похищение, в свою очередь, растянуто во времени.

В случаях, когда субъект преступления сначала незаконно лишил свободы, а затем переместил потерпевшего в другое место, тогда действия лица будут квалифицироваться как похищение человека и дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ не требуют.

Сложный характер объективной стороны похищения человека ставит актуальным вопрос уголовно-правовой оценки действий соучастников группового преступления, деяния которых относятся только к ограничению свободы человека. В Постановлении Пленума ВС РФ № 58 акцентируется внимание правоприменителя на установление факта предварительной договоренности между участниками преступления, совершающими отдельные действия, которые входят в объективную сторону преступления. Лицо, совершившее отдельное действие, несет уголовную ответственность как соисполнитель преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору (п. 7). Так, реализуя преступный умысел, направленный на совершение похищения К. и последующего получения у него денежных средств, Х., А., Н., действуя группой лиц по предварительному сговору, совместно и согласовано, умышленно, прибыли на автомобиле, где напали на К и применили к нему насилие. При этом Х. схватил потерпевшего за руку и с силой вывернул ее назад, причинив потерпевшему физическую боль, а так же, используя в качестве оружия заранее приисканный им в качестве оружия складной туристический нож, направил лезвие указанного ножа в область груди и живота потерпевшего, выразив К. угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, которую тот, в силу сложившейся обстановки, воспринимал как реальную и осуществимую, а А. схватил К. за руку и с силой вывернул ее назад, причинив потерпевшему физическую боль. Сломив указанными преступными действиями волю потерпевшего к сопротивлению, Х. и А., удерживая руки К. и ограничивая свободу его передвижения, усадили его на заднее сиденье вышеуказанного автомобиля, за рулем которого находился Н., при этом А. сел на заднее пассажирское сиденье указанного автомобиля, рядом с К., ограничивая таким образом свободу передвижения последнего. Соучастники увезли его на автомобиле по неустановленному маршруту, таким образом, похитив его[1]. Из примера видно, что Н. не совершал действий, направленных на захват К., но при этом играл важную роль для перемещения потерпевшего.

Пленумом ВС РФ дано определение корыстным побуждениям, которые являются квалифицированным признаком похищения человека, предусмотренного п. "з" ч. 2 ст. 126 УК РФ (п. 8). Данным положением охватывает прямую имущественную выгоду

[1] Приговор по делу №1-18/2020 от 27.02.2020. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/jnIc5r3K4dLl/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-18%2F2020+1-291%2F2019+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1603285275154. Дата обращения: 21.10.2020.

как виновного, так и других лиц, также избавление от различных материальных затрат и совершение заказного преступления. Этот признак вменяется, как исполнителю, так и иным соучастникам, действовавшим в роли организатора, подстрекателя и пособника.

Корыстный мотив виновного может быть удовлетворен за счет исполнения его требований о передаче имущества либо права на имущества, действий имущественного характера, являющихся основанием освобождения потерпевшего. Это его требование выдвигается им в ходе перемещения или удержания потерпевшего. Исходя из положений, закрепленных в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 58, в данном случае действия виновного лица квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных п. "з" ч. 2 ст. 126 и соответствующей частью ст. 163 УК РФ. Так, после совершения Д. в отношении Ф. вымогательства с применением насилия, у Д., находящегося вместе с Ф. на участке местности, прилегающем к дому №4, возник преступный умысел на незаконный захват и изъятие Ф. с указанного места и перемещения в свой гараж, расположенный на территории домовладения Д. и его последующее удержание там против воли, с целью получения от Ф. незаконной материальной выгоды для себя лично, то есть преступный умысел на похищение Ф. из корыстных побуждений. Д. захватил Ф. с места его нахождения, переместил в свой гараж. Д., закрыл ворота гаража, где стал удерживать потерпевшего против его воли, тем самым лишив Ф. реальной возможности покинуть это место, свободно передвигаться и избирать место своего пребывания по своему усмотрению, а также возможности сообщить в правоохранительные органы о совершенном в отношении него преступлении, при этом, в целях личного незаконного обогащения, высказал Ф. требование о передаче ему денежных средств в сумме 20000 рублей, в качестве незаконного вознаграждения за свое освобождение. Судом Д. был признан виновным по п. "в" ч. 2 ст. 163 и п. "з" ч. 2 ст. 126 УК РФ[1].

В Постановлении Пленума ВС РФ № 58 говорится о примечании к ст. 126 УК РФ, которое закрепляет специальное основание освобождения от уголовной ответственности (п. 11). Виновный должен иметь осознаваемую им реальную возможность продолжать удержание потерпевшего, но он добровольно прекращает свои преступные действия, освободив потерпевшего, передав родственникам или иным образом прекратив выполнять объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Однако вопрос о длительности удержания перед освобождением потерпевшего в разъяснении не рассмотрен. При этом в доктрине уголовного права выдвинуто предложение о необходимости определения предельного срока удержания, после которого добровольное освобождение уже не будет влечь за собой прекращения уголовного преследования в отношении похитителя[2]. Например, несправедливым будет освобождение лица от уголовной ответственности, совершившего похищение, в случае, когда он освободил потерпевшего только после истечения пяти лет удержания.

В заключении необходимо отметить, что Постановление Пленума ВС РФ № 58 ориентировано на обеспечение надлежащей защиты и восстановления прав

---

[1] Приговор по делу №1-44/2020 от 10.04.2020. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/U1SQozsp3ub8/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=+1-44%2F2020&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=10&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_=1603445128380&regular-judge=. Дата обращения: 23.10.20.

[2] Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминалистические меры противодействия похищению: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

потерпевших в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ. Данные разъяснения будут способствовать установлению единообразной практики применения нормы, предусматривающей ответственность за похищение человека, а также решению вопросов, которые связаны с правильной квалификацией за данное преступление.

Насонова О.Н.
Научный руководитель: **Новиков Д.С.**

Объективные и субъективные признаки состава посредничества во взяточничестве. Проблемы определения субъекта и предмета при правоприменении

Аннотация. Цель исследования – определить объективные и субъективные признаки состава посредничества во взяточничестве, обозначить проблемы определения субъекта и предмета посредничества при правоприменении данной нормы, предложить пути их решения.

Ключевые слова: посредничество по взяточничестве, коррупция, взятка, предмет посредничества, субъект посредничества, объект посредничества, посредник, взяткодатель, взяткополучатель.

В последние десятилетия одной из основных проблем нашей страны является борьба с коррупцией. Именно она существенно замедляет темп развития экономики в Российской Федерации, а также приводит к тому, что граждане перестают доверять не только отдельным должностным лица, но и государству в целом. Проблема коррупции является достаточно актуальной, так как в российском обществе она проникла во все сферы жизнедеятельности граждан: от государственного управления до жилищно-коммунального хозяйства и образовательных учреждений.

Одним из основных коррупционных преступлений является взяточничество. Согласно статистике Судебного Департамента, при Верховном суде РФ за 2019 год суды вынесли свыше 15 000 обвинительных приговоров по уголовным делам коррупционной направленности. При этом, свыше 1,5 тысяч человека были осуждены за дачу взятки, более 400 человек — за посредничество, 2,5 тысячи — за получение взятки, и чуть больше за мелкое взяточничество.

Состав посредничества во взяточничестве регулируется ст. 291.1 Уголовного Кодекса РФ. Следует отметить, что указанная статья была введена в действующий Уголовный Кодекс лишь 04 мая 2011 года. С тех пор данная уголовно-правовая норма почти не изменялась и не дополнялась, что порождает различные сложности в правоприменении. До этого времени посредничество во взяточничестве регулировалось в УК РФ 1996 года как соучастие (ст. 33 УК РФ). Однако состав посредничества во взяточничестве содержался ранее в Уголовных Кодексах 1922, 1926 и 1960 годов.

В настоящий момент в науке уголовного права обсуждается множество проблем, касающихся посредничества. Верховный суд РФ до сих пор не дал разъяснений по вопросам посредничества во взяточничестве. Согласно ст. 291.1 УК РФ посредничество во взяточничестве определяется как личная передача взятки по поручению взяткополучателя или взяткодателя, а также любое другое способствование в достижении соглашения между данными лицами. Так как

привлекать посредника к уголовной ответственности при небольших суммах взяток не целесообразно (предполагается, что действия посредника обусловлены не альтруистическим желанием помочь, а вполне реальным, то есть получить свою долю за оказание услуг), то наказание за посредничество во взяточничестве предусмотрено начиная со значительного размера взятки. Согласно примечанию 1 к ст. 290 УК РФ значительным размером является сумма взятки, превышающая 25 тысяч рублей.

Общественная опасность любого преступления проявляется при воздействии на общественные отношения, которые и являются объектом этого преступления. То есть объект преступления — это то, на что направлено посягательство.

Статьи Уголовного Кодекса РФ о взяточничестве располагаются в Разделе X, который называется «Преступления против государственной власти». Таким образом, родовым объектом взяточничества являются общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование органов власти.

Преступления, регулируемые ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, посягают на государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Эти отношения составляют видовой объект взяточничества. Необходимо понимать, что органами власти считаются все властные структуры, установленные законодательством. Под интересами государственной и муниципальной службы понимается полное и своевременное выполнение задач, связанных с публичным управлением, которые стоят перед государственными органами и органами местного самоуправления.

Нормальная деятельность органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления является объектом посредничества во взяточничестве.

Объективная сторона посредничества характеризуется совершением двух действий. Во-первых, непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя – физическое посредничество. Во-вторых, какое-либо иное оказание помощи взяткодателю и взяткополучателю в получении или даче взятки – интеллектуальное посредничество.

Непосредственная передача взятки подразумевает под собой получение посредником взятки от взяткодателя и передача ее взяткополучателю. Иным способствованием являются любые действия лица, кроме непосредственно самой передачи. Такими действиями могут быть устные и телефонные переговоры о месте встречи, размере суммы взятки, оформление документов и т.д.

Вопрос интеллектуального посредничества обсуждался на конференции, проведенной Верховным Судом в марте 2013 г. Формами интеллектуального посредничества назывались такие действия, совершаемые лицом, как предоставление в долг денежных средств (имущества), если лицо заранее знало, что последнее будет передаваться в форме взятки. Также подобными формами посредничества будут являться организация переговоров о даче взятки, склонение лиц к даче или получению взятки, совершение действий, направленных на сокрытие преступления и т.д.

Необходимо обратить внимание, что в ст. 291.1 УК РФ указано на передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, однако полагаю, посредник может сам проявить инициативу в передаче взятки, без поручения, а также иными способами способствовать соглашению о взятке.

Состав посредничества во взяточничестве является формальным. Преступление в виде непосредственной передачи взятки считается оконченным с момента получения

взяткополучателем хотя бы части взятки. Наступление общественно-опасных последствий не требуется. Пленум Верховного суда РФ не регулирует вопрос момента окончания преступления, выраженного в ином способствовании взяткодателю или взяткополучателю. Посредничество в виде иного способствования в даче-получении взятки следует считать оконченным с момента совершения указанного способствования, в чем бы оно не выражалось. Если по независящим от посредника причинам не удалось передать взятку, то его действия квалифицируются как покушение на посредничество. Однако следует отметить, что если по независящим от сторон причинам получение и дача взятки не состоялись, а посредник совершал действия, направленные на способствование получению и даче взятки, то логично предположить, что он несет ответственность по ст. 291.1 УК РФ, как за оконченное преступление.

От посредничества во взяточничестве, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ необходимо отличать мнимое посредничество. Это ситуация, при которой посредник, получая деньги от взяткодателя, не передает их взяткополучателю, а присваивает себе. Данные действия следует квалифицировать как мошенничество и покушение на дачу взятки. Однако в таком случае взяткодателя следует признать потерпевшим по делу о мошенничестве, что уже само по себе странно. Если посредник склонял лицо к даче взятки, его действия квалифицируется также как подстрекательство к покушению на дачу взятки. Также непонятно, как характеризовать ценности, полученные посредником, в качестве взятки или предмета мошенничества. И. В. Шишко утверждал, что «использование имущества в преступных целях выводит его за “рамки” охраняемых законом объектов. В этом смысле действия “лжепосредника” могут восприниматься положительно, поскольку фактически препятствуют совершению дачи взятки»[1]. Однако данное утверждение не представляется верным, поскольку факт преступного завладения чужим имуществом, пусть даже потенциального взяткодателя, не прекращает права собственности взяткодателя на это имущество.

Субъектом посредничества во взяточничестве может являться любое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъект преступления общий. Посредник может представлять интересы как взяткодателя, так и взяткополучателя, он действует не в своих интересах. Посредник отличается от взяткодателя и взяткополучателя тем, что: 1) он не инициирует дачу и получение взятки; 2) не является собственником предмета взятки изначально и не становится им в будущем; 3) действует не в своих интересах;

На практике возникают вопросы различия посредника от соучастника в преступлении и от непосредственно взяткодателя. Необходимо отметить, что посредник не присваивает себе взятку или ее часть (как оплату за совершенные действия). Получение предмета взятки посредником от взяткодателя не обусловливается какими-либо действиями (бездействием) посредника в связи с его должностным положением в пользу взяткодателя. Если указанные обстоятельства отсутствуют, то действия посредника квалифицируются как действия соисполнителя при получении взятки.

Важным является также обстоятельство, что предмет взятки не принадлежит посреднику, посредник не имеет своей целью получить для себя выгоду, обусловленную передачей взятки. Если указанные обстоятельства отсутствуют, то

[1] Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб. 2004. С. 186.

действия посредника квалифицируются как действия взяткодателя. Для многих ученых в теории уголовного права основным критерием разграничения взяткодателя и посредника является наличие или отсутствие интереса в передаче взятки.

Субъективная сторона посредничества во взяточничестве определяется виной в виде прямого умысла. Мотив и цель посредничества не имеют значения для квалификации преступления. Несмотря на то, что взяткополучатель, взяткодатель и посредник – соучастники одной преступной деятельности, имеющие в ней разные роли, психическое отношение каждого участника к содеянному является почти аналогичным. Таким образом, посредник осознает, что осуществляет свои действия по поручению взяткодателя или взяткополучателя, желает совершить действия по передаче взятки (при физическом посредничестве) или способствованию в достижении соглашения между взяткодателем и взяткополучателем (при интеллектуальном посредничестве). Посредник должен осознавать, что передаваемые им ценности являются именно взяткой. Если лицо не знало, что передает ценности в качестве взятки, за совершение определенных действий, оно не подлежит ответственности по ст. 291.1 УК РФ. Мотивы посредничества могут быть различными, например, сострадание взяткодателю, корысть, личные побуждения. Мотив может нести как положительную, так и негативную окраску.

Предметом посредничества во взяточничестве является взятка, размер которой значительный, то есть превышает 25 000 рублей. Обоснованность данного положения вызывает споры в науке уголовного права. Многие авторы говорят о том, что предмет посредничества во взяточничестве аналогичен предмету дачи и получения взятки. Однако возникает вопрос о возможности признания предметом посредничества услуг имущественного характера или имущественных прав, указанных в ст. 290 УК РФ. П.С. Яни полагает, что это невозможно, а также, что в случае выполнения посредником услуг, за которые заплатил взяткодатель перед взяткополучателем, эти действия будут квалифицироваться как соучастие в виде организаторства, пособничества и подстрекательства.

Обязательным условием ответственности за посредничество во взяточничестве является значительный размер взятки. Согласно примечанию, к ст. 290 УК РФ значительным размером признается сумма взятки, превышающая 25 тысяч рублей. Указанное положение вызывает множество споров. Так, возникает вопрос, как квалифицировать действия посредника, если размер взятки будет менее 25 тысяч рублей.

В науке присутствует точка зрения, согласно которой действия посредника при взятке, не превышающей 25 000 рублей, квалифицируются как соучастие. Мнение авторов по данной проблеме расходится, так Д.Г. Калатози писал, что «продолжать применить институт соучастия при рассматриваемых обстоятельствах означает применение уголовного закона по аналогии, что недопустимо»[1]. По мнению Д. Горбатовича, при недостижении значительного размера взятки уголовная ответственность исключена за отсутствием состава преступления. То есть «вывод о допустимости квалификации посредничества во взяточничестве в незначительном размере как соучастия в даче или получении взятки, по крайней мере, сомнителен. Его признание требует преодоления системного законодательного пробела, право на которое есть только у законодателя. Пока же следует руководствоваться известным

[1] Калатози Д.Г. Посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // Политика, государство и право. Электронный журнал. 2012. № 8. [Электронный ресурс] URL: http://politika.snauka.ru.

принципом. Неустранимые сомнения в толковании закона должны разрешаться в пользу лица, совершившего общественно опасное деяние. Это значит применительно к нашей ситуации, что посредничество во взяточничестве в незначительном размере не подлежит уголовной ответственности»[1]. Полагаю, можно согласиться с мнениями ученых о недопустимости квалификации посредничества во взяточничестве в незначительном размере как соучастия, необходимо исключить указание на значительный размер взятки из ч. 1 ст. 291.1 УК РФ и перенести его в квалифицирующие признаки.

Подводя итог, следует отметить разумность оформления посредничества во взяточничестве в самостоятельный состав преступления в 2011 году. Однако указанная норма требует разъяснений и уточнений. В то же время, законодатель не внес соответствующие изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ от 25.12.2008 г. «О противодействии коррупции» где взяточничество определено двумя формами — получением и дачей взятки. Полагаю, посредничество во взяточничестве должно быть также включено в данный закон. Кроме того, размер взятки при посредничестве не может быть ниже значительного размера, соответственно спорным также является вопрос квалификация действий посредника при взятке менее 25 тысяч рублей. Предлагается исключить из диспозиции статьи 291.1 УК РФ указание на значительный размер взятки, перенести его в квалифицирующие признаки.

Посредничество во взяточничестве подлежит уголовной ответственности, только если сумма взятки превышает 25 тысяч рублей. Предлагается дать разъяснения по поводу точного определения субъекта и предмета посредничества. Необходимо определить критерии отличия посредника от соучастника и взяткодателя. Кроме того, усовершенствования требует и самостоятельный состав обещания и предложения посредничества, в части указания на окончание преступления с момента передачи денежных средств посреднику.

Руднев В.О., Самородский Д.С.
Научный руководитель: **Григорьева Н.В.**

Цифровая трансформация противодействия преступности: проблемы и перспективы внедрения новых технологий

Аннотация. В данной статье рассмотрены перспективы применения новых технологий в правоохранительной и следственной деятельности. Проведен сравнительно правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства по данной тематике. Установлен перечень существующих проблем в применении Искусственного Интеллекта, а также возможные способы их решения.

Ключевые слова: информация, искусственный интеллект, единая база данных, правоохранительные органы, технология «Blockchain».

Современный мир стал по-настоящему эпохой информации, роль и важность которой неуклонно растет. Не будет преувеличением сказать, что большинство сфер человеческой жизни были объединены по средствам информационных ресурсов, что привело к возникновению массивных баз данных.

[1] Щепельков В.Ф., Пряхина Н.И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как соучастие в даче и получении вятки // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2012. № 6. С. 50.

Данное обстоятельство стало причиной роста ценности информации в человеческом обществе. Именно поэтому вопрос обеспечения качественной защиты информации приобретает все большее значение. Ведь криминальный мир также не стоит на месте. Все с большей отчетливостью можно наблюдать постепенный переход преступности из реального мира в мир виртуальный. Кража информации, создание и распространение вредоносных компьютерных программ, хищение денежных средств граждан и различных организаций, мошенничество стали для нас уже вполне привычными явлениями, а для правоохранителей все более частыми случаями в практике.

По этой причине правоохранительные органы не вправе оставаться в стороне. Напротив, сегодня они имеют потрясающую возможность благодаря современным технологиям не только успешно бороться с новыми и старыми видами преступлений, но и решить многие внутренние проблемы системы, существующие уже долгое время. К одной из главных таких проблем относится разобщенность хранения информации разных ведомств правоохранительных органов в задачи которых входит противодействие преступности, раскрытие и расследование преступлений. Из данной проблемы закономерно вытекает следящая: эффективный анализ и использование информации о преступлениях в целях должного осуществления следственно-оперативной деятельности.

Решение первой проблемы в современных условиях выглядит вполне реальным. Состояние технологий и накопленных знаний уже сейчас позволяет создать для ведомств правоохранительных органов общую структуру документооборота на базе системы распределительных реестров «Blockchain».

На сегодняшний день межведомственное сотрудничество осуществляется на основе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Далее по тексту - УПК РФ) и огромного множества внутренних приказов и инструкций ведомств. К таким подзаконным актам можно отнести:

- Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019 г.) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов»)[1];

- Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке

[1] Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019 г.) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»[1];

- Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31.12.2019 г.)[2];

- Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»[3].

На основе данной нормативной правовой базы осуществляется регулирование обмена информацией между определенными ведомствами по конкретным правоотношениям, возникающим в процессе приема и регистрации сообщений о преступлениях, предварительного расследования. Общей чертой каждого акта является регламентация периодов ответов на поступающие запросы и организация ведомственных баз данных. Повторимся, что о единой базе или цельной структуре информационных систем речи не идет. В последнее время существующее межведомственное сотрудничество претерпело лишь «косметическое омоложение». В частности, под воздействием времени была упрощена форма запроса, которая теперь может быть в электронной форме. Но данная мера является общей для всех государственных органов.

Так, подобное новшество предусмотрено в рамках ФЗ «Об организации представления государственных и муниципальных услуг»[4]. По средствам данного закона была создана система межведомственного информационного взаимодействия, при котором взаимодействия государственных органов, предоставляющих государственные услуги, происходит путем направления электронных и бумажных запросов. Данная мера позволила ускорить документооборот между органами. Но стоит отметить, что несмотря на это укрупнение и объединение информационных баз данных государственных органов не произошло. Ведомства остались при своих информационных базах, относительно лишь упростилась форма запросов, к которой добавилась электронная.

Так или иначе решить главную проблему межведомственного сотрудничества по обмену информации и данными, путем сведения временных и бюрократических издержек не получилось.

---

[1] Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. №776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 13.12.2013. № 282.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31.12.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. ст. 1958.

[3] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Законность. 2012. № 3.

[4] Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4179.

Именно поэтому авторам статьи видится весьма перспективным и реальным выработка технологии и концепции создания единой базы данных и системы обмена информацией между всеми силовыми ведомства России, что непосредственно в контексте оперативно-розыскной и следственной деятельности имеет огромную важность. Данная мера поспособствует уменьшению количество затрачиваемого времени на поиск информации о подозреваемом, что позволит ускорить оперативно-розыскные и следственные мероприятия.

Стоит отметить, что подобный опыт существует. В частности, в Соединенных Штатах Америки (Далее по тексту США) действует National Crime Information Center (NCIC). В компетенцию данного информационного центра входит сбор всей имеющейся информации о преступлениях и преступниках, которая может быть использована практически всеми правоохранительными органами на территории США.

Данная система помогает минимизировать временные издержки, уходящие на запрос и предоставлении информации между органами. Вся имеющаяся информация о преступниках, подозреваемых и лицах, находящихся в розыске, стекается в этот цент, перерабатывается и сортируется. После этого каждый сотрудник правоохранительных органов, наделенный правом доступа к информации, может ее получить без дополнительных действий круглосуточно.

Если говорить кратко об устройстве данной системы, то можно отметить, что «NCIC содержит двадцать один сегмент, содержащие информацию о похищенном имуществе, оружии, номерных знаках, деталях, ценных бумагах, транспортных средствах». Кроме того, база данных содержит информацию «о лицах, причастных к совершению преступлений против половой свободы, разыскиваемых преступниках иностранных государств, нарушителях иммиграционного законодательства, без вести пропавших, неопознанных лицах, различных категориях защищаемых лиц, террористах (известных и подозреваемых), а также иных категориях лиц, представляющих интерес»[1]. Запросы в систему могут поступать как со стационарных компьютеров, так и мобильных устройств.

Безопасность данной системы обеспечивается шифрованием. Каждый пользователь аутентифицируется для обеспечения надлежащего уровня доступа для каждой транзакции. Кроме этого в системе периодически осуществляется проверка информации.

Но на этом американские специалисты решили не ограничиваться. Так, «США планируют модернизировать работу центра путем установки нового современного оборудования повышенной мощности обработки информации, а также внедрить в работу системы элементы искусственного интеллекта (Далее по тексту – ИИ) на основе искусственных нейронных сетей».

Именно на ИИ хочется остановиться поподробнее, так как по мнению авторов статьи он должен стать неотвратимым будущем правоохранительной деятельности в целом.

Искусственный интеллект в данном формате следует рассматривать, как автоматизированную программу линейного мышления, способную самостоятельно принимать решения, основываясь на поступившей оперативной информации или базе

[1] Кузьмин И.А. Искусственные нейронные сети: перспективы использования в правоохранительной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. №4 (8). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-neyronnye-seti-perspektivy-ispolzovaniya-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti. Дата обращения: 24.10.2020.

данных имеющихся в распоряжении следственного органа. ИИ стоит понимать, как средство для упрощения работы сотрудников, а именно передачи ему простейших функций по формированию простых логических выводов на основании полученной информации и правоприменительной практики. Также необходимо понимать, что в данной ситуации передача множества функций сотрудника невозможна, как по этическим, так и по техническим соображениям. В любом случае ИИ не может заменить следователя или оперативного сотрудника. Все полученные решения ИИ будут контролироваться человеком.

Интерес опыт внедрения ИИ в деятельность по борьбе с конкретными составами преступлений.

Так, рассмотрим сферу применения искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, где ИИ функционирует в рамках проекта «Золотой щит» в исполнительной деятельности Китая и применяется в качестве инструмента профилактики по отдельным видам информационных преступлений как например: блокировка доступа жителей КНР к нежелательному контенту в сети интернет, осуществление фильтрации DNS запросов, блокировка URL соединений и другое. «Стоит отметить, что, не смотря на большие капиталовложения, данный проект окупается с полна, иначе бы КНР не захотела бы продолжить его развитие»[1].

Таким образом, можно точно сделать вывод, что глубокая информатизация и технологическая оснащённость, это неотъемлемая составляющая современных правоохранительных органов вообще и следственных в частности. Именно поэтому чрезвычайно важно развитие и применение данных технологий отечественными правоохранительными органами.

Шаги по освоение данного направления уже делаются в России. Так, в одном интервью [2] Председатель следственного комитета Александр Иванович Бастрыкин рассказал о положительном опыте применения искусственного интеллекта в управлении Следственного комитета по городу Москве. Была протестирована и запущена система по сбору и анализу данных, для нахождения серийных преступников. Система уже позволяет достаточно точно определить возраст преступника, наличие психических заболеваний, судимости, был ли знаком с жертвой. По данным «Информационно-телеграфного агентства (ИНТАР ТАСС)» [3] Научно-исследовательским институтом криминалистики ведётся разработка программы по нахождению от места совершения преступления места жительства подозреваемого.

Тем не менее данные шаги не направлены на модернизацию всей правоохранительной системы и носят локальный характер. Кроме этого вопрос о внедрение в работу следственных и оперативных органов ИИ или его элементов не может быть решен полностью по нескольким причинам.

Во-первых, не определен и четко не прописан в законодательстве статус ИИ, его определение и составляющие элементы.

---

[1] Кузьмин И.А. Искусственные нейронные сети: перспективы использования в правоохранительной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-neyronnye-seti-perspektivy-ispolzovaniya-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Гаджет для Жеглова // Российская газета [Интернет издание] URL: https://rg.ru/2020/10/18/bastrykin-rasskazal-ob-unikalnyh-ekspertizah-kriminalistov-skr.html. Дата обращения 29.10.2020.

[3] В Следственном комитет создали программу по поиску преступников на основе искусственного интеллекта // ТАСС [Интернет издание] URL: Дата обращения 29.10.2020.

Во-вторых, техническая оснащенность правоохранительных органов еще далека от совершенства. До сих пор имеются многие проблемы по межведомственному сотрудничеству и взаимодействию на основе которых невозможно полноценно изменить и преобразить существующие органы.

В-третьих, не подготовлены специальные кадры для данной работы и не создана должная структура.

Решить данные проблемные вопросы можно лишь преодолев правовую неопределенность вопросов, касающихся ИИ, а также разработкой и модернизацией информационного обеспечения правоохранительных органов, на что соответственно требуются большие денежные вложения, а также опытные специалисты.

Лишь только при ликвидации данных болезненных точек правоохранительной системы возможно будет говорить о трансформации работы органов правопорядка у нас в стране и соответствующем повышении эффективности следственных и оперативных органов.

Рыжкова В.А.
Научный руководитель: **Чекмезова Е.И.**

Проблемные аспекты уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости

Аннотация. Статья посвящена норме, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости. Автор рассматривает элементы данного состава преступления и выделяет основные недостатки законодательной конструкции. Кроме того, затрагивается вопрос об условиях освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 200.3 УК РФ.

Ключевые слова: долевое строительство, уголовная ответственность, привлечение денежных средств граждан, многоквартирный дом, застройщик.

Вопросы жилищного обеспечения представляют собой важнейшее направление государственного развития, поскольку потребность в жилище является одной из базовых. На сегодняшний день наиболее распространенным способом решения жилищного вопроса в российском государстве является долевое строительство, так как позволяет снижать социальную напряженность в обществе, увеличивать строительный сектор, и как следствие, улучшать экономику всей страны. В тоже время, отсутствие должного правового регулирования долевого строительства, несмотря на наличие отдельного федерального закона, привело к возникновению такого социального явления, как «обманутые дольщики», принявшего в настоящее время грандиозные масштабы и вышедшего за рамки региональных проблем.

Впервые проблема использования мошеннических действий в сфере долевого строительства возникла еще в 2003 году, когда большое количество граждан лишились возможности стать собственниками жилья по уже оплаченным инвестиционным договорам в связи с остановкой строительства жилых домов. Решением в тот период стало принятие специального федерального закона в сфере

долевого строительства (далее – Федеральный закон № 214)[1], который урегулировал вопросы привлечения денежных средств на строительство домов, а также закрепил меры защиты участников долевого строительства, в том числе устанавливая административную ответственность. Однако принятых мер оказалось недостаточно, на что указывало количество обманутых дольщиков, которое увеличивалось в геометрической прогрессии. Особенно обострилась исследуемая нами проблема в 2019 году, после того, как долевое строительство перешло на модель проектного финансирования [2] . Согласно данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на сентябрь 2019 год число недостроенных домов по сравнению с серединой года увеличилось в более чем в полтора раза и составило 3 203 дома[3]. В связи с ростом показателей злоупотребления в сфере долевого строительства на законодательном уровне было принято решение о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статьи 200.3, предусматривающей ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. В тоже время, анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о нестандартности рассматриваемого состава, что, в свою очередь, не позволяет сформировать единый вектор практики и приводит к возникновению различных правовых вопросов.

Одним из законодательных пробелов является отсутствие правовой определенности в вопросе требований по привлечению застройщиком денежных средств, нарушение которых может привести к уголовной ответственности. При изучении диспозиции исследуемой статьи, можно сделать вывод, что она является бланкетной, а именно, отсылает нас к статье 3 Федерального закона № 214, посвященной условиям, соблюдение которых предоставляет право застройщику привлекать средства дольщиков на создание объектов недвижимости, как правило, многоквартирных домов. Однако такие условия содержатся и в статье 3.2 упомянутого закона. В связи с этим возникает вопрос: является ли нарушение этих условий основанием для привлечения к уголовной ответственности по статье 200.3 УК РФ? Например, может возникнуть ситуация, при которой в отношении руководителя компании-застройщика ранее возбуждалось дело о банкротстве юридического лица, в результате чего он был подвергнут субсидиарной ответственности. Исходя из осмысления статьи, которая является логическим продолжением статьи 3 Федерального закона № 214, можно сделать вывод о положительном ответе на заданный нами вопрос. В тоже время, анализ судебной практики, позволяет говорить лишь о нескольких требованиях, нарушение которых судами расценивается как уголовно-наказуемое деяние. К таковым относится: отсутствие у застройщика документа, предоставляющего право на строительство многоквартирного дома, которое проявляется в различных формах. Например, Сафоновским районным судом Смоленской области был вынесен обвинительный

[1] Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

[2] Проектное финансирование предполагает собой способ осуществления строительства за счет собственных или заемных средств.

[3] Пичугина М.А. Квалификация преступлений, связанных с привлечением денежных средств граждан в рамках долевого строительства // Уголовное право. 2020. № 2. С. 73-85.

приговор в отношении генерального директора ООО «Строительное управление-5» Викторова Н.С., который осуществил привлечение денежных средств граждан на строительство второй очереди, обладая при этом разрешением только на строительство первой очереди[1]. Отсутствие государственной регистрации договора долевого участия при привлечении денежных средств граждан также является распространенным основанием для привлечения к уголовной ответственности. Так, в нарушение требований законодательства ООО «ГТ-ТЭС «Трубино» привлекало денежные средства граждан до государственной регистрации договоров долевого участия, чем причинен имущественный вред гражданину[2]. Еще одним частым основанием в судебной практике можно назвать замену договора участия в долевом строительстве на иной договор, например, договор купли-продажи, беспроцентного займа и др. Рассмотрим пример. Ануров А.И., действуя в качестве Директора ООО «СК Стратегия» для достижения цели созданного им Общества решил осуществить строительство многоквартирного жилого дома. В определенный период времени он привлекал в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов денежные средства граждан для строительства 54-квартирного пятиэтажного жилого дома на земельном участке путем заключения с ними договоров процентного займа и соглашений о намерениях в будущем заключить основной договор долевого участия в строительстве после получения разрешения на строительство. Таким образом, Ануров А.И., являясь единственным участником и директором ООО «СК Стратегия», привлек денежные средства граждан в размере 56 960 728 рублей для строительства в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов недвижимости в особо крупном размере[3].

Отсутствие единообразного подхода к пониманию требований, предоставляющих право на привлечение денежных средств дольщиков, является причиной еще одной проблемы – разграничение мошенничества (ст. 159 УК РФ) и незаконное привлечение денежных средств граждан в долевое строительство (200.3 УК РФ). Исследование текстов приговоров показало, что при разграничении данных составов суды опираются на текст пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[4], содержащий следующие критерии, указывающие на наличие умысла о совершении мошенничества, возникающего до у лица до получения чужого имущества или права на него: использование поддельных документов, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение

[1] Приговор Сафоновского районного суда Смоленской области от 30.08.2019 по делу № 1-26/2019. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/eGoPQus7YS1z/?regular-txt=&regular-case_doc=1-26%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=% &regular-judge=&_=1607582942729. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Постановление президиума Московского областного суда от 11.06.2019 № 268 по делу № 44га-158/19.

[3] Приговор Раменского городского суда Московской области от 09.04.2019 № 1-124/2019. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/m8nq357sp9HR/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-124%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court&regular-judge=&_=1607581682204. Дата обращения: 24.10.2020.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // БВС РФ. 2018. № 2.

полученного имущества в личных целях. При этом, основным условием для квалификации деяния по ст. 159 УК РФ является наличие доказательств, свидетельствующих о заведомом отсутствии у застройщика реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора. Иными словами, действия застройщика, по мнению, суда следует квалифицировать как мошенничество в любом случае, если привлечение денежных средств граждан было произведено, например, до получения разрешения на строительство. Например, по мнению Верховного Суда Республики Башкортостан, действия застройщика, завершившего строительство многоквартирного дома, но не имеющегося возможности ввести его в эксплуатацию из-за отсутствия разрешения на строительство, подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, так как лицо не намеревалось исполнять свои обязанности, а строительство производилось для видимости [1]. На какие средства застройщик возводил этот дом? И что делать, если разрешение было получено в процессе строительства? На наш взгляд, действия этого застройщика следует квалифицировать по ст. 200.3 УК РФ.

В связи с этим, считаем необходимым в ч. 1 ст. 200.3 УК РФ закрепить закрытый перечень тех требований, предоставляющих застройщику право привлекать денежные средства дольщиков, нарушение которых будет являться основанием привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, необходимо разъяснить критерии разграничения мошенничества и неправмерного привлечения денежных средств граждан по договору долегового участия с учетом тех ситуаций, которые был рассмотрены нами выше.

Еще одним недостатком конструкции ст. 200.3 УК РФ является несоответствие положений уголовного закона и Федерального закона № 214. Анализ текса пояснительной записки к законопроекту, вводящему в УК РФ новую статью, позволяет рассматривать в качестве лица, подлежащего ответственности за неправомерное привлечение денежных средств долщиков, застройщика [2]. В тоже время, ст. 2 Федерального закона № 214 под застройщиком подразумевает юридическое лицо, что прямо противоречит уголовному закону. Конечно, никто из представителей правоохранительных органов не будет возбуждать уголовное дело в отношении юридического лица, в тоже время, нарушение правил юридической техники уже указывает на несовершенство правового регулирования в исследуемой области.

Неоднозначным является вопрос об определении вида рассматриваемого состава преступления. Исходя из буквального толкования нормы, уголовно-наказуемые деяния, предусмотренные ст. 200.3 УК РФ, считаются оконченными с момента перечисления на счет эскроу застройщика привлеченных денежных средств дольщиков. Из этого следует, что после получения привлеченных денежных средств, нарушение застройщиком требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости не могут быть расценены как уголовно-наказуемые. Такое положение

[1] Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 15.02.2017 по делу № 22-627/2017(22-12558/2016).

[2] Цит. по: Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Уголовно-правовые средства охраны прав граждан - участников долевого строительства многоквартирных домов (ст. 200.3 УК РФ) // Российский следователь. 2018. № 3. С. 62-66.

закона не позволяет говорить о какой-либо защите интересов граждан, инвестировавших свои денежные средства в строительство многоквартирного дома.

Еще одним законодательным пробелом видится отсутствие ясности в формулировке «привлечение денежных средств граждан». Следует ли правоприменителю учитывать обязательный количественный признак потерпевших, т. е. вести речь о двух и более граждан? Следует ли придавать данной формулировке расширительное толкование и включать в перечень потерпевших юридические лица и публичные образования? Внесение ясности в данные вопросы представляется важным, поскольку это прямо влияет на квалификацию преступления.

Вызывает определенные вопросы наличие признака причинения крупного размера. В соответствии с примечанием к ст. 200.3 УК РФ под крупным размером признается сумма, превышающая три миллиона рублей. Сложность состоит в том, что в настоящее время отсутствуют разъяснения относительно того, о какой именно сумме идет речь: об общей сумме привлеченных для строительства денежных средств граждан или о цене конкретного договора долевого участия? Считаем верной позицию, согласно которой в качестве крупного размера необходимо рассматривать совокупную сумму всех договоров долевого участия, поскольку невсегда цена одного объекта недвижимости составляет три миллиона рублей. В результате чего оснований для привлечения застройщика к уголовной ответственности не имеется. Так, средняя стоимость однокомнатной квартиры по договору долевого участия в Омской области по состоянию на октябрь 2020 год составляет 1 975 055 рублей. В связи с этим, представляется правильным исключение их состава признака крупного размера, и, в свою очередь, увеличение порога особо крупного размера, что будет способствовать обеспечению защиты прав всех граждан-участников долевого строительства многоквартирных домов.

Также следует обратить внимание на примечание к исследуемой статье. Во-первых, законодатель не предусмотрел значимое, на наш взгляд, условие освобождения от уголовной ответственности – отсутствие в деяниях признаков иного состава преступления, например, злоупотребления полномочиями. Во-вторых, применение глагола «возмещать» требует уточнения о том, что речь идет не только о сумме привлеченных денежных средств, но и сумме процентов за пользование чужими денежными средствами.

Таким образом, анализ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неправомерное привлечение денежных средств граждан в долевое строительство объектов недвижимости, позволяет говорить о ее несовершенстве, как с точки зрения конструкции, так и выполнения задач по обеспечению единообразного применения законодательства в соответствующей области. В связи с этим, разрешение перечисленных в работе проблем будет способствовать повышению эффективности уголовно-правового механизма защиты прав граждан – участников долевого строительства объектов недвижимости.

Сергиенко Ю.А.
Научный руководитель: **Короткова О.В.**

Похищение человека: проблемы уголовно-правовой квалификации

Аннотация. В данной статье предпринята попытка анализировать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Рассматриваются различные подходы к

пониманию права человека на свободу. Приведена статистика преступлений, объектом которых является свобода человека. Анализируется судебная практика в сопоставлении с конструкцией состава преступления. В рамках исследования подчеркнута важность правильного выделения элементов объективной стороны преступного деяния и установления его цели в процессе квалификации.

Ключевые слова: свобода человека, похищение, захват, перемещение, удержание, момент окончания преступления.

Статья 22 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. Нормативное содержание этого права можно раскрыть с различных сторон, опираясь на подходы разного рода. В юридической литературе существует мнение, что право на свободу и личную неприкосновенность включает только свободу гражданина от произвольных арестов и содержания под стражей. При обосновании этой позиции часто акцентируется внимание на положениях международных актов. Например, ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Эти нормы, упоминая о свободе и личной неприкосновенности, уделяют особое внимание аресту и содержанию под стражей. Но такое толкование сущности рассматриваемого права является до крайности узким и не позволяет в полной мере раскрыть границы этой обширной категории.

Можно проанализировать содержание права на свободу с позиции сфер как биологической, так и социальной жизни, таким образом, трактуя его довольно широко. Тогда право на свободу расценивается как совокупность правомочий, которые могут претвориться в жизнь в различных ее сферах. Например, свобода слова и свобода мысли в политической сфере или же свобода творчества и труда в профессиональной сфере жизни. В сфере личной жизни – свобода осуществления самостоятельно выбранных действий, выбора места пребывания, передвижения. Отметим, что понятие свободы – это в первую очередь философская категория. «Свобода есть благо, обладание которым приносит меньше удовольствия, чем его потеря – страданий», – писал Жан-Поль Сартр. Заметим, что в философии часто рассматривается такая форма представления и выражения свободы как идеальная или внутренняя, которая существует в воображении, сознании человека. Но юридические подходы к определению понятия «свобода» находятся в строгих пределах правового поля ее реализации и отражают лишь внешнюю составляющую личной свободы.

Поэтому «свобода» здесь трактуется как способность человека к активной деятельности в соответствии со своими решениями, желаниями, планами и интересами, в ходе которой он добивается поставленных перед собой целей. Практическая реализация внутренней свободы личности осуществляется благодаря объективной возможности, или внешней свободе [1]. М.Ю. Буряк указывает, что личную свободу образует физическая составляющая, представляющая собой возможность личности определять, выбирать по своему усмотрению местопребывание, и поведенческая, исключающая психическое или физическое принуждение[2].

[1] Коваленко В.И. Философско-правовые аспекты свободы личности // Философия права. 2016. № 6. С. 248.

[2] Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: Криминологические и уголовно-правовые аспекты. Вл., 2008. С. 246.

Провозглашая существование того или иного права, государство автоматически возлагает на себя обязанность его защищать. Общественные отношения, появляющиеся в результате реализации человеком гарантированного права на свободу, являются одним из объектов уголовно-правовой охраны. Раздел VII Уголовного Кодекса Российской Федерации содержит главу 17, где описываются составы общественно опасных деяний, посягающих на такие блага, принадлежащие каждому от рождения, как свобода, честь и достоинство личности.

Право человека на свободу, как и на другие основные права, есть специфический барьер, который не может быть разрушен по собственному волеизъявлению какой-либо ветвью власти или окружающими лицами. Но преступления против личной свободы совершаются, тем самым нарушая нормальные условия развития личности и общества в целом. Так, в декабре 2019 года судья Сергей Зеленин на пленуме Верховного суда Российской Федерации объявил, что более тысячи человек за полтора года осуждены в России за похищение и торговлю людьми. В 2018 году в России по этой категории преступлений осуждено 735 человек, за первые шесть месяцев 2019 года – 335[1].

Похищения нередко становятся частью историй о пропажах без вести лиц, в частности детей, которые не доходят до дома не из-за невнимательности или неосторожности. 28 сентября 7-летний Савелий Роговцев вышел из школьного автобуса в поселке Горки Камешковского района Владимирской области на остановку, от которой до дома ему оставалось пройти 300 метров. Но с тех пор местонахождение мальчика неизвестно. Сотрудники полиции, следственного комитета, МЧС и поисковики вели круглосуточные работы по поиску пропавшего ребенка. В ходе расследования уголовного дела были использованы служебные собаки, произведены осмотры более 150 строений в поселке и на прилегающей территории, допрошено более 250 человек, осушены искусственные водоемы и колодцы. Несмотря на то, что было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего), следователи также рассматривают версию о похищении[2]. На данный момент МВД России объявило вознаграждение в 1 млн. руб. за помощь в розыске Савелия. Под личный контроль дело взял глава Следственного комитета Александр Бастрыкин. Расследование уголовного дела и установление всех обстоятельств исчезновения мальчика продолжаются.

Несмотря на небольшую долю похищений человека в общем объеме преступных деяний, необходимо бороться с данным видом преступности. Любое похищение травмирует психику потерпевших, оставляя долго незаживающую психологическую травму у похищенного и вызывая длительные моральные страдания у родственников и друзей. И здесь мы подходим к необходимости правильной и точной квалификации, которая позволяет привлечь совершившее преступление лицо к уголовной ответственности в соответствии с требованием, содержанием уголовного закона.

Общим для приведенных выше взглядов на понятие «свобода» в уголовном праве является аспект неразрывной связи категории «свобода» с возможностью индивида самому определять место своего нахождения, передвигаться в любых направлениях, что исключает какое бы то ни было внешнее принудительное воздействие на него,

[1] РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20191210/1562202345.html. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Время33. [Электронный ресурс] URL: https://time33.ru/news/2020/10/05/2639-uzhe-nedelyu-vo-vladimirskoj-oblasti-ischut-propavshego-pervoklassnika. Дата обращения: 26.10.2020.

дает возможность выбора. Именно в таком направлении следует понимать непосредственный основной объект преступления, предусмотренного ст. 126 УК. В качестве дополнительного объекта здесь могут выступать жизнь и здоровье человека.

А далее возникает проблема. Сама диспозиция уголовно-правовой нормы ст. 126 УК, являясь простой, создает поле для возникновения противоречивых точек зрения. Дело в том, что она содержит указание на преступное деяние, не раскрывая его признаков. По смыслу к таким диспозициям обращаются в случае очевидности содержания используемого понятийного аппарата, когда дополнительного разъяснения от законодателя не требуется. Но содержание диспозиции не так очевидно, как кажется на первый взгляд.

Данное обстоятельство являлось источником противоречивых толкований понятия «похищение» как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Так, часть представителей уголовно-правовой науки относила к объективной стороне похищения захват человека, его перемещение и последующее удержание. Другие – только первые два действия. Например, С.М. Кочои указывает, что объективная сторона преступления выражается в действиях по завладению человеком, перемещению человека (вопреки его воле) тайно, открыто, путем обмана или злоупотребления доверием из одного места в другое[1]. Т.Ю. Орешкина пишет, что удержание человека является не действием, а целью совершения преступления, предусмотренного ст. 126 УК[2]. Л.В. Иногамова-Хегай не считает удержание целью, преследуемой при похищении человека, но признает его в качестве имманентно присущего захвату и перемещению свойства объективной стороны состава преступления[3].

Верховный Суд РФ до недавнего времени не давал четкого разъяснения «очевидной» диспозиции статьи 126 УК и не реагировал на возникшие споры. Более того он принимал позиции, которые имели двоякий смысл. Весьма наглядным является часто приводимый пример – постановление Президиума Верховного Суда РФ п 207п2000 от 17 мая 2000 по делу Абдуллина А.Р. [4] В тексте одного постановления Суд, давая толкование понятию «похищение» в мотивировочной части акта, сначала отнес к объективной стороне преступного деяния три действия - захват, перемещение, удержание. Затем удержание было исключено из объективной стороны и было отмечено, что основным моментом похищения является захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте. Таким образом, удержание рассматривалось как цель, к достижению которой стремится виновный при совершении первых двух действий.

Поэтому долго время ориентир в виде определенного толкования содержания ст. 126 УК отсутствовал, что породило неоднозначную судебную практику. Правоприменители занимали одну из двух позиций, нередко смешивая их и относя составляющие похищения то к объективной, то к субъективной стороне. Например, в Постановлении Московского городского суда от 25 декабря 2015 г. к объективной

[1] Кочои С.М. Уголовное право. Общая и особенная части. Краткий курс. М., 2009. С. 447.
[2] Орешкина Т.Ю. Похищение человека и незаконное лишение свободы // Проспект. 2010. С. 307.
[3] Иногамова-Хегай Л.В. Современные проблемы политики противодействия преступлениям против физической свободы личности // Материалы VI Междунар. науч.-практ. Конф. Краснодар. 2015. С. 71.
[4] Постановление Президиума Верховного суда по делу № 207п2000 от 17.05.2000. [Электронный ресурс] URL: https://zakonbase.ru/content/base/53663/. Дата обращения: 27.10.2020.

стороне похищения отнесены все три действия[1]. А в Приговоре Нижегородского областного суда от 23 августа 2019 г.[2] сначала указывается, что под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, связанные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте. А следующее предложение таково - «Основным признаком объективной стороны данного преступления является изъятие и перемещение потерпевшего с целью последующего удержания в другом месте».

Но каждый должен понимать, что четкое и однозначное выделение обязательных признаков объективной стороны похищения имеет важное практическое значение. От этого зависит определение момента окончания общественно опасного деяния и, следовательно, решение вопросов соучастия в преступлении и отграничения ст. 126 УК от других составов.

В декабре 2019 года было утверждено Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»[3] (далее по тексту – Постановление). Документ дает определенные разъяснения составов перечисленных преступлений, стремится разграничить их, ответить на сложные вопросы, возникающие при квалификации данных деяний. Думается, что Верховный Суд, разрабатывая соответствующие положения, ставил перед собой цель - положить конец имеющемуся в науке и практике спору в отношении толкования понятия «похищение», а, следовательно, создать основу для формирования единообразной практики у судов.

Рассмотрим объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК в соответствии с разъяснением пленума. Из п. 2 Постановления следует, что по смыслу уголовного закона под похищением человека необходимо понимать совокупность трех самостоятельных действий: захват, т.е. установление физического господства над потерпевшим, применение силовых методов воздействия, результатом которых служит либо подчинение похитителю, либо ослабление сопротивления; перемещение, т.е. противоправное доставление потерпевшего в любое место по усмотрению виновного с целью последующего удержания; удержание, т.е. целенаправленные действия по насильственному противостоянию потерпевшему покинуть место, в котором он пребывает[4]. Любое из них совершается при отсутствии воли похищаемого, когда способность лица руководить своими действиями отсутствует ввиду применения со стороны похитителей угроз, насилия, использования беспомощного состояния и др. Также итоговый текст Постановления содержит ссылку на то, что, похищение человека может быть совершено и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания, открыто либо тайно (незаметно для

---

[1] Постановление по делу N 4у-6681/2015 от 25.12.2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=970283#019014815362282778. Дата обращения: 27.10.2020.

[2] Приговор по делу № 2- 26/2019 от 23 августа 2019 г. [Электронный ресурс] URL://sudact.ru/regular/doc/8OYMDDcopolx/. Дата обращения: 27.10.2020.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда от 24.12.2019 N 58 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // БВС РФ. 2019. № 12.

[4] Шестало С.С. Похищение человека. [Электронный ресурс] URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fbdb5e8eb268dd7d0bd2dc4e63ac9ac2d33c7cde. Дата обращения: 28.10.2020.

окружающих). Притягивает внимание указание, что похищение человека считается оконченным с момента захвата и начала перемещения потерпевшего. Если же перемещение было осуществлено лицом самостоятельно вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось.

Постановление затрагивает еще множество аспектов. Но перечисленных положений достаточно для того, чтобы возникли определенные вопросы.

Во-первых, что касается действий, входящих в состав объективной стороны. Представляет интерес тот факт, что в первоначальном проекте указанного Постановления похищение было определено как захват и перемещение человека в другое место, совершенные против или помимо его воли и направленные на незаконное удержание потерпевшего[1]. При такой формулировке удержание являлось не элементом объективной стороны, а частью субъективной составляющей состава, и представлялось целью, к достижению которой стремится виновный при совершении преступного деяния. Почему разработчики проекта Постановления в окончательном его варианте включили удержание в состав объективной стороны, остается непонятным.

В тексте Постановления нашел свое отражение один из теоретических подходов касательно действий, относящихся к объективной стороне похищения. Но правильный ли подход был избран Верховным судом? Можно ли согласиться с включением в объективную сторону состава похищения человека такого действия как удержание? Непосредственному объекту преступления – личной свободе – вред причиняется уже при захвате и начале перемещения потерпевшего. Поэтому после осуществления этих двух действий похищение является оконченным. А последующее удержание или его отсутствие на квалификацию преступного деяния не будет оказывать влияние. Не логичнее ли отнести рассматриваемое действие к цели совершения преступления, которую стремится достигнуть преступник по определенным мотивам? Последствием такого подхода будет облегчение разграничения состава похищения от составов других насильственных преступлений, связанных с захватом и перемещением человека. Например, если они были направлены не на удержание потерпевшего в каком-либо месте, а на его убийство, содеянное будет квалифицироваться по необходимой части статьи 105 УК РФ.

Такое понимание объективной стороны не препятствовало бы отнесению похищения к длящимся преступлениям, так как с момента начала перемещения потерпевшего осуществляется непрерывное посягательство на объект уголовно-правовой охраны (личную свободу). Этот момент и будет являться юридическим моментом окончания общественно опасного деяния. Но сам процесс совершения преступления продолжается до неопределенного времени – фактического окончания (когда физическая свобода лица перестает ограничиваться). До этого момента будет допустимо соучастие в преступлении. На наш взгляд авторы постановления включили в состав объективной стороны удержание с той целью, чтобы действия лиц, которые не захватывали и не перемещали потерпевшего, но при этом удерживали его по предварительной договоренности, квалифицировались как соисполнительство (о чем говорит п. 7 Постановления, который требует, чтобы соисполнитель совершил

[1] Адвокатская газета. [Электронный ресурс] URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/vs-vpervye-dal-razyasneniya-po-delam-o-pokhishchenii-cheloveka-nezakonnom-lishenii-svobody-i-torgovle-lyudmi/. Дата обращения: 28.10.2020.

отдельное действие, входящее в объективную сторону). Но можно было пойти по иному пути и говорить, что если по некой договоренности между соучастниками непосредственный захват и начало перемещения реализовывал один из них, а другие в соответствии с разделением ролей выполняли согласованные действия, направленные на оказание содействия исполнителю в совершении общественно опасного деяния и достижению его целей (например, подстраховывали от возможного обнаружения совершаемого преступления, осуществляли ограничение свободы путем удержания потерпевшего в месте, куда его доставили и др.), то содеянное ими являлось бы соисполнительством. Это позволяло бы рассматривать удержание за пределами объективной стороны, что представляется более правильным.

Во-вторых, некоторая неясность в отношении разграничения ст. 126 и 127 УК РФ вытекает из содержания абз. 2 п. 2 Постановления и заключается в вопросе квалификации удержания потерпевшего, когда перемещение было осуществлено самим лицом в соответствующее место вследствие его обмана или злоупотребления доверием. Из разъяснений следует, что если лицо изначально находится в месте, где в последующем будет ограничена его возможность определять место своего нахождения, передвигаться в любых направлениях, действия виновного будут квалифицированы по ст. 127 УК РФ, а в случае, когда введенный в заблуждение потерпевший самостоятельно прибывает в указанное место, виновный будет привлечен к ответственности по ст. 126 УК РФ. Верной представляется позиция О.В. Костылевой, которая считает правильным относить к ст. 126 УК РФ только тот случай, когда под влиянием обмана или заблуждения потерпевший самостоятельно, но при контроле похитителей перемещается в место насильственного удержания. Такой аспект внешнего контроля со стороны виновных лиц позволяет выявить в их действиях наличие умысла именно на похищение человека[1].

Таким образом, похищение человека относится к преступлениям против свободы, чести и достоинства личности. Общественная опасность этого деяния заключается в том, что в результате его совершения потерпевший изымается из привычной ему социальной среды, утрачивает возможность беспрепятственного перемещения, выбора по своей воле места нахождения или временного пребывания, тем самым лишаясь возможности распоряжаться своими неотъемлемыми правами.

Эффективность правоприменительной деятельности во многом зависит от понимания соответствующим субъектом содержания, смысла, цели применяемой нормы. Несмотря на отсутствие описания признаков состава, предусмотренного ст. 126 УК, должны предприниматься определенные попытки эти признаки выделить и раскрыть. Но уяснению и дальнейшему разъяснению сущности уголовно-правовой нормы должен предшествовать детальный анализ ее содержания, сложившейся практики, анализ и конкретизация деяний, отражающих объективную сторону преступления. Результаты такой скрупулезной работы позволят выявить четкие критерии разграничения элементов состава между собой, не будут порождать еще большую область для противоречий. С учетом изложенного можно заключить, что вопрос «Устранил Верховный Суд проблему толкования ст. 126 УК РФ в Постановлении № 58 или же нет?» остается дискуссионным.

[1] Костылева О.В. Похищение человека (ст. 126 УК РФ): сложности толкования и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2020. № 4. С. 36–43.

Сорокин Д.А., Петринский И.О.
Научный руководитель: **Мозговой О.А.**

Проблема введения категории "Уголовный проступок" в уголовное законодательство Российской Федерации

Аннотация. В наше время вопросы реализации принципа справедливости наказания и гуманизации уголовного закона остаются актуальными. В таких условиях, логичным видится применение в теории и практике уголовного права такого правового института, как «уголовный проступок», схожий по своей юридической природе с преступлением, но обладающий меньшей степенью общественной опасности. По нашему мнению, введение данного понятия в нормы уголовного законодательства окажет позитивное влияние на дифференциацию мер уголовного наказания.

Необходимость соответствующих изменений на протяжении многих лет является поводом научных дискуссий и обсуждений. Поэтому предложение Пленумом Верховного суда РФ в Государственную Думу РФ законопроекта о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, реализуя тем самым концепцию совершенствования правосудия, которая предусматривает систему взаимосвязанных мер, объединенных общей целью – обеспечить эффективную судебную защиту прав граждан, как потерпевших, так и подозреваемых и обвиняемых, интересов общества и государства.

Ключевые слова: уголовный проступок, законопроект, уголовный закон, общественная опасность преступления, изменения законодательства, уголовные правонарушения.

Одной из самых актуальных и особо обсуждаемых проблем современного уголовного права России с начала двадцать первого столетия является тема гуманизации уголовного права, декриминализации некоторых преступных деяний и снижение меры наказания за определенные категории преступлений.

13 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации представил законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка[1].

Впервые Пленум Верховного Суда РФ внес подобное предложение на рассмотрение Государственной Думы РФ в октябре 2017 года[2], однако предлагаемый закон не прошел ни одного чтения[3].

Тогда против проекта закона выступили некоторые министры, отметив, что отдельные его положения противоречат статье 52 Конституции РФ, призванной обеспечить защиту прав потерпевших и таким образом не принимают во внимание

[1] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 [Электронный ресурс]. — URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf. Дата обращения: 30.10.2020 г.

[2] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/71701448. Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Землюков С.В., Коренная А.А Введение понятия уголовного проступка в уголовном кодексе Российской Федерации и уголовно-впроцессуальном кодексе Российской Федерации // Известия АлтГУ. 2018. № 3 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-ponyatiya-ugolovnogo-prostupka-v-ugolovnom-kodekse-rossiyskoy-federatsii-i-ugolovnoprotsessualnom-kodekse-rossiyskoy. Дата обращения: 30.10.2020.

интересы потерпевшей стороны, которой причиняется вред даже при совершении уголовного проступка.

Проведя анализ истории российского уголовного законодательства, можно сделать вывод о том, что понятие уголовного проступка использовалось достаточно давно и часто. К тому же правовые нормы, предусматривающие указанную уголовно-правовую категорию, существовали с начала XVIII века и до самого XIX века.

Тема разграничения преступлений и проступков была поднята еще в науке и практике уголовного права Российской империи. Так, понятия «преступление» и «проступок» уже существовали во времена Петра Великого.

В дореволюционный период категория уголовного проступка была обозначена в Своде законов Российской империи 1832 года. Согласно статье 1 Свода преступление понималось как всякое деяние, которое запрещено законом под страхом наказания, а в соответствии со статьей 2 малозначительным преступлением и проступком признавались деяния, которые запрещены под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления[1].

В принятом в 1845 году Уложении «Наказаниях уголовных и исправительных» тоже содержались понятия преступления и проступка[2].

Дореволюционный уголовный закон разделял преступления на основании их степени тяжести и меры наказания. Так, среди трех групп преступлений числился и уголовный проступок[3].

Необходимо отметить, что советское уголовное право не предусматривало выделения такой группы общественно опасных деяний как уголовные проступки.

В наше время обсуждение вопроса данной категории правонарушений ведется такими российскими учеными, как Р.М. Акутаев, С.В. Максимов, Е.В. Рогова, В.Ф. Цепелев, Б.Т. Разгильдиев, Б.Я. Гаврилов, С.А. Якушкин[4] и др.

Современные научные деятели придерживаются в основном двух различных позиций по поводу введения категории уголовного проступка в российское право[5].

В соответствии с одним направлением научной мысли уголовный проступок является одним из видов преступления. В таком случае все общественно опасные деяния можно разделить на три группы: особо тяжкие преступления, преступления и уголовные проступки. При этом при совершении лицом преступлений первых двух групп к нему применялись бы меры уголовного наказания, а при совершении проступка в дополнении использовалось бы также общественное воздействие[6].

---

[1] Рогова Е.В. Уголовный проступок в истории отечественного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-v-istorii-otechestvennogo-zakonodatelstva. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://lawbook. online/istoriya-prava/ulojenie-nakazaniyah-ugolovnyihispravitelnyih-28082.html. Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г., 1922 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.twirpx.com/ file/234494. Дата обращения: 30.10.2020.

[4] Якушкин С.А. Уголовный проступок в уголовном праве РФ // Бюллетень науки и практики. 2019. №8. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-v-ugolovnom-prave-rf. Дата обращения: 30.10.2020.

[5] Агеев А.А. О необходимости введения понятия "уголовный проступок" // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vvedeniya-ponyatiya-ugolovnyy-prostupok. Дата обращения: 30.10.2020.

[6] Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. [Электронный ресурс] URL:

Г.А. Кригер понимал понятие уголовного проступка по-своему. Он отмечал, что в определении проступка следует подчеркнуть, что такое деяние посягает на социалистические общественные отношения, но не причиняет им значительного ущерба, как делает, в противовес, преступление. В связи с этим проступок имеет более низкую общественную опасность[1].

Так, В. П. Божьев говорит о том, что правовая природа уголовного проступка состоит в том, что он является видом преступления, поэтому его необходимо включить в нормы действующего Уголовного кодекса РФ[2].

Иной позиции придерживается С.В, Максимов, считая, что следует принять отдельный Кодекс уголовных проступков, который совместно с Уголовным кодексом РФ составит систему норм уголовного права[3].

Есть и иное мнение, в соответствии с которым уголовный проступок признается непреступным деянием, соответственно за него могут быть применены только меры административного наказания или общественного воздействия[4].

Стоит отметить, что идею введения категории уголовного проступка поддерживают не все ученые. К примеру, И.М. Гальперин говорил о том, что внесение уголовного проступка в нормы уголовного права лишь изменит терминологическую составляющую положений закона[5].

В итоге, на сегодняшний день вопросы, касающиеся уголовного проступка, не решены в полной мере и требуют дальнейшего изучения.

На наш взгляд, если уголовный приступок считать одним из видов преступных деяний с меньшей степенью общественной опасности по сравнению с преступлениями, то необходимо предусмотреть за его совершение следующие наказания: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест.

Также считаем, что закрепление в уголовном законодательстве понятия уголовного проступка разрешит проблему практического применения части 2 статьи 14 УК РФ. Однако, она создает неоднозначное понимание ее значения как в науке, так и в практике. Коллизия состоит в том, что на основании данного положения деяние, которое формально содержит признаки преступления, требует реакции с позиции государственных правоохранительных органов, однако в силу малозначительности не представляет общественной опасности[6]. На основании этого должностные лица органов предварительного расследования, прокуроры и судьи вправе решать вопрос о

---

https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-v-strukture-ugolovnogo-zakona-proshloe nastoyaschee-buduschee. Дата обращения: 30.10.2020.

[1] Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия Право. 1979. № 2. С. 12.

[2] Гаврилов Б.Я., Божьев В.П. К вопросу о возвращении уголовного проступка в российское право // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozvraschenii-ugolovnogo-prostupka-v-rossiyskoe-pravo. Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Максимов С.В. и др. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / под общ. ред. С.В. Максимова. М., 2014. С. 123-124.

[4] Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2. С. 14-15.

[5] Гальперин И.М. Социальные и иные основы депенализации // Советское государство и право. 1980. № 33. С. 66.

[6] Блинов А.Г., Герасимов А.М. Уголовный проступок и его природа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-i-ego-priroda. Дата обращения: 30.10.2020.

возбуждении или прекращении уголовного дела по своему усмотрению. Однако совершенное деяние, тем не менее, содержит в себе признаки общественной опасности, хоть и несущественные. С одной стороны, они граничат с административными правонарушениями, с другой – не достигают границы уголовной ответственности. В связи с этим и возникают вопросы по поводу толкования рассматриваемого положения уголовного закона.

Интересным также представляется мнение Б.Т. Разгильдиева, который не согласен с классическим пониманием понятия общественной опасности. Он говорит о том, что характер общественной опасности преступного деяния состоит в качестве вреда, причиненного правонарушением. Поэтому степень общественной опасности является готовностью лица совершать новые преступления. Б.Т. Разгильдиев предлагает закрепить за уголовными проступками свое содержание как деяния с невысоким характером и слабо выраженной степенью общественной опасности[1].

Предложенная ученым теория кажется современной и перспективной, однако не можем согласиться с позицией теоретика о том, что существуют некоторые непреступные деяния с малыми свойствами общественной опасности.

Таким образом, можно рассматривать уголовный проступок как особый вид уголовного правонарушения, который отличается от административных правонарушений и уголовных преступлений как таковых, обладая при этом совокупностью качеств, характерных для каждой из этих категорий, при этом не обладая достаточным набором признаков, благодаря которым данный правовой институт можно было бы отнести к административным правонарушениям.

Проект Пленума Верховного Суда РФ о внесении изменений в законодательство как нельзя кстати вписывается в рамки реформирования и уголовного, и административного законодательства.

Так, Верховный Суд РФ предлагает ввести понятие уголовного проступка в нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства и отнести к категории проступка 112 составов преступлений, среди которых есть преступления небольшой и средней тяжести.

Данные деяния будут считаться уголовными проступками, если они совершены лицом впервые. То есть на момент совершения у лица не было неснятой или непогашенной судимости, а также не было освобождения от уголовной ответственности за проступок в течение года до совершения этого деяния.

Кроме того, согласно законопроекту, к уголовным проступкам не будут отнесены умышленное причинение легкого вреда здоровью, преступления против военной службы, а также налоговые преступления, если в статье УК РФ об ответственности за их совершение есть указание на возможность освобождения от уголовной ответственности при условии возмещения вреда.

Авторы проекта указывают на то, что уголовный проступок содержит все признаки преступления, однако отличается от него тем, что его опасность для общества и государства минимальна. Поэтому к лицу, которое его совершило, можно применить другие правовые меры уголовного характера, которые не будут отнесены к уголовному наказанию.

Так, если лицо освобождается от уголовной ответственности за совершение проступка и к нему не применяются меры уголовного наказания, однако он не

[1] Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 214–224.

осознает проявленную к нему гуманность или уклоняется от иной предусмотренной меры воздействия, она будет изменена на уголовное наказание.

Также при уклонении лица от ответственности проект предусматривает приостановление течения сроков давности уголовной ответственности.

По мнению председателя Верховного Суда РФ включение уголовного проступка в нормы уголовного закона способствует укреплению гарантий справедливости и повысит эффективность предупреждения преступлений[1].

В новом проекте 2020 года Верховный Суд РФ учел мнение правительства относительного первого варианта законопроекта и уделил должное внимание вопросу защите прав потерпевших от уголовного проступка[2]. Так, потерпевшим также будет предоставлено право предъявить гражданский иск о возмещении причиненного преступлением имущественного вреда и компенсации морального вреда.

Представители Министерства юстиции РФ оценили проект как актуальный, но требующий доработки. Это же отметил и заместитель генерального прокурора Виктор Гринь, обратив внимание на то, что прокуратура поддерживает идею гуманизации уголовного закона, однако опасается того, что изменения положений действующего законодательства может привести к правовым коллизиям и конкуренции норм. В доказательство своей позиции, он назвал возможность конкуренции нового основания для освобождения от ответственности с уже действующими – к примеру, с примирением сторон[3].

В целом реакция на законопроект Верховного Суда РФ со стороны теоретиков и практиков положительная, однако не все согласны именно с такой интерпретацией категории уголовного проступка, количеству включаемых в него составов и порядком освобождения от уголовной ответственности.

Тем не менее, слово остается за Государственной Думой РФ, которая в ближайшее время рассмотрит предложенный проект и примет соответствующее решение. Возможно, сферу уголовного права ждут серьезные изменения.

Считаем, что уголовный проступок все же следует признать отдельным видом уголовного правонарушения, что позволит не применять к лицу уголовное наказание.

На наш взгляд, признаки уголовного проступка должны определяться и устанавливаться судом в форме постановления. Придерживаясь мнения Пленума Верховного Суда РФ, полагаем, что эффективным выступит увеличение перечня иных мер уголовно-правового характера, которые можно будет применять к правонарушителю за совершение уголовного проступка. Кроме того, статус лица, допустившего проступок не должен быть приравнен к правовому положению лица, совершившего преступление. Проступок должен исключать судимость и все соответствующие последствия судимости.

Предложенное Верховным Судом РФ понятие уголовного проступка соответствует общественным и политико-правовым реалиям нашего времени, способствует развитию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также перспективно скажется на практическом применении норм УК РФ.

---

[1] Лебедев В. О новой версии уголовного проступка. [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.ru/news/226540. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Вараксин М. Законопроект от Пленума ВС: кто и как избежит судимости. [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.ru/story/226510/?desc_chrono_9_3. Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Предприниматели смогут избежать судимости: уголовный проступок дополнили экономическим составом. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.buhgalteria.ru/article/predprinimateli-smogut-izbezhat-sudimosti-ugolovnyy-prostupok-dopolnili-ekonomicheskim-sostavom. Дата обращения: 30.10.2020.

Федосеева Е.А.
Научный руководитель: **Савинский А.В.**

Статья 205.2 УК РФ: проблемы определения объективной стороны состава преступления и возможные пути их решения

Аннотация. В статье представлен анализ объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ. Выявлены проблемы, главным образом связанные с возможностью широкого толкования данной нормы, поскольку диспозиция простая. Исходя из этого, предлагаются два возможных пути их решения. Первый представляет собой перевод данной статьи в части публичного оправдания терроризма в административную преюдицию. Второй заключается в детализации на законодательном уровне общественно опасных последствий деяний, предусмотренных анализируемой статьей.

Ключевые слова: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма.

Терроризм в различных формах проявления является одной из самых опасных проблем 21 века. В современной России терроризм, несомненно, представляет угрозу национальной безопасности страны. В связи с этим в нашей стране в течение длительного периода времени проводится последовательная политика по противодействию терроризму как одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Российская Федерация – участник Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма», в связи с этим Федеральным законом[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) была введена статья 205.2, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма.

Диспозиция статьи 205.2 УК РФ простая, что обуславливает возможность широкого толкования сущности преступных деяний, предусмотренных данной статьей. Перед следователями, в том числе и Следственного комитета Российской Федерации, встает проблема при квалификации деяний.

Объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ, составляет совершение трех альтернативных действий: публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма[2].

Остановимся на них подробнее.

Одним из действий является публичный призыв к осуществлению террористической деятельности. Первоначально стоит обратить внимание на такой признак как призыв.

Призывом в данной статье можно считать обращение в целях возбуждения желания осуществить террористическую деятельность у части населения. Важно отметить, что анализируемое понятие не может носить абстрактный, неявный характер. Призыв должен абсолютно конкретно побуждать к совершению одного из преступлений, предусмотренных следующим перечнем статей: 205-206, 208, 211, 220,

[1] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Парламентская газета. 2006. № 32.

[2] Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // СЗ РФ. 2018. № 1 (часть I) ст. 29.

221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. Согласно прямому указанию закона призывы должны носить публичный характер, т.е. совершаться в присутствии не менее двух лиц (на собраниях, митингах, демонстрациях и т.д.).

Стоит согласиться с А.Н. Тарбагаевым и Г.Л. Москалевым, что «публичные призывы не имеют персональной направленности и не предполагают вовлечения конкретного лица в совершение определенного преступления»[1].

Нельзя не согласиться с мнением А.Г. Кибальника и И.Г. Соломоненко, которые считают, что «если призыв персонифицирован, то содеянное надо расценивать как подстрекательство к соответствующему преступлению террористического характера»[2].

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения или распространения хотя бы одного обращения вне зависимости от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет. Это объясняется тем, что состав преступления формальный, поскольку законодателем в статье не конкретизированы общественно опасные последствия, которые наступают в результате совершения соответствующего деяния.

Также стоит обратить внимание на то, что воздействие посредством призывов может иметь различные формы: как устную, так и письменную, в том числе аудио- и видеозаписи, плакаты, брошюры, листовки и т.д.

Следующим выступает публичное оправдание терроризма.

Что понимают под публичным оправданием терроризма?

Под публичным оправданием терроризма законодатель представляет публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Под «оправданием» обычно понимают признание чего-либо допустимым, возможным. Под словом «публичный» понимается совершение каких-либо действий, высказываний на публику, аудиторию. При этом синонимом к слову «публичный» можно назвать «открытый», говоря современным языком, доступный для всеобщего обозрения.

Терроризм – сложное социальное явление. Например, Европейская конвенция по борьбе с терроризмом[3] относит к нему широкий круг преступлений. А.В. Лагодин определяет терроризм как «публично совершаемое деяние, создающее общественную опасность и порождающее страх, и напряженность, совершаемое в целях нарушения общественной безопасности, воздействия на принятие решения органами власти»[4].

---

[1] Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 28–39. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.203.

[2] Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.

[3] Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) ETS № 090: Ратифицирована Федеральным законом РФ от 7 августа 2000 года № 121-ФЗ // Российская газета. 2000. № 153-154.

[4] Лагодин А.В. Объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1 (23). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-storona-publichnyh-prizyvov-k-osuschestvleniyu-terroristicheskoy-deyatelnosti-ili-publichnogo-opravdaniya-terrorizma. Дата обращения: 30.10.2020.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что публичное оправдание терроризма может проявляться посредством изречений в местах, где присутствует большое количество людей. Публичным оправданием терроризма можно считать выражение благосклонности к террористической деятельности в фильмах, литературных произведениях, в статьях журналов, а также непрофессиональных публикациях (видеоролике, картинке, посте).

Отметим, что публичное оправдание терроризма образует оконченное преступление с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма.

Третьим действием является пропаганда терроризма. Пропаганда терроризма, как отмечается в примечании 1 к статье, – деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убеждения в ее привлекательности, либо для представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Во второй части статьи предусмотрено усиление ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, совершенные с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

При этом необходимо учитывать положения ФЗ «О средствах массовой информации»[1] и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2].

При совершении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма посредством массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием сети «Интернет», преступление следует считать оконченным с момента отправки сообщения или размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или соцсетях).

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что они обладают различной степенью общественной опасности. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и пропаганда терроризма представляют более высокую общественную опасность по сравнению с публичным оправданием терроризма. В связи с данным положением целесообразно было бы отделить эти деяния в разные части анализируемой статьи.

Тяжесть наказания, предусмотренного частью второй статьи, за публичное оправдание терроризма не соответствует характеру и степени общественной опасности данного деяния, поскольку его содержание точно законодателем не определяется, что предоставляет возможность широкого толкования. Отметим, что публичное оправдание терроризма фактически определяется в результате филологических и лингвистических экспертиз, которые производятся не судом, а в большинстве случаев профессорско-преподавательским составом соответствующих кафедр высших учебных заведений. Такие экспертизы вызывают ряд вопросов. Будет ли такая экспертиза действительно объективной? Не создаст ли условия для злоупотребления полномочиями? Принцип законности и обоснованности решений в

[1] Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

деятельности следователей и судей является ключевым, поскольку речь идёт о судьбе человека.

В условиях информатизации современного общества постоянному пользователю сети «Интернет», не обладающему достаточным уровнем знаний в уголовном праве, весьма сложно определить какие его действия могут стать публичным оправданием терроризма. Может ли лайк или репост как способ выражения согласия с позицией автора стать публичным оправданием терроризма? Проблема очевидна. Неопределенность законодательного закрепления данного деяния приводит к произвольному толкованию диспозиции анализируемой статьи, что и предшествует во многом необоснованности принимаемых судом решений. Если обратиться к статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно выявить некоторую тенденцию роста количества приговоров, вынесенных по статье 205.2 УК РФ.

Стоит также обратиться и к правоприменительной практике.

В июне 2018 года по части 2 анализируемой статьи был осуждён молодой человек за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, совершенные с использованием сети «Интернет». При этом суд первой инстанции решил, что пропаганды терроризма в его действиях нет, поскольку отсутствовал системный характер. В ходе следствия было установлено, что гражданин разместил на личной странице в социальной сети «Вконтакте» публикации (фотографии, изображения с комментариями). По заключению экспертизы в одном посте имелись приемы, побуждающие людей к насильственным действиям, в другом оправдание действий террористов, при этом деятельность террористов оценивалась как достойная подражанию. На основании показаний свидетелей об интересах, идеях и взглядах гражданина, совершившего преступление, непосредственно связанных с терроризмом в апелляционном определении вышестоящего суда была доказана и пропаганда терроризма, так как гражданин осуществил деятельность по распространению соответствующих материалов.

В начале июля 2020 года по обвинению в публичном оправдании терроризма была осуждена журналистка из Пскова, которая дала свой комментарий о террористическом акте в приемной Регионального управления ФСБ в Архангельске. За посты в социальных сетях по той же теме обвинение было предъявлено и петербургскому активисту. Всего же в связи с публикациями по поводу этого террористического акта было возбуждено 15 уголовных дел по статье 205.2 УК РФ.

Исходя из рассмотренных примеров, судебная практика неоднозначна. Стоит отметить, что осуждённые по данной статье в части публичного оправдания терроризма, испытывают те же негативные последствия, что и осуждённые по другим террористическим статьям.

Чтобы избежать возможного несправедливого осуждения лиц, не имеющих цели оправдания террористической деятельности, поскольку нельзя отрицать недоразумений и неправильной трактовки содержания публикаций в сети «Интернет» (постов, фотографий, видео, их репостов, перепостов и иных способов выражения собственного мнения или согласия с мнением других пользователей).

Предлагаются следующие варианты решения этой проблемы.

Первым вариантом решения этой проблемы можно предложить детализацию на законодательном уровне общественно опасных последствий деяний, предусмотренных анализируемой статьей. На данный момент состав преступления по

конструкции объективной стороны состава преступления является формальным. При материальном же составе преступление считалось законченным, если бы объективная сторона получала полное развитие лишь при условии наступления конкретных общественно опасных последствий, и при наличии причинно-следственной связи между самим действием и общественно опасными последствиями. При этом возможная тенденция на снижение количества преступлений, предусмотренных данной статьей, очевидна. Поскольку потенциальный пользователь сети «Интернет», зная, к чему может привести совершенное им действие, будет внимательнее и не совершит уголовно наказуемое деяние. Также это облегчит работу правоохранительных органов в определении состава преступления, так как наличие общественно опасных последствий является обязательным признаком объективной стороны в данном составе.

Второй вариант видится в переводе данной статьи в части оправдания терроризма в административную преюдицию. Для этого, как уже отмечалось, необходимо выделить в отдельные части 205.2 статьи УК РФ составы публичных призывов к совершению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, причём как простых составов, так квалифицированных, т.е. с использованием сети «Интернет». Затем в части публичного оправдания терроризма указать дополнительный квалифицирующий признак «совершенное лицом, подвергнутым административному взысканию за аналогичное деяние». И необходимо внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новую статью «Публичное оправдание терроризма» в 20 главу «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность»[1]. Аналогичная процедура уже имела практику по статье 282 УК РФ. После чего впоследствии отмечается снижение количества дел, возбуждаемых по данной статье, сокращение размеров уголовной репрессии и вполне понятное недовольство общественности. Такая тенденция является наглядным примером специальных (криминологических) мер предупреждения преступности, которые направлены непосредственно на устранение причин преступности или конкретных общественно опасных деяний в отношении лиц, совершивших или собирающихся совершить преступление.

Таким образом, такое неоднозначно оцениваемое в обществе преступление как публичное оправдание терроризма, предусмотренное статьей 205.2 УК РФ, представляет собой широкое поле для дискуссий. Выявляется дисбаланс между конкретно неопределенным содержанием деяния и достаточно жесткой реакцией государства на его совершение. Однако реализация предложенных вариантов решения проблем, связанных с установлением состава данного преступления, упорядочит в значительной степени практику применения анализируемой уголовно-правовой нормы. Детализация на законодательном уровне общественно опасных последствий анализируемых деяний внесет ясность в применение положений статьи, позволит отделить реальных преступников, поддерживающих идеологию терроризма от лиц, оправдывающих терроризм по недоразумению или ошибочному пониманию.

Перевод данной статьи в части оправдания терроризма в административную преюдицию станет значительным потенциалом предупреждения преступности, позволит предотвращать более тяжкое наказание посредством своевременного

[1] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020) // Российская газета. 2001. № 256.

наказания за проступок, а также позволит обоснованно применять строгие санкции в случае его повторения.

Чубарина Ю.А.
Научный руководитель: **Подройкина И.А.**

Уголовный проступок – новые реалии или старые просчеты?

Аннотация. В статье анализируется вновь внесённый в Государственную Думу законопроект об уголовном проступке. Автором приводятся аргументы, подтверждающие нецелесообразность введения данной категории в уголовное законодательство Российской Федерации. Делается вывод о том, что более целесообразной является, скорее, ревизия действующего закона и перевод ряда преступлений в разряд административных правонарушений, чем введение в УК не в полной мере проработанного института.

Ключевые слова: законопроект, Верховный Суд РФ, гуманизация уголовного законодательства, уголовный проступок.

Не секрет, что уже на протяжении достаточно длительного времени в теории уголовного права обсуждается возможность дополнения УК РФ таким институтом как уголовный проступок. Безусловно, такое понятие было известно, например, дореволюционному законодательству, известно оно также и некоторым странам бывшего социалистического пространства. Так, некоторые из них во вновь принятых уголовных кодексах ввели уголовный проступок. Однако насколько он необходим сегодня в России? Вот этот вопрос сегодня стоит весьма остро, особенно на фоне того факта, что Верховный Суд Российской Федерации 13 октября 2020 года предпринял ещё одну попытку «гуманизировать» уголовное законодательство и внес соответствующий законопроект на рассмотрение Государственной Думы. В названном проекте снова отстаивается идея о необходимости введения категории уголовного проступка в уголовное законодательство нашей страны. Следует отметить, что ранее, на первую инициативу введения категории уголовного проступка научная общественность отреагировала остро негативно [1], а на законопроект об уголовном проступке был получен отрицательный отзыв Правительства Российской Федерации; он 8 месяцев находился на рассмотрении в Комитете Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. В «новом» проекте закона всё же наблюдаются существенные изменения, но от этого они не становятся менее противоречивыми.

В этот раз определение категории уголовного проступка законодатель предлагает ввести путём дополнения УК новой статьей – 15^1, в которой и будет раскрываться содержание последнего, которое никак не отличается от его прежнего определения. Таким образом, законодатель так и не решил проблему двоякого отношения к преступлению, так как при введении уголовного проступка, деяния, отнесенные к категории небольшой тяжести будут иметь 2 подвида: собственно преступления небольшой тяжести, за которые возможно наказание в виде лишения свободы, и весьма экстравагантная конструкция уголовного проступка – те же преступления небольшой тяжести, но в трех вариантах: а) без наказания в виде лишения свободы; б)

[1] Подройкина И.А. Уголовный проступок: к проблеме обоснованности включения в национальное законодательство // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 96-99.

отдельные преступления против собственности; в) отдельные преступления в сфере экономической деятельности. Ключевым критерием отграничения при этом является факт совершения преступления впервые (причем не фактически впервые, а юридически). Полагаем, в таком случае, классификация преступления в нашем уголовном законодательстве становится сложной и лишенной всякой логики. Кроме того, до сих пор неясной остается сама природа уголовного проступка. Верно подмечает по этому поводу Л.В. Головко, что уголовные проступки, то есть преступления небольшой тяжести, не предусматривающие наказания в виде лишения свободы, как не наказывались и не наказываются лишением свободы по действующему уголовному законодательству, так и не будут им наказываться в случае реализации законопроекта об уголовном проступке. Что же тогда изменится в сущности данной категории[1]? При этом, само словосочетание – уголовный проступок – есть заложенное в саму его сущность логическое несоответствие. Проступок – это определённое нарушение правил, закреплённых каким-либо нормативным правовым актом, которое негативно оценивается обществом, как опасное явление. Впереди идущее в нему слово «уголовный» означает, во-первых, включение данного понятия в УК РФ, как деяния, запрещенного последним, а во-вторых, означает наличие большей общественной опасности, по сравнению с теми же административными правонарушениями, проблема разграничения с которыми будет рассмотрена ниже. Получается, что уголовный проступок – это совершение незначительного правонарушения, которое, почему-то, признаётся всё же уголовным.

Кроме того, необходимо уяснить связь уголовного проступка с административным правонарушением. При соотнесении данных институтов можно увидеть, что при введении категории уголовного проступка, в нашем законодательстве будет следующая «пирамида» общественной опасности деяний: на вершине - преступления, как наиболее общественно опасные деяния, предусматривающие наказание в виде лишения свободы, далее – уголовные проступки, уже менее общественно опасные деяния, и занимающие, по замыслу законодателя, промежуточное положение, и внизу – административные правонарушения. Однако, если проанализировать санкции КоАП РФ можно заметить, что последний предусматривает санкции в виде административного ареста, который по своему содержанию и особенностям исполнения, напоминает, по сути, лишение свободы на короткий срок. Напомним, уголовный проступок не предусматривает санкции в виде лишения свободы. В итоге наблюдается следующая картина – менее общественно-опасные деяния, то есть административные правонарушения, оказываются более наказуемы, чем уголовные проступки, которые занимают срединное положение между преступлениями и административным правонарушениями, и являющиеся более общественно опасными, чем административные правонарушения. В этом видятся некоторый диссонанс и определённая разобщённость указанных категорий. Еще до предложений о введении уголовного проступка в теории уголовного права исследователи обращали внимание на дисбаланс в наказуемости административных правонарушений и преступлений[2]. Теперь же этот дисбаланс будет ещё больше.

Законодатель предлагает ввести новую иную меру уголовно-правового характера – общественные работы, которые будут заключаться «в выполнении лицом в свободное

[1] Головко Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплёка // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.

[2] Подройкина И.А. Концептуальные основы построения системы уголовных наказаний в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 384.

от учёбы или работы время бесплатных общественно полезных работ». В уголовном законе уже есть вид наказания с подобным содержанием – обязательные работы, сущность которых также состоит в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учёбы время бесплатных общественно полезных работ. По сути, законодатель предлагает, чтобы лицо не отбывало подобное наказание, а освобождалось от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера – общественных работ, которые по своему содержанию с обязательными работами являются идентичными. В чём же тогда будет отличие правого положения лица, совершившего преступление и отбывающего обязательные работы и лица, освобождённого от уголовной ответственности и всё равно отбывающего, по сути, идентичный вид наказания? Не видится ли в этом попытка законодателя «пополнить» уголовный закон «ненужной» мерой, в котором и так достаточно разветвлённый перечень разнообразных работ? Причем, при этом не вносятся изменения в статью, регламентирующую обязательные работы, в связи с чем общественные и обязательные работы по своим размерам пересекаются. Так, обязательные работы могут быть назначены на срок от 60 до 480 часов, а общественные – от 30 до 240. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении ограниченно оплачиваемых работ, которые по своей сути являются исправительными работами и также дублируются и в части сроков, и в части размеров удержания.

Некоторым новшеством является норма, которую предлагают внести в ст. 90 УК РФ: «…Ущерб, причиненный несовершеннолетним, может быть возмещен его родителями или законными представителями». То есть, вопреки мнению научной общественности, которая уже на протяжении более 10 лет выступает против редакции ч. 2 ст. 88 УК, допускающей возможность уплаты штрафа вместо несовершеннолетнего его родителями или законными представителями [1], разработчики законопроекта решили пойти дальше и разрешить родителям или законным представителям несовершеннолетнего «откупиться» еще и от уголовного проступка с назначением ему одной из мер принудительного воспитательного воздействия, что, по сути, для современных подростков никакого воспитательного действия не окажет. Не будет ли в таком случае несовершеннолетний чувствовать вседозволенность своего поведения?

В тексте нового законопроекта существенно скорректирован вопрос с освобождением лица от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка. Так, в прошлом законопроекте лицо, совершившее уголовный проступок освобождалось от уголовной ответственности без соблюдения условий, предусмотренных главой 11 УК РФ для остальных категорий преступлений. В новом же проекте об уголовных проступках предлагается внести изменения в ст. 76^2 УК РФ, а именно ч. 2 изложить в следующей редакции: «Лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, совершившее уголовный проступок, предусмотренный частью первой статьи 146, частью первой статьи 158, частью первой статьи 159, частью первой статьи 159^1, частью первой статьи 159^2, частью первой статьи 159^3, частью первой статьи 159^5, частью первой статьи 159^6, частью первой статьи 160, частью первой статьи 165, частью первой статьи 167, статьей 168, частью второй статьи 169, статьей 170^2, частью первой статьи 171, частями первой, третьей и пятой статьи 171.1, частью первой статьи 173^2, статьей 177, частями первой

[1] Подройкина И.А. Штраф как вид наказания в современном уголовном праве. Монография: Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-на-Дону, 2005. С. 212.

и второй статьи 180, частями первой и второй статьи 185, статьей 185.1, частью первой статьи 185^2, частью первой статьи 185^4, частью первой статьи 194, статьей 195, частью первой статьи 199^2, частью первой статьи 255, статьей 262, частью первой статьи 263^1, частями первой и первой[1] статьи 293 настоящего Кодекса, освобождается судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера, указанных в главе 15^2 настоящего Кодекса, если оно возместило ущерб, причиненный в результате совершения уголовного проступка». Однако, если сравнить условия освобождения от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка с условиями при деятельном раскаянии, можно обнаружить, что они практически совпадают: категории преступления одни и те же, требование по совершению преступления впервые, установление обязательности возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда. Не хватает лишь указания на явку с повинной и способствование раскрытию и расследованию этого преступления [1]. Заметим, данный вид освобождения от уголовной ответственности относится к освобождению по не реабилитирующим основаниям. Одним из важных последствий освобождения лица от уголовной ответственности выступает его учет, как лица, совершившего уголовный проступок. Почему законодатель не делает на этом акцент? Ведь при совершении обычного преступления, при освобождении от уголовной ответственности, при запрашивании сведений о наличии судимости, лицо будет считаться ранее привлекавшимся к уголовной ответственности. Что будет при введении категории уголовного проступка? Каково будет правовое положение лица, совершившего уголовный проступок? Будут ли сведения об освобождении лица, совершившего уголовный проступок, от уголовной ответственности, выступать обстоятельствами, характеризующими его личность, как ранее привлекавшегося к уголовному проступку?

Следует отметить ещё одну немаловажную проблему, которая может возникнуть при введении в уголовное законодательство категории уголовного проступка. Не вызывает сомнений, что Уголовный Кодекс РФ рассчитан не только для правоприменителя, но и для обычных граждан, не имеющих, к примеру, юридического образования, которые не выясняют подробностей природы тех или иных понятий. Как бы предполагается, что уголовный проступок будет отдельным институтом уголовного права. Однако, всё же является видом преступления, исходя из того определения, которое даётся ему через «преступления небольшой тяжести». Не будет ли у человека, читающего данное положение, возникать мысль о некой двусмысленности уголовного законодательства[2]?

В заключение подчеркнем, что попытка законодателя сделать уголовный закон менее репрессивным и повысить уровень эффективности превентивной функции уголовного закона посредством введения в него категории уголовного проступка пока не находит своей поддержки в научных кругах. Полагаем, что для того, чтобы уголовный проступок стал приемлемым для нашего уголовного законодательства

[1] Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступление. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 440.

[2] Наумов А.В. Избранные труда. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009-2019 гг.) / [сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступит. ст. О.С. Капинус]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. 384 с. (Научные труды ученых Университета прокуратуры Российской Федерации).

необходима либо дальнейшая проработка проекта, либо вовсе отказ от введения данной категории. В качестве сторонней идеи, можно предложить законодателю выделить из УК РФ преступления, обладающие меньшей общественной опасностью, и перевести их в разряд административных правонарушений. Подобные предложения уже не раз высказывались в теории уголовного права. Считаем, что таким образом, лицо, как того хотят создатели уголовного проступка, не будет иметь судимости, что сможет снизить количество лиц, имеющих судимость, и будет учитывать интересы потерпевших от административного правонарушения лиц.

Щербакова А. А.
Научный руководитель: **Савин П. Т.**

О необходимости совершенствования правоприменительной практики по вопросам крайней необходимости

Аннотация. В статье автор рассматривает развитие института крайней необходимости в Российской Федерации. Основную проблему в применении норм ст.39 УК РФ автор видит в том, что не все граждане толкуют их надлежащим образом. В качестве вывода статьи – предлагается принятие соответствующего Постановления Пленума ВС РФ.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; крайняя необходимость; условия правомерности; превышение пределов; правоприменительная практика.

Рассматривая проблематику применения норм института крайней необходимости в российском уголовном праве необходимо обратиться к смыслу понятия «крайняя необходимость». В юридической энциклопедии термин «крайняя необходимость» понимается как обстоятельство, исключающее преступность деяния, которое заключается в том, что лицо своими действиями причинило вред интересам, охраняемым уголовным законом, для ликвидации опасности, угрожающей как самому лицу, так и иным третьим лицам[1].

Истоки зарождения института крайней необходимости относятся еще ко временам Древнего Рима. М. Н. Баринова указала, что по законам XII Таблиц крайняя необходимость была применима только к тем ситуациям, в которых приходилось жертвовать менее ценным благом, для сохранения более ценного[2]. Что же касается российского права, то институт крайней необходимости был законодательно закреплен в Соборном уложении в 1649 году. В частности, в статье 283 в главе 10 было указано что, если лицо, обороняясь от нападения пса, убьет его, то «за ту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставити»[3]. В последующем казуальные нормы, касающиеся вопроса крайней необходимости, прослеживались в 195 Артикуле Воинского устава, утвержденного Петром I, которые закрепляли «умаление» наказания за воровство из-за «крайней голодной нужды»[4].

[1] Топорнин Б.Н. Юридическая энциклопедия. М.: Юристь, 2001. С. 745.
[2] Баринова М.Н., Максименко С.Т Римское частное право: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2006. С. 154.
[3] Соборное уложение 1649 года: / Текст, комментарий подгот. текста Л.И. Ивановой; комментарий Г.В. Абрамовича. Л.: Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1987. С. 158.
[4] Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006. С. 91.

Институт крайней необходимости представлял собой совокупность отдельных казуальных норм вплоть до 20 века, до создания Уголовного уложения 1903 года. В статье 46 Уголовного уложения четко изложено: преступным деянием не считается «учиненное для спасения жизни, здоровья, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности», которая произошла вследствие угрозы или принуждении, если иными средствами нельзя было предотвратить данную опасность[1]. При анализе этой статьи мы можем увидеть соединение двух современных норм из УК РФ 1997 года ст. 39 «Крайняя необходимость» и ст. 40 «Физическое или психическое принуждение». В настоящее время в науке уголовного права такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как физическое и психическое принуждение, обоснованный риск понимаются как «производные» от института крайней необходимости, однако для удобства применения норм на практике данные обстоятельства законодатель разграничил. Кроме того, некоторые ученые указывают на то, что действия, совершаемые в состоянии необходимой обороны, и действия, направленные на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, выступают в качестве видов крайней необходимости, поскольку данный институт охватывает множество различных объектов, охраняемых уголовным законом[2]. Тут же можно согласиться с мнением Г.Ф. Хаметдиновой, которая в своей монографии «Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости» отметила системную взаимосвязь всех обстоятельств, исключающих уголовную ответственность[3].

Более современную форму норма о крайней необходимости содержит статья 14 УК РСФСР 1960 года[4]. При сравнении этой статьи со ст. 39 УК РФ 1997 года можно проследить изменение последовательности объектов, охраняемых уголовным законом и наименование государства. В УК РФ 1997 года[5], в связи с распадом СССР и сменой политического режима, права и свободы личности стали высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ[6]), поэтому в ст. 39 УК РФ 1997 года личность стоит на первом месте. Помимо этого, в действующем Уголовном кодексе нет формулировки «действие, подпадающее под признаки деяния», поскольку в современном праве действия, вызванные крайней необходимостью, воспринимаются как общественно полезные.

Все обстоятельства, исключающие преступность деяния, образуют системную взаимосвязь и имеют ряд общих черт: деяние, направленное на устранение угрозы; наличие реальной опасности для объектов, охраняемых уголовным законом. С целью отграничения института крайней необходимости от смежных институтов необходимо определить основные отличия. Главной чертой крайней необходимости, отграничивающей от необходимой обороны, является то, что непосредственно

[1] Российское законодательство X–XX веков. Т. 9 / Отв. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 1994. С. 285.

[2] Мирязова Р. М. Проблемы разграничения крайней необходимости и смежных институтов // Молодой ученый. 2019. № 52. С. 139-143. [Электронный ресурс]:URL https://moluch.ru/archive/290/65381 (дата обращения: 15.10.2020).

[3] Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: монография / Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. С. 8.

[4] "Уголовный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (документ утратил силу) / [Электронный ресурс]: URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 15.10.2020).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) / [Электронный ресурс]: URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 15.10.2020).

[6] Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г., в ред. от 14.03.2020) /[Электронный ресурс]: URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 15.10.2020).

угрожающая опасность может иметь самый разнообразный источник: пожары, наводнения, террористические акты, опасные эпидемии. В связи с этим часто случается так, что довольно сложно определить рамки, за которые нельзя выходить.

Ярким примером может послужить террористический акт в США. 11 сентября 2001 года боевики-смертники в захваченных самолетах собирались уничтожить стратегически важные объекты США, в том числе, и центральные башни Всемирного торгового комплекса. В захваченных самолетах, направлявшихся в небоскребы, находилось 247 пассажиров (в том числе террористы и члены экипажа). В результате бездействия спецслужб погибло более трех тысяч человек, находящихся в башнях – близнецах[1]. Если бы спецслужбы сбили захваченные самолеты, которые не выходили на связь, то их действия, по мнению ряда зарубежных ученых, можно было бы оценить, как крайнюю необходимость. Однако многое зависит от теории уголовного права в той или иной стране и от соответствующей правоприменительной практики. В рамках российского законодательства представляется недопустимым спасать жизнь одного человека ценой жизни другого, поскольку право на жизнь – высшая ценность и оценке не поддается.

Исходя из юридического анализа ст. 39 УК РФ мы можем определить то, что законодатель указал не только на наличие неопределенного (широкого) перечня источников опасности, при которых будет установлена правомерность деяния в состоянии крайней необходимости, но и установил группы условий правомерности действий, совершаемых в состоянии крайней необходимости. В теории уголовного права ученые выделяют две группы условий правомерности крайней необходимости. Первая группа заключает в себе следующие основания: опасность, которая угрожает правам и законным интересам личности, общества и государства должна быть реальной; лицо, совершающее противоправные деяния, руководствуется целью, направленной на устранение угрозы; отсутствует возможность использования иных правовых способов для устранения опасности. Вторая группа определяет пределы правомерности, которые закреплены в ч. 2 ст. 39 УК РФ. Пределы правомерности включают в себя временной предел, то есть причинение вреда в состоянии крайней необходимости должно быть совершено в момент, когда существовала угроза интересам, охраняемым уголовным законом, и предел, связанный с характером и степенью причиненного вреда, то есть вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть меньше вреда предотвращенного[2].

Для того чтобы проиллюстрировать действие двух групп условий правомерности крайней необходимости я хочу привести пример из судебной практики. Хабаровский районный суд 25 февраля 2020 года признал виновным Буянова А.Р. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. На заседании подсудимый объяснил, что вечером соседу стало плохо, потому что он не выпил таблетки, которые забыл дома. В связи с этими обстоятельствами, вечером, в состоянии алкогольного опьянения, Буянов А.Р. сел за руль автомобиля с целью доставить соседа домой. При этом, сотрудники ГИБДД, остановившие автомобиль подсудимого, предложили соседу Буянова А.Р. вызвать скорую медицинскую помощь, однако сам сосед и Буянов А.Р. были против этого. Суд, оценивая доводы стороны защиты, которая ссылалась на то, что действия Буянова А.Р. могут оцениваться как действия,

[1] Террористический акт в США 11 сентября 2001 года //ria.ru: ежедн. интернет издание. 11.09.2019. [Электронный ресурс]: URL: https://ria.ru/20190911/1558495751.html (дата обращения: 15.10.2020).

[2] Наумов В.В., Станкевич А.М. Условия правомерности, характеризующие основания крайней необходимости//Вестник тульского университета. 2016. № 7. С. 25-33.

совершенные в состоянии крайней необходимости, пояснил, что опасность, угрожающая законным интересам того или иного лица должна быть реальной. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 39 УК РФ, правомерность причинения вреда будет только в том, случае, если не было иных вариантов устранения опасности. Исходя из вышесказанного Хабаровский районный суд не нашел оснований для применения ст. 39 УК РФ[1].

На данном этапе развития российского уголовного права сохранился ряд правоприменительных проблем, непосредственно связанных с реализацией норм института крайней необходимости. Учитывая, что превышением пределов крайней необходимости по ч. 2 ст. 39 УК РФ является «причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени угрожавшей опасности», то необходимо заметить, что представленная формулировка весьма «размыта» и не в полной мере определяет рамки правомерного поведения. В первую очередь, это обусловлено отсутствием специального Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое дало бы соответствующие разъяснения не только по содержанию ст. 39 УК РФ, но и определило бы конкретные пределы крайней необходимости, указав соответствующие правила поведения в различных ситуациях с использованием определенных средств.

Ввиду отсутствия надлежащих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по применению норм ст. 39 УК РФ люди часто превышают пределы крайней необходимости, нередко считая свои действия правомерными. В доказательство данной точки зрения можно привести пример из судебной практики. Новосокольнический районный суд Псковской области 5 июля 2018 года признал виновным Ткачева Ю.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ. Подсудимый ночью совершил угон машины в состоянии алкогольного опьянения с целью доставить друга, нуждающегося в срочной медицинской помощи, в больницу. При этом Ткачев Ю.С. имел возможность вызвать скорую помощь, но не посчитал нужным это сделать. Подсудимый Ткачев Ю. С. признал себя виновным частично. В суде он пояснил, что, по его мнению, скорая медицинская помощь будет ехать медленно, поэтому он и совершил угон в состоянии крайней необходимости[2].

Кроме того, на практике часто возникают ошибки, связанные с отграничением обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые совершают не только граждане, не имеющие юридического образования, но и граждане, обладающие полномочиями для осуществления юридической деятельности. Доказывая свою точку зрения, хотелось бы привести пример из судебной практики. Мировой судья судебного участка № 138 Железнодорожного района г. Красноярска 3 октября 2019 года признал виновным Гольтяева Ф.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Исходя из материалов дела, Гольтяев Ф.В. находясь в камере № 41 ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Красноярскому краю, нанес сокамернику удар авторучкой в область левого глаза. На суде Гольтяев Ф.В. пояснил, что потерпевший угрожал ему расправой, поэтому он в состоянии «крайней необходимости» нанес удар. Поскольку суд первой инстанции признал виновным

[1] См.: Приговор Хабаровского районного суда № 1-27/2020 1-399/2019 от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-27/2020. [Электронный ресурс]: URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2020).

[2] См.: Приговор Новосокольнического районного суда Псковской области от 5 июля 2018 г. Дело № 1-35/2018г. [Электронный ресурс]: URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2020).

Гольтяева Ф.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ адвокат Быстров В.В. в защиту интересов осужденного в апелляционной жалобе попросил отменить приговор. Защитник указывал на то, что Гольтяев Ф.В. не имел умысла на причинение вреда потерпевшему и его действия были вызваны состоянием крайней необходимости, потому что потерпевший угрожал Гольтяеву Ф.В. применением насилия[1].

Из указанного примера мы видим, что адвокат осужденного не разграничил обстоятельства, исключающие преступность деяния, и не привел в качестве доказательств законные, обоснованные и допустимые аргументы. Ошибка защитника состояла в том, что, в данном случае, осужденный действовал в состоянии необходимой обороны, а не в состоянии крайней необходимости. Помимо этого, защитник не учел тот момент, при котором состояние необходимой обороны суд может учитывать только при наличии реальной опасности, например, ранении, жизненно важных органов, что указано в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление"[2].

В связи с обнаружением вышеуказанной проблемы мы считаем, что назрела необходимость издания Постановления Верховного Суда Российской Федерации, в котором бы были указаны конкретные пределы крайней необходимости, определены начало и окончание действий законопослушного гражданина в состоянии крайней необходимости. Также необходимо определить и перечень условий, которые суд должен принимать во внимание при решении вопросов о правомерности действий, совершенных в состоянии крайней необходимости в том или ином случае.

[1] Апелляционное постановление № 1А-5/2020 от 20 февраля 2020 г. по делу № 1А-5/2020 [Электронный ресурс]: URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2020)

[2]Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" [Электронный ресурс]: URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 15.10.2020)

Секция № 3
«Процессуальные проблемы предварительного следствия и пути их разрешения»

Алимова А.А.
Научный руководитель: **Ильяшевич Т.А.**

Влияние технического прогресса на процессуальную деятельность следователя и руководителя следственного органа

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с внедрением информационных технологий в деятельность следователя и руководителя следственного органа, которые позволят ему своевременно и оперативно обеспечивать контроль за работой своих подчиненных. Приводятся различные точки зрения авторов, занимающихся изучением проблемы, связанной с активным использованием в данной области баз данных материалов электронного уголовного дела.

Ключевые слова: информационные технологии, органы предварительного следствия, электронное уголовное дело, уголовный процесс, законность, электронная цифровая подпись, автоматизированная информационная система.

На сегодняшний день во все сферы современного общества активно внедряются информационные технологии. Их применение позволяет максимально ускорить передачу, хранение и использование огромного массива различной информации, необходимой для эффективного социального регулирования и принятия наиболее рациональных управленческих решений. Они сопровождают нас как в быту, так и в сфере защиты прав граждан: в уголовном, гражданском, административном производствах. Происходящие изменения в области информатизации заставляют отказываться от устаревших механизмов в работе. Что не оставляет без внимания и уголовный процесс, где традиционное применение процедур и методов, которые ранее признавались достаточно эффективными, в настоящее время нередко затрудняют производство, то есть не отвечают ожиданиям современного общества. Также, благодаря быстрому развитию множества различных электронно-технических устройств бумажный документооборот заменяется электронным, использование которого значительно облегчает должностным лицам работу с информацией, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Кроме того, как отмечают многие авторы «уголовный процесс проходит стадию реформирования его технического базы, ориентируемую в настоящее время на полную компьютеризацию. Что в свою очередь должно позволить существенно сократить время уголовного процесса, повысить оперативность ведения уголовных дел, усовершенствовать связи между различными структурами правоохранительных органов, использовать базы данных международных организаций, создать систему оперативной связи органов регионального, республиканского и международного масштаба»[1].

Большинство авторов в своих исследованиях уже рассматривали различные пути развития уголовного судопроизводства на базе внедрения информационных

[1] Никитин Р.О. Правовое обеспечение использования электронно-информационных технологий в уголовном процессе: Дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 16.

технологий. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на следующие немаловажные вопросы.

Во-первых, необходимо обратить внимание на цифровую фиксацию показаний участников уголовного судопроизводства посредством аудио- и видеозаписи, производимой при помощи компьютерных технологий. Благодаря данному методу, возможно, заменить протокольную форму фиксации показаний, при этом, никак не повлияв на объективность и полноту отображения всей информации, имеющей процессуальное значение. Многие авторы высказывают свои мнения, по поводу того, что в перспективе технические средства хранения, копирования и передачи электронной информации вытеснят традиционную форму уголовно-процессуальных документов, т.е. возможен переход исключительно на электронный документооборот[1]. Несомненно, это потребует внесение значительных изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, которые регулировали бы данный процесс на должном уровне. Немаловажным является и обеспечение защиты цифровой среды от вмешательства из вне с целью ее намеренного изменения. Избежать возникновения данной проблемы, возможно, если, например, использовать одноразовые CD-R-диски, которые заверяются подписями всех участников следственного действия. Если все же возникнут сомнения по поводу оригинальности записи, произведенной на CD-R-диске, то возможно ее подтверждение заключением фоноскопической экспертизы.

Во-вторых, отметим возможность использования электронной цифровой подписи любым участником следственного или иного процессуального действия для удостоверения процессуального документа, а также проведение некоторых процессуальных и следственных действий дистанционно. К сожалению, в УПК РФ содержится только одна норма, регулирующая применения электронной цифровой подписи. Статья 474.1 УПК РФ, согласно которой участники уголовного судопроизводства имеют право обращаться в суд посредством электронного документа, который обязательно должен быть подписан цифровой подпись, принадлежащей лицу, который направил такой документ. Также в данной норме предусмотрено, что суд может выносить решения в форме электронного документа, который подписывается усиленной квалифицированной подписью. Существуют ситуации, когда заверить документ электронной цифровой подписью практически невозможно. Например, у лиц, которые принимают участие в производстве определенных процессуальных действий, не всегда при себе может находиться данное устройство, так как это не является их обязанностью, поскольку ни один нормативно-правовой акт не содержит указание на то, что лица, проходящие по уголовному делу должны иметь электронную цифровую подпись.

Достаточно актуальной в реалиях нашего времени видится нам возможность проведения некоторых процессуальных и следственных действий дистанционно, в связи с существующей угрозой распространения COVID-19, когда необходимо минимизировать контакты между людьми. А также, это будет одним из решений проблемы, возникающей в случаях невозможности лица явиться по вызову следователя по месту предварительного следствия. Например, следователю необходимо допросить свидетеля, проживающего в другом регионе, он мог бы провести допрос самостоятельно, но дистанционно, посредством видео-конференц-

[1] Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 35.

связи и при этом, не возникала бы необходимость туда выезжать, что привело бы к уменьшению расходов в ходе уголовного судопроизводства, а также исключило бы необходимость направления органу дознания поручения о производстве допроса в порядке реализации положений ч. 1 ст. 152 УПК РФ. В настоящее время применение видео-конференц-связи стало допустимым в судебном производстве и регулируется положением, предусмотренным ст. 278.1 УПК РФ. Данная процедура в перспективе может стать необходимой в порядке обеспечения безопасности лица, проходящего по уголовному делу, особенно свидетеля[1]. Однако, для того чтобы это предложение реализовать, необходимо наличие у допрашиваемого лица электронной подписи, полученной в установленном порядке.

В связи с этим, возникает необходимость закрепления на законодательном уровне обязательного порядка получения электронной цифровой подписи лица, проходящего по уголовному делу, в ускоренной и упрощенной форме, в отличие от общего регламента ее получения. Либо органам государственной власти необходимо принять решение об обязательном получении электронной подписи всеми совершеннолетними дееспособными гражданами.

Стоит отметить, что внедрение информационных технологий в следственную деятельность значительно облегчить работу как самому следователю, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, так и руководителю органа предварительного следствия, обязанного обеспечивать законность, качество и сроки расследования уголовного дела своими подчиненными.

Рассмотрим, каким образом внедрение информационных технологий в работу органов предварительного следствия улучшит взаимодействие следователя и руководителя следственного органа повысит качество расследования уголовного дела.

На наш взгляд, повышение эффективности деятельности руководителей следственного органа достижимо путем внедрения информационных технологий в их управленческую деятельности в виде единой автоматизированной информационной системы органов предварительного следствия (далее ЕАИС – ОПС) с разработанным сегментом базы данных электронных уголовных дел.

Стоит обратить внимание, что многие авторы в своих научных работах довольно давно обсуждают значимость активного использования информационных технологий, в том числе баз данных материалов электронного уголовного дела. Так, вопрос, связанный с ведением уголовного дела в электронном формате в данной области, уже не в первый раз рассматривал А.Ф. Абдулвалиев[2].

В основном в своих работах автор широко раскрывает аспекты, связанные с внедрением информационных технологий в судебные стадии уголовного судопроизводства. Однако его некоторые исследования не обходят стороной и момент, связанный с необходимостью формирования материалов уголовного дела в электронном виде на досудебной стадии.

Кроме того, данный вопрос также в своих исследованиях затрагивают Ю.А. Цветков и О.А. Качалова, которые обращают внимание на то, что необходимо создать информационный портал, на котором содержались бы все материалы уголовного дела, разделенные по секциям в зависимости от количества участников уголовного процесса. По их мнению, такой информационный портал позволит участникам

[1] Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 25.
[2] Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело // Право и политика. 2013. № 2. С. 16.

уголовного судопроизводства легко ознакомиться с общей информацией по уголовному делу, а также со сведениями, с которыми они имеют право ознакомиться согласно уголовно-процессуальному законодательству[1].

А.Ф. Абдулвалиев, проведя немало исследований, приходит к выводу о том, что необходимо создать «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации — материалов уголовного дела». Автор утверждает, что замена бумажного формата уголовного дела возможна благодаря такому устройству как в ходе досудебного, так и в процессе судебного производства. А.Ф. Абдулвалиев поддерживает мнение О.В. Качаловой с Ю.А. Цветковым о том, что «одним из первых шагов в модернизации уголовного судопроизводства, должен стать переход на новую форму уголовного дела и отказ от бумажных процессуальных документов».

В настоящее время уже имеются соответствующие информационные технологии, которые, на наш взгляд, позволят использовать электронное уголовное дело в процессе осуществления процессуального и ведомственного контроля, тем более что на практике отдельные элементы этого процесса уже осуществляются.

Отметим, что даже на сегодняшний день уже тяжело представить деятельность органов предварительного следствия без использования в ней информационных технологий, так как практически все процессуальные документы, которые подготавливаются следователем в ходе расследования, создаются не только на бумаге, но и в электронной форме с помощью компьютерной техники. Но, для того, чтобы придать юридическую силу электронному документу, следователю необходимо его распечатать и направить на подпись участникам уголовного процесса. И только после подписания процессуальные документы приобретают юридическую силу. Созданные в электронном виде документы остаются на технических устройствах, и в дальнейшем сотрудники могут их использовать в качестве шаблонов в процессе формирования иных аналогичных документов.

На практике встречается такое, что документы, неоформленные соответствующим образом, в электронном виде представляются руководителям следственного органа разного уровня. Такое происходит, когда в кратчайшие сроки необходимо определиться с решением по делу, а предоставить уголовное дело на бумажном носителе невозможно. Данный процесс наиболее часто встречается, у сотрудников органа предварительного следствия межмуниципальных территориальных органов МВД России, а также других органов предварительного следствия, когда им необходимо в сжатые сроки представить документы в территориальные органы МВД России на региональном и даже федеральном уровне.

Всё это может привести к тому, что должностные лица, принимая соответствующие решения по таким «документам», рискуют быть введенными в заблуждение и совершить непреднамеренную ошибку. Возможны и такие случаи, когда в ходе расследования уголовного дела, либо после его окончания и последующего направления материалов в суд, судья, прокурор, поддерживающие обвинение, просят следователя или руководителя следственного органа предоставить в их распоряжение материалы уголовного дела в электронной форме.

Кроме того, рассматривая положительные стороны данного вопроса, стоит обратить внимание на то, что, вытесняя бумажный документооборот, электронный поможет следователю повысить качество расследования уголовного дела, так как у

[1] Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012 — 2014 годах: приказ МВД России от 30.03.2012 № 205 // СТРАС «Юрист».

руководителя следственного органа появится еще один способ, который позволит ему выявить различные исправления и недочеты в материалах уголовного дела, допущенные следователем.

Напомним, что до недавнего времени в органах предварительного следствия в системе МВД России применялась ЕБД «Невод». Данная база данных активно использовалась не только в служебной деятельности следственных и оперативных подразделений МВД России, но и применялась в работе научных организаций МВД России. Ее применение только подтверждает необходимость внедрения электронного уголовного дела в деятельность следователя и руководителя следственного органа.

Таким образом, технический прогресс оказывает огромное влияние на процессуальную деятельность не только следователя, но и руководителя следственного органа в системе МВД России. Это выражается в том, что технические устройства позволяют руководителю следственного органа обеспечить своевременный оперативный контроль за расследованием уголовного дела. Тем самым, данный процесс ведет к сокращению сроков расследования и издержек на передачу уголовного дела для проверок и согласований вышестоящему руководству, а также позволяет создать гарантированную возможность восстановления уголовного дела в случае его утраты и снизить возможность внесения исправлений в материалы уголовного дела, тем самым повысить его качество расследования.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит еще раз подчеркнуть, что уголовный процесс находится на стадии реформирования его технической базы. На сегодняшний день деятельность следователя без информационных технологий невозможна. Их применение позволяет значительно облегчить работу следователю, тем самым повысить оперативность ведения уголовных дел. Что касается роли информационных технологий в деятельности руководителя следственного органа, то их применение способствует своевременному выбору и эффективному использованию наиболее оптимальных управленческих решений, направленных на достижение необходимого результата уголовного судопроизводства.

Буров В.М.
Научный руководитель: **Кобзарев Ф.М.**

К вопросу о внесении изменений в досудебное соглашение о сотрудничестве при производстве по уголовному делу

Аннотация. Статья посвящена вопросам, возникающим при изменении обвинения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве в рамках осуществления уголовного преследования и связанным с этим проблемам применения данного института. Для решения этих проблем проводится анализ законодательства, мнений исследователей и судебной практики, формулируются предложения по решению данных проблем и совершенствованию законодательства о рассматриваемом институте.

Ключевые слова: досудебное соглашение, сотрудничество, объем обвинения, полномочия прокурора, суд, условия соглашения, изменение соглашения.

К числу неоднозначно решаемых в теории и правоприменительной практике вопросов, возникающих при реализации института досудебного соглашения, относится вопрос, связанный с возможной потребностью внесения изменений в досудебное соглашение, либо заключения нового соглашения при изменении объема

обвинения лица, заключившего такое соглашение. При этом отдельные суды, исходя из необходимости изменения досудебного соглашения, возвращают уголовные дела прокурору, указывая это обстоятельство в качестве препятствия рассмотрения уголовного дела судом.

Как известно, при составлении досудебного соглашения, в тексте соглашения указываются: пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за совершенное подозреваемым (обвиняемым) преступление; описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иные обстоятельства. В ходе предварительного расследования нередко возникает ситуация, при которой объем обвинения лица, согласившегося сотрудничать с органами следствия, изменяется в большую или меньшую стороны. По этому поводу возникает вопрос, должен ли прокурор вносить изменение в заключенное соглашение.

Учитывая, что в уголовно-процессуальном законе эта ситуация не регламентирована, исследователи данной проблемы высказывают различные мнения. Так, О.Н. Тиссен[1], а также А.В. Смирнов[2] указывают, что в случае, если в ходе расследования лицу был предъявлено обвинение в совершении более тяжкого преступления или если были установлены новые эпизоды преступной деятельности, то требуется перезаключить досудебное соглашение, включив в него новую формулу обвинения, а также новые установленные эпизоды преступной деятельности.

В свою очередь, Е.Л. Федосеева отмечает, что квалификация действий подозреваемого (обвиняемого) не имеет связи с предметом досудебного соглашения (т.е. теми действиями, который он обязуется совершить в целях содействия следствию). Подозреваемый (обвиняемый) должен осознавать, что в ходе расследования допускается возможность изменения обвинения, в том числе в неблагоприятную для него сторону[3]. Данную позицию поддерживает А.Л. Карлов, который указывает на то, что лицо, при предъявлении ему обвинения, и последующем его допросе выражает свое отношение к предъявленному обвинению, в связи с чем, не требуется точного соответствия формулы нового обвинения и квалификации действий подозреваемого (обвиняемого), содержащейся в досудебном соглашении[4]. На эту же тему высказывается К.Ф. Багаутдинов, который считает, что в случае изменения обвинения следователю и прокурору следует убедиться в том, что обвиняемый желает продолжить сотрудничество со следствием после предъявления ему нового обвинения в сторону ухудшения[5].

По указанному вопросу имеется ряд различных судебных решений. К примеру, в одном из решений Московского городского суда рассмотрен вопрос о необходимости заключения нового досудебного соглашения в ходе расследования уголовного дела. Так, судом первой инстанции уголовное дело по обвинению Т. в совершении десяти

---

[1] Тиссен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 487.

[2] Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 8.

[3] Федосеева Е.Л. К вопросу о необходимости заключения с обвиняемым нового (дополнительного) досудебного соглашения о сотрудничестве // Адвокат. 2013. № 10. С. 10.

[4] Карлов А.Л. В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей. Научные редакторы: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Отв. секретарь И.В. Чаднова. Томск, 2019. С. 245.

[5] Багаутдинов К.Ф. Вопросы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в случае изменения обвинения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. 74.

преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 234 УК РФ и двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 234 УК РФ, было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения. В обоснование своего решения, суд указал на то, что прокурором было заключено досудебное соглашение с Т., обвиняемым (на тот момент) в совершении одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 234 УК РФ. В ходе расследования уголовного дела обвинение Т. перепредъявлялось, и в момент направления уголовного дела в суд, Т. обвинялся в совершении десяти преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 234 УК РФ и двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 234 УК РФ. Несмотря на увеличение объема обвинения, новое соглашение о сотрудничестве с Т. не заключалось. Изложенные обстоятельства, по мнению суда, указывают на то, что при составлении обвинительного заключения были допущены нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, повлекшие невозможность принятия судом законного, обоснованного и мотивированного решения по делу. Рассматривая представление прокурора на решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции не согласился с обоснованием и выводами суда 1-й инстанции о необходимости возвращения уголовного дела, отменил решение и направил уголовное дело на новое судебное рассмотрение[1].

Также по указанному вопросу имеется судебное решение, в котором изложено противоположное мнение. Так, в постановлении Московского городского суда от 10.10.2019 № 4у/8-4692/19 указано, что судом первой и апелляционной инстанций уголовное дело было возвращено прокурору в связи с наличием препятствий для его рассмотрения. В начале предварительного следствия с В., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ, было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Впоследствии действия В. были переквалифицированы на ч. 4 ст. 160 УК РФ, однако фактический объем совершенных им противоправных действий и обстоятельства их совершения при этом не изменились. В. в ходе предварительного следствия совершил все необходимые действия, предусмотренные досудебным соглашением. Каких-либо действий, влекущих изменение или прекращение сотрудничества он не совершал, в связи с чем, у прокурора отсутствовали, предусмотренные законом основания по собственной инициативе заключить новое досудебное соглашение о сотрудничестве (или внести изменение в действующее ДСоС). С новым обвинением В. согласился, признав вину в полном объеме. Оценивая кассационное представление прокурора, суд указал на то, что основания для передачи уголовного дела для его рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отсутствуют. Толкуя норму ч. 5 ст. 317. 4 УПК РФ, суд указал, что изменение существенных условий досудебного соглашения влечет изменение прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве, и в таком случае должно быть составлено новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном УПК РФ. Суд первой и апелляционной инстанции отметили, что в материалах уголовного дела отсутствует новое досудебное соглашение с В., а предъявление В. обвинения в отсутствие в заключенном соглашении полного описания события, инкриминируемого ему преступления является изменением договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одной из сторон соглашения. Таким образом, суд отметил, что нарушение

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-3066\2020 от 20.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 11.09.2020.

порядка составления досудебного соглашения о сотрудничестве, нарушает право В. на защиту, и может лишить его права на рассмотрение дела в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ[1].

Анализируя вышеизложенное необходимо отметить, что, несмотря на увеличение объема обвинения и несоставление нового досудебного соглашения по расследуемому уголовного делу, факт неотражения новой формулы обвинения не может являться препятствием для рассмотрения уголовного дела по существу в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ. Также, необходимо учесть, что факт изменения объема обвинения не может указывать на то, что происходит какое-либо ограничение права на защиту лица, заключившего досудебное соглашение. Изменение объема обвинения происходит в сочетании с проведением предъявления обвинения и последующего допроса обвиняемого. В ходе производства данных процессуальных действий обвиняемый выражает свое отношение к предъявленному ему обвинению.

Резюмируя изложенное, необходимо особо выделить, что в случае, если лицо не соглашается с вновь предъявленным ему обвинением, предварительное следствие с применением особого порядка производства подлежит прекращению, так как лицо о не выполняет обязательное условие, предъявляемое к порядку расследования, производимого в отношении лица, заключившего ДСоС. В ходе предварительного следствия не существует, и не может быть никаких гарантий того, что исходный объем обвинения не будет изменен в большую или меньшую стороны. Факт изменения квалификации действий обвиняемого в соответствующем решении, не должен рассматриваться как нарушение прав обвиняемого на защиту и в частности, на рассмотрение его дела в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ.

Необходимо указать на то, что полномочиями по изменению или заключению нового досудебного соглашения наделен исключительно прокурор. Прокурор вправе изменить и составить новое соглашение о сотрудничестве только при наличии оснований, указанных в гл. 40.1 УПК РФ. К числу таких оснований относится: выявление сведений о том, что лицо не соблюдает условия и не выполняет принятые на себя обязательства, предусмотренные досудебным соглашением, либо если установлено, что этим же лицом сообщались ложные сведения, либо если установлено, что подозреваемый (обвиняемый) скрыл от правоохранительных органов какие-либо существенные сведения. Как часто указывают многие исследователи и Конституционный Суд Российской Федерации, вопросы, касающиеся определения необходимости, порядка заключения, изменения (пересоставления) досудебного соглашения о сотрудничестве, отнесены к компетенции прокурора и органа предварительного следствия (в части определения хода расследования) и зависят от их дискреционных усмотрений. При принятии решений властные субъекты руководствуются фактическими обстоятельствами уголовного дела и интересами обеспечения эффективности расследования[2].

---

[1] Постановление Московского городского суда от 10.10.2019 № 4у/8-4692/19. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 10.09.2020.

[2] Определение Конституционный Суда Российской Федерации от 28.01.2019 № 3211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Берлезова Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 21, пунктом 5.2 части второй статьи 37, статьей 38, частью шестой статьи 47 и частью третьей статьи 317.1 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 29.08.2020.

Учитывая противоречивую судебную практику и различные мнения исследователей, можно представить следующую теоретическую конструкцию, содержание которой, на наш взгляд, будет способствовать установлению единообразного подхода по применению норм института досудебного соглашения и обеспечению единства судебной практики.

1. Факт предъявления нового обвинения не обязывает сторону обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством заключать новое ДСоС.

2. Правовые основания возвращения уголовного дела прокурору, изложенные в ст. 237 УПК РФ, не предполагают возвращение уголовного дела в целях изменения заключенного досудебного соглашения. Поскольку полномочиями по заключению ДСоС наделен исключительно прокурор, любое судебное решение, предписывающее прокурору составить новое ДСоС – должно быть обжаловано в установленном законом порядке.

3. Сущность досудебного соглашения о сотрудничестве с одной стороны выражается в принятии и осуществлении подозреваемым (обвиняемым) определенных обязательств по совершению всего комплекса возможных действий, направленных на содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления и в выполнении др. действий; а с другой стороны – выражается в виде действий прокурора, заключающихся в проверке условий соблюдения обвиняемым соглашения и вынесении представления о соблюдении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

4. Условия соглашения (ст. 317.3 УПК РФ) не содержат запрета на увеличение объема первоначального обвинения, при последующем согласии подозреваемого (обвиняемого) с объемом предъявленного ему обвинения в окончательной редакции.

5. Досудебное соглашение о сотрудничестве, заключенное с подозреваемым (обвиняемым) по более «мягкому» обвинению, предъявленному ему на момент заключения соглашения, не лишает и не ущемляет его право на защиту, гарантированное Конституцией РФ

Таким образом, положения гл. 40.1 УПК РФ не содержат указаний и не наделяют прокурора полномочиями по внесению изменений или исправлений в текст действующего досудебного соглашения при изменении объема обвинения, заключению нового досудебного соглашения.

Исходя из вышеуказанного, представляется необходимым внести соответствующие изменения и дополнения в главу 40.1 УПК РФ, в одной из норм которой закрепить положение о том, что изменение объема обвинения не влечет за собой обязанность уполномоченных лиц по изменению (пересоставлению) ранее заключенного досудебного соглашения.

Вавин Д.В.
Научный руководитель: **Сушина Т.Е.**

Проблема подмены следственных действий при производстве предварительного расследования

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в следственной практике при подмене одних следственных действий другими при производстве предварительного расследования. Приводятся некоторые примеры таких ситуаций, анализируются возможные

правовые последствия подмены следственных действий для доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: следственные действия; подмена следственных действий; осмотр; выемка; допрос; предъявление для опознания; собирание доказательств; недопустимость доказательств.

Производство следственных действий представляет собой сердцевину процесса доказывания в ходе предварительного расследования по уголовным делам. Именно собранные по итогам их проведения доказательства формируют предмет доказывания преступного деяния и позволяют установить лиц, его совершивших. На эти доказательства будет опираться государственный обвинитель при осуществлении уголовного преследования на судебных стадиях уголовного производства.

Существуют различные классификации следственных действий по различным основаниям. Данный вопрос подробно исследовал С.А. Шейфер, предложивший, помимо прочего, классификацию следственных действий по методу отображения фактических данных, получаемых в ходе их проведения на следственные действия, базирующиеся на методах наблюдения, расспроса, а также сочетания наблюдения и расспроса[1]. Данная классификация, на наш взгляд, имеет огромное практическое значение, поскольку она, с некоторыми отличиями, заложена законодателем в структуру Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ), который группирует следственные действия в главы исходя из познавательных методов, используемых при их проведении.

Для того, чтобы доказательственная база, полученная при производстве расследования, обладала признаком процессуальной доброкачественности, следователем (дознавателем) при производстве следственного действия должна быть четко соблюдена процессуальная форма, установленная УПК РФ.

Поскольку уголовно-процессуальный закон систематизирует следственные действия исходя из методов их проведения, огромное значение для сбора допустимых доказательств имеет правильный, надлежащий выбор того следственного действия, форма которого специально сконструирована законодателем для получения той или иной информации, имеющей доказательственное значение.

Проведение ненадлежащего следственного действия может повлечь утрату возможности закрепления доказательственной информации и нарушение конституционных прав граждан. В случае, когда такая следственная ошибка не является необратимой, повторное проведение уже правильного в данном случае следственного действия увеличивает срок предварительного расследования, что отрицательно сказывается на соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства.

Например, если следователю необходимо проверить доводы обвиняемого о том, что выглянувший из-за двери своей квартиры свидетель не мог видеть труп, лежащий на лестничной клетке между этажами, ст. 181 УПК РФ предусматривает возможность проведения такого следственного действия как следственный эксперимент. Производство действий, которые по своему содержанию фактически составляют следственный эксперимент, при оформлении их как иного следственного действия, нарушает процессуальную форму и может повлечь негативные последствия в виде

[1] Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2004. С. 49.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.02.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001.

признания протокола соответствующего следственного действия недопустимым доказательством. В приведенном выше примере такое нарушение возможно, если следователь путем помещения манекена на место расположения трупа проверит возможность его видимости с высоты роста свидетеля, выглядывавшего из-за двери, и при этом оформит данное действие как следственный осмотр. Осмотр не может подменять собой следственный эксперимент, поскольку методы и цели его проведения принципиально отличаются от методов и целей следственного эксперимента. Осмотр, согласно ст. 176 УПК РФ, производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом познавательным методом осмотра является наблюдение. Следственный эксперимент – проверочное следственное действие, основанное на сочетании наблюдения с моделированием и измерением.

Данный вывод подтверждает и пример из судебной практики. Так, суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу на решение районного суда, вынесенное им в порядке ст. 125 УПК РФ, указал, что основная задача следственного осмотра состоит в изучении объектов осмотра, выявлении и фиксации их существенных материальных признаков, имеющих отношение к событию преступления, а при производстве следственного эксперимента следователь не ограничивается наблюдением и фиксацией обнаруженного, а воссоздает определенные условия изучаемого события и производит опыты с тем, чтобы установить, могло или не могло при определенных условиях иметь место какое-либо обстоятельство или явление. Отказ следователя в удовлетворении ходатайства защитника о проведении следственного эксперимента со ссылкой на то, что был проведен дополнительный осмотр места происшествия, суд признал незаконным и необоснованным[1].

В приведенном примере последствием подмены следственных действий является необходимость производства следственного эксперимента с соблюдением установленной для него законом формы. То есть в данном случае ошибка является исправимой, пусть даже такое исправление порой достигается за счет продления сроков предварительного следствия. Вместе с тем, следственная практика знает примеры таких подмен, последствием которых является признание полученных доказательств недопустимыми.

Так, ст. 193 УПК РФ предусматривает возможность предъявления для опознания потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому лица, или предмета в целях установления его соответствия или различия с тем объектом, который ранее наблюдался опознающими, закрепившись в их памяти.

Однако известны случаи, когда установленная уголовно-процессуальным законом процедура опознания подменяется следователем путем предъявления фотографий «опознаваемого» в ходе допроса, о чем указывается в протоколе.

Например, «потерпевшему А. предъявляется фотография подозреваемого Б. из паспорта», после чего потерпевший А. указывает, что он «уверенно опознал подозреваемого Б.», как лицо, совершившее в отношении него преступление. Такая подмена, как мы считаем, является незаконной, поскольку таким образом нарушаются те положения УПК РФ, которые гарантируют достоверность результатов предъявления для опознания: не обеспечивается обязательное, в силу ст. 170 УПК

[1] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу № 22-202/2014 от 15.01.2014. [Электронный ресурс] URL: //sudact.ru/regular/doc/pBHDZFWEnGmo/. Дата обращения: 20.10.2020.

РФ, участие понятых; не участвуют в такой процедуре подозреваемый, обвиняемый и его защитник, которым законом дано право делать подлежащие занесению в протокол замечания относительно соблюдения установленной процедуры производства данного следственного действия. Кроме того, обязательным условием предъявления для опознания является предварительный допрос опознающего о тех приметах и признаках, по которым он может опознать лицо или предмет. При приведенной в качестве примера предъявления фотографий в ходе допроса нельзя гарантировать отсутствие подсказок со стороны следователя относительно характерных черт, по которым было опознано лицо. Все это ставит под сомнения достоверность результатов такого «опознания». Наконец, указанные следственные действия основаны на разных познавательных методах. Если допрос основывается на применении метода расспроса, т.е. получения информации в вербальной форме, предъявление для опознания сочетает методы расспроса и наблюдения и является прежде всего проверочным следственным действием, предусмотренным как раз для того, чтобы, к примеру, проверить данные в ходе допроса свидетелем или потерпевшим утверждения о том, что он может опознать лицо или предмет. Потому проверяемое следственное действие не может подменять собой проверяющее.

Недопустимо проводить опознание и в ходе очной ставки, также основанной на методе расспроса. Как справедливо отмечает Л.А. Воскобитова, очная ставка не должна подменять производство такого следственного действия, как предъявление для опознания. В частности, очная ставка не может производиться с целью отождествления (узнавания) одним участником другого[1].

Подтверждает указанные выводы и Конституционный Суд РФ, согласно позиции которого, положения статей 277 и 284 УПК РФ, регулируя порядок допроса потерпевшего и осмотра вещественных доказательств в ходе судебного заседания, дифференцируют правила производства указанных судебных действий и порядок предъявления для опознания, которое производится в соответствии с требованиями статьи 193 УПК РФ; нормы не содержат каких-либо положений, позволяющих подменять перечисленные судебные действия[2]. Несмотря на то, что в данном случае предметом анализа выступили нормы о допросе потерпевшего в судебном заседании, на наш взгляд, приведенная позиция применима и к допросу, осуществляемому в ходе предварительного расследования.

Приведенное нарушение влечет недопустимость протокола допроса в части предъявления фотографий «опознаваемого» лица. Что еще более важно, такая подмена влечет невозможность проведения предъявления для опознания в уже предусмотренной УПК РФ форме. Как указал Верховный Суд РФ в кассационном определении от 10 февраля 2010 года, повторное опознание не допускается в случаях, когда первоначальное было произведено с существенным нарушением норм УПК РФ[3].

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III – IV. С. 912.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 632-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 78, частью первой статьи 86, статьями 277 и 284 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: http://www.sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_7028.htm. Дата обращения: 20.10.2020.

[3] Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2010 № 45-010-3 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

Иногда подмена одного следственного действия другим обусловлена желанием следователя сэкономить время. Так, достаточно широкое, на наш взгляд, распространение получила практика подмены выемки осмотром места происшествия. Например, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, было обнаружено и изъято имущество, похищенное в результате совершения кражи. В связи с этим возникает необходимость передать данное имущество следователю (дознавателю) для проведения осмотра и приобщения в качестве вещественного доказательства.

Соответственно, правильным было бы в данном случае провести выемку похищенного по правилам ст. 183 УПК РФ, поскольку следователю известно, какие точно предметы имеют значение для уголовного дела, а также у кого они находятся. Однако на практике следователи часто проводят вместо этого осмотр места происшествия – кабинета оперативного уполномоченного, по результатам которого осуществляют изъятие предметов из кабинета. Так, по одному уголовному делу в качестве доказательства, подтверждающего вину лица в совершении кражи, был приведен протокол осмотра места происшествия – кабинета ОУР ОМВД России, в ходе которого были изъяты украденные гаечные ключи и другие инструменты, выданные оперативникам обвиняемым[1].

Такая «процессуальная экономия» представляется сомнительной как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Осмотр места происшествия стоит отдельно от других видов следственного осмотра, потому что основным критерием его выделения является неотложный характер проведения, в то время как остальные виды осмотра разграничиваются прежде всего по объекту осмотра. Потому проведение осмотра места происшествия, согласно ст. 144 УПК РФ, возможно и в ходе проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела. В то же время, в ходе судебного следствия, в соответствии со ст. 287 УПК РФ, осмотр места происшествия не предусмотрен, что также подтверждает вывод об его неотложном характере. Как верно отмечается в науке уголовно-процессуального права, осмотр местности, жилища и иных помещений не является осмотром места происшествия и его нельзя проводить до возбуждения дела, когда отсутствует неотложная следственная ситуация либо признаки объектов устанавливают не факт преступления, а иные подлежащие доказыванию обстоятельства[2]. Таким образом, рассмотрение кабинетов оперативных работников в качестве «места происшествия» с теоретической точки зрения не допускается.

Кроме того, на практике ни о какой экономии времени в результате подмены данных следственных действий говорить не приходится. Пусть следователь в данном случае и не выносит постановление, заменив выемку осмотром места происшествия, это не избавляет его от необходимости описать в протоколе «место происшествия», т.е. служебный кабинет, а также удостоверить ход осмотра с помощью применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия либо обеспечить участие понятых, на что также затрачивается значительный временной ресурс.

---

[1] Апелляционное постановление Полярного районного суда г. Мурманска № 10-2/2020 от 17.04.2020 по делу № 10-2/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: Учебное пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2004. С. 73.

Наконец, нельзя не отметить те редкие, но, к сожалению, встречающиеся на практике ситуации, когда целью подмены следственных действий является стремление следователей зафиксировать таким образом признательные показания подозреваемых или обвиняемых.

Здесь можно привести в пример ситуацию, когда в ходе проверки сообщения о преступлении у лица, в дальнейшем ставшего обвиняемым, были отобраны объяснения, в которых он признавал свою вину в совершении преступления, но в ходе допросов, уже после возбуждения уголовного дела, он давал показания, в которых виновным себя не признавал. Поскольку объяснения, данные в ходе проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, не являются доказательствами, чтобы ввести признание лицом своей вины в доказательственную базу по уголовному делу, следователь осматривает бланк объяснения и приводит протокол его осмотра в обвинительном заключении в качестве доказательства, подтверждающего обвинение, а иногда и приобщает этот бланк в качестве вещественного доказательства.

Вызывают лишь недоумение те ситуации, когда суды признают такие «приемы» допустимыми и включают такие «доказательства» в приговор как подтверждающие виновность лица в совершении преступления. Так, суд первой инстанции в обвинительном приговоре по одному из дел указал, что вина лица в совершении преступления подтверждается «протоколом осмотра бланка объяснений Ф.И.О. от ДД.ММ.ГГГГ, а также постановлением о признании и приобщении указанного бланка объяснений Ф.И.О. в качестве вещественного доказательства»[1].

Использование объяснений лица в качестве доказательств его виновности прямым образом нарушает его право на защиту, поскольку при их отобрании не предусматривается тот широкий спектр гарантий, которые есть при допросе.

Допрашиваемому разъясняются права, предусмотренные УПК РФ для лиц соответствующего процессуального статуса, включая право подозреваемого пользоваться помощью защитника и иметь с ним свидания наедине и конфиденциально до первого допроса. При отобрании объяснений также разъясняется право пользоваться услугами адвоката, которое, однако, не является обязательным, как-то фактически имеет место при допросе подозреваемого, который либо приглашает защитника, либо обеспечивается защитником в порядке ст. 51 УПК РФ. Таким образом, при даче объяснений лицо не во всех случаях имеет возможность проконсультироваться с адвокатом, а также не защищено от какого-либо внепроцессуального давления со стороны должностных лиц, отбирающих объяснения.

В качестве доказательств, согласно ст. 74 УПК РФ, допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, сообщенные им на допросах с соблюдением положений ст. 187-190 УПК РФ, а также гарантий права на защиту. Объяснения лица и протокол их осмотра, в котором фактически воспроизводится содержание данных объяснений, указанным требованиям уголовно-процессуального закона не соответствуют, а потому, по нашему мнению, не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Таким образом, проблема подмены следственных действий при производстве предварительного расследования представляется крайне актуальной для российской правоприменительной практики. Более того, данная проблема является

[1] Приговор Учалинского районного суда Республики Башкортостан № 1-301-/2019 от 05.12.2019 по делу № 1-301/2019. // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

многоаспектной, поскольку охватывает многие институты уголовно-процессуального права, в том числе правовое регулирование оснований производства следственных действий и процесса доказывания. Усиление ведомственного контроля за ходом предварительного расследования и разработка методического инструментария для следователей (дознавателей) позволит, на наш взгляд, повысить качество доказательственной базы по уголовным делам, а также обеспечить единообразие практики проведения конкретных следственных действий.

Волков М.А.
Научный руководитель: **Моисеенко М.А.**

Взаимодействие следственных и налоговых органов при установлении умысла (субъективных признаков) на совершение налогового преступления

Аннотация. В статье проанализированы основные положения из Письма ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с "Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России), цель которых, улучшение взаимодействия между следственными и налоговыми органами при расследовании налоговых преступлений

Ключевые слова: налоговые преступления, следственные органы, налоговые органы, взаимодействие следственных и налоговых органов, умысел, доказывание умысла

Уголовная ответственность за налоговые преступления предусмотрена ст. 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ. Для правильной квалификации преступлении, относящихся к таким видам, нужно установить и доказать один из главных элементов составов налоговых преступлении, то есть умысел на совершение налогового преступления (как одного из главных признаков субъективной стороны состава преступления). Согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 года № 48, обязательным признаком состава налогового преступления является наличие умысла на совершение уклонения от уплаты налогов (п. 1,4,6,8,9,22,23[1]). До этого о том, что субъективная сторона налоговых преступлении характеризуется исключительно прямым умыслом было отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 года № 9–П [2], (которое, несмотря на законодательное редактирование ст. 199 УК РФ, а именно, изменения способа уклонения от уплаты налогов, не потеряло своей актуальности). Значимость установления умысла на совершение налогового преступления для следственных органов возросла после 2014 года, когда Федеральным Законом № 308-ФЗ была отменена норма, устанавливающая, что поводом для возбуждения уголовного дела о

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // «Российская газета» № 276, 06.12.2019.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с. жалобами граждан Белецкого П.Н., Никовой Г.А., Рукавишникова Р.В., Соколовского В.Л. и Таланова Н.И.» // «Российская газета» № 105, 03.06.2003.

преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела[1]. До этого материалы, поступавшие из налогового органа о нарушении налогоплательщиком налогового законодательства, фактически уже имели установленный умысел на нарушение законодательства о налогах и сборах (п.3 ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации, далее – НК РФ). Следователю же оставалось доказать лишь факт уклонения лица от уплаты налога, как способа неуплаты налога.

Под умыслом должны пониматься действия лица, совершившего налоговое преступление, которые были осуществлены с осознанием противоправного характера своих действии (бездействии), и с желанием либо с сознательным допущением наступления вредных последствии.

При этом, если раньше была распространена точка зрения, что налоговое преступление могло быть совершено как с умыслом, так и по неосторожности (например, в случае технической или арифметической ошибки), а сторонники умысла как единственной формы вины при совершении налоговых преступлении могли отстаивать свою точку зрения лишь в доктрине[2], то вышеупомянутые разъяснения Верховного Суда РФ данную возможность исключили.

Таким образом, установление умысла является одной из основных задач в ходе расследовании деяния, имеющего признаки налогового преступления при доказывании виновности лица/налогоплательщика в совершении деянии, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ.

В соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ, расследование налоговых преступлении осуществляют следственные органы Следственного комитета Российской Федерации – далее, СК России. При этом в ходе расследования налоговых преступлении следственные органы СК России активно взаимодействуют и с другими органами государственной власти. Речь, в первую очередь, идёт о взаимодействии следственных органов (СК России) и налоговых органов (ФНС России, а также территориальные налоговые инспекции). Взаимодействие данных органов на различных этапах расследования налоговых преступлении и по различным его вопросам является достаточно активным. Одним из вопросов, затрагивающих взаимодействие двух ведомств является обязательное установление умысла на совершение уклонения от уплаты налогов. Данный вопрос нашёл своё отражение в Письме ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с "Методическими рекомендациями «Об исследовании и

[1] Богомолова К.И. О реализации возможностей правоохранительных органов при документировании налоговых преступлений и установлении умысла на их совершение // Информационная безопасность регионов. 2015. № 4 (21). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-vozmozhnostey-pravoohranitelnyh-organov-pri-dokumentirovanii-nalogovyh-prestupleniy-i-ustanovlenii-umysla-na-ih. Дата обращения: 06.10.2020.

[2] Белов Е. В., Харламова А. А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2016. С. 42.

доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России[1]) – далее, методические рекомендации.

Данные методические рекомендации раскрывают ряд вопросов, которые касаются установления умысла на совершение налогового преступления.

В частности, данные методические рекомендации затрагивают:

- значение установление умышленной неуплаты сумм налога (в целях улучшения уголовно-правовой перспективы);
- способы доказывания умысла (в том числе и использование косвенных доказательств и практики арбитражных судов);
- объекты исследования, позволяющие выявить или установить умысел на совершение деяния (договоры, инструкции, расписание, пояснение), а также возможность использования внешних источников на установление умысла;
- анализ деянии, совершённых лицом/налогоплательщиков в ходе своей коммерческой или иной деятельности;
- использование однозначной терминологии;
- проверка пояснении налогоплательщика (его версии);
- использование прямых фактов, доказывающих умысел на совершение преступления и поведение налогоплательщика, как возможное свидетельство умышленных действии на совершение преступления;
- использование знании о самых распространённых преступных схемах по уклонению от уплаты налогов;
- рекомендация по активному взаимодействию (консультированию) должностных лиц налоговых органов со следователями (деятельность межведомственных рабочих групп) и с сотрудниками органов внутренних дел при выездных налоговых проверках и использования результатов ОРД.

В ходе анализа положении, закреплённых в данных рекомендациях, можно выделить некоторые проблемы, которые могут негативно сказаться при принятии решения о возбуждении уголовного дела или непосредственного расследования уголовного дела по налоговому преступлению.

Проблемы некоторых спорных и неоднозначных положении данных методических рекомендации:

1. Неуплату налогов и уклонение от уплаты достаточно трудно отождествлять из-за различной степени общественной опасности (такое отождествление и приравнивание уклонения от уплаты налога, доказыванием которого занимаются следственные органы в лице следователей СК России и умышленной неуплаты налога (п.3 ст. 122 НК РФ), которую устанавливают налоговые органы (в лице должностных лиц налогового органа, осуществляющих мероприятия налогового контроля) – далее, налоговые органы), следует из пункта 1 методических рекомендации.

Представляется, что данная позиция ошибочна. В подтверждении этого необходимо обратиться к номам ст. 122 НК РФ и ст.198-199 УК РФ. Если неуплата налога представляет собой лишь неисполнение обязанности по уплате налога,

[1] Письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с "Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // «Официальные документы», № 35, 26.09-02.10.2017 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»)

установленной Конституцией Российской Федерации (ст. 57) [1] и налоговым законодательством, то уклонение от уплаты, помимо неуплаты, включает в себя и совершение определённых действии по обману налогового органа (введению в заблуждение налогового органа), например, путём непредставления налоговой декларации. Данная идея коррелирует с вышеупомянутым постановлением КС РФ от 27.05.2003 г. №9-П, в котором подчёркивается, что цель уклонения не просто в неуплате, а в избежании данной уплаты налога (создание непреодолимых препятствии для осуществления налогового контроля)[2]. Следовательно, общественная опасность неуплаты налога (даже умышленной) значительно ниже уклонения от уплаты, так как при уклонении имеет место противодействие (активное или менее активное) органам, осуществляющим налоговый контроль. Поэтому отождествление неуплаты налога и уклонения от уплаты налога недопустимо.

Безусловно данная идея должна вести и к другой уголовно-правовой оценке уклонения от уплаты налога, как налогового мошенничества, так как обман налогового органа является ключевым признаком объективной стороны данного вида преступления (речь о мошенничестве). Но данная тема требует отдельного научного разрешения[3].

2. Отсутствие учёта смягчающих и отягчающих обстоятельств

При составлении обвинительного заключения следователь обязан указать все смягчающие и отягчающие обстоятельства

3. Ошибка в толковании действии налогоплательщика как применения преступной схемы по неуплате налогов.

Дробление бизнеса (создание нескольких лиц для соблюдения критериев, установленных для применения специальных налоговых режимов) – не всегда схема, так как наличие самостоятельности новых участников и реальное наличие деловой цели подтверждают законность осуществления дробления бизнеса. При прочтении методических рекомендации у неопытного следователя или налогового инспектора может сложиться впечатление, что любое дробление бизнеса – это преступная схема по неуплате налога. Об опасности квалификации дробления бизнеса, как криминальной схемы по уклонению от уплаты налога было установлено определением Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 года № 1440-О (речь идёт об особом мнении судьи Арановского К.В.)

4. Преюдициальность решения налогового органа для органов предварительного следствия.

В п. 6 методических рекомендации закреплено преюдициальное значение приговора суда для налогового органа. Но согласно ст. 90 УПК РФ решение налогового органа не является преюдициальным для органов следствия. Всё это дополнительно осложняется противоречивой судебной практикой, которая практически признала непрюдициальность решения налогового органа для органов

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета», № 144, 4.07.2020.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова».

[3] Попова Н.Ф., Чикалина Н.А. Мошенничество в сфере налогообложения в России // МНИЖ. 2020. №1-2 (91). С. 68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-nalogooblozheniya-v-rossii. Дата обращения: 06.09.2020.

следствия (апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2019 г. по делу № 10-3484/2019[1]).

5. Ориентирование на стиль изложения, принятый при составлении обвинительных заключении в рамках уголовного процесса.

Пунктом 8 методических рекомендации зафиксирована обязанность для должностных лиц налогового органа создавать устойчивое представление, что деяние налогоплательщика совершено именно умышленно, а не в результате ошибок и др. **(**абз. 3 п. 8 методических рекомендации). В качестве инструментария налоговому органу в лице его должностных лиц предоставлена возможность использования стиля изложения, принятого при изложении обвинительного заключения, которое составляется стороной обвинения в ходе расследования уголовного дела. Цель данного положения о стиле не совсем ясна.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что установление умысла при расследовании налогового преступления действительно является одним из самых ключевых и сложных задач. Однако, если государственные органы в рамках межведомственного взаимодействия принимают решение о создании документа, который помогает в решении данной задачи, то он не должен вызывать дополнительной сложности для правоприменителей, но всё вышеперечисленное, говорит о том, что данные методические рекомендации ещё содержат в себе несколько спорных положении.

Именно поэтому для уменьшения возможности принятия ошибочного решения при возбуждении уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела необходима тщательная доработка данного документа во избежание принятия ошибочных процессуальных решении на стадии проверки сообщения о преступлении и дальнейшего расследования преступления.

Гализин В.В., Лукьянов А.О.
Научный руководитель: **Г.И. Седова**

Роль и функциональное назначение прокурора при избрании меры пресечения - заключение под стражу

Аннотация. В исследовании рассматривается роль и функции прокурора в уголовном процессе при реализации элементов судебного контроля в досудебном производстве в рамках рассмотрения ходатайства судом об избрании меры пресечения. Авторы проводят анализ действующего законодательства, изучают особенности нормативно-правового регулирования по данному вопросу и дискуссионные точки зрения представителей правового научного сообщества, существующие в доктрине уголовного процесса относительно к тому, какова основная роль прокурора при решении вопроса судом об избрании меры пресечения

Ключевые слова: надзор прокурора за законным и обоснованным решением органов предварительного расследования в части применения мер процессуального принуждения, участие прокурора в рассмотрении судом ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения.

[1] Апелляционное определение Московского городского суда N 10-3484/2019 от 18.03.2019 // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: https://goo-gl.ru/fotQM. Дата обращения: 27.10.2020.

Размышляя о роли прокурора в уголовном судопроизводстве, в частности, в рамках досудебном производстве – возникает множество вопросов, связанных с определением его статуса как участника процесса. Определенную сложность вызывает не устоявшееся понимание роли прокурора в судебном процессе в рамках избрания судом в отношении лица определенной меры пресечения. Так, В.А. Дианов отмечает, что «парадоксальность и явная противоречивость правовой регламентации деятельности прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования заключается в том, что при расследовании уголовных дел в форме дознания и рассмотрении судом ходатайств дознавателя об избрании мер пресечения, прокурор по-прежнему является стороной в процессе поддерживающей обоснованность данных ходатайств, если же рассматривается судом аналогичное ходатайство следователя, то прокурор выступает в качестве органа надзора за законностью такого ходатайства и в суде может настаивать на его необоснованности[1]».

Таким образом, однозначно встает вопрос о функции прокурора в рамках судебных производств по возможности удовлетворения ходатайств, вынесенных следователем, дознавателем - исполняется им надзорная функция или же прокурор- субъект уголовного преследования и осуществляет его в данном вопросе непосредственно.

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо провести определенный анализ процессуального законодательства.

В уголовно-процессуальном законодательстве, в ч. 1 ст. 37 УПК дается понимание процессуального статуса прокурора и его функциональное назначение, где отмечается его обязанность в рамках предоставленной компетенции осуществлять уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания или предварительного следствия.

В силу п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор даёт согласие дознавателю на осуществление определенных процессуальных действий. Так, дознаватель только при согласии своего процессуального руководителя – прокурора может возбудить перед судом ходатайство, о применении меры пресечении, в наибольшей степени, ограничивающей конституционные права граждан, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, следовательно, такое решение требует судебного разрешения.

Важным будет упомянуть, что УПК РФ дает прокурору право на участие в судебном рассмотрении ходатайств, однако не подразумевает под собой обязательного участия, а вот акты Генеральной прокуратуры[2], напротив, указывают на данное полномочие как на непосредственную обязанность.

В соответствии с правилами действующего УПК РФ, а именно положением п. 8 ч. 2 ст. 37 прокурор уполномочен участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении заявленных как следователем, так и дознавателем, ходатайств об избрании меры

[1] Дианов В.А. Следователь в системе субъектов обвинения. Дисс ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С.56.

[2] Приказ от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия». [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29008967 Дата обращения: 30.10.2020; Указание Генерального прокурора РФ от 09.11.2011 № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей». [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257724/. Дата обращения: 30.10.2020.

пресечения в виде заключения под стражу, её непосредственного продления или последующего изменения, или отмены. Вместе с тем, некоторые меры пресечения избираются в том же процессуальном порядке – залог или домашний арест на основании положений статей 106, 107 УПК РФ, а значит прокурор принимает участие в заседании об избрании данных мер пресечения.

Также, следует отметить, что в системе участников уголовного судопроизводства следователь позиционируется законодателем как независимая фигура, являющаяся самостоятельным процессуальным лицом, в отличие от дознавателя, для которого указания прокурора являются обязательными, в соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ. Так, например, действующий УПК РФ в ч. 3 ст. 108 закрепляет, что для возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры пресечения следователю требуется лишь согласие руководителя следственного органа, а вот для принятия аналогичного решения дознавателю требуется согласие прокурора. Таким образом, законодатель подчеркивает процессуальную независимость следователя и закрепляет властные полномочия прокурора в отношении дознавателя.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, ходатайство рассматривается судьей с обязательным участием сторон, включая прокурора. Однако, при неявке участников процесса в заседание, это не будет являться препятствием для разрешения ходатайства по существу, чего нельзя сказать о неявке подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, законодатель указывает, что участие прокурора является обязательным, однако, если он не явился в процесс, то это не препятствует рассмотрению ходатайству, по существу. Закон не закрепляет обязанности следователя об извещении прокурора о заявленном ходатайстве. Следовательно, ставит участие прокурора под сомнение, что на наш взгляд не отвечает целям уголовно-процессуального законодательства.

Говоря о разграничении надзорной функции прокурора и функции уголовного преследования, можно прийти к утвердительному выводу о том, что при осуществлении надзорных полномочий за деятельностью дознания и следствия, прокурор не является стороной по делу, а заинтересован в точном и неукоснительном соблюдении норм действующего законодательства, в рамках достижения целей, предусмотренных соответствующим федеральным законом[1].

Закон «О прокуратуре РФ» говорит о том, что в рамках своей надзорной деятельности прокуроры проверяют решения должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие, на соответствие их закону.

Говоря о функции уголовного преследования, следует отметить, что п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимает - «процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения». При этом п. 47 ст. 5 закона указывает, что прокурор относится к стороне обвинения и непосредственно возглавляет её.

Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью следователя, в части возбуждения ходатайства перед судом об избрании мер пресечения, прокурор реализует положения, предусмотренные ст. 6 УПК РФ, в которых указывается назначение уголовного судопроизводства. Таковым является: защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Следовательно, прокурор должен осуществлять защиту прав обвиняемого и иных участников процесса. Если прокурор считает, что решение

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20.02.1992, № 8, ст. 366.

следователя об избрании данной меры пресечения нарушает права участников процесса, он обязан не согласиться с мнением следователя.

Говоря о возбуждении ходатайства органом дознания, прокурор даёт согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании той или иной меры пресечения. Таким образом, осуществляет надзор за решением дознавателя, придя к выводу о том, что решение законно и соответствует действующему законодательству, даёт согласие. Более того, возвращаясь к указаниям Генерального прокурора, важно отметить, что мнение прокурора по заявленному следователем ходатайству не должно всегда совпадать, образуя тем самым «обвинительный уклон» продиктованный, по мнению некоторых ученых,[1] тем, что прокурор возглавляет уголовное преследование. Так, большинство авторов даже склонны считать, что он осуществляет на данном этапе, в основном, надзорную функцию[2].

Если же обратиться, в свою очередь, к судебной практике, то можно установить факт того, что судьи удовлетворяли ходатайства, не смотря на негативную позицию прокурора по данному вопросу. Так, в 2017 году судами было удовлетворено 160 ходатайств следователя об избрании меры пресечения в виде заключения обвиняемого (подозреваемого) под стражу, не поддержанных прокурором (в 2016 г. – 212 ходатайств; в 2015 г. – 231 ходатайство), об избрании домашнего ареста – 23 ходатайства (в 2016 г. – 21; 2015 г. – 11), о продлении срока содержания под стражей - 153 ходатайства (в 2016 г. – 98; 2015 г. – 103), о продлении срока домашнего ареста - 40 ходатайств (в 2016 г. – 35; 2015 г. – 29 .

Однако также важно указать и на то, что имеют место быть не единичные случаи отказа суда в удовлетворении ходатайств органам предварительного расследования о применении меры пресечения, которые были поддержаны прокурором. Отказ происходил в связи с их явной незаконностью или слабой мотивировкой. Это свидетельствует о том, что и прокуроры не всегда в должной степени анализируют обстоятельства дела, что не способствует реализации надзорной функции должным образом.

Исходя из вышеуказанных положений, нам кажется верной та позиция, согласно которой, прокурор, как участник процесса при рассмотрении указанного вида ходатайства, реализует в равной степени надзорную функцию за законностью деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, так и функцию уголовного преследования[3]. Однако учитывая складывающуюся практику важно отметить, что судьи по вопросу удовлетворения или отказа в удовлетворении ходатайства об избрании той, или иной меры пресечения, порой не прислушиваются к мнению прокурора, что может нивелировать его надзорную функцию. В данной ситуации ряд ученых достойно парирует тем, что суд не связан доводами участников процесса, однако позиция прокурора должна иметь влияние на суд. Необходимо это в

[1] Наседкин В. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов - действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. № 3. С. 3.

[2] См.: Гринюк Е.Н., Зайцева Е.А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам. Волгоград, 2013. С. 179 - 180; Васильев А.М., Васильева Н.А. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 46.

[3] См.: Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9 - 14; Парфенова М.В. Указ. соч. С. 73; Мержоев М.К. Прокурорский надзор за законностью содержания задержанных в изоляторах временного содержания органов МВД // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 69.

связи с тем, что в вопросе ограничения подозреваемого или обвиняемого наиболее жесткими мерами процессуального принуждения, позиция прокурора является чуть ли не единственным способом защиты конституционных и личных прав данной категории лиц. Прокуроры должны проявлять профессионализм, использовать все законные средства реагирования и проявлять осторожный подход при поддержке следователя или дознавателя в его ходатайстве о применении меры пресечения перед судом. Приказы Генерального прокурора явно указывают на то что, в случае выявления нарушений требований УПК РФ прокурор должен настаивать на отказе в удовлетворении ходатайства, не сковывая себя тем, что он формально находится со стороны обвинения[1].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, нам видится, что противоречивости в правовой регламентации деятельности прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования не имеется. Полагаем, что, участие в судебном заседании по ходатайству следователя сочетает в себе реализацию сразу двух функций: надзора за процессуальной деятельностью и уголовного преследования. Причем, оппонируя следователю, прокурор не перестает исполнять функцию уголовного преследования, а лишь реализует положения, предусмотренные ч. 4 ст. 7 УПК РФ, в соответствии с которой – определения, решения, принимаемые субъектами уголовно-процессуальной деятельности, должны отвечать определенному набору критериев. Они должны быть законными, обоснованными и мотивированными, не давая, тем самым, уголовному преследованию приобрести существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, в виде нарушений прав участников процесса. При этом участие в судебном заседании по ходатайству дознавателя сочетает в себе реализацию функции уголовного преследования, которой предшествовала функция надзора за процессуальной деятельностью. Полагаем, что при получении прокурором постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения, он сначала соотносит данное решение с требованиями закона, а затем, реализуя сразу две функции, дает согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства, далее поддерживая его в процессе или отказываясь его поддерживать. В рамках же следствия такое соотношение законности происходит в процессе судебного заседания, что лишь обусловлено формой ведения расследования.

Героев И.З.
Научный руководитель: **Османова Н.В.**

Правовая природа и цель наложения ареста на имущество

Аннотация. В представленной статье рассматриваются мнения, сформированные различными учеными относительно правовой природы и цели наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения, осуществляется их анализ, а также выдвигается собственное понимание данных терминологий для их последующего дополнения и корректирования.

[1] Приказ Генерального прокурора РФ от 27 ноября 2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256735/. Дата обращения: 30.10.2020.

Ключевые слова: арест, обвиняемый, подозреваемый, наложение ареста на имущество, правовая природа, цель, мера процессуального принуждения, институт наложения ареста на имущество, вред, преступление, УПК РФ

Наложение ареста на имущество является специфической мерой процессуального принуждения, которая на протяжении всей истории ее возникновения и становления, а также по сей день, претерпевает изменения и нуждается в совершенствовании. Так, весьма дискуссионным термином является правовая природа наложения ареста на имущество. Рассматривая данную меру процессуального принуждения через призму истории становления уголовно-процессуального законодательства видно, что ряд ученых видят в ней признаки следственного действия. Также, имеется и другая позиция, согласно которой некоторые ученые придерживаются мнения о том, что данную меру процессуального принуждения невозможно отнести к институту следственных действий. В поддержку ранее указанной позиции можно привести пример для рассуждения из следственной практики, когда в результате производства таких следственных действий, как обыск и выемка, обнаруживается и изымается имущество (деньги, ценные бумаги, изделия из драгоценных металлов и т.д.), которое было добыто в результате преступных действий. И тут у следователя возникает вопрос касательно причисления данного имущества к предметам доказывания, так как на них, возможно, могут находиться следы, подтверждающие виновность обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления или же накладывать арест на данное имущество и обеспечить его сохранность для последующего возмещения вреда потерпевшей стороне.

К примеру, А.П. Рыжаков придерживается мнения о том, что данную меру процессуально принуждения целесообразно отнести к ряду следственных действий, Свою позицию он аргументирует тем, что помимо цели возмещения вреда, имущественного характера, данная мера процессуального принуждения играет важную роль в системе собирания доказательственной базы, а протокол, составляемый в результате осуществления этого процессуального действия, содержит данные, непосредственно имеющие отношение к делу[1].

Схожей позиции на данную тему придерживается и И.Е. Быховский указывая, что протокол часто содержит информацию, которая может указывать на жизнь не по средствам. Данные сведения имеют доказательственную базу в части наличия у лица материальных ценностей, их стоимости, а также количества[2]. Эти обстоятельства могут указывать на преступную природу имущества. Приверженцем мнения вышеуказанных ученых является выдающийся ученый- процессуалист Н.И. Газетдинов. Аргументируя свою позицию по данной тематике, он указывает, что именно цель его производства является главным аспектом отграничения от наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения и относить его к следственным действиям. В этой части, он отмечает, что основополагающей целью наложения ареста на имущество как следственного действия является непосредственно собирание доказательств, предназначенных для использования в рамках производства уголовного дела. Стоит отметить, что данная мысль, по нашему мнению, не полностью соответствует действительности, так как мы являемся

[1] Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением: учебник для вузов // Москва: Изд.: «Дело и сервис». 2011. С. 79.

[2] Быховский Е.И. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий // Волгоград: Изд.: «Высш. следств. школа». 1977. С. 7.

сторонниками теории о том, что основной целью этого действия является возмещение имущественного вреда потерпевшим лицам и рассматриваем ее в качестве меры процессуального принуждения (процессуального действия). Но и не полностью отрицаем тот факт, что имущество, изымаемое при производстве данного процессуального действия может содержать следы или иные предметы, вещества материального мира, которые могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу. Для подтверждения правильности своей теории Н.И. Газетдинов разъясняет, что при производстве этого следственного действия, также, принимаются меры направленные на обеспечение сохранности имущества, в отношении которого оно было направлено, помимо этого способствуют выявлению доказательств по уголовному делу, благодаря которому возможное в будущем наказание, по приговору суда будет избрано в виде штрафа или конфискации имущества[1].

Следует отметить, что множество других известных, а также авторитетных ученых высказываются против отнесения наложения ареста на имущество к числу следственных действий и у каждого из них на этот счет свое мнение.

Сторонником теории, что эту меру процессуального принуждения следует относить к числу процессуальных действий является Г. Абдулмаджидов, который разъясняя свою позицию говорит о том, что наложение ареста на имущество имеет свою исключительную цель, направленную непосредственно на возмещение имущественного вреда, причиненного общественно-опасным деянием, совершенным виновными лицами в результате их преступных действий и реализации возможной конфискации, которая не связана с осуществлением своей трудовой деятельности следователем с доказательствами[2].

Еще одним приверженцем отнесения наложения ареста на имущество к мерам процессуального принуждения, является ведущий ученый-процессуалист С.А. Шейфер. Выражая свою позицию по данной тематике, он разъяснил, что по своей природе наложение ареста на имущество не познавательное, а организационно-распорядительное действие, направленное на неотчуждения имущества[3].

Этим высказыванием он объяснял, что протокол наложения ареста на имущество не может использоваться в качестве вещественного доказательства. Помимо этого С.А. Шейфер пусть и нецеленаправленно, но частично раскрыл понятиеналожения арестанаимущество.

Выдающийся ученый в процессуальной сфере профессор З.З. Зинатуллин некогдатожевысказывался о понятии, сущности, специфике наложения ареста на имущество. Так, в одном из своих трудов он разъяснил, что с его точки зрения, наложениеарестанаимущество имеет своеобразную специфику и никак неможет причисляться к следственным действиям. Определяя наложение ареста на имущество как меру процессуального действия, З.З. Зинатуллин разъяснял, что она заключается в описании имущества и запрещении пользоваться этим имуществом лицу, в чьем владении оно находится[4].

---

[1] Газетдинов Н.И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба // Казань: Изд.: «Казан. ун-та». 1990. С.50.

[2] Абдумаджидов Г.А. Проблемы совершенствования предварительного расследования // Ташкент: Изд.: «Фан». 2011. С. 10.

[3] Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма // М.: Изд. «Юрлитинформ». 2001. С. 57.

[4] Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность // Казань: Изд. «Казан. ун-та». 1981. С. 63.

Аналогичной позиции придерживается В.В. Кальницкий[1].

Против приписывания наложения ареста на имущество к числу следственных действий высказался и Б.Т. Безлепкин. Основанием правомочности своего мнения, по данному поводу, он считает не относимость протокол наложения ареста на имущество к источникам доказательств, а также, указывает, что фактические данные, имеющие значение для уголовного дела, как правило, не добываются при реализации наложения ареста на имущество.

Так, на основании вышеуказанного мы придерживаемся мнения таких ученых как Б.Т. Безлепкин, В. В. Кальницкий, З.З. Зинатуллин, Г.А. Абдулмаджидов и С.А. Шейфер и считаем, что наложение ареста на имущество является непосредственно мерой процессуального принуждения, и никак не может быть отнесена к числу следственных действий. Так, цели данного процессуального действия никак не совпадают с целями следственных действий и юридически они разнятся, не несут в себе какой-либо познавательной функции, а также, что является более важным, сам закон не отнес его к таковому (глава 14 УПК РФ). Следует еще и принимать во внимание тот факт, что меры процессуального принуждения и следственные действия являются по правовой сущности разными.

Наложение ареста на имущество за долгие годы становления уголовно-процессуального института России, претерпела значительные изменения и дополнения. Активное развитие данного института началось с середины 60-х гг. XX века, но несмотря на значительные проблемы, проходило в целом поступательно и эволюционно, набирая с продвижением вперед интенсивность. Впрочем, данная мера процессуального принуждения и сейчас требует дополнительных научных и практических знаний для дальнейшего развития.

В соответствии с анализом ст. 115 УПК РФ целью наложения ареста на имущество является обеспечение исполнения приговора в части имущественных взысканий.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства является возмещение вреда, причиненного преступлением, которое выражается в «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». Так, в целях недопущения нарушений, в данной части, как потерпевшей стороны, так и подозреваемых или обвиняемых, следователю необходимо иметь четкую доказательственную базу относимости этого имущества к незаконно приобретенному. Для достижения этой цели следователь может давать поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление имущества, его количества, а также, принадлежности этого имущества, на законной основе, потерпевшей стороне (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Помимо этого, сам следователь должен проводить следственные действия, направленные на получение информации об этом имуществе. Уголовное преследование виновных лиц, выявление размера причиненного вреда, избрание наказания соразмерного с совершенным деянием, являются мерами, направленными на обеспечение защиты прав и законных интересов потерпевших. При выявлении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, наиболее важными являются выяснение вопросов, связанных с защитой прав потерпевших, возмещение им вреда, в том числе и имущественного, причиненного преступлением и принятие мер по его обеспечению, так, одной из них является наложение ареста на имущество.

[1] Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России // М.: Изд. «КноРус». 2010. С. 197.

Одним из четко выделенных законодателем способов возмещения вреда причиненного преступлением является разрешение гражданского иска в уголовном процессе (ст. 44, п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Несмотря на все силы, направленные на возмещение имущественного вреда потерпевшему, органами следствия на стадии предварительного следствия, могут не принести желаемого результата. Следствием этого является предоставление физическому или юридическому лицу право заявить требование о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением в рамках гражданского иска. Настадии предварительного следствия, в целях возмещения имущественного вреда, сотрудниками органов следствия в соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ выносится постановление о признании лица гражданским истцом. Разрешение гражданского иска по уголовному делу производится на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу.

В соответствии со ст. 115 УПК РФ, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, сотрудниками органов следствия избирается мера пресечения в виде наложения ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, иных лиц, у которых находится имущество, которое было приобретено преступным путем[1].

Как известно, в УПК РФ не имеется нормы, определяющей временные рамки наложения ареста на имущество, до того момента, когда потерпевший предъявит гражданский иск, как на стадии предварительного следствия, так и после его предъявления. Ее отсутствие негативным образом отражается на применении данной меры на практике. Эту проблему в значительной степени упрощают методические рекомендации, предназначенные для использования следователями в своей практической деятельности, представленные Ю.С. Бирюковым «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущества и ценные бумаги, денежного взыскания», которые содержат необходимые знания и умения для преодоления ранее указанного вопроса.

В частности, касательно рекомендаций связанных с наложением ареста на имущество сказано, что: «если гражданский иск по делу не предъявлен, наложить арест на имущество нельзя»[2].

В этой части наше мнение склоняется к тому, что в данном случае имеется вероятность нарушения прав лиц, в отношении которых причинен вред, а именно имущественный, в результате совершения преступных действий. Для реализации гражданского иска представляется необходимым применить данную меру процессуального принуждения как можно раньше, ввиду того, что подозреваемый или обвиняем, а также иные лица, могут попытаться реализовать или же скрыть имущество и необходимо это осуществить до предъявления гражданского иска со стороны потерпевшего. Мы считаем, что выдвинутая нами позиция должна носить хотя бы рекомендательный характер. В этой части, указанные методические рекомендации, дают некоторые разъяснения, а именно, если подозреваемый или

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/b3c428e72da1062272e88f898f6d26b9c2469e4d

[2] Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания: методические рекомендации управления методического обеспечения и НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126986/. Дата обращения: 29.10.2020.

обвиняемый успели реализовать полученное имущество и преобразовать его в иные материальные ценности, то существует возможность накладывать арест на преобразованное имущество, но лишь в том случае если имеются на то основания в виде доказательств и лишь на ту сумму, которая соответствует причиненному ущербу потерпевшей стороне. Сама сумма определяется путем получения оценки стоимости имущества, соответствующими специалистами в этой сфере. Достигается это путем производства оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Таким образом, изучив позиции таких ученых как: А.П. Рыжаков, И.Е. Быховский, Н.И. Газетдинов, Г.А. Абдулмаджидов, С.А. Шейфер, З.З. Зинатуллин, Б.Т. Безлепкин, В.В. Кальницкий, нормы уголовно-процессуального закона, пришли к следующим выводам:

1. Наложение ареста на имущество один из важнейших уголовно-процессуальных институтов, среди процессуальных средств способствующих возмещению вреда, причиненного преступным деянием виновными лицами;

2. Правовая природа данного уголовно-процессуального действия исторически изменчива, а также напрямую зависит от развития имущественных отношений в целом, и от типа уголовного процесса. По своим свойствам, а именно предпринятию действий, направленных на обеспечение возмещения имущественного вреда, причиненного противоправным деянием, наложение ареста на имущество является мерой процессуального принуждения;

3. Цель рассматриваемой меры процессуального принуждения является предупреждение сокрытия, воспрепятствование в распоряжении, пользовании имуществом, отчуждении или осуществлении каких-либо действий с имуществом, на которое наложен арест, а также изъятии и передачи на хранение для компенсации имущественного вреда, причиненного противоправным деянием потерпевшей стороны.

Гладких И.Н.
Научный руководитель: **Дармаева В.Д.**

Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения

Аннотация. В статье автор рассматривает существующий порядок возбуждения дела частного обвинения, указывает особенности и актуальные проблемы (коллизии) данной стадии судопроизводства. Формулируются отличительные черты процесса возбуждения дела в порядке частного обвинения. Определены процессуальные ошибки, допускаемые участниками судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовный процесс, уголовное дело частного обвинения, возбуждение уголовного дела, производство у мирового судьи, потерпевший, частный обвинитель.

Институт частного обвинения давно занимает исключительное положение в законодательстве России, поскольку он является одним из старейших фундаментальных институтов уголовного судопроизводства и выступает в качестве первичного по отношению к институту публичного обвинения. Изначально данный институт формировался на основе принципа диспозитивности, свободы волеизъявления и желания потерпевшего (то есть частного лица) способствовать восстановлению справедливости путём привлечения преступника к ответственности

за совершённое деяние. Под воздействием специфики правовой системы России, национальных особенностей, на фоне усиления роли государства и публичного порядка обвинения, с учётом исторического становления и опыта институт частного обвинения довольно сильно изменялся, но оставался верен своим основополагающим постулатам[1].

Анализируя научные статьи и юридическую литературу, можно заметить, что в теории и практике современного российского уголовно-процессуального права ещё недостаточно хорошо определены место, роль и значение частного уголовного преследования в действующей системе уголовного процесса. Всего по трём преступным составам осуществляется преследование в частном порядке, а сам этот процесс урегулирован всего в одной главе уголовно-процессуального закона, состоящей из 6 статей. Всё это также может свидетельствовать о том, что институту частного обвинения уделяется слишком мало внимания и его разработкой, усовершенствованием не занимаются в должной мере, отводя для него незначительную роль в национальном уголовном судопроизводстве[2]. Попробуем разобраться в этих причинах, проанализировав процесс возбуждения дел данной категории.

Начинается производство по делу частного обвинения с заявления о преступлении. Наличие заявления потерпевшего имеет ключевую роль. Оно является исключительным поводом к возбуждению дела и обвинительным актом, в котором утверждается о совершении конкретным субъектом соответствующего преступления в отношении заявителя[3]. Субъекты, наделённые правомочием подавать такое заявление, перечислены в части 2 статьи 20 и части 1 статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ):

1. непосредственно сам потерпевший по уголовному делу частного обвинения;
2. его законный представитель.

По смыслу закона потерпевшим является физическое (в ходе противоправного действия ему причинён физический, имущественный или моральный вред) либо юридическое лицо (вред причиняется его имуществу, либо деловой репутации), имеющие в уголовном судопроизводстве собственные интересы и, в качестве участников судопроизводства со стороны обвинения, наделённые правами стороны для защиты данных интересов[4].

Хотя данный субъект и именуется потерпевшим в ч. 1 ст. 318 УПК РФ, однако, вопреки положениям ч.1 ст. 41 УПК РФ, по делам частного обвинения судом не выносится решение о признании такого лица потерпевшим[5].

Заявление пострадавшего, которое им подаётся мировому судье, по своему смыслу представляет обращение стороны обвинения к суду и играет роль обвинительного

---

[1] Корякин А.Л. История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 3. С. 233.

[2] Косенкова Д.П. Производство по делам частного обвинения в системе уголовно-процессуальных производств: дис. ... магистра юрис. Т., 2018. С. 4.

[3] Дорошков В.В., Патов Н.А. Особенности уголовного судопроизводства у мировой судьи // Мировой судья. 2004. № 3. С. 23

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс

[5] Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. Ч.,: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 392.

заключения и обвинительного акта (постановления), присущих делам иных видов преследования [1]. Отметим, что Конституционный Суд Российской Федерации выдвигал на первый план данные обстоятельства при возбуждении дела частного обвинения и подчеркивал, что преследование ведется именно в рамках заявления потерпевшего и поэтому его необходимо передавать подсудимому, чтобы обеспечить его возможностью проработать линию защиты для судебного заседания[2].

Также, правом подачи заявления о преступлении мировому судье наделяется и законный представитель потерпевшего, если последний является несовершеннолетним либо в силу своего физического (психического) состояния лишен способности защитить свои интересы без посторонней помощи. Однако ни в законе, ни в других нормативных актах, ни в каких-либо постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации не даётся точного и ясного описания ситуаций, при которых было бы необходимо считать, что потерпевший не может самостоятельно отстаивать свои права [3]. Полный список лиц, которые наделены правом быть законными представителями пострадавшего от преступления лица, приведён в п. 12 ст. 5 УПК РФ.

Так как возбуждение дела реализуется исключительно путём подачи заявления мировому судье, значит именно пострадавшее лицо и надлежит рассматривать в качестве инициатора, основной движущей силы данного процесса. Этими ключевыми особенностями во многом и обуславливается дальнейшая характерная специфика процедуры возбуждения дела.

Бывают случаи, когда в силу различных причин и обстоятельств (тяжёлая болезнь, возраст, зависимое положение и др.) пострадавший субъект не в состоянии лично отстоять свои права и привлечь обидчика к ответственности. Тогда на помощь потерпевшему приходят правоохранительные органы в лице уполномоченных должностных лиц – следователя, дознавателя и т.д. С этой целью уголовно-процессуальный закон наделил данных субъектов правом в подобных ситуациях самостоятельно возбуждать уголовные дела (то есть без подачи заявления пострадавшим). Более того, законом следователю предписано осуществить предварительное расследование, а дознавателю – дознание, но, правда, только с разрешения органов прокуратуры. Всё это было предусмотрено для того, чтобы обеспечить гарантированную государством защиту прав различных категорий граждан, в том числе, когда они оказались в затруднительном жизненном положении. Примечательно, что заявление потерпевшего должно включать в себя информацию о его обидчике, но если данные о личности человека, совершившего противоправное деяние в отношении пострадавшего лица, неизвестны, то и в этом случае правом инициировать производство по делу частного обвинения наделяются упомянутые выше следственные органы (орган дознания)[4].

---

[1] Дикарев И.С. Заявление потерпевшего по уголовному делу частного обвинения и его уголовно-процессуальное значение // Мировой судья. М., Юрист. 2010. № 6. С. 4-8.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. N 5. Ст. 611.

[3] Павел Михайлович Титов. Частный обвинитель в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. №1 (13). С.157.

[4] Великосельская Ю.А. Производство по уголовным делам частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. … магистра юрис. Т., 2018. С. 26.

К подаваемому потерпевшим заявлению предъявляется множество различных требований, соблюдение которых является обязательным, если пострадавшее лицо желает, чтобы его заявление приняли. Обратимся к закону и перечислим наиболее значимые реквизиты, которые должны присутствовать в поданном судье заявлении:

1. название суда (номер судебного участка), куда будет направлено заявление;
2. персональные данные лица, пострадавшего от преступных действий;
3. информация о лице, совершившем противоправные действия в отношении потерпевшего (если данные сведения неизвестны, то судья будет вынужден отказать в принятии заявления, однако направит его в органы, компетентные осуществлять предварительное расследование, чтобы они рассмотрели возможность возбуждения дела в общем порядке);
4. все необходимые сведения, касающиеся объективной стороны преступления и других важных факторов, связанных преступным инцидентом;
5. прошение о принятие этого заявления к производству данным мировым судьёй;
6. сведения о лицах, которые располагают важной для разбирательства по делу информацией, на основании чего необходимо их присутствие в зале суда (то есть информация о потенциальных свидетелях);
7. подпись того лица, которое подаёт данный документ (также, подписью подтверждается факт разъяснения ответственности за заведомо ложный донос).

Помимо этого, вместе с заявлением об общественно опасном деянии также подаются и его копии в том же количестве, что и число преступников – это еще одно прямое указание закона, а самому заявителю судья должен объяснить о его возможности примириться с обидчиком и о предусмотренной УК РФ санкции за заведомо ложное обвинение в совершении преступления.

За несоблюдение перечисленных выше условий к содержанию заявления и особенностей процедуры его подачи судья наделён правомочием путём вынесения постановления возвращать данное обращение обратно заявителю, предусмотрев срок для исправления допущенных им ошибок. Если предписания судьи будут проигнорированы – возможен отказ в принятии заявления судом.

Если же все формальности, предписанные законом, были соблюдены, то судья выносит постановление о принятии заявления к производству, а одновременно с этим сам заявитель приобретает статус частного обвинителя и ему под подпись в соответствующем протоколе разъясняются права.

Как единственный представитель стороны обвинения по уголовным делам обвинения частного порядка, частный обвинитель приобретает весь комплекс необходимых обвинителю прав, главными из которых являются возможность выдвигать и поддерживать в ходе судебного разбирательства обвинение, возможность доносить своё мнение по существу предъявленного подсудимому обвинения, возможность представлять и принимать участие в исследовании доказательственной базы. Отдельно стоит отметить, что частный обвинитель также наделён правом изложить своё мнение касательно того, как именно следует применить соответствующие нормы уголовного закона при разрешении данного уголовного дела, а также какое именно наказание необходимо назначить виновному лицу. Однако данные права и обязанности, которыми наделяется частный обвинитель, требуют наличия определённых знаний, умений и навыков. Потерпевшему придётся самостоятельно подготавливать всю совокупность доказательств по делу, грамотно донести её в судебном заседании, чтобы привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. Разумеется, что для лица, не имеющего юридического образования,

данные обязанности могут стать существенным затруднением, а потому он не сможет надлежащим образом реализовать свои права. Либо же придётся значительно потратиться на грамотных юристов, что не каждый гражданин может себе позволить.

Примечательно, что на сегодняшний день в юридической науке до сих пор не сформулировано единого и однозначного мнения по поводу того, с какого именно момента надлежит считать возбуждёнными дела частного обвинения, а также какую процессуальную фигуру воспринимать в качестве носителя законного права на возбуждение таких дел.

Первая группа учёных придерживается наиболее логичной позиции, что отправной точкой возбуждения дела надлежит считать вынесение постановления о принятии к производству дела частного обвинения. Тогда в качестве непосредственного субъекта, которого (исходя из смысла самого закона) наделили правомочием возбуждать дело, следует рассматривать мирового судью. У данной концепции есть несколько значимых и веских аргументов, которые позволяют считаться ей преимущественной и более обоснованной, по сравнению с другими точками зрения. Существенный довод такого подхода – это существующая по данному вопросу позиция Конституционного Суда Российской Федерации, которая разъясняет несколько важных моментов, влекущих за собой соответствующие выводы[1].

Так, было указано, что следует различать правовую сущность и значение процессов возбуждения дел мировым судьёй (в порядке частного обвинения) и следственными органами (публичный порядок), так как в их основу законодателем был заложен совершенно разный смысл[2]. Судья наделяется правомочием возбудить дело только в целях реализации прав потерпевшего и только на основании заявления последнего, то есть не по своей воле[3]. В связи с этим, были отвергнуты контраргументы оппонентов концепции о том, что в таком случае под сомнение ставился бы принцип состязательности и происходило бы подмена функций обвинения и правосудия. Конституционный Суд посчитал верными и непротиворечивыми все положения УПК РФ, касающиеся процедуры возбуждения дел частного обвинения. Всё вышеперечисленное подчёркивает разумность и обоснованность приведённой здесь точки зрения.

Приверженцы противоположного мнения в своих работах акцентируют внимание на существенной роли заявления и значимости для всего процесса самого заявителя – потерпевшего. Основной аргумент данных учёных – формальное толкование положений закона (ст. 318 УПК), где прямо указывается, что возбуждаются исследуемые нами дела исключительно по инициативе заявителя, а именно – посредством подачи гражданином (пострадавшим) заявления мировому судье. Исходя из этого, как трактует нам концепции, надлежит признавать дело возбужденным уже с момента поступления заявления к мировой судье, а

[1] Новокрещенов Н.С. Особенности возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1. С.63

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 611

[3] Лебедев В. М. Судебная власть в современном мире России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 143

правомочным субъектом данного действия – именно заявителя[1].

Однако данный подход кажется слишком формальным и опровергается достаточным количеством контраргументов. Так, эта позиция совсем игнорирует наличие того факта, что судья может вернуть или даже отказать потерпевшему в принятии заявления. Кроме того, как предусмотрено УПК РФ, процессуальная фигура частного обвинителя возникает лишь после того, как судья выносит ранее упомянутое постановление. Также, не оставляет особых шансов на какие-либо споры и чётко сформулированная позиция Конституционного Суда РФ.

Существует также ещё группа юристов, которые вовсе отрицают возможность возбуждать уголовные дела кем-либо кроме уполномоченных органов государства – следователя, дознавателя и т.д. Авторы концепции считают, что такое важное полномочие должно оставаться исключительной прерогативой органов расследования, специализированных функциях на подобного рода. И как следствие данной позиции – требование о приведении процесса возбуждения всех категорий дел к одинаковому образцу, то есть к общему порядку[2]. Однако, данный подход касается несколько других, более обширных по своему охвату вопросов и проблем уголовного процесса, а непосредственно к дискуссии о моменте возбуждения дела частного обвинения относится в меньшей мере.

Вместе с тем, наличие стольких обоснованных мнений учёных по данному противоречивому аспекту может говорить о том, что всё это является следствием умышленной коллизии, допущенной при проектировании УПК РФ. Данный пробел в законе явно выражен и довольно очевиден даже простым обывателям, что уж говорить о профессиональных юристах-учёных. Тем более, что данный неурегулированный законом момент давно упоминается в различных работах, но до сих пор не подвергался каким-либо изменениям или дополнениям, тем самым оставляя возможность и дальше вести напрасные споры. Существует мнение, что подобное решение было принято законодателем в целях ухода от однозначного устранения проблемы (права судей возбуждать дела), которая могла быть негативно воспринята многими учёными и породить споры, а также для предотвращения возможной законодательной недоработки[3]. Поэтому в нормах УПК РФ и не был чётко и ясно урегулирован момент, с которого необходимо считать возбужденным дело частного обвинения.

На основе всего вышеперечисленного, можно сформулировать следующие общие отличительные черты процесса возбуждения дела в порядке частного обвинения:

1. возбуждение дела на основании подачи заявления пострадавшим лицом;
2. диспозитивный характер прав потерпевшего;
3. возбуждение дела мировым судьёй;
4. возможность потерпевшего непосредственно и самостоятельно обратиться к судье с заявлением о преступлении;
5. начало возбуждения дела - момент вынесения постановления мирового судьи о принятии заявления;
6. отсутствие досудебного производства;

---

[1] Хаматова Е. В. Производство по уголовным делам у мировой судьи: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 148-149.

[2] Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С.55.

[3] Щербатых Е. Г. Предоставить мировому судье право возбуждения уголовных дел частного обвинения // Рос. юстиция. 2005. № 11. С. 34.

7. отсутствие постановления о признании лица потерпевшим;

8. приобретение потерпевшим статуса частного обвинителя после вынесения судьёй постановления о принятии заявления.

Исследование процессуальных порядков возбуждения дел данной категории позволяет выявить наиболее существенные проблемы и казусы современного уголовно-процессуального законодательства. Так, можно прийти к выводу, что за несколько десятков лет в институте частного обвинения современной России практически ничего не изменилось, хотя потребность в изменениях назрела уже давно, о чём писал не один десяток теоретиков и практиков уголовного процесса. В связи с этим приходится согласиться с мнение многих учёных о том, что корень всех существующих проблем порядка частного обвинения кроется не в его излишне диспозитивном характере и некомпетентности частных обвинителей, а в неразрешённых коллизиях и пробелах закона.

Необходимо отметить, что, вопреки всем существующим недоработкам и замечаниям, институт частного обвинения всё ещё продолжает выглядеть довольно перспективно и интересно, разительно выделяясь на фоне формирующихся тенденций по усиления роли публично-правовых начал в уголовном судопроизводстве, для которых данный институт выступает в качестве родоначальника. Однако, на сегодняшний день, действующее уголовно-процессуальное законодательство скептически относиться к данной форме уголовно преследования, отводя ей довольно незначительную нишу в общем числе уголовных дел. Функционирующий порядок частного обвинения слишком противоречив, касательно многих вопросов совершенно не выработана судебная практика, в связи с чем, если не буду внесены какие-либо изменения в закон, у общества может совсем отпасть потребность в частном виде уголовного преследования.

Дёмин А.А.
Научный руководитель: **А.Б. Гулгенов**

Пределы процессуальной самостоятельности следователя

Аннотация. Целью настоящей статьи является установление пределов процессуальной самостоятельности следователя. Процессуальная самостоятельность следователя является руководящим положением в уголовном судопроизводстве, реализация данного принципа на правоприменительной практике является важнейшей частью предварительного следствия. В ходе правоприменительной практике следователями данный принцип реализуется с переменным успехом, для решения данной проблемы автором предлагается создание внутриведомственного акта с разъяснениями судебной практики, в ходе которой допущены ошибки. Предлагается сделать данный акт общеобязательным для молодых следователей. Для изучения данной проблемы автором применен как общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный метод), так и формально-правовой метод. Помимо этого, в качестве основы для изучения данной проблемы использованы эмпирические данные и точки зрения, господствующие в нынешней правовой доктрине.

Ключевые слова: процессуальная самостоятельность следователя, правовая природа, внутриведомственный контроль, прокурорский надзор

Процессуальная самостоятельность следователя, являясь неотъемлемой гарантией следователя на осуществление самостоятельного предварительного следствия по уголовному делу, предоставляет неограниченный круг полномочий, за исключением

случаев, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Данная возможность предоставляет полную свободу следователем, которая на практике зачастую нарушается тем самым, ограничивая участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, гарантированных прав, и в нарушение принципов, предусмотренных как Конституцией РФ, так и уголовным судопроизводством. Целью настоящей работы является установление пределов процессуальной самостоятельности следователя как отличительной черты, принадлежащей ему на стадии предварительного следствия. Достижение данной цели возможно посредством разрешения следующих задач как установления правовой природы процессуальной самостоятельности следователя, изучения правовой доктрины и эмпирических данных – судебной практики и адвокатской практики в рамках поставленной проблемы.

В начале работы автором предлагается установление семантического значения понятия самостоятельность. Самостоятельность представляет способность к независимым действиям, суждениям, обладание инициативой, решительностью [1]. Определив семантику данного явления, рассмотрим законодательную позицию о процессуальной самостоятельности следователя.

Процессуальная самостоятельность следователя определена уголовным процессуальным законом как возможность направления хода расследования, принятия решений о производстве следственных и иных процессуальных действий (ст. 38 УПК РФ[2]). Более подробно правовая природа процессуальной самостоятельности следователя раскрывается в правовой доктрине, рассмотрим сформировавшиеся точки зрения. А.Н. Огородов определяет процессуальную самостоятельность следователя как обязанность самостоятельного направления хода расследования по уголовному делу, а также принятие решение о производстве процессуальных действий. Им подчеркивается, что рассмотрение процессуальной самостоятельности как субъективного права следователя невозможно, поскольку рассмотрение данной обязанности в ином понимании противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательств [3]. По мнению А.Ю. Зотова, процессуальная самостоятельность следователя представляет собой возможность отстаивать мнение по ключевым вопросам, возникшим в ходе предварительного расследования, в случае возникновения противоречий, например, с руководителем следственного органа и/или прокурором. Также им указывается, что недопустимо смешивать содержание понятий процессуальная самостоятельность и независимость следователя, то есть нельзя отождествлять возможность самостоятельного принятия решения и возможности обжалования решения вышестоящих должностных лиц [4]. Раскрывая точку зрения А.Н. Огородова, необходимо отметить, что он определяет

[1] Чебровская С.В. К проблеме определения самостоятельности как научного термина психологии: психолингвистический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6 // URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7788. Дата обращения: 31.10.2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 38.

[3] Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 45.

[4] Зотов А.Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: реальность или теоретическая конструкция? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 24 // СПС «КонсультантПлюс».

процессуальную самостоятельность следователя как гарантию использования им своих полномочий[1].

Правовую природу процессуальной самостоятельности следователя необходимо рассматривать не только абстрактное явление, но как взаимосвязанные между собой элементы, представляющие собой как: 1) свободу выбора путей решения задач уголовного судопроизводства по усмотрению следователя, основанному на свободной оценке доказательств, с учетом сложившихся условий досудебного производства; 2) возможность следователя отстаивать свое мнение, складывающееся в ходе досудебного производства; 3) процессуальную активность следователя; 4) гарантии законности, обоснованности и своевременности принимаемых следователем процессуальных решений и проводимых действий; 5) ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль за законностью принимаемых следователем решений и проводимых действий; 6) личную ответственность следователя за законность, обоснованность и своевременность принятых решений и произведенных действий[2].

Существенным ограничением для процессуальной самостоятельности следователя выступают требования, установленные уголовно-процессуальным законом, а также подчиненность следователя руководителю следственного органа[3]. Помимо этого, процессуальная самостоятельность следователя имеет определенные ограничения в виде надзирающего прокурора[4]. По тому поводу Б.Б. Степанов указывает, что процессуальная самостоятельность – это не только совокупность предоставленных прав и обязанностей, но и полная ответственность, предусмотренная уголовным процессуальным законом за принятые процессуальные решения[5]. Определяя процессуальную самостоятельность следователя выше указано, что данная обязанность имеет существенные ограничения как со стороны руководителя следственного органа, так и со стороны представителей прокуратуры, в правовой доктрине отмечается отсутствие фактической реализации представленной возможности[6].

Обобщая вышеприведенные точки зрения, необходимо отметить, что в правовой доктрине процессуальную самостоятельность следователя принято рассматривать как основополагающее положение, исходную идею, то есть как принцип уголовного процесса[7]. В качестве сущности данного принципа в правовой доктрине авторы указывают возможность как принятия процессуальных решений по своему

[1] Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 41.

[2] Вартанов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: Авт. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с. // URL: http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1478384. Дата обращения: 10.10.2020.

[3] Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева. СпБ.: Санкт-Петербургский ун-т МВД; Фонд «Университет», 2019. С. 92

[4] Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 61.

[5] Степанов Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект): Авт. дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 18.

[6] Шейфер С., Бобров А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 34; Арсенова Т.Б., Прокофьева С.М. Историко-правовые предпосылки процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Московского университет МВД России. 2009. № 5. С. 55.

[7] Степанов Б.Б. Указ. ист. С. 19; Горшкова Г.С. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Актуальные проблемы развития государства и права современных условиях. Сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Пермь. гос. ун-т, 2008. С. 151.

внутреннему убеждению, так и ответственности за ранее принятые решения в ходе расследования уголовного дела.

Выше определена правовая природа следователя как с позиции законодателя, так и с точек зрения, представленных правовой доктриной. Между тем рассмотрение данного правового явления не следует сводить не только к парадигмам, сформированным в теории права (в статике)[1]. Правовое явление как процессуальная самостоятельность следователя является одним из основополагающих положений при производстве предварительного следствия. Рассмотрим его в динамике, а именно проанализировав правоприменительную практику (судебную и адвокатскую практику).

Процессуальная самостоятельность следователя как правовое явление неоднократно становилось объектом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так, определяя конституционно-правовой смысл процессуальной самостоятельности следователя в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» указано, что наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации[2]. Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации процессуальная самостоятельность следователя реализуется не произвольно, но только в соответствии уголовно-процессуальным законом, но в том числе из целей уголовного судопроизводства[3].

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ выступают одним из элементов гарантии обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе[4].

Не менее важным является исследование эмпирических данных, представленных Верховным Судом РФ и судов общей юрисдикции. В судебных актах Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции неоднократно подчеркивается процессуальная самостоятельность следователя при обжаловании ходатайств, заявленных участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты[5].

---

[1] Процессуальная самостоятельность следователя как институт уголовного процесса и как принцип процессуальной деятельности следователя, см: Клейн А.А. Указ. ист. // URL: http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=53057. Дата обращения: 22.10.2020.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7528.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1202-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булыгина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Зеленов А.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как гарантия процессуальной самостоятельности следователя // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции: 22.03.2013 / Л.М. Аширова, М.С. Белоковыльский, С.В. Бурмагин и др.; сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. С. 235. // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51-АПУ17-16; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам

В качестве примеров рассмотрим адвокатскую практику в уголовном процессе, в ходе следственного действия адвокатом уведомлен следователь о применении диктофона, в связи с чем следователем было прервано следственное действие и вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, заявленное защитником [1] . Следователем вынесено постановление о производстве обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательств, в данном жилище проживал адвокат. Суд апелляционной инстанции отменил решение нижестоящей инстанции, указав, что обыск проведен в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом, без постановления суда[2].

Из вышеуказанных примеров следует, что в правоприменительной практике наблюдаются как положительные, так и негативные примеры реализации процессуальной самостоятельности следователями. Особую сложность для реализации принципа процессуальной самостоятельности следователя представляет соотношение положение, предусмотренных статьей 159 частью 2.1 и статьи 38 УПК РФ. Как следует из статьи 159 части 2.1 защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого за исключением случаем, предусмотренных законом[3]. Неправильные методы толкования права приводят следователей зачастую к вынесению ошибочных процессуальных решений, противоречащих закону. Например, апелляционным постановлением Московского городского суда от 18.03.2020 по делу N 10-5966/2020 установлено, что защитниками заявлена апелляционная жалоба на постановление районного суда. В апелляционной жалобе защитники просили незаконным процессуальное решение следователя об отказе допроса свидетеля с участием защитников. Данное решение является примером конкуренции принципа процессуальной самостоятельности следователя и законом установленного положения.

Нельзя не согласиться с И.С. Дикаревым, высказавшим, что процессуальная самостоятельность следователя должна иметь объективные пределы[4]. Определение объективных пределов процессуальной самостоятельности является необходимым для следственной практики, достижение данной цели возможно не только путем реализации норм Конституции РФ и уголовного процессуального закона, но и в том числе путем дачи обязательных разъяснений по вопросам следственной практики с указанием допущенных ошибок при реализации процессуальной самостоятельности следователя.

Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2020 № 46-АПУ19-14сп // СПС «КонсультантПлюс».

[1] Адвокат может использовать диктофон без разрешения следователя. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kraya-ukazala-chto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/?sphrase_id=112637. Дата обращения: 22.10.2020.

[2] Постановление суда, признавшего законность обыска в жилище адвоката, не устояло в апелляции

[3] См.: ст. 159 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 30 // СПС «КонсультантПлюс».

Еремкина Е.В.
Научный руководитель: **Носкова Е.В.**

Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа

Аннотация. В статье подвергнуты научному осмыслению проблемы, возникающие в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении виновного лица от уголовной ответственности, с прекращением уголовного дела или уголовного преследования; анализируются теоретические положения, а также нормы уголовно-процессуального закона. Кроме того, предпринята попытка исследования и анализа проблем, возникающих в связи с правоприменением одной из мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении виновного лица от уголовной ответственности.

Ключевые слова: категории преступления; меры уголовно-правового характера; освобождение от уголовной ответственности; преступление; прекращение уголовного дела; судебный штраф.

Впервые за всю историю развития института иных мер уголовно-правового характера уголовный закон стал включать три самостоятельных вида: принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискацию имущества (гл. 15.1 УК РФ) и судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ).

В российском законодательстве понятие «судебный штраф» не является новым. До включения судебного штрафа в раздел VI УК РФ, он имел законодательное закрепление в ГПК РФ (глава 8)[1] и АПК РФ (глава 11)[2]. Однако в качестве основания освобождения от уголовной ответственности «судебный штраф» используется впервые. Представляется, что целью его введения стало позитивное постпреступное поведение виновного лица.

Восприятие судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера со стороны законодателя существенно отличается от его содержания, которое сложилось в рамках цивилистического подхода, в котором судебный штраф призван способствовать укреплению дисциплины со стороны его участников, и в итоге помочь правоприменителю реализовать цели отправления правосудия. Законодатель считает, что судебный штраф в гражданском и арбитражном процессе – это санкция имущественного характера, которая может быть назначена только за неисполнение лицом своих процессуальных обязанностей, то есть основанием его наложения здесь выступают нарушения процессуального закона.

В уголовном праве судебный штраф имеет качественно иную правовую природу. Согласно ст. 104.4 УК РФ, судебный штраф представляет сбой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности. Исходя из логического толкования этого положения уголовного закона следует вывод о том, что виновное лицо не только возмещает причиненный преступлением ущерб, но и выплачивает государству денежную компенсацию за свое противоправное поведение или за нарушение объекта уголовно-правовой охраны. Иными словами, гражданин, признанный виновным в совершении преступления, несет ответственность как перед

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

потерпевшим, так и перед государством, поскольку уголовная ответственность носит характер публично-правовой. Следовательно, судебный штраф в уголовном процессе имеет собственную уникальную правовую природу, он существенно отличается от предусмотренных гражданским и арбитражным процессом, здесь он является основанием освобождения от уголовной ответственности, а не последствием нарушения законодательства.

Введенная мера уголовно-правового характера стала предметом живой дискуссии в научной литературе. По мнению В.С. Карпова и Д.В. Синькова, законодатель вместо упорядочивания системы уголовного закона продолжает смешивать и подменять понятия[1]. Ряд авторов считает, что решение о включении еще одного основания освобождения от уголовной ответственности представляется весьма спорным. Другие ученые, напротив, рассуждают только о положительных сторонах нововведения. Например, С.Ю. Гусаков в их числе называет упрощение процедуры взимания денежных средств[2]. Он говорит о том, что сейчас нет необходимости личного вручения осужденному постановления о возбуждении исполнительного производства, так как уже при оглашении постановления осужденному должны быть предельно ясны последствия неуплаты штрафа; нет необходимости установления должнику срока для добровольного исполнения и предупреждения о последствиях его несоблюдения. Именно суд, оглашая свое постановление, устанавливает срок для уплаты штрафа (ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ) и т.д. Обоснованную критику вызывает отнесение судебного штрафа к иным мерам. Так, Д.А. Безбородова считает, что применение термина «иные меры уголовно-правового характера» отражает лишь один из признаков мер, которые входят в его содержание, «иные» описываются как отличные, то есть не такие, как наказание. Кроме того, подобный признак отрицательный, иными словами, он устанавливает, что перечисленные меры не являются наказанием. Иначе говоря, по своей сущности «иные меры….» не способны обладать признаками, которые присущи наказанию[3].

Представляется, что судебный штраф по своей правовой природе не может быть отнесен ни к видам уголовного наказания, ни к форме реализации уголовной ответственности, ни даже к мерам уголовно-правового характера в силу наличия только ему присущих признаков, например, выполняемой роли в механизме реализации уголовной ответственности, где он выступает основанием освобождения.

Введение института судебного штрафа в российскую правовую систему неоднозначно оценивается современными отечественными исследователями. Недостаточный опыт практического применения исследуемого института не позволяет делать выводы о его исключительно положительном или отрицательном влиянии на реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Потребность дальнейшего научного осмысления с целью практического совершенствования судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности обусловлена рядом факторов:

---

[1] Карпов В.С., Синьков Д.В. Судебный штраф – иная мера уголовно-правового характера или «особый» вид наказания? // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 73.

[2] Гусаков С.Ю. Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершенное преступление // Практика исполнительного производства. 2018. № 4. С. 25.

[3] Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды: учеб. пособие / А.В. Зарубин. СПб., 2015. С. 54.

Во-первых, посредством применения судебного штрафа к виновному лицу происходит сокращение числа осужденных лиц, так как иная мера уголовно-правового характера не влечет судимости[1].

Во-вторых, средства, взысканные в виновного при назначении судебного штрафа, идут в доход государства, пополняя тем самым федеральный бюджет.

В-третьих, исходя из того, что срок рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа значительно меньше срока рассмотрения уголовного дела по существу, применение норм о судебном штрафе способствует сокращению нагрузки судов.

Проведенное исследование вопросов правоприменения судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности на примере Северского городского суда Томской области показало, что за последние три года просматривается тенденция к увеличению количества прекращенных уголовных дел с назначением меры уголовно-правового воздействия в виде судебного штрафа. Причем по данному основанию уголовные дела прекращаются судами как по ходатайству следователя, так и по ходатайству стороны защиты, заявленному непосредственно в ходе рассмотрения дела, по существу.

Проведенный анализ выявил, что в 2017 г. судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности вообще не применялся. В 2018 г. следователями Следственного отдела УМВД России по ЗАТО Северск Томской области было направлено три уголовных дела с постановлениями об освобождении судом лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

В 2019 году следователями Следственного отдела УМВД России по ЗАТО Северск Томской области, следователями Следственного комитета РФ по ЗАТО Северск Томской области, дознавателями отдела дознания УМВД России по ЗАТО Северск Томской области было направлено 35 уголовных дел с постановлениями об освобождении судом лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Как правило, сумма судебного штрафа не зависит от размера причиненного преступлением ущерба. В одних случаях штраф превышает его в два и более раза, в других – назначается меньше, чем в десять раз. Так, по уголовному делу о привлечении виновного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ размер ущерба составил 57 000 рублей, а назначенный судебный штраф – сумму в 5 000 рублей. (Постановление судьи Северского городского суда Томской области Харжевского А.В. в отношении подозреваемой В. от 06.11.2019г. по делу № 1-342/2019).

Судебный штраф, несмотря на то, что выступает самостоятельным основанием освобождения от уголовной ответственности, является по своей сути нереабилитирующим основанием. После признания лица виновным в совершении преступления, сведения о его привлечении к уголовной ответственности, сохраняются в базе данных Информационного центра МВД РФ. При получении запроса в отношении данного гражданина о наличии или отсутствии судимости эта информация всегда будет предоставляться. Несмотря на спорность ситуации относительно ограничения прав лица при погашении судимости, данная ситуация не

[1] Боярская А.В. Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // Правоприменение. 2018. № 1. С. 21.

противоречит закону, поскольку фактически речь идет о хранении учетных документов.

Вопрос о назначении судебного штрафа становится актуальным в случае, когда речь идет о преступлениях, в результате которых была причинена смерть потерпевшему. Суды назначают судебный штраф и по таким категориям дел. Например, постановлением судьи Северского городского суда Томской области от 16 мая 2019 года гражданин Ф. освобожден от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 216 УК РФ на основании ст. 25.1 УК РФ в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 100 000 рублей. Однако в данном случае дискуссионной проблемой выступает реализация принципа справедливости, установленного ст. 6 УК РФ. (Постановление судьи Северского городского суда Томской области Солдатенко Е.В. в отношении подозреваемого Ф. от 16.05.2019г. по делу № 1-169/2019).

В случае признания лица виновным в совершении нескольких преступлений, вопрос о возможности применения судебного штрафа и об установлении его размера является проблематичным. Уголовный кодекс РФ не содержит правил, регламентирующих порядок определения окончательного размера судебного штрафа при привлечении к ответственности по совокупности преступлений небольшой и (или) средней тяжести, как и не говорит о совокупности преступлений в аспекте применения норм о судебном штрафе. Между тем, в п. 16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" специально разъяснено, что при совершении нескольких преступных деяний небольшой и (или) средней тяжести суд вправе назначить судебный штраф. Следовательно, применять нормы о судебном штрафе к лицу, которое совершило несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести можно, но вопрос о размере судебного штрафа остается на усмотрении суда.

С позиции уже упомянутого принципа справедливости возможность назначения судебного штрафа за несколько преступлений также вызывает сомнения. Представляется, что в этом случае виновное лицо относится к тем, кто не боится преступать закон, чем повышает степень общественной опасности своих деяний. В связи с этим, представляется целесообразным закрепить правило, согласно которому возможность назначения судебного штрафа должна устанавливаться за каждое преступление.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что увеличение количества случаев назначения судебного штрафа в практике правоохранительных органов обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, применение судебного штрафа в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, как правило впервые, позволяет избежать судимости лицу, привлекаемому к уголовной ответственности. Данное обстоятельство - отсутствие судимости, - не оказывает негативного воздействия на последующую жизнедеятельность гражданина, он может свободно без ограничений выбирать учебные заведения, без ограничений трудоустраиваться и т.п.

Во-вторых, увеличение числа прекращенных уголовных дел с назначением меры уголовно-правового воздействия в виде судебного штрафа можно объяснить тенденцией гуманизации уголовного и уголовно-процессуального права, предусматривающих в своем содержании не только карательную функцию, но и воспитательную. Сущность последней состоит в том, что содержание норм

уголовного закона, который запрещает посягательства на охраняемые правоотношения, в известной степени воспитывает граждан в духе соблюдения установленных правил человеческого общежития, тем самым ориентируя их на неукоснительное и точное следование нормам закона, уважительное отношение к социальным ограничениям, к личности, к чужому имуществу. Думается, что применение судебного штрафа в отношении лица, впервые совершившего преступление, должно стать для него надлежащим уроком и сформировать модель законопослушного поведения и не совершения им запрещенных законом деяний в будущем.

В-третьих, нельзя не отметить экономическую составляющую назначения судебного штрафа. Оплата штрафа виновным лицом в бюджет Российской Федерации, несомненно, способствует формированию и исполнению бюджета на определенный временной период, а также повышению благосостояния государств.

Запорожченко А.А.
Научный руководитель: **Волохова О.В.**

Некоторые особенности возбуждения уголовных дел по коррупционным преступлениям

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности. Отмечается значимость понятых при производстве отдельных следственных действий, а также раскрываются проблемы провокации коррупционных преступлений сотрудниками правоохранительных органов и привлечения к уголовной ответственности руководителей коммерческих и иных организаций при совершении преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ.

Ключевые слова: следователь, возбуждение уголовного дела, коррупционные преступления.

Одной из наиболее остро стоящих проблем в Российской Федерации является проблема коррупции и коррупционных преступлений, количество которых уже в течение нескольких лет не идет на существенный спад, несмотря на все предпринимаемые для этого государством меры.

В уголовном законодательстве отсутствует легальное закрепление понятия «коррупционные преступления», однако из анализа статей профильного законодательства можно сделать вывод о том, что под коррупционными преступлениями необходимо понимать противоправные, виновные и наказуемые общественно опасные деяния, совершаемые умышленно должностным лицом либо лицом, имеющим заинтересованность в осуществлении в отношении него должностным лицом каких-либо действий (бездействия) из корыстных мотивов и с целью получения имущественной выгоды[1]. К коррупционным преступлениям следует относить составы, регламентированные ст. ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. ст. 200.5, 201, 201.1, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, а также иные составы, предусмотренные кодексом (при условии соблюдения в момент квалификации деяния определенных условий, отражающих коррупционный характер содеянного).

[1] Соловьева Ю.И. Коррупционные преступления // СПС КонсультантПлюс. 2020. С. 7.

По данным Генеральной прокуратуры РФ в период с января по июль 2020 года зарегистрировано порядка 21051 преступления коррупционной направленности, по 13725 из которых уголовные дела направлены в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением[1]. Если же обратиться к статистике ГИАЦ МВД РФ, то мы увидим, что в период с января по сентябрь 2020 года было зарегистрировано 26311 преступлений коррупционной направленности[2]. По информации Следственного комитета РФ существенную долю указанных преступлений составляет дача взятки (около 20%), нередки также уголовные дела о получении взяток (16%) и о мелком взяточничестве (около 15%)[3].

Приведенная информация позволяет сделать вывод о том, что коррупция во всех ее проявлениях по сей день остается угрозой государственной и общественной безопасности Российской Федерации, в связи с чем совершенствование процессуального механизма возбуждения дел по коррупционным преступлениям остается актуальной и дискуссионной задачей.

Поскольку возбуждение уголовного дела – это первоначальная стадия уголовного судопроизводства, в ходе которой решается важнейший вопрос о целесообразности дальнейшего уголовного преследования лица, постольку данная стадия не ограничивается единым процессуальным действием, а состоит из множества комплексных мероприятий, позволяющих достоверно установить необходимость возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела[4]. На этом этапе необходимо грамотно организовать проверочные мероприятия, которые позволили бы собрать необходимые доказательства, с достоверностью устанавливающие вину лица в совершении коррупционного преступления.

Рассмотрим отдельные особенности возбуждения уголовных дел по коррупционным преступлениям.

При производстве осмотра места происшествия в процессе расследования коррупционных преступлений дискуссионным остается вопрос о необходимости привлечения понятых к участию в указанном следственном действии, являющимся, к тому же, неотложным. Так, С.В. Селиванов подчеркивает особую значимость участия понятых в осмотре места происшествия, отмечая, что в данном случае осмотр чаще всего проводится не в труднодоступной местности, а в помещениях организации, что существенно облегчает привлечение понятых. Кроме того, автор убежден в необходимости привлечения как можно большего количества лиц, не ограничиваясь при этом законодательно установленным минимальным количеством – двумя[5].

Противоположное мнение высказывает О.В. Хитрова – автор считает, что «привлечение к участию в следственном действии понятых не требуется в случаях

[1] Состояние преступности в России за январь – июль 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление статистики и информационных технологий. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/caf/sbornik_7_2020.pdf. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2002 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 6.

[3] «Негативные последствия коррупции тяжелее, чем прямой ущерб» // Газета «Коммерсантъ», 2020. №99. С. 4. Дата обращения: 28.10.2020.

[4] Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М.: Юстицинформ, 2019. С. 3.

[5] Селиванов С.В. Производство первоначальных следственных действий при расследовании коррупционных преступлений в сфере распределения и расходования бюджетных средств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 1. С. 2.

обязательного применения видеосъемки или киносъемки, а также в иных случаях, когда используются средства фиксации»[1].

На наш взгляд, не стоит пренебрегать участием понятых в следственных действиях при расследовании преступлений коррупционной направленности даже в случае использования специальных средств фиксации, поскольку обращение следователя к данному институту выступает в качестве гаранта всех прав и законных интересов участников того или иного следственного действия.

Серьезной проблемой при возбуждении дела по преступлению коррупционной направленности может стать принятие следователем материалов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в случае, если последние были переданы в следственные органы в неполном комплекте: отсутствовали постановления о проведении ОРМ, сопроводительные письма о передаче аудио- и видеозаписей, санкции суда на проведение ОРМ или иные документы[2]. Восполнить результаты ОРМ самостоятельно после возбуждения уголовного дела следователь не вправе, так как не вправе вмешиваться в ход проведения ОРМ, но если такое вмешательство произошло, то с большей долей вероятности результаты ОРМ будут признаны незаконными, а собранные в ходе ОРМ доказательства – недопустимыми[3].

Не менее противоречивой является практика проведения оперативного эксперимента в отношении не конкретного лица, а неопределенного круга лиц с целью проверки оперативной информации. Наглядный пример – проведение оперативного эксперимента сотрудниками отдела собственной безопасности управления внутренних дел в отношении сотрудников ГИБДД. Получив информацию о том, что на одном из постов практикуется получение взяток от автомобилистов взамен на освобождение от административной ответственности, сотрудники отдела собственной безопасности, не установив конкретного получателя взяток, осуществили следующее: заранее подготовленное лицо умышленно нарушило правила дорожного движения, после чего было остановлено дежурящим на посту сотрудником ГИБДД. При составлении протокола об административном правонарушении лицо предложило сотруднику взятку, чтобы избежать административного наказания. Взятка была принята, однако подобные действия оцениваются на практике в качестве провокации противоправного деяния, а возбуждать на их основании уголовное дело и вовсе недопустимо[4].

Вопрос о возможности применения провокации разрешен не в пользу подобного механизма противодействия преступлениям, что подтверждается судебной практикой ЕСПЧ по ряду нашумевших дел (одно из таких – дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации», постановление ЕСПЧ по которому вынесено 15 октября 2005 года), благодаря которой удалось установить критерии признания судом

[1] Хитрова О.В. Нужны ли понятые в состязательном уголовном процессе // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н.В. Радутной). М., 2012. С. 163.

[2] Сажаев А.М. О типичных ошибках в материалах оперативно-розыскной деятельности, направленных в следственные органы для возбуждения уголовного дела коррупционной направленности // Предупреждение и расследование преступлений коррупционной направленности, совершенных специальными субъектами: материалы международного круглого стола. М.: Московская академия СК России, 2017. С. 61.

[3] Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов власти. М.: РИОР, 2017. 616 с.

[4] Шадрина Е.Г. Проблемы возбуждения уголовных дел коррупционной направленности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 51.

проведенного оперативно-розыскного мероприятия правомерным и отграничить действия сотрудников правоохранительных органов от провокации. Однако современные реалии российской действительности несколько далеки от установок Страсбургского суда, что подтверждается рядом судебных решений, в том числе – по делам о коррупционных преступлениях, в которых судами установлены факты подстрекательства сотрудниками правоохранительных органов к совершению противоправных деяний и о применении ими недозволенного метода – провокации[1].

Так, Апелляционным определением Московского областного суда от 20.03.2014 по делу № 22-1106\14 был отменен приговор, в котором суд первой инстанции прямо указал на то, что в действиях сотрудников правоохранительных органов имелись признаки провокации в отношении подсудимого, тем самым нарушив требования положений ст. 15 УПК РФ, которые выразились в устранении суда от объективной и непосредственной оценки представленных стороной обвинения доказательств[2].

При подобных условиях все полученные сотрудниками правоохранительных органов в результате их провокационной деятельности доказательства являются недопустимыми, и, соответственно, не имеют юридической силы, а равно не могут быть положены в основу судебного решения.

Проблемным в правоприменительной практике является вопрос возбуждения уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 204 УК РФ. Указанные статьи подразумевают злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации и коммерческий подкуп соответственно. Сложность возбуждения уголовного дела по данным составам заключается в следующем: в ст. 23 УПК РФ законодатель закрепил положение, согласно которому уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению руководителя организации или с его согласия, если указанные деяния причинили вред исключительно интересам коммерческой или иной организации и не причинили вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства. Очевидно, что чаще всего именно руководители коммерческих организаций становятся субъектами совершаемых преступлений, но ни один руководитель не даст согласия на возбуждение уголовного дела против самого себя.

На этот счет интересна позиция Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой уголовное преследование руководителя, в случае нанесения вреда только интересам коммерческой или иной организации, осуществляется на основании заявления или с согласия органа управления организации, а также с согласия члена органа управления организации или лиц, уполномоченных принимать решения, определяющие деятельность юридического лица[3]. Однако далеко не каждая организация может похвастаться такой разветвленной иерархичной структурой управления, что существенно ограничивает применение на практике вышеуказанного положения. По большому счету, в отношении руководителей, являющихся единственным

[1] Запорожченко А.А. К вопросу о провокации административных правонарушений и преступлений // Право XXI века: сборник материалов ежегодной Международной заочной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящённой Дню юриста. Россия Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. С. 184.

[2] Апелляционное определение Московского областного суда от 20.03.2014 по делу № 22-1106\14 // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 28.10.2020.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. № 4. 2009.

учредителем организаций, в которых отсутствуют коллегиальные органы управления, возбудить уголовное дело по признакам ряда составов преступлений, предусмотренных главой 23УК РФ, попросту невозможно.

Но даже в случае, если в организации установлена развитая система управления, которая не замыкается на одном лишь руководителе, возникает очередной вопрос: кто должен давать согласие на возбуждение уголовного дела, если генеральный директор, являясь фигурантом противоправного деяния, де-юре и де-факто остается представителем юридического лица?

Ряд исследователей, на примере законодательства об акционерных обществах заявляют, что «в данной ситуации участники или акционеры организации в установленном законом и учредительными документами порядке должны назначить новое лицо, которое будет представлять их интересы»[1]. И уже вновь назначенный руководитель будет вправе сделать соответствующее заявление от имени юридического лица и иных организаций. Получается, что вопреки установленной в законодательстве презумпции невиновности, генеральный директор организации, вина которого в совершении преступления еще не доказана (как и само событие преступления), будет подвергнут своего рода корпоративной санкции – смещению с занимаемой должности без достоверно установленных на то причин. Разделить с авторами подобный подход мы ни в коем случае не можем, поскольку подобные действия участников общества представляются нам неоправданными и совершенно излишними – незачем доверять вопрос заявления о преступлении стороннему лицу, когда в силах участников общества возможность заявить об этом самостоятельно.

Наглядным примером послужит Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 04.07.2018 № 22-1223/2018, которым осужденному по ч. 1 ст. 201 УК РФ, занимавшему должность директора в коммерческой организации, был отменен приговор, а также прекращено производство по делу в связи с тем, что отсутствовало заявление потерпевшего – единственного учредителя организации, а в ходе предварительного расследования какое-либо иное лицо потерпевшим не признавалось. Суд установил, что осужденный был привлечен к уголовной ответственности с нарушением требований ст. 23 УПК РФ: в отношении него уголовное дело не возбуждалось, согласие на его привлечение к уголовной ответственности потерпевшим не высказывалось. Кроме того, впоследствии судом за осужденным было признано право на реабилитацию[2].

Считаем целесообразным законодательно уточнить порядок возбуждения уголовного дела по составам преступлений главы 23 УК РФ, дабы исключить существующую неопределенность в вероятности реального понесения наказания руководителем организации.

Таким образом, в правоприменительной практике имеется ряд проблем, касающихся возбуждения и расследования уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следователю надлежит тщательнейшим образом проверять результаты оперативно-розыскных мероприятий с целью установления соответствия их требованиям законодательства, а также использовать все возможности для

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е издание, переработанное и дополненное) // под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. «Юрайт-Издат», 2007. С. 336.

[2] Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 04.07.2018 № 22-1223/2018 // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 28.10.2020.

подкрепления законности и обоснованности проведения следственных действий, что в дальнейшем позволит исключить вероятность признания результатов таких следственных действий недопустимыми доказательствами.

В июньском интервью газете «Коммерсантъ» Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин отметил, что потенциальные негативные последствия коррупции могут быть гораздо тяжелее, чем прямой ущерб от хищений[1]. Коррупция сказывается на эффективности работы должностных лиц, на качестве распространяемой среди населения продукции (закупленной, как правило, по государственным контрактам), которым пренебрегают, лишь бы только потуже набить карманы.

Парадокс в том, что пострадавшими от махинаций коррумпированных чиновников и недобросовестных коммерсантов становятся обычные люди, которые оказываются не в силах переломить ход событий и отстоять свои права.

Куликова А.Н.
Научный руководитель: **Дармаева В.Д.**

Проблемы избрания заключения под стражу как меры пресечения и возможные пути их решения

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос о проблемах избрания заключения под стражу как меры пресечения и возможных путях их решения. Автор приходит к выводу, что основной проблемой при избрании данной меры пресечения является тот факт, она ограничивает конституционное право человека – право на личную свободу. Из-за этого следователи должны избирать заключение под стражу на основе подтвержденных сведений.

Ключевые слова: уголовный процесс**,** мера пресечения, заключение под стражу, право на личную свободу, конституционное право человека, ограничение права.

Когда мы говорим о применении мер пресечения, то перед нами возникают очень важные вопросы, такие как, кто может применять и при каких условиях допускается применение мер пресечения, а также от каких обстоятельств зависит данный выбор. Как подчеркивал Н.Н. Полянский: «Ведь можно лишь представить, что может произойти в случае, если ответы на такие вопросы не найдутся в законодательстве»[2].

В первую очередь меры пресечения связаны с правом человека на личную свободу, которое установлено Конституцией Российской Федерации, поэтому их применение необходимо осуществлять только в установленной законом форме при наличии оснований, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Российское уголовно-процессуальное законодательство не дает определения мер пресечения, но в науке уголовно-процессуального права сформировалось понятие, что меры пресечения – это методы процессуального принуждения, которые направлены на пресечения возможности совершения обвиняемым, подозреваемым какого-либо другого преступления, а также препятствие деятельности этих лиц по воспрепятствованию предварительному расследованию.

[1] «Негативные последствия коррупции тяжелее, чем прямой ущерб» // Газета «Коммерсантъ», 2020. № 99. С. 4. Дата обращения: 28.10.2020.
[2] Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 136.

Когда мы говорим про такую меру пресечения как заключение под стражу, то понимаем, что она является достаточно жестокой по отношению к лицу, совершившему какое-либо преступление, и в первую очередь связана с лишением человека свободы.

В связи с вышеизложенным, мы не должны рассматривать заключение под стражу как стадию наказания в виде лишения свободы, потому что это совершенно отличные друг от друга понятия.

Во-первых, мера пресечения и наказание преследуют разные цели. Статья 97 УПК РФ указывает, что целями меры пресечения являются:

1) Недопустимость сокрытия подозреваемого, обвиняемого от предварительного следствия, дознания или суда;
2) Прекращение преступной деятельности подозреваемым, обвиняемым;
3) Недопустимость совершения подозреваемым, обвиняемым действий, которые направлены на воспрепятствование производству по уголовному делу;
4) Обеспечение исполнения приговора или выдачи лица иностранному государству.

Целями уголовного наказания в соответствии со статьей 43 Уголовного кодекса Российской Федерации являются:

1) Восстановление социальной справедливости;
2) Исправление осужденного;
3) Предупреждение совершения новых преступлений.

Во-вторых, данные понятия относятся к разным отраслям права, и исходя из этого, регулируются разными нормативно-правовыми актами. Назначение наказания регламентировано нормами уголовного права, а избрание данной меры пресечения осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального права.

В-третьих, они применяются в отношении разных категорий лиц. Заключение под стражу применяется в отношении обвиняемых, редко подозреваемых, а лишение свободы назначается лицу, которое признано виновным в совершении преступления.

В-четвертых, уголовное наказание влечет за собой уголовно-правовое последствие, а именно судимость, которая не является последствием заключения под стражу.

Российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит в себе дефиниции «заключения под стражу». Также не существует устойчивого определения данного понятия, но ряд ученых, изучающий уголовно-процессуальное право, дают свои трактовки данному термину.

Так, например, О.И. Цолокова говорит о том, что заключение под стражу рассматривается как принудительная изоляция обвиняемого, подозреваемого, и содержание его под стражей в специальном, предназначенном для этого, учреждении с целью обеспечения расследования по делу и судебного рассмотрения уголовного дела, а также исполнения приговора[1].

По мнению Н.В. Булановой сущность заключения под стражу заключается в том, что это мера пресечения применяется в ходе уголовного судопроизводства и в первую очередь ограничивает права обвиняемого, а в определенных случаях подозреваемого, на свободу и личную неприкосновенность на срок, определенный следователем, дознавателем в ходатайстве, который не превышает установленного законом срока, а также состоит в помещении данного лица в специально предназначенное для этого

[1] Цоколова, О. И. Заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. М.: Изд-во Акад. упр-я МВД России, 2002. С. 16.

учреждение с целью пресечения преступной деятельности или иного воспрепятствования расследования по уголовного делу[1].

Также А.С. Шаталов высказал свою позицию на определение данного термина. Он говорит о том, что заключение под стражу является мерой пресечения, применяемая к подозреваемому, обвиняемому на основании судебного решения, которые совершили преступления, влекущее наказание в виде лишения свободы в случае, если избрать более мягкую меру пресечения невозможно[2].

Заключение под стражу в первую очередь является средством избавления от преступности лиц, которые обвиняются или подозреваются в совершении преступлений, а также реализует принципы и задачи уголовного процесса, которые связаны с преодолением противодействия обвиняемого, подозреваемого, изолирует лица, представляющего общественную опасность. В этом и состоит значение данной категории.

Сущность заключения под стражу заключается в том, что гражданин лишается свободы до окончательного решения суда вопроса о том, виновен ли он. Данная мера пресечения существенным образом ограничивает право граждан на личную свободу, которое гарантированно Конституцией Российской Федерации, а также признанно мировым сообществом в качестве одной из основных человеческих ценностей.

На протяжении многих лет и на сегодняшний день заключение под стражу является самой строгой и самой распространенной мерой пресечения. По данным Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации за 2019 год было 105,8 тысяч ходатайств об избрании данной меры пресечения (4,7 % от общего числа ходатайств), при том, что ходатайств об избрании домашнего ареста 7,0 тыс., залога – 86 ходатайства[3]. Если анализировать с прошлым годом, то, конечно, может увидеть, что в 2019 году число ходатайств о применении данных мер пресечения снижено, но незначительно. Из этого числа ходатайств об избрании заключения под стражу удовлетворяются подавляющее большинство - 89,2 %[4].

То, что заключение под стражу является одним из распространенных мер пресечения, говорит о том, что должностные лица правоохранительных органов полагают, что, если подозреваемый, обвиняемый будет находится под их контролем, то это ускорит производство по уголовному делу и уничтожит вероятность того, что данное лицо каким-либо образом негативно повлияет на ход предварительного расследования. Это действительно так, но основной проблемой в этой ситуации является тот факт, что данная мера пресечения ограничивает конституционное право человека – право на личную свободу.

Довольно часто лица, в отношении которых она избирается, обращаются в апелляционную инстанцию для обжалования таких решений. В 2019 году 26,8 %, что составляет одну четверть от общего числа ходатайств, были рассмотрены судами апелляционной инстанции, но только 3 % были отменены и 6 % были изменены на более мягкую меру пресечения. Это связано с тем, что подозреваемый, обвиняемый считает, что к нему данная мера пресечения применяется необоснованно и незаконно.

---

[1] Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 34.

[2] Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т. 1. Общие положения. М. Великий Новгород, ИД МПА-Пресс, 2012. Ст. 492.

[3] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // http://cdep.ru. // Дата обращения: 30.10.2020.

[4] Там же.

Верховный суд разъясняет судам о том, что при принятии ими решений они должны тщательно давать оценку доводам и мотивам, на которых основывается решение о применении заключения под стражу[1].

Тоже самое касается продления сроков содержания под стражей. Данное ходатайство является самым распространенным из общего числа ходатайств. В 2019 году было подано 207,5 тысяч ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Апелляционной инстанцией рассмотрено 22,4 % жалоб на постановление о продлении сроков, при этом отменяются лишь 2 % постановлений и 5 % изменяются[2]. Данная статистика позволяет сделать вывод о том, что суды первой инстанции, и апелляционной инстанции соблюдают предписания Верховного суда РФ и принимают такие решения на основе обоснованности обстоятельств, изложенных в ходатайстве следователя, дознавателя.

В связи с этим следователи не должны избирать данную меру пресечения «на всякий случай». Мы никогда не должны исключать возможность следственной ошибки. В первую очередь нужно очень тщательно изучать те обстоятельства, которые могут свидетельствовать об основаниях применения заключения под стражу. Нужно учитывать тяжесть преступления, данные личности подозреваемого, обвиняемого, характеристики с места работы, учебы и так далее. В случае, если мы не обоснованно избираем данную меру пресечения это является существенным нарушением закона.

На значимость права на личную свободу довольно часто обращает внимает Конституционный суд Российской Федерации. Так, например, в Постановлении № 6-П от 14 марта 2002 г. «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 126 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова» Конституционный Суд РФ указал, что закрепленное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность является одним из основных прав, принадлежащих человеку от рождения и являющихся неотчуждаемыми[3].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» особо подчеркнуто, что существует коллизия между правом на личную свободу и обязанностью государства защищать интересы общества, поэтому разрешить данную проблему смогло закрепление возможности ограничения свободы в законодательстве[4].

Приведем пример. Обвиняемый В. подал апелляционную жалобу в Саратовский областной суд, где говорит о том, что не согласен с принятием решения о продлении сроков содержания под стражей, ссылаясь на то, что суд нарушил его право на

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. Федеральный выпуск № 294 (6270) от 27.12. 2013. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // http://cdep.ru. // Дата обращения: 30.10.2020.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 № 12. Ст. 1178 // Дата обращения: 30.10.2020.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2005 № 14. Ст. 1271 // Дата обращения: 30.10.2020.

назначение более мягкой меры пресечения, предписанное ему международными актами. При принятии решения об избрании в отношении обвиняемого В. заключения под стражу суд первой инстанции исходил из того, что он ранее судим, обвиняется в совершении двадцати одного умышленного тяжкого преступления, а также не имеет постоянного места жительства и регистрации на всех территории Российской Федерации. Было принято решение об отказе в удовлетворении данной жалобы[1].

В данном примере видно, что суды не могли поступить иначе, потому что обстоятельства, на основе которых принято решение достаточно обоснованы и были подтверждены необходимыми документальными доказательствами, и также к моменту рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей эти обстоятельства не изменились, и не появились какие-либо новые, которые могли бы повлиять на принятие решения.

Также суды довольно редко, но все-таки выносят постановления об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. От общего числа ходатайств около 5 % — это отказ. Данные решения тоже можно обжаловать в апелляционном порядке. Только 0,8 % постановлений суда об отказе отменяются апелляционной инстанцией. Что касается отказа в продлении сроков, то прокурор вправе подать апелляционное представление. В 2019 году число удовлетворенных апелляционных представлений прокурора составило 72.

Рассмотрим на примере. Заместитель прокурора г. Магадана С. подала апелляционное преставление в Магаданский областной суд, где указывала на то, что судом первой инстанции нарушено уголовно-процессуальное законодательство в части, касающейся продления сроков содержания под стражей. Следователем было подано ходатайство о продлении срока содержания под стражей в связи с продлением срока предварительного следствия, но суд указал срок продления содержания под стражей меньший сроку продления предварительного следствия. Это при том, что обстоятельства применения данной меры пресечения были обоснованными и не изменились, чтобы принять другое решение. Суд признал доводы заместителя прокурора г. Магадана С. обоснованными и удовлетворил апелляционное представление[2].

Эти примеры показывают нам, что при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продления сроков содержания под стражей мы должны подходить к этому очень серьезно, обосновывать свои доводы, подкрепляя их документированным подтверждением. Также нужно быть уверенным в необходимости принятия таких решений, чтобы обеспечить законность при ограничении права человека на личную свободу.

[1] Апелляционное постановление Саратовского областного суда по делу № 22К-3158/2019 от 27.09.2019. [Электронный ресурс] URL: // https://sudact.ru. // Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Апелляционное постановление Магаданского областного суда по делу № 22К-458//2019 от 26.09.2019. [Электронный ресурс] URL: // https://sudact.ru. // Дата обращения: 30.10.2020.

Мажаева В.А.
Научный руководитель: **Петрова О.В.**

Некоторые аспекты реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования

Аннотация. В данной статье рассмотрена практическая реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования. Проведен анализ норм, законодательно закрепляющих данный принцип. Выявлены коллизии и пробелы в праве, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, разумный срок, предварительное расследование, принцип уголовного судопроизводства, участник уголовного судопроизводства, судебная экспертиза.

На сегодняшний день существует множество пробелов и коллизий в праве, выявляемых как с точки зрения теории уголовного процесса, так и с точки зрения практики ее применения. Регулярно вносимые поправки в уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) и иные законодательные акты не только не позволяют в полной мере устранить все существующие проблемы законодательного закрепления допустимого поведения участников уголовного процесса, но и порождают возникновение новых проблем в правоприменительной практике. Такие трудности обусловлены отсутствием точного регламентирования, а также наличием противоречий в законодательно закрепленных обязательных действиях участников уголовного судопроизводства. Данная проблема может выразиться в возможности широкого толкования закона, и как следствие, в различном индивидуальном понимании участниками судопроизводства значения некоторых норм. Такие ситуации нередко приводят к ущемлению прав граждан, подрыву эффективности правового регулирования, а также ухудшению состояния законности и правопорядка в государстве.

Актуальной проблемой в работе российских правоохранительных органов является «затягивание» срока уголовного судопроизводства. В связи с этим в 2010 году в УПК РФ были внесены поправки, центральной из которых стало введение отдельной статьи 6.1 Разумный срок уголовного судопроизводства. В законодательстве не появилось дефиниции разумного срока, однако были определены критерии, по которым данный срок устанавливается.

Однако внесенных изменений оказалось недостаточно, в первую очередь, для решения проблемы обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления. В срок судопроизводства не включался период со дня обращения с заявлением о преступлении до возбуждения уголовного дела[1], что лишало лицо возможности на присуждение компенсации за нарушения права на уголовное судопроизводство в разумный срок. По-прежнему в следственной практике имеют место случаи неоднократного отказа в возбуждении уголовного дело по «надуманным» основаниям при наличии данных, указывающих на признаки преступления. И сроки волокиты по таким материалам могут достигать полутора лет,

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326755/. Дата обращения: 20.10.2020.

что негативным образом сказывается на соблюдении вновь введенного принципа, о котором идет речь в настоящей статье.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ в части определения разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен вред, когда производство по данному уголовному делу завершается постановлением обвинительного приговора. Данная проблема была устранена Федеральным законом от 31.07.2020 № 243-ФЗ «О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», что позволило усилить контроль над деятельностью следователей, дознавателей и органов дознания по соблюдению сроков проверки сообщений о преступлениях.

С учетом последних поправок, разумный срок включает в себя время со дня начала уголовного преследования для лица, в отношении которого оно осуществляется, а для потерпевшего или иного лица, которому правонарушением причинен вред, со дня подачи заявления, и до момента его прекращения или вынесения обвинительного приговора. Законодатель установил обстоятельства, которые должны учитываться для установления разумного срока: своевременность обращения лица, которому причинен вред, сложность уголовного дела и материалов проверки сообщения о преступлении как фактическая, так и юридическая. Также учитывается поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий должностных лиц, задействованных в расследовании, производимых в целях осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства. Реализация этого принципа играет важную роль в соблюдении законных прав и интересов граждан, однако при этом составляет огромную сложность. Затруднения возникают из-за недостаточно точного закрепления сроков по конкретным действиям следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, руководителя органа дознания, прокурора и судьи. Известно, что невозможно точно определить абсолютно все сроки, в течение которых должны выполняться обязанности перечисленных выше должностных лиц ввиду индивидуальности каждого дела, но все-таки возможно установление некоторых сроков, законодательно не обозначенных на данный момент.

Согласно ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ, продление сроков уголовного судопроизводства допустимо в законодательно закрепленных случаях, а уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок. Следует учитывать то, что уголовное судопроизводство по своей сути содержит перечисленные выше действия. Именно поэтому в практической деятельности нарушение сроков уголовного судопроизводства и заключается в нарушении сроков уголовного преследования, нарушении сроков назначения наказания и прекращения уголовного преследования. Одной из значимых причин нарушения данных сроков является поведение участников рассматриваемых правоотношений: действия подозреваемого или обвиняемого, свидетелей и потерпевших, адвокатов и законных представителей по «затруднению» и «затягиванию» сроков расследования с учетом индивидуальной выгоды; а также действия должностных лиц (следователя или дознавателя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, судьи, прокурора) в условиях отсутствия императивных норм, ограничивающих те или иные действия определенными сроками их реализации. На подобные нарушения также влияют

некоторые пробелы в праве, так как на данный момент определены не все временные рамки, в которые должны производиться те или иные действия должностных лиц.

Известно, что предварительное расследование может производиться в форме предварительного следствия или дознания в общем порядке и в сокращенной форме. Однако в законодательном закреплении производства предварительного расследования в различных формах существует некая юридическая коллизия: законодательно определен срок ознакомления с обвинительным постановлением и соответствующими материалами уголовного дела, а сроки ознакомления с обвинительным актом и обвинительным заключением и прилагаемым к ним материалами уголовного дела в законе не определены. Так, согласно ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ, обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела не позднее 3 суток со дня составления обвинительного постановления. А потерпевший и его представитель знакомятся с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела в тот же срок при наличии ходатайства с их стороны. В данной статье идет речь о процессуальном документе, составляемом при завершении предварительного расследования в виде дознания в сокращенной форме. Что же касается обвинительного акта и обвинительного заключения, а также материалов уголовного дела при производстве предварительного расследования в форме следствия и дознания в общем порядке, то данные сроки не определены.

Из этого вытекает первая проблема, которую стоит рассмотреть: порядок уведомления о производстве всех следственных действий и достаточности всех собранных доказательств для составления обвинительного заключения, а также разъяснения права на ознакомление со всеми материалами уголовного дела закреплен в ч. 1, 2 ст. 215 УПК РФ. Отсутствие конкретных сроков исполнения следователем данной обязанности может повлечь нарушение законного права обвиняемого и его защитника на подачу ходатайств и иных заявлений, которые в дальнейшем могли бы изменить ход судебного производства по делу. Впоследствии такое поведение следователя, как правило, приводит к обжалованию его решений, что влечет еще большее «удлинение» разбирательства по делу, отсюда и нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Примечательно то, что согласно п. 3 ст. 217 УПК РФ, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с ними, то на основании судебного решения, может быть установлен этот самый срок ознакомления с материалами уголовного дела. Следовательно, законодательно закреплена возможность установления срока ознакомления с материалами уголовного дела только при негативных действиях обвиняемого и защитника. В то же время закон не регулирует случаи, когда следователь по каким-либо причинам, в том числе и организационного характера, способствует «затягиванию» срока ознакомления с материалами дела. Исходя из этого, по мнению автора необходимо внести дополнение в УПК РФ, регламентирующие срок, в течение которого следователь должен ознакомить обвиняемого со всеми материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК; срок ознакомления потерпевшего и его представителя с материалами уголовного дела в порядке ст. 216 УПК; а также сроки ознакомления обвиняемого с обвинительным заключением в порядке ст. 220 УПК и с обвинительным актом в порядке ст. 225 УПК. Еще одной проблемой, которую стоит рассмотреть, является неопределенность срока уведомления следователем потерпевшего, его представителя, подозреваемого,

обвиняемого и его защитника о приостановлении предварительного следствия. Согласно ч.1 ст. 209 УПК РФ, следователь разъясняет данным лицам их право на обжалование такого решения. Однако же, если следователь «затягивает» с таким уведомлением, потерпевший и его представитель, подозреваемый, обвиняемый и его защитник ущемляются в своих правах по подаче жалоб, поскольку невозможно обжаловать то решение, о котором человек не знает, а дальнейшее разбирательство в свою очередь удлиняется за счет решения вопросов об ущемлении данных прав. Это же право может быть нарушено вследствие неустановленного срока уведомления обвиняемого и его защитника, потерпевшего и его представителя о продлении срока предварительного следствия, дознания и дознания в сокращенной форме. Законодательно не устанавливается срок сообщения подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и его представителю о возобновлении предварительного следствия. Несвоевременное уведомление следователем о возобновлении предварительного следствия может повлечь такие ситуации, когда участник по уголовному делу будет в неведение о дальнейшем ходе расследования уголовного дела, что недопустимо. Это также может привести к нарушению права участников уголовного судопроизводства на разбирательство в разумный срок.

Можно привести множество примеров из судебной практики, свидетельствующих о реальности данной проблемы и острой необходимости ее решения. Так, в апелляционном постановлении Ставропольского краевого суда № 22К-1723/2020 от 14 апреля 2020 г. по делу № 1-10-71/2020 заявитель выражает несогласие с поставленным по его жалобе решением суда, в которой идет речь о бездействии следователя, выразившемся в умышленном затягивании следователем сроков расследования уголовного дела. По данному уголовному делу следователем неоднократно необоснованно приостанавливалось предварительное следствие, однако ни разу в адрес заявителя, как потерпевшего по уголовному делу, не было направлено ни одного уведомления о приостановлении уголовного дела, так и о возобновлении предварительного следствия[1]. Чтобы избежать подобных нарушений со стороны следователя, считаем необходимым внести дополнения в ст. 209 УПК РФ в части регламентирования срока уведомления потерпевшего и его представителя, подозреваемого, обвиняемого и его защитника о приостановлении предварительного следствия; в ст. 211 УПК РФ – установленный срок сообщения подозреваемому, обвиняемому и его защитнику, потерпевшему и его представителю о возобновлении предварительного следствия; в ст. 162 УПК РФ – срок уведомления обвиняемого и его защитника, потерпевшего и его представителя о продлении предварительного следствия; в ст. 223 УПК РФ – срок уведомления тех же лиц о продлении дознания и в ст. 226.6 – срок уведомления о продлении дознания в сокращенной форме соответственно. Следующая проблема, требующая рассмотрения, заключается в сроках производства судебных экспертиз на стадии предварительного расследования. Если рассматривать судебную экспертизу как следственное действие, то она совершенно не похожа на остальные. Несмотря на то, что судебная экспертиза имеет свое законодательное закрепление в УПК РФ, более подробная ее регламентация содержится в Федеральном законе от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" (далее – ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации").

[1] Апелляционное постановление № 22К-1723/2020 от 14.04.2020 по делу № 1-10-71/2020. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/49zkAgT5WXgC/. Дата обращения: 20.10.2020.

Однако даже в этом документе не содержится точных сроков, в течение которых экспертиза должна быть проведена. Единственным исключением является срок, в течение которого лицо может быть госпитализировано в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы - такой срок составляет 30 дней и может быть продлен судьей еще на 30 дней, в общей сложности, не превышая 90 дней[1]. Несмотря на такое подробное закрепление сроков данного вида экспертизы существует проблема ее применения при одной из форм предварительного расследования. Согласно ст. 226.6 УПК РФ, срок, в течение которого она должна быть проведена при производстве дознания в сокращенной форме, составляет 10 суток, а на практике еще меньше (с учетом вынесения постановления о производстве судебной экспертизы, получении «готового» заключения эксперта, а также разрешения других организационных вопросов). Из этого следует, что при необходимости проведения судебно-медицинской, психиатрической либо иного рода экспертизы, производство дознания в сокращенной форме невозможно, так как это нарушит сроки, закрепленные в УПК РФ; право подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме; и как следствие, право на «смягчение приговора». В целом можно говорить о нарушении права участников уголовного судопроизводства на разбирательство в разумный срок. Что касается остальных видов судебных экспертиз, то их предельные сроки не установлены. Одной из причин продления сроков предварительного расследования является именно длительность проведения отдельных видов экспертиз, а также увеличение их количества. Например, производство компьютерно-технической, бухгалтерской, автотехнической, строительной экспертизы в среднем занимает от 5 до 10 месяцев, а может достигать и нескольких лет. В таком случае очевидно несоответствие данных сроков срокам, установленным для производства предварительного расследования. Если, например, предварительное расследование производится в форме дознания, максимальный срок которого при необходимости производства экспертизы не может превышать 6 месяцев, и по данному делу назначено производство одной из длительных экспертиз, неизбежно происходит нарушение разумного срока. Это будет выражаться, во-первых, в «задержании» расследования по делу до получения результатов экспертизы. А во-вторых, при невозможности дознавателя закончить расследование в установленный срок, уголовное дело подлежит передаче в следственные подразделения, а это сопровождается подготовкой ряда процессуальных документов, что также занимает дополнительное время. Даже после осуществления такой передачи следователь не сможет сразу начать расследование по делу, т.к. ему потребуется время на ознакомление с материалами. Эти процедуры можно отнести к обстоятельствам, связанным с организацией работы органов дознания и следствия, которые согласно п. 4 ст. 6.1 УПК РФ не могут учитываться как основание для превышения разумных сроков уголовного судопроизводства. Однако следует учитывать человеческий фактор, который не позволит свести время, необходимое для осуществления всех этих действий, к минимуму, а значит, право участников на разбирательство в разумный срок в любом подобном случае будет нарушено. Существуют и случаи, когда производство судебной экспертизы могло бы «уложиться» в сроки

[1] Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 30.

предварительного расследования, но этого не происходит из-за «затягивания» непосредственно сроков производства судебной экспертизы. Примером такого феномена является уголовное дело 3-61/2010, по которому была назначена судебная экспертиза 30.05.2005 в Ленинградском бюро СМЭ, 11.01.2007 Дзержинский районный суд направил запросы об истребовании уголовного дела в связи с длительным сроком производства экспертизы, и только 16.06.2007 заключение эксперта было предоставлено в суд.[1] Данный случай также иллюстрирует грубое нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. По моему мнению, решением перечисленных выше проблем может послужить законодательное закрепление временных рамок производства судебных экспертиз. Также необходимо внести в ст. 4 ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", в которой закреплены принципы государственной судебно-экспертной деятельности, такой принцип как разумный срок производства судебной экспертизы. Учитывая тот факт, что «затягивание» сроков предварительного расследования на время производства судебных экспертиз также зависит от наличия или отсутствия на территории многих субъектов Российской Федерации условий для производства сложных видов судебных экспертиз, необходимо проведение государственной политики в целях увеличения специалистов конкретных областей и обеспечения необходимым оборудованием экспертные учреждения. Также в целях реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства считаем необходимым рассмотрение возможности приостановления производства по делу на время проведения длительных судебных экспертиз, по аналогии со ст. 144 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

С учетом приведенных автором аргументов, следует сделать вывод о том, что нарушение сроков уголовного судопроизводства влечет негативные последствия не только для потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, чьи права, бесспорно, при этом нарушаются, но и для органов дознания и следствия. Это выражается в увеличении нагрузки на следователей и дознавателей по находящимся в производстве уголовным делам, а также в утрате возможностей сбора доказательств по делу за счет того, что после совершенного деяния прошло уже слишком много времени. Таким образом, учитывая отрицательное воздействие несоблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, этот вопрос подлежит дальнейшему рассмотрению и законодательному регулированию. Об этом свидетельствует тот факт, что основное количество жалоб граждан Российской Федерации в Страсбургский суд поданы по причине затягивания производства по уголовным делам, которое впоследствии приводит к неоправданно длительному содержанию под стражей обвиняемых и подсудимых[2]. В качестве положительного момента следует отметить законодательное закрепление права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, что закреплено Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ. Введение данного закона свидетельствует о том, что в нашем государстве проводится работа над рассматриваемой проблемой, однако о полном ее решении говорить еще рано.

---

[1] Решение Волгоградского областного суда от 18.11.2010 по делу № 3-61/2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.gcourts.ru/case/741650. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Чумаков А. В. Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.09. СПб, 2005. С.122-123. [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002853090. Дата обращения: 20.10.2020.

Мусаткин Н.Р., Сениченкова Е.Ю.
Научный руководитель: **Наумова Ю.Н.**

Возможность проведения судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы возможности проведения судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. На основании достижений научной теории и материалов судебной практики раскрываются пределы, необходимость и частные случаи проведения судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Также авторы описывают содержание и проблемы назначения судебно-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: экспертиза, экспертное заключение, стадия возбуждения уголовного дела, уголовное судопроизводство, судебно-психиатрическая экспертиза.

Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уже много лет содержит указание на возможность назначать судебную экспертизу. Не оспаривая прогрессивность проведения экспертных исследований до момента возбуждения уголовного дела, полагаем необходимым отметить некоторые проблемные вопросы. Среди них – дискуссия относительно возможности назначения и производства очной судебно-психиатрической экспертизы (далее – СПЭ).

Попытки разрешения обозначенной проблемы, даже при первом приближении, можно обнаружить на стыке не только различных отраслей права, но и ценностных установок отечественного правоприменителя. При этом исключительно буквальное прочтение нормы ст. 144 УПК РФ не обнаруживает каких-либо ограничений применения СПЭ на стадии возбуждения уголовного дела, поэтому для более полного исследования рассматриваемого института считаем необходимым провести сравнительный анализ существующих в доктрине уголовно-процессуального права взглядов ученых-юристов:

1) Назначение и проведение СПЭ на стадии возбуждения уголовного дела невозможно. Традиционного такая аргументация сводится к тому, что производство СПЭ по своей правовой природе связано с ограничением конституционных прав личности и с применением мер принудительного характера, что является излишним на стадии возбуждения уголовного дела[1].

2) Назначение СПЭ возможно до возбуждения уголовного дела, но её непосредственное производство – на стадии предварительного расследования. Такой вариант, по мнению Е.В. Мищенко [2], не противоречит назначениям стадии возбуждения уголовного дела. Полагаем, это является правильным с позиции теории уголовного процесса и целей уголовно-процессуальной политики.

Вместе с тем, назначение и производство СПЭ в рамках рассматриваемой стадии имеет ряд пробелов в процессуальной регламентации, которая осложняется некоторыми особенностями, присущими именно судебно-психиатрической экспертизе.

[1] Орлов Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 20.

[2] Мищенко Е.В. Проблемы досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 117.

Во-первых, производство СПЭ на начальной стадии уголовного судопроизводства не соответствует целям данной стадии в целом. Поскольку, исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 140 УПК РФ, целью стадии возбуждения уголовного дела является выявление данных, отвечающих критерию достаточности, указывающих на признаки преступления. Но какие достаточные данные при проверке сообщения о преступлении можно установить посредством проведения СПЭ? Производство обязательной судебно-психиатрической экспертизы преследует иные цели, которые установлены в чч. 3, 3.1, 3.2, 4 ст. 196 УПК РФ, к ним можно отнести: установление психического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; установление психического состояния подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии); установление психического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией; установление психического состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Полагаем, что любые процессуальные действия должны соответствовать целям стадии, в ходе которой они проводятся, только так можно разрешить собственные задачи каждой стадии уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК).

При этом, на практике [1] перед экспертами ставятся вопросы, которые в большинстве случаев связаны с психическим состоянием лица, которое может иметь юридическое значение (вопросы вменяемости лица, способности потерпевшего исходя из психического состояния к даче показаний и т.д.). Но подобные вопросы, как справедливо указывают в научной литературе, разумнее исследовать после установления наличия состава преступления в совершенном деянии, установления личности потерпевшего[2]. Таким образом, решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, которое является ключевым этапом на первоначальной стадии уголовного судопроизводства, не может исходить из экспертных выводов, произведенных при производстве СПЭ.

Стоит также отметить, что распространенной ошибкой при назначении СПЭ является некорректная формулировка вопросов, ставящихся перед экспертами [3]: вопросы о достоверности сообщаемых лицом сведений (об их правильности, соответствии действительности, правдивости или ложности), которые не могут решаться компетентными экспертами-психиатрами, так как оценка доказательств с точки зрения достоверности не входит в их обязанности.

Согласимся с выводом Б.А. Антоновича о рассматриваемом недостатке производства СПЭ до возбуждения уголовного дела, который утверждает, что

[1] Сайт ГБУЗ МО Центральная клиническая психиатрическая больница: Официальный сайт // Перечень типовых вопросов при назначении судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам [Электронный ресурс] URL: http://ckpbmo.ru/hospital-units/otdelenie-tsspe/perechen-tipovykh-voprosov-pri-naznachenii-sudebno-psikhiatricheskoy-ekspertizy-po-ugolovnym-delam/index.php. Дата обращения: 21.10.2020.

[2] См.: Шишков С.Н. Указ.соч. С. 38.

[3] См.: Сафуанов Ф.С. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2007. № 2. С.19.

назначение и производство экспертизы на рассматриваемой стадии – это средство установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела, что не соответствует обозначенным выше целям назначения и производства СПЭ[1].

Во-вторых, для производства СПЭ экспертам необходимо знание обстоятельств, которые могут быть установлены посредством производства процессуальных действий, проводимых в рамках стадии предварительного расследования (например, допрос лиц, знакомых с подэкспертным об особенностях поведения последнего). Помимо этого, в качестве существенной проблемы можно выделить и необходимость предоставления медицинской документации, в частности, амбулаторных и стационарных медицинских карт, заключений врачебных комиссий и других материалов, содержащих анамнестические сведения, которые по причине коротких сроков рассматриваемой стадии собрать весьма сложно.

Также на стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют процессуальные гарантии допустимости доказательств, которыми также являются и материалы для проведения и назначения СПЭ. Это может вызвать недоверие к материалам, полученным на этой стадии, и послужить поводом для сомнений в экспертных заключениях и основанием для назначения повторных экспертиз[2].

Таким образом, СПЭ, в случае её проведения при обозначенных выше обстоятельствах, будет в большинстве случаев основываться на неполных доказательствах. В целом, данный вывод подтверждается материалами судебной практики. Так, к примеру, в одном из дел отмечено, что рассматриваемый вид экспертизы требует особой подготовки материалов для экспертов, а на первоначальной стадии уголовного судопроизводства собрать этот материал не представляется возможным без проведения отдельных следственных действий, которые могут проводиться лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела[3].

Кроме того, важность полноты медицинских документов для производства СПЭ отмечалось также и Верховным Судом РФ, который направил дело на новое судебное разбирательство в связи с возникшими сомнениями в научной обоснованности заключения экспертов-психиатров, поскольку в материалах дела не было медицинских и других документов, которые могли бы объективно подтвердить данные анамнеза, выдвинутого экспертами-психиатрами. В деле не было медицинских документов, отражающих физическое развитие и состояние здоровья О. в детском возрасте, подтверждающих факт получения им черепно-мозговой травмы, а также отравления в 13-летнем возрасте угарным газом. Указанный в акте стационарной СПЭ бредовый синдром, наличие обманов восприятия и других психотических расстройств были недостаточно полно и четко описаны, а мотивировочная часть заключения недостаточно клинически обоснована и научно аргументирована[4].

В-третьих, в ст. 144 УПК РФ закреплена характеристика разумности срока получения заключения эксперта. То есть получение заключения эксперта не должны превышать срок проверки заявлений и сообщений о преступлении, на которые, по

---

[1] См.: Антонович Б.А., Антонович Е.К. Указ. соч. С. 92-94.
[2] См.: Шишков С.Н. Указ. соч. С. 38-39.
[3] Апелляционное постановление Яранского районного суда № 10-2/8/2016 от 13.09.2016 по делу № 10-2/8/2016 // // СПС «КонсультантПлюс».
[4] Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 11.03.2004 № 3-58/03 // Справочная-правовая система КонсультантПлюс.

общему правилу, дается 3 суток. Но существенное затруднение в том, что временные рамки рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства могут оказаться недостаточными для подготовки и проведения судебно-психиатрической экспертизы. Шишков С.Н. отмечает, что для стационарного экспертного исследования 30 суток – недостаточный срок[1]. Согласно ст. 30 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» срок нахождения лица в медицинском стационаре для производства СПЭ составляет 30 суток, при том, что этот срок может два раза продлеваться до 90 суток, который, несомненно, не соответствует обозначенным выше процессуальным срока. А учитывая и то, что на практике довольно редко удается назначить СПЭ в день поступления сообщения о преступлении, срок для проведения экспертизы сокращается.

В-четвертых, СПЭ проводится в отношении лиц, которые имеют четко определенный процессуальный статус. Статья 26 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указывает, что круг лиц, которые могут быть направлены на судебную экспертизу, определяется процессуальным законодательством РФ. Системное толкование ст. 196 и 198 УПК позволяет утверждать, что СПЭ могут подвергаться подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, а также лицо, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера. Направление на экспертизу иных участников процесса либо лиц, чей процессуальный статус не определен, уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Проанализировав ст. 144 УПК РФ, которая регламентирует порядок рассмотрения сообщения о преступлении, в частности, возможность проведения судебной экспертизы, можно сделать вывод, что законодатель фрагментарно очерчивает процессуальный статус субъектов на стадии возбуждения уголовного дела и оперирует такими терминами, как «участник проверки сообщения о преступлении», «участник досудебного производства», «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «заявитель», но процедуре производства судебной экспертизы эти субъекты подвергаться не могут.

Таким образом, конкретный статус подэкспертного до возбуждения уголовного дела представляется неопределенным и размытым, поэтому, предполагаем, что лицо наделяется соответствующим процессуальным положением, позволяющим производство в отношении него СПЭ уже после возбуждения уголовного дела.

В-пятых, в случае назначения судебно-психиатрической экспертизы в соответствии со ст. 144 УПК РФ возникают проблемные вопросы при разрешении ходатайства о назначении повторной или дополнительной экспертизы такого вида[2]: подлежит ли безусловному удовлетворению ходатайство о назначении повторной или дополнительной экспертизы; сопряженность с существенным процессуальным принуждением.

Полагаем, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве заложен риск нарушения баланса интересов стороны защиты и обвинения. Нетрудно представить ситуацию, когда первоначальная экспертиза в рамках ст. 144 УПК РФ будет затем оспорена одной из сторон (возможно и попеременно обеими сторонами), что очевидно будет приводить к серьезному ограничению прав подэкспертного.

[1] См.: Шишков С.Н. Указ. соч. С. 41.

[2] Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут. 2017. С. 128.

Между тем, следует отметить, что в судебной практике есть примеры, когда суд правильно разрешил обозначенный правовой казус: указывается, что к данным отношениям также применимы иные правила о назначении экспертизы, поэтому ходатайство лица, которое его заявляет, и судебное постановление должны быть обоснованными, а дополнительная судебная экспертиза назначается только при наличии оснований, предусмотренных ст. 207 УПК РФ. Таким образом, обращение стороны защиты с ходатайством о назначении дополнительной судебной экспертизы при отсутствии оснований для ее назначения, предусмотренных ст. 207 УПК РФ, не может являться основанием для удовлетворения ходатайства стороны защиты в обязательном порядке[1].

Таким образом, полагаем, что статья 144 УПК РФ не должна толковаться в пользу наличия возможности проведения СПЭ на стадии возбуждения уголовного дела. Проведение СПЭ на указанной стадии является само по себе достаточно сложновыполнимой процедурой, способной не только уменьшить степень достоверности экспертного заключения, но и привести к необоснованному ограничению прав и свобод человека. Такие риски очевидно не могут быть приемлемыми для целей уголовно-процессуальной политики.

Николаев В.И.
Научный руководитель: **Шереметьев И.И.**

Стадия возбуждения уголовного дела: роль, значение, теоретические дискуссии

Аннотация. Рассмотрен вопрос значения и роли стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе. Исследованы доктринальные точки зрения о необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе. Раскрыт порядок осуществления доследственной проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова. Возбуждение уголовного дела, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), доследственная проверка, сообщение о преступлении, стадия уголовного судопроизводства.

Стадия возбуждения уголовного дела является в уголовном процессе начальной стадией досудебного производства по уголовному делу, с которой начинается уголовное преследование лица. В данную стадию в теории включают так называемую доследственную проверку в порядке ст.ст.144-145 УПК РФ, которая проводится при наличии поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, установленных ст.140 УПК РФ, в частности, сообщение о преступлении, полученное из иных источников(например, сообщение дежурного ОМВД на районном уровне об обнаружении трупа), заявление о преступлении, явка с повинной и относительно новый повод, появившийся с момента реформы органов Прокуратуры РФ и образования Следственного комитета РФ, как постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. По итогам доследственной проверки следователь выносит соответствующее процессуальное решение в рамках

[1] Апелляционное постановление Большесельского районного суда (Ярославская область) от 13.02.2020 по делу № 10-2/2020 // Справочная-правовая система КонсультантПлюс.

ст.145 УПК РФ, о котором будет рассказано далее. Обратимся непосредственно к доктринальному определению данной стадии, где указано, что стадия возбуждения уголовного дела-это «начальная стадия уголовного судопроизводства, характеризующаяся самостоятельностью задач, кругом участников правоотношений или содержанием предмета правоотношений, процессуальными средствами, сроками, решениями»[1]. Как известно, у каждой как обязательной, так и факультативной стадии уголовного процесса есть свой определенный круг задач. К основной задаче стадии возбуждения уголовного дела относится разрешение уполномоченным должностным лицом (субъектом стадии) вопроса о наличии достаточных данных, дающих основание говорить о наличии события, состава преступления в действиях того или иного лица, и, соответственно, принятие по нему процессуального решения. Субъекты данной стадии также четко определены, к ним относится следователь (дознаватель) с одной стороны, которые являются должностными лицами соответствующих служб, имеющих право возбуждать уголовные дела и проводить следственные действия, к таковым относится на сегодняшний день Следственный комитет РФ(далее-СК России), Министерство внутренних дел РФ (далее-МВД России) и Федеральная служба безопасности РФ (далее-ФСБ России), и непосредственно физические лица, к ним относятся граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, в отношении которых доследственная проверка и проводится. Критерием определения конкретного органа, уполномоченного на проведение доследственной проверки, служит ст.151 УПК РФ, которая определяет предметную подследственность того или иного органа из вышеперечисленных. На практике отмечу, что ежедневно в адрес следственных органов СК России из органов внутренних дел РФ направляются материалы проверок по признакам преступлений, предусмотренных ст.105, 143, 286 УК РФ и других. Однако могут быть ситуации, когда субъектом проверки может быть только должностное лицо, ее проводящее поскольку чаще всего на данной стадии следователем разрешается вопрос о событии преступления, при этом состав преступления может усматриваться в действии неустановленного лица, которое на момент ее осуществление может быть неизвестно, его только надлежит установить в рамках проверки либо следственных действий в рамках уголовного дела. Срок проведения доследственной проверки по общему правилу равен трем суткам со дня регистрации следователем рапорта об обнаружении признаков преступления по Книге учета сообщений о происшествиях (далее-КУСП) и поступлении к нему соответствующих указаний руководителя следственного органа. С этого момента следователь вправе брать у соответствующих лиц объяснения по существу проверки, проводить некоторые следственные действия, которые законодатель дозволяет проводить до возбуждения уголовного дела, к таковым, например, относится осмотр места происшествия в порядке ст.176 УПК РФ, освидетельствование в порядке ст.179 УПК РФ и осмотр трупа в силу ст.178 УПК РФ. Также следователь вправе при необходимости назначать ряд криминалистических судебных экспертиз, таких, как, например, судебно-медицинская, бухгалтерская, подчерковедческая и другие, что отражено также в ст.144 УПК РФ, поскольку чаще всего именно экспертиза позволяет следователю достоверно и полно определить, носит ли криминальный характер происшествие либо же не носит. В этой связи УПК РФ предписывает право руководителя следственного органа (его заместителя) по мотивированному ходатайству следователя продлить срок проверки до 10, а в

[1] Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право РФ. Учебник, 2-ое изд., М, Норма, 2011. с.450

исключительных случаях-до 30 суток соответственно. По итогам доследственной проверки следователь вправе вынести одно из процессуальных решений, а именно:
- о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству;
-об отказе в возбуждении уголовного дела;
-о передаче сообщения о преступлении по подследственности.

Последнее решение принимается, в частности, когда следователь устанавливает, что имеются признаки состава преступления, которые не подследственны данному следственному органу, либо выделяет путем вынесения соответствующего Постановления из материалов доследственной проверки сведения, содержащие информацию о другом неподследственном данному следственному органу преступлении и далее направляет по подследственности. Классический пример, когда следователь СК России выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст.105 УК РФ по факту обнаружения трупа, смерть которого по данным СМЭ не носит криминальный характер и наступила в результате отравления наркотическим средством, одновременно он составляет рапорт об обнаружении признаков преступления по признакам преступления, предусмотренного ст.228.1 УК РФ, и затем выделяет все имеющие материалы и направляет их соответственно в органы внутренних дел РФ. При вынесении процессуальных решений о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела в обязательном порядке уведомляется прокурор и заинтересованные лица в порядке ст.146, 148 УПК РФ, поскольку прокурор, наряду с руководителем следственного органа, вправе отменить данное процессуальное решение, если оно не отвечает требованиям законности и обоснованности, установленных ст.7 УПК РФ также путем вынесения соответствующего Постановления. Теперь автор бы хотел бы обратить внимание на том, что некоторые критики данной стадии уголовного судопроизводства отмечают, что «в странах англо-саксонской системы права (Великобритания, США) данная стадия отсутствует, там господствует судебная модель расследования, в некоторых же странах континентальной правовой системы(Лихтенштейн, Франция и т.д.), то здесь прокурор направляет расследования по делу следственному судье, а в ФРГ, где предварительное следствие отсутствует, сразу в Суд.»[1] Конечно, по мнению автора, данная точка зрения, безусловно, в рамках сравнительного правоведения, имеет место быть, но не выдерживает критики, поскольку в Российской Федерации «суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, выдвигающих и обосновывающих обвинение»[2], как неоднократно указывал как Конституционный, так и Верховный Суд РФ, кроме того, у Российской Федерации принципиально отличается модель предварительного расследования от ФРГ и стран Запада, и какое-либо заимствование здесь неуместно. С другой стороны, стоит заметить, что советский период в УПК РСФСР 1926 года данная стадия также отсутствовала, и была введена только в УПК РСФСР 1960 года по рекомендациям Генеральной прокуратуры СССР. В 1990-ые годы, когда произошел распад СССР, произошел также и коренной перелом в сознании людей, что не могло не отразиться и на научном мышлении, что выражалось в критике социалистической модели предварительного следствия, выражении мнений о ненужности доследственной проверки, как таковой, в частности, профессор Петрухин Л.И. полагал, что «Де-факто проводимая в стадии возбуждения уголовного

[1] Л.В. Головко. Курс уголовного процесса, 2-ое изд., переработанное и дополненное, «Статут», М, 2017, с.578.
[2] Постановление КС РФ №18-П от 02.12.2003 года// СЗ РФ.2003. №51 ст.5026.

дела доследственная проверка «потеснила процессуальные формы расследования»[1]. Позиция ученого сводилась к тому, что что вся основная работа и деятельность по расследованию уголовного дела лежит именно на стадии предварительного расследования, где следователь непосредственно собирает, исследует и оценивает доказательства, тем самым дублируя вновь те действия, которые он произвел в процессе доследственной проверки, тем самым увеличивая срок уголовного судопроизводства и иные мотивы. Возможно, такая точка зрения и заслуживает внимания, поскольку последнее время происходит некое «смешение» доследственной проверки и непосредственно предварительного расследования, протоколы объяснений лиц в рамках доследственой проверки не будут иметь доказательственного значения после возбуждения уголовного дела до тех пор, пока данное лицо не будет допрошено в качестве свидетеля под протокол следственного действия, результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее-ОРМ) также должны быть признаны следователем доказательством и приобщены к уголовному делу с учетом требований ст.81,84 и 89 УПК РФ. Однако автор хотел бы при всем вышеизложенном высказаться относительно того, что доследственная проверка на практике крайне важна и необходима, поскольку служит неким «фильтром», позволяющим следователю точно и достоверно выявить наличие либо отсутствие признаков преступления, при этом не прибегая необоснованно к возбуждению уголовного дела, поэтому, как считает автор, законодатель и разрешил следователю проводить на данной стадии некоторые следственные действия, о которых отмечалось выше, при этом проводить иные следственные действия, не предусмотреннные ст.144 УПК РФ, до возбуждения уголовного дела строго запрещается. Автору неоднократно приходилось слышать позиции ряда юристов, что ресурс, которым располагает следователь в рамках доследственной проверки, серьезно ограничен, в связи с чем они во многом солидарны с мнением, что в данной стадии нет необходимости. Безусловно, автор не может не согласится с тем тезисом, что полномочия следователя на данной стадии весьма незначительны, но при этом считает, что существующего сегодня в УПК РФ объема полномочий вполне достаточно, чтобы вынести законное и обоснованное процессуальное решение, и чрезмерное расширение полномочий и прав следователя будет иметь негативный эффект. При это Конституционный Суд РФ в своей правовой позиции указал, что «в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью и т.п.»[2] Тем самым, автор считает, что институт возбуждения уголовного дела служит некой дополнительной гарантией защиты прав участников уголовного судопроизводства и полностью поддерживает существование в уголовно-процессуальном законе стадии возбуждения уголовного дела, поскольку иное означало бы нарушение таких

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформирования уголовного процесса в России. Ч. II. «Проспект», М., 2005. С. 25–28.

[2] Определение КС РФ №452-О от 14.12.2004 года // «Вестник Конституционного Суда РФ». 2005. №3.

фундаментальных правовых принципов, как законность, уважение прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного судопроизводства.
В этой связи в заключении своей работы автор статьи в обоснование своей точки зрения хотел бы указать на позицию профессора Строговича М.С., который справедливо и верно высказался, что « правильное решение вопроса об основаниях к возбуждению уголовного дела обеспечивает такой порядок, при котором судебно-следственные органы реагируют только на преступления; этим устраняются неосновательные возбуждения уголовных дел и связанные с эти стеснения для граждан, напрасная трата сил и средств судебно-следственного аппарата на расследование и разбор действий, лишенных общественно-опасного содержания, а потому и не требующих вмешательства тех органов, основной задачей которых является борьба с преступностью. Процессуально-правовое значение возбуждения уголовного дела заключается в том, что оно служит основанием для производства всех дальнейших судебно-следственных действий по расследованию и разрешению уголовного дела»[1].

Оджахвердиев Д.Ф.
Научный руководитель: **Дармаева В.Д.**

Проблемы использования иных документов как доказательств в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы законодательного закрепления иных документов в качестве доказательств. Уделяется особое внимание использованию скриншотов экрана как доказательства в уголовном процессе.
Ключевые слова: доказательство, письменное доказательство, иные документы, вещественные доказательства, документ, скриншот, УПК РФ, УПК РСФСР.

В связи с тем, что уголовному судопроизводству свойственна письменность – то и доказательства соответственно носят такой характер. И это не случайно. Ведь именно письменные носители являются более надежным способом фиксации, сохранения и передачи информации без особого искажения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), в отличие от Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), не закрепил понятие «письменные доказательства», так законодатель в ч.1 статьи 71 ГПК РФ указал, что «письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных

[1] Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. Юрид. изд-во НКЮ СССР, М., 1938. стр. 104.

действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи)»[1].

Статья 74 УПК РФ содержит перечень доказательств, допускаемых в производстве по уголовному делу. В соответствии с тематикой данной научной статьи интерес представляют именно «иные документы», которые и являются письменными доказательствами по смыслу ГПК РФ. «Иные документы» используются как письменное доказательство «sui generis», то есть доказательство особого рода. Ведь по своей сути, к документам относятся и другие, указанные в статье 74 УПК РФ документы: протоколы следственных и судебных действий, заключения эксперта или специалиста.

В ч. 2 статьи 84 УПК РФ устанавливает то, что документы могут содержать сведения, как в письменном, так и ином виде. В связи с этим на практике возникают проблемы с признанием тех или иных неординарных носителей информации иными документами. Кроме того, так называемое «умалчивание» законодателя по многим ключевым вопросам уголовного судопроизводства, связанных с использованием иных документов, приводит к дискуссиям теоретиков уголовного процесса, а также к проблемам правоприменения.

Статья 5 УПК РФ закрепляет основные понятия, используемые в уголовно-процессуальном законе, однако и там мы не находим ни понятия «иного документа», ни понятие «документа». Одни исследователи, считают, что отсутствие закрепления в УПК РФ понятия «документ» приводит к необоснованному расширению данного понятия [2] . Другие теоретики говорят о том, что во введении понятия «иные документы» нет необходимости[3]. Возможно, что отсутствие этого понятия в законе было сделано намеренно.

Теоретики уголовного судопроизводства, которые придерживаются позиции о внесении понятийного дополнения в статью 84 УПК РФ, представляли своё виденье понятия «иных документов», посредством своих научных трудов. Так, например, С.Б. Умаханов сформировал понятие следующим образом: «Иные документы – это материальные носители сведений, удостоверенных или изложенных предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами или гражданами, на основе которых могут быть установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»[4].

В быстро меняющемся современном мире, развитии научных технологий в качестве документов могут признаваться «нетрадиционные» носители информации. К таким можно отнести распечатанный снимок экрана технического устройства. Ведь, действительно, еще каких-то несколько лет назад ни уголовный, ни гражданский, ни арбитражный или иной процесс не знали, так называемые, «скриншоты экрана» (от английского – screenshot), которые сейчас все чаще и чаще используются в доказывании в качестве документов. Под скриншотом понимают изображение,

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ) (ред. от 31.07.2020) // «Российская газета» от 20.11.2002.

[2] Подробнее: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 257.

[3] Гришина Е. Б. К вопросу о соотношении показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве // Наука и практика. 2014. № 3 (60).URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22121482_79442880.pdf. Дата обращения: 27.10.2020.

[4] Умаханов С.Б. Понятие иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 3. С. 14.

полученное электронным устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора в конкретный момент времени[1].

Необходимость использования в доказывании, указанного выше носителя информации, объясняется тем, что в настоящее время преступления зачастую совершаются в виртуальном пространстве, при этом злоумышленники, пользуясь специальными знаниями в области компьютерной техники, ловко скрывают следы преступления. В таких случаях на помощь при доказывании факта совершения преступления приходят вовремя сделанные скриншоты экрана пострадавшими от преступления или его очевидцами. Примерами применения скриншотов экрана в качестве доказательств, а именно – иных документов, могут служить следующие судебные акты: приговор Дзержинского районного суда г. Ярославля № 1-84/2020 от 23 апреля 2020 г. по делу № 1-84/2020, неустановленное лицо с целью последующего незаконного сбыта группой лиц по предварительному сговору с ФИО1 осуществляло незаконное приобретение оптовых партий наркотического средства, после чего посредством «тайников» передавало указанное наркотическое средство ФИО1 для последующего непосредственного незаконного сбыта наркопотребителям. Неустановленное лицо в целях выполнения договоренности о передаче ФИО1 в качестве вознаграждения за осуществление незаконного сбыта наркотических средств части совместно незаконно сбываемого наркотического средства посредством сети «Интернет» сообщило ФИО1 о местонахождении «тайника». ФИО1, реализуя свой преступный умысел, забрал из вышеуказанного «тайника», то есть умышленно незаконно приобрел без цели сбыта, наркотическое средство в значительном размере. Далее в ходе оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» сотрудниками УНК УМВД России ФИО1 был задержан, а наркотическое средство было обнаружено и изъято в ходе личного досмотра последнего. Также сотрудниками УНК УМВД России в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий «наведение справок» были получены скриншоты переписки с оператором интернет-магазина, о приобретении наркотических средств и скриншоты страницы сайта интернет-магазина где приобретались наркотические средства признанные в последующим доказательствами в качестве иных документов; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 N 81-АПУ19-8, в котором указано, что осужденная Иванова Е.Г., по п. «в» ч.2 статьи 105 УК РФ отрицает свою виновность к убийству своей малолетней дочери, аргументируя это тем, что в момент совершения преступления она вместе со своими знакомыми «Ч» и «Л» употребляла в квартире наркотические средства. Затем ей стало плохо, у нее болела все тело, были галлюцинации, потеряла сознание и пришла в себя от стука в дверь. Включив свет, она увидела сверток на полу кухне с трупом ее малолетней дочери. Иванова Е.Г. полагает, что убийство ее дочери могли совершить её знакомые «Ч» и «Л» по той причине, что она хотела обратиться в полицию с заявлением о распространении ими наркотических средств. При рассмотрении вопроса о виновности Ивановой Е.Г., в качестве доказательства в виде иного документа судом были признаны изъятые у свидетеля «Т» скриншоты переписки в мессенджере «Телеграмм», где усматривается, что в квартире кроме самой Ивановой Е.Г. и мертвой дочери, других лиц не было.

[1] Денисов Е.А. Скриншоты в системе уголовно-процессуальных доказательств: вопросы теории и практики // Скиф. 2017. № 15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skrinshoty-v-sisteme-ugolovno-protsessualnyh-dokazatelstv-voprosy-teorii-i-praktiki. Дата обращения: 27.10.2020.

Следует отметить тот факт, что по уголовным делам отсутствует единая судебная практика использования скриншотов в качестве доказательств: иногда суды признают их не иными документами, а вещественными доказательствами. Например, приговор Подольского городского суда (Московская область) № 1-232/2020 от 27 апреля 2020 г. по делу № 1-232/2020, согласно которому Хван С.И. действуя из личной корыстной заинтересованности, с целью незаконного обогащения, разработал преступный план, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих гражданину «ЦМВ», путем обмана и злоупотребления доверием, согласно которому обратился к «ЦМВ», с которым был знаком и поддерживал доверительные отношения, с предложением заняться совместным бизнесом, связанным с закупкой в г. Владивостоке бобов «Соя», их перевозкой и последующей перепродажей в г. Москве. Реализуя свой умысел Хван С.И., получал денежные средства посредством банковской операции через мобильное приложение «Сбербанк онлайн». Разрешая судьбу вещественных доказательств суд признал, что скриншот переписки с мобильного телефона, чеков по операциям «Сбербанк онлайн», скриншот из личного кабинета АО «Альфа-Банк», на которых содержится выписка по счету дебетовой карты являются вещественными доказательствами; приговор Ленинского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) № 1-88/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 1-88/2020 в котором указано, что Монетова Д.В., имея умысел на незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств, в значительном размере, при помощи мобильного телефона, посредством сети «Интернет» заказала наркотическое средство и произвела оплату за него при помощи денежных средств, находящихся на счету, закрепленном за ее аккаунтом, в размере 1200 рублей. Далее Монетова Д.В., получила координаты местонахождения приобретенного наркотического средства. При решении вопроса о виновности в качестве вещественных доказательств судом были признаны скриншоты фотографий с места приобретения наркотического средства Монетовой Д.В.

По смыслу статьи 84 УПК РФ к иным документам могут относиться: «материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации», которые были получены, истребованы или представлены в порядке, установленном статьей 86 УПК РФ, а, значит, отсутствуют какие-либо прямые запреты признания скриншота экрана в качестве «иных документов», так как перечень иных носителей информации открыт. С другой стороны, практика свидетельствует о том, что зачастую скриншоты оформляют как доказательство осмотром предметов, при этом указанный носитель информации признается вещественным доказательством. Это приводит нас к тому выводу, что необходимо понимать отличие иных документов и вещественных доказательств.

В статье 88 УПК РСФСР, в отличие от УПК РФ, использовал в качестве доказательств не «иной документ», а «документ». При этом указывалось, что «документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, удостоверенные или изложенные предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела»[1]. Многие процессуалисты поддерживают мнение о том, что в ныне действующий уголовно-процессуальный закон следует вернуть формулировку, касающуюся удостоверение факта, имеющего значение для дела. Если сравнить с часть 1 статьи 84 УПК РФ, то

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.

закон словно исключает возможность не изложения сведений, а их удостоверение. Кроме того, удостоверенные сведения, например, нотариусом при оценке доказательств могут объективно иметь приоритетное значение.

Помимо прочего, о несовершенстве юридической техники по отношению к закреплению доказательств в УПК РФ свидетельствует следующее. Статья 401.4 УПК РФ устанавливает содержание кассационной жалобы или представления, кроме того, список документов, которые могут быть к ним приложены. «В необходимых случаях прилагаются копии иных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационных жалобе, представлении» - указано в анализируемой статье. Исходя из буквального толкованного положения, можно сделать вывод, что к кассационной жалобе/представлению могут быть приложены только иные документы в качестве доказательств. В то же время, статья 17 УПК РФ закрепляет принцип того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, иными словами – равенство всех видов доказательств.

Таким образом законодатель, закрепив такую формулировку в статье 401.4 УПК РФ в нарушении вышеизложенного принципа, установил преимущество иных документов перед другими доказательствами. Выходит, что только копии иных документов могут быть приложены к кассационной жалобе или представлению, а не вещественные доказательства, копии заключений эксперта или специалиста и прочее. В этой связи законодателю необходимо обратить внимание на содержание анализируемой статьи УПК РФ.

Итак, при изучении статей уголовно-процессуального закона можно отметить множество нюансов, которые требуют корректировок и дополнений. К ним можно отнести внесение ясности по отношению к скриншотам экрана как доказательствам: к какому виду их стоит относить.

В заключении хотелось бы отметить, что освященные в данной работе проблемы использования иных документов как доказательств, далеко не единственные. Им стоит уделить особое внимание не только ученым-процессуалистам, правоприменителям, но и законодателю.

Раджабзода Д.И.
Научный руководитель: **Торбин Ю.Г.**

Проблемы направления запросов о правовой помощи при взаимодействии органов предварительного расследования России и стран СНГ при производстве по уголовным делам

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с направлением запроса как одной из форм взаимодействия органов предварительного расследования России с правоохранительными структурами стран СНГ. Анализируется правовое регулирование и рассматриваются особенности направления запроса. Исследованы типичные ошибки, которые обычно служат причиной отказа в исполнении запроса, в том числе выделена одна из самых сложных проблем в данной области – соблюдение процессуальных сроков для исполнения запроса. Сформулированы предложения, способствующие разрешению имеющихся проблем.

Ключевые слова: следователь, предварительное расследование, Содружество, взаимодействие, уголовное дело.

В ходе деятельности отечественных следователей и дознавателей по расследованию уголовных дел достаточно часто возникает необходимость в использовании ресурсов, которыми располагают правоохранительные структуры зарубежных стран, и наоборот. Наиболее активно правоотношения в данной сфере формируются со странами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Актуальность рассматриваемого вопроса в значительной степени связана с усиливающейся тенденцией динамики, структуры и количества преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, а также в странах СНГ, что, в свою очередь, подтверждает факт о невозможности противодействия преступности без взаимодействия между государствами. Это обстоятельство наглядно демонстрирует необходимость объединения усилий и ресурсов правоохранительных органов Российской Федерации с коллегами из стран СНГ. Важно подчеркнуть, что одной из наиболее востребованных форм взаимодействия лиц, уполномоченных проводить предварительное расследование традиционно выступает формирование и направление запроса об оказании правовой помощи.

В повседневной работе следователя необходимость обращения за правовой помощью обычно появляется, когда требуется собрать характеризующий материал в отношении подозреваемого или обвиняемого, или возникает необходимость провести определенные следственные, процессуальные и иные действия на территории другой страны, например, экспертизу, выемку, обыск, допрос и судебную экспертизу.

Если проанализировать статистику правоотношений в данной сфере за последние несколько лет, то обнаружим, что количество обращений не уменьшается.

Так в 2016 году Генеральная прокуратура РФ направила около 2943 запроса; в 2017 году – 2969; в 2018 году – 2718; в 2019 году – 2767[1]. В то же время в 2018 году следственным отделом ГУ МВД России по Москве было отправлено 420 международных запросов, что на 3,1% больше, чем в 2017 году (401)[2].

Больше всего запросов адресовано в страны СНГ, поскольку это объясняется тесным сотрудничеством России и со странами Содружества в политической, социально-экономической, гуманитарной, культурной, правовой, военной и других сферах[3]. Благодаря этому результативность правоотношений в сфере сотрудничества по уголовным делам между Россией и странами Содружества ежегодно становится все более заметным. Это подтверждается изданным Указом Президента Российской Федерации от 24.10.2018 г. № 593 «О внесении изменений в структуру центрального аппарата МВД РФ» и о включении в структуру новое структурное подразделение «Управления международного сотрудничества», с одновременным учреждением новой должности – начальник Управления международного сотрудничества МВД РФ[4]. Для развития и укрепления существующих связей между странами при сношениях в сфере уголовного судопроизводства – между МВД РФ, СК РФ, ФСБ РФ

[1] Международное сотрудничество // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: http://genproc.gov.ru/ms/ Дата обращения: 16.08.2020.

[2] Официальный сайт МВД России. https://мвд.рф/folder/101762 Дата обращения: 24.08.2020.

[3] Шепелева Ю.Л., Клевцов К.К. Взаимодействие органов предварительного расследования Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств и международными организациями: учеб.-методич. пособие / под науч. ред. В.С. Балакшина. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 133.

[4] Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 24.10.2018 Дата обращения: 04.09.2020.

и коллегами из стран Содружества заключен ряд межведомственных нормативных правовых актов[1].

Нельзя не выделить – существенную роль в регулировании правоотношений в области исследуемой сфере, помимо гл. 53 и 54 УПК РФ, ряда имеющихся многосторонних международных соглашений, играют положения межведомственных правовых актов. Так, Председателем СК России А. И. Бастрыкиным издан приказ от 08.02.2018 г. № 6 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам». Главной целью данного акта является укрепление и совершенствование деятельности сотрудников СК России в данной сфере. Указанный ведомственный акт четко фиксирует требования, порядок составления, способ оформления, содержание запросов. Не просто так к оформлению запроса уделяется большое внимание, поскольку известно, что нарушение требований, которые предъявляются к оформлению данного документа, обязательно влечет его неисполнение или возвращение адресату. Это неизбежно введет к затягиваю сроков следствия и негативно отражается на процесс расследование. В вышеупомянутом акте раскрывается определение запроса – это ходатайство следователя перед компетентными органами иностранного государства о производстве процессуальных действий на территории иностранного государства и в рамках одного уголовного дела[2].

Следует согласиться с мнением авторов, которые подчеркивают, что такие термины как «запрос о правовой помощи», «поручение или ходатайство об оказании правовой помощи», «запрос о производстве процессуальных действий», «международно-следственное поручение» - имеют одинаковое значение, поскольку главе 53 УПК РФ законодатель использует данные термины для обозначения одного и того же документа, и относительно к рассматриваемой области правоотношений употребляются как синонимы[3].

В юридической литературе отмечаются следующие наиболее типичные ошибки, которые могут служить причиной неисполнения запроса:

— Неполное, неточное наименование уголовного дела, по которому направляется запрос;

— Указание неполных, неточных данных физических лиц;

— Неточное, неполное указание данных о юридических лицах;

— направление запроса о действии, которое не предусмотрено международными договорами;

— неточное описание совершенного деяния;

— неполная квалификация общественно опасного деяния;

[1] Международная деятельность Следственного комитета Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://sledcom.ru/activities/ international. Дата обращения: 10.09.2020.

[2] Приказ СК России от 08.02.2018 № 6 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс» Дата обращения: 10.09.2020.

[3] Шепелева Ю.Л., Клевцов К.К. Указ соч. С. 84.

— отсутствие данных о размере причиненного ущерба[1].

Традиционно обязательства по организации и сопровождению исполнения запроса возложены на управление международного правового сотрудничества СК РФ. Для военных следственных органов СК РФ сделана отдельная оговорка, согласно которой допускается организация исполнения таких запросов Главным военным следственным управлением. Причем запрос должен поступить непосредственно из Главной военной прокуратуры, с параллельным уведомлением об этом Управление международного правового сотрудничества.

Эффективность данного направления деятельности зависит, прежде всего, от того, как своевременно и эффективно будут исполнены запросы. Практика взаимодействия органов предварительного расследования, касающиеся исполнения запросов, во многом зависит от тех сроков, которые установлены национальным законодательством. Согласно ч. 2 ст. 457 УПК РФ, в необходимых случаях для исполнения запроса можно применить нормы иностранного государства, с обязательным условием, что это не будет противоречить нашему законодательству и будет реализовываться в рамках заключенных соглашений. В таком случае экстерриториальное применение норм зарубежного государства не приведет к нарушению прав участников уголовного процесса[2]. Важно заметить, что ни в отечественном законодательстве, ни в законодательстве стран СНГ, ни даже в имеющихся соглашениях и договорах, не указан срок выполнения подобных поручений.

Приходится констатировать, что, несмотря на широкую и подробную законодательную регламентацию вопросов, связанных с направлением и исполнением запросов, на деле, все же, до сих пор существуют проблемные вопросы, которые не нашли своего решения.

Общеизвестно, насколько важен в деятельности следователей и дознавателей установленный законодательством срок предварительного расследования. Анализ правоприменительной практики демонстрирует - в ряде стран Содружества срок выполнения запроса, направленный сразу отправлен после возбуждения уголовного дела, составляет от 2 до 2,5 месяцев. Исполнение запроса не всегда поступает до окончания, предусмотренного законом двухмесячного срока следствия. При ожидании ответа на запрос, предварительное расследование не завершается в предусмотренные сроки, что влечет за собой вынужденное продление сроков расследования. Данный фактор, безусловно, ведет к нарушению одного из основных принципов УПК РФ – производства предварительного расследования в разумный срок. Данное обстоятельство отражается негативно на производство по уголовному делу в целом, и, существенно затрагивает права участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, будет некорректным не отметить стандартные отрезки времени выполнения запроса, направляемого сотрудниками следственных подразделений и дознания в иные страны. Так, из стран Европы разрешение запроса может поступить,

---

[2] Ахметзакиров Н.Р. Сравнительное исследование осуществления правовой помощи по уголовным делам в Казахстане и России: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 63.

[2] Шепелева Ю.Л. Практика международного сотрудничества по линии Интерпола в современных геополитических условиях // Юридическая наука и практика: традиции и новации: сб. тезисов по материалам Международной науч.-практ. конференции, посвященной 150-летию судебной реформы 1864. «Юридическая наука и практика: традиции и новации». Т. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та. 2014. С. 368.

например, через 6 месяцев (Германия, Швейцария); через 10-12 месяцев (Великобритания); через 11-20 и более месяцев (страны, расположенные на американском континенте)[1].

Указанная проблема постоянно находится в поле зрения как ученых, так и практических работников, однако до настоящего времени решение не найдено. Для разрешения обозначенной проблемы предлагаются следующие варианты мер:

1) На законодательном уровне установить период времени, в течение которого должны исполняться международные запросы.

2) Рекомендовать следователям в обязательном порядке указывать в содержании поручения сроки его исполнения.

Следует раскрыть чуть подробнее содержание каждого из указанных мер. В пользу первого варианта можно привести аргумент, что установленные и закрепленные в тексте закона правила всегда влекут за собой дисциплину лиц, уполномоченных проводить следствие или дознание по делу. Однако, нельзя не отметить затруднительность заранее определить срок, который считался бы достаточным для разрешения запроса. Дело в том, что срок разрешения запроса зависит от различных обстоятельств, которые невозможно заранее иметь в виду. Например, немаловажную роль играют такие факторы как политическое взаимоотношение между контактирующими странами; сложность, характер и количество следственных действий, которые необходимо выполнить; географические условия; сложившаяся нормативная правовая база соглашений, договоров и другие факторы.

В пользу второго варианта, который, на наш взгляд, кажется более предпочтительным, можно отметить, что следователь или дознаватель сам указывает оптимальный срок выполнения в содержании поручения. Для эффективной реализации данной меры считаем, что нормативные акты, регулирующие правоотношения в рассматриваемой сфере необходимо дополнить положением о необходимости в обязательном порядке указывать конкретный срок исполнения запроса с учетом всех существенных факторов, которые были выделены в первом из двух вариантов предложенных мер.

В настоящем исследовании затронут только один аспект, касающийся взаимодействия органов предварительного расследования с зарубежными правоохранительными органами. Однако полагаем, что реализация выделенных предложений, будет способствовать совершенствованию правового регулирования отношений между Россией странами СНГ и другими государствами при оказании правовой помощи.

Серов А.П.
Научный руководитель: **Смирнова И.С.**

Эксгумация: проблемы нормативной регламентации

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, фактические и юридические основания эксгумации и особенности процессуального порядка ее производства. Автор на основании сравнительно-правового анализа положений современного и ретроспективного российского

[1] Волеводз А.Г. Основные направления деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпол и перспективы полицейского сотрудничества 09.09.2011// Viperson.ru. [Электронный ресурс] URL: http://viperson.ru/wind.php?[D=644332&soch=l. Дата обращения: 14.09.2020.

и иностранного уголовно-процессуального законодательства, международных норм, а также мнений ученых-процессуалистов приходит к выводу, что эксгумация – это следственное действие, и предлагает изменения в УПК РФ. Затронуты и дискуссионные вопросы об эксгумации из «криминальных могил» и эксгумации трупов животных.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, эксгумация, следственное действие, труп, место захоронения, криминальная могила, эксгумация животных.

Термин «эксгумация» происходит от латинского «exhumare», что переводится как «выкопать из земли»[1], является противоположным термину «ингумация», который можно определить, как «захоронение в землю».

ГОСТ «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения»[2] трактует эксгумацию как «извлечение тела, останков умершего или погибшего из места захоронения для судебно-медицинской или криминалистической экспертизы, или для перезахоронения» (п. 2.10.9). Такое понимание эксгумации позволяет утверждать, что она может производиться как в ходе уголовного судопроизводства, так и вне его (перезахоронение).

Основания и процессуальный порядок эксгумации как процессуального действия предусмотрены ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и, следует сказать, что данная законодательная регламентация довольно скромна и представляется недостаточной.

Однозначное мнение о правовой природе эксгумации в доктрине уголовного процесса отсутствует. Одни учёные относят её к следственным действиям, так как информация, полученная в процессе эксгумации, носит доказательственный характер [3] . Другие полагают, что эксгумация не приносит никаких новых доказательств, а просто является средством, подготовительным действием [4] для получения оснований производства таких следственных действий, как, например, судебная экспертиза, осмотр трупа, предъявление для опознания, выемка, т. е. представляет собой совокупность организационных, подготовительных мероприятий. Имеется мнение, что эксгумация выступает частным случаем выемки [5], поскольку они имеют аналогичные цели, при этом поисковые действия сведены к минимуму.

Полагаем, что эксгумацию всё же надлежит признать самостоятельным следственным действием по следующим основаниям:

1) норма, регламентирующая основания и процедуру эксгумации, помещена законодателем в гл. 24 УПК РФ, посвященную следственным действиям;

2) выемка и получение образцов для сравнительного исследования также, как и эксгумация, не направлены на установление новых данных, но, при этом, по устоявшемуся мнению, они признаются следственными действиями;

3) сам уголовно-процессуальный закон называет эксгумацию следственным действием (ч. 1 ст. 164 и ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ);

---

[1] Гамидов А.М., Султанахмедов А.Т. Проблемы эксгумации как особого следственного действия // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 147.

[2] Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения: ГОСТ Р 53107-2008. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.12.2008 № 516-ст. М., 2009. С. 16.

[3] Гамидов А.М., Султанахмедов А.Т. Указ. соч. С. 147.

[4] Кальницкий, В.В. Следственные действия: учеб. пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. Омск. 2015. С. 116.

[5] Койсин А.А. Эксгумация трупа – осмотр или выемка? // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1 (48). С. 66.

4) под следственными действиями понимаются «уголовно-процессуальные действия, совершаемые следователем или дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, по обнаружению, закреплению, проверке и оценке доказательств в целях раскрытия преступлений и решения других задач предварительного расследования» [1]. Если тело умершего будет признано вещественным доказательством, то эксгумация направлена на собирание доказательств, имеет познавательную направленность и, соответственно, является следственным действием;

5) как и любые следственные действия, эксгумации присущи и другие (кроме познавательной направленности) признаки: ее осуществление обеспечено государственным принуждением с существенным ограничением прав участников процесса, производится по установленной законом процедуре, сопровождается уголовно-процессуальными правоотношениями.

Для проведения эксгумации необходимо вынесение постановления, которое является обязательным для администрации места захоронения, а также получение согласия близких родственников или родственников покойного, или, в случае их несогласия, разрешения суда. Причём, судебный порядок получения согласия на проведение эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) используется только после получения отказа родственников на её проведение[2].

Нельзя не отметить, что данная норма вполне соответствует Конвенции о защите прав человека и основных свобод[3]. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) отметил, что эксгумация является вмешательством в право на уважение частной и семейной жизни [4]. В целом данное решение ЕСПЧ не устанавливает обязанности именно получения согласия родственников, погибшего на его эксгумацию, но говорит о необходимости установления «достаточных гарантий против произвола» в данном вопросе.

Уголовный процессуальный кодекс Украины признает эксгумацию следственным действием и предусматривает ее осуществление по постановлению прокурора (ст. 239) [5]. Законодатель Республики Беларусь закрепляет обязательное санкционирование прокурором или его заместителем постановления следователя об эксгумации (ч. 3 ст. 205 УПК РБ)[6]. Согласно ч. 1 ст. 259 Модельного Уголовно-процессуального кодекса, эксгумация трупа человека допустима только с санкции судьи [7]. Полагаем, что в российское уголовно-процессуальное законодательство

---

[1] Стельмах В.Ю. Процессуальный порядок и проблемы производства эксгумации трупа в уголовном процессе // Адвокат. 2016. № 1. С. 27.

[2] Стельмах В.Ю. Указ. соч. С. 23.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[4] Информация о Постановлении ЕСПЧ от 20.09.2018 по делу «Слоская и Рыбицкая (Sloska and Rybicka) против Польши» (жалобы №№ 30491/17 и 31083/17) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 3. С.13.

[5] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (в ред. от 21.07.2020). [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178. Дата обращения: 20.10.2020.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (в ред. от 17.07.2020). [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=4;-88&sel_link=1007699790. Дата обращения: 20.10.2020.

[7] Модельный Уголовно-процессуальный кодекс государств-участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 № 7–6 // Международные правовые акты государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью: сборник документов / сост. Н.Б. Слюсарь; под общ. ред. В.В. Черникова. М., 1999. С. 297.

нецелесообразно вводить подобные новеллы, поскольку прокурорский надзор в достаточной степени заменяют согласие родственников и судебный контроль.

При эксгумации обязательно участие специалиста. Также, как отмечает В.Ю. Стельмах[1], по смыслу закона требуется участие представителей администрации кладбища (места захоронения).

Часть 1.1 ст. 170 УПК РФ устанавливает, что при эксгумации по усмотрению следователя могут участвовать понятые. Если следователь примет решение не привлекать понятых, то обязательным является применение технических средств фиксации. При невозможности их использования следователь делает соответствующую отметку в протоколе.

Закон не содержит отдельных требований к понятым в случае проведения эксгумации, поэтому к ним применяются общие требования ст. 60 УПК РФ. Пол понятых, в соответствии с УПК РФ, при проведении эксгумации не важен, однако данный вопрос становится актуальным в случае, если труп является обнажённым. С точки зрения единообразия юридической техники и принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), целесообразно закрепить в ст. 178 УПК РФ подобное правило.

Согласие близких родственников и родственников на фото и видеофиксацию эксгумации не требуется.

Согласимся с мнением С. Г. Еремеева[2], что по ходатайству близких родственников или родственников умершего к участию в эксгумации должен привлекаться религиозный деятель, если к этому нет объективных препятствий. Такое положение считает необходимым закрепить в УПК РФ.

При проведении эксгумации обязательно участие субъектов, указанных ч. 1 ст. 178 УПК РФ. Данная норма сформулирована следующим образом: «Следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты».

Как правильно отмечают В.К. Толоконников и С.Н. Куликов [3] , данная формулировка парадоксальна с точки зрения юридической техники.

Согласно ст. 57 УПК РФ экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Тот, кто именуется в ст. 178 УПК РФ «судебно-медицинским экспертом», с процессуальной точки зрения имеет роль специалиста, так как его привлекают к участию в осмотре для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств (ст. 58 УПК РФ).

Ещё одно противоречие заключается в том, что судебно-медицинский эксперт всегда является врачом, т. к. это в любом случае лицо, получившее высшее медицинское образование, а также специализацию в области судебной медицины.

Наиболее юридически правильной представляется следующая формулировка: «Следователь производит осмотр трупа с участием врача – специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия – иного врача. При

[1] Стельмах В.Ю. Указ. соч. С. 25.

[2] Еремеев С.Г. Эксгумация: междисциплинарный подход // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3 (5). С. 20–24.

[3] Толоконников В.К., Куликов С.Н. Актуальные вопросы процессуального и тактического характера, связанные с участием специалиста в осмотре трупа // Вестник Самарской гуманитарной академии Серия: Право. 2014. № 1 (15). С.163.

необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты». В такой формулировке норма содержится в ст. 222 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан[1] и в уже утратившем силу Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.[2] (ст. 180).

Эксгумация может быть проведена только после возбуждения уголовного дела, в связи с чем небезосновательно А.Н. Ильяшено и Д.Н. Лозовский предлагают узаконить возможность проведения эксгумации на стадии доследственной проверки[3], так как это может быть необходимо в случае, когда, например, сообщение о совершении убийства поступило уже после погребения. Тогда у следователя появится необходимое средство получения тела умершего как предмета экспертизы, которая, в свою очередь, необходима для установления причины смерти. А это будет способствовать скорейшему установлению основания для возбуждения уголовного дела.

Ответ на вопрос: может ли производиться эксгумация не из официальных мест захоронения, например, из так называемых «криминальных могил» [4], видится следующим. На наш взгляд, понятие «место захоронения» (ст. 178 УПК РФ) следует трактовать с учётом положения ст. 4 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» [5], где понятием «места погребения» не охватываются криминальные могилы и прочие неофициальные захоронения. Также само правовое регулирование эксгумации, устанавливающее необходимость получения согласия родственников на её проведение, предполагает то, что следствию точно известна личность захороненного, что в случае криминальных могил бывает не всегда.

Следует согласиться с мнением В.Ю. Стельмаха[6] о том, что, так как эксгумация является следственным действием, затрагивающим интересы и чувства близких умершего, то оно должно проводиться в чётких территориальных границах, которые можно очертить до его начала. А это не стыкуется с изъятием трупа из «криминальной могилы».

Если данное следственное действие не является эксгумацией, то чем же оно является? Ответ на этот вопрос крайне неоднозначен, так как зависит от того, насколько точной информацией обладает следователь при его производстве. В случае если на точное место захоронения трупа указывает человек, которому оно известно, то это можно было бы рассматривать как проверку показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Но какова же природа данного следственного действия, если орган предварительного расследования располагает лишь примерной информацией о месте захоронения? Тогда данное процессуальное действие обладает явным поисковым характером, соответственно здесь можно говорить об обыске (хотя, в науке есть

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (ред. от 6.10.2020). [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 (в ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592; Российская газета. 2001.

[3] Ильяшенко А.Н., Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном процессе // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 91.

[4] Шхагапсоев З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 190.

[5] Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 1.10.2019) «О погребении и похоронном деле». Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/. Дата обращения: 20.10.2020.

[6] Стельмах В.Ю. Указ. соч. С. 24.

мнение, что это стоит рассматривать как осмотр[1]). Сказанное хорошо согласуется с нормой ч. 16 ст. 182 УПК РФ, которая устанавливает возможность проведения обыска с целью поиска трупа.

Второй аспект – будет ли считаться эксгумацией извлечение из места захоронения трупа животного. Прямо в УПК РФ не установлено, что эксгумируемый труп должен быть именно трупом человека. Однако тот факт, что Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» регулирует лишь погребение умерших людей, а для эксгумации УПК РФ требует получение согласия родственников, разубеждает нас в возможности эксгумации на «кладбище домашних животных».

Не будет является эксгумацией изъятие из колумбариев урн с прахом или изъятие самого праха, так как понятие «трупа» синонимично «телу умершего», а оно, в свою очередь, не совпадает с понятием праха. Согласно ст. 4 Федерального закона «О погребении и похоронном деле»[2] под прахом понимается пепел после сожжения тел (останков) умерших.

Захоронение трупа после проведения с ним необходимых следственных действий находится за рамками уголовно-процессуальных отношений[3].

Расходы по эксгумации и последующему захоронению трупа возмещаются родственникам по правилам ст. 131 УПК РФ. Так гласит ч. 5 ст. 178 УПК РФ. Однако, как справедливо отмечается в теории уголовного процесса[4], здесь правоприменители сталкиваются с недочётом уголовно-процессуальной формы. Статья 5 УПК РФ определяет родственников как любых лиц, которые состоят в родстве, кроме близких родственников. Следовательно, супругу (супруге), родителям, детям, усыновителям, усыновленным, родным братьям и родным сестрам, дедушкам, бабушкам, внукам покойного расходы на эксгумацию и захоронение не возмещаются. Данный недостаток юридической техники уголовно-процессуального закона, на наш взгляд, необходимо исправить, внеся в УПК РФ соответствующие изменения.

Подводя итоги, можно сказать, что существует немало уголовно-процессуальных проблем процессуального порядка осуществления эксгумации как следственного действия, требующих внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Скшидлевска Э.В.
Научный руководитель: **Самарин В.И.**

Внедрение медиации в уголовный процесс Республики Беларусь: от ретроспективы до современности

Аннотация. В статье рассматривается ретроспектива введения медиации в уголовный процесс Республики Беларусь, в частности позиции по целесообразности внедрения данной процедуры в уголовной процесс, причины не результативности попыток законодательного урегулирования уголовной медиации и др. Автором статьи изложены действия предпринимаемые для разрешения вопроса о необходимости интеграции медиации в

[1] Стельмах В.Ю. Указ. соч. С. 22.
[2] Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 1.10.2019) «О погребении и похоронном деле». Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/. Дата обращения: 20.10.2020.
[3] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 205.
[4] Толстик В.А., Дворников Н.Л., Калгин К.В. Системное толкование норм права. М., 2010. С. 59.

уголовный процесс Республики Беларусь и текущее состояние данного вопроса, а также указаны перспективные планы по внедрению медиации в уголовный процесс Республики Беларусь. В заключении, автор, отмечает, что на сегодняшний день сформировалось сбалансированное мнение по вопросу внедрения медиации в уголовный процесс Республики Беларусь, поэтому необходимо выработать оптимальное решение по ее модели. Также в статье рассматривается авторская модель медиации в уголовном процессе Республики Беларусь.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, альтернативное разрешение споров, медиация, примирение с потерпевшим, медиативное соглашение, восстановительное правосудие.

В 2013 году в Республике Беларусь в целях определения правовых и организационных основ применения процедуры медиации, создания благоприятных условий для ее дальнейшего развития был принят Закон Республики Беларусь № 58-З «О медиации»[1] (далее – Закон о медиации). Хотя, как указывается в юридической литературе, в то время, отношения, связанные с применением медиации в достаточной степени не были сформированы, а практическая потребность общества в необходимости регламентации данных отношений еще только подлежала изучению. Следствием этого является закрепление в Законе о медиации лишь основных положений, регулирующих процедуру медиации.

Данный Закон допускает урегулирование уголовно-правовых конфликтов, так как не устанавливает ограничения по осуществлению медиации в различных видах судопроизводства, что следует из п. 1 ст. 2 Закона о медиации. Однако в связи с тем, что до настоящего времени Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь[2] (далее – УПК РБ) не был дополнен нормами, регулирующими направление уголовного дела в медиацию, данная процедура только подлежит внедрению в уголовный процесс.

На протяжении 2014-2016 гг. предпринимались попытки по внедрению медиации в уголовный процесс Республики Беларусь, однако они не завершились результативно. В частности, было подготовлено три редакции проекта Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросу медиации»[3]. Законопроект вводил понятия «примирение» и «медиативное соглашение» в уголовном процессе, а также отдельную главу о примирении с потерпевшим, содержащую статьи о привлечении и участии в примирении медиатора, правах и обязанностях медиатора, а также о результатах примирения. Полагаем, что законопроект вызвал неоднозначные комментарии и был окончательно «заморожен» в связи с тем, что в то время отсутствовало сбалансированное мнение об уголовной медиации. Ряд экспертов считал, что введение медиации в уголовный процесс является преждевременным, а другие предлагали более активно развивать данную процедуру.

---

[1] О медиации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12.07.2013, № 58-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16.07.1999, № 295-З: принят Палатой представителей 24.06.1999: одобр. Советом Респ. 30.06.1999: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

[3] Зайцева Л. Восстановительное правосудие в Республике Беларусь: история законопроектной деятельности // международная конференция «Восстановительное правосудие по делам о преступлениях несовершеннолетних». 2018. № 1. С. 49-53.

В настоящее время увеличивается количество публикаций, выполняемых научно-исследовательских работ и проводимых научно-практических мероприятий по темам восстановительного правосудия, альтернативного разрешения споров, медиации и иным, что подтверждает актуальность данных тем среди научного сообщества и практических работников.

Также значимыми событиями по рассматриваемому вопросу являются:

подписание Программы сотрудничества между министерствами юстиции Республики Беларусь и Республики Польша на 2018-2020 гг.[1], предусматривающей возможность обмена информацией и опытом по вопросам развития законодательства, медиации и иным аспектам;

проведение Республиканской конференции судей, по итогам которой утверждена Резолюция Республиканской конференции судей [2], содержащая положения о необходимости дальнейшего развития института медиации с распространением возможности его использования в уголовном процессе;

разработка Концепции совершенствования юстиции в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь, которая является основой для дальнейшего совершенствования законодательства с учетом мнения заинтересованных государственных органов и общественных организаций [3]. Положения Концепции предусматривают создание возможности применения процедуры медиации для урегулирования уголовно-правовых конфликтов несовершеннолетних[4].

Кроме того, мнения, излагаемые в научных трудах, высказываемые на публичных мероприятиях, на наш взгляд, указывают на необходимость внедрения медиации в уголовный процесс Республики Беларусь. Считаем целесообразным привести некоторые из них:

«если законодательство направлено только в сторону расплаты и наказания, оно, скорее всего, не добивается тех целей, которые концептуально ставит перед собой уголовная государственная политика. В этой связи нужно расширять такие методы работы, как медиация, пробация. Эти механизмы направлены на то, чтобы потерпевший и тот, кто совершил в отношении него какой-то негативный поступок, находили точки соприкосновения. В результате потерпевший должен быть морально удовлетворен, а виновный действительно осознать свою вину и принять все меры, чтобы ее загладить»[5] (Директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь В.Д. Ипатов);

«…внедрение медиации в уголовное судопроизводство позволяет ускорить и упростить разрешение уголовно-правовых конфликтов, снимает социальную

---

[1] Подписана Программа сотрудничества между министерствами юстиции Беларуси и Польши [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblastiprava/ 2018/apr el/28464/. – Дата обращения: 27.10.2020.

[2] Первая Республиканская конференция судей завершила работу [Электронный ресурс] / офиц. портал системы судов общ. юрисдикции. Режим доступа: http://www.court.gov.by/justice/press_office/da37 ce8e197762ff.html. Дата обращения: 10.10.2020.

[3] Зайцева Л. Указ. соч. С.49-53.

[4] Концепция совершенствования системы юстиции для несовершеннолетних получила одобрение экспертов [Электронный ресурс] / ЮНИСЕФ. Режим доступа: https://www.unicef.by/press-centr/265.html. Дата обращения: 20.10.2020.

[5] Международная конференция «Восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних» прошла в Минске [Электронный ресурс] / ЮНИСЕФ. Режим доступа: https://www.unicef.by/press-centr/223.html. Дата обращения: 20.10.2020.

напряженность между обвиняемым и потерпевшим, последний в свою очередь получает реальное возмещение причиненного вреда или его заглаживание…» [1] (старший координатор Представительства Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Республике Беларусь Д.В. Шилин);

«основными задачами по совершенствованию судебной системы на современном этапе являются …, в том числе комплексное внедрение медиации и примирительных процедур во всех видах судопроизводства, расширение оснований для возможного прекращения судебных дел, разумная гуманизация уголовной и административной ответственности» (Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало);

«…медиация необходима уголовному процессу Республики Беларусь. Положительная практика ее применения в иных государствах позволяет сделать вывод о продуктивности данного института, его востребованности и значительном влиянии на достижение задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства»[2] (заместитель Председателя Белорусского республиканского союза юристов, доктор юридических наук В.С. Каменков).

Стоит отметить, что проводимый опрос на сайте Министерства юстиции Республики Беларусь свидетельствует о проведении эффективной работы по информированию граждан о возможности урегулирования конфликта не доводя дело до суда и повышению интереса к процедуре медиации. В рамках опроса было предложено ответить на вопрос «Знакомы ли Вы с сутью медиации, особенностями и преимуществами урегулирования споров с применением медиации?». Результаты были следующими: 76 % опрошенных ответил, что знакомы с данной процедурой, из них 14 % хотели бы узнать подробнее, а лишь 24 % ответил, что не знакомы с медиацией[3] (итоги опроса приведены по состоянию на 3 марта 2020 г.).

Полагаем, что вышеизложенное послужило толчком к началу работы над пилотным проектом по внедрению медиации в уголовный процесс Республики Беларусь, в рамках которого планируется обосновать необходимость введения данной процедуры в уголовный процесс и провести анализ практики ее использования.

Промежуточным итогом между началом работы по внедрению медиации в уголовный процесс Республики Беларусь и настоящим моментом можно назвать одобрение Генеральной прокуратурой Республики Беларусь предложений Следственного комитета Республики Беларусь по внедрению медиации в уголовный процесс. Так, к марту – апрелю 2021 года планируется подготовка изменений и дополнений в Закон о медиации.

На основании ретроспективы развития медиации в уголовном процессе Республики Беларусь, можно сделать вывод, что на сегодняшний день сформировалось сбалансированное мнение по вопросу внедрения данной процедуры в уголовный процесс, поэтому необходимо выработать оптимальное решение по ее модели.

Предлагаем рассмотреть авторскую модель медиации в уголовном процессе Республики Беларусь.

---

[1] Шилин Д.В. Перспективы введения медиации в уголовный процесс [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

[2] Каменков В.С., Коваль А.В. Медиация и примирение – законные альтернативы уголовному преследованию // Предварительное расследование. 2017. № 1 (1). С. 41-48.

[3] Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Республики Беларусь. Режим доступа: https://minjust.gov.by. Дата обращения: 03.10.2020.

Для белорусского законодательства способом направления уголовного дела в медиацию может являться право потерпевшего и подозреваемого или обвиняемого заявить следователю, прокурору или суду ходатайство о направлении дела в медиацию. При этом следует рассмотреть вопрос о том достаточно ли для направления дела в процедуру медиации лишь ходатайства сторон. УПК Республики Польша[1] предусматривает, что дело передает в процедуру медиации компетентный орган и при этом выясняется согласие сторон, в УПК Кыргызской Республики[2] указано лишь о праве сторон заявить ходатайство о примирении (ч. 1 ст. 499 УПК Кыргызской Республики). Для Республики Беларусь целесообразней предусмотреть заявление ходатайства потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым о направлении уголовного дела в процедуру медиации, которое должно пройти утверждение соответствующим органом в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой было заявлено такое ходатайство. Также необходимо установить перечень органов, которые правомочны направлять дело в медиацию: «Суд, прокурор или следователь с согласия потерпевшего и подозреваемого или обвиняемого вправе направить уголовное дело в процедуру медиации».

Одним из принципов медиации является конфиденциальность (п. 4 ч. 1 ст. 3 Закона о медиации). Данный принцип подразумевает, что вся информация, относящаяся к медиации, не подлежит разглашению, если стороны не договорились об ином, за исключением информации о заключении соглашений о применении медиации, о прекращении медиации (п. 10 § 1 ст. 40 УПК Республики Польша, ст. 16 Закона о медиации). Законодательство Республики Польша предусматривает, что факт участия подозреваемого или обвиняемого в процедуре медиации не может быть использован органом, ведущим уголовный процесс, как признание вины, в то же время УПК Кыргызской Республики предусматривает, что в случае не достижения согласия по ходатайству о примирении, факт его заявления не может рассматриваться как отказ от обвинения или как признание своей вины (ч. 4 ст. 499 УПК Кыргызской Республики). Исходя из вышеизложенных положений, можно сделать вывод о том, что согласие подозреваемого или обвиняемого на проведение процедуры медиации, а также признание своей вины в рамках данной процедуры, не должно влиять на дальнейшее рассмотрение уголовного дела в рамках уголовного процесса, в случае не заключения медиативного соглашения.

С учетом вышеизложенного, в УПК РБ необходимо отразить следующие положения: потерпевший и подозреваемый или обвиняемый имеют право не соглашаться на проведение процедуры медиации и обладают правом отказа от ранее данного согласия на любом этапе медиации; факт участия подозреваемого или обвиняемого в медиации не может быть истолкован как признание вины; информация, которая стала известна при проведении процедуры медиации, в том числе признание вины подозреваемым или обвиняемым не может использоваться для дальнейшего рассмотрения дела, а также в качестве доказательства признания вины.

Также необходимо закрепить пределы направления уголовного дела в медиацию. Отметим, что законодательство иностранных государств допускает использование процедуры медиации до передачи дела в суд и после назначения наказания. Полагаем,

[1] Kodeks postępowania karnego: Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. [Zasób elektroniczny] // Kodeks karny. PI. Режим доступа: http://kodeks-karny.org/kodeks-postepowania-karnego/. Дата обращения: 29.09.2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: 02.02.2017. № 20 // Параграф. Информационные системы. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. Дата обращения: 24.09.2020.

в целях не противоречия норм принципам уголовного права и процесса Республики Беларусь необходимо первоначально использовать медиацию до окончания судебного следствия. Этот вариант позволяет не менять основы уголовного процесса, а лишь дополнять его альтернативными способами урегулирования конфликта. Так, направление уголовного дела в медиацию возможно на любой стадии досудебного производства, а также в судебном разбирательстве, но до окончания судебного следствия. В случае заявления ходатайства сторонами о направлении уголовного дела в медиацию на стадии судебных прений или обвиняемым в последнем слове и утверждения судом такого ходатайства, судебное следствие подлежит возобновлению (ст. 347 УПК РБ). Направление уголовного дела в медиацию происходит в рамках судебного следствия.

Применение медиации возможно по делам частного и частно-публичного обвинения до окончания судебного следствия. Однако, так как уголовное дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления о совершении преступления в суд (ч. 1 ст. 426 УПК РБ), то предварительное расследование по данной категории дел не проводится. Следовательно, дела частного обвинения могут быть направлены в медиацию на стадии предварительного расследования только в случае, если обвиняемый является несовершеннолетним, в таком случае проводится предварительное следствие (ч. 1^1 ст. 427 УПК РБ).

В положениях УПК РБ следует закрепить срок проведения медиации, который не должен превышать одного месяца. Однако, если медиатор обоснованно полагает, что при продлении срока проведения медиации будет заключено медиативное соглашение, то он может направить следователю, прокурору или суду ходатайство о продлении срока проведения медиации не более чем на 14 дней.

Требует законодательного закрепления ввод такого нового для уголовного процесса Республики Беларусь процессуального участника как медиатор. Лицо, называемое медиатором, будет обладать определенными знаниями с конкретным объемом специальной подготовки, что достаточно важно для участников уголовного процесса. На наш взгляд, является допустимым закрепление правового статуса медиатора в гл. 7 УПК РБ. Возможно также дополнить ст. 60 УПК РБ, закрепляющую статус свидетеля, а именно «не подлежат допросу в качестве свидетелей: медиатор – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали ему известны в связи с проведением медиации».

В уголовном процессе Республики Беларусь при направлении дела в медиацию возникает необходимость приостановить производство по делу до завершения данной процедуры, что предполагает приостановление процессуальных сроков, а, следовательно, сохранение гарантий защиты прав лиц.

В случае, если стороны не пришли к урегулированию конфликта в порядке медиации – дело передается на разрешение органу, направившему уголовное дело в медиацию, что также является преимуществом данной процедуры. Хотя стороны и не смогли разрешить возникший конфликт посредством альтернативной процедуры, но у них всегда остается шанс на справедливое разрешение конфликта судом как последней инстанцией. Тем самым не будет нарушаться право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, так как при обращении к альтернативным способам разрешения уголовно-правовых конфликтов у него остается возможность в дальнейшем вернуться в официальное производство по уголовному делу и реализовать свое право на судебную защиту. Значит, можно внести дополнения в ст. ст. 246, 280, 302 УПК РБ и предусмотреть основания для приостановления

предварительного следствия и производства по уголовному делу в связи с направлением уголовного дела в медиацию.

Предполагаем, что в уголовном процессе Республики Беларусь в случае завершения процедуры медиации – медиатор должен передать органу, направившему дело в медиацию, отчет о медиации с приложенным к нему медиативным соглашением, если оно было заключено.

Производство по уголовному делу, если стороны не заключили медиативное соглашение будет возобновлено и рассмотрено по общим правилам УПК РБ (ст. 249, п. 4 ст. 280, ст. 302 УПК Республики Беларусь), что соответствует модели медиации в гражданском процессе, которая эффективно применяется в Республике Беларусь еще с 2008 года. В случае, если стороны заключили медиативное соглашение, то производство по делу возобновляется для утверждения медиативного соглашения.

Следует указать, что в случае заключения медиативного соглашения модели медиации в уголовном процессе зарубежных государств зачастую предусматривают прекращение производства по делу. В такой ситуации стороны покидают процесс, без необходимости утверждения данного соглашения компетентным органом, что может привести к исполнению медиативного соглашения, выгодного лишь для одной стороны, либо стать средством уклонения от реальной ответственности.

На наш взгляд, уголовный процесс Республики Беларусь не позволяет прекратить производство по делу после заключения медиативного соглашения. Также следует учесть, что медиация является новой для уголовно-правовой среды процедурой, нуждающейся в детальном исследовании и разработке.

Для уголовного процесса Республики Беларусь при направлении уголовного дела в медиацию на стадии предварительного расследования применима следующая модель.

В случае если медиация завершилась выработкой медиативного соглашения по делам частного обвинения о преступлениях несовершеннолетних, предварительное расследование возобновляется (ст. 249 УПК РБ). Далее предварительное расследование осуществляется по общим правилам (ст. 180-266 УПК РБ) и по правилам гл. 45 УПК РБ. На стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по поступившему в суд уголовному делу судья проводит предварительное судебное заседание при наличии оснований для прекращения производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 277 УПК РБ). В ходе которого изучает медиативное соглашение и исследует следующие вопросы: добровольность примирения и его мотивы, в том числе осознал ли обвиняемый последствия совершенного им деяния; возмещение причиненного вреда; согласие потерпевшего, обвиняемого на примирение. По результатам предварительного судебного заседания судья принимает одно из следующих решений: утвердить медиативное соглашение и прекратить производство по уголовному делу; отказать в утверждении медиативного соглашения и рассмотреть уголовное дело по общим правилам УПК Республики Беларусь.

В случае если медиация завершилась выработкой медиативного соглашения по делам частно-публичного обвинения, предварительное расследование возобновляется (ст. 249 УПК РБ). Далее предварительное расследование осуществляется по общим правилам (ст. 180-266 УПК РБ). На стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по поступившему в суд уголовному делу судья проводит предварительное судебное заседание при наличии оснований для прекращения производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 277 УПК РБ). В ходе которого изучает медиативное соглашение и исследует следующие вопросы: добровольность

примирения и его мотивы, в том числе осознал ли обвиняемый последствия совершенного им деяния; возмещение причиненного вреда; согласие потерпевшего, обвиняемого на примирение. Кроме того, для утверждения медиативного соглашения по делам частно-публичного обвинения также должно быть заявлено потерпевшим ходатайство о прекращении производства по уголовному делу. По результатам предварительного судебного заседания судья принимает одно из следующих решений: утвердить медиативное соглашение, удовлетворить заявленное ходатайство потерпевшего о прекращении производства по уголовному делу и прекратить производство по уголовному делу; отказать в утверждении медиативного соглашения, отказать в удовлетворении заявленного ходатайства потерпевшим о прекращении производства по уголовному делу и рассмотреть уголовное дело по общим правилам УПК Республики Беларусь.

С порядком направления уголовного дела в медиацию на стадиях назначения и подготовки судебного разбирательства, судебного разбирательства можно ознакомится в следующих публикациях автора[1].

Широбокова Е.С.
Научный руководитель**: Лукомская А.С.**

Отдельные проблемы предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация. Автором обосновывается рост информационно-телекоммуникационных технологий, а также неправомерных действий, нарушающих охраняемые уголовным законом отношения, требующих адекватной реакции на научном и практическом уровне. Так, актуальным представляется осмысление отдельных проблем предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Автором предложено к исследованию понятия виртуальное пространство и виртуальное доказательство. Сформулированы выводы, которые позволяют сместить фокус внимания на исследуемые проблемы.

Ключевые слова: преступления, совершаемые в сфере информационно-телекоммуникационных технологий; киберпространство; компьютеризация; цифровые информация; предварительное следствие; следственные действия; доказательства; доказывание.

В настоящее время одними из главных продуктов производства являются знания и информация, а хранение, переработка и передача информации является неотъемлемой составляющей всех сфер жизнедеятельности. Такого рода развитие общества несомненно ускоряет все процессы, протекающие в современном мире.

[1] Скшидлевска Э.В. Направление уголовного дела в медиацию на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол. И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2019. С. 372-376; Скшидлевска Э.В. Направление уголовного дела в медиацию на стадии судебного разбирательства // Научные стремления. 2018: сборник Международной научно-практической молодежной конференции в рамках Международного научно-практического инновационного форума «INMAX'18» (Минск, 4-5 декабря 2018). В 2 ч. Часть 1. / ОО «Центр молодежных инноваций», ООО «Минский городской технопарк». Минск: Лаборатория интеллекта, 2018. С. 133-134.

За последнее десятилетие отчетливо прослеживается быстрый рост новых информационно-телекоммуникационных (далее – IT) технологий, которые позволяют мгновенно передавать огромные объемы информации. Общение в современном обществе, по большей части, осуществляется посредством сервисов мгновенного обмена сообщениями, различных мессенджеров и социальных сетей. Законопроекты, правовые акты, официальные документы публикуются на Интернет-ресурсах. Подача документов в государственные органы также может осуществляться в электронной форме.

Безусловно развитие IT-технологий значительно упрощает осуществление различных операций, но и имеет оборотную сторону. По мере развития технологий, увеличения количества персональных компьютеров, систематического оборота информации в сети Интернет, растет преступность в сфере компьютерной информации, IT-технологий. Сегодня сложно контролировать доступ к информации, ее достоверность и сохранность в киберпространстве.

На национальном уровне IT-технологии имеют место во всех сферах жизнедеятельности, что значительно расширяет круг объектов преступного посягательства. Не случайно весной 2020 г. Президент РФ указал на рост преступлений, связанных с использованием информационных технологий и поручил проанализировать эффективность деятельности по борьбе с подобного рода преступлениями. По официальным данным рост числа преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий отразился на появлении их отдельного учета, что сигнализирует об особом внимании органов, осуществляющих борьбу с киберпреступностью. В 2017 г. МВД РФ зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в 2018 г. – уже 174 674 (+92,8%), а в 2019 г. – 294 409 (+68,5%), что свидетельствует об увеличении более чем в 3 раза.[1]

Современная наука уголовного процесса в полной мере не ответила на вызовы существующих актуальных процессуальных проблем предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных посредством IT-технологий как на методологическом, так и на прикладном уровне.

Так, при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию способ совершения преступления. Наиболее распространенными преступлениями в киберпространстве являются преступления против собственности, в сфере экономики-компьютерные преступления. При этом лишь отдельные составы преступлений, совершаемые посредством IT-технологий, содержат квалифицирующий признак «совершение преступления в киберпространстве. Отсутствует указанный признак, например, в составах статей 110-110.2, 119, 120 УК РФ и др., что значительно снижает эффективность разрешения таких конфликтов.

Развитие IT-технологий порождает все больше новых ранее не известных способов совершения преступлений в этой сфере. Ю.М. Батурин еще 1991 году предложил делить все способы компьютерных преступлений на 3 вида: метод перехвата, метод несанкционированного доступа и метод манипуляции. Также ученые дополняют эту классификацию методом умышленной порчи информации[2].

---

[1] Мондохонов А.Н. Криминализация «преступной деятельности» в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2020. № 6. С. 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебное пособие. М.: Юстиция, 2020. С. 233. [Электронный ресурс] URL: https://book.ru/book/934144. Дата обращения: 20.10.2020.

Такая дифференциация, как и другие, позволяет учитывать специфику преступлений, совершенных посредством IT-технологий, в том числе на уровне уголовно-процессуальной формы, которая содержит требующие научного осмысления вопросы. Наибольшие методологические сложности проявляются на практике при производстве предварительного расследования по уголовным делам, совершенным с использованием IT-технологий.

Одной из ключевых проблем является отсутствие на законодательном уровне единой терминологии в области компьютерных преступлений. В частности, по-разному трактуются «компьютерный», «электронный», «цифровой» и др. Так или иначе, уголовно-процессуальный закон, применяя эти термины, ссылается не на их техническое значение, а на некое «бытовое» значение, что существенно влияет на практику применения конкретных норм, регулирующих отношения в сфере компьютерных преступлений, более того, это порождает противоречия в правоприменительной практике[1].

Еще более сложной представляется проблема действия уголовно-процессуального закона в пространстве, с учетом выделенного в науке понятия виртуального пространства, учитывая, что для целей доказывания по уголовным делам, совершенным с использованием IT-технологий, цифровая информация не имеет территориальных и материальных границ. Необходимо на уровне предмета доказывания учитывать особенности виртуального пространства, такие как его глобальность, неопределенность, сложность в установлении юрисдикции, с учетом, что такие положения отсутствуют на законодательном уровне. Виртуальная среда сегодня располагается за пределами правового регулирования, что порождает рост преступлений.

В науке уголовного процесса отсутствует оформленная полемика, выраженная в конкретном научно-обоснованном подходе, хотя мнения ученых уже собираются в некие векторы развития.

Так, по мнению Э. Ансельмо, правила, подлежащие использованию в киберпространстве, должны быть ориентированы на правила использования res communis. Ученый проводит аналогию между киберпространством и космическим пространством, открытыми морями, относя киберпространство к территории общего пользования.[2]

Известный ученый Д. Менте поддерживает идею закрепления за Интернетом географической принадлежности, заявляет: «национальная принадлежность есть и должна оставаться основным принципом при определении юрисдикции, так как нарушение этого принципа может привести к анархии и всеобщему несоблюдению обязательств» [3] . Менте предлагает при определении юрисдикции учитывать национальную принадлежность веб-сайтов, посредством которых было совершено преступление.

Критиком данных подходов выступает А.Л. Осипенко, отрицая возможность признания киберпространства суверенной территорией, аргументируя тем, что

---

[1] Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис.... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2018. С. 5. [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009699734. Дата обращения: 25.10.2020.

[2] Ансельмно Э.Л. Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. 2006, № 2. С. 25.

[3] Ансельмно Э.Л. Указ. соч. С. 26.

последствия противоправных действий наступают не только в киберпространстве, но и в физическом мире, затрагивая интересы, защищаемые национальным законодательством конкретного государства. Он предлагает закрепить право осуществления уголовного преследования за тем государством, на территории которого наступили последствия от преступного посягательства[1].

Наряду с этим, в уголовном судопроизводстве цифровая информация не выделенной в отдельный вид доказательств, и законодатель не раскрывает ее п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Научная дискуссия относительно необходимости закрепления в качестве самостоятельного вида доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ виртуальных доказательства для предотвращения возможных дальнейших споров о правомерности сбора информации или отнесения цифровой информации к одной из категорий доказательств, остается открытой. По этому вопросу сложились несколько оформленных позиций.

Интересно, что А.В. Ткачев предлагает относить электронные носители данных к числу иных доказательств, ссылаясь на наличие реквизитов информации, что позволяет отличать такие доказательства от недокументированной информации[2]. Ученый аргументирует свою позицию толкованием ст. 84 УПК РФ, которая устанавливает, что документы, содержащие информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, могут фиксировать эту информацию в письменном и ином виде. Часть 2 статьи 84 УПК РФ также говорит о том, что к иным документам могут относиться и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 УПК РФ[3].

Л.Б. Краснова склоняется к определению цифровой информации как вещественного доказательства. Обосновывая свои доводы, автор указывает на признаки, присущие вещественным доказательствам: «они могут служить средством установления обстоятельств уголовного дела при том, что на носителях может содержаться не только информация о факте преступления, но и следы самого преступления (искажение информации, ее намеренное изменение и т. д.); данные, содержащиеся на электронных носителях, хранятся на них во внешних признаках (то есть хранятся на материальных носителях), а не в вербальной форме; имеется материальный способ получения, хранения и передачи невербальной информации, имеющей отношение к делу» [4].

Ю.В. Шелегов, В.Г. Шелегов отмечают, что прослеживается тенденция к выделению отдельной категории доказательств. Аргументируя такой подход тем, что законодатель устанавливает в статье 164.1 УПК 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при

---

[1] Осипенко А.Л. О правовом регулировании действий оперативно-розыскных органов при раскрытии трансграничных преступлений в сети Интернет // Оперативник (сыщик). 2011. № 2. С. 18–23.

[2] Ткачев А.В. Использование электронных (компьютерных) документов в качестве документов-доказательств и письменных доказательств в процессуальных отношениях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 128–135; Ткачев А.В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016, № 3. С. 436–442.

[3] Орлова А.А. Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 287-289. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/149/42293/. Дата обращения: 30.10.2020.

[4] Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4. С. 254–260.

производстве следственных действий» особый порядок сбора информации, присущий исключительной категории доказательств[1].

Существуют и ряд других проблем предварительного следствия по данной категории дел. Отсутствует ясность в вопросе о том, какие участники уголовного процесса наделены правом собирания доказательств в электронном виде и на каком этапе уголовного судопроизводства. Вопрос о том, должен ли это делать следователь или эта обязанность лежит исключительно на специалисте и эксперте, является дискуссионным[2]. В практике следователь, обладающий всем спектром знаний в этой области, редкое явление.

Для самого опытного следователя ситуация осложняется тем, что порядок проведения следственных действий не учитывает специфику указанных преступлений. Собирание доказательств преступления, совершенного посредством IT-технологий, на практике составляет объективные трудности, сложные к преодолению на уровне процессуальных средств, поскольку высокие технологии предоставляют широкий спектр возможностей для лица, совершившего преступление, остаться незамеченным в виртуальной реальности. Существуют общедоступные VPN-программы, благодаря которым можно скрыть источник выхода в сеть Интернет или намеренно указать неверный территориальный адрес[3].

На эффективность разрешения уголовно-правовых конфликтов в этой сфере влияет малочисленность специалистов в области IT-технологий, а главное отсутствие «узкопрофильных» следователей, специализирующиеся на расследовании компьютерных преступлений.

Таким образом, разграничивая отдельные проблемы организации и процессуального порядка предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных с использованием IT-технологий, можно сформулировать ряд выводов, которые собираются в пути решения:

Обосновывается необходимость научного осмысления понятия виртуального пространства, для более эффективного разрешения уголовно-правовых конфликтов, связанных с совершением преступлений посредством IT-технологий.

Требует научной постановки и осмысления вопрос действия уголовно-процессуального закона в пространстве, с учетом выделенного в науке понятия виртуального пространства, учитывая, что для целей доказывания по уголовным делам, совершенным с использованием IT-технологий, цифровая информация не имеет территориальных и материальных границ.

Требует закрепления в качестве самостоятельного вида доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ цифровых доказательства для предотвращения возможных дальнейших споров о правомерности сбора информации или отнесения цифровой информации к одной из категорий доказательств.

В процессе осмысления поставленных в настоящем исследовании проблем, связанных с необходимостью совершенствования процессуального порядка производства по уголовным делам, совершенным с использованием IT-технологий, в

[1] Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 68.

[2] Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 251. [Электронный ресурс] URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009699734. Дата обращения: 25.10.2020.

[3] Зуев С.В., Черкасов В.С. Действие уголовно-процессуального закона в «киберпространстве»: проблема трансграничных следственных действий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 19.

стадии предварительного расследования, предлагается опираться на акты международного права, в частности Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 от 23 ноября 2001 г.

Секция № 4
«Криминалистическое обеспечение следственной деятельности»

Галимова Р.Р.
Научный руководитель: **Буглаева Е.А.**

Технико-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования наркопреступлений: современность и перспективы развития

***Аннотация*.** В статье рассматриваются актуальные вопросы применения технико-криминалистических средств, используемых правоохранительными органами для поиска, обнаружения и исследования наркотических и психотропных веществ. Автором предложена классификация вышеназванных технических средств на: поисковые технические средства; технические средства, используемые в криминалистических целях при производстве по уголовным делам; приборы, предназначенные для проведения лабораторных и иных исследований наркотических веществ. Проведено детальное исследование современных цифровых технических средств в рамках предложенной классификации. Обозначены достоинства и недостатки приборов и устройств, используемых в деятельности правоохранительных органов в борьбе с наркопреступностью.

***Ключевые слова*:** наркотические и психотропные вещества, незаконный оборот наркотических средств, дизайнерские наркотики, технико-криминалистические средства.

Увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств является одной из главных проблем современного общества. Развитие криминогенной ситуации в области незаконного оборота наркотических веществ объясняется тем, что растет количество синтетических наркотических средств. Несмотря на то, что проблема наркомании существует уже давно и с каждым годом усиливается контроль со стороны государства, статистика доказывает, что количество преступлений в области незаконного оборота наркотических средств составляет достаточной большой процент от общего числа преступлений.

За первое полугодие 2020 года по России зарегистрировано 128708 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В том числе по Челябинской области зарегистрировано 4551 преступление. Самые высокие показатели подобных преступлений за аналогичный период зафиксированы в г. Москва, их количество составляет 8900. Отметим, что за аналогичный период 2019 года количество преступлений в области незаконного оборота наркотических средств составило 1355475, что показывает тенденцию к снижению преступлений в данной сфере[1].

Одной из проблем является то, что в последнее время производится достаточно большое количество модернизированных наркотических и психотропных средств. Их называют «дизайнерскими». При производстве таких наркотиков используются химические вещества, которые способны сохранить свойства наркотических средств, при этом строение конечного вещества будет совершенно другое. Таким образом, преступные сообщества при производстве, хранении и продаже «дизайнерских» наркотиков избегают уголовной и административной ответственности, так как новые составы наркотических веществ вносятся в законодательные акты в качестве

[1] Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/offenses_map. Дата обращения: 20.10.2020.

запрещенных с заметным опозданием. Следствием чего является их массовое производство и потребление. Отметим, что к дизайнерским наркотическим средствам относятся две основные категории: «Спайсы» и «Соли». В их составе присутствуют искусственные каннабиноиды и алкалоиды, которые негативно сказываются на работе центральной нервной системы [1]. Помимо вышеназванных веществ в современном мире распространяются и другие замаскированные синтетические психотропы в форме ароматизаторов, корма для аквариумных рыб и удобрений для комнатных растений[2].

Еще одной ключевой проблемой, которая осложняет борьбу с незаконным оборот наркотических средств является сложность обнаружения наркотических и психотропных веществ. Как правило, такие вещества достаточно легко замаскировать в углублениях в стенах домов, транспортных средствах, предметах домашнего обихода и на улице. Не менее актуальным является поиск запрещенных веществ и их сбытчиков в местах массового скопления людей, таких как торговые комплексы, вокзалы, метро, аэропорты и другие. Помимо использования служебных собак для поиска, обнаружения и распознавания наркотических и психотропных веществ в настоящее время используется большое количество современных технических средств.

На наш взгляд, все технико-криминалистические средства, используемые правоохранительными органами для поиска, обнаружения и исследования наркотических и психотропных веществ можно разделить на три категории.

К первой категории следует отнести поисковые технические средства, которые помогают обнаружить подобные вещества в общественных местах. Основным техническим средством является рентгено-телевизионные установки (интроскопы) в аэропортах, железнодорожных и автовокзалах, которые позволяют спроецировать на экран содержимое багажа и с помощью различных генераторов определить наличие наркотических средств. Такие установки имеют административное назначение и не связаны с расследованием уголовных дел. Применение данных технических средств предотвращает массовое распространение наркотиков.

На таможенных пунктах при пересечении государственной границы грузовых и легковых транспортных средств используются порталы для их досмотра. Например, портал для досмотра автотранспорта «НХР» [3]. Такие инспекционно-досмотровые комплексы оснащаются высокоэнергетическим источником (генератором) рентгеновского излучения, что позволяет достигать проникающей способности по стали более 60 миллиметров и эффективно выявлять запрещенные вещества. Для пресечения транспортировки наркотических и психотропных веществ внутри человеческого организма используются специализированные сканеры, которые определяют наличие упакованных наркотических веществ внутри или на поверхности тела. Например, установка персонального досмотра человека «CONPASS», которая разработана на основе метода рентгеновского излучения.

---

[1] Мрыхин В.В., Анцыборов А.В. Дизайнерские наркотики: краткая история, попытка систематизации на примере «Спайсов» и «Солей» // Интерактивная наука. 2017. № 11. С. 36-39.

[2] Шаров М.И. Синтетические наркотики Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту (теория и практика) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. [Электронный ресурс] // URL:https://cyberleninka.ru/article/n/sinteticheskie-narkotiki-aktualnye-voprosy-protivodeystviya-nezakonnomu-oborotu-teoriya-i-praktika. Дата обращения: 23.10.2020.

[3] Корпоративный сайт «РейкомГрупп» [Электронный ресурс] // URL: https://reicom.ru/introscope/portal/hxp. Дата обращения: 20.10.2020.

Для досмотра транспортных средств и грузовых контейнеров с целью выявления контрабандных товаров и поиска запрещенных веществ используется портативная система досмотра «MINI Z», работа которой основана на принципе обратного излучения. Благодаря миниатюрным размерам досмотровый аппарат можно применять в самых труднодоступных местах. Досмотровая система является полностью автономной без необходимости настройки и замены расходных материалов. Достаточно лишь включить прибор, и он готов к работе. Такая рентгено-телевизионная система абсолютно безопасна для использования операторами. Достоинством такого прибора является то, что его программное обеспечение подразумевает управление и вывод информации через сенсорный экран[1].

Вышеназванные технические средства нужны для того, чтобы пресекать транспортировку наркотических средств между государствами и субъектами РФ. Так, например, в 2019 году сотрудниками полиции Магадана в аэропорту был задержан мужчина, перевозивший наркотические средства «в себе». Благодаря рентгено-телевизионной установке сотрудникам аэропорта удалось зафиксировать наличие запрещенных веществ в желудке мужчины. Мужчину доставили в местную больницу, «где из внутренних полостей его организма был извлечен контейнер цилиндрической формы, содержащий более 30 граммов героина»[2]. В отношении данного лица было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Также к новинкам технико-криминалистических средств можно отнести беспилотные летательные аппараты, оборудованные особым лазерным комплексом. Ученые из ГК «Ростех» и Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (СПбГЭТУ) «ЛЭТИ» предложили комплекс для дистанционного обнаружения различных веществ с борта вертолета или беспилотного летательного аппарата. Такая система позволит регистрировать отдельные молекулы запрещенных веществ, находящиеся в воздухе или лежащие на любой поверхности. В основе работы прибора — сканирование местности безопасным для человека лазерным лучом и регистрация спектров рассеяния, характерных для наркотических веществ[3]. Достоинством таких приборов станет относительная легкость использования, охват большой территории и точная фиксация наличия следов запрещенных веществ, невидимых человеческому глазу. Однако, на наш взгляд, в предложенной технологии имеется и ряд недостатков:

1) для обеспечения большого количества подразделений правоохранительных органов подобными приборами понадобятся большие финансовые вложения;

2) не исключается возможность «перехвата» управления данными приборами злоумышленниками для достижения криминальных целей;

3) для внедрения подобных приборов в деятельность правоохранительных и иных органов потребуются дополнительные затраты на оплату сотрудников – технических специалистов, которые должны обладать специальными знаниями для работы с ними.

Ко второй категории криминалистических средств можно отнести средства, которые непосредственно используются в криминалистических целях при производстве по уголовным делам. При обнаружении вещества в ходе осмотре места

[1] Техника для спецслужб. Бюро научно-технической информации [Электронный ресурс] // URL: http://www.bnti.ru/des.asp?itm=7132&tbl=03.05.01.&p=1. Дата обращения: 19.10.2020.

[2] Информационный портал Lenta.ru [Электронный ресурс] // URL: https://lenta.ru/news/2019/07/18/geroin/. Дата обращения: 18.10.2020.

[3] Газета «Известия» [Электронный ресурс] // URL: https://iz.ru/893389/olga-kolentcova/lazernyi-pritcep-narkotiki-smogut-iskat-s-pomoshchiu-chutkikh-dronov. Дата обращения: 24.10.2020.

происшествия, обыска или иных следственных действий, следователь после изъятия данных веществ может провести экспресс анализ, который способен отнести обнаруженное вещество к запрещенным. Таким действием обладает детектор обнаружения наркотических веществ «След-н», способный обнаружить, в том числе, «дизайнерские» наркотики. Плюсом данного прибора является его многоразовые расходные материалы, которые сокращают затраты на обслуживание прибора[1]. Так как прибор представляет собой металлическую конструкцию, в которую помещаются образцы для исследования, он имеет достаточно большую массу (до 18 кг) и передвигаться правоохранительным органам при производстве следственных действий с ним крайне неудобно.

В таком случае сотрудниками при производстве следственных действий допускается использование химических средств обнаружения наркотических веществ. К таким средствам относят экспресс-тесты «Наркоцвет» и «Сигма», которыми обеспечиваются правоохранительные органы. Тесты предназначены для предварительного выявления объектов, в которых подозревается наличие: наркотических средств из конопли; из мака снотворного; героин; синтетические аналоги опиатов; кокаин; амфетамины; димедрол и бупренорфин. Ампулы в комплекте «Наркоцвет» помещены в пенал из прозрачного материала, и все реакции проводятся одновременно, что сокращает время проведения анализа до 2-4 минут[2].

Как правило, для обнаружения наркотических веществ используются различные детекторы, которые позволяют обнаружить наличие следов наркотических веществ на различных поверхностях. В частности, при производстве следственных действий можно использовать ионно-дрейфовые детекторы взрывчатых, наркотических веществ и опасных химических реагентов. К таким относят детектор «Кербер-Т», который предназначен для обнаружения следовых количеств малолетучих и летучих органических веществ, наркотических веществ в воздухе контролируемых объектов, на поверхности различных предметов, на кожных покровах и одежде людей. К преимуществам можно отнести короткий интервал проведения анализа (1-2 сек.), достоверность определения, возможность пополнения библиотеки веществ, а также малый вес (до 4 кг.) что позволяет использовать его при проведении следственных действий на различных локациях. Однако стоимость такого прибора достигает почти 2 млн. руб.[3].

Сложность поиска наркотических средств обуславливается тем, что благодаря их физической природе, они легко маскируются и помещаются для сокрытия в различные рода тайниках. Для поиска наркотических средств в труднодоступных местах, таких как канализационные трубы, вентиляционные шахты используют гибкие или жесткие эндоскопы с видеокамерами. К числу таких приборов относят Видео эндоскоп «eVIT LongSteer L». Преимуществом данного аппарата является то, что возможность исследования распространяется на 120 метров. Также у данной

[1] Корпоративный сайт ЗАО «ХИМПРИБОР-1» [Электронный ресурс] // URL: https://www.himpribor-1.ru/products/pribor-obnaruzheniya-narkoticheskikh-veshchestv/. Дата обращения: 17.10.2020.

[2] Корпоративный сайт НПО «Автомедкомплекс» [Электронный ресурс] // URL: http://www.amkmed.ru/speciallab/special/sp01/. Дата обращения: 20.10.2020.

[3] Корпоративный сайт «Инфосекьюр» [Электронный ресурс] // URL: http://infosecur.ru/shop/antiterror/find_out. Дата обращения: 20.10.2020.

модели эндоскопа имеется возможность цветного выхода изображения на экран и запись фото и видео на карту памяти[1].

Так, сотрудниками полиции в порту Санкт-Петербурга был задержан крупнотоннажный корабль. По предварительной информации на территории корабля находилась крупная партия наркотических средств. При проведении тщательного досмотра корабля сотрудники обнаружили 25 килограммов наркотических веществ[2]. Безусловно, досмотр подобных крупногабаритных транспортных средств невозможен без использования технических средств, в противном случае досмотр не будет оперативным и возникнет необходимость привлечения большего количества сотрудников.

К третьей категории технических средств относят приборы, предназначенные для проведения лабораторных и иных исследований наркотических веществ. Для наиболее быстрого и точного анализа веществ необходимо использовать в лабораториях современное оборудование, которое с особой точностью способно определить структуру и состав наркотического, психотропного или иного вещества, а также их состав. Отметим, что современное оборудование способно распознать структуру тех дизайнерских наркотических веществ, которыми изготовители пытаются обойти законодательство. В экспертной практике используются приборы для определения типа наркотического вещества:

1) газовые хроматографы с гибридных масс спектрометром сверхвысокого разрешения. Например: «Thermo Q EXACTIVE GC ORBITRAP». Такие приборы позволяют производить как полное сканирование спектра, так и эффективное выделение ионов прекурсоров и регистрацию дочерних ионов со сверхвысоким разрешением, измерением точных масс и высочайшей чувствительностью. Исследование с помощь данного прибора позволяет точно узнать структуру исследуемого вещества.

2) газовые хроматографы с тройным квадрупольным масс-спектрометром. Например: «Thermo TSQ 8000 Evo». Данный прибор позволяет регистрировать дочерние ионы соединений, информация о которых абсолютно точно показывает различия между веществами со схожими масс-спектрами электронного удара. Данные приборы позволяют не только отнести вещество к наркотическим или психотропным, но и детально определить тип, структуру вещества и вещества со схожими признаками[3].

В экспертной деятельности к приборам лабораторного исследования относят также экспресс-рамановский спектрометр «SENTERRA». Вышеназванный спектрометр позволяет проводить экспрессные измерения спектров комбинационного рассеяния.Комплекс также имеет систему оптической визуализации образцов «Olimpus». К преимуществам прибора можно отнести трехмерную визуализацию данных спектрального анализа, как и многих подобных приборов идентификация вещества происходит библиотечным поиском, однако имеется возможность

---

[1] Корпоративный сайт научно-технический центр «Эксперт» [Электронный ресурс] // URL:https://www.ntcexpert.ru/111-acenter/tekhnicheskie-endoskopy/video-endoskopy/1155-video-endoskop-evit-longsteer-l. Дата обращения: 15.10.2020.

[2] Информационный ресурс «Комсомольская правда» [Электронный ресурс] // URL: https://www.spb.kp.ru/daily/217169.5/4270432/. Дата обращения: 23.10.2020.

[3] Лисовская С.Б., Виноградова Н.И., Башилов А.А. Проблемы разработки и практического применения новейших технических и программных средств для противодействия и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Сборник докладов и каталог продукции международной научно-практической конференции «Специальная криминалистическая техника». 2017. С. 79-82.

построения собственных спектральных библиотек, что позволяет оперативно вносить изменения и пополнять базу запрещенных веществ[1].

Обобщая вышеизложенное можно отметить, что, несмотря на изобретательность преступников в вопросах разработки все новых методов, способов изготовления и видов наркотических средств, уровень развития криминалистических средств и их внедрение в практику правоохранительных органов обеспечивает отпор вызовам наркопреступности. Современное техническое обеспечение новейшим оборудованием является одним из главных факторов, позволяющих повышать эффективность в борьбе с наркопреступлениями.

Дарбанди Д.С.
Научный руководитель: **Игошин В.В.**

Использование когнитивного интервью при проведении допроса малолетних жертв сексуальных посягательств

Аннотация. В работе раскрываются особенности допроса малолетних жертв сексуальных посягательств с использованием когнитивного интервью. По мнению автора, когнитивное интервью позволяет следователю получить правдивые и полные показания без причинения психологической травмы малолетнему потерпевшему. Автор также подчеркивает, что эффективность и результативность использования когнитивного интервью напрямую зависит от профессионализма следователя, проводящего допрос.

Ключевые слова: тактика допроса, когнитивная психология, криминальная сексология, детская психология, когнитивное интервью, допрос потерпевшего, допрос малолетнего, преступления против половой неприкосновенности, сексуальные посягательства.

Допрос малолетнего, ставшего жертвой сексуального посягательства, имеет двуединую цель: с одной стороны, в результате допроса следователь должен получить правдивые и полные показания, которые послужат доказательством по уголовному делу; с другой стороны, допрос не должен привести к повторной психотравматизации малолетнего потерпевшего.

Одним из наиболее эффективных современных методов проведения допроса является когнитивное интервью, которое возникло в рамках развития когнитивной психологии. Как указывается в литературе, «когнитивная психология - одна из ведущих областей современной психологической науки, изучающая организацию знания в памяти человека, включая соотношение вербальных и образных компонентов в процессах запоминания и мышления» [2]. По мнению ведущего специалиста в области когнитивной психологии и психологии познания Р. Солсо[3], с помощью обращения к когнитивной психологии можно ответить на вопросы о том, как человек обращает внимание на информацию о мире и собирает ее, как мозг сохраняет и обрабатывает эту информацию, а также как человек думает и формулирует свои мысли с помощью языка.

---

[1] Санкт-Петербургский государственный университет. Сборник научных публикаций «Научный парк» [Электронный ресурс] // URL: http://researchpark.spbu.ru/olmiv-eq-rus/118-olmiv-senterra-rus. Дата обращения: 23.10.2020.

[2] Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М.: Проспект, 2011. С. 133.

[3] Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. С. 35.

Таким образом, под когнитивным интервью, применительно к теме статьи, следует понимать метод получения достоверной, исчерпывающей личностной информации от малолетнего о признаках внешности, поведении преступника и обстоятельствах совершенного в отношении него сексуального посягательства на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии.

Поскольку когнитивное интервью направлено, в том числе, на активизацию работы памяти, его проведение позволит следователю преодолеть защитный механизм, возникший у малолетнего потерпевшего как реакция на психотравмирующую ситуацию. Психологическая защита может выражаться в различных поведенческих реакциях, а именно следователь может столкнуться, во-первых, с агрессией, вызванной негативными воспоминаниями; во-вторых, с замыканием или с отказом от дачи показаний; в-третьих, с забыванием, связанным с вытеснением из памяти информации об обстоятельствах совершенного сексуального посягательства[1].

Так, практическая значимость когнитивного интервью заключается в том, что благодаря приемам, применяемым в ходе когнитивного интервью, допрашиваемый вспоминает важные детали произошедшего события. Также отмечается, что проведение повторного или дополнительного допроса малолетнего потерпевшего нецелесообразно[2]. Это объясняется тем, что, во-первых, неоднократное погружение жертвы сексуального посягательства в психотравмирующую для нее ситуацию является негуманным. Во-вторых, по прошествии некоторого времени события, произошедшего могут искажаться под влиянием возникших эффектов вытеснения, игнорирования, отрицания, замещения, расцвечивания реальных событий. По нашему мнению, несмотря на то, что с помощью когнитивного интервью можно получить максимальный объем информации о преступлении, в некоторых случаях следователь вынужден провести дополнительный допрос малолетнего потерпевшего (например, когда не хватило установленного для допроса времени или, когда эмоциональное состояние ребенка не позволило в полной мере выяснить все обстоятельства дела).

Допрос с использованием когнитивного интервью необходимо рассматривать как сложную систему, состоящую из уголовно-процессуальных норм, положений криминалистической тактики и непосредственно психологических приемов когнитивного интервью.

Нельзя не упомянуть о необходимости выполнения уголовно-процессуальных требований, относящихся к проведению допроса. Поскольку нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) допускают проведение допроса по месту нахождения потерпевших и поскольку речь идет о допросе малолетних, которыми эта процедура явно воспринимается волнительно, целесообразно проводить когнитивное интервью в месте, где ребенок будет чувствовать себя максимально комфортно, то есть у него дома. В тех случаях, когда у следователя есть основания полагать, что дома ребенок будет чувствовать себя дискомфортно, когнитивное интервью необходимо провести в специальной комнате для допроса несовершеннолетних по месту производства предварительного следствия.

[1] Брусенцева В.А. О некоторых аспектах тактики допроса несовершеннолетних – жертв половых преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 2. С. 7-13.

[2] Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 259.

Когнитивное интервью должно проводиться не только в максимально удобное для допрашиваемого время, но и быть ограниченным по продолжительности в соответствии с частью 1 статьи 191 УПК РФ.

Что касается лиц, присутствующих при допросе малолетних потерпевших, УПК РФ предписывает обязательное участие психолога по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности, а также предусматривает возможность присутствия законных представителей ребенка. Установленный императив в отношении участия психолога кажется нам не вполне отвечающим интересам малолетнего. Во-первых, большое количество людей при проведении допроса может смущать ребенка. Когнитивное интервью, в нашем представлении, - довольно интимный процесс, который требует от ребенка максимального доверия к следователю, проводящему допрос, открытости и ощущения безопасности. Во-вторых, в присутствии малознакомого человека (каким и является психолог) малолетнему может быть сложнее открыться и делиться правдивой и полной информацией.

В то же время стоит подчеркнуть, что, хотя для проведения когнитивного интервью не требуется привлечения специалиста и оно может быть проведено следователем, в чьем производстве находится уголовное дело, этот следователь должен обладать достаточно глубокими знаниями в областях юридической, когнитивной, а также детской психологии. Более того, ввиду специфики совершенного преступления – преступления против половой неприкосновенности, и свойств потерпевшего – малолетний возраст, целесообразным будет проведение когнитивного интервью следователем того же пола, что и потерпевший. На практике может возникнуть трудность, когда данное уголовное дело окажется в производстве следователя противоположного пола, нежели ребенок, ставший жертвой сексуального посягательства, либо следователь не будет обладать достаточным уровнем профессионализма для проведения подобного когнитивного интервью – в этом случае проблему можно решить путем поручения проведения когнитивного интервью другому следователю, отвечающему указанным требованиям, при создании следственно-оперативной группы.

Вопрос о возможности присутствия законных представителей при проведении допроса малолетнего, ставшего жертвой сексуального посягательства, должен решаться следователем на основе его выводов о взаимоотношениях между ребенком и его родителями и с учетом пожелания ребенка. Далеко не всегда малолетний потерпевший будет чувствовать себя спокойнее и комфортнее в присутствии законных представителей, поскольку он может бояться возможного осуждения с их стороны, что может отразиться на достоверности и полноте сообщаемых в ходе когнитивного интервью сведений.

В соответствии с частью 2 статьи 190 УПК РФ , ход и результаты допроса должны фиксироваться в протоколе, причем показания допрашиваемого должны записываться от первого лица и по возможности дословно. В то же время, следователю необходимо постоянно поддерживать психологическую связь с малолетним потерпевшим, в том числе с помощью зрительного контакта. Таким образом, перед следователем стоит непростая задача: с одной стороны, он должен качественно отразить результаты следственного действия в протоколе допроса, и, с другой стороны, непрерывно поддерживать ребенка и быть активным слушателем.

Существует мнение, что «в идеале в проведении допроса должны участвовать два сотрудника. Один (например, специалист-психолог) проводит интервью, второй

(следователь) – ведет протокол»[1]. С таким мнением можно согласиться лишь частично. Участие психолога при проведении допроса может принести пользу, когда это способствует налаживанию психологического контакта между следователем и ребенком, однако недопустимо наделять психолога функцией по проведению следственного действия, которое может осуществлять только следователь.

Поскольку применение видеозаписи в ходе допроса малолетнего потерпевшего обязательно (за исключением случаев, когда малолетний потерпевший либо его законный представитель против этого возражает), следователю необходимо принять дополнительные усилия, чтобы успокоить и расслабить ребенка, который может быть встревожен осуществлением видеозаписи. Например, следователь может сначала пообещать, что эту запись будет просматривать только он и лишь с той целью, чтобы не упустить ничего важного, а затем он может завести разговор с ребенком на нейтральные темы, чтобы постепенно отвлечь его внимание от камеры и позволить привыкнуть к ней.

К общим положениям тактики допроса относят активность, целеустремленность, объективность и полноту допроса, а также необходимость учета при допросе свойств личности допрашиваемого[2]. Все они реализуются непосредственно в ходе использования психологических приемов когнитивного интервью.

Принято выделять несколько этапов когнитивного интервью[3]. Начало когнитивного интервью связано с установлением психологического контакта между следователем и допрашиваемым. После знакомства следует завести разговор на отвлеченные темы. Например, следователь может поинтересоваться об увлечениях или о любимом питомце малолетнего. Важно то, какое первое впечатление произведет следователь на ребенка, поскольку от этого будет зависеть, насколько комфортно ребенок будет себя чувствовать во время когнитивного интервью. Чтобы заинтересовать собеседника, следователь может, например, показать ему звезды на погонах и рассказать об их значении.

Далее следователь должен объяснить цель когнитивного интервью, которая заключается в целенаправленном поиске информации о произошедшем событии. Предполагаем, что объяснение малолетнему цели, проводимой с ним процедуры должно способствовать его успокоению и снятию тревожности. Также необходимо обратить внимание допрашиваемого на то, что от него ожидается максимальное сосредоточение, фокусирование внимания и предельная концентрация.

Инициирование свободного рассказа – один из важнейших элементов когнитивного интервью, в ходе которого следователь должен передать всю инициативу ребенку, а сам стать активным и эмпатийным слушателем. В следственной практике выработано несколько рекомендаций для следователей: сидеть в естественной позе, слегка наклонившись к ребенку; избегать резких движений; использовать зрительный контакт, но не задерживать взгляд на допрашиваемом слишком долго; выражать дружелюбие и поддержку; проявлять внимание и интерес к говорящему с помощью кивков головой; хвалить ребенка за старания.

Передача инициативы осуществляется с помощью постановки следователем открытого вопроса, например: «Расскажи мне, что произошло в тот день». Часто

[1] Зерин С.Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших: методическое пособие. М., 2013. С. 17.
[2] Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый Юристъ, 1997. С. 99-100.
[3] Зерин С.Н. Указ. соч. С. 19-24.

малолетнему, ставшему жертвой сексуального посягательства, бывает трудно сразу мысленно вернуться в психотравмирующую ситуацию, но анализ следственной практики по аналогичным делам показал, что эту сложность можно преодолеть, попросив ребенка вспомнить и описать события, произошедшие ранее. Например, если преступление совершено вечером, можно поинтересоваться у ребенка, как прошел его день в школе, сколько было уроков и что нового он узнал. Такие события воспринимаются малолетним нейтрально, поэтому они не вытесняются из памяти и легко вспоминаются. Таким образом, этот прием позволяет осуществить плавный мысленный переход от «обычных» событий к непосредственно совершенному сексуальному посягательству.

При этом отмечается, что следователь должен предоставить ребенку время, чтобы дать расширенный ответ, и использовать паузы, чтобы потерпевший мог провести тщательный поиск информации в своей памяти. Проявление терпения следователем особенно важно, поскольку нужно понимать, что для жертвы сексуального посягательства мысленное возвращение в психотравмирующую ситуацию также является стрессом.

После заслушивания свободного рассказа следователь должен задать потерпевшему вопросы, направленные на уточнение и детализацию каждого отдельного элемента преступной деятельности (внешности преступника, совершенных действий), а также предшествующих и последующих событий. Такие вопросы способствуют формированию психических образов у малолетнего.

Вопросы следует задавать медленно, тщательно подбирая слова и делая нужные паузы. Следователь должен избегать вопросов с множественным выбором, сложных (комплексных) вопросов, грамматически сложных вопросов, наводящих вопросов. Закрытые вопросы, требующие простого определенного ответа (например, «Какого цвета были его глаза?»), стоит задавать с осторожностью, причем необходимо сказать ребенку, что он не должен бояться ответить «Не знаю» или «Не помню». Важно отметить, что малолетние легко поддаются внушению, поэтому вопросы должны быть сформулированы и поставлены так, чтобы в них не содержалось никакой информации для ответа.

Нельзя не учитывать, что ребенку часто могут быть непонятны сексуальные действия преступника, а также вопросы следователя по поводу обстоятельств и сути совершенного преступления. Однако следователь должен задавать вопросы, используя общепринятую медицинскую терминологию, но в каждом случае уточняя, понимает ли ребенок, о чем идет речь. Непонятные выражения могут быть разъяснены с помощью аналогичных «детских» выражений**.** Невозможно не согласиться с мнением Г.Б. Дерягина о том, что «беседа должна идти свободно, естественно, без ханжеской стеснительности, без неуместного веселья, развязанности, излишнего обывательского любопытства»[1]**.**

Для выяснения деталей совершенного преступления используются такие приемы для активизации памяти, как ассоциация, изменение хронологического порядка или перспективы описания произошедшего, а также фокусирование на всех чувствах. Ассоциация позволяет выявить связь между отдельными представлениями (так, например, чтобы выяснить особенности внешности преступника, следователь может спросить у ребенка о том, был ли преступник похож на какого-нибудь персонажа

[1] Дерягин Г.Б. Расследование половых преступлений: руководство для юристов и врачей. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 100.

художественного произведения). Изменение хронологического порядка предполагает повествование, начиная с окончания происшествия и заканчивая его началом. Считается, что такой прием способствует даче максимально детализированных показаний.

Реализовать прием изменения перспективы описания можно с помощью рассказа от третьего лица, когда ребенку предлагается вести рассказ с позиции стороннего наблюдателя (например, следователь может попросить описать ситуацию глазами любимой игрушки ребенка). Этот прием позволяет избежать малолетнему травмирующих переживаний и мысленно отдалиться от сексуального посягательства на безопасное расстояние.

В то же время нельзя не отметить, что рассказ от третьего лица будет менее правдоподобным и подробным. Но при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, жертвам которым причиняется психологическая травма, «целесообразнее выбирать из двух зол наименьшее, так как эмоциональное состояние допрашиваемого является основным барьером для успешного припоминания информации»[1].

Фокус на всех чувствах направлен на то, чтобы подключить различные виды памяти. Эмоциональная память сохраняет чувства, которые малолетний испытал, став жертвой сексуального посягательства. Эмоциональная память, в свою очередь, тесно связана с образной памятью, которая сохраняет картины произошедшего, и подразделяется на зрительную, слуховую, осязательную, обонятельную, вкусовую. Справедливо отмечается, что «эмоциональные состояния, переживаемые повторно, способствуют активизации представлений о воспоминаемом событии, придают им образный характер и помогают вспомнить детали»[2].

Как правило, большая часть информации запоминается зрительно, поэтому для «пробуждения» других видов памяти следователь может предложить допрашиваемому на время вспоминания закрыть глаза. Однако стоит учитывать, что темнота может вызвать у ребенка страх и тревогу, поэтому считаем возможным предложить следователю с согласия ребенка взять его за руку, чтобы во время погружения в психотравмирующую ситуацию он чувствовал себя в безопасности.

После того, как информация о произошедшем будет получена, следователь должен повторить в краткой форме рассказ потерпевшего, используя те же слова, что и ребенок. Кроме того, перед этим следователь должен попросить его указать на неточности в записях и на необходимость внесения в них поправок, если такие будут. Таким образом, краткий обзор проведенного когнитивного интервью позволит следователю проверить правильность и полноту зафиксированных сведений, а малолетнему потерпевшему – дополнить или изменить сообщенную информацию.

Главное, что должен сделать следователь в конце когнитивного интервью – вернуть потерпевшему позитивный настрой. Образно говоря, следователь должен «увести ребенка на безопасное от совершенного сексуального посягательства расстояние» и постепенно перейти к разговору на нейтральные темы, обсуждение которых способствовало установлению психологического контакта. Не менее важно поблагодарить ребенка не только за то, что он уделил свое время, но и за то, что проявил смелость и поделился со следователем известной ему информацией о произошедшем.

---

[1] Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, 2002. С. 226.

[2] Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Юридическая психология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 57.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, цель когнитивного интервью, проводимого в отношении малолетнего, ставшего жертвой сексуального посягательства, - получить максимум информации о совершенном преступлении, не причинив психологическую травму ребенку. Это становится возможным, когда следователь избирает индивидуальный подход к малолетнему потерпевшему, учитывая его пол, возраст и эмоциональное состояние. Достижение поставленной цели говорит об успешности проведенного допроса, что означает, что следователем получены полные и достоверные показания потерпевшего, которые послужат доказательством по расследуемому уголовному делу.

Во-вторых, одновременно с тем, что следователь должен придерживаться определенных этапов, он свободен в выборе приемов когнитивного интервью при проведении допроса малолетних жертв сексуальных посягательств, что способствует индивидуализации такого допроса с учетом личности допрашиваемого.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что эффективность и результативность использования когнитивного интервью напрямую зависит от профессионализма следователя, проводящего допрос. Поэтому следователь должен постоянно стремиться к самосовершенствованию, развивать свои личностные и деловые качества и углублять свои знания в области психологии и криминалистической тактики.

Дзюба А.О.
Научный руководитель**: Махтаев М.Ш.**

Тактика производства допроса при расследовании мошенничества в сфере кредитования

Аннотация. Мошенничество в сфере кредитования, совершенное злоумышленниками, характеризуется тщательной подготовкой к совершению преступлений и использованием специальных познаний, приводящих к созданию самых разнообразных способов совершения и сокрытия преступлений, а также причинением крупного ущерба. В статье освещены типичные следственные ситуации, возникающие в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании мошенничества в сфере кредитования, показаны подготовительные мероприятия следователя до начала допроса. Выявлены трудности субъективного и объективного характера, с которыми сталкивается следователь при производстве указанного следственного действия, а также возможные пути их решения. Также анализируется алгоритм действий следователя при производстве такого сложного и

Ключевые слова: мошенничество, допрос, кредитование, обвиняемый, подозреваемый, доказательство, тактика.

Проведение допроса подозреваемых и обвиняемых в ходе расследования кредитного мошенничества имеет первостепенное значение для получения необходимой доказательственной информации. Следователю необходимо заранее подготовиться к проведению указанного следственного действия, поскольку его успешное осуществление позволит восстановить полную картину преступления. Одно дело, когда происходит допрос тех лиц, которые намеренно не хотят сообщать правдивую информацию или вовсе отказываются отвечать на вопросы. Но может возникнуть иная ситуация, когда допрашиваемые лица, которые желают

сотрудничать со следствием, невольно сообщают ошибочную информацию или искажают суть произошедшего[1].

Следователь может столкнуться с объективными и субъективными трудностями, которые могут повлиять на процесс расследования мошенничества. Причиной этому является специфика кредитной сферы, которая требует определенных знаний. В этой связи сотруднику правоохранительных органов необходимо иметь базовые знания в области кредитования, разбираться в нюансах кредитных правоотношений и умело применять эти знания на практике[2]. В данном случае следователь при производстве допроса будет ориентироваться в ситуации, вовремя задаст уточняющий вопрос, зафиксирует ценную информацию [3]. Необходимо учитывать и тот факт, что подозреваемые, как правило, имеют опыт работы в экономической и финансовой сфере и знакомы со всеми тонкостями работы в этих отраслях.

Следователю необходимо провести целый комплекс подготовительных действий перед началом допроса: провести анализ кредитной документации; получить консультации от специалистов различных сфер; глубоко и всесторонне изучить необходимые документы; тщательно изучить личность лица, совершившего преступления, его деловые качества, опыт и знание; подготовить нормативно – правовую базу и составить примерный перечень задаваемых вопросов [4]. Заранее составленный перечень вопросов, подлежащих выяснению, позволит избежать проведения повторного допроса.

Следователь принимает конкретные меры, необходимые для обеспечения сохранности документов, которые предоставляются на допросе: снятие копий с документов, фотографирование.

Также следователь обязан разъяснить подозреваемому его права. После этого допрашиваемому предоставляется возможность в форме свободного рассказа изложить суть произошедшего. Далее наступает вопросно – ответная стадия допроса, в процессе которой конкретизируется информация, собранная по делу, предъявляются вещественные доказательства, свидетельствующие о причастности лица к совершению преступления[5].

В ходе допроса могут быть получены сведения о: соучастниках преступления; способах изготовления поддельных документов; мотиве и цели преступного деяния; сумме непогашенного долга; причине несвоевременной уплаты кредита и иных обстоятельствах[6].

На первоначальном допросе подозреваемого, следователю важно и нужно руководствоваться общими условиями производства указанного следственного действия. Необходимо изучить биографию должника (сведения о его семье, образовании, профиле подготовки и т.д.), сообщить о порядке проведения допроса, создать непринужденную обстановку для беседы[7]. Для определения субъективной

---

[1] Белкин Р.С, Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997. С. 97.

[2] Луценко О.А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности. С. 137; Герасимова Н.Р. Основы криминалистической методики расследования незаконного получения кредита: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 162-163.

[3] Там же. С. 164.

[4] Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 202.

[5] Неймарк М.А. Особенности допроса подозреваемых (обвиняемых) по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования // Известия АлтГУ. 2006. № 2. С. 57-62.

[6] Там же. С.60 .

[7] Основы деятельности дознавателей органов внутренних дел на первоначальном этапе

стороны преступления и для прояснения мотива совершения преступного деяния, необходимо уточнить условия, способствующие совершению преступного деяния. Затем важно выяснить, как осуществлялся процесс приготовления к совершению мошенничества в кредитной сфере, получить информацию о лицах, которые принимали участие в подготовке к преступлению[1].

Определенный рад правил, связанный с организацией допроса, нужно соблюдать следователю и в том случае, если по делу были установлены все члены преступной группы. Желательно предотвратить общение между подозреваемыми, чтобы они не смогли обменяться информацией. Если имеется лицо, которое изъявляет желание сотрудничать со следственными органами, то его нужно допросить в первую очередь[2].

Существует условное деление следственных ситуаций, которые возникают в процессе допроса: бесконфликтные (простые), когда следователь имеет необходимое количество доказательств, и конфликтные (сложные), когда он не имеет нужной информации и намеревается ее получить. Подозреваемый не должен догадаться о том, что у следователя отсутствует информация, изобличающая его в совершении мошенничества, поскольку злоумышленник может отказать в даче показаний или сообщить ложные сведения[3].

Бесконфликтная ситуация имеет место быть тогда, когда допрашиваемое лицо идет на контакт со следователем и готово сообщить значимую по делу информацию. Для конфликтной ситуации характерно то, что подозреваемый не пытается взаимодействовать со следствием, сообщает сведения, которые не соответствуют действительности[4].

Практике известны случаи, когда у подозреваемого отсутствовал умысел на совершение преступления. Если такое лицо было поймано с поличным, то чрезвычайно важно незамедлительно допросить его. Задержанное лицо будет склонно говорить правду, поскольку у него отсутствует возможность обдумать свою позицию на допросе. Первым делом необходимо получить информацию о соучастниках преступного деяния, поскольку между ними могла быть заранее запланирована встреча для передачи предмета залога или денег. Затем задаются вопросы, направленные на получения информации о способе совершения мошенничества, используемых средствах, уточняются другие обстоятельства[5]. Если допрашиваемое лицо отказывается от дачи показаний, то нужно определить причины такого отказа, предупредить о том, что сотрудничество со следствием открывает возможности обвиняемого по реализации своей защиты[6].

Если подозреваемое лицо является работником банка и напрямую связано с оформлением кредитных правоотношений, то хищение денежных средств в этом

расследования преступлений: учеб.-нагляд. пособие. Тюмень: ТИПК МВД России, 2015. С. 57.

[1] Кузьменко Е.С. Расследование мошенничества в сфере кредитования – нюансы доказывания и некоторые следственные ситуации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 34. С. 426-435.

[2] Бертовский Л.В. Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2016. С. 36.

[3] Неймарк М.А. Указ. соч. С. 57 – 62.

[4] Драпкин Л.Я., Долинин В.Н. Тактика следственных действий: учебно-методическое пособие. Изд. Третье, дополнительное. Екатеринбург, 2015. С. 86.

[5] Карагодин В.Н., Быкова Е.Г., Вахмянина Н.Б. и др. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями /под общ. ред. В.Н. Карагодина. М. 2015. С. 243.

[6] Справочная книга криминалиста / под ред. Н.А. Селиванова. М., 2000. С. 131.

случае, как правило, заранее спланировано. Изучение личности работника, его деловых и моральных качеств, психологического и физического состояния имеет первоочередное значение для получения правдивых показаний[1]. Также необходимо задать вопросы по поводу личности заемщика, какие документы он предоставлял в банк, получал ли подозреваемый вознаграждение от него за участие в оформлении договора.

Предъявление документов считается важным этапом при проведении допроса подозреваемых. В данном случае нужно подумать, в какой последовательности предоставлять документы, необходимо конкретизировать у подозреваемого лица обстоятельства, время, место получения документации, наличие на ней подписей. Нельзя передавать предъявляемые документы в руки допрашиваемого, потому что он может их уничтожить или деформировать[2].

Следующая ситуация – подозреваемое лицо выступает в качестве руководителя или организатора преступной группировки. Организатор преступления больше других соучастников осведомлен о деталях преступной деятельности, ее мотивах и целей. Получить показания такого лица достаточно проблематично, поскольку его роль в совершении преступления минимальна, он часто остается в тени и маскирует свои действия. Целый комплекс проводимых следственных действий и оперативно – розыскных мероприятий повышает шансы для того, чтобы изобличить его преступную деятельность, по поводу которой такое лицо допрашивается[3].

На данном этапе речь пойдет о лицах, которые допрашиваются в качестве обвиняемых. Такой допрос преследует цель проверки подлинности информации о совершенном мошенничестве, предоставления обвиняемому возможности реализовать собственное право на защиту, получения вспомогательной информации о сути произошедшего[4].

В криминалистической науке разработаны тактические приемы, которые нужно применять при допросе обвиняемого. Здесь речь идет о том, что необходимо создать у обвиняемого впечатление того, что следователь располагает всей информацией о сути произошедшего; предложить дать показания с возможностью деятельного раскаяния; сообщить лицу о том, что если он будет сотрудничать со следствием, то в силу действующего законодательства наказание за совершенное мошенничество будет более мягким, при этом разъяснив ряд статей, в которых указана данная информация; необходимо предварительно продумать порядок предоставления доказательств, подтверждающих вину мошенника; если у следователя имеются доказательства, которые опровергают показания обвиняемого, то их нужно предъявить в последнюю очередь[5].

---

[1] Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Юрайт., 2013. С. 265.

[2] Карагодин В.Н. Расследование коррупционных преступлений//Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина, М: изд-во Юрайт, 2013. С. 135.

[3] Бекижев А.Р. Проблемы методики расследования преступлений, совершаемых в сфере банковского кредитования. Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар. 2012. С. 175.

[4] Бертовский Л.В. Общие положения тактики допроса // Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допрос): научно- методическое пособие / под ред. канд. юрид. наук О.И. Дворкина и доктора юрид. наук Л.В. Бертовского. М., 2011. С. 198.

[5] Карагодин В.Н. Основные положения методики расследования хищений, совершенных с использованием своего служебного положения // Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений / под общ. ред. В.Н. Карагодина, М., 2016. С. 89.

Допрос обвиняемого позволяет получить сведения о мотиве и цели совершения мошенничества; о составе соучастников преступления и роли каждого из них; о количестве денежных средств, которые были похищены у кредитной организации и др. Если обвиняемый сообщает о том, что пытался вернуть похищенные денежные средства, то необходимо выяснить, какие конкретно действия были предприняты для возвращения кредита. Следователь делает вывод о наличие умысла на хищение денежных средств в том случае, если обвиняемый не может четко выстроить систему аргументов защиты своей позиции [1] . После подписания протокола допроса, отсутствует возможность внесения изменений в текст документа: показания обвиняемого в этом случае менять уже нельзя.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что проведение такого следственного действия, как допрос подозреваемого, обвиняемого, требует длительной подготовки от следователя, необходимо заранее составить перечень вопросов, иметь определенные знания в сфере экономики и финансов, располагать базовыми знаниями в области психологии. Личность мошенника должна быть заранее изучена, необходимо знать его биографию, круг общения, род деятельности. Нужно быть готовым к тому, что мошенник может отказаться давать показания или будет сообщать ложные. Некоторые лица при допросе могут ненамеренно исказить суть произошедшего, не совсем понятно изъясняться. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что допрос является одним из наиболее сложных следственных действий.

Жукова А.А.
Научный руководитель: **Карпенко О.А.**

Применение беспилотных летательных аппаратов при расследовании и раскрытии преступлений в условиях современности

Аннотация. Деятельность правоохранительных органов нуждается в активном внедрении современных технологий. Это связано не только с усовершенствованием способа подготовки, совершения и сокрытия преступлений, но и с географическими особенностями территории Российской Федерации. Беспилотный летательный аппарат – современное универсальное техническое средство, которое действительно необходимо использовать на вооружении правоохранительным органам. Данный аппарат способен повысить эффективность борьбы с преступностью.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, технико-криминалистическое средство, преступность, криминалистика, авиасъемка, фото- видео фиксация

Стремительная интеграция результатов научно-исследовательской деятельности в работу органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) обусловлена, в первую очередь, недопустимостью отставания последней в техническом оснащении от преступной среды.

Рассматривая понятие «технико-криминалистические средства» нельзя не согласиться с трактовкой Р.С. Белкина, который определяет его как «устройство,

[1] Луценко О.А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности: дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С.141.

приспособление или материал, используемый для собирания и исследования доказательств или создания условий, затрудняющих совершение преступления»[1].

Беспилотный летательный аппарат (далее по тексту – БПЛА) представляет собой воздушное судно, управляемое и контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна[2]. При определении места БПЛА в системе технико-криминалистических средств, необходимо определить его целевое назначение. БПЛА относится к технико-криминалистическим средствам фиксации, поскольку они выполняют данную функцию посредством запечатления криминалистически значимой информации. Однако невозможно не отнести БПЛА к технико-криминалистическим средствам обнаружения следов преступления. Более того, в перспективе, БПЛА при дальнейшей их технической модификации можно будет использовать как ТКС изъятия объектов. Особенно важна эта функция при обнаружении подозрительных или потенциально опасных объектов (беспризорная сумка, подозрительных предмет с часовым механизмом). Таким образом, БПЛА является универсальным ТКС для раскрытия и расследования преступлений.

Стоит отметить, что БПЛА авиасъемки в системе ТКС следует отнести к группе ТКС, которые не были специально разработаны для нужд правоохранительных органов и используются в деятельности ОВД без конструктивных изменений.

Важно отметить, что методы и способы криминалистической фотографии традиционно подразделяются на запечатлевающие и исследовательские[3]. В криминалистических целях авиасъемка используется для фото- и видеофиксации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Тем самым ее можно смело отнести к запечатлевающему виду съемки[4]. Рассматривая приемы запечатлевающей фотографии, стоит отметить, что с помощью БПЛА можно получить ориентирующие и обзорные фотоснимки высокого качества. Важно подчеркнуть, что БПЛА способен фиксировать и малогабаритные объекты. Это связано с особенностями маневрирования БПЛА, а именно, способностью снижать и повышать высоту полета и, за счет своего относительно небольшого размера, проникать в труднодоступные участки местности. Более того, современные БПЛА способны «замирать» в воздушном пространстве, что позволяет сделать более качественные снимки, особенно если речь идет о плохом освещении или поздних временах суток, где есть необходимость использовать при ручном режиме фотосъемки более длинную выдержку.

Важным критерием БПЛА является то, что данное ТКС (далее по тексту – ТКС) безопасно, как для основных участников проводимого мероприятия (например, следственно-оперативная группа, выехавшая на место происшествия), так и для иных людей, ставшими невольными участниками. В условиях массового скопления людей БПЛА позволяет исключить риск возникновения человеческих жертв. На

[1] Белкин Р.С., Аверьянова Т.В., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2007. С. 128.
[2] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 08.07.2020) // СЗ РФ. 1997. С. 1383.
[3] Белкин Р.С., Аверьянова Т.В., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Указ. соч. С. 157.
[4] Кузнецов С.Е. Средства криминалистической аэросъемки: классификация и место в системе технико-криминалистических средств // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 46-49.

сегодняшний день, безопасность применения ТКС является обязательным и неотъемлемым требованием[1].

Выделим наиболее приоритетные задачи БПЛА при расследовании, раскрытии и предотвращении преступления:

1. фиксация следов преступления;
2. обнаружение различных объектов, предметов, живых лиц, трупов и их частей;
3. необходимость быстрого поиска иной криминалистически значимой информации.

Управление БПЛА производится как дистанционно, так и в полной автономии, то есть без задания траектории движения внешним пилотом. БПЛА является универсальным техническим устройством не только для правоохранительных органов, но и для действующих военно-силовых структур и научно-исследовательских нужд.

Раскроем основное предозначение БПЛА авиасъемки с точки зрения криминалистики. В криминалистических целях авиасъемка используется для фото- и видеофиксации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, ее можно смело отнести к запечатлевающему виду съемки[2]. Говоря о приемах запечатлевающей фотографии стоит отметить, что с помощью БПЛА можно получить ориентирующие и обзорные фотоснимки высокого качества. Важно подчеркнуть, что БПЛА способен фиксировать и малогабаритные объекты. Это связано с особенностями маневрирования БПЛА, а именно, способности снижать и повышать высоту полета. Более того, современные БПЛА способны «замирать» в воздушном пространстве, что позволяет сделать более качественные снимки, особенно если речь идет о плохом освещении или поздних временах суток, где есть необходимость использовать более длинную выдержку.

Стоит отметить, что для наиболее эффективного и безопасного использования БПЛА необходимо привлекать при осуществлении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий специалиста-криминалиста. Это не только снизит риск возможного повреждения БПЛА, но и принесет хорошие результаты в виде качественной фото- или видеофиксации.

Так же стоит добавить, что есть возможность проектирования 3-D карты при проведении осмотра места происшествия, что приведет не только к более упрощенной ориентации на местности, но и возможности интерактивного выдвижения следственных версий[3]. Считаем, что данная функция наиболее эффективна при расследовании авиакатастроф, когда место происшествия может быть общей площадью в несколько километров. 3-D карта не только упростит порядок расследования, но и позволит более тщательно исследовать произошедшее событие. При этом интерактивная версия места происшествия не будет подвержена погодным и иным условия, которые способны создать трудности при расследовании.

Важно подчеркнуть, что на территории нашей страны расположено большое количество участков труднодоступной для человека местности. Что касаемо Приморского края, то необходимо подчеркнуть, большая часть территории так же

---

[1] Коваленко С.Б. Использование научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе. мат. науч.-практич. конф. Алмата. 2002. С. 400.

[2] Кузнецов С.Е. Указ. соч. С. 46-49.

[3] Барышников К.В., Червяков М.Э. К вопросу о применении беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 19-22.

труднопроходима. Таким образом, рассматривая техническое обеспечение ОП № 17 МО МВД России «Лесозаводский» стоить отметить, что данный отдел не имеет собственный БПЛА на вооружении, однако имеет необходимость использования такового. Данная необходимость связана с незаконным выращиванием наркосодержащих растений на территории обслуживания вышеуказанного отдела. Таким образом, правоохранительные органы вынуждены заимствовать БПЛА у специалиста по лесоустройству (лесничего), поскольку не имеют собственного.

Приведем еще один пример. ОП № 13 МО МВД России «Дальнегорский» (Тернейский район) ежегодно борется с незаконной вырубкой леса, имея в своем обслуживании территорию общей площадью 27 102 км² и при этом не владеет специальными техническими средствами для постоянного мониторинга данной территории.

Таким образом, данными примерами мы подчеркнули необходимость использования БПЛА на территории Приморского края, что позволит более эффективно бороться с преступностью и решать проблемы иного характера.

Относительно темы данной статьи нельзя не отметить деятельность общественно-волонтерской организации «Лиза Алерт». Данная организация создана с целью поиска безвести пропавших людей и содействию деятельности ОВД РФ. Название указанного объединения носит имя четырехлетней девочки Лизы Фомкиной, пропавшей в 2010 году в Орехово-Зуево, однако, из-за долгих и неорганизованных поисков девочка погибла от переохлаждения [1] . После данной трагедии и сформировалась вышеупомянутая некоммерческая организация, принимающая онлайн-заявки на поиск детей на собственном интернет-портале. Их принцип работы построен на использовании БПЛА разных видов, с помощью которых исследуются огромные массивы местности, что приносит достойные результаты. Полученные фото- и видеоматериалы в дальнейшем тщательно исследуются на предмет обнаружения интересующих для поиска объектов. С помощью использования БПЛА в поисковых работах спасены десятки жизней, что подчеркивает необходимость использования данного ТКС в деятельности ОВД.

Важность использования БПЛА при раскрытии и расследовании преступлений обусловлена тем, что на сегодняшний день на территории Российской Федерации произрастает 1/5 часть лесного массива планеты, часть из них является трудно проходимыми[2]. Более того, в нашей стране находится свыше двух миллионов озер общей площадью 350 тыс. км^2. Не стоит забывать и о горных вершинах. Вышеуказанные факторы свидетельствуют о том, что на территории нашей страны расположено большое количество участков труднодоступной для человека местности, которую наиболее эффективно исследовать с помощью БПЛА.

Однако есть и минусы использования БПЛА в деятельности ОВД – это дороговизна приобретения данного ТКС. Рассмотрим возможное материальное обеспечения подразделений ОВД при покупке БПЛА на примере Приморского края. На территории Приморского края расположены 36 территориальных отделов ОВД (без учета отделов, расположенных в г. Владивосток). Проанализировав ценовую политику одной из специализированных фирм по продаже БПЛА, мы выяснили, что

[1] Официальный интернет-портал общественной организации «Лиза Алерт». [Электронный ресурс] // URL: https://lizaalert.org/o-nas/. Дата обращения: 06.09.2020.

[2] Информационный портал «География» [Электронный ресурс]. // URL: https://geographyofrussia.com/les-rossii/. Дата обращения: 7.09.2020.

оптовая цена профессионального БПЛА варьируется от 150 до 300 тысяч рублей[1]. Следовательно, исходя из среднего значения вышеуказанной суммы, для обеспечения каждого отдела хотя бы одним БПЛА потребуется 200 тысяч рублей. Таким образом, необходимо выделить 7 млн. 200 тыс. руб. для оснащения лишь территориальных органов ОВД Приморского края.

Подводя итоги нашего исследования, выделим основные преимущества применения БПЛА при раскрытии и расследовании преступлений:

1. Дистанционное и возможность автономного управления данным ТКС;
2. Обнаружение следов преступлений даже в труднодоступной для человека местности;
3. Фото- и видеофиксация высокого качества интересующих следствие объектов;
4. Помощь в ориентации на месте происшествия;
5. БПЛА помогают исследовать подозрительные и опасные для человека предметы;
6. Поиск безвести пропавших лиц и трупов на обширной территории;
7. У данного ТКС есть перспективы развития – последующее изъятие следов на месте происшествия;
8. Исследование обширных территорий.

Подчеркнем, что БПЛА целесообразно использовать при осмотре места происшествий по следующим категориям: авиакатастрофахы, масштабных дорожно-транспортных происшествия, незаконная рубка лесных насаждений, при выявлении мест незаконного выращивания наркосодержащих растений, при экологических и техногенных катастрофах.

Таким образом, БПЛА действительно является универсальным современным техническим средством обнаружения, фиксации и, в перспективе, изъятия интересующих расследование объекты. Однако подчеркнем, что для эффективного использования данных технических средств необходимо привлечение специалиста-криминалиста. Также БПЛА являются дорогостоящими ТКС, что еще более затрудняет их путь принятия на вооружение в ОВД.

Золотова Ю.А.
Научный руководитель: **Пискунова Е.В.**

Использование 3Dтехнологий и технологий виртуальной реальности при осмотре места происшествия

Аннотация. Статья посвящена анализу возможности использования новейших технологий при осмотре места происшествия. В статье освящены проблемы использования 3D технологий и технологий виртуальной реальности и предложен метод их использования. Так же рассматриваются преимущества применения данных технологий при производстве осмотра места происшествия.

Ключевые слова: криминалистика, осмотр места происшествия, 3D технологии; 3D-модель, технологии виртуальной реальности, VRтехнологии.

[1] Официальный портал дистрибьюторов беспилотных летательных аппаратов DGI в России [Электронный ресурс]. // URL: https://4vision.ru/products/mavic-2-enterprise-dual.html. Дата обращения: 15.10.2020.

В цифровую эпоху внедрение современных технологий носит повсеместный характер. Развитие науки и техники приводит к изменениям, которые впоследствии могут стать революционными и изменить облик криминалистики в целом. Использование новых технологий возможно и при производстве следственных действий, в том числе осмотра места происшествия.

Осмотр места происшествия представляет собой неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события [1]. Фиксация результатов осмотра места происшествия происходит путем составления протокола и фототаблицы. При составлении фототаблицы криминалист использует лишь фотоаппарат, с помощью которого он должен запечатлеть не только все место происшествия так, чтобы в последующем создавалось ощущение присутствия при производстве следственного действия, но и все обнаруженные следы. Осмотр места происшествия представляет собой длительный и трудоёмкий процесс, который требует максимальной концентрации внимания, поэтому такая задача отнимает не только много сил, но и времени.

3D технологии и технологии виртуальной реальности могли бы справиться с данной задачей быстрее и эффективнее, а также решить дилемму невозможности вновь посетить место происшествия в его первоначальном состоянии. Речь идет о криминалистическом рендеринге (англ. rendering — «визуализация»), то есть о средствах компьютерной визуализации, которые создают виртуальные модели места происшествия и открывают новые возможности при его осмотре и последующем анализе результатов. Из этого следует, что использование данных технологий в области криминалистики имеет большой, но еще не реализованный потенциал.

Все, что мы знаем об окружающей нас реальности, приходит через наши органы чувств и системы восприятия. Иными словами, наше восприятие реальности – это совокупность сенсорной информации и механизмов восприятия этой информации нашим мозгом. Виртуальная реальность (VR) – это термин, используемый для описания трехмерной компьютерной среды, которую человек может исследовать и взаимодействовать с ней. Таким образом, человек погружается в виртуальную среду и становится её частью.

Так, ученые из института судебной медицины в Цюрихе (Швейцария), используя очки виртуальной реальности OculusRift и программное обеспечение ForensicHolodeck, представили реконструкцию места происшествия с использованием огнестрельного оружия, дополненную траекторией пули [2]. Они отмечают, что применение 3D технологий и технологий виртуальной реальности при некоторых обстоятельствах просто необходимо. В том числе, при расследовании указанных преступлений, так как трудно получить представление о том, как двигалась пуля, имея на руках лишь схемы и чертежи.

---

[1] Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4 е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА М, 2020. С. 546.

[2] Hamzelou J. Forensic holodeck to transport jury to the crime scene // NEWSCIENTIST.COM: еженед. интернет – изд. 2015. 7 янв. [Электронный ресурс] // URL: https://www.newscientist.com/article/mg22530034-100-forensic-holodeck-to-transport-jury-to-the-crime-scene/ Дата обращения: 20.10.2020.

Непосредственное применение данных технологий при осмотре места происшествия выглядит следующим образом: место происшествия сканируется с помощью лазерного 3D-сканера и в последующем 3D модель переносится в VR. Следователь получает визуализированное место происшествия, по которому он может свободно перемещаться, не боясь повредить вещественные доказательства. Для этого следователь (либо специалист – криминалист) должен быть оснащен VR устройством, например, OculusRift, который состоит из гарнитуры с дисплеем и наушников, что позволяет испытать симуляцию как визуально, так и аудиально.

Таким образом, мы получаем первые два преимущества использования 3D технологий и технологий виртуальной реальности при осмотре места происшествия:

- используя виртуальную модель места происшествия, следователь может свободно передвигаться на месте происшествия без риска повреждения следов;
- возможность вновь посетить место происшествия в его первоначальном состоянии (вне зависимости от того, сколько времени прошло с момента производства следственного действия).

После того, как место происшествия было отсканировано 3D-сканером, а его виртуальная модель загружена в устройство, криминалист может приступить к традиционному осмотру, который будет направлен исключительно на поиск следов. В процессе осмотра промежуточные данные и итоговые результаты могут вноситься в 3D-модель места происшествия. Так, возможна нумерация улик, производство фотографий, установление размеров как самого места происшествия (например, если это помещение), так и окружающих предметов, и расстояния между ними. Виртуальная модель места происшествия позволит исключить ручные измерения и масштабные чертежи, делая осмотр менее трудоемким, а результаты – более точными.

Результаты осмотра и предварительного исследования на месте происшествия сохраняются в памяти устройства и позже к ним могут получить доступ как следователь, так и криминалист, а если на месте происшествия был обнаружен труп, то и судебный медик для того, чтобы: понять положение трупа на месте происшествия, в какой именно позе он находился на момент обнаружения и установить факт его перемещения.

Как и любые достижения в области технологий, 3D технология имеет свои нюансы. Необходимо отметить проблему адекватности восприятия: насколько данная технология адекватно воспроизводит реальность? Несмотря на то, что современные технические средства обладают высоким качеством и соответствующей точностью, перед широким внедрением новой технологии необходимо учитывать все недостатки, особенно в области криминалистики, так как точность здесь имеет первостепенное значение. В 2017 году инженеры Университета Торонто (Канада) Януа Сиванандан (Janujah Sivanandan) и Юджин Лисцио (Eugene Liscio) провели исследование с целью сравнить традиционные методы осмотра и 3D сканирование на предмет точности итоговых результатов и затраченного на их получение времени[1]. Для этого участнику исследования было нанесено 11 временных татуировок на различные части тела, имитирующие травмы. Так, можно было оценить не только точность сканера, но и его способность качественно и адекватно передать цвет травм, что особенно актуально

[1] Maloney A. Assessing Structured Light 3D Scanning using Artec Eva for Injury Documentation during Autopsy // Association for Crime Scene Reconstruction: сайт. 30 янв. 2017. [Электронный ресурс] // URL: https://www.acsr.org/journal-archives/assessing-structured-light-3d-scanning-using-artec-eva-for-injury-documentation-during-autopsy Дата обращения: 26.10.2020.

для судебного медика. Данные травмы были осмотрены и зафиксированы как традиционными методами (фотоаппаратом и ручными измерениями), так и при помощи 3D сканера. Результаты показали, что при измерениях оба метода были одинаково точны, однако процент погрешности при ручных измерениях был выше. Что касается времени, то производство фотографий и ручные измерения заняли в среднем 54 минуты, а сканирование и измерения при помощи 3D-сканера заняло 26 минут (в это время входит и настройка самого сканера). Отсюда следует, что сканер не только точно и адекватно воспроизводит реальность, но и существенно сокращает время производства осмотра[1].

Зафиксировав место происшествия при помощи 3D-сканера, следователь и криминалист имеют возможность провести последующий анализ результатов осмотра места происшествия при помощи технологий виртуальной реальности, загрузив 3D-модель в VR устройство. Технология виртуальной реальности обладает эффектом «присутствия» и оказывает более насыщенное эмоциональное воздействие на следователя, аналогичное тому, которое он бы имел при физическом присутствии на месте происшествия. Это особенно важно при производстве субъективного метода осмотра, когда следователь смотрит на место происшествия глазами подозреваемого (субъекта преступления) для того, чтобы: понять, как он попал на место происшествия, как его покинул и где он еще мог оставить следы либо проверить показания подозреваемого и свидетелей. Виртуальная модель места происшествия в VR устройстве так же может быть оснащена дополнительными инструментами, которые позволят взаимодействовать с объектами, например, перемещать их, узнать параметры конкретного объекта, увеличить его и т.п. Технология виртуальной реальности повысит эффективность взаимодействия следователя с иными сотрудниками (криминалистом, судебным медиком и даже психологом), обеспечив возможность посещения места происшествия не только без непосредственного физического присутствия, но и в его первоначальном состоянии. Все это указывает на преимущества перевода 3D-модель места происшествия с экрана компьютера в виртуальную реальность.

Технология виртуальной реальности не лишена недостатков, поскольку существует проблема, связанная с влиянием VR гарнитур на физическое состояние человека. Так, Ричард Мейнэй (Richard Maynea) и Хелен Грина (Helen Greena) из университета Вест (Великобритания) провели экспериментальное исследование, в котором было разработано и протестировано приложение «VRcrimescene» [2]. В исследовании принимали участие две группы: первая – студенты первого курса бакалавриата (10 человек), вторая – практикующие криминалисты и аспиранты (8 человек). С помощью указанного приложения Ричард и Хелен создали место происшествия, участники исследования должны были произвести его осмотр и собрать вещественные доказательства. Время в виртуальной среде было ограничено двадцатью минутами. По окончании эксперимента один человек (10%) из первой группы сообщил о легком укачивании, в то время, как во второй группе 4 человека (50%) испытали морскую болезнь, один случай которой был тяжелым[3]. Основная

[1] Maloney A. Указ. соч. С. 10.

[2] Mayne R., Green H. Virtual Reality for Teaching and Learning in Crime Scene Investigation // PREPRINTS.ORG: науч. интернет – изд. 2020. 2 апр. Систем. требования: AdobeAcrobatReader. [Электронный ресурс] // URL: https://www.preprints.org/manuscript/202004.0434/v1 Дата обращения: 23.10.2020.

[3] Mayne R., Green H. Указ. соч. С. 8.

причина укачивания представляет собой несоответствие сигналов от вестибулярной системы и сигналов от зрения.

Так же при использовании VR гарнитур могут возникнуть головные боли и головокружения. Это происходит из-за особенностей человеческого зрения: когда в реальном мире мы смотрим на какой-либо предмет, то зрение фокусируется на нем, а окружающая его обстановка находится в расфокусе. Во время использования очков виртуальной реальности, дисплей не может определить на какой именно предмет на экране смотрит человек и поэтому не в силах сфокусировать или расфокусировать детали на виртуальной модели места происшествия согласно потребностям нашего зрения. Поэтому при использовании VRгарнитур производители советуют делать перерывы на десять – пятнадцать минут, а при малейших ощущениях дискомфорта увеличивать их до получаса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что использование 3D технологий и технологий виртуальной реальности при осмотре места происшествия действительно обладает большим потенциалом и имеет множество преимуществ.

3D технологии позволят решить проблему избытка визуального материала (фотографии, схемы, чертежи, планы, протоколы) при производстве следственных действий, собрав его в одном месте.

Совместно с технологией виртуальной реальности 3D технология позволит сократить физическое присутствие оперативных сотрудников на месте происшествия, особенно это актуально в сегодняшнее время пандемии. Но при этом они не заменят криминалиста и следователя при производстве следственного действия, поскольку, как отметил руководитель компании-разработчика «Конструктор места происшествия» Фархад Ашимов: «Осматривать место происшествия, собирать улики, искать преступника будут следователи. Система просто поможет им быстро и без ошибок систематизировать найденное и заполнить протоколы. С этой разработкой у них появится больше времени, раскрываемость вырастет»[1].

Кроме того, полное погружение в виртуальную модель места происшествия всегда будет ограничено как программным, так и аппаратным обеспечением, поэтому нельзя предположить, что 3D и VR технологии когда-нибудь полностью заменят традиционный осмотр места происшествия. Однако можно полагать, что в будущем криминалистика воспользуется преимуществами использования данных технологий, которые создадут новые возможности при производстве осмотра места происшествия.

Таким образом, 3Dтехнологии и технологии виртуальной реальности в будущем позволят полностью исключить протокол осмотра места происшествия и фототаблицу к нему, что существенно сократит время и упростит производство осмотра места происшествия.

[1] Следователь Go: о дополненной реальности на службе правоохранительных органов // Центр экспертиз при институте судебных экспертиз и криминалистике: сайт. 2018. [Электронный ресурс] // URL: https://ceur.ru/news/ekspertiza/item351520/ Дата обращения: 25.10.2020.

Камнева А.Г.
Научный руководитель: **Пискунова Е.В.**

Половозрастная дифференциация тактических приемов допроса жертв сексуального насилия: постановка проблемы

Аннотация. В статье формулируется гипотеза о том, что тактические приемы допроса жертв сексуального насилия следует дифференцировать в зависимости от пола и возраста жертвы. Предлагается учитывать социально-психологические особенности допрашиваемого, не только личностные, но и саму перенесенную травму. Определяется необходимость психологических знаний для следователя.

Ключевые слова: тактика допроса, тактические приемы, допрос потерпевшего, жертва сексуального насилия, пол, возраст, психология допроса.

Среди всех следственных действий, допрос является наиболее применяемым способом получения доказательств по уголовному делу. Тем не менее, несмотря на такое широкое использование, проведение допроса отличается характерными сложностями, обусловленными, прежде всего, психологическими особенностями каждого отдельного человека [1]. Так, при допросе жертв сексуального насилия следователь, зачастую, должен получить правдивые показания в условиях существующей психической травмы, полученной в результате пережитого насилия.

Так как полученные в результате насильственного полового преступления психические травмы порой носят тяжелый характер, лечение и реабилитация таких потерпевших могут занимать не один год, а в особо тяжелых случаях это может длиться на протяжении всей жизни. Конечно, в рамках производства по делу, у правоохранительных органов и суда нет такого количества времени, тем не менее, допрос потерпевшего является важным звеном в ходе расследования преступления, без которого обойтись нельзя, в особенности это касается преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности, расследование которых начинается именно с допроса потерпевшего. Получается, в ходе допроса именно следователь должен оказать потерпевшему первоначальную психологическую помощь. По крайней мере, владеть навыками работы с травмированной психикой, суметь не только получить необходимую ему информацию, но и не нанести еще больший вред потерпевшему. Большое значение здесь имеет эмоциональный интеллект следователя – его умение распознавать эмоции и управлять ими (эмоциями допрашиваемого и своими).

Представляется, что одни и те же тактические приемы не всегда возможно использовать в отношении каждого потерпевшего. Подавляющее большинство существующих тактических приемов допроса, применяемых на первоначальных этапах, направлены лишь на изобличение лжи в словах допрашиваемого. К ним относятся тактические приемы эмоционального воздействия (убеждение в неправильности занятой позиции, разъяснение неблагоприятных последствий, воздействие на положительные стороны допрашиваемого, разъяснение благоприятных последствий сотрудничества, использование антипатии к соучастникам, использование фактора внезапности и создание напряжения) и логического воздействия (предъявление доказательств, указание на логические противоречия в показаниях, доказательство бессмысленности занятой позиции, указание на

[1] Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для СПО. Москва: Норма: ИНФРАМ, 2020. С. 274.

логическое противоречие между интересами допрашиваемого и соучастников, допущение легенды и создание ощущения осведомленности)[1]. Безусловно, выявление лжи является важной задачей следователя, проводящего допрос, например, в таких случаях, когда никакого сексуального насилия на самом деле не было, а потерпевшая пытается оговорить предполагаемого преступника. В отечественной практике, к сожалению, следователи зачастую начинают допрос именно с таких приемов, которые, не просто отталкивают потерпевшего, но даже запугивают, в связи с чем все больше жертв сексуального насилия попросту не обращаются в правоохранительные органы. Система же тактических приемов, направленных, например, на установление психологического контакта с потерпевшим, практически не разработана, а существующие тактические приемы активизации памяти потерпевшего, например, такие, как допрос на месте, когнитивное интервью или использование различных триггеров памяти, может нанести потерпевшему повторный вред. Значит, использование таких тактических приемов в ходе допроса жертв сексуального насилия будет весьма неэффективным и безрезультативным. Можно выдвинуть гипотезу о том, что для наиболее эффективного применения, существующие тактические приемы допроса следует дифференцировать в зависимости от пола и возраста допрашиваемых потерпевших.

Для целей предложенной половозрастной дифференциации следует выделить такие группы потерпевших, как несовершеннолетние, совершеннолетние мужчины и совершеннолетние женщины. При этом, среди несовершеннолетних можно выделить также детей дошкольного (3-7 лет), младшего школьного (8-11 лет), среднего школьного (12-15 лет) и старшего школьного (16-18 лет) возрастов. Выделение несовершеннолетних в отдельную группу обусловлено тем, что психика детей наиболее чувствительна к воздействию психотравмирующих ситуаций, к которым сексуальное насилие можно отнести в первую очередь[2]. В процессе выработки тактических приемов допроса данной категории потерпевших, следует руководствоваться общими рекомендациями по оказанию психологической помощи несовершеннолетним, пережившими неблагоприятную травмирующую ситуацию. В ходе допроса несовершеннолетнего наиболее важного установить с ним психологический контакт, создать те условия, в которых ребенок почувствует себя в безопасности. Для этого следователь должен показать ему свое сочувствие, понимание и сопереживание, важно, не запугать ребенка и не нанести ему повторный вред. Также следователь может предложить ребенку описать произошедшее с ним с помощью наглядных средств изображения: показать события с помощью игрушек или кукол, сделать рисунок и т.п. Правильно трактовать полученные результаты следователю поможет детский психолог или педагог, который должен присутствовать, в частности, при допросе несовершеннолетних не достигших шестнадцатилетнего возраста в соответствии со ч. 1 ст. 191 УПК РФ.

Несовершеннолетние в отличие от представителей иных возрастных групп больше подвержены внушению со стороны взрослых, что может отрицательно сказываться на достоверности полученных в ходе допроса сведений[3]. В связи с этим следователю

---

[1] Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2020. С. 599 - 605.

[2] Банников Г.С. Особенности оказания медико-психологической помощи несовершеннолетним, пережившим травматическое событие // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2015. № 174. С. 117.

[3] Тозик И.В. Структура допроса несовершеннолетних потерпевших от насильственных половых преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 129.

важно подобрать такие приемы, которые исключали бы возможность влияния этого внушения. Допрос, в таком случае, следует провести в форме игровой беседы и выстроить его так, чтобы основная часть представляла собой повествование потерпевшего с возможно наглядным изображением отдельных событий, имеющих отношение к делу. Модель диалога следователя с несовершеннолетним может выглядеть так:

(Следователь): — Привет, ты знаешь, о чем мы сегодня будем говорить?

(Потерпевший): — Нет/Да

(Следователь): — Тебе сделали больно, мне очень жаль, что такое произошло, и мне нужно узнать, что именно с тобой случилось.

Дальше ситуация может пойти по двум сценариям: 1) ребенок может рассказать все как есть; 2) ребенок может постесняться или может не знать, как именно описать то, что с ним произошло. Следователю, в первом случае, если ребенок, ведет вполне связный рассказ, необходимо изредка задавать уточняющие вопросы, если ребенок мог упустить что-то важное. Во втором же случае, следователь как раз-таки может предложить ребенку описать произошедшее с помощью рисунка или куклы. И выглядеть это может так:

(Следователь): — Представь, что эту куклу обидели, что с ней сделали?

Ребенок, недавно переживший сексуальное насилие, сам того не подозревая, инстинктивно начнет показывать то, что сделали с ним самим.

Иначе обстоит ситуация с проведением допроса совершеннолетних, которые в полной мере могут контролировать свои эмоции. При этом, условное деление совершеннолетних жертв сексуального насилия на лиц женского и мужского пола, обуславливается значимыми различиями между женщинами и мужчинами не только с точки зрения физиологических характеристик, но и социально-психологических.[1] Условно такое деление потому, что каждый человек индивидуален, и не всегда, например, женщине свойственны исключительно женские социально-психологические характеристики.

Жертвой сексуального насилия может стать абсолютно любая женщина, здесь не играет роли ни профессиональная среда (например, проституция), ни межличностные отношения потерпевшей и виновного (в случае, когда насильник и жертва являются членами семьи). Однако при подборе приемов допроса, необходимо учитывать личностные характеристики женщины, для того, чтобы сделать вывод о правдивости полученных сведений. Примерный отрывок диалога следователя и потерпевшей может выглядеть так:

(Следователь): — Перед тем как мы начнем, Вы должны понять, что Вам нечего бояться, описывайте все события в точности, как они происходили.

(Потерпевшая): — Не хочу вспоминать об этом.

(Следователь): — Поймите, что от Ваших слов будет зависеть ход дела, не волнуйтесь, заседания по таким делам проходят в закрытом режиме.

Тактические приемы допроса женщин, подвергшихся сексуальному насилию, более разработаны, в отличие от приемов допроса мужчин, что связано с устоявшимся в обществе мнением о том, что мужчина, не может стать жертвой сексуального насилия. На практике, конечно, это абсолютно не так. Но даже существующие приемы допроса жертв изнасилований, которыми в соответствии с российским уголовным

[1] Дусказиева Ж.Г. Гендерная психология: учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2010. С. 26.

законодательством, могут быть только лица женского пола, не идеальны с точки зрения гуманности и сочувствия к жертве, а, значит, и они нуждаются в усовершенствовании.

Насильственные половые преступления в отношении совершеннолетних лиц мужского пола, в основном, совершаются сокамерниками в местах отбывания лишения свободы либо сослуживцами и командирами в армии. Такие преступления носят латентный характер, чем и обусловлена их низкая раскрываемость. На допросе потерпевший может находиться под страхом расправы над ним, отчего будет, скорее, молчать, чем рассказывать, как все было на самом деле. Важно подобрать такие тактические приемы, которые позволят следователю узнать необходимую информацию, не заставив при этом потерпевшего испытывать чувство стыда и удар по мужскому достоинству. Ключевой особенностью проведения допроса мужчин, подвергшихся сексуальному насилию, является то, что допрашивающий должен избегать следования устоявшимся в обществе гендерным стереотипам, которые характеризуют мужчин, как сильный пол, неспособный на проявление эмоций.

Однако в наше время стираются границы, определяющие исключительно женские и исключительно мужские качества, провозглашая гендерное равенство.[1] В связи с этим, в процессе формирования индивидуального подхода к каждому потерпевшему, следователь должен исходить из личностных и психологических качеств, характеризующих конкретного человека, а не навязанных обществом стереотипов. Примерный отрывок диалога следователя с потерпевшим может выглядеть следующим образом:

(Следователь): — Опишите то, что с Вами произошло.

(Потерпевший): — Нет, если я расскажу, те, кто это сделал, отомстят мне.

(Следователь): — Никто Вам не навредит. Вам нечего стыдиться, откровенные подробности не будут разглашаться без Вашего ведома, а судебное заседание проходит в закрытом режиме.

Тактические приемы, используемые в таких случаях, могут совпадать с приемами допроса женщин, но следователь не должен забывать про особенности психики как конкретного потерпевшего, так и про те особенности, которыми можно охарактеризовать большинство мужчин.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время сформировалась новая актуальная задача криминалистической науки. А именно: выявить взаимосвязь между закономерностями социально-психологических и психических процессов у жертв сексуального насилия, влияющих на их способность давать показания, и выбором наиболее эффективных тактических приемов допроса следователем, а затем дифференцировать эти тактические приемы в зависимости от пола и возраста.

Коджоглян К.А.
научный руководитель: **Бражников Д.А.**

Цифровой захват отпечатков пальцев в условиях идентификации жертв стихийных бедствий

Аннотация. Идентификация жертв после массового летального исхода проводится путем сбора и анализа ряда научных идентификаторов и контекстуальной информации о каждом

[1] Юкляевская Я. Психологические аспекты гендерных различий современной личности // Инновационное образование и экономика. 2011. № 8. С. 51.

погибшем. В последнее время произошел сдвиг парадигмы, требующий ускорения этого сложного процесса идентификации для удовлетворения потребностей семей, политиков и даже средств массовой информации. Посмертная идентификация отпечатков пальцев является быстрым и эффективным средством идентификации жертв, и благодаря использованию новых достижений в области технологий, цифровой захват отпечатков пальцев в условиях идентификации жертв стихийных бедствий будет играть важную роль. В данной статье дается обзор данной технологии и объясняется, как эта технология может адаптироваться к текущим процедурам идентификации жертв стихийных бедствий.

Ключевые слова: криминалистика, цифровой пальцев, опознание, идентификация жертв стихийных бедствий.

Идентификация жертв стихийных бедствий – это термин, который используется для коллективного описания процесса, в ходе которого жертвы массовых смертей идентифицируются посмертно.

При попытке опознать единственного умершего, который был найден в контролируемой среде, такой как его собственный дом или рабочее место, нередко предполагается идентификация с использованием только контекстуальной информации. Это может быть описание одежды, в которой человека видели в последний раз или удостоверение личности, найденное в сумке рядом с телом. Хотя это может обеспечить предварительную идентификацию, она легко подвержена ошибкам, из-за этого криминалистическое сообщество отошло от использования таких контекстуальных подсказок. В случае стихийного бедствия или, когда погибшие полностью неизвестны, крайне важно, чтобы для распознавания использовались первичные идентификаторы, а именно отпечатки пальцев, зубы и ДНК. Эти первичные идентификаторы могут поддерживаться вторичными идентификаторами, такими как татуировки, шрамы, или другие физические отличительные признаки. В случае открытой популяции, такой как бомбардировка или ураган, а также в случае закрытой популяции, такой как авиакатастрофа, единичное использование контекстуальной информации часто приводит к ложной идентичности. Во всем мире было много случаев массового летального исхода, когда один умерший имел при себе личные вещи другого человека или две жертвы, выглядели визуально похожими, что приводило к ложным сообщениям о смерти семьям, родственниками которых не являлись.

Использование отпечатков гребня трения (отпечатков пальцев, ладоней или следов ног) для опознавания жертвы часто является самым быстрым и первичным методом в работе идентификации жертв стихийных бедствий. Их использование при идентификации умершего ничем не отличается от живого человека. Кроме того, отпечатки пальцев являются наиболее часто используемым биометрическим идентификатором и легко интегрируются в повседневную жизнь. Сбор отпечатков пальцев для визовых и паспортных баз данных также быстро прогрессирует во всем мире. Базы данных отпечатков также могут быть проверены, когда жертва стихийного бедствия неизвестна.

Коллекция отпечатков гребня трения может иметь свои собственные осложнения. В тех случаях, когда жертвы подвергались воздействию экстремальных факторов, эксперт мало или вообще ничего не может предоставить. Предполагая, что у жертвы осталось достаточно жизнеспособной кожи, отпечатки пальцев могут быть записаны различными способами. Аналоговые методы, такие как чернила, бумага или порошок для взятия отпечатков пальцев, часто являются стандартными методами записи. Цифровые методы захвата, такие как использование сканера отпечатков

пальцев, используются все чаще и мгновенно создают запись, которую можно искать и сравнивать с базами данных. Многие из этих цифровых устройств захвата находятся на мобильных платформах, что делает их идеальными для работы. Цифровое сканирование также может быть использовано для сканирования кожи, когда она не может быть записана/захвачена физически. Состояние покойного, как правило, диктует способ захвата. Конечный результат захвата тот же, а именно, запись, которую можно легко использовать для быстрого выявления массовых жертв.

Дополнительная ценность цифрового захвата отпечатков гребня трения заключается в возможности быстрой передачи их в региональную базу данных, которая может искать и сопоставлять их с записями архивов. Образцы ДНК, полученные от умершего, должны быть дополнительно занесены в профиль, который затем требует известного или семейного образца сравнения отпечатков пальцев для идентификации. Сложность семейного анализа ДНК состоит в том, что двух детей одного пола и от одних родителей невозможно отличить. Два умерших в одном бедствии могут быть связаны как родственные, что может иметь следственную ценность, но это не позволит индивидуализировать останки.

Идентификация с помощью других первичных идентификаторов сопряжена с различными трудностями. Чтобы использовать стоматологические карты для идентификации жертвы, вы должны иметь предполагаемую личность умершего, чтобы можно было найти записи. Получение стоматологических карт и знание того, к кому обратиться за медицинской информацией, может быть сложной задачей, особенно в тех случаях, когда вся семья может стать жертвой стихийного бедствия.

Необходимо, чтобы приоритетом было сначала установить личность, а затем полностью изучить и повторно связать все имеющиеся остатки. Это альтернативный подход к стандартным процедурам морга и может предложить возможность сортировки и оценки того, какие (в основном неповрежденные) тела могут быть легко и быстро идентифицированы, а какие тела нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании для определения личности с использованием более медленных методов, таких как ДНК или стоматологическое обследование.

Необходимость немедленного захвата биометрических данных часто обсуждается. Легко предположить, что со всех жертв должны быть сняты отпечатки пальцев, как только они будут найдены и восстановлены, а затем начнется процесс идентификации. К сожалению, особенно в случае массовых убийств, связанных с преступлениями, идентификация умершего является лишь малой частью гораздо более масштабного следственного процесса. Точно так же не все жертвы стихийных бедствий могут быть идентифицированы по отпечаткам пальцев сразу. Прежде чем какое-либо из тел будет перемещено или обработано, должны быть сохранены и собраны другие доказательства. Место происшествия должно быть тщательно задокументировано, а расположение тел отмечено. Даже если отпечатки пальцев были собраны на месте происшествия, процесс отслеживания каждого тела очень важен, чтобы жертва не была идентифицирована на месте преступления, а затем повторно обработана в морге с самого начала.

Целью любой экспертизы является установление личности умершего и установление причины и способа смерти. В типичном патологоанатомическом исследовании покойного полностью обрабатывают, включая идентификацию и вскрытие, с подробными примечаниями, чтобы иметь возможность должным образом заполнить свидетельство о смерти. Этот процесс экспертизы работает для стандартных повседневных случаев, но не удовлетворяет ни семьи жертв, ни

политиков и средства массовой информации, освещающие стихийное бедствие. Основным направлением восстановления и обработки данных о массовых жертвах должна быть идентификация. Первичные идентификаторы, будь то отпечатки пальцев, зубы или ДНК, могут быть использованы и приоритетны до вскрытия. Это, вероятно, будет отклонением от ежедневной стандартной операционной процедуры, но это будет самый быстрый и эффективный способ идентификации жертв и уведомления их семей. Естественно, это сложнее, когда есть фрагментированные останки по сравнению с неповрежденными телами, но конечная цель должна оставаться – эффективная и быстрая идентификация.

Все применимые законы и стандарты должны быть соблюдены, чтобы установить соответствие с использованием отпечатков, но окончательное решение зависит от того, что можно сделать с этой информацией. Многие страны полагаются на один отпечаток пальца для проверки личности, например, на различных видах и форм, удостоверяющих личность (отпечаток пальца для получения визы). Необходимо решить, если эти единственные отпечатки являются достаточными юридическими основаниями для въезда на границу, то они также могут быть достаточными для сообщения семье о смерти человека. Есть много причин, по которым наличие нескольких уровней идентификаторов лучше, чем использование единственного идентификатора. Но, если это совпадение исходит от первичного идентификатора (особенно если присутствуют все 10 отпечатков пальцев), принятие решения о передаче информации семьям может иметь значение в том, чтобы быть “своевременным”, а не обвиняться в неоправданной задержке процесса. Даже после того, как личность будет установлена, может и, вероятно, должна быть проведена полная гамма обследований и патологий. Если используется цифровое устройство захвата и идентификация производится посредством процедурной обработки, то со стороны следователя будет небрежно не ускорить передачу этой информации.

Тематическое исследование крушения самолета MH17.

17 июля 2014 года самолет MH17 был намеренно сбит над Восточной Украиной. Рейс направлялся из Амстердама (Нидерланды) в Куала-Лумпур (Малайзия). На борту находились 283 пассажира и 15 членов экипажа.

Технологические линии были организованы так, что все тела и останки сначала фотографировались. Затем вся одежда и украшения были сняты и отдельно сфотографированы. После процесса документирования исследование началось с регистрации отпечатков, взятия образцов ДНК и подробного полного описания тела. Процесс завершился окончательной проверкой качества.

Следователи смогли использовать манифест рейса MH17 для сбора информации от авиакомпании, чтобы выследить ближайших родственников. Пассажиры и экипаж были из разных стран, так что это был медленный и утомительный процесс. Однако инцидент с MH17 имел некоторые уникальные следственные преимущества. Появление социальных медиа-платформ предоставило исследователям новый путь для получения данных. Было много случаев, когда “селфи” фотографии были сделаны пассажирами еще в аэропорту до или даже после посадки, которые были размещены на сайтах социальных сетей. Многие из этих фотографий были общедоступны или предоставлены семьями жертв и содержали важную контекстуальную информацию об одежде и украшениях, которые носили жертвы до инцидента. Эта информация помогла сузить круг кандидатов для сравнения с первичными идентификаторами, чтобы сделать окончательные идентификации.

Отпечатки пальцев были получены из новых непубличных источников для этого инцидента. Голландские паспорта, например, содержат два отпечатка пальцев владельца, встроенных цифровым способом в зашифрованный чип внутри буклета. Голландская полиция начала работать с этими отпечатками менее чем за год до катастрофы. Они ранее использовались в нескольких случаях для идентификации неопознанного тела, но оказались чрезвычайно полезными в процессе сбора для MH17. Одна из проблем с отпечатками паспортов заключалась в том, что физический паспорт был необходим для извлечения записи отпечатков пальцев и чип должен был оставаться нетронутым. Из-за высокой температуры и фрагментации, которые возникают в результате такой аварии, некоторые паспорта не были обнаружены, а другие были сильно повреждены и не могли быть прочитаны. Другие непубличные источники данных были получены от индонезийских и малазийских властей. Они предоставили экспертам фотографии лица, отпечатки пальцев и даже сканирование радужной оболочки для всех своих жертв, извлеченных из их национальной базы данных. По состоянию на 2012 год Индонезия оказалась самым продвинутым пользователем учетных данных электронной идентификации с биометрической идентификацией, собрав эту информацию от всех своих граждан. В конечном итоге подтвердили опознание 151 жертвы. Этот процесс был эффективным и упорядоченным отчасти благодаря использованию цифрового захвата останков и обмену цифровыми записями в режиме реального времени.

Я считаю, что выбранная технология захвата так же важна, как и возможность передачи. Дополнительная ценность цифрового захвата отпечатков заключается в возможности быстрой передачи их в региональную базу данных отпечатков пальцев, которая может искать и сопоставлять их с записями. Некоторые из коммерчески доступных систем будут даже передавать собранные записи соответствующим органам, и облегчать поисковый ответ через специально выделенные порталы. Это может привести к идентификации в режиме реального времени; полезно для ускоренной идентификации жертвы или преступника. Если в инциденте участвуют несколько стран, цифровые записи также позволяют быстро передавать их за границу. В то время как аналоговые карты можно сканировать и отправлять в цифровом виде. Использование высококачественного цифрового устройства захвата сэкономит время, необходимое для этого.

Идентификация жертв стихийных бедствий – это сложный и трудный процесс, который включает в себя сотрудничество на многих уровнях государственного управления, науки и политики. Процесс идентификации должен продолжать развиваться в соответствии с требованиями общественности и растущей потребностью, ожидающей более целесообразной идентификации жертв после массового несчастного случая.

Использование доступных технологий в различных криминалистических дисциплинах для идентификации жертв, адаптация инструментов для повышения мобильности, а также для проверки и аутентификации личностей пострадавших от стихийных бедствий могут улучшить и ускорить текущую идентификацию без ущерба для качества.

Красилова В.А.
Научный руководитель: **Ильин Н.Н.**

Тактические особенности производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Аннотация. В статье рассмотрены обоснование и значимость проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП. Раскрыты основные особенности, связанные с подготовкой и проведением следственного эксперимента. Рассмотрены экспериментальные действия, производимые в рамках данного следственного действия.

Ключевые слова: расследование преступлений, дорожно-транспортное происшествие, следственный эксперимент, безопасность участников следственного действия, транспортное средство, статист.

Расследование преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является одним из наиболее сложных и трудоемких процессов, поскольку требует установления механизма произошедшего: скорости и траектории движения транспортного средства, условий видимости проезжей части, состояния проезжей части, действий водителя и других участников дорожного движения и т.д., что предполагает воссоздание обстановки, максимально приближенной к существовавшей в момент происшествия. Расследование осуществляется путем проведения в установленном законом порядке и определенной последовательности следственных действий, осуществляемых с применением научно-технических средств и тактических приемов криминалистики.

Вместе с тем, несмотря на все сложности, решать вопрос о необходимости производства следственного эксперимента следует каждый раз, как только возникает потребность в проведении этого наглядного и являющегося важным источником доказательств, следственного действия.

Следственная практика показывает, что следственный эксперимент выступает одним из основных следственных действий, без проведения которого невозможно установить механизм ДТП, назначить автотехническую экспертизу, а в конечном итоге принять правильное решение по уголовному делу.

Необходимо обратить внимание на то, что результаты производства следственного эксперимента, закрепленные в протоколе следственного действия, при назначении автотехнической экспертизы будут являться исходными данными для исследования экспертом-автотехником. Мы рекомендуем проводить следственный эксперимент до назначения автотехнической экспертизы, представляя эти исходные данные для исследования, что позволит эксперту решить поставленные перед ним задачи в полном объеме.

При расследовании преступлений по факту ДТП для большего понимания общей картины и отдельных обстоятельств произошедшего у следователя возникает необходимость в проведении следственного эксперимента, который является инструментом, позволяющим избавиться от сомнений, и проверить предположения, возникающие в порядке исследования имеющихся доказательств, а также ведущим к получению новых доказательств. Особенно часто следственный эксперимент применяется при расследовании уголовных дел по фактам дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), в этом случае данное следственное действие приобретает ряд специфических черт.

Во-первых, проведя работу с дефиницией данного процессуального действия, необходимо отметить, что следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, заключающееся в проведении специальных опытов с целью проверки имеющихся и получения новых доказательств, а также установления возможности существования или производства каких-либо фактов, явлений, действий[1].

Некоторые тактические сложности производства следственного эксперимента связаны с не совсем точной формулировкой статьи 181 УПК РФ, где отмечается, что следственный эксперимент осуществляется «путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события». Таким образом, отсутствует указание на экспериментальный, опытный характер этого следственного действия, при этом не зафиксировано, что его содержание, по своей сути, не должно сводиться всего лишь к воспроизведению. Однако судебно-следственная практика показывает, что ошибки следователей при проведении следственного эксперимента объясняются отсутствием достаточных методических рекомендаций по производству данного следственного действия и вытекающем из этого не совсем верным пониманием опытной сущности следственного эксперимента. В связи с этим криминалистические рекомендации приобретают большее значение, так как они повышают эффективность действий следователя, который в соответствии с нормами УПК РФ лично отвечает за порядок организации и проведения следственного эксперимента.

Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Пинчука, который указывает о необходимости различия проведения экспериментальных действий, которые носят вспомогательный характер, от опытных действий, являющихся основной тактической сущностью данного следственного действия[2].

Проведение следственного эксперимента ведет непосредственно к выяснению условий, в которых протекали те или иные процессы, явления, имеющие значение для уголовного дела.

Вместе с тем, до непосредственного проведения следственного эксперимента требуется значительная подготовка и затем и его проведение, с соблюдением как общих требований к производству данного следственного действия, так и с учетом особенностей, относящихся именно к отдельным видам преступлений, в нашем случае – связанным с ДТП.

На подготовительном этапе данного следственного действия требуется определить состав участников эксперимента, установить набор технических средств, необходимых для опытных проверок и их фиксации, провести консультации со специалистами, составить план проведения эксперимента. В нем следует предусмотреть последовательность проведения испытаний, частоту их повторения, функции участников эксперимента, применение техники и другие организационные вопросы, также следователю необходимо предварительно изучить место, где будет проводиться эксперимент, что позволит внести необходимые коррективы в план, уточнить число участников и роль каждого из них. С той же целью могут быть проведены дополнительные допросы свидетелей и иных участников, с целью уточнения отдельных обстоятельств, при которых произошло расследуемое событие.

---

[1] Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Пяткова И.Г. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014. С. 64

[2] Пинчук Л.В. К вопросу об участниках следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С.164.

Важное значение имеет присутствие понятых при производстве указанного следственного действия. Действующим уголовно-процессуальным законодательством закреплены обязательные случаи участия понятых в следственных действиях и их количество, а также их главная задача- удостоверение факта производства следственного действия, его хода и результатов. Однако при производстве некоторых следственных действий понятые принимают участие в следственном эксперименте по усмотрению следователя. УПК РФ устанавливает, что следственные действия производятся с участием не менее двух понятых, следовательно, максимальное их количество не установлено. В зависимости от конкретной ситуации, которую необходимо воспроизвести при производстве следственного эксперимента, следователю может потребоваться разное количество понятых для объективной фиксации хода и результатов данного следственного действия.

Если по решению следователя понятые не привлекаются к участию в данном следственном действии, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного эксперимента является обязательным. В связи с этим повышается роль результатов использования технических средств, как фото- и видео. Фиксацию хода и результатов следственного эксперимента в полном объеме позволяет осуществить только видеосъемка. Возможно ее осуществление с помощью нескольких технических средств, для наиболее полного запечатления картины происходящего. Фотографическая съемка позволяет в той или иной степени зафиксировать результаты следственного эксперимента, но не может в полной мере обеспечить фиксацию хода следственного действия. Также необходимо зафиксировать факт участия всех указанных в протоколе участников: следователя, специалистов, статиста и др. По нашему мнению, необходимо, чтобы было зафиксировано присутствие указанных лиц именно на том месте, где следственный эксперимент производится.

Принимая во внимание, что следователь не всегда обладает достаточным уровнем компетентности в некоторых вопросах, целесообразно привлекать к проведению следственного действия соответствующих специалистов: эксперта в области автотехники, в области медицины, психолога и других. Их содействие может быть ограничено получением необходимых рекомендаций о специфике проведения тех или иных экспериментальных действий.

Рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые общие и специфические условия подготовки и производства эксперимента.

Считаем верной позицию В.Л. Васильева, который считает, что перед производством следственного действия необходимо, чтобы следователь хорошо изучил психологию центральной фигуры следственного действия – лица, чьи показания проверяются, что в дальнейшем поможет в налаживании необходимого психологического контакта, даст возможность избежать ненужных конфликтов и получить максимум необходимых доказательств[1].

М.А. Васильева и А.А. Лебедева также указывают на значимость налаживания психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым), свидетелями, с учетом типа темперамента человека, психологической составляющей из содержания

[1] Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. Санкт-Петербург: Питер, 2010. С 449.

типичной для определенной группы преступлений характеристики личности преступника, сведений о его профессиональных навыках[1].

Проведя анализ специальной литературы, удалось прийти к выводу о том, что психологические приемы, связанные с производством следственного эксперимента по любым видам преступлений, в том числе и связанным с расследованием ДТП, прежде всего, должны быть направлены на установление психологического контакта с лицами, являющимися его участниками.

В следственной практике и теории криминалистики разработан целый ряд тактических приемов, позволяющих сделать проведение следственного эксперимента наиболее эффективным. Так, Р.С. Белкин отмечает, что тактическим приемом следственного эксперимента является реконструкция обстановки. Также помимо реконструкции к тактическим приемам следственного эксперимента он относит: 1) проведение эксперимента в то же время года, когда условия освещения и другие факторы максимально похожие с теми, в которых имело место исследуемое явление; 2) проведение эксперимента на том самом месте; 3) схожесть климатических условий исходного и экспериментального события; 4) проведение опытов в тех же условиях искусственного освещения; 5) использование похожих или действительных предметов; 6) схожесть темпа осуществляемых опытов с имевшими место в ходе деяния; 7) похожесть звуковых условий; 8) учет условий, которые изменились[2].

В специальной литературе прослеживаются исследования тактики отдельных видов следственного эксперимента. Здесь необходимо отметить, что тактика следственного эксперимента определяется в первую очередь целью, видом и содержанием опытных действий. В юридической литературе выделяются несколько видов следственного эксперимента, одним из которых является следственный эксперимент, связанный с расследованием преступлений по фактам ДТП.

Следует выделить основные разновидности следственных экспериментов в данной области. Следственный эксперимент, определяющий возможность заметить с места водителя конкретное препятствие или объект повышенной опасности.

Также зачастую в ходе следственного эксперимента определяются физические возможности пешеходов, как участников дорожного движения, на совершение тех или иных действий во время движения по участку проезжей части.

Наиболее частым является эксперимент по установлению скорости конкретного транспортного средства в момент дорожно-транспортного происшествия. Для определения скорости движения транспортного средства исследуются следы торможения. В современных условиях установить скорость автомобиля по данному фактору является затруднительным. Это связано с использованием на современных транспортных средствах различных антиблокировочных систем торможения (ABS) и стабилизации движения. Также к факторам, затрудняющим данное следственное действие относятся: влажное покрытие проезжей части, погодные условия и т.п. Для установления скорости транспортного средства применяют специальные технические средства, а также проводят опыты, связанные со зрительным восприятием движущегося автомобиля, и нахождением в салоне автомобиля при его движении.

---

[1] Васильева М.А., Лебедева А.А. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию экологических преступлений, подследственных следователям Следственного комитета Российской Федерации // Юридическая психология. 2019. № 4. С. 8-11.

[2] Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М.: ИНФРАМ-НОРМА, 1997. С. 48-59.

Для проведения следственного эксперимента используется то же самое транспортное средство, что и в момент совершения ДТП. В случае невозможности использования транспортного средства вследствие его повреждения, используется схожую по всем техническим характеристикам модель автомобиля, включая марку, год выпуска, объем двигателя и срок эксплуатации.

Так, согласно протоколу следственного эксперимента, целью которого было определение скорости пешеходов, в котором участвовали гр. В, понятые, статист. Был измерен участок местности, поставлены ориентиры начала и конца участка, расстояние участка было 10 метров. Гр. В. было предложено показать скорость, с которой передвигались пешеходы. Статист прошел отрезок 10 метров 3 раза, гр. В. указывал темп скорости, измерение проводилось в количестве 3 раз. Секундомер включался, когда статист входил в начало отрезка и выключался, когда он проходил конец отрезка. Скорость бралась средняя. Гр. В. указывал статисту темп передвижения.

Второй следственный эксперимент проводился для определения видимости на месте ДТП, скорость автомобиля гр. В была 60 км/час, скорость прохождения автомобиля за одну секунду составляла 16,6 метров. Автомобиль устанавливался на 5 отрезков от места наезда, каждый отрезок был равен 16,6 метров. Статист устанавливался на 5 отрезков на противоположную сторону движения от места наезда. Статиста, находящегося в 5 отрезках, водителю видно не было. Автомобиль был приближен на 1 отрезок к месту наезда, статист также был приближен, на четвертом отрезке статист был виден на проезжей части. На этом следственный эксперимент был окончен. По методическим рекомендациям необходимо брать 5 отрезков для определения видимости. Белый лист бумаги давался статисту для определения общей видимости. По следственному эксперименту на месте ДТП обстановка была воссоздана полностью, вплоть до освещения. Условия были максимально приближены, было темное время суток, шел мелкий дождь.

Определение скорости транспортного средства возможно и при нахождении в салоне автомобиля путем наблюдения за показаниями измерительных приборов скорости. Данный вид следственных действий применяется при отсутствии свидетелей происшествия. Следует пояснить, что водитель зачастую доказывает, что согласно его опыту вождения, он двигался с определенной скоростью и не отмечал показания приборов.

При данных ситуациях, от водителя закрывают показания измерительных приборов скорости, а скорость определяется путем движения рядом такого же автомобиля. При этом, как правило, в салоне исследуемого автомобиля находится понятой, который может увидеть приборы измерения скорости и зафиксировать полученные данные.

Значимость данного следственного действия в ходе расследования уголовного дела по факту ДТП говорит то, что отсутствие в материалах уголовного дела протокола следственного эксперимента может свидетельствовать о неполноте проведенного расследования[1].

При этом, проведение следственного эксперимента при расследовании уголовных дел по факту ДТП в абсолютном большинстве случаев связано с большим объемом организационно-подготовительных мероприятий, напрямую коррелирующих с результативностью всего следственного действия. Однако следователи зачастую не

[1] Абрамочкин В.В. Следственный эксперимент при расследовании дорожно-транспортных преступлений: Учеб. пособ.; 2-е изд., перераб. и доп. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 73.

уделяют необходимого внимания подготовке к проведению следственного эксперимента, исходя из чего, при его производстве допускают ошибки, которые не позволяют в дальнейшем использовать его результаты, а также могут влечь даже более серьезные последствия. Следственный эксперимент, как правило, проводится на проезжей части. Следователь, готовясь к эксперименту, должен исключить опасность причинения вреда его участникам и окружающим.

Одним из таких примеров является дело по обвинению гр. А., являющейся следователем, в допущении факта халатности, что стало причиной гибели статиста Б., имитировавшего по просьбе следователя обгон на мотоцикле, в ходе которого Б. не справился с управлением и погиб.

Этот пример ярко раскрывает необходимость создания условий, исключающих возникновение опасности для здоровья участвующих в нем лиц.

Таким образом, занимаясь организацией и проведением следственного эксперимента по уголовному делу по факту ДТП, следователю следует учитывать такие основные общетактические положения, условия, как:

1) точное определение количества человек, приглашенных к участию в следственном эксперименте должно быть ограничено;

2) условия проведения эксперимента должны быть как можно больше сходными с произошедшим событием;

3) опытный характер действий проверяемого лица, т.е. они должны быть повторены несколько раз;

4) проведение эксперимента в несколько этапов;

5) производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц[1].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что тактические приемы следственного эксперимента – это наиболее рациональный, эффективный, научно обусловленный способ действия лица в определенных тактических условиях. Выделенные тактические приемы следственного эксперимента, по нашему мнению, является базой для разработки систем тактических приемов отдельных видов следственного эксперимента, в том числе при расследовании ДТП, выработки конкретных тактических приемов в определенных следственных ситуациях. При выделении и исследовании тактических приемов следственного эксперимента необходимо исходить из системно-структурных соображений. По нашему убеждению, тактические приемы следственного эксперимента необходимо рассматривать в неразрывном единстве со следственной ситуацией, тактическим решением, тактическим риском и тактической задачей.

[1] Корма В.Д. О проблеме производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий, совершенных в неблагоприятных метеорологических условиях // Российский следователь. 2013. № 8. С. 2-5.

Кушнир В.А.
Научный руководитель: **Шуваева М.С**

Актуальные вопросы выявления и изъятия виртуальных следов при расследовании преступлений в сфере компьютерной безопасности

Аннотация. В статье проведен анализ тактических особенностей выявления виртуальных следов преступления с использование информационно-телекоммуникационных технологий. Также определен порядок действий следственных органов при расследовании преступлений против компьютерной безопасности. Для понимания сути положений работы автор ввел понятие «Киберпространство» и подробно проанализировал его составные элементы.

Ключевые слова: электронные следы, киберпространство, информационно-коммуникационные технологии, электронные технические средства, методика расследования.

Развитие компьютерных и интернет-технологий все больше и чаще способствует проникновению их в обычную повседневную жизнь, помогая нам в выполнении, как обычных бытовых функций, так и сложных технических операций с применением сложных вычислительных систем и огромным количеством выполняемых запросов на обработку информации. По статистике отмечается, что в 2018 г. в России на 100 человек приходилось 159,95 мобильных телефонов и из 100 человек – 71,29 человека использовали мобильный доступ к сети Интернет. Средняя скорость в сети Интернет возросла на 29 %, что ставит Россию на один уровень с Францией, Италией, Грецией. Помимо частных компаний, которые создают и предлагают свои продукты в сфере компьютерных технологий, органы власти и государственные учреждения выделяют средства и силы на создание всевозможных порталов, разработку сайтов, которые упрощают процесс документооборота и процесс выполнения различного рода регистраций (на недвижимость, транспортное средство и т.д.), оплаты штрафов, государственных пошлин и заполнение заявок на предварительную запись посещения различных учреждений, например, к врачу или на экзамен в ГИБДД. Помимо создания различного рода порталов, банки активно внедряют искусственный интеллект для упрощения работы консультантов, а также внедряют биометрическую защиту данных, в целях снижения возможности неправомерного доступа злоумышленников к счетам и денежным средствам пользователей. Всевозможные мессенджеры и социальные сети внедряют все больше различного рода встроенных приложений, которые позволяют создавать полноценное портфолио о личности человека, а также инструменты (индикатор состояния здоровья, виджеты финансовых расходов и т.п.), необходимые ему для жизни в рамках современного социума. Все эти и другие изменения не могут не отражаться на состоянии преступности. По данным ГИАЦ МВД России, содержащихся в отчетах о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникационной и компьютерной информации – в январе 2020 года зарегистрировано 28,1 тысяч преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 75,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 10,4% в январе 2019 года до 17,7%[1]. Большинство такого вида преступлений (98,6%)

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2020 [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/19655871/ Дата обращения: 15.10.2020.

успешно выявляются органами внутренних дел. Преступность развивается в ногу со временем, и как следствие этого появляются новые способы и виды совершения преступлений- преступления, которые совершаются с использованием современных технологий. Чтобы совершать преступные действия в сфере киберпространства, преступникам необходимо обладать определенными знаниями и умениями в данной сфере, кроме того, для них совершение преступления становится намного проще с организационной точки зрения и анонимнее, а вот расследование таких уголовных дел, в силу вышеперечисленных обстоятельств, для сотрудников правоохранительных органов становится затруднительным.

Прежде всего нужно понимать, что все электронные данные и продукты находятся не совсем в реальном для нас мире, т.е. не являются материальными. Они находятся в так называемом «киберпространстве», в силу чего их можно считать виртуальными. Поэтому для понимания сути положений данной статьи, мы введем данное понятие. «Киберпространство – это среда, в которой функционируют программы и продукты информационно-коммуникационных технологий, в которых отражается, передается, модифицируется и обрабатывается информация на основе специальных алгоритмов для взаимодействия между агентами (пользователями) как в личных, так и в служебных целях. Т.е. данное понятие будет в себя включать **следующие элементы:**

– Пользователь – непосредственно лицо, которое имеет доступ к техническому устройству;

– Технические устройства (компьютеры, телефоны, носители информации и т.д.);

– Программное обеспечение, утилиты и инструменты, позволяющие обрабатывать и передавать информацию;

– Специальные алгоритмы (порядок и система обработки информации в соответствии с техническими требованиями);

– Непосредственно сама информация, представленная в пригодном виде для ее автоматизированной обработки (данные в соответствующих форматах, управляющие программы и т.п.).

Механизм совершения преступлений против компьютерной безопасности, имеет ряд специфических особенностей. Эта специфика отражается в подготовке, непосредственно в процессе совершения преступления и соответственно сокрытии, так как на всех этих этапах используется дистанционный способ осуществления преступных действий с помощью информационно-коммуникационных сетей. Орудием преступления выступает компьютерная техника и программные обеспечения; информационные ресурсы и сама информация, электронные сообщения, утилиты для передачи команд процессору компьютера; устройства передачи, хранения и приема данных и др. Но следует заметить, что компьютерная информация может также выступать как средство совершения преступления (данные интимного характера о жизни потерпевшего при совершении вымогательства), либо как предмет преступного посягательства (неправомерная модификация данных о кредитах, лицах задолжавших кредитным организациям).

Следовая картина тоже имеет свою специфику и традиционные способы их выявления будут не всегда достаточно эффективны. Так как в таких преступлениях редко происходит воздействие на внешнюю среду, как например при избиение потерпевшего или при тайном хищении имущества, т.е. следы оставленные дистанционным путем нельзя отнести к материальным следам в традиционном их понимании, которые рассматриваются в рамках трасологии, так как они имеют «информационный, виртуальный» характер (исключением может являться, например

оставленные отпечатки пальцев рук преступника на кнопках клавиатуры компьютера, волокна одежды оставленные у рабочего стола, следы орудий взлома дверей в помещение где находилась компьютерная техника и т.д. и т.п.) . В связи с этим требуются новые методы и способы фиксации и изъятия такого рода специфичных следов.

При совершении преступлений с использованием компьютерных технологий, чаще всего остаются виртуальные следы (также их можно назвать электронными). Их особенность заключается в том, что они представляют собой результат изменений в киберпростанстве (изменения, копирование, удаление, блокирование) интересующей злоумышленника информации, из-за которого происходит качественное изменение параметров и показателей непосредственно на самих материальных носителях.

Интересную классификацию виртуальных следов предложил А.Г. Волеводз: одним из оснований для классификации может являться непосредственный физический носитель «виртуального следа». На таком основании можно выделить:

1) следы на жестком диске (винчестере), магнитной ленте (стримере), оптическом диске (CD, DVD), на дискете (флоппи диске);

2) следы в оперативных запоминающих устройствах (ОЗУ) ЭВМ;

3) следы в ОЗУ периферийных устройств (лазерного принтера, например);

4) следы в ОЗУ компьютерных устройств связи и сетевых устройств;

5) следы в проводных, радио-оптических и других электромагнитных системах, и сетях связи[1].

Данные следы имеют ряд следующих особенностей:

1. Не имеют следообразующую способность при контакте с материальным миром.
2. Отражают преступление в рамках компьютерно-информационного поля.
3. Способны к дублированию на другие носители без изменения качеств и свойств.
4. Результат преобразования информации на компьютерных носителях.

Сбор доказательств по уголовному делу одно из направлений деятельности следствия, которое происходит в рамках следственных действий (осмотр, обыск, выемка и др.) и иных процессуальных действий, например, направление запросов в компетентные органы с последующим получением необходимой информации. И сам процесс сбора доказательственной базы в рамках расследования преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий имеет ряд особенностей, которые состоят в следующем:

1) иногда для понимая сущности представленной информации на объектах исследования требуется преобразование т.е. перекодировка информации, находящейся на материальном электронном носителе, в такой формат, который будет понятен для любого лица, не обладающего большими техническими познаниями;

2) чаще всего информация, находящаяся на электронном носителе, изымается вместе с ним, но иногда это является нецелесообразным (например, громоздкие размеры электронного оборудования или сложность в его подключении на новом месте), либо происходят действия, направленные на перекопированние нужной информации;

3) необходимо обеспечить сохранность и возможность доступа к ней для производства различного рода технических экспертиз, либо для предоставления ее в

[1] Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям. М., 2002. С. 159 - 160.

понятном виде в ходе выполнения следственных действий (например, предъявления фрагментов в ходе очной ставки или допроса);

4) устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания (дата и время совершения преступления, электронный адрес, абонентский номер устройства в сети оператора связи, физический адрес места нахождения устройства и пр.);

5) для решения вопроса, необходимо также принять меры по ее изъятию законным способом в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Так, с тактической стороны производства фиксации доказательств, следует обратить внимание на следующий ряд факторов:

1. Прежде чем производить изъятие материальных носителей и имеющуюся на них информацию, в первую очередь стоит разобраться в устройстве подключения технической аппаратуры к сети, количестве подключенных устройств, их свойствах и технических особенностях (так как при расследование преступлений, направленных например, против интересов целой коммерческой фирмы, нужно учитывать особенности подключенных к сети компьютеров в помещении; наличие облачных хранилищ для хранения резервной копии информации в случае потери доступа к основному источнику; устройства работы сервера, к которому подключены компьютеры; необходимо учитывать, что компьютеры или сам сервер может находиться в разных помещениях, зданиях, городах или даже странах);

2. В случае посторонней попытки доступа к интересующей информации с помощью необходимого софта и криптографических алгоритмов защиты, может быть произведено автоматическое стирание информации на носителе;

3. Интересующая информация может находиться не только в одном месте (в одном файле или папке), а сразу на нескольких компьютерах, в базах данных, которые имеют специфическую структуру, для интерпретации которых понадобятся специальные познания и соответствующее программное обеспечение, что способствует большему сокрытию следов преступления.

При работе с электронными следами представляется необходимым уточнить базовые принципы работы с ними:

1. Любые действия по обнаружению, фиксации и изъятию электронных следов не должны приводить к изменениям информации на электронных носителях, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу.

2. Работа с носителями информации, содержащими электронные следы преступления, должна вестись только с участием профильного специалиста надлежащей квалификации.

3. Все действия по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию электронных следов и последующему хранению электронных носителей информации должны быть надлежаще процессуально оформлены.

4. Четкое разделение ответственности субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в распоряжении которых находятся электронные носители информации, содержащие электронные следы преступления, за их сохранность в неизменном состоянии[1].

Теперь рассмотрим тактические особенности производства следственных действий при изъятии электронных и материальных следов преступления с целью получения необходимой информации при расследовании уголовного дела. Для наглядности их

[1] Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 73-74.

следует сгруппировать по различным этапам, для этого выделим следующе этапы: подготовительный, основной (рабочий) и заключительный. Рабочий (основной) также следует разделить еще на две стадии – детальную и обзорную.

На подготовительном этапе проводится: 1) изучение материалов уголовного дела, изучение личности преступника и потерпевшего лица, изучение ориентирующей информации о месте происшествия, определение необходимого числа участников и обеспечение их явки для участия в следственных мероприятиях (в данном случае будут необходимы специалисты и понятые со специальными техническими познаниями, которые будут способы понимать суть следственных и оперативных мероприятий с целью их объективной оценки); 2) обеспечение участия силовых и оперативных подразделений, которые окажут содействие во внезапном проникновении сотрудников СОГ в необходимое помещение, которые смогут обеспечить безопасность участников следственных мероприятий и блокировку путей отхода или несанкционированного уничтожения доказательств; 3) решение вопроса о проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению количества, местоположения и назначения электронной вычислительной техники, установление наличия параметров систем защиты и обеспечения конфиденциальности компьютерной информации, места хранения интересующих файлов и их резервных копий, а также установление логинов и паролей доступа к программам для получения электронных следов; 4) определение последовательности следственных действий; 5) установление лиц, обладающих доступом к нужной информации и специальным хранилищам с банком данных; 6) подготовка технических средств фиксации результатов следственных действий; 7) учет возможного оказания сопротивления и учет маскировки интересующих объектов исследования (помещение их в тайники, сейфы, маскировка в виде предметов обихода или сувениров и т.п.).

После составления плана проведения следственных действий, согласовывая его с оперативными подразделениями и специалистом, подготовка также продолжается и после прибытия на место проведения следственных мероприятий. После приезда и проникновения в необходимое помещение следует произвести ряд следующих действий:

1. Внезапность проникновения в те помещения (рабочие места), где будут происходить следственные действия.

2. Взятие под контроль путей отхода и недопущение иных лиц, которые могут помешать ходу расследования, а также взятие на контроль необходимой технической аппаратуры (сетевое оборудование, аппаратура, узлы электроснабжения).

3. Установление запрета на производство каких-либо действий с компьютерной техникой, электроснабжением и сетевым оборудованием.

4. Отключение интернет-сети, локальной сети и соединения типа WI –FI.

5. Уточнение последнего факта создания резервной копии данных, получение паролей для доступа к необходимой компьютерной техники.

6. Проведение инструктажа с участниками следственных действий, проведение инструктажа о мерах безопасности, разъяснение прав и обязанностей.

Обзорная стадия основного этапа проведения комплекса следственных мероприятий начинается с составления схемы и описания состава (количества), месторасположения и конфигурации аппаратного комплекса со всеми подключенными к нему техническими устройствами, при этом следует зафиксировать наименование, тип, особенности маркировки, серийный номер интересующего

устройства с одновременной фото-фиксацией изначального расположения и включённых программ, которые отражены на мониторах.

Завершается стадия составлением порядка производства действий в рамках детальной стадии исходя из полученной информации от специалиста.

На детальной стадии рабочего этапа необходимо непосредственно совместно со специалистом провести следующий ряд действий с учетом технических особенностей и при использовании безопасных способов получения и извлечения информации с помощью специальных программных средств и алгоритма действий:

- производство осмотра комплекса компьютерно-информационной техники и фиксации наличия материальных и электронных следов.
- при невозможности изъятия целого комплекса технических средств, произвести копирование информации с учетом процедуры установленной УПК.
- скопировать необходимую информацию, определить последние сессии, последние совершенные действия на устройстве, снять образ с оперативной памяти, проанализировать используемый интернет-трафик и свойства подключения к сети (IP адреса, шлюзы, маски подсети).
- извлечь электронные носители информации (флеш-карты, карты памяти, жесткие диски, компакт-диски).

Заключительный этап включает в себя следующие основные мероприятия:

- выключение включенных технических средств путем процедуры штатного корректного завершения работы.
- изъятие необходимой документации о доступе лиц к определённым аппаратным средствам и совершению действий с ними, протокола сетевого трафика.
- упаковка изъятых технических средств, электронных средств хранения информации, материальных и электронных следов.
- фиксация хода следственных действий, изъятого перечня объектов исследования, ознакомление с протоколом участников следственных действий и удостоверение их подписями в соответствии с требованиями ст. ст. 166, 167 и 180 УПК РФ[1].

Таким образом, электронные следы имеют место быть в новейшей классификации следов в криминалистике и должны иметь самостоятельные методики выявления и изъятия рассматриваемой группы следов в рамках практической деятельности работников правоохранительных органов. Комплексный анализ тактических особенностей расследования преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий дает нам понять, что для эффективного получения доказательственной базы по уголовным делам следователю необходимо иметь высокую компетенцию, включающую в себя техническую и тактическую подготовку и высокий уровень знаний новейших способов совершения преступлений. Грамотное руководство при проведении следственных мероприятий, правильное понимание сути электронных следов в криминалистике, своевременный и полный учет технических особенностей вычислительной и сетевой техники, использование современных способов изъятия электронных следов и правильное с точки зрения закона их процессуальное оформление, будет способствовать обеспечению высокого процента раскрытия преступлений данного вида.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (с изм. от 21 июля 2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». М., 1997. Режим доступа: [Электронный ресурс] // URL: http:// www.consultant.ru./ Дата обращения: 15.10.2020.

Мартынова А.О.
Научный руководитель: **Дворянчиков Н.В.**

Особенности составления проспективного портрета в отношении «чистых» типов серийных сексуальных преступников

Аннотация. Данная статья делает акцент на исследовании и описании общих критериев, выявляющихся у «чистых» типов серийных сексуальных преступников. За основную модель была взята типология серийных сексуальных убийц О.Д. Ситковской и Л.П. Конышевой. Результаты исследования отражены через 3 смысловых блока: личностные особенности, поведенческие особенности и особенности жертвы, убийства и сексуального насилия серийного сексуального преступника.

Ключевые слова: проспективный портрет, серийный сексуальный преступник, типологический подход.

Сексуальные преступления – это серьезная международная проблема, наносящая ущерб жизни большого числа людей. Около 20% женщин и 6% мужчин сообщали о том, что когда-либо в своей жизни подвергались сексуальному насилию по принуждению, при этом многие из этих жертв подвергались сексуальному насилию в возрасте до 18 лет[1]. Известно, что сексуальные преступления повышают риск широкого спектра медицинских и психосоциальных проблем у тех, кто является его жертвами, включая депрессию, злоупотребление психоактивными веществами, попытки самоубийства при посттравматическом стрессовом расстройстве, неадаптивные черты и расстройства личности, а также физические травмы, заболевания, передаваемые половым путем, и рискованное сексуальное поведение. Вторичные жертвы сексуальных преступлений включают членов семьи и друзей, которые также часто травмируются, когда любимый человек становится жертвой сексуального насилия. Как мы видим, масштаб последствий данной проблемы достаточно велик.

За последние 20 лет был достигнут значительный научный прогресс в отношении природы сексуальных правонарушений, особенно повторных правонарушений, а также основ для принципов и практики как оценки, так и вмешательства для уменьшения частоты, и воздействия сексуальных преступлений. Однако, для более эффективного расследования и задержания такого вида преступников крайне необходима совместная работа и юристов, и психологов.

Одним из подходов, показавшем свою действенность и прикладную значимость, является типология серийных сексуальных убийц О.Д. Ситковской и Л.Н. Конышевой[2], берущая за основу “чистые” типы серийных сексуальных убийц. С помощью таблицы признаков-маркеров принадлежности преступника к определенному типу серийных сексуальных убийц Логуновой О.А. [3]из всей выборки были выделены для рассмотрения преступники, относящиеся к «чистым» типам. В данной работе акцент будет смещен именно на схожие черты у всех трех типов, так в

[1] Phenix A., Hoberman H.M. Sexual offending // Predisposing Antecedents, Assesments and Management. New York: Sprinfer Science, 2016. P. 885.

[2] Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: научно-методическое руководство // Москва: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. 54 с.

[3] Логунова О. А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: дисс... канд. психол. наук: 19.00.06. М., 2016. 216 с.

остальных научных трудах делается упор на их различиях. Таким образом мы делаем подводку для последующей научной работы, в которой более подробно будут рассматриваться «смешанные» типы серийных сексуальных преступников.

В исследовании использовался качественный и дисперсионный однофакторный анализ (критерий Фишера, $p > 0.05$) архивных материалов ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» по выборке из 23 представителей «чистых» типов серийных сексуальных преступников (N=9 в группе «ситуативников», N=7 в группе «силовиков» и N=7 в группе «маньяков» соответственно). С помощью качественного анализа были рассмотрены личностные, поведенческие особенности, а также особенности жертвы, убийства и сексуального насилия "чистых" типов. Мы выделили основные закономерностии отобрали массивы данных со схожими проявлениями у всех трех типов, которые в последствии были проанализированы попарно с помощью критерия Фишера.

По итогам проведенного качественного анализа 28 *личностных особенностей* «чистых» типов серийных сексуальных преступников, включающих особенности семьи, воспитания, расстройств, возраста, выбора работы и т.д. можно сделать следующие выводы по каждому из типов:

- «*Ситуативники*» чаще предпочитают временную работу в сфере техобслуживания или разноработности, могут работать на нескольких работах одновременно. Заводят детей. Они могут вырастать в неблагополучных, рисковых, но чаще – в полных семьях, преобладающий стиль воспитания, в которых – гипоопека. Склонны к бродяжничеству и побегам. Для них характерны эмоциональная неустойчивость, уплощенность, коммуникативная неразвитость и барьеры в общении, а также проблемы в школе, так как они сталкиваются с трудностями в общении со сверстниками и другими дезадаптивными проявлениями (особенно с противоположным полом как в подростковом, так и в зрелом возрастах). «Ситуативники» предпочитают частую смену сексуальных партнеров, при этом расстройств сексуального влечения у них чаще нет. Однако, касаемо психического здоровья, им характерна отягощенность психическими заболеваниями у родственников, поэтому у них самих может быть установлено сразу несколько психиатрических диагнозов (хотя сами они не обращаются за помощью к психиатру). Самое распространенная сфера расстройств – это неврологические заболевания, минимальная мозговая дисфункция, ранее приобщение к ПАВ, реже – ЧМТ, нейроинфекции и соматические заболевания
- Для *«Силовиков»* характерно совершение деликта чаще в 26-30 лет. Они чаще выбирают постоянную работу, при чем совмещают сразу несколько. Часто вырастают в семье служащих. Семьи обычно полные, гипоопекающие, с дефицитом родительского внимания, эмоциональным отвержением матерью, частым физическим насилием отца к ребенку и матери. К бродяжничеству не склонны. Детей заводят. Им характерны эмоциональная неустойчивость и резкие перепады настроения, а также хорошие коммуникативные навыки. Социализация в подростковом возрасте проходит по выбору референтной группы. С противоположным полом сильно дезадапированы, часто меняют половых партнеров, сексуальные расстройства обычно отсутствуют. Наследственность по психическим расстройствам не отягощена, обходятся без диагноза, за психиатрической помощью не обращаются, к ПАВ рано не приобщаются. Однако им скорее характерны ЧМТ и нейроинфекции, минимальные мозговые дисфункции.

● *«Маньяки»* чаще совершают деликты в 21-25 лет, при этом дебютом аномального влечения является возраст до 14 лет, предпочитают несколько работ одновременно, в основном разнорабочесть и сферу техобслуживания. Есть дети. Они растут чаще в семье служащих, семья полная или состоит только из отца. Стилем воспитания может быть, как гипоопека, так и авторитарный, когда над ребенком берется жесткий контроль, однако мать эмоционально отверженная, а отец склонен к насилию над ребенком и над матерью (особенно над ребенком). Склонны к побегам и бродяжничеству. Маньякам свойственна эмоциональная неустойчивость, ранимость и уплощенность. Они испытывают проблемы в общении со сверстниками, избегают и боятся общения с противоположным полом, дезадаптированы в сексуальной жизни (плюс часто встречаются расстройства на сексуальной почве). Наследственность у маньяков отягощена сразу по нескольким параметрам, как диагноз чаще всего ставится органическое поражение ЦНС (хотя за психиатрической помощью они обычно не обращаются), минимальная мозговая дисфункция, может быть энурез/энкапрез в анамнезе, реже – ЧМТ и нейроинфекции. Соматические заболевания и раннее приобщение к ПАВ им не характерны.

По итогам проведенного качественного анализа 14 *поведенческих особенностей* «чистых» типов серийных сексуальных преступников, включающих способы сокрытия трупа, противодействие разоблачению, похищение и хранение вещей жертвы, а также особенностей поведения при допросе и т.д. можно сделать следующие выводы по каждому из типов:

● «Ситуативникам» не свойственно специфическое противодействие своему разоблачению, чаще всего их обнаружение происходит после показаний, оставшихся в живых жертв. У них же они могут украсть сразу несколько личных предметов, в т.ч. (чаще всего) деньги или украшения. При допросе «ситуативники» часто проявляют импульсивность, конфликтность; примерно в половине случаев им свойственна демонстративность или пассивность, конфликтность. Им не свойственны тревожность, смелость. Их самооценка чаще всего неустойчивая.

● Для «Силовиков» не характерны специфичные способы сокрытия трупа жертвы. Они могут как противодействовать своему разоблачению, при чем используют для этого сразу несколько способов, так и нет. У своих жертв они чаще крадут деньги или украшения, хранение которых происходит их по месту жительства. При допросе «силовики» часто проявляют смелость, властность, импульсивность, могут проявлять демонстративность, конфликтность. Им не свойственны проявления тревожности, пассивности, застенчивости. Их самооценка чаще завышенная.

● «Маньяки» для скрытия трупа жертвы используют сразу несколько способов. Они чаще не используют специфические способы для противодействия своему разоблачению. У жертвы они могут украсть сразу несколько личных вещей (в т.ч. деньги, документы, предметы одежды и т.д.). При допросе «маньяки» часто проявляют тревожность, застенчивость, могут проявлять пассивность или конфликтность. Им не характерны смелость, импульсивность и совсем не характерны демонстративность и властность. Их самооценка чаще заниженная.

По итогам проведенного качественного анализа 24 *особенностей жертв, убийства и сексуального насилия* «чистых» типов серийных сексуальных преступников, включающих пол, возраст, характер жертвы, особенности полового акта, попытки убийства, способы сокрытия трупа и т.д. можно сделать следующие выводы по каждому из типов:

- «*Ситуативники*» чаще всего совершают от 5-ти до 8-ми преступных эпизодов, предпочитают жертв женского пола от 19 до 25 лет, доверчивых по своей натуре. Местом нахождения жертвы в период нападения скорее всего будет путь к своему дому. При этом “ситуативник” нападет сразу же после встречи или заманит ее обманным путем в удобное для совершения преступления место. Половой акт с жертвой чаще будет осуществляться либо естественным путем, либо анальным (сексуальные девиации не прослеживаются). Если имеет место убийство, оно будет совершено после изнасилования и чаще с помощью предметов, найденных на месте преступления. Мероприятия по сокрытию трупа обычно не производятся.
- Для *«Силовиков»* характерно предпочтение женщин в качестве жертв в возрасте от 19 до 40 лет, доверчивых и покорных по своей натуре. Их сопротивление будет только способствовать совершению преступного деяния. Местом нахождения жертвы в период нападения скорее всего будет путь к своему дому, дом самого преступника или место прогулки в компании преступника, куда “силовик” заманит ее обманным путем. Половой акт с жертвой чаще будет осуществляться естественным путем (сексуальные девиации не прослеживаются). Если имеет место убийство, оно будет совершено после изнасилования. Мероприятия по скрытию трупа обычно не производятся.
- *«Маньяки»* предпочитают в качестве своих жертв незнакомых женщин и мужчин, при чем их возраст может не иметь особого значения. Их сопротивление будет только способствовать совершению преступного деяния. Местом нахождения жертвы в период нападения скорее всего будет парк, лес или место прогулки в компании преступника. Почти во всех случаях “маньяк” попытается убить свою жертву. Ему также не характерно совершение полового акта в естественной форме – чаще всего он осуществляется в оральной форме или с использованием посторонних предметов (присутствуют различные сексуальные девиации). Убийство жертвы чаще всего будет совершенно до изнасилования с использованием заранее заготовленного орудия, после чего для сокрытия трупа будет использовано сразу несколько способов (в т.ч. расчленение, поджог и т.д.)

Подводя итоги однофакторного дисперсионного анализа (критерий Фишера), мы пришли к следующим результатам и выводам:

1. Личностные особенности “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 28 критериев, включающих особенности семьи, воспитания, расстройств, возраста, выбора работы и т.д. «Ситуативникам», «силовикам» и «маньякам» одинаково свойственны ($p>0,05$) такие критерии, как: наличие детей, наличие эмоциональной неустойчивости, отсутствие эмоционального отвержения матерью, отсутствие физического насилия отца к ребенку и к матери.
2. Поведенческие особенности “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 14 критериев, включающих способы сокрытия трупа, противодействие разоблачению, похищение и хранение вещей жертвы, а также особенностей поведения при допросе и т.д. В проявлении поведенческих особенностей у «ситуативников», «силовиков» и «маньяков» не наблюдается схожестей ни в одном из рассматриваемых критериев: необходимы дополнительные исследования в этом блоке.
3. Особенности жертвы, убийства и сексуального насилия “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 24 критериев, включающих пол, возраст, характер жертвы, особенности полового акта, попытки убийства, способы сокрытия трупа и т.д. «Ситуативникам», «силовикам» и

«маньякам» одинаково не свойственен (p>0,05) такой критерий, как выбор жертв в возрасте 41-60 лет.

По итогу проведенного качественного и однофакторного дисперсионного анализа мы получили результаты, согласно которым все три “чистых” типа серийных сексуальных маньяков (“ситуативники”, “силовики” и “маньяки”) имеют ряд схожих особенностей: наличие детей, наличие эмоциональной неустойчивости, отсутствие эмоционального отвержения матерью, отсутствие физического насилия отца к ребенку и к матери, а также непредпочтение жертв в возрасте от 41 до 60 лет. Можно предположить, что их наличие характерно не только “чистым” типам, но и серийным сексуальным преступникам в принципе – то есть можно ожидать общие закономерности в личностных и поведенческих особенностях, несмотря на разные механизмы их деятельности и специфику типа, так как имеются определенные личностные предпосылки и факторы формирования.

Так, например, наличие детей у всех трех типов может говорить о стремлении к социализированности преступников и социальной желательности, однако для “ситуативника” этот критерий скорее ситуационно обусловлен (т.к. удовлетворение сексуальной физиологической потребности у него носит в основном импульсивный характер), для “силовика” ребенок может представлять некий способ доминирования (т.к. это его основной мотив) и удержания женщины рядом с собой, а для “маньяка” – возможность не выделяться и отвести от себя подозрения (т.к. стремится произвести на других впечатление образцового гражданина и семьянина ("псевдосоциальность")).

Наличие эмоциональной неустойчивости во всех трех случаях указывает на общее нарушение саморегуляции, однако у “ситуативника”, опять же, этот критерий ситуационно сообразен (может быть следствием пережитых органических поражений головного мозга, ЧМТ, нейроинтоксикаций и т.д.), у “силовика” - как следствие дисгармоничности личностных черт (им часто свойственны психопатии по возбудимому типу), а у “маньяка” могут присутствовать оба этих фактора (и почва органических нарушений головного мозга, и психопатическое развитие личности).

Отсутствие эмоционального отвержения матерью и физического насилия отца к ребенку и к матери указывает на то, что данные семейные факторы скорее не оказывают влияния на формирование личностных и поведенческих особенностей серийных сексуальных преступников.

Что касается выбора жертвы – отсутствие в выборке возраста от 41 до 60 лет у всех трех типов может указывать на предпочтение в сторону более молодых и сексуально привлекательных жертв, но, опять же, у “ситуативника”, как мы обозначали ранее, реализация сексуального влечения обусловлена ситуационно, “силовики” предпочитают жертв, над которыми проще доминировать (несовершеннолетние, представительницы “группы риска”), а среди жертв “маньяков” часто встречаются дети, подростки, также представительницы “группы риска”.

В завершение хотелось бы добавить, что данная тема имеет очень большую актуальность как в России, так и за рубежом, потому исследования в данной области являются очень ценными и востребованными. С каждым годом возникают все новые и новые случаи, которые требуют оперативного раскрытия, поэтому совершенствование типологий сексуальных преступников, создание методик, которые будут прикладными и эффективными для правоохранительных органов – это очень важная и необходимая задача для психологической науки. Поэтому нужно проводить дальнейшие исследования в этой области, совершенствовать используемые типологии личности, а также искать новые решения для усовершенствования способа

составления психологических портретов неустановленных преступников для их оперативной поимки.

Е.А. Мозгонов
Научный руководитель: **Ю.Ю. Красикова**

Применение психологических знаний в ходе расследования преступлений

Аннотация. В статье рассматривается значение психологических знаний для осуществления работы следователя, обозначается связь учебных дисциплин психологического профиля (психология, юридическая психология) и юридического профиля (криминалистика). Также приводятся различные теории распознавания криминалистически значимых психических процессов, состояний и свойств участников уголовного судопроизводства, анализируются психологические методы изучения личности, применяемые в ходе расследования преступления. Отдельное внимание уделяется особенностям психических явлений лиц, совершивших противоправное деяние, предусмотренное пунктом «а» частью 4 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Психические процессы, память, речь, мышление, внимание, темперамент, психические состояния, психологические методы изучения личности, тактические приемы, обвиняемый.

Психология как наука, изучающая закономерности возникновения, развития и функционирования психики, психической деятельности человека и групп людей[1], крайне важна для будущих следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Психология, изучая особенности поведения индивида, ставит в поле своего внимания делинквентов и различные психические явления, которые обнаруживаются в проявлении их психики. Для следователя при определении различных тактических приемов расследования преступления важно учитывать психологию обвиняемого. Поэтому студенты Академий Следственного комитета Российской Федерации изучают ряд дисциплин психологического профиля, которые тесно связаны с криминалистической тактикой.

Психология объединяет в себе гуманитарный и естественно-научный подходы[2]. Она включает в себя: *фундаментальную* психологию, которая занимается выявлением фактов, механизмов и законов психической деятельности; *прикладную* психологию, изучающую психические явления в естественных условиях, с опорой на фундаментальную психологию; и *практическую* психологию, которая основывается на применении психологических знаний на практике.

При изучении субъективной стороны состава преступления знания по психологии позволяют установить особенности взаимоотношений между субъектом преступления и остальными лицами, выявить темперамент субъекта, черты характера, особенности психических процессов (вид восприятия, вид мышления, внимания, речи, памяти) и состояний. Применяя психологические методы изучения личности участников уголовного судопроизводства (наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности, психографоанализ, аудиовизуальная диагностика и другие),

[1] Дружинин В. Н. Психология. Учебник для гуманитарных вузов. СПб., 2001. С. 12.
[2] Там же. С.13.

следователь может более эффективно реализовывать тактические приемы в ходе расследования преступлений.

Безусловно, каждое лицо, совершившее преступление, уникально: оно сочетает в себе различные комбинации социальных установок и привычек, психофизиологических качеств. Для наглядности рассмотрим преступление, совершенное гражданином М.

В научной статье мы сделали акцент на практическую психологию, на примере лица, совершившего противоправное деяние, предусмотренное пунктом «а» частью 4 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средства, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения»[1], продемонстрируем особенности его психики, психических явлений, с учетом применения психологических методов и отраслей психологии.

Так, обвиняемый М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, во время управления автотранспортом превысил установленный скоростной режим и выехал на встречную полосу, что повлекло лобовое столкновение с автомобилем и последующую смерть водителя (потерпевшего) этого транспортного средства. Происшествие попало на видео, где также зафиксирован субъект, находящийся в состоянии алкогольного опьянения. На видео, снятое сотрудниками полиции, имеет место фрагмент с признанием вины субъектом прямо на месте происшествия.

Перейдем к применению психологических знаний на практике. Следователь при просмотре видео с места происшествия, применяет метод *включенного наблюдения* и обращает внимание на внешний вид обвиняемого, одежду, характерные черты внешности.

В нашем примере обвиняемый М. имеет тип телосложения «пикник» с некоторыми чертами атлетического типа. При измененном состоянии сознания (алкоголизации) пикник имеет особенно повышенную коммуникацию, он не способен к явной лжи, поэтому в состоянии опьянения проговаривает то, о чем думает на самом деле, в силу чего следователю необходимо обратить внимание на то, что произносит обвиняемый. Также стоит отметить, что упитанное телосложение говорит о том, что индивид, как правило, потакает своим слабостям, не борется с вредными привычками. В связи с этим можно предположить, что обвиняемый не первый раз оказывается в состоянии сильного алкогольного опьянения. Отмечая особенности внешнего вида обвиняемого М, нельзя не отметить классичность выбора, удобство, не исключающее элегантность.

Следующий метод, который может применить следователь, *аудиовизуальная психодиагностика*. Все люди так или иначе мыслят стереотипами, доверяя внутренним ощущениям. Каждый человек при встрече незнакомца, опираясь только на внешний вид, может предположить те или иные его качества. Эти стереотипы выработаны веками, поэтому они не всегда ошибочны. Обратим внимание на черты лица обвиняемого. Так, у М. отчетливо виден широкий лоб, что говорит об его уровне интеллекта. Его прическа (мягкость и послушность волос) говорит о покорности её носителя, лёгкости в общении. Также морщины у глаз М. свидетельствуют о его дружелюбности, хорошем чувстве юмора. Все эти стереотипы, безусловно, могут

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2020. С. 243-244.

быть и далеки от реальности, однако следователю их необходимо учитывать, ибо именно так воспринимают данного субъекта люди в житейских ситуациях[1].

Несомненно, алкоголь – вещество, которое оказывает сильное воздействие на психические явления индивида. Оно способно создать иллюзию подлинности характера человека, поэтому следователю необходимо доверять, прежде всего, той информации, которую он получил непосредственно при допросе обвиняемого уже в трезвом состоянии.

Известно, что алкогольное опьянение тормозит деятельность нервной системы, понижает скорость реакции, ухудшает память, парализует внимание, блокирует мыслительные процессы, усиливает интенсивность и длительность эмоций. Для следователя крайне важно восстановить картину преступления, а для этого необходимы четкие и истинные показания обвиняемого. С этим, как правило, возникают трудности, ведь время совершения преступления входит в рамки времени нахождения в состоянии опьянения, а на момент «отрезвления» обвиняемый находится в сильном шоке, ибо ранее им не осознавалась трагичность произошедшего. В ходе первого допроса следователь, используя психологические методы изучения личности (включенное наблюдение, беседа и опрос), может определить темперамент, вид мышления, памяти, внимания, психическое состояние обвиняемого на данный момент. На основании полученных знаний возможно выстроить стратегию дальнейшего взаимодействия с субъектом и установить тактические приемы, которые могут быть эффективно использованы в процессе доказывания вины обвиняемого.

Обвиняемый М. – артистичная личность, склонная к драматизации, привлечению к себе внимания. Он обладает характерной мимикой, оживленной жестикуляцией, уравновешенной реактивностью и активностью нервной системы. При желании М. может контролировать свои чувства и эмоции, однако это получается с трудом, поэтому он откликается на практически все раздражители, привлекающие его внимание (вопросы, замечания и др.) Также М. является энергичным и жизнерадостным человеком. Из вышесказанного, можно сделать вывод, что М по типу темперамента – сангвиник [2]. Это можно определить с помощью метода наблюдения при изучении личной жизни обвиняемого, общения с его родственниками и друзьями.

При допросе обвиняемого М., следователь, владея психологическими знаниями сталкивается с первоначальными речевыми актами. Дрожащий голос может означать тревожное состояние субъекта. При этом слова проговариваются торопливо, ритмично, что также свидетельствует о внутренней напряженности.

Определив темперамент и ознакомившись с первоначальными речевыми актами обвиняемого М., следователь может активизировать его память, чтобы начать процесс восполнения картины совершенного преступления. Безусловно, в данном случае всё зависит от вида памяти и внимания обвиняемого: какие ситуации, обстоятельства, иные явления жизни попали в поле действия внимания и какие из них зафиксировались в его памяти. Ведущий сенсорный канал восприятия информации у обвиняемого М. –аудиальный (слуховой). Его память фиксирует больше информации, если она поступает через его слуховые рецепторы. Следователь может понять это, проанализировав личную жизнь индивида (обвиняемый М. во время своих актерских

[1] Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 41-43.
[2] Нурков В.В., Березанская Н.Б. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М., 2015. С. 583.

выступлений часто забывал написанный сценарий, однако запоминал все реплики зрителей, доносящиеся из зала). При этом творческая деятельность, наглядно-образный тип мышления выработали в нем ассоциативную и эмоциональную память. Особое внимание должно уделяться жестикуляции субъекта, с помощью которой он создает в своем сознании образы тех или иных понятий. Также обвиняемый М. обладает произвольным вниманием, которое направлено на различные объекты и ситуации, способные создать образ в сознании индивида, дабы он смог впоследствии его воспроизвести. Но следует учитывать тот факт, что интенсивность внимания зависит от четкости восприятия. Помутнение рассудка в результате употребления алкоголя уменьшает интенсивность внимания.

Следователю необходимо спровоцировать начало мыслительных процессов и воспроизводства образов в сознании субъекта. Как правило, на стадии допроса «свободный рассказ» М. без промедления скажет, что ничего не помнит и не хочет вспоминать, поэтому возможен переход на вопросно-ответную стадию[1]. Для этого следует указывать на яркие и насыщенные события минувшего дня, какие-либо эмоции, которые испытывал субъект. Если М. вспомнит, что он чувствовал в момент совершения преступления или до этого момента, то он вспомнит и сами события, с которыми и ассоциируются эти чувства и эмоции. Поскольку обвиняемый М. является аудиалом, всю информацию следует преподносить наслух, не нужно бесперебойно нагружать его доказательствами или иным материалом, представленным на листах бумаги: он может и не посмотреть на них. Также нельзя забывать, что гражданин М. является сангвиником, а такие люди, как правило, обладают неиссякаемой энергией, которую им сложно подавлять. Поэтому каждый вопрос должен быть обдуманным и плавно перетекающим из предыдущего. Это позволит следователю поставить ход допроса на собственный лад и не дать запаниковавшему от резких и разнородных вопросов сангвинику вылить всю энергию на следователя. Особенно могут возникнуть трудности, если в реальном характере обвиняемого окажется часть черт холерика.

Работа следователя подразумевает общение с различными категориями граждан, поэтому важно, чтобы каждый следователь был отчасти психологом, способным найти подход к любому человеку.

Итак, активизировав память гражданина М. за счёт вышеперечисленных рекомендаций, следователь может столкнуться с парадоксом. Обвиняемый, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, запоминает некоторые несущественные и малоприметные детали. Подобная ситуация возникла и с гражданином М. Крайне важно определить тип мышления индивида. Как упоминалось ранее, М. имеет творческий тип мышления. Это означает, что какие-то детали инцидента он может выдумывать или экспрессивно дополнять, придавая незначительным деталям неоправданно важное значение. Как правило, на основные вопросы, вроде «сколько Вами было употреблено алкоголя?», «были ли Вы одни в автомобиле?», обвиняемое лицо ответить не может из-за реального притупления памяти в момент алкогольного опьянения и невозможности явного придумывания. Но подобные категории людей, обладающих чертами М., не всегда могут воображать подробные детали события. Иногда какие-то, казалось бы, незначительные вещи могут создать сильную эмоциональную ассоциацию, которая обратит всё внимание индивида на себя. Отсюда и вытекают запомнившиеся подробности. Следователь

[1] Яблоков Н.Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. М., 2001. С. 166.

должен уметь распознать истинную информацию от воображаемой, для этого могут задаваться новые уточняющие вопросы или перезадаваться в новом формате старые (расхождение в ответах на два по сути одинаковых вопроса, имеющих разную формулировку, говорит о том, что не следует доверять словам субъекта и вопросу необходимо дополнительное внимание для установления истины).

Важно определить и актуальное *психическое состояние* обвиняемого М., ведь, основываясь на нем, сотрудник Следственного комитета Российской Федерации может сформулировать свою речь, убедив тем самым обвиняемого действовать в интересах Фемиды. Гражданин М. является медийной личностью, которая получила признание широкой публики. Даже после совершения преступления в первые минуты трезвости он думает о том, чтобы как можно меньше людей узнали о случившемся, особенно родные и близкие. Обвиняемый находится в состоянии фрустрации (осознание обрушения картины мира), сильного стресса, и следователь, учитывая это, может объяснить ему, что его репутацию можно восстановить, а сотрудничество со следствием и деятельное раскаяние вызовет меньший резонанс, чем попытка противостоять истине. Ученые в области психологии установили, что позитивное стимулирование намного эффективнее негативного, поэтому всегда следует мотивировать субъекта преступления на попытку реабилитации за счет чистосердечного признания и иных мер [1].

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что следователю крайне важно владеть психологическими знаниями, чтобы уметь быстро устанавливать психологический контакт с подозреваемыми и обвиняемыми. Лица, совершившие противоправное деяние, предусмотренное пунктом «а» частью 4 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, обладают определенными психическими особенностями, с которыми не так просто работать. Индивид, которому инкриминируется данное преступление, не обязательно социально испорчен. Это может быть и вполне адекватный человек, в нравственных поступках которого ранее нельзя было усомниться. На примере М. можно сказать, что личность потеряла нить реальности: постоянные смены образов, неоднократное употребление алкоголя, которое, как отмечают свидетели, могло иметь место быть во время театральных выступлений, негативно повлияли на осознание действительности. Понимание того, что индивид больше не сможет снять актерскую маску и сменить роль, постепенно уничтожает его как личность. Это крайне важно иметь в виду, ибо внутренние психические явления не всегда видны невооруженным глазом. В результате, основываясь на полученной психологической информации, следователь сможет умело и эффективно использовать тактические приемы при расследовании преступления.

Нечесова С.В.
Научный руководитель: **Дворянчиков Н.В.**

Клинические аспекты криминального поведения серийных сексуальных убийц и их использование в географическом профилировании

Аннотация. Основным направлением психологического сопровождения оперативно-розыскной деятельности (ОРД) является составление поведенческого и географического

[1] Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Учебное пособие. М., 1997. С. 151.

профилей (ГП) преступников. Автор статьи считает, что для профилирования основополагающее значение имеет этиология зависимого поведения преступников. В настоящей статье рассматриваются возможности совершенствования методов профилирования путем анализа переменных, полученных в результате применения данных обследования серийных сексуальных убийц.

Ключевые слова: географический профайлинг, профиль преступника, парафильный сценарий, парафилии, оперативно-розыскная деятельность, серийные сексуальные убийцы, зависимое поведение.

Методы современной юридической психологии все чаще являются орудием для борьбы с криминалом. Актуальной задачей в этой сфере выступает усовершенствование способов информационного компьютерного обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Экспертно-криминалистическая деятельность, особенно при выполнении оперативно-розыскных задач, должна охватывать большие массивы данных для решения проблемных вопросов своевременного выявления, предупреждения, раскрытия преступлений [1]. В первую очередь, это касается технических средств компьютерного обеспечения ОРД [2]. Одним из таких средств является географическое профилирование.

Использование методов географического профилирования известно с 80-х годов прошлого столетья, и на современном этапе их активно применяют в правоохранительной деятельности, но, несмотря на это, они нуждаются в доработке и усовершенствовании. По мнению автора статьи, в профилировании недостаточно внимания уделяется клиническим аспектам криминального поведения. Для выявления положительных и отрицательных критериев такого подхода, в данной статье рассмотрены особенности профиля личности преступников, этиология зависимого поведения которых значительно влияет на их поведенческий и географический профиль. Кроме того, рассматриваются возможности совершенствования методов профилирования путем анализа переменных, полученных в результате применения данных психологического обследования серийных сексуальных убийц.

В поисках этиологии зависимого поведения у преступников, выдвигаются гипотезы о наличии особых паттернов поведения, которые влияют на поиск преступником зоны комфорта, моделей охоты, способы поиска жертв. Методы географического профилирования активно используются в экологической криминологии, где применяется комбинация из трех базовых критериев: теории размещения объектов в пространстве, время событий, их взаимосвязь между собой с учетом разных факторов; научно-практические исследования пространственного поведения преступника и применение математических моделей. Специально для нужд ГП разработаны модели поведения преступников: модель «поведение охотника» (Offender hunting behavior) и «выбор цели» (Target selection), Теория рационального выбора, Теория рутинной деятельности и другие. При их подробном изучении исследователь оказывается перед фактом, который подтверждает гипотезу о наличии у преступников зависимого поведения, а также о сочетании особых паттернов, приводящих к совершению преступником одних и тех же действий, часто настолько уникальных, что их можно называть особым «подчерком» или «modusoperandi».

[1] Приказ МВД России от 11 января 2009 № 7 «Об утверждении наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (с изменениями на 28 ноября 2019) [Электронный ресурс] // URL: http://docs.cntd.ru/document/902159638 Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Федеральный закон 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями на 2 августа 2019) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 33, 14.08.1995, ст. 3349.

Дефиниция «паттерн», с латинского «patronus», имеет много прочтений, но в области психиатрии и кинической психологии она несет значение устойчивого контекстно-обусловленного повторения индивидом определенных, имеющих важный сакральный смысл лично для него, моделей поведения. «Паттерн – это базовая единица бессознательного, один выделенный «автоматизм» [1]. Представляя собой связанную воедино цепочку действий, наиболее устойчивые паттерны поведения формируются на основе базовых потребностей человека: принятие пищи, утоление жажды, потребность во сне и потребность в сексе (биологически заданная при рождении потребность в продолжении рода). Именно поэтому пищевое и сексуальное поведение так сложно изменить. Более того, паттерны поведения, которые отвечают за удовлетворение физиологически обусловленных потребностей, у людей и животных очень похожи. По мнению А.А. Ткаченко «паттерны поведения и животных, и человека формируются в филогенезе исходя из необходимости обеспечения как группового, так и индивидуального выживания, для которого гомеостаз является ключевым фактором, связанным с рецепцией жизненно важных параметров внутренней и внешней среды, регуляцией температуры тела, питанием, избеганием боли и т.п.»[2]. Именно поэтому, когда речь идет о серийных сексуальных убийствах, для составления географического профиля важно выявить, чем отличаются нормологические и патологические паттерны сексуального поведения, а также – какие из них могут войти в ментальную карту преступника, его «modusoperandi».

Пренатальный этап развития «центра эрекции» [3], который воздействует «на пренатальную половую гормонализацию (или дегормонализацию) мужского/женского диморфизма половых путей мозга»[4], связан не только с геномом человека, но и с факторами процессов диморфизма. Если таковые по тем или иным причинам протекают с различными патологическими отклонениями, парафильный сценарий у плода в утробе матери формируется уже на зародышевой стадии. Более того, «центр эрекции» не связан непосредственно с отделами головного мозга, которые отвечают запрогнозирование поведения, его формируют проводящие пути, проходящие через Pedunculi cerebri (ножки мозга) и Pons Varolii (варолиев мост), а возбуждение этого центра проводится в пещеристых телах при посредстве поясничных сегментов нервов, связанных с эрекцией.

Таким образом, формирование парафильного сценария на пренатальном этапе – вполне доказанная реальность. Постнатальный период лишь усугубляет процесс, поскольку гиперсексуальность и сексуальные девиации, которые начинают проявляться в довольно раннем возрасте у таких индивидов приводят лишь к осуждению со стороны общества, из-за чего происходит смещение либидо на объект, который не является для общества «сексуально ориентированным». Известный клинический психолог, Дж. Мани, упоминал о том, что «каждое проявление сексуального инстинкта, за исключением специфического детородного акта генитального совокупления признавалось извращением – мастурбация, поллюции,

[1] Healy and Bronner, Delinquents and Criminals: Their Making and Unmaking, February 13, 1927, Section BR, Page 21 P. 201; Thomas V.I. The Behavioral Pattern and the Situation/ Volume XXII – "The Relation of the Individual to the Group", 2015.

[2] Ткаченко А.А. Аномальное сексуальное поведение. М.: Центр социальной и судебной психиатрии им. Сербского. 2018. С. 122.

[3] Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства / Пер. с нем. / Вступ. ст. П. Гуревича. М.: Книжный Клуб Книговск, 2019. С. 41, 42.

[4] Там же С. 44-45.

оральный секс»[1]. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что методы географического профилирования должны все более смещаться в сторону изучения клинических аспектов зависимого поведения у преступников. По словам А.А. Ткаченко «именно аномалии сексуальности, и прежде всего парафилии, занимая стабильное место в криминальной активности, определяют совершение как наиболее тяжких, так и наиболее рецидивных правонарушений. В этом заключается одновременно их отличие от иных психических аномалий»[2].

При помощи изучения сексуального сценария, появляется возможность классифицировать пространственное криминальное поведение в зависимости от выявленной парафилии. Современная юридическая психология уже сосредоточилась на исследованиях, подтверждающих наличие схожих критериев в поведении преступников. Так появились источники о: дихотомической классификации убийств, кататимических и компульсивных убийствах, аддиктивных убийствах, навязчивых убийствах и тому подобных насильственных преступлениях[3]. Триггеры, которые ведут к формированию подобных зависимостей, должны быть тщательно изучены и использованы для профилирования.

Автором статьи был проведен подобный анализ и для формирования стратегии исследования, были выдвинуты три вопроса[4]:

1) какие паттерны поведения приводят к возникновению зависимого поведения у серийных сексуальных убийц?

2) как эти аспекты связаны с характеристиками жертвы, преступника и места преступления?

3) каковы истоки зависимого криминального поведения? Каково соотношение биологического и социального в этой этиологии?

Переменными для анализа выступили парафилии, обнаруженные в описании modus operandi серийных сексуальных убийц.

Автором была применена следующая аналитическая стратегия: для поиска интересующих переменных был проведен мета-анализ и контент-анализ 60-ти кейсов зарубежных уголовных дел, в которых фигурантами были серийные сексуальные убийцы (далее – ССУ). При помощи запросов: «Serial Sexual Homicide», «Serial Sexual Abuse», «Serial Sexual Murderers» осуществлялся поиск необходимых источников на трех ресурсах: «ResearchGate», «Academia» и «PubMed». Большая часть из них (98,3%) были высланы авторами исследований по запросу в личной переписке. Всего – 122 источника. При помощи семантического анализа были отобраны те из них, которые содержали психологические исследования и эксперименты, а также анализ архивных данных по преступлениям сексуального характера, в том числе, сексуальным убийствам. Всего – 96 источников. Далее при помощи перевода с трех языков: английский, французский и испанский, были отобраны те исследования, которые касались психологических экспериментов и заключений, связанных с сексуальными убийствами. Всего – 60 источников. Большую часть из них (98,9%) составили источники на английском языке. После этого автором были отобраны 20

[1] Mony J. Vandalized Lovemaps: Paraphilic Outcome of Seven Cases in Pediatric Sexology/John Money and Margaret Lamacz, Prometeus Books, Buffalo, New York, 1989.
[2] Ткаченко А.А. Указ. соч. С. 6.
[3] Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: БИНОМ, 2015. С. 478-479.
[4] Нечесова С.В. Сексуальный сценарий как основа "modus operandi" серийных сексуальных убийц // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2020. № 2. С. 141-146.

источников для более детального контент-анализа по интересующим переменным (парафилии и парафильные расстройства).

Все отобранные источники содержали исследования, базирующиеся на сравнении поведения правонарушителей, совершивших сексуальные преступления, с другими криминальными группами, а также внутригрупповые сравнения. В итоге контент-анализу подверглись 8258 убийств, совершенных в пяти странах мира за период с 1976 по 2018 год. Из них 5944 убийства были совершены с сексуальным контекстом, так как соответствовали по крайней мере одному критерию Ресслера, Берджесса и Дугласа[1]: а) жертва найдена частично или полностью обнаженной, б) обнажены гениталии, в) тело, обнаружено в откровенно сексуальном положении, г) жертва имеет вставленные в полость тела (анус, влагалище, рот)объекты; д) есть свидетельство сексуального контакта или замещающей сексуальной активности (например, мастурбация и эякуляция на месте преступления) или садистских сексуальных фантазий (например, генитальные увечья).

Были обнаружены следующие паттерны зависимого поведения:

1) парафилии и парафильные расстройства;

2) сексуально принудительное поведение.

По результатам анализа были сделаны следующие выводы:

1) В modus operandi серийных сексуальных убийц (ССУ) основными паттернами, ведущими к зависимому поведению, выступили поведенческие модели, которые были основаны на: геронтофилии, сексуальном садизме, сексуальном мазохизме, некрофилии, раптофилии, педофилии, гебефилии;

2) предикторами сексуальных убийств выступили так называемые «парафилии ухаживания»:

- вуайеризм;
- фроттеуризм;
- эксгибиционизм;
- биастофилия.

Они были обнаружены у гетеросексуальных мужчин, страдавших сексуально принудительным поведением, но еще не совершивших убийство. Психологи, проводившие исследование, пришли к выводу, что перечисленные парафилии могут привести в дальнейшем к совершению серийных сексуальных убийств;

3) серийные сексуальные убийства опосредованы девиантными сексуальными интересами. Следовательно, их мотивацией выступают парафилии. Например, во многих случаях убийство жертвы было мотивировано некрофильными интересами. Была опосредована взаимосвязь зависимого поведения сексуальных агрессоров (не убийц) с такими парафилиями, как: мазохистские и садистские интересы, фетишизм, трансвестизм, опыт реализации «парафилий ухаживания», опыт сомнофилии. Сделан вывод о том, что именно эти парафилии могут привести к совершению убийств;

4) такой сексуальный домен, как «парафилии», по мнению судебных психологов, может привести к сексуальным убийствам. В то же время, никаких социально обусловленных причин возникновения мотивации к сексуальному убийству ни в одном из рассмотренных случаев получено не было. Обнаружились существенные различия в modus operandi между группами серийных сексуальных убийц (ССУ) и сексуальных агрессоров (насильников), а также внутри группы ССУ выявлены

[1] Ressler R.K., Burgess A.W., & Douglas. Sexual homicide: Patterns and motives. New York, NY: Lexington. 1988.

существенные отличия в modus operandi трех групп: ССУ детей; ССУ пожилых; ССУ женщин.

Таким образом, в результате проведения мета-анализа и контент-анализа, автору статьи удалось ответить на все поставленные вопросы исследования.

Для того, чтобы проиллюстрировать влияние парафильного поведения на успех ОРД, можно рассмотреть один пример. Известный преступник, совершавший убийства и изнасилования на протяжении 20-ти лет, успешно избегал поимки. При этом он не старался скрыться или переехать в другую местность. Все время, пока он совершал серийные убийства, не меняя почерка, он жил в своем доме и работал на одной и той же работе. Его звали Гэри Леон Риджуэй (известен под кличкой «Грин Ривер»). При этом методы географического профилирования уже в то время способствовали раскрытию некоторых громких преступлений в Канаде и США. Однако, Гэри не могли поймать. Полиция отталкивалась от компьютерной математической модели, предложенной Кимом Росмо, которая успешно вычислила базу преступника и якорные точки на карте. Тем не менее, составленный профиль не помог. Буферная зона, а также эллипс стандартного отклонения очерчивали правоохранителям на карте места, где последний раз видели девушек и женщин. И действительно, впоследствии подтвердилось, что Гэри знакомился или впервые встречался с ними именно в этих местах, он часто бывал там и вел активную преступную деятельность (рис. 1)[1]:

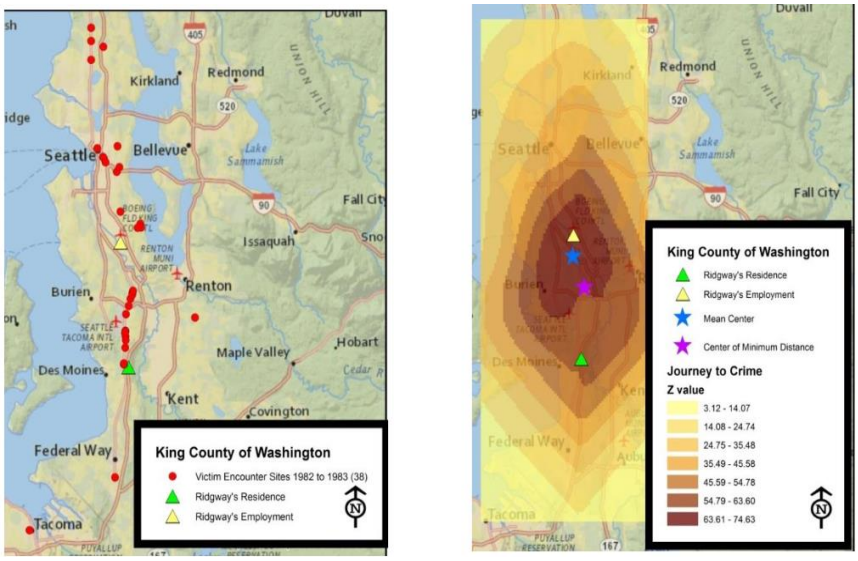


Рис. 1. Места, где Грин Ривер знакомился с жертвами (красные точки на карте)

На правой карте, где нанесен ГП при помощи методов математического моделирования, видно, что центр среднего значения (синяя звезда) практически совпал с базой преступника, местом работы Риджуэйя (желтый треугольник). При этом центр минимальной дистанции (сиреневая звезда) находится ровно посередине между двумя якорными точками – базами (работой – желтый треугольник; и местом жительства преступника – зеленый треугольник). Казалось бы, выставленные в этом районе посты, работающие видеокамеры, свидетели, при которых Гэри похищал своих жертв, должны были дать результат. Но этого не случилось. Серийник

[1] Neldner R. The Geographic Profiling of Serial Murderer, Gary Ridgway, to Assist Law Enforcement in the Apprehension of Future Serial Murderers // Saint Mary's University of Minnesota University Central Services Press. 2015. Volume 17, Papers in Resource Analysis. P. 22.

находился постоянно в буферной зоне, но его так и не удалось идентифицировать. Правоохранителям не хватало особой приметы, которая помогла бы отличить его от массы других людей. Поэтому можно сделать вывод о том, что метод ГП должен учитывать не только аспекты математического моделирования, но и клинические аспекты зависимого поведения, которые имеют значение для пространственного перемещения, и помогут отграничить преступника, страдающего парафилией/парафильным расстройством ото всех остальных.

Одним из парафильных интересов Риджуэйя была некрофилия. Как выяснилось позже, из допросов преступника, он постоянно бывал в тех местах, где хоронил или просто оставлял свои жертвы. Местность, где Гэри утилизировал трупы, перевозил их целиком или расчлененные с одного места на другое, была расположена в соседнем районе, однако, зона активности на профиле уже выглядела как горизонтальный круг, а не как вертикально вытянутый эллипс (рис. 2):

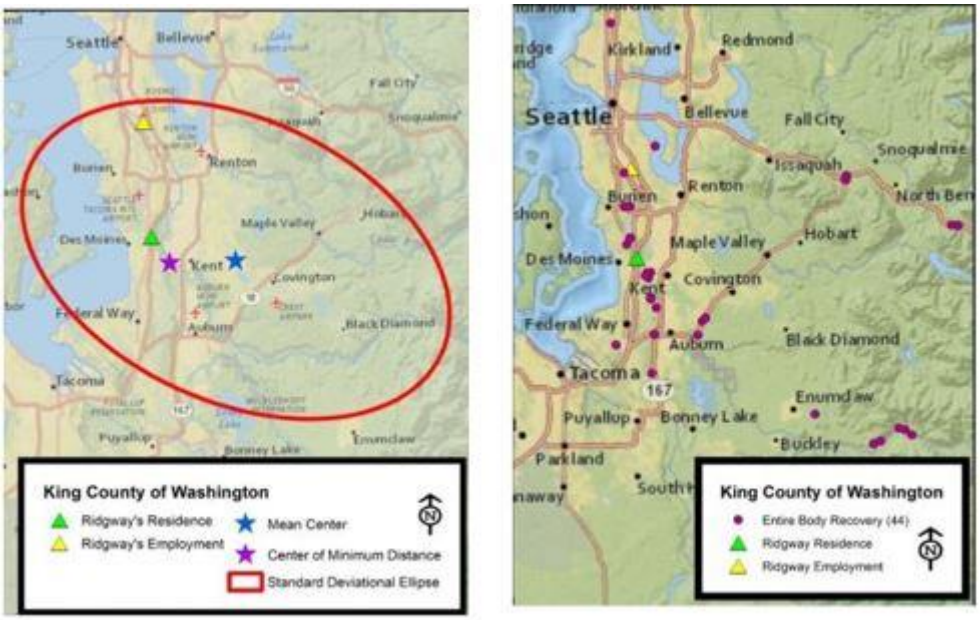


Рис. 2. Места утилизации, захоронения и перевозки трупов (44 кейса)

При сравнении данных, приведенных на рис.1 и рис.2 становится очевидным, что пространственное криминальное поведение преступника резко меняется при переходе от рутинной деятельности к реализации мании, которая составляла основу «modus operandi». Если бы на тот момент времени, когда преступник приступил к исполнению парафильных ритуалов, полиция выявила по каким-либо следам его парафильный интерес, Гэри был бы сразу же пойман. Дело в том, что стадия сталкинга была для него важна и необходима, но, пребывая в этот момент в адекватном состоянии и контролируя свое сознание, преступник прилагал усилия к тому, чтобы слиться с серой массой, быть незаметным. И только при исполнении парафильного ритуала он не смог бы себя так контролировать.

По мнению ученых, дофаминовые системы головного мозга подразделяются на более мелкие подсистемы, которые выполняют в организме определенные функции. Считается, что самыми мощными управляющими системами являются дофаминергические комплексы связанных между собой органов. При этом выделяют три основных системы: нигростриальную, мезолимбическую и мезокортикальную. Первая отвечает за моторные функции организма, вторая и третья – формирует

мотивационные механизмы влечений, в том числе, и сексуальных. Важна также роль гипоталамической системы, отвечающей за процессы секреции пролактина гипофизом и за некоторые другие эндокринные функции [1]. Схема парафильного ритуала, единожды зафиксированная в данном контексте, будет управлять всеми влечениями индивида. Он будет строить на этой основе свою жизнь: деятельность, отдых, привычки, отношения, круг интересов и тому подобное.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что методы зарубежного географического моделирования поведения серийных сексуальных убийц на современном этапе сосредоточены на поиске эффективных схем выявления приоритетных для преступников районов, которые при помощи картирования кейсов старых успешных расследований указывают на причины неудач и обнаруживают клинический аспект пространственного поведения. В рассмотренном выше кейсе при географическом моделировании пространственного поведения Гэри Риджуэйя, выяснилось, что центр горизонтального девиантного эллипса (синяя звезда на рис. 2) сместилась в сторону места жительства преступника, а центр девиантной активности – сиреневая звезда практически с ним совпала (зеленый треугольник, рис. 2). Это коренным образом меняет схему действия правоохранительных органов, так как патрули, наряды, проверки, опросы свидетелей и остальные розыскные мероприятия должны были проводиться принципиально другим образом и в других местах, они должны были сместиться из оживленных районов, где исчезали жертвы, в те районы, где преступника можно было бы обнаружить в лесополосе, неподалеку от его дома.

Автором тезисов при проведении мета-анализа и контент-анализа зарубежных уголовных дел, связанных с серийными сексуальными преступлениями, были выявлены критерии зависимого поведения, составляющие «modus operandi». Большинство из них связаны с клиническими аспектами различных парафильных расстройств. Поэтому можно утверждать, что степень зависимого поведения, которое формируется под влиянием парафильной карты у серийных сексуальных убийц, очень высока, при этом их этиология обнаруживает более тесную связь с биогенетическими предпосылками, чем с социальными. Важными аспектами составления географического профиля с учетом «сексуального сценария», моделирования на их основе поведения неустановленного преступника и внесения этих данных в профиль, являются: рассмотрение успешно раскрытых кейсов в совокупности с изучением медицинских анамнезов, протоколов судебно-медицинского, в том числе и психолого-психиатрического обследования преступников с разработкой картирования их преступлений при помощи методов ГП.

Олейникова П.А.
Научный руководитель**: Бражников Д.А.**

Применение информации из социальных сетей в расследовании и раскрытии преступлений

Аннотация: В данной статье рассматривается роль социальных сетей в подготовке и совершении преступлений, а также в применение информации из этих сетей в расследовании и раскрытии преступлений. В статье представлены самые распространённые виды совершаемых преступлений, при использовании социальных сетей. Акцентируется внимание на отдельных вопросах обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой

[1] Тиганов А.С. Психиатрия: рук. для врачей. М.: Медицина, 2015. С. 117-118.

информации, содержащейся в социальных сетях и использование её при раскрытии преступлений.

Ключевые слова: Правоохранительные органы, электронные доказательства, социальные сети, преступления, криминалистически значимая информация, цифровой след, сообщения.

В настоящее время в судопроизводстве все чаще используются электронные доказательства. Они состоят из электронной информации и её носителей. С. В. Зуев подразделяет данные доказательства на несколько групп[1]: информационные сети, сетевые инфраструктуры, системы информационной безопасности, технологические устройства фиксации в правоохранительной деятельности, персональные устройства. Последняя группа носит более личный характер. К данной группе относят персональные портативные устройства для планирования деятельности, телефоны и смартфоны, стационарные и мобильные компьютерные устройства, банковские карты, а также персональные страницы в социальной сети. Последние содержат в себе огромное количество информации, не только характеризующей личность пользователя, но и являющейся способом распространения информации, нарушающей конфиденциальность.

Социальные сети не редко являются «местом» совершения ряда преступлений, таких как:

– склонение, содействие либо побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ);

– клевета (ст. 128.1 УК РФ);

– незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ);

– возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и другие.

Как же классифицируют полученные данные из социальных сетей в качестве доказательств? В уголовном процессе доказательства подразделяются[2] на показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий и иные документы. В качестве источника доказательств информации из социальных сетей допускаются «иные документы», в них могут быть изложены сведения, которые имеют значение для установления обстоятельств, подлежащие доказыванию (ст. 84 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ такие документы могут содержать сведения, которые будут зафиксированы либо в письменном, либо в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, которые были получены, истребованы или представлены в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Часть 1 данной статьи сообщает о том, что собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства может осуществляться дознавателем, следователем, прокурором и судом путем произведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Таким образом, доказательства могут быть получены только законным способом, а именно в

[1] Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; ответственный редактор С. В. Зуев. М.: Издательство Юрайт, 2020. 193 с.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ Дата обращения: 26.10.2020.

результате процессуальных действий, которые закреплены УПК РФ. Поэтому, например, электронными доказательствами не будут являться доказательства, полученные в результате взлома аккаунта в социальной сети, так как данный метод не является законным способом. Кроме того, простые распечатки почты, переписки из социальных сетей не могут приниматься судом в качестве доказательств: для этого предусмотрены специальные мероприятия. Данные мероприятия заключаются в юридическом закреплении найденных в сети материалов через нотариуса. Следственные же органы могут зафиксировать переписку и без нотариуса.

Помимо доказательств, представленных в виде «иных документов», информация из социальных сетей может иметь доказательственную базу, если будет представлена в качестве заключения эксперта. Известно, что почти каждое преступление имеет след, и цифровое не является исключением. При совершении электронных преступлений остается цифровой след. В социальных сетях данный след выражается в репостах, лайках, историях просмотра сообществ, поисковых запросов, сообщениях, фото-, видео-, аудиозаписях. Все это помогает в раскрытии преступлений. Но, как говорилось ранее, чтобы цифровые данные носили доказательственный характер необходимо проведение экспертиз.

Например, проведение судебно-психологической экспертизы в социальных сетях основано на исследовании лайков, репостов, личных сообщений и иных сведений. При изучении этих данных может быть составлен психологический портрет [1] конкретного лица, определённый тип личности, образ жизни, предпочтения и интересы во всех сферах жизни. Если учитывать тот факт, что значительный объем информации в социальной сети размещен в виде текстов, возможно проведение лингвистической экспертизы. Анализ текста способен не только дать представление о личности автора, но и выявить потенциальную угрозу совершения преступлений или уже совершенные преступления, например, экстремистского характера. С 2016 года появилась возможность записывать голосовые сообщения в социальных сетях, данные аудиозаписи иногда могут быть предметом проведения фоноскопической экспертизы. Таким образом, данные, полученные из социальных сетей, могут являться доказательствами в качестве заключения эксперта.

Как отмечалось ранее, электронные доказательства состоят из электронных носителей информации. Данные носители могут быть изъяты в соответствии с 164.1 УПК РФ. В качестве таких носителей могут служить смартфоны, планшеты, компьютеры. Отсюда, самым простым способом обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, содержащейся в социальных сетях, является осмотр открытой страницы в социальной сети участника уголовных правоотношений на изъятых устройствах.

Данный осмотр возможно провести тремя способами [2]: первый - открытием страницы пользователя на устройстве, которое было изъято. Второй способ заключается во введение логина и пароля к странице, как на устройстве собственника, так и на другом с выходом в Интернет. Логин и пароль от страницыв социальной сети следует получить у владельца, либо, используя соответственную функцию. Третий

[1] Пискунова Е.В. Использование данных, содержащихся в социальных сетях, для расследования и раскрытия преступлений // [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Скобелин С.Ю., Денисов Е.А. Особенности осмотра страниц социальных сетей участников уголовного судопроизводства // [Электронный ресурс] // URL: www.elibrary.ru. Дата обращения: 26.10.2020.

способ – это осмотр страницы социальной сети через другую страницу с введением логина и пароля к последней. Суть данного способа заключается в том, что страницу, которой интересуются правоохранительные органы, осматривают с использованием другого аккаунта. В такой ситуации, на практике, зачастую изучают страницу социальной сети подозреваемого, обвиняемого через электронное устройство следователя.

При осмотре страницы в социальной сети составляется протокол, в котором необходимо отразить [1] : название социальной сети, способ осмотра страницы, персональный идентификатор страницы, анкетные данные пользователя страницы, количество «друзей», «подписчиков», «последнее посещение страницы пользователем», сведения об имеющей значение для уголовного дела переписке с другими пользователями, сведения об аватаре и иных криминалистически значимых фотографиях на странице, сведения о видеозаписях, сведения о сообществах, в которых состоит пользователь.

Как же осуществляется фиксация криминалистически значимой информации в социальных сетях? Для фиксации такой информации стали использоваться скриншоты. Что же такое скриншот? Скриншот– это изображение, которое получено компьютером и показывает в точности то, что видит пользователь на экране монитора в конкретный момент времени [2] , т.е. скриншот фиксирует обстановку, которая изображена на устройстве. Из-за того, что страница социальной сети может иметь большую протяженность по вертикали, то при создании скриншотов необходимо использовать такой криминалистический прием, как панорамирование. В судебной практике скриншоты могут размещаться непосредственно в описательной части протокола осмотра; оформляться в виде фототаблицы в качестве приложения к протоколу осмотра; копироваться на CD-диск, который прилагается к протоколу осмотра.

После рассмотрения основных составляющих доказательственной базы данных из социальных сетей, рассмотрим самые распространённые социальные сети в России. Какие из них сотрудничают с правоохранительными органами и какие преступления наиболее распространены в данных сетях?

Наиболее популярными социальными сетями в России являются YouTube и ВКонтакте [3] . В YouTube ежемесячный охват аудитории составляет 82,8 млн пользователей, ВКонтакте количество пользователей на июнь 2020 составило 73 млн. Социальная сеть «ВКонтакте» является одной из немногих сетей, которые сотрудничают с правоохранительными органами. Администрация данной социальной сети может удалить контент, который активно разжигает межнациональную рознь, а также который распространяет порнографический материал и провокационный, при этом правоохранительные органы должны предоставить соответствующий документ. На сайте социальной сети «ВКонтакте», а именно в разделе «защита данных», в пункте «процесс обработки запросов» сообщается, что в соответствии с законодательством, правоохранительные органы могут затребовать информацию о пользователебез судебного решения – например, адрес личной страницы, время и IP-

[1] Скобелин С.Ю., Денисов Е.А. Указ. соч.

[2] Скриншот Википедия [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/. Дата обращения: 27.10.2020.

[3] Статистика социальных сетей [Электронный ресурс] // URL: https://ppc-world.turbopages.org/ppc.world/s/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/. Дата обращения: 25.10.2020.

адрес регистрации профиля, номер мобильного телефона, адрес электронной почты, историю смены имени пользователя и номер мобильного телефона, который прикреплен к странице, время и IP-адрес размещения указанного в запросе контента, историю и перечень IP-адресов для входа на страницу[1].

В связи с тем, что социальные сети содержат в себе множество конфиденциальной информации о пользователях, а также являются наиболее эффективным способом общения, эти сети стали использоваться в целях совершения преступлений. Наиболее распространенными видами преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей, являются: экстремистка деятельность (ст. ст. 282 - 282.3 УК РФ), с оборотом наркотических средств, психотропных веществ (ст. ст. 228, 228.1), мошенничество (ст. ст. 159, 159.6 УК РФ), доведение до самоубийства и склонение к нему (ст. ст. 110-110.2 УК РФ).

Одним из наиболее громких преступлений, связанных с социальными сетями в 2016 году стала игра «Синий кит», суть которой заключалась в выполнении 50 заданий, 49 из которых были направлены на подготовку к совершению самоубийства, а последнее, финальное - суицид. Данная игра стала популярной в социальной сети «ВКонтакте» среди подростков. В сети создавались сообщества с названиями «Синий кит», «Разбуди меня в 4.20», «Тихий дом», «F57», в этих группах публиковались депрессивные материалы: фотографии, видеозаписи, аудио и короткие демотивирующие тексты, направленные на побуждение к суициду. Подростки, проявлявшие активность в группах, выбирались кураторами, те в свою очередь давали им задания, которые они должны были выполнять в течение 50 дней. Так, В Челябинске 18 мая 2017 г. было возбуждено уголовное дело о доведении до самоубийства посредством переписки в социальной сети. 16 мая 14-летняя девочка совершила попытку самоубийства, выполняя задание из игры «Синий кит»[2]. Молодой человек, под ником «Илья Спартак» в течение нескольких месяцев давал ей различные задания – сделать себе больно, посмотреть ночью ужастик и другие. Последним – было задание совершить суицид. В ходе расследования переписка из социальной сети была исследована, в результате чего было установлено, что Илья Спартак – это почтальон Илья Сидоров, обвиняемый признал свою вину. В итоге Илье Сидорову грозит 15 лет колонии по пункту, а ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Еще из распространённых видов преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей, является сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В настоящее время социальные сети являются удобным место совершения данного вида преступлений. С их помощью исключаются личные встречи с покупателем, оплата производится при помощи платежных систем. При таких условиях к уголовной ответственности удается привлечь только рядовых участников преступных групп – курьеров и «закладчиков», а установить организаторов достаточно сложно. При расследовании данной категории дел объектом поиска выступает информация в социальных сетях, а именно переписка приобретателя и сбытчика, номера телефонов, электронных карт для перевода денег, фотографии, на которых содержатся координаты «закладок», т.е. любые сведения, которые свидетельствуют о направленности умысла на приобретение или сбыта наркотиков.

---

[1] Защита данных ВКонтакте [Электронный ресурс] // URL:https://vk.com/data_protection?section=requests. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Дело «Синего кита» [Электронный ресурс] // URL: https://nashchelyabinsk.ru/post/delo-sinego-kita-ekskliuzivnye-podrobnosti-ugolovn/. Дата обращения: 27.10.2020.

Также социальная сеть может являться местом преступления для подготовки и организации экстремисткой деятельности. Одним из громких дел, связанных с социальными сетями, является деятельность экстремистской организацией А.У.Е. Организаторы данного движения привлекают несовершеннолетних, так называемой «тюремной романтикой», пропагандируют среди них воровские и тюремные «понятия», а также вовлекают в исполнение «воровского кодекса» со сбором денег. Используя, социальную сеть ВКонтакте создаются сообщества «А.У.Е», где участниками движения провозглашаются идеи борьбы с правоохранительными органами и властями всех уровней, распространяется тюремный контент, именно в такие группы и вступают подростки. По данным Генпрокуратуры РФ, движение А.У.Е. в России насчитывает более 34 тысяч активных приверженцев в 40 регионах, из которых до 40 процентов – подростки в возрасте 13-17 лет. С 17 августа 2020 г. А.У.Е. признан Верховным Судом РФ экстремисткой организацией и запрещена на территории Российской Федерации[1]. На данный момент все сообщества А.У.Е. заблокированы по требованию Роскомнадзора.

Таким образом, с одной стороны, социальные сети могут быть использованы в целях подготовки и совершения отдельных преступлений, и часто являются площадками совершения этих преступлений. С другой стороны, социальные сети могут использоваться сотрудниками правоохранительных органов для получения значимой информации по уголовным делам, путем проведения анализа данных о лицах, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу.

Кроме того, информация из социальных сетей может быть использована для проведения допроса подозреваемых. Важной частью подготовительной стадии допроса является выяснение информации о личности допрашиваемого. Традиционными способами получения такой информации служат опросы знакомых, друзей и родственников, а также направление запросов в различные организации. Использование информации из социальных сетей оказывается весьма эффективным в связи с тем, что данную информацию можно достать довольно быстро и иногда без специального оборудования, социальные медиа имеют свойство к накоплению неограниченного количества информации за все годы использования пользователем сети Интернет. Отсюда, использование информации из социальной сети в правоохранительной деятельности может облегчить работу сотрудников, для этого необходимо законодательное закрепление использования такой информации в целях доказывания. Предпосылками для этого служат такие законодательные акты как ФЗ №144 от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», УПК РФ, УК РФ. Также, с 1 июля 2018 года вступил в силу закон «Пакет Яровой» (ФЗ № 374 от 06.07.2016 и ФЗ № 375 от 06.07.2016), согласно, которого телекоммуникационные компании должны хранить записи телефонных звонков и переписки своих клиентов в течение шести месяцев. Он направлен на борьбу с терроризмом и является одним шагом, направленный на помощь правоохранительным органам в сфере обеспечения интернет-безопасности.

[1] Дело «А.У.Е.» [Электронный ресурс] // URL: https://kurer-sreda.ru/2020/09/10/599008-za-pablik-aue-vo-vkontakte-poshli-po-etapu-nadolgo-druzya-sud-dal-na-troix-15-let. Дата обращения: 27.10.2020.

Петухова А.К.
Научный руководитель: **Свободный Ф.К.**

Осмотр места происшествия как источник информации о личности преступника при расследовании преступлений против половой неприкосновенности малолетних

Аннотация. В статье показывается, что место преступления является важным источником информации об особенностях личности преступника. Между личностью и местом происшествия существует неразрывная связь. Грамотно проведенный осмотр места происшествия позволяет выдвинуть адекватные следственные версии о личности преступника, совершившего преступление против половой неприкосновенности малолетних.

Ключевые слова: место преступления, осмотр места происшествия, особенности личности преступника, половая неприкосновенность оскудение личности.

Обеспечение прав и свобод несовершеннолетних, защита детей от преступных посягательств является одним из важнейших направлений внутренней политики Российской Федерации.

Правоохранительные органы России ведут активную работу по данному направлению. Так, например, Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин неоднократно в своих выступлениях указывает на то, что особое значение для Следственного комитета является защита прав детей, необходимость борьбы с любым насилием, совершенным в отношении детей[1].

В последние годы статистика преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних остается на высоком уровне. В 2018 году следователями СК России возбуждено 20642 уголовных дела о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, в 2017 году возбуждено 21 365 уголовных дел. Большая часть уголовных дел возбуждено о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, таких как изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия[2].

В связи с этим необходимо уделить особое внимание расследованию преступлений против половой неприкосновенности малолетних. Расследование таких преступлений имеет особую специфику, связанную с личностью потерпевшего, преступника, мотивами преступного поведения виновного. Поэтому следователю, оперативным сотрудникам при расследовании таких преступлений необходимы специальные познания в сфере права, криминалистики, психологии, педагогики и других смежных наук. Применение специальных познаний следователем осуществляется на всех этапах расследования преступлений, а также при проведении всех следственных действий.

Тактика расследования изнасилований и насильственных действий сексуального характера малолетних зависит от того, когда правоохранительным органам стало известно о совершенном преступлении: о преступлении стало известно сразу же после его совершения или спустя какое-то время (месяц, год или несколько лет). Так как такие преступления могут совершаться на протяжении многих лет, и не каждый

[1] Официальный сайт «Следственного комитета России». [Электронный ресурс] // URL: https://sledcom.ru/news/item/1360941/. Дата обращения: 25.10.2020.
[2] Официальный сайт «Следственного комитета России». [Электронный ресурс] // URL: https://sledcom.ru/news/item/1360941/. Дата обращения: 25.10.2020.

ребенок в силу своего возраста осмелиться сообщить о совершенном в отношении него преступления сразу.

Также тактика расследования зависит от следственных ситуаций: личность преступника известна следствию и личность преступника неизвестна.

В зависимости от следственных ситуаций следователь должен правильно организовать расследование преступления и проведение следственных действий.

Одним из самых важных и необходимых следственных действий проводимых при расследовании всех преступлений, в частности и преступлений против половой неприкосновенности малолетних является осмотр места происшествия.

Под осмотром места происшествия А.Н. Васильев понимает следственное действие, состоящее из исследования и фиксации обстановки места происшествия, при котором следователь обнаруживает, фиксирует и изымает следы преступления и вещественные доказательства[1].

Под местом происшествия следует понимать помещение или участок местности на котором обнаружены следы преступления[2].

Исследование именно места происшествия позволяет следователю собрать необходимую первоначальную информацию для раскрытия и расследования преступления. Место происшествия несет в себе информацию о событии преступлении, личности преступника, его поведении, возможных мотивах, так как на месте происшествия могут находиться орудия преступления, предметы содержащие следы действия преступника, предметы, которые возможно находились у преступника. Преступление совершается в определенной обстановке и условиях, которые могли повлиять на действия преступника. Осмотр места происшествия, изучение обстановки и условий совершения преступления позволит следователю получить информацию об особенностях личности преступника.

Р.С. Белкин отмечал, что при совершении преступного деяния доказательства возникают неизбежно, а сам процесс их возникновения носит закономерный характер[3]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что между преступными действиями и личностью преступника существует неразрывная связь. Это может проявляться в способе совершенного преступления, выборе места совершения преступления, а также в выборе непосредственно самой жертвы преступного посягательства.

Информация, которую следователь получает на месте происшествиях, дает возможность определить пол преступника. Такую информацию можно получить из анализа места, которого преступник выбрал для совершения преступления, способа совершения преступления и непосредственно самой жертвы.

Как известно преступления против половой неприкосновенности малолетних совершаются не только мужчинами, но и женщинами. Однако, такие преступления совершаются женщинами реже, нежели мужчинами. Возможно, это связано с тем, что мужчины меньше могут сдерживать свои сексуальные желания. Как правило, женщины - педофилы просто фантазируют о сексуальном контакте с детьми и не выходит за эти рамки[4]. Сексуальное влечение к детям у женщин может так же проявляться в общении с детьми, заботе о них, или общением с ними в Интернете. В

[1] Васильев А.Н. Осмотр места происшествия. М., 1960. С. 5.
[2] Криминалистика: учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2011. С. 63.
[3] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1977, С. 62.
[4] Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001, С. 352.

следственной практике как зарубежной, так и отечественной встречаются случаи, когда женщины совершают сексуальное насилие над детьми, но они выбирают местом совершения преступления: свое место жительство, место жительства ребенка, место, которое она считает безопасным [1]. Женщина будет совершать такое преступление с особой подготовкой, она не выберет случайного ребенка. Она навряд ли нападет на незнакомого. Чаще всего жертвами женщины будут дети, с которыми она знакома, или находиться в родственных связях.

Мужчины совершая такие преступления могут выбирать в качестве жертв ранее не знакомых им детей. Им свойственна несдержанность своих желаний, что в последствии проявляется в их действиях, поэтому они могут напасть на незнакомого ребенка, возвращаясь, например, домой или по дороге в магазин.

Например, в Головинском межрайонном следственном отделе Следственного комитета России возбуждено уголовное дело по признакам преступления предусмотренного ч. 4 ст. 132 УК РФ по факту совершения М. иных действий сексуального характера в отношении малолетнего П. В вечернее время М. поехал забирать жену с работы, по дороге заехал в магазин. Рядом с магазином находился парк, в котором играли дети. М. подошел к П. приспустил его штаны и трогал за половые органы[2].

Говоря о способе совершения сексуальных преступлений в отношении малолетних, женщинам нередко характерно совершение таких преступлений в составе группы, в которую могут входить как другие женщины, так и мужчины. Часто женщины утверждают, что на совершение преступления их подтолкнул мужчина.

В Санкт-Петербурге правоохранительными органами были выявлены две семьи, которые договорились между собой развращать детей, передавая их друг другу. Они неоднократно обменивались детьми для совершения действий сексуального характера[3].

Место совершения преступления может дать информацию не только о половой принадлежности преступника, но и информацию о возможном месте жительстве преступника.

Так, например, в 2011 году был задержан Т., 33 лет, по подозрению в совершении иных насильственных действий в отношении малолетнего мальчика. В дневное время Т., желая удовлетворить свои сексуальные желания, пришел во двор многоэтажного дома, расположенного рядом с парком культуры «Победа» в г. Севастополь, где находился малолетний Л. Т. подошел к мальчику, злоупотребляя его доверием и дружелюбием предложил последнему пройти с ним в парк под предлогом покататься на аттракционах. Л. согласился. Когда они прошли в парк Т. завел его в безлюдное место – лесной массив, где совершил насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего Л. Т. был задержан в тот же день. В ходе следствия было установлено что Т. жил недалеко от парка культуры «Победа». При осмотре места происшествия, изучении способа совершения преступления следствие пришло к выводу, что Т. заранее готовился к совершению данного преступления, заранее определился с местом совершения преступления, выбрал жертву[4].

---

[1] Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Указ. соч. С. 352.

[2] Следственная практика ГСУ СК России по г. Москве.

[3] Сайт «Hronika.info». [Электронный ресурс] // URL: https://hronika.info/mir/56443-v-kulturnoy-stolice-rossii-arestovali-dve-semi-pedofilov/. Дата обращения: 25.10.2020.

[4] Следственная практика СУ СК России по Ставропольскому краю.

На месте происшествия всегда будут оставлены следы преступления, по которым можно судить об определенных навыках предполагаемого преступника, его привычках, способностях, умениях (например, оставленные на месте преступления окурки, могут свидетельствовать, что преступник курит, это позволит изъять данный предмет и провести генетическую экспертизу). Следы могут указывать на некоторые черты личности и характера преступника (жестокость, осторожность, решительность и т.д.). Например, способ совершения преступления позволяет выдвинуть версию об отдельных характеристиках личности преступника («индивидуальный почерк» преступника; истинным педофилом совершенно преступление или ситуативным и др.).

Проведенный при осмотре места происшествия анализ места преступления, объекта посягательства, способов совершения и сокрытия преступления представляет также возможности для определения профессии, профессиональных навыков, знаний и умений преступников. Эта возможность обусловлена, в частности, тем, что профессиональные навыки, знания и умения реализуются в способе совершения преступления. Например, преступления, совершенные возле школы, позволит предположить, что преступник возможно работает в школе или рядом с ней.

Наглядно проявляются в способах совершения преступления, в способах его сокрытия, навыки, способности, интеллект преступника, его индивидуальный способ поведения, который позволит судить о его привычках, увлечениях, профессии. Поведение человека всегда отражается в окружающей среде[1].

При осмотре места происшествия необходимо учитывать, что педофилы часто готовятся к совершению преступления, подбирают место, выбирают жертву, продумывают план действий. Однако, нельзя не учитывать, что, продумывая до мельчайших подробностей план совершения преступления, преступник не всегда может учесть, что на месте происшествия остаются следы, так как на психику преступника могут воздействовать различные субъективные или объективные помехи, например, страх оказаться пойманным, активное сопротивление потерпевшего в свое время еще З. Фрейд писал, что в поведении человека имеются «ошибочные действия»: оговорки, описки, иные неконтролируемые сознанием действия[2]. Все это может вызвать у преступника эмоциональную, психическую напряженность, вследствие чего нарушается гибкость мыслительных процессов, ослабляется внимание к своим действиям, что приводит к совершению ошибок при совершении преступлений.

Обстановка совершения преступления может дать информацию об отдельных чертах характера преступника, о способе совершения преступления, так же способствует выявлению следов преступления. Например, при осмотре места жительства педофила следователь видит, что в квартире не убрано, вещи разбросаны, стоят в неположенном месте, он может предположить, что лицо страдает психическим расстройством, это связано в первую очередь с тем, что лицо, страдающее психическим заболеванием педофилия на более поздних сроках клинической стадии болезни, приобретает личностные изменения, таких как деформация личности, оскудение личности. А.О. Бухановский утверждает, что оскудение личности происходит в нравственных представлениях, снижением жизненной активности, снижается эмоциональность у субъекта, прекращается

[1] Анфиногенов А.И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. М., 2002. С. 11

[2] Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991. С. 13—14.

духовный, нравственный, социальный рост, субъект теряет интерес ко всему, что не входит в круг его патологического поведения. Данный синдром возникает у больных парафилией довольно редко, однако он обязательно входит в структуру зависимого поведения[1].

Психологический анализ, проводимый в процессе осмотра места происшествия, позволяет сделать вывод о мотиве совершенного преступления. В большинстве случаев мотив может определяться характером совершенного преступления. В следственной практике имеются случаи, когда изнасилование малолетних не является первичным мотивом, и первоначально преступник желает совершить иное преступление (например, грабеж), а изнасилование является ситуативным и совершается уже исходя из обстановки места совершения первоначального преступления.

При изучении места происшествия выдвигая версии о психологических особенностях личности преступника, а иногда даже и предполагая о психиатрической болезни преступника следователь должен быть осторожен, и версии должны быть предварительными. Так как причинная связь между местом происшествия и психологическими особенностями личности носит более сложный характер и требует знания в области психологии, психиатрии, которыми следователь чаще всего не обладает.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осмотр места происшествия является первоначальным и важным источником информации об особенностях личности преступника, учет которых позволит оперативно выдвигать адекватные следственные версии и будет способствовать своевременному и качественному расследованию преступлений.

Пугарчева А.Ю.
Научный руководитель: Гарига О.А.

Типичные следственные ситуации расследования терроризма

Аннотация. Затрагиваются вопросы расследования преступлений террористической направленности. Особенность такого вида преступлений заключается в установлении и введении различных мер, необходимых при разрешении типичных следственных ситуаций, которые возникают при расследовании террористических преступлений. Отмечается опасность разного характера для следователя при выполнении раскрытия и расследования преступлений террористического характера. Рассматриваются разнообразные тактические приемы, которые берут свою основу из анализа личности преступника, его позиций по уголовному делу и другие основания, возникающие при расследовании преступления.
Ключевые слова: Преступления террористической направленности, типичные следственные ситуации, тактика расследования террористических операций, анализ сведений о преступлении террористического характера, контртеррористическая операция.

В нынешнее время в нашей стране деятельность террористических группировок является наиболее опасной, это обосновывается её характером, содержанием и

[1] Андреев А.С, Ковалев А.И., Бухановский А.О., Перехов А.Я., Бухановская О.А., Дони Е.В. Болезнь зависимого поведения: клиническая картина, механизмы криминогенности и виктимности, судебно-психиатрический подход. Материалы 3-й международной конференции «Серийные убийства и социальная агрессия». Ростов-н/Д., 2001. С. 380.

направленностью на дестабилизацию социально-политических основ Российской Федерации.

Прежде всего, под терроризмом понимается устрашение людей. Преступники осуществляют деятельность такого рода, как правило, чтобы запугать население, помимо этой цели террористы делают упор и на деморализацию устоев противоположной стороны. Для того, чтобы реализовать намерения по совершению террористического акта, преступники тщательно планируют свои действия, могут организовывать группы и сообщества, подготавливают финансовую базу. Детальный анализ стадии подготовки к преступлению позволяет выделить в ней такие элементы как вербовка, пропаганда идей терроризма, вооружение террористов, обоснование необходимости совершения преступления террористической направленности. Вербовка необходима в целях привлечения определенной категории лиц, склонных к совершению преступлений террористического характера, в большинстве случаев такие люди ведомые, легко подчиняются и воспринимают информацию. Их нетрудно убедить в обоснованности и необходимости осуществления теракта как единственно возможного выражения идей организации.

Террористический акт, во-первых, является преступлением, которое реализуется в поджоге, взрыве или в иных противоправных действиях. Во-вторых, это преступление имеет своей целью запугать население, дестабилизировать деятельность государства и его органов. В-третьих, такая незаконная деятельность в большинстве случаев приносит огромный урон людям, так причиняется вред здоровью различной степени тяжести, смерть, так же ущерб может быть причинён и имуществу.

В криминалистической науке под преступлением террористической направленности понимается незаконная деятельность как отдельных лиц, так и организованных групп, преступных сообществ. Эта незаконная деятельность выражается в применении насилия либо же в угрозе его применения в отношении физических лиц, юридических лиц, государства и всего населения в целом. Если обратиться к статистике совершенных террористических актов, можно прийти к выводу, что большая их часть приводится в исполнении как раз организованными преступными группами, не исключая и организованные преступные сообщества. Терроризм, содержащий в себе цели устрашения и запугивания, наносящий огромный вред как здоровью людей, так и их имуществу, является наиболее опасным преступлением. Многолетний опыт расследования преступлений такого рода дает нам возможность разделить теракты на внутригосударственные и международные. Специфика такого деления заключается в территории, на которой осуществляются указанные преступления. Продолжая рассмотрение видов террористических актов, следует обратить внимание на незавершенный вид. Его сущность проявляется в том, что террористы выдвигают требования, на которые получают положительный ответ, то есть, эти требования удовлетворяются, и преступники отказываются завершения своего преступного деяния. Существуют теракты без требований. В этом случае, у террористов нет требований, как правило, совершение преступлений террористической направленности реализуется ими в целях защиты своей преступной идеи, её воплощения в реальности.

В текущих условиях формирования и прогресса всего международного сообщества, различных происходящих событий, борьба с преступлениями террористического характера является очень важной и значимой для поддержания и обеспечения

безопасности населения Российской Федерации [1] . Уменьшение показателей совершения преступлений такого рода на территории России является итогом плодотворной и слаженной работы правоохранительных органов. В Российской Федерации за 2019 год было предотвращено 34 теракта. Но данная статистика не должна служить основанием для прекращения либо приостановления совершенствования способов и методов, тактики расследования преступлений такого рода, так как в нынешних условиях преступники становятся более изощренными и продуманными при подготовке и совершении преступлений террористического характера.

Преступления террористической направленности почти всегда появляются и фигурируют в средствах массовой информации, даже в тех случаях, когда после совершения самого преступления прошло пару часов. Это обусловливается тем, что современные информационные технологии достаточно развиты и находятся на высоком уровне, также это можно объяснить и возможностями журналистов, специалистов в данной области, которые оперативно реагируют на поступившую информацию о совершении теракта. Но сотрудники правоохранительных органов не могут моментально получать и анализировать весь объем информации о преступлении террористического характера, о его деталях, в том числе об имеющихся жертвах, личностях преступников. Вследствие этого у населения появляются различные предположения, догадки, сконструированные на непроверенной информации, иногда и на недостоверной, которые могут вызывать панику у населения и затруднять работу специалистов, экспертов, следователей и других работников правоохранительных органов. Поэтому так важно оперативно раскрывать и расследовать террористические преступления.

Как правило, следователи вынуждены расследовать преступления террористической направленности в условиях рискованной обстановки, что не всегда приводит к положительным результатам расследования. Из этого следует вывод, что требуется установление более подходящих и удобных условий для раскрытия и расследования преступлений террористической направленности. Законодатель принял Федеральный закон «О противодействии терроризму» [2] . В данном законе предоставляются такие условия, если наступает случай введения и установления правового режима контртеррористической операции. Указанный закон даёт возможность применения различных мер и ограничений, чтобы реализовать профилактику и предотвратить преступления террористического характера. Также ограничения могут устанавливаться в отношении физических и юридических лиц, не исключая и, ограничения их конституционных прав. Сюда мы, ссылаясь на закон, можем отнести такие меры, как удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов в целях устранения препятствий, отбуксировка транспортных средств, введение наблюдения за телефонными переговорами и иной информацией, которая может передаваться по линиям телекоммуникационных систем и т.д.[3]). Такие ограничения создают благоприятные и надлежащие условия для деятельности специальной категории сотрудников правоохранительных органов, в которых они могут работать эффективнее, плодотворнее, раскрывая, расследуя террористические акты.

---

[1] Ильин Е.П. Характеристика новых вызовов и угроз терроризма на современном этапе // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. № 2 (15). С.20.

[2] Федеральный закон РФ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006.

[3] Там же.

Важно отметить, что условия введенного правового режима контртеррористической операции существенно не отличаются от типичных следственных действий при расследовании преступления. Но они способствуют разработке и использованию определенного плана производства конкретных следственных действий. В криминалистике, как правило, имеет место тактика поэтапного расследования преступлений. Существуют следующие этапы: первоначальный, последующий и заключительный. Разделение расследования преступления именно на такие стадии обосновывается существенным методическим значением этапов расследования, каждый из которых имеет специфику в методах и объемах криминалистической деятельности[1]. Обосновывая целесообразность деления этапов расследования преступления на три уровня, профессор Белкин Р.С. указывал, что основанием такого деления является применение конкретно оперативно-розыскных мероприятий на каждом этапе[2].

Под преступлениями террористического характера понимается совершение любых уголовно наказуемых деяний, которые относятся к террористической деятельности[3].

Следует иметь в виду, что преступления террористической направленности, совершаемые лицами, носят обычно скрытый характер, но, тем не менее, имея схожесть в скрытном осуществлении своих намерений, действия преступников могут различаться по своему смыслу и содержанию. В качестве примера можно привести ситуацию, когда конкретное лицо осуществляло вербовку лиц для реализации террористического акта. В этом случае действия лица носили скрытый характер, они не были очевидны и открыты для окружающих, и при задержании не представляли опасности для правоохранительных органов. Многие лица, готовящиеся к преступлению террористического характера либо совершившие указанное преступление, все равно представляют опасность, поскольку они готовы рисковать своей жизнью, и чаще всего при них может быть различное оружие, которые преступники могут применить при задержании. Примером может служить возбужденное уголовное дело в отношении гражданина по статье 317 УК РФ. Было установлено, что при проведении контртеррористической операции при подходе к дому, где находились члены незаконного вооруженного формирования, одним из участников было применено огнестрельное оружие в отношении сотрудников УФСБ России, в результате произошло столкновение, которое завершилось нейтрализацией незаконного вооруженного формирования.

Важной задачей следующего этапа является анализ и обработка всех сведений о преступлении, которые находятся у правоохранительных органов, также сюда следует отнести доказывание вины лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления. Однако значимость имеют и условия по установлению потенциальных преступных связей, не исключая и международные, так как в данном случае руководство к реализации теракта может идти от лиц, находящихся в другом государстве, либо же функционирование запрещенных на территории России преступных сообществ, располагающихся в другой стране, участниками которых являются преступники, осуществляющие теракты на территории нашей страны. Значимым является также обнаружение и выяснение мотивов, целей, выявление

[1] Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006, С. 490.
[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 392.
[3] Федеральный закон РФ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006.

доселе неизвестных эпизодов преступления и причастность к преступлению новых лиц[1].

Сотрудники правоохранительных органов имеют дело с различными следственными ситуациями в обстановке правового режима контртеррористической операции. Здесь имеет значение точка зрения Волчецкой Т.С., которая отмечала, что в отличие от первоначального этапа, которому присуще аккумулировать информацию, обобщать все закономерности ситуации, в последующем этапе реализуется генерация решения по управлению ситуацией[2].

Первая ситуация складывается в том случае, когда виновный признает вину в совершении преступления террористической направленности. В данном случае против преступника имеется достаточное количество и объём неопровержимых доказательств. Как правило, такие преступники выполняют несущественную роль в преступлении. Важными этапами в проведении следственных действий в указанной ситуации является демонстрирование модели положительного результата сотрудничества с правоохранительными органами, разъяснение преступнику норм уголовно-процессуального права и уголовного права. Если в результате разъяснений и убеждений преступник соглашается на сотрудничество, сотрудник правоохранительных органов должен убедить лицо, что выбранная им позиция является наиболее благоприятной и правильной. Такой способ предоставляет следователю как можно больше возможностей в выборе тактических приемов для расследования преступления.

Вторая ситуация возникает при непризнании преступником своей вины. Здесь работа следователя будет затруднена, так как тактика расследования должна заключаться в подталкивании, побуждении лица, совершившего преступление, к признательным показаниям. В большинстве случаев такие преступники являются лицами, выполняющими главную роль в незаконных вооруженных формированиях, на их счету уже могут быть преступления различной тяжести. Такие преступники уже знают, что в отношении них не будет никаких снисхождений и смягчающих мер, поэтому они не признают свою вину, даже в том случае, если против них имеется немалое количество доказательств. Участие указанной категории лиц при производстве следственных действий в принципе подразумевает возникновение конфликтных ситуаций на протяжении всего разбирательства, что приводит к ограничению применения следователем тактических приемов и способов.

Третья ситуация: известно место нахождения подозреваемого или обвиняемого, но не имеется реальной возможности для привлечения его к участию в уголовном деле. Такая ситуация содержит в себе такие разновидности, как: 1) установлена личность преступника, но он находится в розыске на момент привлечения его к уголовной ответственности. В такой ситуации, как правило, уже имеется постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, но оно еще не допрошено. При таком варианте у следователя имеется основной перечень действий: направить поручения субъектам оперативно-розыскной деятельности, которые осуществляют оперативное сопровождение по уголовному делу, о розыске и принятии мер на установление обвиняемого; наложить арест на почтово-телеграфные отправления.

2) Во время предварительного следствия приходит информация о смерти обвиняемого. Следователь в этом случае будет проверять информацию, источник и

[1] Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и переработ. М., 2010. С. 485.
[2] Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 95.

осуществлять все мероприятия, направленные на подтверждение данной информации. Если факт смерти обвиняемого подтверждается, то устанавливается место его захоронения, производится эксгумация, затем назначаются трасологическая, геномная, медико-криминалистическая и другие виды экспертиз. Проанализировав все доказательства, которые устанавливают личность обвиняемого и его причастность к преступлению террористического характера. Важной задачей в этом вопросе у правоохранительных органов является неразглашение информации о месте перезахоронения обвиняемого, так как оно не должно быть известно широкому кругу лиц, особенно родственникам погибшего и его возможным сподвижникам. Если в преступлении были задействованы международные связи, может возникнуть и такая ситуация, что обвиняемый погиб на территории другого государства. В указанном случае должны решаться вопросы о взаимодействии со спецслужбами иностранного государства на основании УПК РФ, то есть направляется запрос о правовой помощи.

Таким образом, использование типичных следственных ситуаций при расследовании преступлений террористического характера, позволяет сотрудникам правоохранительных органов осуществлять свою деятельность наиболее результативно, безопасно и законно. Также, стоит выделить несомненную пользу международного сотрудничества и оказываемой правовой помощи другими государствами в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений террористического характера.

Сафонова Т. Б.
Научный руководитель: **Сарыгина Э. С.**

Некоторые проблемы оценки допустимости заключения эксперта-экономиста следователем

Аннотация. В статье анализируется некоторые проблемы оценки допустимости заключения эксперта-экономиста при производстве судебно-экономической экспертизы. В следственной практике имеется ряд проблем при оценке некоторых критериев допустимости заключения эксперта-экономиста как самостоятельного доказательства. Очевидно, что по данной проблеме следователю необходимо понимать те элементы, которые он сам может проверить при анализе заключения эксперта-экономиста с целью определения дальнейших путей работы с таким доказательством.

Ключевые слова: свойства доказательства, допустимость заключения, оценка заключения, судебная экономическая экспертиза, недопустимость доказательства.

При раскрытии и расследовании уголовных дел в сфере экономики следователю в определенных случаях необходимо прибегать за помощью сведущих лиц в области экономики. Как показывает практика, именно заключение эксперта-экономиста может быть одним из основных доказательств по преступлениям экономической направленности, которое не может быть заменено никаким другим видом доказательств из числа предусмотренным уголовным законодательством. Следует отметить, что никакое доказательство не может иметь заранее установленную доказательственную силу. Все доказательства должны проходить процедуру оценки, то есть анализ и определение степени доказательственной значимости.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ [1] оценка доказательства включает свойства как: относимость, допустимость, достоверность. Оценка доказательства, как заключение эксперта, является сложным процессом требующего высокого уровня профессиональной компетенции. Еще в 1966 г Р.С. Белкин писал, что оценка доказательств – это мыслительный процесс всех доказательств, основанный на логике, для установления истины по уголовному делу[2]. В свою очередь, заключение эксперта строится на системе объектов, анализ и промежуточные результаты которых и кладутся в основу окончательного вывода по интересующему следствие вопросу.

Термин «допустимость доказательства» означает пригодность заключения эксперта по формальным признакам, общее представление которых очерчивает критерии или элементы проверки непосредственно лицом, назначившим судебную экспертизу.

Н.М. Кипнис оценивать доказательства с точки зрения допустимости по следующим критериям:

-надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств;

-надлежащий источник фактических данных (информации), составляющих содержание доказательства;

-надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств;

-надлежащий порядок проведения процессуального действия, используемого как средство получения доказательств[3].

Профессор Е.Р. Россинская выделяет семь критериев оценки заключения эксперта:

1.Проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы, которая заключается в выяснении следующих вопросов:

-компетентен ли эксперт в решении поставленных вопросов, не вышел ли он за пределы своей компетенции (ст. 75 УПК);

-соблюдены ли права участников процесса при назначении и производстве экспертизы (ст. ст. 196, 197, 198 УПК);

-не имеется ли нарушений закона при получении образцов для сравнительного исследования (ст. 199 УПК);

-соблюдена ли процессуальная форма заключения эксперта (ч. 3 ст. 75; ст. 200 УПК);

2.Проверка подлинности, достоверности, надлежащего качества, достаточности вещественных доказательств и образцов, исследовавшихся экспертом.

3.Оценка научной обоснованности экспертной методики, а также правомерности и целесообразности ее применения в конкретном случае.

4.Проверка и оценка полноты экспертного исследования, которое дает основание судить о полноте:

-исследования всех представленных на экспертизу объектов;

-ответов эксперта на поставленные вопросы;

-описания хода и результатов исследования, а также всех предусмотренных соответствующими методиками диагностических, классификационных, идентификационных признаков.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 82.

[2] Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 8.

[3] Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 1995. С. 26-27.

5.Логическая обоснованность хода и результатов экспертного исследования.

6.Относимость результатов экспертизы к данному уголовному делу.

7.Соответствие выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам – оценка экспертного заключения в совокупности с другими доказательствами[1].

Полагаем, что оценка допустимости заключения эксперта-экономиста должна строиться по аналогии таких критериев, которые выделяет ученый Е.К. Орлов.

1. Правомочный субъект – это эксперт, обладающий компетентностью в своей отрасли и не заинтересованный участник уголовного судопроизводства, назначенный для дачи заключения по судебной экспертизе. Экспертиза может проводиться экспертами государственных судебно-экспертных учреждений (далее СЭУ) либо иными экспертами из числа лиц, обладающими знаниями в этой области. К иным экспертам из числа лиц, обладающими специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных экспертных учреждений, а также лица, не работающие в СЭУ[2].

Под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами[3].

Лица, не работающие, в СЭУ признаются, частные эксперты, которые используют свои специальные знания в зависимости от организационных начал судебно-экспертной деятельности. Частный эксперт при проведении экспертизы, обладает всеми права и обязанностями, предусмотренными УПК РФ, наравне с экспертами СЭУ[4]. Поэтому при назначении следователем экспертизы, он должен быть уверен, что эксперт обладает достаточной компетентностью и профессионализмом, иначе это может привести к недопустимости доказательства. Так, например, приговором районного суда С. был осужден по обвинению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью повлекшего смерть потерпевшего. В качестве одного из доказательств являлась судебно-медицинская экспертиза трупа. В приговоре было указано, что заключение эксперта и компетентность эксперта К. не вызывает у суда сомнений. Адвокат осужденного подал надзорную жалобу, в которой указал, что эксперт К. не является судебно-медицинским экспертом, а являлся хирургом ЦРБ. Надзорная инстанция согласилась с доводами адвоката, обвинительный приговор был отменен, дело было направлено на новое слушание. Впоследствии С. был оправдан в связи с недостаточностью доказательств[5].

2. Соблюдение общих пределов компетенции судебной экспертизы указывает на то, что данное процессуальное действие необходимо, тогда, когда требуются специальные знания в каком-либо вопросе. В связи с этим, следователем, при

---

[1] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 576 с. [Электронный ресурс] // URL: https://znanium.com/catalog/product/977661. Дата обращения: 24.10.2020.

[2] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета от 30 декабря 2010. № 296. П. 2

[3] Там же.

[4] Центр экспертиз при институте судебных экспертизи криминалистики. Словарь эксперта. [Электронный ресурс] // URL://https://ceur.ru/library/words/item105410/. Дата обращения: 29.10.2020.

[5] Экспертные ошибки процессуального характера по уголовным делам. [Электронный ресурс] // URL://https://www.ugpr.ru/article/30-ekspertnye-oshibki-protsessualnogo-haraktera-po-ugolovnym-delam. Дата обращения: 29.10.2020.

вынесении постановления о назначения судебной экспертизы, необходимо ставить вопросы перед экспертом, не выходящие за пределы его компетентности. Например, Ломоновский суд, назначив, судебно-экономическую экспертизу, поставил перед экспертами такие вопросы, которые имеют правовой характер и нагрузку, поскольку при ответе на них эксперту необходимо объяснять правовое обоснование действий хозяйствующих субъектов, что не может быть в компетенции эксперта бухгалтерской и (или) налоговой экспертизы. При этом эксперт вместо отклонения указанных вопросов или действий по уточнению вопросов, ответил на указанные вопросы, допустив толкование права, вместо оценки предмета в области специальных познаний. Постановка судом перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа осуществляющего расследование, прокурора, суда и не входящих в компетенцию эксперта, недопустимо при назначении судебно-экономических экспертиз. Также в определении о назначении экспертизы суд не указал вид экспертизы, сведения о том, какими специальными знаниями должны обладать эксперты, не определены даты проведения экспертизы и даты предоставления суду заключения эксперта. Экспертиза была проведена двумя экспертами, обладающими специальными знаниями в разных областях: оценка бизнеса и бухгалтерский учёт и налогообложение. Экспертами не изучались бухгалтерские записи и первичные документы, они не были ими исследованы[1]. В связи с этим можно сделать вывод, что эксперт не вправе выходить за рамки своей компетентности и отвечать на вопросы, которые не могут быть разрешены им в пределах своих знаний. Такое заключения эксперта не имеет доказательственного значения, так как является недопустимым.

3. Для признания экспертизы допустимой необходимо соблюдение процессуального порядка ее назначения. Исходя из следственной и судебной практики, можно выделить несколько основных нарушений:

- следователь не знакомит участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы или знакомит уже после проведения самой экспертизы. Тем самым нарушает права участников процесса, установленные в УПК РФ. Следователь должен ознакомить с постановлением о назначении экспертизы до ее передачи в экспертное учреждение, так как участникам законом предоставлено право постановки дополнительных вопросов, выбора экспертного учреждения и иные права.

- неразъяснение эксперту его прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Это связано, прежде всего, с частными экспертами, которые не так часто сталкиваются с экспертизами по уголовным делам. Поэтому они не знают свой процессуальный статус, процессуальные порядок проведения экспертизы и т.д.

- хотелось бы отдельно выделить неразъяснение эксперту его ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Если следователь не предупреждает эксперта об уголовной ответственности, то привлечь эксперта к ответственности в случаи дачи ложного заключения будет невозможно. Эксперт может дать ложные выводы, не думая о последствиях.

Однако, все эти нарушения не всегда могут привести к признанию экспертизы недопустимой. Возможно, что эти нарушения никак и не повлияют на недопустимость заключения эксперта и суд примет их в качестве доказательств.

[1] Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону дело № 2-1579/10. [Электронный ресурс] // URL://http://www.gcourts.ru/case/2115290. Дата обращения: 20.10.2020.

Например, неознокомление обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы, но был в последующем ознакомлен с таким постановлением вместе с заключением эксперта, и при этом он не заявлял каких-либо ходатайств и отводов. Тем не менее, имеются прецеденты, например, при назначении и проведении экспертизы обвиняемый и его защитник имеет ряд прав, специально перечисленных в ст. 198 УПК РФ. Но следователь, при назначении экспертизы, нарушил права обвиняемой, предусмотренной ст. 198 УПК РФ, она не была ознакомлена с постановлением о назначении экспертизы, то есть была лишена прав на постановку дополнительных вопросов, была лишена права ходатайствовать о проведении экспертизы в определенном экспертном учреждении и т.д. При таких обстоятельствах возможность воспользоваться своими правами, предусмотренными ст. 198 УПК РФ существенно ограничена[1].

4. Допустимость объекта экспертного заключения является также одним из критериев допустимости самого экспертного заключения. В случае если объект исследуемый при проведении экспертизы будет в последующем признан недопустимым, то и экспертиза автоматически теряет свое доказательственное значение.

На практике подобные случаи не такая уж редкость. Один из примеров – Нижегородский областной суд рассматривал дело в отношении Голицына, который незаконного сбывал наркотические средства. Суд признал заключение эксперта недопустимым доказательством, поскольку предоставленные на экспертизу вещество было осмотрено следователем только после получения заключения эксперта, что является грубейшим нарушением УПК РФ, материалы должны быть осмотрены перед экспертизой[2].

Выделим основные условия признания объектов экспертного исследования допустимыми:

1. Объекты необходимо получать законным способом. Должен быть соблюден процессуальный порядок получения вещественных доказательств, то есть они должны быть получены в ходе следственных действий при соблюдении норм УПК РФ. Если в ходе проведения следственных действий были допущены нарушения (например, при проведении обыска в жилище не было получено судебное решение), то полученные вещественные доказательства могут быть признаны недействительными, что повлечет признания недопустимым экспертное заключение.

2. Правильное процессуальное оформление объекта, его подробное описание и упаковка. При проведении следственного действия, вещественное доказательство необходимо подробно описать в протоколе, а также упаковать его таким образом, чтобы к данному вещественному доказательству никто не имел доступ. Это необходимо для того, чтобы суд не усомнился в подлинности объекта.

3. Одним из не менее важных условий допустимости является соблюдение правил хранения объекта. Объект исследования должен храниться таким образом, чтобы

[1] Приговор Красночикойского районного суда (Забайкальского края) № 10-1/2016 10-13/2015 от 24 марта 2016 по делу № 10-1/2016 [Электронный ресурс] // URL:// https://sudact.ru/regular/doc/blOhzeHY6UJm/. Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Апелляционное определение Нижегородского областного суда по делу № 22-4451/2016 от 05.09.2016 [Электронный ресурс] // URL:// http://oblsudnn.ru/index.php/sud_delo/?G_V=3&G_case=1&H_link=22-4451/2016. Дата: обращения 20.10.2020.

исключить его подмену, так как сомнение в подлинности объекта может повлечь признание заключения эксперта недопустимым[1].

4. Надлежащее процессуальное оформление хода и результата экспертного исследования. Существенные нарушения этого требования также могут повлечь недопустимость результатов экспертного исследования[2].

Показательно в этом отношении дело по обвинению К., так как после проведения судебной экспертизы и возобновления производства по делу судом, с согласия представителей сторон, в порядке ст. 188 ГПК РФ судом получена консультация специалиста С. Указанный специалист дал консультацию суду, что судебная экспертиза неполная, а также эксперт не указывает свое образование, нет ссылок на литературу, нет указания, какая применена методика – это не дает возможность проверить правильность выводов эксперта. Используемая им терминология неприемлема в традиционной почерковедческой экспертизе. Необходима новая экспертиза. Исследовательская часть экспертизы не соответствует стадиям проведения подобных экспертиз, согласно методике. Правильность выводов эксперта проверить невозможно[3].

После того как следователь проверит заключение эксперта-экономиста по указанным выше критериям проверки одного из свойств доказательства как допустимость, он может принять решение, что дальше делать с подобным доказательством. То есть, ответить на вопросы, обладает ли заключение эксперта свойствами недопустимого доказательства по делу, а также имеются ли признаки, позволяющие назначить повторную экспертизу.

Очевидно, что следователь- это лицо, имеющее высшее юридическое образование, но чаще всего не имеющее экономическое. Предлагаемые нами критерии позволят без труда определить дальнейшие пути использования заключения эксперта-экономиста. При назначении различных родов судебных экономических экспертиз, как показывает практика, следователь полностью доверяется эксперту-экономисту. Однако правоприменитель не имеет специальных знаний в сфере экономики, и при получении заключения эксперта, ему тяжело определить достоверность исследования. Следует помнить, что экономист анализирует не только экономическую документацию, но и иные материалы дела (допросы свидетелей, т.п.). Так проверка по предлагаемым выше критериям позволит следователю обратить внимание на некоторые проблемы допустимости заключения эксперта-экономиста и, используя предлагаемые нами критерии, провести проверку и определится с последующими действиями в рамках уголовного дела.

[1] Бурков И.В., Мурзиков А.В. Заключение эксперта как вид доказательств. Владимир: Тип. «Транзит-Икс», 2001. С. 110-111.

[2] Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. С. 132-142.

[3] Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону дело № 2-1579/10. [Электронный ресурс] // URL://http://www.gcourts.ru/case/2115290. Дата обращения: 20.10.2020.

Тарасов М.А.
Научный руководитель: **Баракшин А.А.**

Методика расследования преступных посягательств против порядка подчинённости, совершаемых с применением оружия

Аннотация. В статье раскрывается криминалистическая методика расследования применения военнослужащими оружия при совершении насильственных преступлений против порядка подчинённости – сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ) и насильственных действий в отношении начальника (ст. 334 УК РФ). Рассматриваются проблемы раскрытия, расследования и предупреждения насильственных преступлений против порядка подчинённости, совершаемых с применением оружия. Раскрываются особенности криминалистического учёта оружия, являющегося орудием рассматриваемых преступлений

Ключевые слова: Оружие, единоначалие, насильственные действия, сопротивление и принуждение, подчинённый, начальник, командир, расследование, раскрытие, предупреждение.

Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (далее – УВС ВС РФ) установлен основополагающий принцип строительства Вооружённых Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими – принцип единоначалия, который заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти в отношении подчинённого и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего в отдельности[1].

Преступления, связанные с нарушением данного принципа, имеют повышенную общественную опасность среди других преступлений против военной службы, потому как при нарушении порядка подчинённости между конкретными участниками военных правоотношений – подчинённым и командиром (начальником) – нарушается принцип иерархии в общем, а значит – создаётся реальная угроза стабильности Вооружённых Сил, боеготовности воинских частей и подразделений, а также обороноспособности государства. Применение насилия при нарушении порядка подчинённости несёт ещё большую опасность, потому как объектом посягательства, помимо интересов военной службы (и стабильности Вооружённых Сил в целом) являются также здоровье и даже жизнь единоначальника. И уж тем более высока общественная опасность, когда насилие сопровождается применением оружия.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает повышенную уголовную ответственность за применение оружия при совершении насильственных преступлений против порядка подчинённости путём указания такого квалифицирующего признака, как «применение оружия»[2].

Криминалистическую характеристику исследуемых преступлений следует начать со способов подготовки и способов совершения таких преступлений. Способами

[1] Устав внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (ст. 33). Утверждён Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 №1495 (ред. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации (п. «б» ч. 2 ст. 333 и п. «б» ч. 2 ст. 334). Принят Федеральным законом № 63-ФЗ 13 июня 1996 (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

подготовки этих преступлений являются приобретение оружия, заступление на службу с оружием, разработка плана мести начальнику за его требовательность по службе, отыскание тайников для хранения незаконно приобретённого оружия. С характеризуется следующими действиями: подчинённый, применяя холодное или огнестрельное оружие, осуществляет насилие в отношении своего начальника. При этом под применением оружия следует понимать его применение по целевому назначению, то есть в целях поражения цели, причинения ей вреда. Удар огнестрельным оружием также следует считать применением оружия[1]. Конкретными способами совершения изучаемых преступлений являются: выстрел в начальника из огнестрельного оружия, удар начальника холодным оружием (как колюще-режущего, так и ударно-дробящего действия), использование в отношении начальника любого метательного оружия и т.д.

Предметом преступления следует считать любое боевое (ручное), гражданское и служебное оружия независимо от его штатной принадлежности к вооружённым силам.

В результате применения оружия на потерпевшем остаются следы его применения. В зависимости от конкретного вида оружия это могут быть следы порезов, ударов, выстрелов; пули в ранах, гильзы на месте преступления; следы-отслоения от повреждающей части оружия. Способы сокрытия данных следов в преступной практике не предусмотрены, потому как потерпевший чаще всего немедленно обращается за медицинской помощью, после чего правоохранительным органам немедленно становится известно о совершённом преступлении. Однако следы преступления, не связанные с причинением вреда здоровью (гильзы, беспорядок на месте происшествия) чаще всего уничтожаются.

Данные преступления, как представляется, чаще совершаются военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, годными к военной службе, достигшими возраста восемнадцати лет, вменяемыми (иначе они бы не являлись субъектами преступлений против военной службы[2]), получившими доступ (на законных или незаконных основаниях) к штатному боевому армейскому оружию или имеющие гражданское, или служебное оружие. Представляется также, что характерным субъектом этого преступления является недавно прибывший на место службы военнослужащий, не подготовленный к перенесению тягот и лишений военной службы, находящийся в тяжёлой для него обстановке (например, в карауле, на боевом дежурстве, в наряде) с оружием.

Предмет доказывания по данным преступлениям включает:

1. Общие обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ);
2. Совершено ли сопротивление, принуждение или насильственные действия в отношении начальника;
3. Не совершено ли преступление в соучастии;
4. Факт нахождения обвиняемого в подчинённом состоянии в отношении потерпевшего;

[1] Тарасов М.А. Применение военнослужащими оружия при совершении насильственных преступлений против порядка подчинённости // Военное право, 2020. №2 (60). С. 193.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» (п. 3) /СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 20.10.2020.

5. Факт применения оружия именно по целевому назначению, то есть для причинения вреда здоровью потерпевшего;

6. Является ли предмет, которым причинён вред здоровью начальника, оружием или же он является предметом, использованным в качестве оружия или боеприпасом;

7. Каким образом подчинённый получил доступ к оружию;

8. Подлежал ли военнослужащий призыву на военную службу.

Определив перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, следователь приступает к начальному этапу расследования. В ходе этого этапа могут сложиться следующие следственные ситуации:

1. Известны в полном объёме обстоятельства совершения преступления: время, место, способ, личность преступника, оружие, применённое им при нарушении порядка подчинённости (благоприятная следственная ситуация).

2. Частично известны обстоятельства совершения преступления: личность виновного и использованный им предмет для причинения вреда здоровью не установлены, но имеются сведения о месте, времени и способе совершения преступления (неблагоприятная следственная ситуация).

В научных целях видится необходимым рассмотреть лишь вторую (неблагоприятную) следственную ситуацию, потому как расследование преступления осуществляется в условиях неочевидности, из-за чего возрастает сложность достижения целей уголовного преследования.

В целях установления всех обстоятельств по делу следователь выдвигает следственные версии. Так, для установления личности виновного выдвигаются следующие версии:

- Вред потерпевшему причинён одним из его подчинённых, недовольных его требовательностью по службе;
- Вред потерпевшему причинён одним из его подчинённых в связи с личными отношениями потерпевшего и преступника;
- Вред потерпевшему причинён лицом, не находящимся с ним в отношениях подчинённости.

Для установления места нахождения преступника выдвигаются следующие версии:

- Виновный скрылся с места происшествия, покинул воинскую часть или место службы без надлежащего на то разрешения, и, в зависимости от давности совершения преступления, находится либо вблизи воинской части (места службы), либо вдали от них (по месту жительства, у родственников, друзей, в ином месте)
- Виновный, в связи с недавностью совершения преступления, ещё не успел самовольно оставить воинскую часть или место службы, в связи с чем целесообразно его искать в подразделении потерпевшего, являющегося начальником для подозреваемого.

Для проверки следственных версий на начальном этапе расследования следователь проводит следующие следственные действия:

Допрос потерпевшего. Допрос следует осуществлять только с разрешения лечащего врача и с учётом состояния потерпевшего. В целях установления наличия отношений подчинённости между потерпевшим и разыскиваемым необходимо узнать у допрашиваемого, во что был одет преступник, видел ли он (допрашиваемый) его знаки различия, эмблемы, воинское звание, а если потерпевший имеет звание старшего прапорщика (старшего мичмана) и ниже, то обязательно выясняется место совершения преступления – на территории части или вне её (так как подчинённость рядовых сержантам, рядовых и сержантов прапорщикам одной воинской части носит

определяющий характер для преступлений против подчинённости). Обязательно выясняется, были ли в подразделении в последнее время разногласия между начальником и подчинёнными, не ссорился ли потерпевший по личным мотивам с подчинёнными и лицами, не находящимися с ним в отношениях подчинённости. В интересах установления факта применения преступником оружия у допрашиваемого уточняется форма предмета, которым были нанесены повреждения, обстоятельства, в которых подчинённый находился до нарушения порядка подчинённости (нёс службу в карауле, на боевом дежурстве, в наряде с оружием и т.д.).

Следственный осмотр. В ходе осмотра места происшествия надлежит обратить внимание на обстановку, в которой произошло преступление, обнаружить, закрепить и изъять следы преступления (следы борьбы, пятна крови, гильзы, оторванные лоскуты военной формы одежды и обмундирования). Если на месте происшествия обнаружены предметы военной формы одежды, то они могут свидетельствовать об их принадлежности конкретному военнослужащему (клеймение, инициалы, размер и т.д.), на них могут остаться следы органического происхождения (волосы, следы пота).

В ходе осмотра гильз, оружия, оставленных на месте происшествия, устанавливается наличие на них следов рук, крови, волос. При осмотре огнестрельного оружия дополнительно отмечается положение частей механизмов оружия.

Необходимо провести и осмотр обнаруженных на месте происшествия предметов обмундирования с применением технико-криминалистических средств, работающих с использованием ультрафиолетовых и инфракрасных лучей.

С участием врача необходимо произвести освидетельствование потерпевшего в целях установления различных обстоятельств: от физических данных разыскиваемого до характера оружия, которое он применял для нанесения повреждений.

Розыск военнослужащего, допустившего насильственные действия, осуществляется в тесном сотрудничестве с органами внутренних дел, которые методом опросов, наведения справок, наблюдения, допросов очевидцев выясняют местонахождение разыскиваемого. Вначале этими действиями охватывается как можно больший круг военнослужащих, которые по исходным данным могли быть причастны к совершению преступления. Затем следователь проверяет розыскные версии о местонахождении военнослужащего с учётом методики расследования самовольного оставления части или места службы.

Обыск подозреваемого, кроме случаев, не терпящих отлагательства, следует проводить после уведомления об этом командования воинской части. Предварительно следует узнать, какие служебные обязанности выполняет данный военнослужащий, чтобы конкретизировать места возможного укрытия орудия преступления. Так, если подозреваемый является кладовщиком, то помимо его прикроватной тумбочки, личных вещей, кровати, баула ВКПО следует обыскать и кладовую.

Предъявление для опознания. После обнаружения подозреваемого следователь может предъявить его для опознания. Также следователь в праве предъявить для опознания оружие, которым потерпевшему был причинён вред. При этом соблюдаются требования ч. 6 ст. 193 УПК РФ (лицо представляется для опознания вместе с хотя бы тремя по возможности схожими с ним лицами, а оружие – в группе с однородным оружием и в количестве не менее трёх). На опознание могут быть представлены и иные предметы.

Допрос обвиняемого. В ходе допроса выясняется, в течение какого срока военнослужащий служит, знает ли он положения УВС ВС РФ о единоначалии, знает ли он потерпевшего, в связи с чем осуществил насильственные действия. Если он с ним знаком, какие между ним служебные, личные, иные взаимоотношения, какими мотивами и целями руководствовался. Обязательно выясняется, каким образом он получил доступ к оружию, где оно находится в данный момент.

По окончании начального этапа расследования у следователя имеются достаточные доказательства, дающие основания для обвинения лица в совершении преступления. Поэтому необходимо вынести постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого.

В ходе ***дальнейшего этапа расследования*** в первую очередь необходимо провести **допрос свидетелей.** В качестве свидетелей допрашиваются четыре группы лиц:

- очевидцы преступления –об обстоятельствах, способствовавших насильственным действиям, о предшествующих этим обстоятельствам действиях, их характере и особенностях; о том, какие требования предъявлялись к обвиняемому со стороны должностных лиц и лиц, исполнявших специальные обязанности военной службы, которые пострадали от совершения преступления; о том, как эти лица действовали в сложившейся обстановке; о том, при каких обстоятельствах обвиняемый применил оружие и где оно у него находилось на момент начала происшествия. Для более точной оценки обстоятельств уточняются условия, при которых он наблюдал преступное событие, в том числе где в это время находился относительно места преступления.
- свидетели, не являющиеся очевидцами преступления, но знающие о нём со слов правонарушителя. От этих свидетелей иногда удаётся узнать о субъективной стороне обвиняемого, его мотивах, целях, месте приобретения орудия посягательства; о том, знал ли он, что применял насилие в отношении начальника либо иного лица, исполняющего обязанности военной службы. Как правильно отмечает С.В. Маликов, допрашивать таких свидетелей лучше в условиях, исключающих влияние правонарушителя на допрашиваемого[1].
- свидетели, не являющиеся очевидцами преступления, но знающие о нём со слов потерпевшего. Наиболее ценны показания тех свидетелей, которым потерпевший о событии преступления рассказывал непосредственно после события преступления, пока он помнит о наиболее существенных обстоятельствах и пока на его показания не повлиял обвиняемый. Поэтому ещё во время допроса потерпевшего необходимо узнать, кто мог стать свидетелем со слов.
- свидетели, не являющиеся очевидцами преступления, но которым известны иные факты совершённого преступления. Может быть допрошена, например, дежурная смена – об обстоятельствах приобретения оружия (получил ли он его законно или незаконно, где мог его приобрести), психолог воинской части (например, проводился ли психологический отбор при заступлении на службу в наряд, в караул). Показания таких свидетелей могут иметь ориентирующее значение, а также способствовать обнаружению новых признаков этого же преступления или обнаружению признаков другого преступления.

[1] Балашов Н.М., Сорочкин А.С., Маликов С.В. и др. Криминалистика: методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации. Учебник / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Бастрыкина. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 29-30.

Следственный эксперимент. Если правонарушитель утверждает, что в условиях плохой видимости не осознавал, что применял насилие в отношении начальника или сопротивлялся иному лицу, исполняющему обязанности военной службы или принуждал его к нарушению его обязанностей, то для установления возможности распознавания в данных обстоятельствах форы, знаков различия,

Проверка показаний на месте должна проводиться после допроса в целях закрепления показаний обвиняемого, свидетелей и потерпевшего. Участники следственных действий демонстрируют процесс совершённого преступления, каким образом наносились удары, какого характера имело место сопротивление или принуждение.

В случае, если по результатам допроса и проверки показаний на месте в показаниях и закрепляющих их демонстрациях имеются серьёзные противоречия, целесообразно провести **очную ставку.** Психологически целесообразно, чтобы сперва показания озвучивало то лицо, которое, по внутреннему убеждению, следователя, сообщает правдивые сведения[1]. Этот психологический приём помогает выявить реакцию лица, дающего показания, не соответствующие истине, установленной в ходе производства остальных следственных действий. После этого показания допрашиваемых лиц детализируются посредством установления перед каждой из сторон вопросов, не имеющих наводящего характера.

По делам данной категории целесообразно проводить следующие виды **экспертиз:**

1. Судебно-медицинскую экспертизу – для установления характера и степени тяжести телесных повреждений; каким орудием и каким способом эти повреждения были нанесены; давность причинения вреда здоровью; количество нанесённых ударов и последовательность их нанесения. В распоряжение судебно-медицинского эксперта передаются соответствующие документы: копия истории болезни и ли выписка из неё и медицинская справка.
2. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза – для выяснения психического состояния лица, годности его к военной службе в целом и к несению службы с оружием в частности, наличия или отсутствия у него психических свойств, пограничных между нормой и патологией. В ходе этой экспертизы также выясняется, когда именно лицо приобрело такие психические свойства – до или после совершения преступления.
3. Судебно-баллистическая экспертиза – для идентификации следов применения огнестрельного оружия, установления конкретного образца вооружения, применённого в качестве орудия преступления; установления положения оружия в момент стрельбы; установления возможного факта неисправности оружия, проверки утверждения обвиняемого о выстреле без нажатия на спусковой крючок.
4. Криминалистическая экспертиза холодного оружия - если обвиняемым был применён нож, кастет, дубинка и др., то данные предметы изымаются и направляются на экспертизу для установления их принадлежности к холодному оружию.

В интересах предварительного расследования и уголовного судопроизводства видится необходимой криминалистическая регистрация оружия, являвшегося орудием преступления. Криминалистический учёт огнестрельного оружия ведётся в ФКУ «ГИАЦ МВД России». Поэтому данные об огнестрельном оружии, ставшем орудием насильственных действий в отношении начальника, военный следователь

[1] Аминов И.И., Давыдов Н.А., Кокурин А.В. Юридическая психология: учебник / отв. ред. Н.А. Давыдов, И.И. Аминов. М.: Проспект, 2015. С. 177.

передаёт в подразделения органов внутренних дел для их учёта. Однако централизованный учёт утраченного или выявленного огнестрельного оружия и иного вооружения (подсистема ИБД-Ф «Оружие») предназначен для розыска утраченного (похищенного, утерянного), установления принадлежности выявленного (изъятого, найденного, добровольно сданного) вооружения, имеющего индивидуальный номер, присвоенный предприятием-изготовителем или при регистрации его в подразделениях лицензионно-разрешительной системы, а также содействия в раскрытии преступлений, совершённых с применением такого вооружения. Выходит, что в данной подсистеме учитываются только огнестрельное оружия, а также боевое холодное оружие, имеющее индивидуальный номер либо зарегистрированное лицензионное оружие. А военнослужащие совершают преступления с применением не только огнестрельного и боевого холодного оружия, но и гражданского и служебного холодного оружия, не имеющего маркировки и нумерации.

Постановление Правительства РФ №814 устанавливает, что при ведении учёта холодного оружия могут использоваться электронные средства автоматизированного учёта с соблюдением требований, установленных Федеральной службой войск национальной гвардии[1].

В научной литературе всё чаще встречается точка зрения, в соответствии с которой для упрощения работы сотрудников правоохранительных органов с автоматизированными информационными системами целесообразно разработать и обучить этой аналитической работе искусственный интеллект. Так, Д.В. Бахтеев пишет, что «основным качеством искусственных нейронных сетей, выгодно отличающим их от большинства более привычных комплексов, является их способность к адаптивному ситуационному обучению. Это, по словам автора, выражается в том, что создатель сети задаёт общие правила анализа данных и предоставляет данные для обучения. Последние должны быть непротиворечивыми и предельно достоверно отображать характеристики анализируемого процесса или явления… Работа искусственной нейронной сети основана на интеллектуальном эвристическом анализе данных, который гораздо более эффективен, чем методы математической статистики, используемые в большинстве криминалистических программных комплексов. В этом отношении искусственные нейронные сети гораздо ближе к человеческому мозгу, поскольку способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности, подобно тому, как талантливый следователь может связать в единую картину разрозненные обстоятельства совершения преступления, известные следствию»[2].

Таким образом, методика расследования преступных посягательств против порядка подчинённости, совершённых с применением оружия играет важную роль в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений против порядка подчинённости.

---

[1] Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 № 814 «О мерах по регулированию обороты гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о введении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») (ред. от 29.03.2019) (п.п. 51, 53) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 22.09.2020.

[2] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 45.

Цветкова Л.П.
Научный руководитель: **Пискунова Е.В.**

Особенности производства следственного осмотра в целях обнаружения захоронений: обзор современных работ зарубежных авторов

Аннотация. В статье описан ряд существующих и разрабатываемых в современное время методов обнаружения захоронений. Особое внимание уделено геофизическим методам, рекомендуемым к применению в рамках следственного осмотра участков местности. Также в материале описываются комплексы соответствующих методов, применяемых в случае поиска останков в водоёмах и помещениях.

Ключевые слова: Криминалистика, сокрытие трупа, следственный осмотр, захоронения, геофизические методы, беспилотные летательные аппараты.

В криминалистическом контексте потребность в проведении поисковых работ с целью обнаружения мест захоронений возникает в тех следственных ситуациях, когда несмотря на то, что труп не обнаружен, следствие тем не менее располагает достоверными данными, позволяющими выдвинуть версию о насильственном характере смерти лица. Как правило, такая ситуация складывается по делам о тайных убийствах или иных скрываемых преступлениях, приведших к гибели человека. Это определяет основную особенность, касающуюся проведения следственного осмотра по соответствующим делам, — организация поиска (и в частности подбор технических средств) определяется разнообразием способов и мест сокрытия трупов и их частей.

Так, существует множество способов сокрытия тела трупа: оно может быть просто оставлено на поверхности земли (в лесу или поле), присыпано землёй или (и) отходами, закопано, сброшено в водоём, замуровано в стену, — и при этом оно может быть предварительно расчленено или даже измельчено, помещено в пакеты, чемоданы, предметы мебели. Также могут предприниматься попытки к сожжению, растворению или приготовлению с целью употребления в пищу и так далее. Способы сокрытия останков позволяют поделить места их возможного обнаружения на две категории: помещения и участки местности (включая водоёмы). При этом следует подчеркнуть очевидное положение о том, что поиск одного и того же объекта может подразумевать осмотр обоих типов мест. Например, когда необходимо провести осмотр строения, находящегося за чертой населенного пункта, следует выбирать технические средства, подходящие и для исследования прилегающей к зданию территории, включая труднодоступные места, например, колодца.

Подобная вариативность способов и мест, а также возможность захоронения или оставления трупа вместе с «сопутствующими» объектами (ремень с металлической пряжкой, пули в теле или нож), позволяет сделать вывод, во-первых, о том, что при проведении осмотра применимы не только те методы, которые используются именно для поиска веществ, образующихся в процессе разложения тела (например, специально обученные собаки или газоанализаторы), но и методы, позволяющие находить тайники, выявлять аномалии свойств почвы и так далее. Во-вторых, каждый из обозначенных способов подразумевает разную локализацию останков: они могут находиться как все в одном месте, так и на значительных расстояниях друг от друга, в том числе и в местах разного рода, — следовательно соответствующие средства и методы обнаружения должны позволять находить не только относительно крупные,

но и мелкие объекты (отдельные целые кости или их части, принадлежащие взрослому человеку и тем более ребенку).

Следует обратить внимание на то, что для каждой категории мест характерны свои особенности. Так, помещения в целом защищают останки от воздействий окружающей среды и представляют собой относительно небольшие участки для осмотра, однако трупы и их части могут быть спрятаны в стенах, что значительно осложняет поиск[1]. В свою очередь оставление или захоронение трупа на открытой местности само по себе создает трудности, не все из которых являются антропогенными. Например, при поиске останков в этом случае следует учитывать не только возможность того, что на вскопанной земле появятся растения или опавшие листья, но и активность животных, которые могут растащить части тела. Недавнее исследование, проведенное Douglas H. Ubelaker & Cassandra M. DeGaglia показало, что в большинстве случаев (59%) животные проявляют интерес к более чем одной анатомической области и в половине случаев (52%) это была грудная клетка, почти в половине – левая нога (41%) и немного реже – живот/таз (36%), причём большая склонность к «растаскиванию» наблюдается у крупных животных (69%)[2]. Имеют место и сезонные изменения: летом совершаются частые «набеги» мелкими ($n \approx 5$) группами, а зимой – более редкие и более крупными группами ($n>20$)[3]. Иными словами, летом на открытой местности риск того, что части тела, – особенно незахороненного или захороненного недостаточно глубоко, – будут перемещены, достаточно высок, хотя и зимой его исключать нельзя.

В свою очередь, осмотр водных объектов отличается тем, что искомые объекты при попадании в воду могут перемещаться, поиск проводится по большей мере «вручную», в мутной воде, среди множества посторонних объектов, в том числе представителей фауны[4], хотя возможны и другие условия: тело может быть обнаружено, например, в крупной цистерне с водой[5].

В процессе следственного осмотра участков местности с целью нахождения захоронений и незахороненных останков можно выделить три этапа: подготовительный, собственно поисковый и завершающий. Ниже по результатам анализа открытых источников приведено содержание каждого из этапов применительно, в первую очередь, к поискам захоронений в почве.

Подготовительный этап традиционно подразумевает, во-первых, обработку данных, полученных в ходе допросов, проверок показаний на месте и иных процессуальных действий. Даже если ни одно из лиц, участвующих в деле, напрямую

---

[1] См. Ruffell A., Pringle J.K., Forbes S. Strategies for searching bricked up and concreted over objects Establishing forensic search protocols within engineered structures // Forensic Science International. 2014. № 237, April. 137-145. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/204645417.pdf. Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Ubelaker D.H., DeGaglia C.M. The impact of scavenging: perspective from casework in forensic anthropology // Forensic Sciences Research, 5:1, P. 32-37. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20961790.2019.1704473. Дата обращения: 25.10.2020

[3] Miranker M., Giordano A., Spradley K. Phase II spatial patterning of vulture scavenged human remains // Forensic Science International. 2020. № 314, Sep. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073820302541?via%3Dihub. Дата обращения: 25.10.2020.

[4] Morton E. What It's Like to Be an Underwater Crime-Scene Investigator // Slate. 2017. Jan. 17. URL: https://slate.com/human-interest/2017/01/the-delicate-challenging-job-of-an-underwater-crime-scene-investigator.html. Дата обращения 27.10.2020.

[5] Elisa Lam's Autopsy Report // The Medium. 2015. Oct. 27. URL: https://medium.com/@jddean/elisa-lam-s-autopsy-report-98c3ec03c309. Дата обращения: 29.10.2020.

не указало на тот или иной участок местности или помещение, в котором следует искать останки, изучение материалов тем не менее может помочь в процессе выдвижения следственных версий. Так, следует обратить внимание на недвижимость, вещными правами на которую обладает подозреваемый, его родственники, близкие лица и лица, находящиеся в служебной или иной зависимости, а также на территории, находящиеся рядом с этой недвижимостью. Также стоит изучить круг интересов и увлечений: если он или она увлекается пешим туризмом или охотой, то предпочитаемые маршруты также могут помочь сузить круг поиска, поскольку людям свойственно прятать тела в тех местах, которые им знакомы, за которыми можно наблюдать и доступ, к которым можно в той или иной степени контролировать[1].

После того, как определен примерный район поисковых работ, необходимо обратиться к помощи онлайн-карт, в первую очередь спутниковых, например, GoogleEarth. Изучение карт позволяет определить границы осмотра, понять, какие технические средства (вплоть до транспорта) использовать, как в целом следует организовать поиск. На спутниковых картах могут быть заметны участки, где поверхностный слой почвы был нарушен. Немаловажно, что снимки поверхности земли могут быть получены также в ультрафиолетовой, инфракрасной[2] и ближней инфракрасной областях спектра[3]. Вместе с современными изображениями местности можно использовать и старые, чтобы определить участки, подвергшиеся изменениям, которые могли возникнуть из-за захоронения[4]. Если же предстоит поиск в помещениях, то необходимо изучить технические планы, если таковые имеются, уточнить, проводился ли ремонт, если да, то какой, и в любом случае создать подробный план помещения самостоятельно по факту прибытия на место осмотра[5].

Помимо этого, возможно применение беспилотных летательных аппаратов для аэросъёмки. При этом разными авторами предлагаются различные варианты комбинирования БПЛА с другими методами. Например, E. Parrottetal предлагают сочетать БПЛА с алгоритмом обработки видео в пакете программ MATLAB, позволяющем находить на видеозаписи артефакты, которые могут свидетельствовать о том, что в определенном участке поверхность земли отличается от остальной, присутствующей на кадре[6]. Также предлагается использовать для целей обнаружения захоронений сочетания обычной аэросъёмки и гиперспектральных методов, которые позволяют получить данные о спектроскопических свойствах территории[7]. Например,

---

[1] DiBiase T.A. No-Body Homicide Cases: A Practical Guide to Investigating, Prosecuting, and Winning Cases When the Victim Is Missing // CRC Press. Taylor & Francis Group, 2015. P. 3-4.

[2] Abate D., Sturdy Colls C., Moyssi N., Karsili D., Faka M., Anilir A., Manolis S. Optimizing search strategies in mass grave location through the combination of digital technologies // Forensic Science International. 2019. Synergy 1. P. 95-107. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X19300828. Дата обращения: 24.10.2020.

[3] Evers R., Masters P. The application of low-altitude near-infrared aerial photography for detecting clandestine burials using a UAV and low-cost unmodified digital camera // Forensic Science International. 2018. № 289, Aug, P. 408-418. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/The-application-of-low-altitude-near-infrared-for-a-Evers-Masters/50234c62402ed0e35eb6922173b26882cd617ac8. Дата обращения: 24.10.2020.

[4] Там же.

[5] Ruffell A., Pringle, J.K., Forbes S. Указ. соч.

[6] Parrott E., Panter H., Morrissey, J., Bezombes F. A Low Cost Approach to Disturbed Soil Detection Using Low Altitude Digital Imagery from an Unmanned Aerial Vehicle. Drones 2019, 3(2). P. 50. URL: https://www.mdpi.com/2504-446X/3/2/50. Дата обращения: 24.10.2020.

[7] Leblanc G., Kalacska M., Soffer R. Detection of single graves by airborne hyperspectral imaging // Forensic Science International, 2014. № 245, Dec. P. 17-23. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073814003442. Дата обращения: 29.10.2020.

по мнению H.Brabazonetal, поскольку процессы разложения оказывают влияние на химический состав растений, находящихся рядом, определить локализацию останков со временем можно будет с помощью дронов, оснащенными устройствами для анализа интенсивности флюоресценции. Более того, авторами выдвигается предположение о том, что по причине отличия человеческого рациона от рациона животных, чьи трупы так же могут быть найдены, в окружающей среде будут оседать специфические метаболиты, в том числе образующиеся в результате употребления лекарств или пищевых консервантов[1]. Немаловажно, что с помощью оснащения дронов флуориметрами решается основная проблема, возникающая при аэрофотосъемке над лесистой местностью – сокрытие кроной деревьев поверхности земли.

После исследования изображений земли с воздуха необходимо перейти к непосредственному осмотру местности. Касательно осмотра сухопутных территорий, в дополнение к стандартным указаниям, содержащимся и в отечественных учебниках по криминалистике, можно обратить внимание на рекомендацию, сформулированную James Pokines: участники поиска должны осматривать одну и ту же область с двух разных углов, работая при этом на расстоянии не более 1-2 метров друг от друга[2].

В рамках пешего осмотра рекомендуемы к применению приповерхносные геофизические методы, также позволяющие сузить первоначальные границы поиска за счет обнаружения аномалий свойств почвы. Так, в исследовании, проведенном в рамках Digital Forensic Archaeology Project на территории Кипра, после сравнения карт (в распоряжении исследователей был в том числе аэрофотоснимок 1963 года) и применения БПЛА (полученные изображения были использованы для создания 3D-моделей местности) был применен георадар. Затем данные, полученные с его помощью, были обработаны с помощью программного обеспечения RADAN. Итоговые изображения впоследствии изучались на предмет того, в какой области находилось больше аномалий и различного рода препятствий (например, растительности), что помогло организовать работы. Результаты сравнения изображений, полученных различными способами, позволили довольно однозначно определить места захоронений, после чего были начаты раскопки[3].

Возможности применения геофизических методов с целью обнаружения захоронений в целом активно исследуются в современных работах зарубежных авторов. Так, в 2020 году были подведены итоги десятилетнего эксперимента, в ходе которого на расстоянии примерно 5 метров друг от друга были созданы экспериментальные захоронения: в одном была размещена свинья без посторонних объектов, в другом – свинья, завёрнутая в брезент, третье захоронение было пустым, а четвертое было выделено для измерения электропроводности почвенных вод. Картирование и визуализация удельного сопротивления почвы в местах захоронений и применение георадара с определенной периодичностью позволило авторам работы прийти к ряду выводов. Во-первых, исследование сопротивления почвы и применение георадара позволяет успешно находить захоронения в пределах 10 лет с момента захоронения и их следует применять перед другими, более разрушающими методами,

[1] Could plants help us find dead bodies? Forensic botanists want to know. ScienceDaily. URL: https://www.sciencedaily.com/releases/2020/09/200903133025.htm. Дата обращения: 23.10.2020

[2] Improving Searches for Human Remains. Technology Networks. Feb 04, 2019. URL: https://www.technologynetworks.com/applied-sciences/news/improving-searches-for-human-remains-314921. Дата обращения: 22.10.2020.

[3] Abate D., Sturdy Colls C., Moyssi N., Karsili D., Faka M., Anilir A., Manolis S. Указ. соч.

причём проводимость почвенных вод наиболее высока в пределах первых двух лет. Во-вторых, если труп без одежды и посторонних объектов захоронен в песчаной почве, то его вероятнее всего обнаружить в пределах первых четырех лет с момента предания земле. В-третьих, если труп захоронен с одеждой и другими объектами (что происходит часто), то его в целом легче найти, в том числе и спустя 10 лет. В-четвертых, для поисков в обоих случаях рекомендуется использовать среднечастотный георадар, хотя труп с посторонними объектами можно обнаружить и при применении низкочастотного. В-пятых, наиболее благоприятное время для выявления мест захоронений – это зима и весна. Также исследователи указывают на то, что тип почвы оказывает влияние на результаты геофизических исследований. Например, поскольку в глинистой почве сильнее накапливается влага, в частности образующаяся в процессе разложения, измерение удельного сопротивления будет давать хорошие результаты, а применение георадара – нет[1]. Также георадар не стоит применять в лесистой, заболоченной местности, в засоленных и гетерогенных типах почв[2], хотя его применение тем не менее допустимо при поисках в водоемах, если есть вероятность, что труп или его части застряли в иле (в этих случаях его помещают на дно лодки)[3].

Другим дистанционным методом является LiDAR, способность которого определять неровности поверхности земли над захоронениями были проверены в недавнем исследовании, проведенном K.A.Corcoranetal. Авторы пришли к выводу, что LiDAR, успешно справляется с этой задачей даже в случае, если верх насыпи пытались выровнять. Также было отмечено, что образования неровностей связано не только с процессом разложения (изменения высоты насыпи совпадают с темпами разложения тела), но и с проседанием вскопанной почвы[4].

Другое геофизическое техническое средство, которое активно применяется, портативно и стоит дешевле, чем георадар или LiDAR, – металлоискатель. Однако поскольку он предназначен для поиска хороших проводников – металлических объектов, ведётся поиск схожих по своим достоинствам средств. Таковыми являются, например, системы измерения магнитной восприимчивости, которые активно используются в археологических работах, хотя и предполагают погружение датчика на незначительную глубину. Исследование, проведенное G. K. Pringleetal., показало, что системы измерения магнитной восприимчивости, во-первых, позволяют обнаружить «подозрительные» участки поверхности спустя год после того, как земля была потревожена. Во-вторых, этот метод позволяет обнаружить сожжённую одежду иоружие(«Кольт» 45-го калибра, домашний кухонный нож из нержавеющей стали, ручные гранаты и металлический ящик с боеприпасами для миномета). Автор

[1] Pringle J.K., Stimpson I.G., Wisniewski K.D., Heaton V., Davenward B., Mirosch N., Spencer F., Jervis J.R. Geophysical monitoring of simulated homicide burials for forensic investigations. 2020. SciRep 10, 7544 (2020). URL: https://www.nature.com/articles/s41598-020-64262-3. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] Pringle G.K., Giubertoni M., Cassidy N.J., Wisniewski K.D., Hansen J.D., Linford N.T., Daniels R.M. The use of magnetic susceptibility as a forensic search tool // Forensic Science International. 2015. № 246, Jan. P. 31-42. URL: https://docksci.com/the-use-of-magnetic-susceptibility-as-a-forensic-search-tool_5a7be679d64ab26945535123.html. Дата обращения: 27.10.2020.

[3] Ruffel A. How science is helping the police search for bodies in water // Independent. 2017. March 29. URL: https://www.independent.co.uk/news/science/how-science-helping-police-search-bodies-water-a7647421.html. Дата обращения: 24.10.2020.

[4] Corcoran K.A., Mundorff A.Z., White D.A., Emch W.L. A novel application of terrestrial LIDAR to characterize elevation change at human grave surfaces in support of narrowing down possible unmarked grave locations // Forensic Science International. 2018. № 289, Aug. P. 320-328. URL: https://www.osti.gov/servlets/purl/1458373. Дата обращения: 24.10.2020.

указывает, что системы измерения магнитной восприимчивости лучше обнаруживают закопанное оружие, чем металлодетекторы и георадары. Помимо этого, используемое устройство находило цель даже в случае, если она находилась на глубине более шести метров. Существенным недостатком является то, что подобные устройства не стоит применять в черте города, потому что там поверхность земли в целом значительно потревожена, что не позволяет понять, на что реагирует прибор: на обычное состояние почвы или на цель. В то же время испытания на открытой местности, в том числе в прибрежной зоне, почва которой богата органическими соединениями и кварцевым песком (и в которой георадар и система измерения удельного сопротивления грунта показали себя значительно хуже), оказались успешными. Также был сделан вывод о том, что этот метод пригоден и для обнаружения захоронений возрастом более ста лет.

Существует ещё одно техническое средство — магнитометр-градиометр, который способен находить огнестрельное оружие на глубине до 1.8 м, которое может лежать в месте захоронения или вблизи от него[1]. Применимы и более традиционные устройства: газоанализаторы, щупы (как глубинные, так и для верхового поиска), биолокаторы и специально обученные собаки. Последние могут быть обучены для поиска трупов и их частей в воде[2]. Также могут быть привлечены специалисты-энтомологи для поиска насекомых-некробионтов.

В свою очередь, при проведении поисков в водоёмах рекомендуется применение сонара, который может использоваться как с лодки, так и с погружением под воду[3] и позволяет найти не только трупы и их части, но и другие связанные с событием объекты[4]. Как упоминалось выше, допустимо применение георадара для исследования ила или песка. Если сонар и/или радар обнаружит аномалию, применяются специально обученные собаки, и только после этого начинается работа дайверов. Также в водной среде, помимо подводных камер и источников акустических сигналов с дистанционным управлением, применяются уже упомянутые геофизические методы: металлоискатели (устанавливаемые на лодках и используемые дайверами) и морские магнетометры. Предполагается, что в будущем будут более активно использоваться подводные дроны[5].

Касательно поиска в помещениях следует обратить внимание на то, что в целом встречается две ситуации: тело спрятано либо горизонтально (пол), либо вертикально (стена). Часто встречающихся материалов так же два: кирпич и бетон. При осмотре поверхностей следует обращать внимание на любые отличия соответствующих материалов, — для решения данной задачи может использоваться LiDAR, поскольку он фиксирует микротопографию. Небольшие дроны также применимы для фиксации обстановки, в том числе и для получения изображений в УФ-, ИК- и иных областях

[1] Doro K.O., Deng E.A., Bank C.-G. Gradient magnetometer dataset and MATLAB numerical code for simulating buried firearms at a controlled field siteь // Data in Brief.2020. № 31. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352340920309446. Дата обращения: 26.10.2020.

[2] K-9 Search and Rescue Courses. Indiana Department of Homeland Security // URL: https://www.in.gov/dhs/fire-and-building-safety/search-and-rescue/k-9-search-and-rescue-courses/. Дата обращения: 25.10.2020.

[3] CRuffel A. How science is helping the police search for bodies in water. The Conversation. March 23, 2017. URL: https://theconversation.com/how-science-is-helping-the-police-search-for-bodies-in-water-73931. Дата обращения: 23.10.2020.

[4] Fisher B.S. My Technology Can... Help You Find Evidence, Bodies Under Water // Police Magazine. 2019. May 31. // URL: https://www.policemag.com/514861/my-technology-can-help-you-find-evidence-bodies-under-water. Дата обращения: 23.10.2020.

[5] Fisher B.S. Указ. соч.

спектра. Далее так же, как и в случае следственного осмотра участков местности, применимы специально обученные собаки, металлоискатели, георадар. Также используются рентгеновские установки и акустические методы.

После обнаружения захоронения или не захороненных останков наступает завершающий этап следственного осмотра, в рамках которого осуществляется извлечение трупа из места его захоронения или устранение иных, кроме захоронения на определенной глубине, препятствий осмотру трупа, а также фиксация места обнаружения останков. Немаловажным является то, что лишь экскавация трупа является единственным методом, позволяющим обнаружить именно сами захороненные останки, а не признаки, которые могут свидетельствовать об их наличии в определенном месте [1] , являясь при этом разрушающим и невоспроизводимым, в отличие от большинства приведенных выше методов. Чтобы минимизировать возможные риски, компетентными организациями выпускаются соответствующие руководства[2].

Таким образом, можно заключить, что за рубежом активно ведутся разработки методов, позволяющих обнаруживать захоронения (как правило, целых трупов или «сопутствующих» объектов), причём среди этих методов превалируют геофизические, которые являются, как правило, неразрушающими и, о чём свидетельствуют результаты различных исследований, позволяют точно определить места, в которых предположительно находятся захоронения. Геофизические методы системны: с одной стороны, в случае, если условия не способствуют применению одного метода, то остается возможность применения; с другой стороны, результаты применения методов удобно оценивать в совокупности, тем более, что для обработки этих результатов существует программное обеспечение. В то же время их действительно можно применять в комплексе с другими методами.

Во-вторых, существует довольно чёткий алгоритм поисковой деятельности, организованный по принципу «от общего к частному» и предполагающий изучение материалов дела, исследование крупномасштабных изображений поверхности земли, пеший осмотр с использованием технических средств и специально обученных собак.

В-третьих, очевидным представляется и то, что данный вид следственного осмотра даже при применении минимума описанных средств и методов остаётся высокозатратным следственным действием, предполагающим привлечение специалистов.

[1] A novel application of terrestrial LIDAR to characterize elevation change at human grave surfaces in support of narrowing down possible unmarked grave locations https. URL://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29933204/ Дата обращения: 30.10.2020.

[2] Nikita E., Karligkiot A. Basic Guidelines for the Excavation and Study of Human Skeletal Remains. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/338987191_BASIC_GUIDELINES_FOR_THE_EXCAVATION_ AND_STUDY_OF_HUMAN_SKELETAL_REMAINS. Дата обращения: 30.10.2020.

Чашина З.А.
Научный руководитель: **Григорьева Н.В.**

Банковские мошенничества с векселями: особенности объективной стороны и специфика методики расследования

Аннотация. В представляемой работе автор обращается к анализу особенностей объективной стороны мошеннических действий с векселями. При этом рассматривается конкретный пример хищений денежных средств населения с использованием векселей, распространяемых через сеть операционных офисов российских банков. Автором разработаны рекомендации по расследованию и доказыванию преступлений рассмотренного типа.

Ключевые слова: ценная бумага, банк, индоссамент, финансовая пирамида, бенефициарный собственник, аффилированное лицо.

Мошенничество традиционно относится к категории широко распространенных преступлений против собственности. Одна из выделяемых в криминалистике групп включает мошеннические действия с ценными бумагами[1]. Внутри этой группы можно выделить подгруппы, классифицируемые в зависимости от вида ценных бумаг, являющихся предметом или средством хищения. В частности, из всей совокупности мошенничеств с ценными бумагами можно выделить вексельные мошенничества. Банковские мошенничества так же образуют крупную группу преступлений[2]. В тех случаях, когда в преступную деятельность включаются банковские учреждения, мошенничества приобретают вид банковско-вексельных. Актуальность затронутой темы обусловлена тем, что вред, причиняемый вексельными мошенничествами, исчисляется миллионами рублей, а «согласно данным Ассоциации участников вексельного рынка (АУВЕР) уровень преступности в сфере вексельного обращения ежегодно увеличивается на 5-6%»[3].

В 2018 – 2019 дальневосточные регионы России захлестнула волна хищений с использованием принципиально новой схемы, основанной на торговле через разветвленную банковскую сеть векселей, выданных ООО «ФТК», средства на погашение долговых обязательств по которым изыскивались векселедателем из выручки от выпуска и продажи новых партий ценных бумаг того же вида. Таким образом в действиях группы лиц, организовавшей торговлю векселями, имеются признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 172.2 и ст. 159 Уголовного кодекса РФ[4]. Практика показала, что, столкнувшись с новым противоправным механизмом, замаскированным под комплекс гражданско-правовых сделок, правоохранительные органы испытали острую необходимость в разработке эффективной криминалистической методики расследования многочисленных фактов противоправных посягательств на имущество граждан. Отсутствие такой методики

[1] Подпольный Н.А. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества на рынке ценных бумаг // Следователь. 2002. № 11. С. 39-40.

[2] Тураев М.В. Социально-экономическая обусловленность дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3. С. 296-300.

[3] Сапрыкин А.И. Мошенничество в сфере вексельного обращения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 2. С. 114.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

привело к тому, что оперативные и следственные органы на местах зачастую затягивали возбуждение уголовных дел, заняв выжидательную позицию и наблюдая за тем, как сообщество потерпевших предпринимает самостоятельные попытки защиты своих прав через процедуру гражданского искового производства. В результате сформировалась судебная практика удовлетворения исков о признании сделок недействительными в связи с обманом покупателей.

В этой связи представляется актуальным вопрос об особенностях объективной стороны рассматриваемой категории хищений, а также о разработке методических рекомендаций для субъекта расследования.

Обязательным элементом объективной стороны хищения в форме мошенничества является наличие обмана. В рассматриваемой мошеннической схеме обман заключается в следующем.

1. Исходя из смысла п. 3 ст. 146 Гражданского кодекса РФ вексель передается посредством индоссамента уже после того, как оформлен[1].

Вступившими в силу судебными актами установлено, что векселедателем выступало ООО «ФТК». Векселя якобы выдавались банку, который в дальнейшем продавал их гражданам. Однако на самом деле оформление векселя имело место не до, а после заключения договора купли-продажи между банком и гражданином. Вместе с тем в договорах купли-продажи векселей указывалось, что гражданину продается вексель, якобы существующий на момент заключения сделки. Такие пункты договоров формировали у покупателей убеждение в том, что приобретаемые векселя существует в натуре на момент заключения сделки. В действительности на момент совершения сделок их предмет в натуре не существовал. Согласно разделу 5 Порядка взаимодействия между ООО «Финансово-торговая компания» и «Азиатско-Тихоокеанский банк» (ПАО) вексель оформляется ООО «ФТК» только после того, как между ПАО АТБ и клиентом заключается договор купли-продажи и от клиента поступает оплата за вексель[2].

Таким образом, на момент заключения сделок векселя ФТК не были оформлены векселедателем, а также не были куплены банком у ООО «ФТК».

Как отмечает А.И. Сапрыкин «объективная сторона преступного деяния имеет целью введение получателя векселя в заблуждение о существовании вексельного обязательства»[3].

2. Кроме того, согласно п. 2.1 Соглашения о взаимодействии от 25 апреля 2011 г., заключенного между ПАО АТБ и ООО «ФТК» годовая доходность векселей оговорена в 14%. Однако, при заключении договоров потерпевшие не имели возможности увидеть сам вексель ни в оригинале, ни в копии ввиду того, что вексель на момент продажи еще не был оформлен и не существовал в натуре в форме документарной ценной бумаги. При этом сотрудники банка в качестве одного из доводов в пользу покупки векселя называли его процентную доходность в размере, превышающем доходность по вкладам. Это стало одним из основных мотивов заключения сделки со стороны потерпевших. При этом в договорах купли-продажи

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[2] Порядок взаимодействия между ООО «Финансово-торговая компания» и «Азиатско-Тихоокеанский банк» (ПАО) (Приложение к Приказу и. о. председателя правления от 17 апреля 2017 г. № 2047041702-П) // Архив Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная».

[3] Сапрыкин А.И. Указ. соч. С. 115.

векселей информация о начислении процентов по векселю отсутствует. Сам вексель оформлен как беспроцентный[1].

Таким образом, совершался прямой обман граждан при продаже векселей. Зная, что проценты по векселям начислению не подлежат, граждане не стали бы их приобретать.

3. Кроме того, из текста определения Арбитражного суда Москвы от 18 июня 2018 г. по делу № А40-129857/18-172-985 следует, что банку было известно о финансовом состоянии ООО «ФТК». При этом ООО «ФТК» перестало предоставлять бухгалтерские балансы в адрес банка только с января 2018 г. Из бухгалтерских балансов банк достоверно знал о том, что ООО «ФТК» не имеет собственных средств для погашения выдаваемых векселей, а получаемые от реализации векселей средства направляло на займы третьим лицам. При этом очевидным является факт того, что погашение ранее выданных векселей ООО «ФТК» производилось за счет средств, полученных от последующей реализации новых векселей[2].

Таким образом, в названных действиях имеет место финансовая пирамида, т.е. деяние, предусмотренное ст. 172.2 УК РФ.

Длительное время сотрудничая с ООО «ФТК» банк не мог не знать того, что этот векселедатель гасит последующие векселя не за счет собственной предпринимательской или иной законной деятельности, а за счет реализации последующих векселей. Информация о том, что выдача векселей строится по принципу финансовой пирамиды, была утаена (скрыта) от потерпевших.

Как отмечает А.И. Сапрыкин «векселедатель может осуществить индоссирование заведомо необеспеченного векселя. Векселедатель заранее осознает, что ценная бумага оплачена не будет ввиду отсутствия у плательщика необходимых денежных средств и невозможности их скорого приобретения… Наиболее частно данный тип преступления совершается организованными преступными группами под прикрытием законной предпринимательской деятельности»[3].

4. В письме Прокуратуры г. Благовещенска за № 211 от 22.10.20184 говорится, что Центральным Банком РФ 27.02.2017 г. в кредитные организации направлено письмо об информировании граждан. Этим письмом ЦБ РФ рекомендовано при реализации ценных бумаг доводить до сведения граждан в письменном виде следующую информацию: денежные средства по закону не застрахованы; сама кредитная организация не является поставщиком указанных услуг.

Эта информация не доводилась до потерпевших, т.е. имеет место обман в форме сокрытия информации, обязательной к доведению до контрагента по сделке. При этом банк собственных денежных средств на покупку векселей ООО «ФТК» не расходовал, а использовал денежные средства граждан для приобретения векселей и получения от продажи комиссионного дохода.

В этом же письме говорится, что по фактам хищения денежных средств вкладчиков банка возбуждено восемь уголовных дел по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

---

[1] Соглашение о взаимодействии по реализации векселей от 25.04.11 г. // Архив Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная».

[2] Определение Арбитражного суда Москвы от 18 июня 2018 по делу № А40-129857/18-172-985 // Официальный сайт «Электронное правосудие». URL: kad.arbitr.ru. Дата обращения: 25.10.2020.

[3] Сапрыкин А.И. Указ. соч. С. 116.

[4] Письмо Прокуратуры г. Благовещенска за № 211 от 22.10.2018 // Архив Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная».

5. Согласно выписке из акта проверки ЦБ РФ, наличие на расчетном счете ООО «ФТК» денежных средств, достаточных для погашения векселей при наступлении срока, обеспечивалось в основанном посредством привлечения средств от ежедневной реализации вновь выпущенных векселей. Компания ООО «ФТК» находится под управлением акционеров группы компаний «ППФИН ХОЛДИНГ». Бенефициарные владельцы УК «ППФИН ХОЛДИНГ» имеют долю участия в ПАО «АТБ». Это прямо свидетельствует о том, что ПАО «АТБ» и ООО «ФТК», являясь аффилированными лицами, согласовав свои действия, действовали недобросовестно по отношению к покупателям векселей. В этом же документе отмечено, что ПАО «АТБ» принимало участие в реализации указанной схемы с использованием репутации банка. В заключительной части ЦБ РФ формулирует выводы: проверкой операций Банка с векселями ООО «ФТК» установлены факты… создание и функционирование «вексельной схемы» в крупных объемах, обладающей признаками «финансовой пирамиды», связанной с основными бенифициарными собственниками кредитной организации[1].

6. Согласно письму Службы текущего банковского надзора ЦБ РФ № 36-6-2-1/15959ДСП от 04.09.2018 г. банк не позднее октября 2016 г. был осведомлен о том, что финансовое положение ООО «ФТК» фактически оценивается как плохое. При этом ссудная задолженность ООО «ФТК» отнесена к низшей категории качества – безнадежные ссуды. Таким образом, банк уже в октябре 2016 г. был уведомлен ЦБ РФ о том, что задолженности ООО «ФТК» является безнадежной. Следовательно, ООО «ФТК» не могло далее выплачивать долги. Однако, несмотря на это, в явной погоне за комиссионной прибылью, действуя недобросовестно по отношению к покупателям, банк продолжил торговлю векселями ООО «ФТК»[2].

При этом является очевидным, что в период привлечения клиентов и в момент заключения сделок виновные лица не могли не осознавать, что векселя погашены не будут и что, тем самым, покупатели векселей теряют скопленные ими денежные средства безвозвратно.

Криминалистические особенности рассмотренной категории мошенничеств должны учитываться в процессе раскрытия и расследования преступных деяний. В частности, субъекту расследования необходимо планировать ход расследования в зависимости от этапов развития процессуальной ситуации.

На первоначальном этапе расследования необходимо:

1. Получить посредством изъятия либо осмотра в операционном офисе банка оригиналы, либо копии следующих документов:

- приказа и.о. председателя правления от 17 апреля 2017 г. № 2047041702-П;
- договора купли-продажи конкретного векселя, проданного потерпевшему (экземпляр банка);
- договора хранения векселя (экземпляр банка);
- банковский ордер о перечислении со счета банка на счет ООО «ФТК» оплаты за приобретенный вексель;
- соглашение о взаимодействии по реализации векселей от 25.04.11 г.

2. Получить от потерпевшего:

[1] Выписка из акта проверки рег. № А4КИ25-17/1/75ДСП от 11.05. 2018 // Архив Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная».

[2] Письмо Службы текущего банковского надзора ЦБ РФ № 36-6-2-1/15959ДСП от 04.09.2018 // Архив Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная».

- договор купли-продажи конкретного векселя, проданного потерпевшему (экземпляр потерпевшего);
- договор хранения векселя (экземпляр потерпевшего);
- вексель;
- платежное поручение о перечислении банку оплаты за приобретенный вексель;
- бланк-заявление по переводам физических лиц;
- акт приема-передачи векселя;
- в случае, если потерпевший уже обращался за защитой своих прав в суд общей юрисдикции – вступившее в силу решение суда первой инстанции, а также апелляционное определение.

3. Опросить:
- потерпевшего;
- свидетелей из числа сотрудников банка (конкретного операционного офиса), принимавших участие в заключении сделки купли-продажи векселя;
- заподозренных лиц из числа высшего руководства юридического лица, являющегося векселедателем и банковско-финансового учреждения.

В ходе основного этапа расследования необходимо:

1. провести осмотры и приобщение к материалам уголовного дела документарных доказательств (вексель, договор купли-продажи, договор хранения, платежное поручение либо приходный кассовый ордер, подтверждающий факт оплаты потерпевшим за вексель, отказ в удовлетворении заявление о погашении вексельного долга и т.п.);

2. допросить потерпевшего, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу;

3. в случае выявления противоречий между показаниями допрошенных лиц организовать проведение очных ставок;

4. установить размер причиненного потерпевшему ущерба. При этом необходимо учитывать, что по рассматриваемой категории дел отсутствует необходимость назначения бухгалтерско-экономической экспертизы. Размер ущерба равен уплаченной потерпевшим стоимости приобретенного векселя. Стоимость векселя указана в договоре купли-продажи, а также в платежном поручении либо приходном кассовом ордере. Если потерпевший уже провел судебный процесс по признанию сделки недействительной, то размер причиненного ему ущерба отражен во вступившем в силу акте суда, имеющем преюдициальное значение в доказывании. Необходимо отметить, что судебные решения по гражданским делам, приобщенные к материалам уголовного дела рассматриваемой категории, являются наиболее сильными тактическими точками доказывания, поскольку они, как правило, не отменяются и остаются в силе, тогда как доказательства по делу могут быть обессилены стороной защиты по тем или иным основаниям (как правило, ввиду наличия уголовно-процедурных дефектов).

Основной особенностью заключительного этапа расследования является установление места нахождения лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. При этом необходимо учитывать, что компания-векселедатель своим учредителем имеет офшорную фирму, т.е. основные организаторы преступной схемы либо находятся за пределами РФ, либо имеют возможность скрыться за границей.

Кроме того, выгода от реализации рассматриваемой мошеннической схемы составляет сотни миллионов рублей. Это означает, что члены преступной группы

имеют финансовые возможности организовать высокоэффективное противодействие расследованию, включающее законные (привлечение опытных адвокатов), так и незаконные (угрозы, насилие и т.п.) методы.

Следует так же указать, что одним из способов избегания уголовной ответственности в данном случае может стать либо формирование уверенности, будто преступление совершено без ведома топ-менеджмента задействованных юридических лиц, либо только с участием некоторых из руководителей. В первом случае под уголовную ответственность подводятся рядовые сотрудники банка, действовавшие согласно инструкции и вряд ли осознававшие, что участвуют в реализации мошеннической схемы. Во втором случае вину на себя может взять лицо, назначенное на одну из высших должностей только для этой цели и не являющееся действительным конечным получателем похищенных средств. В обоих случаях организаторы и основные исполнители преступления могут избежать уголовной ответственности.

Необходимо учитывать, что «изобличенный в совершении конкретных действий субъект может признать доказываемые факты, но подыскать для них такие объяснения, которые характеризуют их как звенья легального бизнеса»[1].

В целях обеспечения привлечения к уголовной ответственности всех участников преступной группы, включая организаторов, необходимо незамедлительно переводить основных заподозренных лиц в статус подозреваемых либо обвиняемых с применением к ним мер уголовно-процессуального принуждения. Поэтому уголовные дела необходимо возбуждать не по факту совершения мошенничества, а в отношении организаторов, которые подлежат установлению в ходе оперативно-розыскной деятельности, в том числе на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении. По рассматриваемой категории уголовных дел необходимо разработать типовую криминалистическую версию, учитывающую особенности описанного способа совершения преступления и лиц, причастных к его организации и исполнению.

[1] Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики / Под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1995. С. 110-113.

Список участников конференции

п/п	ФИО участника	Информация об участнике
1.	Агабалаева Наргиз Низамудиновна	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2.	Александрин Михаил Михайлович	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
3.	Алимова Алина Андреевна	курсант Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя
4.	Анциферова Полина Евгеньевна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
5.	Бородин Матвей Сергеевич	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
6.	Буров Владислав Максимович	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
7.	Вавин Даниил Вадимович	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
8.	Волков Максим Александрович	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
9.	Гаврилова Виктория Владимировна	студент колледжа Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
10.	Гализин Владислав Васильевич	студент Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)
11.	Галимова Регина Ренатовна	студент Южно-Уральского государственного университета
12.	Героев Илез Зурабович	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
13.	Гладких Игорь Николаевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
14.	Горбунова Дарья Васильевна	студент Российского университета транспорта
15.	Дарбанди Дарья Саидовна	студент Удмуртского государственного университета
16.	Дёмин Антон Александрович	магистрант Дальневосточного федерального института
17.	Дзюба Александр Олегович	аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломомоносова
18.	Дощатов Антон Александрович	студент Уральского государственного юридического университета
19.	Еремкина Евгения Витальевна	магистрант Российского государственного университета правосудия
20.	Жукова Анастасия	курсант Владивостокского филиала Дальневосточного

	Андреевна	юридического института МВД России
21.	Запорожченко Анастасия Александровна	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
22.	Золотова Юлия Алексеевна	студент Российского государственного университета правосудия
23.	Иванова Екатерина Алексеевна	студент Российского университета транспорта
24.	Имаев Владислав Эдуардович	обучающийся факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
25.	Камнева Анастасия Глебовна	студент Российского государственного университета правосудия
26.	Китаев Дмитрий Алексеевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
27.	Клепинин Павел Александрович	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
28.	Клещевников Олег Константинович	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
29.	Ковалев Артем Геннадьевич	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
30.	Ковалева Алина Евгеньевна	студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
31.	Коджоглян Карина Алексеевна	студент Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
32.	Кондрашова Александра Сергеевна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
33.	Королева Полина Алексеевна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
34.	Красилова Вера Андреевна	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
35.	Кудрявцев Даниил Юрьевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
36.	Куликов Кирилл Владимирович	аспирант университета прокуратуры Российской Федерации
37.	Куликова Алина Николаевна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
38.	Куликова Анастасия Андреевна	студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
39.	Куликова Валерия Вадимовна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета

		Российской Федерации
40.	Кушнир Владислав Александрович	курсант Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя
41.	Лукьянов Алексей Олегович	студент Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)
42.	Маджумаев Мурад	аспирант Российского университета дружбы народов
43.	Мажаева Валерия Алексеевна	студент факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
44.	Мартынова Анна Олеговна	студент Московского государственного психолого-педагогического университета
45.	Мартынова Нелли Владимировна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
46.	Мартынюк Эдуард Геннадьевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
47.	Мельников Владислав Максимович	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
48.	Мозгонов Егор Алексеевич	студент факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
49.	Мусаткин Никита Романович	студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
50.	Назаренко Константин Валерьевич	магистрант факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
51.	Насонова Ольга Николаевна	магистрант факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
52.	Нечесова Светлана Валерьевна	студент Московского государственного психолого-педагогического университета
53.	Никитин Никита Анатольевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
54.	Николаев Виктор Ильич	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
55.	Оджахвердиев Джавид Фазил оглы	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
56.	Олейникова Полина Алексеевна	студент Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
57.	Павин Данил Вячеславович	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
58.	Петринский Игорь Олегович	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
59.	Петухова Анна	обучающийся факультета подготовки криминалистов

	Константиновна	Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
60.	Полторацкий Николай Александрович	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
61.	Полякова Нонна Александровна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
62.	Потемкина Анастасия Станиславовна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
63.	Пугарчева Анастасия Юрьевна	студент Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)
64.	Раджабзода Джамшед Иброхим	аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
65.	Руднев Валерий Олегович	студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
66.	Рыжкова Валентина Андреевна	магистрант Сибирского юридического университета
67.	Самородский Дмитрий Сергеевич	студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
68.	Сафонова Татьяна Борисовна	обучающийся факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
69.	Сениченкова Екатерина Юрьевна	студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
70.	Сергиенко Юлия Андреевна	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
71.	Серов Андрей Павлович	студент Сибирского юридического университета
72.	Скшидлевска Эльжбета Витольдовна	аспирант Белорусского государственного университета
73.	Сорокин Дмитрий Алексеевич	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
74.	Студенников Максим Григорьевич	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
75.	Тарасов Матвей Алексеевич	курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
76.	Томашек Владлена Юрьевна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
77.	Ухолова Анастасия Михайловна	аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
78.	Федосеева Елизавета Андреевна	студент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
79.	Хайруллаев Георгий	обучающийся факультета подготовки следователей

	Геннадьевич	Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
80.	Цветкова Лилия Петровна	студент Российского государственного университета правосудия
81.	Чашина Зоя Александровна	студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
82.	Чикалов Олег Валерьевич	курсант Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя
83.	Чубарина Юлия Анатольевна	студент Ростовского филиала Российской таможенной академии
84.	Широбокова Елизавета Сергеевна	студент Удмуртского государственного университета
85.	Щербакова Алена Александровна	обучающийся факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
86.	Юдина Юлия Александровна	студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Список научных руководителей

п/п	ФИО научного руководителя	Информация о научном руководителе
1.	Алихаджиева Инна Саламовна	доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
2.	Афанасьева Ольга Романовна	профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта, доктор юридических наук, доцент
3.	Баракшин Александр Алексеевич	доцент 31 кафедры (криминалистики) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
4.	Баштанникова Елена Владимировна	преподаватель колледжа Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
5.	Бражников Дмитрий Анатольевич	доцент кафедры цифровой криминалистики МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат юридических наук, доцент
6.	Буглаева Елена Анатольевна	доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук
7.	Будай Сергей Николаевич	декан факультета подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции
8.	Бычкова Екатерина Игоревна	доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, майор юстиции
9.	Волохова Ольга Викторовна	доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
10.	Гарига Ольга Анатольевна	доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент
11.	Гивель Лариса Евгеньевна	доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, капитан юстиции
12.	Григорьева Наталья Владимировна	доцент департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской

		Федерации, кандидат юридических наук, доцент
13.	Гулгенов Анатолий Бадмажапович	старший следователь СУ СК России по Республике Бурятия, майор юстиции
14.	Дармаева Валентина Дашеевна	доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, полковник юстиции
15.	Дворянчиков Николай Викторович	декан факультета Юридическая психология, профессор кафедры Клиническая и судебная психология Московского-государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент
16.	Игошин Виктор Викторович	доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, советник юстиции
17.	Ильин Николай Николаевич	доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, майор юстиции
18.	Ильяшевич Татьяна Анатольевна	преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, майор полиции
19.	Истомина Ксения Игоревна	преподаватель кафедры № 21 Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
20.	Калинович Александр Эдуардович	заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции
21.	Карпенко Ольга Александровна	старший преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал), кандидат юридических наук, капитан полиции
22.	Клебанов Лев Романович	профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук
23.	Кобзарев Федор Михайлович	профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
24.	Короткова Ольга Валерьевна	старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук; доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета

		имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
25.	Косарев Максим Николаевич	доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук
26.	Красикова Юлия Юрьевна	заведующий кафедрой управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат психологических наук, доцент, полковник юстиции
27.	Лукомская Анастасия Сергеевна	доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук
28.	Малахов Валерий Петрович	профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Заслуженный работник высшей школы, доктор юридических наук, профессор
29.	Махтаев Махтай Шапиевич	профессор кафедры криминалистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор
30.	Мозговой Олег Алексеевич	доцент кафедры уголовного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
31.	Моисеенко Марина Анатольевна	доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, лейтенант юстиции
32.	Наумова Юлия Николаевна	доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
33.	Новиков Дмитрий Сергеевич	доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, полковник юстиции
34.	Носкова Елена Викторовна	доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Западно-Сибирского филиала РГУП (г. Томск), кандидат юридических наук
35.	Османова Надежда Валерьевна	доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, подполковник юстиции
36.	Петрова Оксана Вениаминовна	старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
37.	Пискунова Елена Владимировна	доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного

		университета правосудия, кандидат юридических наук
38.	Подройкина Инна Андреевна	Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, доктор юридических наук, доцент
39.	Правкина Ирина Николаевна	доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, майор юстиции
40.	Решетов Григорий Анатольевич	доцент кафедры теории и истории государства и права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса
41.	Савин Павел Тимурович	доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, старший лейтенант юстиции
42.	Савинский Александр Васильевич	доцент кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент
43.	Самарин Вадим Игоревич	доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
44.	Сарыгина Элина Сергеевна	доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, лейтенант юстиции
45.	Свободный Феликс Константинович	старший преподаватель кафедры управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы), кандидат психологических наук, доцент, майор юстиции
46.	Седова Галина Ивановна	доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент
47.	Смирнова Ирина Степановна	доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук, доцент
48.	Сотникова Валерия Владимировна	старший преподаватель кафедры уголовного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции
49.	Сунцова Елена Анатольевна	доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции

50.	Сушина Татьяна Евгеньевна	доцент кафедры правового моделирования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
51.	Торбин Юрий Григорьевич	профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
52.	Чекмезова Елена Ивановна	доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук, доцент
53.	Шереметьев Игорь Игоревич	доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
54.	Шуваева Мария Сергеевна	старший преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, подполковник полиции

Содержание

Стр.

IV Всероссийская молодёжная научно-практическая конференция
«Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (30 ноября 2020 года) 3

Секция № 1

«История, теория и правовое регулирование следственной деятельности» 7

Агабалаева Н.Н., Юдина Ю.А. Гринмейл – преступление или законный способ ведения бизнеса? 7

Александрин М.М., Кудрявцев Д.Ю. Нетрадиционные методы ведения следствия: теоретико-правовой аспект 11

Анциферова П.Е. Гражданско-правовая ответственность за нарушение авторских прав 17

Китаев Д.А., Кондрашова А.С. Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве 22

Ковалев А.Г. Проблемы предупреждения отрицательных психических состояний следователя и их решение 28

Куликова А.А. Гражданско-правовые подходы законодательства России и зарубежных стран к нарушению режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов 33

Мартынюк Э.Г. К вопросу о допустимости цифровизации и её пределах в следственной деятельности 38

Мельников В.М. Историческое предназначение военных следственных органов для обеспечения военной безопасности Российской Федерации 42

Никитин Н.А., Павин Д.В., Проблемы осуществления и защиты патентных прав в фармацевтике в период пандемии 46

Полторацкий Н.А. Осуществление торговли людьми посредством совершения купли-продажи человека: взаимосвязь с гражданским законодательством и некоторые проблемы квалификации 52

Полякова Н. А., Хайруллаев Г. Г. Требования, предъявляемые к личности следователя: теоретико-правовой аспект 56

Потемкина А.С. Опека и попечительство в российском законодательстве: проблемный аспект 61

Студенников М.Г. Влияние цифровой экономики на киберпреступность. Проблемные аспекты и пути их решения 65

Томашек В.Ю. Проблемы развития сферы предпринимательства в условиях цифровизации экономики 70

Чикалов О.В. К вопросу о комплексности природы профессионального правосознания следователя 74

Секция № 2

«Современные проблемы уголовного права» 79

Бородин М.С. Уголовное право в эпоху цифровой трансформации, или как противодействовать киберпреступности 79

Гаврилова В.В. Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства в части статьи 126 УК РФ «Похищение человека» 83

Горбунова Д.В., Иванова Е.А. К вопросу о гендерном подходе в уголовном праве 88

Дощатов А.А. Проблемы в применении статьи 96 Уголовного кодекса Российской Федерации (психофизиологический аспект) 92
Имаев В.Э. Проблемные вопросы применения ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации 97
Клепинин П.А. Актуальные проблемы главы 18 Уголовного кодекса РФ под призмой посягательств против несовершеннолетних и пути их решения 102
Клещевников О.К. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых в киберпространстве 106
Ковалева А.Е. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210^1 УК РФ): проблемы ответственности 110
Королева П.А. Проблемы практического применения статьи 122 Уголовного Кодекса Российской Федерации 115
Куликов К.В., Мартынова Н.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи 120
Маджумаев М. Массовые беспорядки в информационном обществе 126
Назаренко К.В. Похищение человека: анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ 132
Насонова О.Н. Объективные и субъективные признаки состава посредничества во взяточничестве. Проблемы определения субъекта и предмета при правоприменении 137
Руднев В.О., Самородский Д.С. Цифровая трансформация противодействия преступности: проблемы и перспективы внедрения новых технологий 141
Рыжкова В.А. Проблемные аспекты уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости 146
Сергиенко Ю.А. Похищение человека: проблемы уголовно-правовой квалификации 150
Сорокин Д.А., Петринский И.О. Проблема введения категории "Уголовный проступок" в уголовное законодательство Российской Федерации 157
Федосеева Е.А. Статья 205.2 УК РФ: проблемы определения объективной стороны состава преступления и возможные пути их решения 162
Чубарина Ю.А. Уголовный проступок – новые реалии или старые просчеты? 167
Щербакова А.А. О необходимости совершенствования правоприменительной практики по вопросам крайней необходимости 171

Секция № 3
Процессуальные проблемы предварительного следствия и пути их разрешения 176

Алимова А.А. Влияние технического прогресса на процессуальную деятельность следователя и руководителя следственного органа 176
Буров В.М. К вопросу о внесении изменений в досудебное соглашение о сотрудничестве при производстве по уголовному делу 180
Вавин Д.В. Проблема подмены следственных действий при производстве предварительного расследования 184
Волков М.А. Взаимодействие следственных и налоговых органов при установлении умысла (субъективных признаков) на совершение налогового преступления 190

Гализин В.В., Лукьянов А.О. Роль и функциональное назначение прокурора при избрании меры пресечения - заключение под стражу 194
Героев И.З. Правовая природа и цель наложения ареста на имущество 198
Гладких И.Н. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения 203
Дёмин А.А. Пределы процессуальной самостоятельности следователя 209
Еремкина Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа 214
Запорожченко А.А. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел по коррупционным преступлениям 218
Куликова А.Н. Проблемы избрания заключения под стражу как меры пресечения и возможные пути их решения 223
Мажаева В.А. Некоторые аспекты реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования 228
Мусаткин Н.Р., Сениченкова Е.Ю. Возможность проведения судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела 234
Николаев В.И. Стадия возбуждения уголовного дела: роль, значение, теоретические дискуссии 238
Оджахвердиев Д.Ф. Проблемы использования иных документов как доказательств в уголовном судопроизводстве 242
Раджабзода Д.И. Проблемы направления запросов о правовой помощи при взаимодействии органов предварительного расследования России и стран СНГ при производстве по уголовным делам 246
Серов А.П. Эксгумация: проблемы нормативной регламентации 250
Скшидлевска Э.В. Внедрение медиации в уголовный процесс Республики Беларусь: от ретроспективы до современности 255
Широбокова Е.С. Отдельные проблемы предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий 262

Секция № 4

Криминалистическое обеспечение следственной деятельности 268
Галимова Р.Р. Технико-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования наркопреступлений: современность и перспективы развития 268
Дарбанди Д.С. Использование когнитивного интервью при проведении допроса малолетних жертв сексуальных посягательств 273
Дзюба А.О. Тактика производства допроса при расследовании мошенничества в сфере кредитования 279
Жукова А.А. Применение беспилотных летательных аппаратов при расследовании и раскрытии преступлений в условиях современности 283
Золотова Ю.А. Использование 3Dтехнологий и технологий виртуальной реальности при осмотре места происшествия 287
Камнева А.Г. Половозрастная дифференциация тактических приемов допроса жертв сексуального насилия: постановка проблемы 292
Коджоглян К.А. Цифровой захват отпечатков пальцев в условиях идентификации жертв стихийных бедствий 295
Красилова В.А. Тактические особенности производства следственного

эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений 300
Кушнир В.А. Актуальные вопросы выявления и изъятия виртуальных следов при расследовании преступлений в сфере компьютерной безопасности 306
Мартынова А.О. Особенности составления проспективного портрета в отношении «чистых» типов серийных сексуальных преступников 312
Мозгонов Е.А. Применение психологических знаний в ходе расследования преступлений 317
Нечесова С.В. Клинические аспекты криминального поведения серийных сексуальных убийц и их использование в географическом профилировании 321
Олейникова П.А. Применение информации из социальных сетей в расследовании и раскрытии преступлений 328
Петухова А.К. Осмотр места происшествия как источник информации о личности преступника при расследовании преступлений против половой неприкосновенности малолетних 334
Пугарчева А.Ю. Типичные следственные ситуации расследования терроризма 338
Сафонова Т. Б. Некоторые проблемы оценки допустимости заключения эксперта-экономиста следователем 343
Тарасов М.А. Методика расследования преступных посягательств против порядка подчинённости, совершаемых с применением оружия 349
Цветкова Л.П. Особенности производства следственного осмотра в целях обнаружения захоронений: обзор современных работ зарубежных авторов 356
Чашина З.А. Банковские мошенничества с векселями: особенности объективной стороны и специфика методики расследования 363
Список участников конференции 369
Список научных руководителей 374

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ, ИХ РЕШЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

материалы IV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции

(30 ноября 2020 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

ISBN 978-5-6044086-6-7

Подписано в печать 01.02.2021

Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 23,8
Тираж 100 экз.
Печать офсетная
Заказ № 283

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12